S 92
40
1903 (T. 1)

НЕ КОПИРОВАТЬ

МОСКОВСКАЯ
КВАРТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

S 92/40
201-90
9999-5
1 вкл
Епархіальная библіотека

В. В. Розановъ.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.
1903.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Ц. 5 р.

Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго. Ц. 1 р. 50 к.

Природа и исторія. Ц. 1 р.

Религія и культура. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по образованію. Ц. 1 р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ, Ѳ. М. Достоевскаго. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Литературные очерки. Ц. 1 р.

Выписывающіе эти книги отъ автора (С.-Петербургъ, Шпалерная, д. 39) за пересылку не платятъ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ФР 15707-35
2007041662

Оглавленіе I-го тома.

Стр.

Предисловіе.

Законодательная помощь семьѣ . . . . . I—XIV

Семья какъ предметъ закона 1

Судъ Линча. 8

Запоздалое судоговоренье 10

Объ «отреченныхъ» или апокрифическихъ дѣтяхъ 13

Границы нашей эры 37

Упадокъ семьи 53

Внѣ совѣсти и Бога 65

О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи 72

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

I. Еще изъ наблюденій надъ природою. *Н. Энгельгардтъ.* . 85

II. Открытое письмо г. Розанову, какъ автору „Непорочной семьи". *Геннадій Ел—евъ.* 88

III. Separation de corps, а не разводъ. *Ю. Б—на.* 90

IV. Семья—дѣти—религія. *Геннадій Ел—евъ.* 93

Юридическая ткань около семьи.

Дѣти при возможномъ разводѣ 99

Укрѣпленіе семьи 101

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

V. Еще о separation de corps. *Ю. Б—на.* 105

VI. Колыбель. *І. Колышко.* 109

Элементы брака 121

По поводу законопроекта о «разлученіи супруговъ» 125

Разговоръ со старцемъ 127

Одно воспоминаніе 128

Стр.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VII. Кто, какъ и почему страдаетъ:

1. Письмо *Анны С—нъ*. 133
2. Письмо *С. Ч—ской* 135
3. Письмо *анонима* 137

Смѣшанные присяжные суды въ вопросахъ семьи и брака . . 139

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VIII. Открытое письмо В. В. Розанову. *А. Скопинской*. 142

IX. Изъ закрытыхъ писемъ:

1. Письмо *Незнакомца*. 144
2. Письмо *Св—на*. 146
3. Письмо *Х—скаго*. 147

X. Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ; по поводу статей г. Розанова. *К. Сильченковъ* . 149

XI. О христіанскомъ бракѣ. Изъ „*Странника*“ 169

Отвѣтъ г. К. Сильченкову 173

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

XII. О страстномъ въ человѣкѣ началѣ:

1. Письмо *А. Устьинскаго*. 179
2. Письмо *С. Б—хъ*. 180

XIII. Христіанскіе будни. Изъ хроники жизни:

1. Истязаніе 17-лѣтней Тимофѣевой мужемъ и свекромъ. 187
2. Удобства холостого положенія и неудобство семейнаго. 188
3. Запросъ въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Отвѣтъ редакціи“. 189
4. Истязаніе больной. 190
5. Дѣло Елены Боргановской 191

Христіанскія утѣшенія:

Передъ клубомъ 193

На лекціи по семейному праву г. Б. Никольскаго . . . 197

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

XIV. По поводу толковъ о разводѣ. *Н. Осиповъ*. 201

О перемѣнѣ разводящей инстанціи.

Открытое письмо въ редакцію «Новаго Времени» . . . 208

Еще о критеріумѣ семьи и брака. 210

Кто лучшій судья семейныхъ разладовъ 213

Къ полемикѣ гг. Чижа, Ковалевскаго и А—та. 216

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XV. Случай изъ жизни гр. Л. Н. Толстого. 222

XVI. Подъ спудомъ. . . . . —

Стр.
XVII. Случай въ Клиникахъ Виллiе. 223
XVIII. Что надобно имѣть въ виду при изысканiи мѣръ къ устраненiю незаконныхъ сожительствъ? Докладъ Пастырскому собранiю С.-Петербургскаго духовенства 1-го декабря 1898 года. Священникъ *А. А. Дерновъ*. . . . 224
XIX. Пастырское собранiе по вопросу о незаконныхъ сожительствахъ и мѣрахъ для борьбы съ этимъ зломъ. . . 274
XX. О мѣрахъ для борьбы съ безнравственностью, по поводу доклада пастырскому собранiю 1-го декабря 1898 г. *Novicius*. 286
Религiя жизнетворчества 298

Рисунки:

Мать какъ снитезъ растительнаго, животнаго и солнечнаго. Со стѣны египетскаго храма 300
Начало одушевленiя и окрыленности въ человѣкѣ. Со стѣны египетскаго храма 306
Откуда и какъ родилась «religio» какъ связь земли и неба, и видимаго съ невидимымъ. Изъ стѣнной живописи большаго храма въ Дендерахъ 309
Изъ египетской домашней жизни 310
Изъ быта халдѣевъ 311

МОСКОВСК... ЕПАРХІАЛЬ... БИБЛІОТЕК...

И молилась Анна въ Храмѣ и говорила: «Возрадовалось сердце мое въ Господѣ; *возносится рогъ мой въ Богѣ моемъ;* широко разверзлись уста мои на враговъ моихъ, ибо я радуюсь о спасеніи Твоемъ.

«Не умножайте рѣчей своихъ, надменные; ибо Богъ все вѣдаетъ, и дѣла ваши у него взвѣшены.

«Лукъ сильныхъ преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; *даже безплодная рождаетъ семь разъ, а многочадная—изнемогаетъ.*

«Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возвышаетъ. Изъ праха подъемлетъ Онъ бѣднаго, изъ персти возвышаетъ нищаго, посаждая съ вельможами, и престолъ славы даетъ имъ въ наслѣдіе. Ибо *у Господа основанія земли и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную.*

«Стопы святыхъ своихъ Онъ блюдетъ, а беззаконные во тьмѣ исчезаютъ; ибо не силою крѣпокъ человѣкъ.

«Господь сотретъ препирающихся съ Нимъ. *Онъ будетъ судить концы земли* и дастъ крѣпость царю Своему и *возноситъ рогъ помазанника Своего*».

Царствъ I, 2.

Съ того дня, какъ разрушенъ Храмъ — плоды земли потеряли *вкусъ и сочность.*

Мишна, тракт. «Сота», IX.

И спросилъ Давидъ посланнаго: «благополученъ-ли отрокъ Авессаломъ?». Онъ отвѣтилъ: «да будетъ съ врагами господина моего царя тоже, что постигло отрока».

И смутился царь, и пошелъ въ горницу надъ воротами, и плакалъ, и когда шелъ, говорилъ такъ: «сынъ мой, Авессаломъ! сынъ мой, сынъ мой Авессаломъ! о, кто далъ-бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой!»

Царствъ II, 18.

...и говорилъ Давидъ, поспѣшая: «Боже! разрушь совѣтъ Ахитофела!..»

Царствъ II, 15.

Семья никогда не дѣлалась у насъ предметомъ философскаго изслѣдованія, оставаясь темой богатаго художественнаго (беллетристическаго) воспроизведенія, поэтическаго восхищенія, наконецъ—шутокъ, пародій, и чѣмъ дальше—тѣмъ больше переходя въ пищу послѣднихъ. Таково явное, en face, къ ней отношеніе. Позади, въ темномъ фонѣ, стоитъ странное къ ней недоброжелательство-ли, или недовѣріе, сомнѣніе о ея силахъ и плодѣ: женщина—это „причина грѣха человѣческаго", вниманіе къ ней — недоброкачественно, любовь—обольстительное и тѣмъ болѣе опасное ощущеніе, сладкій ядъ „искушенія"; дѣти, плодъ сближенія, уже съ самаго рожденія — осуждены. И только молитва *очистительная* надъ роженицею смываетъ, очищаетъ грѣхъ появленія человѣка на землѣ. При этомъ мало замѣчается слѣдующее. Въ то время, какъ наши радости „en face" семьи самое бо́льшее если доставляютъ удовольствіе чтенія семейнымъ людямъ,—печальный и унылый на нее взглядъ изъ-за спины, будучи менѣе видимымъ, видимымъ только въ немногія минуты *начала* семьи (заключенія брака) или *окончанія* ея (разводъ), въ сущности краткимъ и вѣскимъ своимъ сужденіемъ опредѣляетъ ея судьбы, теченіе, всю нормировку. Удивляться-ли, что ноты унынія, прозвучавшія au fond явленія, въ самомъ его началѣ, отдаютъ унынiемъ потомъ и до послѣднихъ уголковъ семьи. Счастлива та семья, которая по свойствамъ мужа и жены, *по удачѣ*—ибо непогрѣшительное предвидѣніе тутъ невозможно—*ихъ взаимнаго сложенія*, вышла счастлива. Она нѣжится въ парахъ собственнаго благоуханія. Я повторяю—„собственнаго": это необходимо. Но горе, если ее постигла судьба Улисса послѣ Трои,—бури, лукавство, случайности, препятствія,—живыя обстоятельства всего живого. Тогда унылый голосъ изъ-за спины выдвигается во весь ростъ. Онъ звучитъ „отходную": люди погибли, и навсегда, люди иногда въ обѣихъ сторонахъ здоровые и нравственные (см. въ I-мъ томѣ стр. 88, 93 и слѣд., письма г. *Геннандія Ел—ва*), иногда порочныя, но только въ одной сторонѣ, при цвѣтущемъ нравственномъ здоровьѣ другой (см. стр. 133—135, поразительное письмо *Анны С—нъ*). Объ нихъ—нѣтъ сужденія. Въ ихъ судьбу—нѣтъ вглядыванья.

Несчастные получаютъ судьбу „утопленника“ въ стихотвореніи Пушкина:

И отъ берега крутóго
Оттолкнулъ его весломъ...
И мертвецъ нашъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Судьба эта ужасна. И поразительнѣе всего, что само общество какъ будто стало на защиту своей темницы. Увы, поэзія и беллетристика пѣла прекрасное. Но едва случалось несчастіе, какъ вся сила любви къ прекрасному обрушивалась, преобразившись въ черную ненависть, именно на тонущій-то корабль:

И отъ берега крутого
Оттолкнемъ его весломъ,—
Пусть плыветъ мертвецъ тотъ снова
За могилой и крестомъ.

Позволяю себѣ маленькую передѣлку стиха Пушкина, потомучто ужъ очень хорошо онъ выражаетъ положеніе вещей. Здоровые на берегу всею силою своего здоровья и всею цѣпкостью за здоровье ненавидятъ „утопленника“ семейнаго положенія, въ какомъто ослѣпленіи не замѣчая, что онъ входитъ и *останется* необходимою составною цифрою въ итогѣ общаго благополучія, въ картинѣ нравовъ страны. Далѣе. Въ психологію внутреннюю такихъ семей никто не вглядывался, по крайней мѣрѣ *дѣловымъ образомъ*. Напрасно высшіе живописцы, какъ Тургеневъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и Толстой въ „Аннѣ Карениной“ показывали, что не все здѣсь мертво, что собственно „потонувшая“ пара состоитъ изъ мертвеца и изъ живого, котораго мертвецъ зажалъ въ объятьяхъ. Сама ошибка Толстого, бросившаго несчастную Анну подъ поѣздъ, при всемъ авторскомъ сознаніи даровъ ея души, ея прямодушія, честности, ума—лучше всего иллюстрируетъ странный и темный фанатизмъ общества противъ несчастныхъ семей. Даже геній впадалъ въ безумный бредъ, видя здѣсь не бѣдствіе, въ которое надо вдуматься и ему помочь, а — *зло*, которое онъ ненавидѣлъ и въ тайнѣ души именовалъ „безпутствомъ“. Анна, видите-ли, „чувственна“, какъ будто самъ Толстой, дитя-Толстой 72 года назадъ не явился изъ чувственнаго акта. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—будто бы слова эти звучатъ отъ Бога за преданность и послѣдованіе людей *Его*-же заповѣданію: „вкусите всѣхъ *плодовъ* земныхъ, *растите*сь, множитесь; *наполните* землю“. Быт. I, т. е. „огласите ее криками радости бытія своего и согрѣйте нѣжностью и ласкою другъ къ другу“. Да, это поразительно, что два величайшія произведенія благородной литературы русской, „Евгеній Онѣгинъ“ и „Анна Каренина“, посвящены апоѳеозу *безплодной* семьи, и—*муктъ*, *страдальчеству* въ семьѣ. „Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ“—слова, которыя я отнесъ бы къ *не*-рождающимъ, *безъ*-плоднымъ,—печально прозвучали у

великаго старца съ духовно-скопческой тенденціей, которая послѣ „Анны Карениной“ еще сильнѣе зазвучитъ въ „Смерти Ивана Ильича“ (чувство его отвращенія къ женѣ и дочери) и наконецъ станетъ „единымъ на потребу“ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Любовь, какъ *любованіе*, какъ *привѣтъ* и *ласка, обогихъ* согрѣвающая — это грѣхъ; „тѣло и *духъ тѣлесности*—не чисты“. Тогда мы, глядя на уклоненіе даже геніевъ, даже протестующихъ относительно всего другого, съ ужасомъ догадываемся, что унылый голосъ изъ-за спины, звучащій рѣдко, но фундаментально о похоронахъ семьи, пропиталъ всѣ фибры европейскаго духа. Побѣдить эту мысль невѣроятно трудно. Проходятъ годы размышленія, пока наконецъ умъ, вертящійся какъ бѣлка въ колесѣ, хватается въ своемъ родѣ за ньютоновское яблоко. Это—соображеніе: „да съ *кѣмъ*-же въ концѣ концовъ *союзитъ* унылый духъ?“ Лизу Калитину онъ погубилъ, Лаврецкаго—также, Анну—тоже; но нѣтъ-ли такого, кому бы онъ *помогъ* и *обезпечилъ* въ пользованіи всѣми выгодами захваченнаго положенія? Конечно—это русская параллель Марты, подруги Гретхенъ, съ которою, вы помните, прохаживается и любезничаетъ Мефистофель. Унылый духъ есть ужасный каламбуристъ и весельчакъ, и въ то время какъ поетъ панихиду Лизѣ Калитиной, онъ пьетъ за здравіе m-me Лаврецкой и ея парижскихъ и петербургскихъ обожателей. Онъ ее не только не ведетъ въ монастырь, но укрѣпляетъ за ней всѣ земли Лаврецкаго, его честное имя, возможную пенсію, дѣлаетъ ее важною дамою и записываетъ въ родословныя книги какъ „столбовую дворянку“, добродѣтельную не менѣе, чѣмъ Рахиль и Сарра. Я говорю, что догадка эта —ньютоновское яблоко. Ибо кто-же бы могъ подумать, что творецъ „Анны Карениной“ запутался въ тенетахъ „чернаго пуделя“, онъ-же Мефистофель, которому нисколько не обязательно ходить по землѣ въ красной мантильѣ и въ блескѣ пламени, но онъ можетъ преспокойно переодѣться въ подрясникъ того бурсака, который, по Гоголю („Сорочинская ярмарка“) перелѣзалъ черезъ заборъ къ своей возлюбленной Солохѣ. Такимъ образомъ съ распутываніемъ семейныхъ узловъ, именно съ размышленіемъ, отчего въ Европѣ все такъ *трудно* въ семьѣ, около семьи, по поводу семьи,—мы входимъ въ завязь глубочайшихъ философскихъ проблемъ. И вопросъ практическій становится религіознымъ и метафизическимъ,—который тѣмъ интереснѣе дѣлается, содержательнѣе, тѣмъ сильнѣе волнуетъ, чѣмъ зорче и долѣе мы къ нему приглядываемся...

Вернусь нѣсколько назадъ. Никогда поэзія и беллетристика, въ силу отсутствія въ нихъ анализа и документа, въ силу вмѣшательства здѣсь воображенія и обольщенія (своею темою) авторовъ, не можетъ заглушить, подавить унылаго голоса сзади, который рѣшилъ: „не помогайте“ о всемъ, о чемъ онъ-же рѣшилъ: „это—*худое* явленіе, въ *корнѣ* уже грѣховное“. Здѣсь нуженъ анализъ и документъ. Въ

настоящей книгѣ, которая стоила автору изнурительного годового труда въ одной только *редакціонной* своей части, и дана и собрана эта *документальная, доказательная* сторона вопроса о семьѣ. Къ ней, какъ къ нѣкоему архиву и психологическихъ и соціальныхъ свидѣтельствъ, а вмѣстѣ и какъ къ почти „Словарю“ мнѣній, теорій по вопросу о семьѣ, придется долго возвращаться всякому ея изслѣдователю.

Вѣсы въ здѣсь поднятыхъ спорахъ, нѣтъ сомнѣнія, склонятся и уже склоняются въ мою сторону [1]). Читатели будутъ видѣть, какъ встрѣчена была моя мысль о разводѣ первоначально. Въ „Матерьялы“ я не ввелъ только по ея обширности патетическую статью изъ „Богословск. Вѣстн.“, принадлежащую г. *Л. И.:* „Христіанскій бракъ“. Онъ писалъ въ 1899 г.: „съ великой грустью и болью читаю я статьи г. Розанова о бракѣ и семьѣ. Несомнѣнно, намѣренія у автора добрыя—защитить, поддержать падающую и разлагающуюся семью. Но авторъ не подозрѣваетъ, какую недобрую услугу оказываетъ онъ семьѣ, защищая ее такими доводами и предлагая къ исцѣленію ея такія мѣры (т. е. разводъ). Онъ не догадывается, что рубитъ послѣдній сукъ, послѣ чего несомнѣнно послѣдуетъ паденіе, отнимаетъ у семьи то послѣднее, доброе и святое, чѣмъ еще она держится въ настоящее время. Онъ средь бѣла дня сознательно грабитъ семью, безжалостно разрушаетъ ее, разбираетъ это сложное зданіе до послѣдняго камня. Не замѣчаетъ онъ, какъ своею подобною проповѣдью о бракѣ широко открываетъ двери тому ужасному произволу, о которомъ такъ краснорѣчиво самъ писалъ. Нѣтъ, не достигнуть семейнаго счастья, полагая его теоріи въ основу семьи, и не сохранитъ брачнаго союза, освященнаго свыше властью, до гробовой доски. Положить его принципы въ основу семьи—значитъ погубить семью. Если хотятъ залить землю еще большею грязью, большими стонами, бо́льшими кровавыми изъянами, то пусть сдѣлаютъ это. Но проклятія изрекутъ тому человѣку всякія благородныя уста“. Съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ пишетъ авторъ, какъ бы забывая, что до „моихъ принциповъ“ мы имѣли кровавыя исторіи Скублинской, Коноваловой, и tutti quanti, заставлявшіе содрагаться всю Россію, да и цѣлый европейскій міръ; что опытъ насильственной,—насильственно-принудительной для однихъ паръ и насильственно-запрещенной для другихъ паръ,—семьи прошелъ весь свой кругъ испытанія въ десяти-вѣковой исторіи Европы,

---

[1]) Сей часъ, какъ я готовлю это предисловіе, въ срокъ между отдачею рукописи въ наборъ и ея корректурой, появился (29 Іюня 1902 г.) органическій законъ о *матерьяхъ* („Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей“) въ $^2/_3$ выполняющій то, на чемъ я настаивалъ печатно въ 1899—1902 гг. и что было встрѣчено неслыханно-озлобленной полемикой. См. здѣсь, кромѣ частныхъ писемъ, обширные „доклады“ и разсужденія *А. А. Дернова, Navicios'a, А. И. Кирѣева* и др.

всѣхъ ея народностей, и сказалъ все, что могъ, въ свое оправданіе. Это „оправданіе"—грязь; грязь и злоба; грязь и кровь. Нарывъ болящій, не вскрываемый, но сквозь оболочку котораго просачивается бурый гной, перемѣшанный съ пятнами темной, зараженной крови. Самъ авторъ, г. *Л. И.*, въ цитированной статьѣ пишетъ, попадаясь въ сѣть, мнѣ-же разставляемую: „Однажды я читалъ чинъ исповѣди миряпъ по очень старинному требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали миряне въ то время. Здѣсь упоминался грѣхъ нарушенія супругами супружеской вѣрности,—далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно! Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія; глубины которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, но и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ не женатымъ" („Богословскій Вѣстникъ", декабрь 1899, стр. 329). Я захлопываю на этомъ мѣстѣ защелку клѣтки и разсматриваю въ ней попавшагося богослова. *Что-же* онъ исповѣдуетъ? что „всяческая мерзость", недопустимая, невообразимая, жила и пусть живетъ въ „Христіанскомъ бракѣ" (заглавіе его статьи, какъ бы противопоставляющей „христіанскій бракъ" моимъ принципомъ),—только бы развода не было и сохранилось единство квартиры и паспорта. *Откуда-же, кѣмъ-же нагнетена въ семью грязь?* Да вотъ этой самой *процаемостью* снисходительнаго посѣтителя Солохи, онъ-же и Мефистофель... Но уже начинается не одна грязь, а слезы и кровь, когда чистая сторона, не въ силахъ будучи глотать грязи, и приходя въ судъ испрашивать расторженія узъ, встрѣчаетъ „воздыхающій" отвѣтъ: „охъ, всѣ согрѣшили! потерпи, матушка (или—батюшка); палъ Адамъ; почитай требники и чинъ исповѣди: то-ли найдешь, что у тебя; ужъ какъ-нибудь понеси крестъ, а святого таинства нарушить нельзя". Наконецъ, чтобы анализировать, да что́-же наконецъ какъ *абсолютное* sine qua non содержится въ бракѣ, котораго нашъ моралистъ никакъ не хочетъ выпустить изъ обладанія, мы ловимъ его на слѣдующихъ словахъ: „Характерно и замѣчательно въ данномъ случаѣ и слѣдующее: если надъ имѣющими вступить въ бракъ совершено таинство брака согласно со всѣми существующими на этотъ предметъ мудрыми церковными узаконеніями,—то по нашимъ законамъ бракъ считается дѣйствительнымъ и фактически совершившимся, *хотя бы брачная жизнь послѣ этого никогда не начиналась.* И не вступая въ эти (т. е. плотскія) отношенія, сочетавшіеся считаются мужемъ и женою. Исторія показываетъ

намъ не мало подобныхъ примѣровъ. Но никогда брака не бываетъ тамъ, гдѣ эти церковно-каноническія узаконенія не примѣняются. *Страсть* не образуетъ и не *составляетъ* брака, а вовлекаетъ только человѣка въ *грѣхъ*, *паденіе*, въ *грѣховное состояніе*" (тамъ-же, стр. 310).

Конечно, авторъ *фактически* пишетъ истину,—но каковъ-же ея *смыслъ*?!! Изъ словъ Спасителя: „и будуть два *въ плоть* едину,—что́ Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ", вынуто главное слово „плоть", и такимъ образомъ формула эта въ нашемъ теперешнемъ законѣ читается такъ: „и будутъ два въ..... едино.—что́ Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ". Но что́-же — когда плоть и супружество выгнаны, исключены, — остается? —Да остается какъ sine qua non *гражданское* отношеніе, одно-*фамильность*, одно-*имущественность*, обще-*юридичность*! И совершенно очевидно, что мы и имѣемъ, а авторъ-богословъ защищаетъ въ богословскомъ журналѣ такъ называемый гражданскій бракъ, юридическую вещицу, но только въ религіозной обработкѣ и подъ религіозною номенклатурою. Я говорю, что Мефистофель—каламбуристъ и когда вамъ кажется, что онъ плачетъ, онъ тутъ-то болѣе всего и смѣется:

Супружества какъ *непремѣннаго отношенія* въ европейскомъ бракѣ *нѣтъ*.

Дѣтей какъ conditio sine qua non *нѣтъ-же* въ немъ.

Да и *ничего вообще* реальнаго въ немъ нѣтъ, кромѣ курульныхъ креселъ предсѣдательствующихъ: это conditio sine qua non.

Я говорю,—*анализа* не было; и настоящая книга прямо вводитъ насъ въ познаніе дѣйствительности. Это такъ сказать ревизіонная повѣрка „наличной дѣйствительности" казначейства; и если въ немъ вмѣсто золота лежатъ недостовѣрныя бумажки, когда въ книгахъ вездѣ написано: „золото въ слиткахъ", „золото въ монетѣ", то это уже скорбь не ревизующаго.

Приведенныя цитаты писались въ 1899 году,—послѣ появленія статьи: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи". Длинно, сложно тянулась полемика, захвативъ въ отголоскахъ почти всю нашу печать. Истина такъ сильно стала входить въ сознаніе, а обвиненія, предъявленныя къ „воздыхающимъ о грѣхахъ міра", были столь явны, убѣдительны и тягостны по смыслу своему, что началось отступленіе по всей линіи сперва консервативной печати, а наконецъ и богословской (см. II-ой томъ), и, наконецъ, истину признали іерархическіе сферы. Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда въ составѣ цѣлой группы писателей Д. С. Мережковскаго, Н. М. Минскаго, В. С. Миролюбова, В. А. Тернавцева, и я вступилъ въ покои Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго Антонія, для испрошенія благословенія на открытіе Философско-религіозныхъ собраній, то во время бесѣды, затѣмъ послѣдовавшей, Владыко, касаясь разныхъ вопросовъ, между прочимъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „ну, вотъ

просъ о разводѣ почти конченъ. Мы скоро вовсе устранимся отъ
оизводства его и передадимъ веденіе дѣла свѣтскимъ судамъ;
храняя за собою только скрѣпленіе окончательнаго результата".

Но было-бы напрасно думать, что этимъ вопросъ *кончается*.
ужна *чистая* семья Европѣ, а вовсе не то, чтобы она отъ церкви
решла въ компетенцію государства. Это можетъ составлять инте-
съ отношеній между государствомъ и церковью, но это не инте-
съ семьи. У семьи свое дѣло, своя цѣль, свои права, отъ Бога
ущія, свои задачи: *дѣти* и ихъ *воспитаніе*, *супруги* и ихъ *жизнь*.
сударство, суды могутъ стать такой-же „палкой въ колесѣ",
къ были и консисторіи. Чѣмъ собраніе чиновниковъ лучше со-
ація чиновъ консисторіи? Суды и судьи могутъ быть прекрасны
первой четверти XX-го вѣка, но ничто не гарантируетъ ихъ
чествъ въ послѣдней четверти того-же вѣка. Да и вообще это
ло — вѣковое, тысячелѣтее, гдѣ „вѣянія" минуты и поко-
нія ничего не гарантируютъ. Переводъ инстанціи разводящей,
вшей. десять вѣковъ въ рукахъ церкви, въ руки государства,
кетъ окостенѣть въ несовершенныхъ и подлежащихъ порчѣ
ханизмахъ послѣдняго. Опять всѣ выиграютъ, кромѣ семьи.
ять всѣ будутъ счастливы и властительны, кромѣ *ребенка*, *мужа*
жены, -которымъ почти изъ устъ въ ухо и даны-всѣ великія
тованія и завѣты семьи. Если эти будутъ въ проигрышѣ — все
о остается проиграннымъ; и авторъ этой книги имѣетъ причины
кать. Въ этомъ отношеніи слова митрополита Антонія, сказавъ
з новое, сказавъ даже утѣшительное, не сказали окончательнаго
ткрыли только перспективу новыхъ будущихъ заботъ. Семья — *само*-кефальное (*само*-возглавленное, имѣющее *свою у себя* главу) яв-
іе; древняя, первая Богу церковь на землѣ. И что такъ славно,
вно, велико, священно—не можетъ получить господъ ниже себя.
ьдмаршалъ Суворовъ да не маршируетъ подъ командой капрала.
совѣту всякаго,—государства, церкви, философа, поэта,—ушп
ы должны и могутъ быть раскрыты; и уваженіе семьи, „охра-
іе святого таинства брака", и должно быть конечно не юриди-
имъ, а нравственнымъ, и выразиться во всеобщей,—какъ лич-
ей, такъ и учрежденій, — готовности помочь, посовѣтовать,
гчить, *во всѣхъ видахъ ей послужить*, въ случаѣ крушенія—
плакать; а не въ этомъ „атуканьи" на семейныхъ людей, которое
ихъ поръ одно неслось на ребенка, мать и отца его, на супру-
со стороны чиновниковъ, полиціи, но болѣе всего —въ этомъ
но признаться отъ „оплакивающихъ грѣхи міра" людей. Этихъ
никовъ" на себя, ни съ которой стороны, фельдмаршалъ семьи
равѣ просто не выслушивать отъ окружающихъ ее капраловъ,
Читатель увидитъ въ „Матерьялахъ къ разрѣшенію вопроса".
во всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, во всѣхъ юриди-
ихъ и каноническихъ сужденіяхъ о семьѣ—отсутствуетъ самая

наличность семьи, какъ нравственной и авторитетной силы, какъ уважаемой силы. Просто — этого не приходитъ въ голову судящимъ. Объ ней толкуютъ какъ о перегоняемомъ изъ губерніи въ губернію убойномъ скотѣ, который своихъ интересовъ не имѣетъ, а въ немъ имѣютъ другіе свой интересъ. Вотъ загнали въ консисторію; вотъ вывели оттуда — и гонятъ въ окружные суды. Что семья должна быть пассивна, молчалива, терпѣлива; что семьи вовсе, какъ живого факта, нѣтъ, а есть почти только „ревизская сказка о мертвахъ душахъ", передаваемая изъ однѣхъ рукъ въ другія. безъ фактическаго перевода „душъ" положимъ изъ Калужской въ Херсонскую губернію,—въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія у разсуждающихъ. Не только сто лѣтъ секретарь духовной консисторіи выходилъ бариномъ передъ лицо Лаврецкаго и Калитиной, людей праведныхъ, людей прекрасныхъ, людей сравнительно съ нимъ святыхъ: и, высокомѣрно смѣривъ ихъ глазомъ, „отказывалъ" имъ въ правѣ брака, „приказывалъ" Лизѣ идти въ монастырь, а Лаврецкому изъ Тамбова жить вмѣстѣ съ m-me Лаврецкой изъ Парижа. „или все равно—дѣлать видъ, что они живутъ вмѣстѣ"; не только, повторяю, это было: но мучитель-господинъ считалъ себя почти оскорбленнымъ въ существованіи самымъ бытіемъ Калитиной и Лаврецкаго, появленіемъ передъ собой этихъ „илотовъ" брака, чѣмъ-то недовольныхъ, въ чемъ-то неустроившихся, когда онъ все устроилъ для нихъ, „приказавъ" — какъ говорятъ о покойникахъ „долго жить".

Между тѣмъ, всѣ рѣшительно слова, въ Библіи, въ Евангеліи, и сказаны Лаврецкому и Калитиной; все—*имъ* дано, *однимъ* имъ, безъ посредствующаго третьяго. Мужъ и жена выслушали *къ* себѣ и *объ* себѣ такія слова изъ устъ непосредственно Божіихъ, какихъ ни государства, ни народы, ни іерархическія учрежденія и приблизительно не слышали себѣ и о себѣ. Право, съ какою-то завистью короли и кардиналы должны-бы обходить вокругъ Ромео и Юліи: „ахъ, что *вамъ* было сказано! о, еслибы *и намъ* подобное услышать! Но нѣтъ, слова о насъ коротенькія, неясныя, скорѣй намеки, чѣмъ слова; а о васъ все такъ полно и полноцѣнно въ *Священномъ Писаніи*. Счастливцы. Завидуемъ и не завидуемъ: ибо вы какіе-то кроткіе, и сіяя счастьемъ — точно хотите его раздарить всему міру". Такимъ образомъ совершенно поразительно, что семья, т. е. ребенокъ и родители, изъ того царственнаго положенія, столь ясно въ документахъ за ними закрѣпленнаго, перешла въ позоръ ну хоть вотъ сегошняго газетнаго сообщенія: (сохраняю и цетитъ, и даже пропускъ „ъ"):

„20-го іюня на огородѣ по Петергофскому шоссе одна из работниц, крестьянская дѣвица Анна Иванова, не вышла на работу. Иванова жаловалась на головную боль, но окружающіе не повѣрили ей, а в виду беременности ея, послали за акушеркой. При освидѣтельствованіи ея послѣдняя нашла, что Иванова уже разрѣшилась от бремени. Когда не-

счастную стали спрашивать, куда она дѣвала своего ребенка, то послѣ попытки запирательства и видя, что это ни к чему не ведет, она разсказала, что родила въ сараѣ наканунѣ, ночью. Младенецъ плакалъ; изъ боязни, чтобы крикъ его не былъ услышанъ, побуждаемая чувствомъ стыда, рѣшилась задушить дитя и для этого набила ему ротъ пескомъ. Послѣ этого младенецъ затихъ и пересталъ дышать. Тогда Иванова завернула его в платокъ и спрятала в банѣ. Трупъ младенца найденъ в указанном Ивановою мѣстѣ. Дѣтоубійца арестована".

Какъ страшно. Сколько предмета для мысли. О, какая тутъ философія! Позвольте. Да что-же такое совершилось въ исторіи? Вѣдь это очевидно *на исходѣ* длинной -какъ говорятъ, ученые - «эволюціи», какихъ-то перемѣнъ, трансформацій, перерожденій, «перевоплощеній» почти; вѣдь несчастная *о себѣ* ничего не понимаетъ, какъ и окружающіе о ней ничего не понимаютъ, ибо сейчасъ уже дѣйствуетъ одинъ механизмъ, привычка, заржавѣвшая гильотина. Но... «отъ начала было не такъ»!—какъ сказалъ нашъ Спаситель въ единственномъ случаѣ, когда по поводу развода онъ заговорилъ съ книжниками о бракѣ. Въ началѣ было не такъ!! А *какъ-же* было? Открываю книгу документовъ и выписываю *всѣ* мѣста параллельно: 1) о младенцѣ, 2) о пресвитерѣ.

О младенцѣ.

Марка, 9, 33—37. Спаситель спросилъ учениковъ: „о чемъ дорогою вы разсуждали между собою"?

Они молчали, потому-что дорогою разсуждали между собою о томъ, кто больше.

И сѣвъ, Іисусъ призвалъ двѣнадцать и сказалъ имъ: „кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слугою".

И взявъ дитя, поставилъ его посреди нихъ и, *обнявъ его*, сказалъ имъ:

„Кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня; а кто Меня принимаетъ, тотъ не Меня принимаетъ, но и Пославшаго Меня".

Луки, 18, 15—17. Приносили къ Нему и младенцевъ, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ; ученики-же, видя то, возбраняли имъ.

Но Іисусъ, подозвавъ ихъ, сказалъ: „пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ, ибо *таковыхъ есть Царство Божіе*".

„Истинно говорю вамъ: *кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него*".

Матвея, 21, 15—16. Первосвященники-же и книжники, видѣвши чудеса, которыя Онъ сотворилъ, и дѣтей, восклицающихъ въ храмѣ и говорящихъ: „осанна Сыну Давидову!" вознегодавали и сказали Ему: „слышишь-ли, что они говорятъ?" Іисусъ-же говоритъ имъ: „да! но развѣ

О пресвитерѣ.

Посланіе Іакова, 5, 14. Болитъ-ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитера церкви.

I. Тимоѳею, 5, 17. Достойно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь.

Къ Титу 1, 5. Для того я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты довершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, какъ я тебѣ приказывалъ:

Если кто не порочен, мужъ одной жены, дѣтей имѣетъ вѣрныхъ, неукоряемыхъ въ распутствѣ или непокорности.

Дѣянія. 14, 23. Рукоположивши-же имъ пресвитеровъ къ каждой церкви, они помолились съ постомъ и предали ихъ Господу, въ Котораго увѣровали.

вы никогда не читали: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу* (Псал., 8, 3)".

Іоанна, 16, 21. Женщина когда рождаетъ, то терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, то уже не помнитъ скорби отъ *радости, потому что родился человѣкъ въ міръ.*

Матѳея, 21, 31. Іисусъ сказалъ книжникамъ: „истинно говорю вамъ, что мытари и *блудницы впереди васъ* пойдутъ въ Царствіе Божіе".

Откровеніе, 12. И явилось на небѣ великое знаменье — жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ.

Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія.

И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ, большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадемъ:

Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца.

И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и Престолу Его.

А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовленно было для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней.

. . . . . .

И низверженъ былъ великій драконъ, древній змѣй, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ.

. . . . . .

И началъ онъ преслѣдовать жену, которая родила младенца мужскаго пола.

И даны были женѣ два крыла большого орла, чтобы она летѣла въ пустыню въ свое мѣсто отъ лица змія и тамъ питалась въ продолженіе времени, временъ и полъ-времени.

И пустилъ змій изъ пасти своей вслѣдъ жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою.

Но земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей.

И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея...

Вотъ документы въ параллельномъ сопоставленіи. Теперь, можетъ-ли кто-нибудь объяснить, почему ученіе о дитяти, столь сложное, не кристаллизовалось однако: 1) въ догматъ, 2) священ-

ную науку какъ отдѣлъ богословствованія, 3) не вошло членомъ или главою въ катехизисъ, 4) ни въ живопись религіозную, 5) ни въ служеніе религіозное, хотя бы во исполненіе словъ: «изъ устъ младенцевъ устрою хвалу Себѣ»? Разумѣется, тогда такъ сказать литургическая часть религіи имѣла-бы совсѣмъ другое сложеніе. тонъ, чинъ,—допускающее въ немъ дѣятельное участіе дѣтей и ихъ матерей? оно не было-бы ученымъ, требующимъ школы, училища, подготовленія, «книжничества», а какимъ-то наивнымъ и простымъ, почти не отдѣляющимся отъ быта, отъ обычаевъ? [1]).

Второе ученіе, «о пресвитерѣ»,—о чемъ и читать почти нечего въ приведенныхъ *единственныхъ* цитатахъ,—тѣмъ не менѣе выросло: 1) въ систему догматовъ, 2) да и заняло вообще весь небосклонъ историческаго христіанства, такъ что они одни въ немъ: 3) учатъ, 4) служатъ, 5) дѣйствуютъ, 6) изображаются въ живописи, 7) имѣютъ себѣ поклоненіе, 8) котораго вовсе не имѣетъ ребенокъ, о комъ однако было сказано: «если не станете такими. не войдете въ царство небесное», ни блудница, о которой тоже было сказано: «она впереди книжниковъ идетъ въ царство небесное».

Не явно-ли, что дитя и его мать куда-то запихано ногами, въ какую-то яму: и отношеніе родившей къ рожденному до того опозорено, заплевано, загажено, въ такой погребъ бытія спрятано. что на фонѣ этого позора вырѣзанный нами изъ газеты фактъ уже не есть что-либо удивительное и неожиданное.

Ибо онъ ежедневенъ; въ каждомъ городѣ, селѣ, въ столицѣ: въ каждомъ номерѣ газеты. А какъ-бы закричала цивилизація, забили набаты, заволновалась пресса, двинулись къ *помощи* всѣ силы государственныя, общественныя, духовныя, если-бы... вдругъ ежедневно по городамъ и селамъ, то тамъ, то здѣсь, стали находить въ погребѣ, въ ямѣ, въ пруду

1) не младенца,

2) а пресвитера.

Вотъ плодъ, что всѣ *лѣвые* тексты не развились, а правые развились чудовищно непропорціонально.

Примѣръ и сравненіе я взялъ рѣзкій, потому что нужно чрезмѣрное, нужно какъ-бы «вагонъ пошелъ по шпаламъ», дабы пасса-

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на слова Іисуса, звучащія какою-то неясной и чудной гармоніей у *Луки*, 7, 32: „они подобны *дѣтямъ*, которые сидятъ *на улицѣ*, кличутъ другъ друга и говорятъ: *мы играли вамъ на свирѣли—и вы не плясали, мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни—и вы не плакали*“. Слова эти вовсе не получили себѣ какой-нибудь исторической разработки, а между тѣмъ на какія чудныя формы пѣснопѣній, открытыхъ, подъ воздухомъ и небомъ.—и пѣснопѣній *народныхъ, семейныхъ, дѣтскихъ*, онѣ намекаютъ?! по крайней мѣрѣ намекаютъ какъ на *возможность*, какъ на *былое* и *будущее*...

жиры очнулись, т. е. очнулся вообще читатель, общество, христіанинъ.

Въ *цивилизаціи* цѣлой потухъ младенецъ. Просто — это эмпирическій фактъ, безъ религіи вокругъ себя. Когда однажды я предложилъ въ печати ввести только *одну строчку* въ эктенію, и именно «прошеніе о мучающихся родами»,—дабы, повторяя его за священникомъ на службѣ, могли помолиться о *женахъ* мужья, о *матеряхъ* дѣти, о *дочеряхъ* отцы и матери, о *сестрахъ* братья: то слова мои были приняты въ одномъ духовномъ журналѣ за шутливость, и на нихъ былъ написанъ слѣдующій «отвѣтъ редакціи»:

„Нѣтъ никакой надобности въ отдѣльномъ прошеніи о болящихъ родами, потому-что тогда и другіе больные, напр., чахоткой, ревматизмомъ и проч., пожелаютъ отдѣльныхъ о себѣ прошеній, и изъ церковной эктеніи выйдетъ тогда что-то вовсе не серьезное. Но какъ относиться къ подобнымъ газетнымъ словоизверженіямъ? Какъ къ газетнымъ фарсамъ: очевидно, фельетонисту приходится измышлять разные курьезы, оригинальности и небылицы, чтобы развлекать читателя газеты“, (журналъ „Православно-Русское Слово“, 1902 г., № 1, рубрика: „Недоумѣнные вопросы и отвѣты редакціи“).

Отвѣтъ классическій. Я прослылъ не какъ *писатель* только, но какъ отецъ, мужъ; какъ имѣющій сестру замужнюю и имѣвшій родителей. Полный недоумѣній, да пожалуй и гнѣва, я открываю *ругательную* на евреевъ книгу: „Книга кагала“ Брафмана и со страницъ 228 и 240 (изд. 3, Спб. 1888 г.) цитирую:

„...Вечеромъ, въ первый день появленія младенца-еврея на свѣтъ, его привѣтствуютъ будущіе товарищи и спутники жизни: къ нему является цѣлый хедеръ (училище меламеда) маленькихъ дѣтей съ своимъ бегельферомъ (помощникъ меламеда) и читаютъ новому пришельцу въ міръ молитву на сонъ грядущій. Послѣ чтенія, мальчиковъ обыкновенно потчуютъ своеобразнымъ наборомъ изъ отваренныхъ бобовъ, гороха, пряниковъ и проч. Чтеніе этой молитвы хедерными мальчиками происходитъ ежедневно до самаго дня обрѣзанія. Въ первую пятницу послѣ рожденія младенца, послѣ шабашеваго ужина, собираются къ родильницѣ и взрослые евреи на „белъ-захоръ“ и, послѣ легкаго угощенія, читаютъ ту-же самую молитву. Утромъ, въ субботу, отецъ новорожденнаго отправляется въ синагогу или иную молельню, гдѣ, при чтеніи Пятокнижія, его призываютъ къ Торѣ и канторъ поетъ *мишейберихъ*, „многія лѣта“, *ему, его супругѣ, младенцу* и проч. По окончаніи молитвы, родственники и приглашенныя лица отправляются къ родильницѣ на *шалошъ-захоръ* — поздравленіе съ ребенкомъ. Наканунѣ дня обрѣзанія, т. е. вечеромъ на восьмой день рожденія, бываетъ *вахахтъ*—ночь стражи. Тутъ собираются, такъ называемые, *клаузнеры* (бѣдные молодые евреи, занимающіеся изученіемъ талмуда въ ешиботахъ) и проводятъ ночь у родильницы въ бдѣніи и чтеніи талмуда или мишны“.

Богъ точно руководитъ меня въ нахожденіи текстовъ. Брафмана я и не читалъ никогда, но мнѣ сунули эту книгу со словами: „на-те и вразумитесь“ (о евреяхъ, которыхъ „нужно презирать“). И я *первое*-же, что открылъ, и открылъ приведенное мѣсто, и еще перелиставъ напалъ на слѣдующее:

„Любимъ, т. е. лицами, которымъ въ синагогѣ всѣ должны уступать алію (первое почетное чтеніе Торы, т. е. Св. Писанія) считаются слѣдующія: 1) боръ-литва, т. е. *отрокъ, достигающій совершеннолѣтія* (нхняго, т. е. 13 лѣтъ), 2) *женихъ въ субботу передъ свадьбою и послѣ оной*, 3) мужъ родильницы, 4) справляющій годовщину по родителямъ, 5) окончившій первую недѣлю траура".

Какъ это все трогательно! Вотъ — религія! Какая нѣжность и деликатность разлита. И дивиться, дивиться-лн, что у нихъ не запихиваютъ несчастныя роженицы песокъ въ ротъ новорожденному „дабы не увидѣли и не застыдили" (незаконнорожденные у нихъ получаютъ непремѣнно почетное имя „Авраама" и какъ бы усыновляются цѣлымъ народомъ; да ихъ почти и нѣтъ, ибо еврею нельзя не жениться). Напротивъ, прочтя грубый „отвѣтъ редакціи" на просьбу молитвы о роженицѣ,—отвѣтъ въ XX вѣкѣ, писателю, громко заговорившему о безпощадности къ матерямъ,—невольно закрадывается сомнѣніе и вопросъ: а какъ говорили сплошь *двадцать вѣковъ* роженицамъ по деревнямъ, по селамъ, въ темнотѣ, въ глухотѣ, работницамъ, дѣвицамъ, безгласнымъ, запуганнымъ: и песокъ во рту младенца, запеханный несчастною перезрѣлою дѣвицей, не удержавшейся родить его, а можетъ быть даже и любившей несчастною любовью какого-нибудь солдата, которому *запрещено* жениться, говорю я— смерть этого младенца такъ становится понятна и объяснима.

Все въ связи. То-то и ужасно, что все—не *случайно*, не *эмпирично*, а раскрываетъ въ себѣ члены огромной не подозрѣваемой философіи. Значитъ рожденіе — не членъ таинства брака, не зерно супружества; это—случай болѣзни, какъ ломота въ костяхъ или узкогрудость и тяжелое дыханіе. Но тогда *что*-же такъ думающіе «благословляютъ»? И не нужно-лн имъ или отказаться отъ «благословенія» рожденію,—или ужъ «возвести въ таинство» ревматизмъ и чахотку и сложить «чинъ» «напутствія» въ эти болѣзни!? Но я не виню о. о. Лахотскаго и Дернова, въ журналѣ которыхъ мнѣ было такъ отвѣчено: sancta simplicitas... Они не вѣдаютъ только того, что забыто всею цивилизаціею. Рожденіе ребенка, «стыдное» какъ сифилисъ (см. во II-мъ томѣ письмо ко мнѣ о. Титова), случайное какъ ревматизмъ, вовсе не желательное какъ чахотка,—мудрено-лн, что оно утаивается, «зажимается ему ротъ»,—т. е. что родившемуся запихивается матерью песокъ въ ротъ, «дабы не вошли и не увидѣли».

Теперь, гдѣ-же слово Божіе о дѣтяхъ, блудницахъ («впереди идутъ книжниковъ») и плоти («два въ плоть едину»)? Или мы *имъ* не повѣрили, не повѣрили съ самаго начала; или уже мы столь *несчастны*, что слово проведено *мимо насъ* и, павъ на землю,—ушло въ нее, какъ капля дождя въ кремнистый песокъ.

Но тогда я вспоминаю послѣдній еще текстъ,—слова Спасителя

сирофиникіянкѣ: «дай прежде насытиться дѣтямъ, ибо не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить другимъ» *Марка 7, 27.*—Въ текстѣ сказано болѣе жестко,—но я не хочу излишествъ въ осужденіи.

Спб., 5 іюля 1902 г. *В. Р.*

Законодательная помощь семьѣ.

I. Семья какъ предметъ закона.

I.

Совершенство закона выражается не въ томъ, что онъ словесно и юридически повторяетъ и безъ закона правильно текущую жизнь, но въ разрѣшеніи жизненныхъ запутанностей; въ облегченіи жизни, въ умитвореніи жизни; въ очищеніи жизни тамъ, гдѣ она загрязняется, ожесточается, становится непосильно трудна для человѣка и толкаетъ его въ обманъ или преступленіе. Есть гигіена тѣла—предупрежденіе заболѣваній; естественно ожидать, чтобы и законъ подумалъ о нѣкоторой соціальной гигіенѣ, о предупрежденіи преступленія, а не только о „пресѣченіи“ его или „наказаніи“, чѣмъ онъ до сихъ поръ занятъ и поглощенъ. Мысли эти невольно вызываются семейнымъ правомъ, юридической тканью около физіологическаго и вмѣстѣ религіознаго факта семьи. Нормальная семья, въ чистотѣ и счастьи доживающая вѣкъ, празднующая „серебряную“ и „золотую“ свадьбу, не нуждается въ мудрости юристовъ; она свѣтитъ своимъ свѣтомъ, согрѣта своею теплотою, свята своею святостью. Она самодовлѣетъ; и хотя радуется, что законъ повторяетъ ее въ своихъ нормахъ, „статьяхъ“ и „примѣчаніяхъ“ къ нимъ—но въ сущности не нуждается въ этомъ. Но законъ призывается къ „соломоновой мудрости“ всякій разъ, когда въ святомъ и нѣжномъ цвѣткѣ семьи заводится „червоточина“, когда сѣмя грѣха падаетъ и заражаетъ ее. Здѣсь всеобщая норма сейчасъ-же становится непремѣнима: какъ вы будете пичкать больного тѣмъ, что нужно и возможно для здороваго? И неужели для болящаго у васъ не найдется ничего, кромѣ обычныхъ трехъ блюдъ обѣда, которыхъ онъ теперь не можетъ переваривать? Тогда у васъ нѣтъ медикаментовъ, нѣтъ науки медицины. Перенесите это въ гражданскій бытъ, подумайте о ненормальностяхъ, о несчастіяхъ

супружества, и вы увидите, что законъ, имѣющій для всѣхъ случаевъ заболѣванія семьи „три обычныхъ блюда“, т. е. идеалъ нормально текущей семьи—есть безсильный законъ, есть ненужный законъ, есть законъ не помогающій человѣку и не предохраняющій его отъ преступленія. Мы говоримъ это въ виду внесеннаго въ Государственный Совѣтъ законопроекта о разлученіи супруговъ. Не одна текущая пресса, но и большая художественная литература съ болью и скорбью останавливалась на этой темѣ. Вспомнимъ „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, съ судьбою Лаврецкаго и Лизы Калитиной; „Анну Каренину“ — съ ужаснымъ сплетеніемъ въ ней отношеній, которыя задушили въ себѣ Анну, и не нашлось „милостиваго самарянина“, который вынулъ-бы ее изъ петли, не нашлось юридическаго или религіознаго „Соломона“, который разрѣшилъ-бы распрю нѣсколькихъ давящихъ другъ друга людей, какъ-бы ждущихъ смерти одинъ другого. Умри Каренинъ или умри Анна, умри Вронскій, умри дѣти Анны отъ разныхъ мужей—и все разрѣшается: люди выходятъ въ свѣтъ и радость. Такимъ образомъ, жизненное сцѣпленіе стоитъ передъ: „умри“; и вотъ просвѣтъ къ разгадкѣ, что задушиваемые петлею люди начинаютъ искать чьего-нибудь „умри“. Здѣсь-то и нуженъ законъ, совершенно не нужный въ нормальныхъ случаяхъ; тутъ-то и предлежитъ ему дать рѣшеніе Соломона, или отвѣтить: „не знаю“, „не умѣю“, „какъ хотите“, „мое дѣло—сторона“. Но читатель видитъ, что вопросъ этотъ—колоссальный. Онъ объемлетъ гражданское законодательство, онъ объемлетъ церковь: онъ охраняетъ цѣломудріе общества, онъ борется съ развратомъ. Можно сказать, огромное большинство людей жаждаютъ семьи, но чтобы эта семья и навсегда оставалась жаждаемымъ идеаломъ — нужно, чтобы во что бы то ни стало она была сохранена въ чистотѣ, въ цѣломудріи, въ святости своей. Законодатель и долженъ руководиться этими двумя краеугольными мыслями: всеобщею желаемостью семьи, вѣрный, правильный и религіозный инстинктъ которой онъ долженъ удовлетворить; и идеаломъ чистой семьи, который онъ не долженъ замутить въ своихъ усиліяхъ насытить этотъ правильный инстинктъ. Читатель видитъ, что въ постановкѣ вопроса, которую мы дѣлаемъ, есть существенныя отличія отъ того, какъ этотъ вопросъ ставится юридически и канонически, но она отвѣчаетъ именно пожеланіямъ, и правильнымъ пожеланіямъ, человѣчества. Всѣ жаждутъ семьи, но всѣ жаждутъ чистой семьи.

II.

Вопросъ нужно именно ставить о семьѣ, т. е. о существенномъ содержаніи брака, и остановившись на двухъ мысляхъ: всеобщей для всѣхъ ея необходимости и ея непремѣнной чистотѣ—рѣшить во-

просъ о тѣхъ запутанностяхъ нормы семьи, которыя одинъ предлежатъ урегулированію закономъ. Вотъ почва, на которой можетъ быть найдено что-нибудь утѣшительное, и это найденное можетъ остаться твердою нормою, а не вѣчно нарушаемымъ правиломъ. Статистика показываетъ, что при незыблемости собственно номинальной стороны семьи, вѣнчанія и записи о немъ въ метрическія книги, семья таетъ въ Европѣ; а нравы и литература показываютъ, что она и развращается. Данныя, относящіяся къ 1892—1894 годамъ, показываютъ, что во всѣхъ западныхъ государствахъ Европы изъ общей совокупности рожденій незаконныя составляютъ ежегодно 8,51%; въ Петербургѣ изъ 1000 женщинъ, разрѣшающихся первымъ ребенкомъ, 437, т. е. близко къ половинѣ, рождаютъ внѣ брака. Это такой процентъ, который сводитъ семью, и особенно чистую и цѣломудренную семью, на степень тающаго явленія, какъ-бы „убывающей луны", которая грозитъ величайшею темнотою всей природѣ человѣка, всему гражданскому строю.

Это—одна сторона медали; посмотримъ другую.

Не такъ давно бывшій въ Петербургѣ съѣздъ сифилитологовъ показалъ, что даже народная масса огромными пятнами какъ-бы лишая покрыта ужасною болѣзнью: это — вырожденіе народной крови. Государство и вообще свѣтская власть не можетъ не остановиться передъ этими явленіями, — явленіями разъѣдающими и съѣдающими народное тѣло. Но это явленіе народилось и растетъ при полной непарушенности собственно каноническихъ нормъ брака, которыя у насъ и въ Европѣ тѣ же сейчасъ, что при Ярославѣ Мудромъ и Карлѣ Великомъ. Такимъ образомъ, сама жизнь и элементарный инстинктъ самохраненія нудитъ оставить почву обсужденія формъ, которыя остаются въ цѣлости, но ничего не охраняютъ, и сосредоточиться на сбереженіи гибнущаго зерна. Т. е. вопросъ о „бракѣ" замѣнить вопросомъ о семьѣ, и не семью регулировать бракомъ: эта попытка не удалась; но бракъ регулировать семьею, что́ еще не испытано. Здѣсь важно обратное соотношеніе подчиняющаго и подчиняемаго.

Нельзя отвергнуть, что такой взглядъ—и вполнѣ религіозный: несомнѣнно именно семья устанавливается какъ извѣстными словами Ветхаго Завѣта, такъ и Ново-Завѣтнымъ подтвержденіемъ ветхо-завѣтныхъ словъ.

Религія, при благословеніи человѣка въ сопряженіе половъ, конечно утверждала самую семью, а не способъ ея начинанія; и человѣку въ послѣдующей законодательной дѣятельности нужно было найти формы, соотвѣтствующія этому благословенію, и укрѣпляющія и очищающія семью, но отнюдь этими формами не затруднять, не стѣснять и особенно не грязнить семью. Между тѣмъ вышло совершенно обратное: формы, а не существо было поставлено краеугольнымъ камнемъ брачнаго законадательства, какъ-будто-

бы Богъ благословилъ именно подробности церковнаго ритуала и указалъ ихъ хранить, а не семью. Читатель видитъ, что постановка вопроса совершенно обратна элементарной истинѣ, и именно истинѣ религіозной. Семья рушена или рушится: это не составляетъ ни юридической, ни канонической, ни моральной тревоги; но чинъ вѣнчанія, въ тѣхъ все болѣе и болѣе рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ ищется человѣкомъ, совершается теперь какъ и при Ярославѣ Мудромъ, въ „незамутившейся“ текстуальной точности; и удовлетворенный законъ думаетъ: „въ человѣцѣхъ миръ и благоволѣніе“.

Въ устанавливаемомъ нами освѣщеніи мы получаемъ отвѣтъ на частные вопросы. Возьмемъ несчастные случаи, когда мужъ начинаетъ жестоко обходиться съ женою, и эта жестокость нудитъ законодателя дать фактическое разлученіе супругамъ. Конечно, это такъ; но собственно разсматривая какой-либо институтъ, гражданскій или религіозный, лучше разсматривать его, такъ сказать, въ сокѣ его собственной природы, не прибѣгая къ мотивамъ извнѣ. Ранѣе разлуки, начинается въ семьѣ фактическая полигамія или поліандрія, недоказуемая съ „документами“ въ рукахъ, но которая выражается въ совершенной пассивности, омертвеніи семьи, и свидѣтелями этой полигаміи или поліандріи становятся дѣти. Колыбелью ихъ воспитанія становится равнодушная или враждебная, безнравная, растлѣнная семья. Вотъ очеркъ фактическаго положенія, которое такъ ужасно, что преступленіе здѣсь уже назрѣваетъ: побои есть только симптомъ, что семья „умерла“ и подъ одною кровлей, въ одной квартирѣ, иногда на одномъ ложѣ—живутъ равнодушные или враждебные другъ другу люди. Попробуйте жить съ презираемымъ товарищемъ на одной квартирѣ: вы, внутренно ёжась, проживете мѣсяцъ, протянете годъ, промучитесь три года—но всю жизнь? да и не съ товарищемъ, не въ одной квартирѣ, но на одномъ ложѣ и такъ сказать „душа въ душу“? Вы постигаете, что тутъ разыгрываются такія степени отвращенія и ненавидѣнія, о какихъ не могутъ дать никакого представленія всѣ остальныя формы человѣческихъ отношеній. Въ этой атмосферѣ злобы, отвращенія и наконецъ нравственной грязи растутъ и мучаются, „воспитываются“ дѣти. Повторяемъ, законодателю въ нормальныхъ случаяхъ нечего дѣлать и онъ даже въ нихъ „лишній человѣкъ“, но вотъ—аномалія, и что-же скажетъ Соломонъ? Притворится, что ничего не видитъ? что все—„не доказано“ и основаній къ „мѣрамъ“ нѣтъ? Но *воспитаніе* дѣтей: вѣдь оно зиждется не на юридически доказуемомъ, а на фактически существующемъ. Въ деревняхъ Индіи, въ случаѣ появленія чумной заразы, жители разбѣгаются въ горы: вотъ лучшая гигіена, и дѣйствительное спасеніе отъ гибели. Чума невѣрности пала въ семью, и выразилась просто во взаимномъ

отвращеніи членовъ другъ къ другу: бѣгите-же отъ чумы, и дайте силы, свободу бѣжать. Это спасеніе для людей, которыхъ вы только умертвите,—умертвите гражданъ, членовъ общества, ремесленниковъ, удерживая ихъ насильственно въ загнившемъ гнѣздѣ. „Не разбѣгутся ли тогда и здоровые? изъ здороваго гнѣзда?"—Дубьемъ ихъ не разгонишь. И гдѣ есть любовь и теплота семейная, тамъ члены, даже насильственно разлученые, сыщутъ другъ друга на днѣ морскомъ и возсоединятся въ семью. Такимъ образомъ проектируемый законъ о фактическихъ разлученіяхъ супруговъ есть законъ о разореніи гнѣздъ семейной заразы, есть вентиляція семьи, есть дезинфекція семьи. Нужна-ли она?.. Вглядитесь въ море растлѣнныхъ семей, и вы убѣдитесь, какъ давно нуженъ этотъ законъ, какъ долго дѣти воспитытывались въ гнѣздилищахъ заразы, подъ предлогомъ, что этотъ чумной бубонъ есть „семья"; какъ искусственно законадательствомъ поддерживалось это тлѣніе „мертвыхъ костей" въ красивомъ гробѣ внѣшностей. И такъ какъ таковымъ гробомъ является великій и святой институтъ семьи, то это распространило всеобщее къ нему неуваженіе, всеобщее къ нему недовѣріе: что отразилось умаленіемъ жажды обзаводиться семьею, уменьшеніемъ браковъ; бездомностью мужчинъ и безпріютностью женщинъ. Какъ удивительно просты бываютъ по временамъ причины сложнѣйшихъ культурныхъ фактовъ. Но, спросятъ, при разлученіяхъ—какъ-же дѣти? Конечно, они поступаютъ къ относительно здоровому члену семьи: и всегда есть свидѣтели, никогда жизнь не бываетъ столь затаенная, чтобы нельзя было рѣшить въ каждомъ порознь случаѣ, который именно членъ семьи загнившій, и который—цѣльнѣе, менѣе разрушенъ. Экономическое положеніе? Но кто-же не видалъ, какъ овдовѣвшая семья, освободившаяся отъ пьяницы-отца, отъ распутника-отца, отъ буйнаго отца — оправляется что нива подъ солнцемъ, и при трудолюбіи одной матери существуетъ лучше, чѣмъ прежде при тунеядствѣ двоихъ? Тоже самое и наоборотъ, если пороки не отца, а матери служатъ причиною распада семьи. Но вообще—это есть уже подробность, которую легко юридически урегулировать, какъ дѣлается и теперь въ случаяхъ рѣдчайшаго разлученія супруговъ.

III.

Вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, тѣхъ, которые знаютъ мать и не знаютъ отца—давно наболѣвшій вопросъ. Нѣтъ въ христіанствѣ грѣха не искупимаго: вотъ альфа, которую нужно положить въ фундаментъ обсужденія судьбы этихъ дѣтей. Грѣхъ ихъ матери есть грѣхъ: но тѣмъ-ли она загладитъ его, что броситъ дитя свое въ нечистое мѣсто? отошлетъ его въ воспитательный домъ? такъ или иначе откажется отъ него, покинетъ его, или

подкинетъ его? Законъ можетъ стоять только на почвѣ правды, никакимъ образомъ онъ не можетъ впадать въ искусственное невѣдѣніе, въ притворство. Неискупимость грѣха толкаетъ матерей на преступленіе, съ которымъ каждая изъ нихъ борется, и уступаетъ ему въ отчаяніи, потому-что послѣ паденія для нея все остальное становится непоправимо. Законъ уже сдѣлалъ здѣсь нѣкоторый шагъ впередъ: далъ права узаконенія рожденнымъ внѣ вѣнчанія дѣтямъ — при условіи вступленія родителей въ вѣнчаніе, но это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка не окончательно обездолена, когда ее любятъ; но вотъ — она брошена, пусть брошена послѣ обѣщаній и собственной вѣры. Какъ-бы то ни было, съ ребенкомъ на рукахъ и съ потеряннымъ женихомъ— она вдвойнѣ несчастна и уже шатается передъ преступленіемъ. Дайте-же ей форму покаянія: она просится на видъ, она мечется въ глаза — это безпомощный младенецъ! Дайте элементарный по милосердію законъ, что младенецъ, отъ котораго не отказалась мать, но честно и въ страхѣ Божіемъ его воспитала (могутъ же быть найдены этому свидѣтели, да что-нибудь можетъ сказать объ этомъ и самый видъ ребенка лѣтъ 10—12)—получаетъ фамилію матери и что-нибудь юридически—оформленное, какое-нибудь юридическое положеніе, вмѣсто позорящей сейчасъ клички.

Какъ больно бываетъ сейчасъ иногда слышать бывшихъ „питомцевъ“ и „питомицъ“ воспитательныхъ домовъ, проклинающихъ своихъ матерей: вотъ по-истинѣ грѣхъ, опутавшій по рукамъ, по ногамъ, съ макушкою головы, человѣка. Тамъ — грѣхъ отреченія матери отъ своего ребенка, здѣсь ребенокъ не знающій имени матери и только безсильно относящій къ ея существу материнства проклятіе. Что-же это за ужасъ, среди котораго человѣкъ живетъ? И это –въ христіанскомъ мірѣ, въ мірѣ „любви“. Да не будетъ этого! Да не будетъ этой египетской казни надъ человѣчествомъ: мы не говоримъ о трудности и боли подобныхъ отношеній, но именно и именно о грѣхѣ, о какой-то пропитанности проклятіемъ самой атмосферы подобныхъ отношеній. И кто это допустилъ? Чье ухо слышитъ и не возмущается? И гдѣ-же слова Спасителя: „милости хочу, но не жертвы“?! И изъ чего сплетена печальнѣйшая „жертва“ „Спасу Милостивому“? Изъ крови дѣтской, изъ рыданій материнскихъ, разрѣшающихся взаимными отъ глубины несчастія проклятіями? Какъ печально обернулась исторія. Намъ обѣщали милосердіе, а мы вкушаемъ жестокость.

Никому не нужно извращеніе природы человѣческой, и самый элементарный законъ зоветъ преступника къ исправленію, а на невиннаго не налагаетъ кары. Мы разумѣемъ ребенка, и разумѣемъ призывъ виновныхъ матерей къ искупленію вины своей черезъ трудъ, черезъ работу, до полнаго забвенія имъ и отпущенія ихъ вины. Еще два слова, чтобы предупредить воз

раженіе: скажутъ, понятіе „не законнорожденныхъ дѣтей жило даже въ Ветхомъ законѣ“. Совершенно иной оно имѣло тамъ смыслъ и иную почву подъ собою: „ветхій завѣтъ“ не зналъ вовсе того печальнѣйшаго и уже совершившагося (у насъ) упадка семьи и брака, тамъ не было ни „холостого быта“ въ такомъ чудовищномъ развитіи, какое мы допустили у себя, ни обширнѣйшаго контингента старыхъ и никому не понадобившихся дѣвъ. Ветхій завѣтъ былъ насыщенъ семьею и бракомъ, насыщенъ до 100, до 98 градусовъ; да будутъ прощены эти грубыя, но яркія сравненія. Поэтому „незаконность рожденія“ тамъ являлась чудовищною аномаліею, произволомъ человѣка, возмущавшимъ законъ и толпу. Но у насъ, при 55 градусахъ насыщенія атмосферы семьею, при этой безпріютности дѣвушекъ? Кто смѣетъ бросить въ нихъ камнемъ? Кто осмѣлится возвести въ „непрощенный грѣхъ“ инстинктъ материнства, такъ глубоко запрятанный въ дѣвушку,—что, толкаемая имъ, она повѣрила юношѣ больше, чѣмъ сколько могла и должна была вѣрить, повѣрила тому, кто обездолилъ ее, обезчестилъ и ко всему этому хочетъ еще казнить. Да не будетъ. Да не будетъ этого грѣха въ мірѣ и „камня на шеѣ человѣческой“!

«Одесс. лист.», 1898.

IV.

Въ восьми главныхъ западно-европейскихъ государствахъ: Австро-Венгріи, Германіи, Англіи съ Шотландіею и Ирландіею, Италіи, Франціи, Швеціи, Норвегіи и Сербіи на 7 мил., съ немногимъ, всѣхъ ежегодно рождающихся младенцевъ, приходится незаконныхъ 607 тыс., съ немногимъ, или 8,54 проц. Обращаясь къ Россіи, находимъ въ 50 ея европейскихъ губерніяхъ, въ годы 1884 — 1892, число незаконнорожденныхъ колеблющимся между 107,750 и 117,790 ежегодно. Дѣйствіе законовъ на процентъ незаконнорожденности особенно можно наблюдать въ Баваріи; въ ней съ 1835 года по 1862 годъ, когда дѣйствовалъ законъ, стѣснявшій вступленіе въ бракъ имущественнымъ цензомъ, на каждыя 100 рожденій приходилось 21 незаконное, а послѣ отмѣны этихъ законовъ приходилось только 13. Это значитъ, что число рожденій или сила рождаемости остается величиною постоянною, и стѣснить въ чемъ-либо вступленіе въ бракъ не значитъ уменьшить рожденіе, а значитъ только вывести извѣстную сумму рожденій за черту законности, т. е. родникъ незаконныхъ рожденій лежитъ не въ человѣкѣ, а въ регуляторѣ брака. Въ Петербургѣ изъ 1,000 разрѣшающихся первымъ ребенкомъ женщинъ — 437, т. е. болѣе $^2/_5$, рождаютъ внѣ вѣнчанія, а въ общемъ итогѣ, за тѣ же 1884 – 1892 годы, незаконныя рожденія въ православномъ населеніи составляютъ постоянно 30 проц. всего числа рожденій, каковой

процентъ, по вѣдомостямъ городской думы, къ 1898 году возросъ до 50 проц., т. е. незаконными рождается половина изъ всѣхъ: въ то-же время у католиковъ рождается 13 проц. незаконныхъ, у протестантовъ—9 проц., у евреевъ—0,6 проц., у магометанъ—0,3 проц.

Эти цифровыя данныя интересны въ слѣдующемъ отношеніи. Мы стоимъ въ данную историческую минуту передъ нежеланіемъ раздвинуть нормы брака, напримѣръ въ смыслѣ какъ облегченія развода уже неживущимъ другъ съ другомъ супругамъ, такъ и въ смыслѣ разрѣшенія мужской сторонѣ, обычно принимающей на себя при разводѣ вину, вступить въ новый бракъ. Съ другой стороны тотъ же законъ и въ тѣхъ же рукахъ находящійся осуждаетъ внѣ-брачныя рожденія.

Такое положеніе ненормально. Поэтому, не вдаваясь въ тонкіе споры, нельзя не пожелать того, чтобы легализація семейнаго положенія страны и наблюденіе за нравственно-санитарнымъ состояніемъ населенія страны была сосредоточена въ которыхъ-нибудь однѣхъ рукахъ, и онѣ, эти руки, имѣли бы у себя данныя по всѣмъ отраслямъ этого обширнѣйшаго, но одного и того же вопроса. А то у насъ браки разрѣшаетъ одно вѣдомство, статистику населенія ведетъ другое вѣдомство, и управляется съ проституціей — третье вѣдомство: когда это суть части одного вопроса. Болѣе чѣмъ понятно, что всѣ мѣры, принимаемыя въ которомъ-нибудь одномъ вѣдомствѣ: не имѣютъ, при неподвижности другихъ вѣдомствъ, ни малѣйшаго успѣха.

«Нов. Вр.», 1900.

II. Судъ Линча.

Только-что окончившееся въ Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло объ убійствѣ Коновалова, совершенномъ совмѣстно его женою, Кисилевою, Анисимовою, Павловою и Телѣгинымъ, поражаетъ зрителя и читателя, поражаетъ моралиста и должно поразить законодателя. Это—судъ Линча въ полной его выразительности. Приговорены къ наказанію только Павлова и Телѣгинъ, подстрекатели къ убійству и вѣроятные убійцы; остальныя и именно ближайшія къ убитому лица—жена и ея мать—„признаны по суду оправданными“, хотя именно жена убитаго нарисовала наиболѣе полную картину убійства, совершившагося по крайней мѣрѣ на ея глазахъ, если и не при содѣйствіи ея. Старуха-мать ея уходитъ изъ дома со словами: „какое вы дѣло затѣяли подъ такой праздникъ“, т.-е. съ полнымъ знаніемъ готовящагося убійства и не предувѣдомляя о немъ ни полиціи, ни кого-либо изъ сосѣдей, вообще не предупреждая преступленія. Трудно нарисовать даже фантазіи романиста или художника большую нравственную и бы-

товую темь, которая однако составляетъ уголокъ дѣйствительности. Вся дрянь, т.-е. все это корыто не выброшенной въ помойную яму грязи, трясется, болтается, клещется годы и годы и наконецъ разражается убійствомъ скопомъ, судомъ Линча, — въ сущности изъ-за паспорта! Въ основѣ—подневольное замужество, къ которому падчерицу вынуждаетъ вотчимъ подзатыльниками. Вотчимъ этотъ пьетъ; мужъ — тоже пьетъ; и вообще всѣ дѣйствующія лица — пьютъ, въ особенности въ вечеръ убійства, когда они составляютъ одну „угощающуюся компанію“. Подневольная или пожалуй подъ яремная семья конечно распадается на завтра или послѣ завтра послѣ вѣнчанія и держится „паспортомъ“. Пьянство, побои, ругань, сальныя пьяныя ласки и въ трезвомъ-то видѣ нелюбимаго мужа заставляютъ сбѣжать жену. Начинается то работа, то приключенія, и наконецъ она устраивается на содержаніе въ чистенькой, нанятой для нея комнаткѣ на сторонѣ. „Вотъ-вотъ мужъ потребуетъ“ изъ „камнатки“ къ себѣ. Онъ то требуетъ, то не требуетъ: словомъ—безмыслица, о которой и читать мерзко, не только жить въ ней. Каждая конюшня и всякій коровій хлѣвъ представляютъ большую чистоту нравственныхъ и даже физіологическихъ условій существованія. Послѣднее пьянство началось весело потому, что мужъ рѣшился выдать „отдѣльный видъ на жительство“ женѣ, и даже они толкнулись-было въ участокъ, но ихъ оттуда вытолкнули, велѣвъ приходить вытрезвившись. Опять пьютъ. Совершенно опьянѣвшій Коноваловъ бормочетъ, что онъ не дастъ вида на отдѣльное жительство. Павлова подсказываетъ: „вѣдь я всегда говорила, что не дастъ, и что отъ него не отдѣлаешься, не прикончивши“. Мать жены встаетъ и уходитъ „отъ грѣха“; жена идетъ къ кровати, на которой спала ея несовершеннолѣтняя сестренка, и закрываетъ ее пологомъ, чтобы „не испугалась“. Затѣмъ начинается операція: отъ корсета отрѣзали какую-то тесемку, сдѣлали мертвую петлю и задушили. Ноги же были связаны. Супругъ только дрыгнулъ ногами. Затѣмъ—въ сундукъ, затѣмъ—на Николаевскій вокзалъ, и куда-то отправили. Дали круговую поруку хранить тайну и къ тайнѣ обязали и вернувшуюся вскорѣ тещу. Объ убійствѣ сговаривались уже за недѣлю назадъ, и всѣ эти самыя лица, все родство жены. Такимъ образомъ, случайны здѣсь подробности; въ другой обстановкѣ, въ трезвомъ видѣ—произошло-бы то же самое. Ничего случайнаго, все „какъ по писанному“, т.-е. въ смыслѣ отсутствія непредвидѣннаго и „афектовъ“.

Всѣ эти годы нѣтъ ни совѣта надъ ними и объ нихъ, нѣтъ имъ совѣта, и вообще живя въ столицѣ цивилизованнаго государства, они въ сущности одиноки, какъ уличныя собаки. Жизнь собачья; собачій и конецъ. Тутъ только, когда „конецъ“ пришелъ, вспоминаютъ всѣ, что они—человѣки и должны-бы жить по-че-

ловѣчьи, а по-елику они жили не по-человѣчьи, а по-собачьи, то этимъ человѣкамъ будетъ собачье наказаніе: плеть и ошейникъ или ошейникъ и цѣпь.—Взбѣсились на цѣпь. Судъ есть о смерти; но суда не было о жизни и пока жили. Ни суда, ни разсужденія. „Какъ хотите...“ Изъ этого „какъ хотите“ и вышелъ судъ Линча. „Мы—дураки, звѣри; мы умѣемъ только по Линчу“.—„По Линчу — нельзя, то въ Америкѣ, да и въ Америкѣ-то въ первобытныхъ дебряхъ, а вы—въ Россіи, возлѣ университета, окружного суда, на глазахъ общества покровительства животнымъ и даже въ мѣстѣ подвиговъ Іоанна Кронштадтскаго“. Вотъ сколько святыни и сколько мудрости!

„ Но эта мудрость и святыня не про насъ; мы псы, и вѣдь это только въ Евангеліи давались псамъ крохи отъ стола господина ихъ. Теперь нѣтъ и крохъ. И мы, голодныя, десять лѣтъ грызлись, на одиннадцатый загрызли одного“.

Да, тутъ есть предметъ для горести моралиста; но и есть предметъ для мудрости законодателя. Вѣдь есть же попечительства о голодныхъ, нужно также попечительство и попеченіе о злыхъ. Тѣмъ болѣе, что и злоба-то приходитъ на одиннадцатый годъ, скапливаясь десять лѣтъ и начинаясь просто съ несчастія. Сегодня несчастенъ, завтра несчастенъ, а послѣзавтра золъ.

«Нов. Вр.», 1900.

III. Запоздалое судоговоренье.

Вторично разсмотрѣнное на судѣ дѣло Коноваловой окончилось вторичнымъ оправданіемъ жены убитаго. Три мѣсяца тюремнаго заключенія по дѣлу, предметъ котораго столь тяжекъ, есть въ сущности не признаніе вины, а только напоминаніе, упрекъ, выговоръ за неосторожность. Присяжные отвѣтили на вопросъ суда, что „признаютъ Коновалову виновною лишь въ недонесеніи объ убійствѣ мужа“, и въ этомъ полу-отрицаніи, полу-утвержденіи вины всѣ стороны должны найти для себя удовлетвореніе, ибо въ точности вина и была, и не была. Само собою разумѣется, что уже одно равнодушное присутствіе при убійствѣ мужа есть нѣчто чудовищное, невыносимое для совѣсти, неразрѣшимое для ума размышляющаго. Такъ мы судимъ a priori и такъ это есть на дѣлѣ a priori. Но a posteriori мужъ былъ для нея злѣйшимъ врагомъ, и это видѣли присяжные, и впечатлѣніе этой картины факта отразили въ своемъ приговорѣ. А присутствовать при умерщвленіи злого своего недруга и мучителя хотя тоже ужасно, но здѣсь главный ужасъ переносится на самую связь отношеній и облегчается на лицѣ виновномъ: виновное лицо или было тупо въ этотъ моментъ, придавлено, или болѣзненно приподнято въ ощущеніяхъ всѣмъ выжитымъ, перечувствованнымъ, чего посторон-

ніе зрители или читатели газетъ не переживали и не чувствовали. Здѣсь — разница. Читатель или зритель судитъ норму и нормально, тогда какъ передъ присяжными проходило исключительное положеніе и они справедливо судили его исключительно. Повторяемъ, главный ужасъ здѣсь заключается въ связи отношеній, которыя держатъ въ принудительномъ единствѣ людей, не только не объединенныхъ, но наиболѣе одинъ другому враждебныхъ. Чтобы войти въ психику, которая развивается въ этой принудительной связанности, нужно представить себѣ со-квартиранта, съ которымъ вы наняли одну комнату и у котораго оказался весь образъ жизни, весь складъ души, всѣ привычки, требованія, убѣжденія діаметрально противоположными вашимъ. Вы ищете ночью покоя; онъ любитъ долгій сонъ поутру, а на ночь зоветъ друзей; вы хотите провентилировать комнату, онъ боится холода и не даетъ вамъ открыть форточку; вы любите солоно, онъ любитъ прѣсно; вамъ нравится кофе, онъ предпочитаетъ чай; вы трезвы, онъ всегда выпивши и т. д. При всемъ миролюбіи, вы будете стараться уходить изъ дома, и это вы сдѣлаете тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ тоньше организованы. Самый лучшій человѣкъ такъ поступитъ, и не было еще праведника, который годы и годы и наконецъ десятилѣтія перенесъ-бы сожительство въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, котораго каждый шагъ есть неуваженіе и презрѣніе къ терпѣливому праведнику. О такихъ страдальцахъ мало разсказывается и въ Четь-Миней-хъ. Но есть одинъ грѣшникъ, обыкновенный слабый человѣкъ, которому эта ноша предполагается посильною. Этотъ особенный человѣкъ называется „женою“. Она любила прѣсно, „теперь полюби солоно“; „тебѣ спать хочется, а мнѣ гулять“; „ты любишь чистоплотно, а меня эта чистоплотность томитъ“. Идутъ подъ руку: одинъ скоро, другой тихо. Шла-шла жена нога въ ногу; полюбила и запахъ пота въ непровѣтренной комнатѣ, и выпивать съ мужемъ стала, и то, и другое, и третье, а на десятомъ—оборвалось. „Не могу солоно“.—„Понудь себя!“—„Принуждала, душа не выноситъ“. Мы взяли со-квартиранство, но нужно представить себѣ интимность семейной жизни, гдѣ люди сливаются до глубочайшей ниточки, чтобы воскликнуть: „нѣтъ праведника, который до такой степени умеръ-бы въ себѣ, чтобы во всемъ и всячески, органически и духовно, въ быту и привычкахъ, приспособилъ себя къ другому“.—Одежда, и та рвется, не по мѣркѣ сшитая; лопается перчатка не того нумера; можно-ли представить себѣ жену, женщину, чтобы она такъ-же мало чувствовала какъ каучуковый шаръ, который можно всячески раздуть, растянуть и надѣть на какой угодно манекенъ безъ боли и разрыва. Вотъ почему при разнообразныхъ распяливаніяхъ манекена-жены мѣстами „рвется“. У Коноваловыхъ порвалось. Шестнадцати лѣтъ уже жена.

она девятнадцати лѣтъ, равнодушно присутствуетъ при удушеніи мужа. Была-ли тутъ любовь? Смѣшно спрашивать. Равнодушіе?— Тоже нѣтъ: это былъ самый для нея ненавистный человѣкъ на землѣ и отъ котораго она зависѣла. Собственно, и зависимость давно порвалась: осталась веревочка—паспортъ, за которую онъ ее дергалъ. Странный мужъ; странная семья; странное супружество. Мы ихъ допустили въ быту и допускаемъ юридически: чтобы и не мужъ болѣе, и не семьянинъ болѣе—былъ паспорто-держателемъ, такъ сказать антрепренеромъ человѣка. Коновалова была въ вѣчной антрепризѣ у убитаго, и ея внѣшнее положеніе очень напоминаетъ положеніе и духовное состояніе собаки, которую чужой охотникъ выпросилъ у ея хозяина взять съ собою на охоту. Не принадлежа ему „ни душой, ни тѣломъ“, она, только выслушивая „пиль“—должна бѣжать туда, сюда, гнаться за зайцемъ или вспугивать бекаса. Связанность двухъ Коноваловыхъ есть зависимость территоріальная, безъ всякой другой связи, и ихъ отношеніе есть отношеніе дерганья за веревочку. Намъ думается, что судъ присяжныхъ, судъ послѣ убійства, есть прежде всего поздній судъ, есть попытка что-то сдѣлать послѣ „расправы по закону Линча“, печальную картину котораго являетъ это дѣло. Здѣсь нуженъ болѣе ранній судъ; рѣшеніе во́ время, когда одинъ еще не погибъ физически, а другой—нравственно. Т. е. нужно свѣтлое и ясное законодательство о семейныхъ запутанностяхъ и судебная помощь въ нихъ людямъ, исполненная разсудительности, вниманія и заботы. Тогда дѣла Коноваловыхъ,—которыхъ въ подготовленіи и въ возможности сейчасъ легіонъ,—не будутъ получать „уродливаго рѣшенія“, какъ жалуются всѣ сейчасъ, но они предупредятся и исчезнутъ какъ уродство само-по-себѣ, какъ ненормальность сама-по-себѣ, для которой, разъ она совершилась, уже и исхода и суда, и нормы нѣтъ. Намъ все проповѣдуютъ въ судѣ уголовную хирургію; мы же напоминаемъ, что есть еще гигіена общества.

«Нов. Вр.», 1900.

Объ „отрѣченныхъ“ или апокрифическихъ дѣтяхъ.

I.

Дѣти, дѣти... какъ смотритъ на васъ міръ? цивилизація? религія? Что вы такое *для нихъ*, посему мы узнаемъ и узнаемъ, что такое эта религія, эта цивилизація, этотъ міръ. Французы выдумали десятичную систему мѣръ, взявъ за единицу ихъ $^1/_{40}$ милліонную часть меридіана нашей планеты („метръ“). Мнѣ думается, что въ моральномъ и религіозномъ мірѣ *дитя* есть фактъ столь же устойчивый и *не переплюнный*, какъ меридіанъ относительно земныхъ величинъ: оно всегда *одно*, однимъ *процессомъ* происходитъ, имѣетъ въ первую пору одни *признаки*: *довѣрчиво* смотритъ на міръ. Дитя—*вѣрующій*; дитя—*первый проглотитъ* чего угодно и въ томъ числѣ всякой религіи; онъ во всемъ первый „во упованіи“. Ибо дитя и не умѣетъ ничего еще какъ только уповать. Къ XV томамъ нашихъ законовъ я прибавилъ бы XVI-ый: „О женщинахъ и о дѣтяхъ“: напр. чтобы когда беременная женщина входитъ въ конку, первый же въ вагонѣ сидящій—всталъ и далъ ей мѣсто. Я наблюдалъ, что у насъ мужланы сидятъ, а женщины—молодыя, старыя—держатся за ремешки, придѣланные къ потолку конки. Ни уваженія къ старости, ни умиленія передъ красотою. Вотъ ужъ „непскусобрачные“...

Я сталъ любить грековъ, когда прочелъ у Гомера слѣдующій стихъ:

Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ,
Бродитъ *одинъ*, съ головою поникшей, съ заплаканнымъ взоромъ.
Въ нуждѣ приходитъ-ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и просящій,
То одного, то другого слегка касается ризы.
Сжалясь, иной *сиротливому* чашу едва наклоняетъ,
Только уста омочаетъ и нёба въ устахъ не омочитъ:
Чаще-жъ его отъ трапезы *счастливецъ семейственный* гонитъ,
И, толкая рукой и обидной преслѣдуя рѣчью:

„Прочь ты исчезни! *не твой здѣсь отецъ* пируетъ съ друзьями!“
Плачущій—къ матери, къ бѣдной вдовицѣ, дитя возвращается.
(Иліада, XX пѣсня, ст. 490 и слѣд.).

Сколько любви въ этихъ словахъ! Какое вниманіе „слѣпца“—наблюдателя! Какъ здѣсь закругленно очерчено дитя; и чтобы еще увеличить его человѣческій ореолъ оно взято въ страданіи, въ сиротствѣ. Мы представляемъ, и я грѣшный имѣлъ эту мысль,—что греки были выразителями внѣшней красивости, безъ проницанія въ грубину вещей, и особенно въ глубину человѣка; что они были имморальны и холодны. Но вотъ однако же стихъ, который мы привели...

Въ Аѳинахъ, до самой поздней поры, былъ замѣчательный праздникъ *апатурій*: на него всѣ 12 фратрій, составлявшихъ населеніе города, собирались отчасти въ религіозныхъ цѣляхъ, отчасти для разрѣшенія чисто земныхъ нуждъ. Праздновался онъ въ октябрѣ и продолжался 4 дня. Изъ этихъ дней *третій* назывался „куреотисъ“, „дѣтскій день“: въ этотъ день дѣти, родившіяся у гражданъ въ продолженіе года, были представляемы своими отцами (или ихъ замѣстителями) всему собранію фратріи, и, по удостовѣреніи клятвою послѣднихъ законности рожденія, вносились въ списки своей фратріи, послѣ чего становились гражданами; также поступали съ дѣтьми незаконными, если хотѣли надѣлить ихъ правами гражданства. Этотъ день былъ предназначенъ для состязанія въ чтеніи рапсодій, приноровленныхъ къ пониманію дѣтей старшаго возраста.

И опять—какъ просто и какъ благородно!—„Вотъ мое дитя“.—„Да? Ты говоришь -твое? Радуемся, оно—гражданинъ нашъ“! И только. И никакого сомнѣнія. Великой промблемы дитяти не было, оно было такою $^1/_{10}$ милліономъ земного меридіана, что не могло быть вопроса, *по чему* его мѣрятъ: конечно — *по нему* все мѣрятъ! Это Ѳемистоклъ смѣялся: — „знаете ли вы, кто истинный господинъ Аѳинъ?—этотъ мальчикъ. Ибо аѳиняне во всемъ повинуются мнѣ, я — матери этого ребенка, а она — ему самому“. И друзья полководца смѣялись. По этой любви къ дѣтямъ они любили и почитали женщинъ, а Анакреонъ сочинилъ о нихъ пѣсенку:

Дочь Тантала превратилась,
Силой чаръ, въ утесъ нѣмой;
Пандіона дочь носилась
Легкой птичкой надъ землей.

* * *

Мнѣ-жъ бы въ зеркало хотѣлось
Превратиться,—для того,
Чтобы ты, мой другъ, смотрѣлась
Каждый день и часъ въ него.

* * *

Я бъ желалъ ручьемъ быть чистымъ,
Чтобъ у ногъ твоихъ журчать;
Благовоніемъ душистымъ—
Чтобъ твой воздухъ наполнять;

* * *

Платьемъ быть,—чтобъ одѣвалась
Ты въ меня—желалъ-бы я;
Туфлей, чтобъ меня касалась
Ножка милая твоя.

* * *

Или лентою твоею,
Чтобы станъ твой обвивать;
Иль твою нагую шею
Въ видѣ перла украшать.

Странно, до чего родственъ законъ воображенія. Я помню влюбленную свою минуту; это было въ 91 году. Прощаясь съ милою женщиною, я взглянулъ на открытое въ садъ окно ея, и помнится, сказалъ: „вотъ ты уйдешь и ляжешь, и какъ хотѣлъ-бы я быть *этимъ луннымъ свѣтомъ*, падающимъ туда, и который всю ночь *будетъ обливать тебя*“. Вѣрно всѣ влюбленные дѣлаются Анакреонами. Въ часъ свадьбы эти сущія дѣти,—я говорю о грекахъ,—еще не просвѣщенныя „болѣе истиннымъ свѣтомъ“, выражали въ двухъ пѣсняхъ судьбу и перемѣну, готовящуюся дѣвушкѣ:

Какъ подъ погой пастуха гіацинтъ на горахъ погибаетъ,
Съ сломаннымъ стеблемъ къ землѣ преклонивши свой вѣнчикъ пурпурный,
Сохнетъ и блекнетъ въ пыли и ничьихъ не манитъ ужъ взоровъ,—
Такъ же и дѣва, утративъ цвѣтокъ цѣломудрія, гибнетъ:
Дѣвы бѣгутъ отъ нея, а мужчины ее презираютъ.
О, приходи поскорѣе, Гименъ, приходи Гименеосъ!

Это пѣлъ хоръ юношей. Второй хоръ дѣвушекъ выражалъ послѣдующую судьбу женщины и какъ-бы возражалъ первому хору:

Какъ на открытой полянкѣ лоза виноградная, прежде
Бывъ одинокою, къ вязу прильнетъ, сочетавшись съ нимъ бракомъ,
И, до вершины его обвиваясь своими вѣтвями,
Радуетъ взоръ виноградаря пышностью листьевъ и гроздій,—
Такъ и жена, сочетавшися въ юности брачнымъ союзомъ,
Мужу внушаетъ любовь и утѣхой родителямъ служитъ.
О, приходи поскорѣе Гименъ, приходи Гименеосъ!

Такимъ образомъ тутъ больше объяснялась судьба женщины, потомъ давалось ей наставительное руководство. Грозящихъ словъ „жена да боится своего мужа“, въ повышенномъ темпѣ голоса произносимыхъ, не было. Зачѣмъ запугивать; время страху—будетъ, когда кончится любовь; вѣдь по нашему-же вѣрованію „совершенная любовь исключаетъ страхъ“.

Съ нѣкотораго времени я сталъ чрезвычайно *чувствовать*

женщинъ, „родительницъ нашихъ“—прямо всѣхъ ихъ сливая со своею покойной матерью, и сталъ прислушиваться, какъ о женщинахъ и дѣтяхъ поютъ народы. Одинъ средневѣковый меннезингеръ, т. е. человѣкъ очень по нашему безграмотный, выразился такъ:

Если проходитъ *чистая* женщина
Въ платьѣ *простомъ*,
Скромность ее украшаетъ прелестно.
Такъ что въ нарядѣ своемъ
Блескомъ она и цвѣты превосходитъ.

* * *

Всѣ ее солнышку равной находятъ,
Что заливаетъ весь край,
Въ ранній сіящій май.
Пышныя женщины лживой наряды—
Нѣтъ въ нихъ для глаза ни малой отрады.

Это—замѣчательно: поэтъ не переноситъ, чтобы женщина лгала. Лгать могутъ ученые, могутъ даже астрономы. Жизнь женщины—иногда полная ошибка, сквозь которую, однако, не должна проскальзывать ни малѣйшая лживость. Почему? Правдивость въ женщинѣ есть какъ-бы ея цѣломудріе. Какъ только солгала женщина, то это есть самый непререкаемый критерій, что она не цѣломудренна, хотя при этомъ была-бы „дѣвой—разъ-дѣвой“. Напротивъ, все потерявшая, и, между прочимъ „честь“, если вовсе при этомъ не умѣетъ солгать—прямо таки дѣвственница. По сему воспитаніе женщинъ должно-бы состоять въ одномъ: просто въ сокрытіи отъ нея, что существуетъ въ мірѣ фактъ *обмана*, случаи *неправды*; въ изъятіи изъ головы ея самого этого понятія. Дѣвушка, женщина, вдова — должна идти прямо грудью передъ собою, и такъ сказать смотрѣть на міръ довѣрчиво-любящими глазами. „Меня всѣ любятъ: и мнѣ также всѣ дороги“. Что-нибудь въ этомъ родѣ должно быть ея специфическою культурою. Какъ всеобщая мать, женщина есть вообще всеобщая примирительница и даже между-народная. Между-народные конфликты я разрѣшалъ-бы такъ: отдать на разсмотрѣніе самой почтенной женщинѣ Англіи. Это — какая-нибудь старуха, милая бабушка: вѣдь какая честь ляжетъ на ея память, и молва о ней сохранится въ потомствѣ! Увѣренъ, что такія не дипломатическія рѣшенія между-народныхъ споровъ гораздо лучше успокаивали бы народы, чѣмъ рѣшенія дипломатическія.

II.

— О чемъ это вы заговорили? спроситъ читатель,—или по поводу чего?

— Да ни „по поводу чего“, а прямо о послѣднемъ выпускѣ

„Воскресенія“ Толстого. Къ тому и велъ рѣчь. Тамъ—о дѣтяхъ написано, и я, по примѣру германскихъ ученыхъ, собралъ кое-что „вообще о дѣтяхъ“, чтобы перейти, въ частности, „къ дѣтямъ у *насъ*“, какъ они иллюстрированы въ „Воскресеньи“ Толстого. А какъ дѣти суть часть женщины, и даже женщину можно опредѣлить, какъ мистическую зиждительницу дитяти,—то сперва, и опять-же въ предуготовленіе къ Толстовскому „Воскресенью“, дадимъ вырѣзку изъ газеты:

„Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ разбирается дѣло милліонера-колбасника, Адольфа Лютгерта, убившаго свою жену и растворившаго ея тѣло, новѣйшими способами, съ десяткомъ коровьихъ тушъ въ громаднѣйшихъ размѣровъ чанѣ. Свѣтъ давно не видалъ такого звѣрскаго и хладнокровно обдуманнаго убійства. Лютгертъ, нѣмецъ по происхожденію, прибылъ изъ Германіи въ Чикаго лѣтъ 30 тому назадъ небогатымъ человѣкомъ и открылъ маленькую фабрику сосисекъ.

„Съ помощью ему одному извѣстнаго способа придавать особенно хорошій вкусъ сосискамъ и колбасамъ, онъ быстро сталъ богатѣть и въ короткое время выстроилъ громадную фабрику, выпускающую ежедневно на рынокъ многія сотни фунтовъ колбасы и сосисокъ.

„Лѣтъ 15 назадъ у Лютгерта скоропостижно скончалась первая жена, но никто не заподозрилъ ни въ чемъ богатаго фабриканта, хотя многіе знали, что онъ человѣкъ сквернаго характера и притѣснялъ жену. Но когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ пошли слухи, что его второй жены нѣтъ въ домѣ, то это вызвало сильныя подозрѣнія. Вѣрная горничная первая осмѣлилась спросить у мистера о миссисъ, и грубый хозяинъ отвѣтилъ неспокойнымъ голосомъ, что миссисъ поѣхала въ гости къ своему брату. Горничная не удовлетворилась этимъ отвѣтомъ, такъ какъ видѣла хозяйку еще наканунѣ вечеромъ, когда та собиралась идти спать, а не ѣхать въ гости. Служанка осмотрѣла шкафы съ платьемъ и нашла, что ни одно изъ платьевъ не тронуто хозяйкой, которая не могла же отправиться въ гости въ ситцевой домашней кофточкѣ, безъ шляпки и безъ перчатокъ. Вечеромъ того же дня одинъ изъ сторожей, убиравшихъ обыкновенно остатки или осадки изъ чановъ, нашелъ въ одномъ изъ послѣднихъ нѣсколько кусковъ стали отъ женскаго корсета и бриллiантъ изъ перстня хозяйки. Догадливая горничная на другой день отправила письмо къ брату миссисъ Лютгертъ, въ которомъ спрашивала о своей хозяйкѣ. Оказалось, что послѣдняя къ брату и не думала ѣздить, *а была сварена въ чанѣ новѣйшимъ усовершенствованнымъ способомъ, а затѣмъ ея полакомились охотники до лютгертовскихъ сосисокъ.* Лютгертъ отрицаетъ свою вину, но рабочіе, наблюдавшіе ночью за чанами въ фабрикѣ, свидѣтельствуютъ, что какъ разъ

въ ту ночь, когда его жена исчезла, онъ ихъ всѣхъ удалилъ подъ предлогомъ, что нужно осмотрѣть машины на фабрикѣ,—чего онъ никогда ночью не дѣлалъ,—и при этомъ еще сильно торопилъ ихъ скорѣе убраться домой. Когда на слѣдующіе утро пришли дневные рабочіе, то замѣтили, къ своему удивленію, хозяина возившагося около того самаго чана, въ которомъ сторожъ потомъ нашелъ крупный брилліантъ изъ перстня убитой и кусочки стали. Лютгерта арестовали и не согласились выпустить изъ тюрьмы подъ залогъ.

„Въ мѣстномъ обществѣ дѣло Лютгерта вызвало страшное волненіе не столько въ виду личности убійцы или мотивовъ убійства, сколько въ виду того звѣрскаго и необычайнаго способа, которымъ оно было совершено“. (*Русское Слово,* 1896 г.).

Ужасно. Надо вдуматься. Нужно искать аналогій въ исторіи. Мы читаемъ у римскихъ историковъ, что „рабовъ“, „servos“ употребляли тамъ—конечно очень рѣдко, чуть-ли даже не однажды только за всю исторію—на откармливаніе гастрономической рыбы, и ужаснувшись, объясняемъ себѣ: „до того этотъ народъ отождествилъ понятіе человѣка съ суммою гражданскихъ правъ, что у кого ихъ не было, а ихъ не было у рабовъ, того онъ выключалъ вовсе изъ состава человѣчества“. Грекъ выключалъ изъ состава людей, имѣвшихъ душу,—„варваровъ“; іудей — „не обрѣзанныхъ“. Вотъ рядъ фактовъ какого-то непониманія, какого-то забвенія, на почвѣ котораго выростало столько грубости, и иногда разыгрывались случаи кроваво-дикіе Тутъ въ основаніи событія лежитъ запущенность пониманія. Теперь перейдемъ къ другой аналогіи. На всемъ кругѣ земель, во всей цивилизованной Европѣ чего нельзя себѣ представить? Нельзя себѣ представить, чтобы министръ началъ драться (бить нѣкоторыхъ просителей) въ пріемные у себя часы. Ихъ такъ много и такъ сильно критиковали, что они стали *необычно* вѣжливы. Но возьмемъ случай обильнѣйшихъ отношеній. Нельзя себѣ представить, чтобы ученика на урокѣ взялъ схватилъ-бы учитель, да тутъ-же при всѣхъ товарищахъ его и выпоролъ. Не то, что это „запрещено закономъ“; мало-ли что запрещено; но уже атмосфера теперь такая, и спеціально между ученикомъ и учителемъ, что скорѣе совершится чудо, рука учителя покрестся проказой какъ у какого-то спрійскаго полководства передъ пророкомъ, нежели чтобы эта рука физически, физіологически, съ бичемъ—поднялась на ученика. Вы чувствуете, нравы могущественнѣе закона; нравы, переходя въ предразсудки, въ суевѣрія, становятся стальною неизбѣжностью или стальною-же невозможностью. На всемъ континентѣ Европы учениковъ больше не бьютъ; но жепъ? Сколько угодно! Вотъ уже первая ступень къ Лютгерту. Ихъ бьютъ вѣка, тысячелѣтіе, и не одно: и мы, конечно, очень снаивничали, высказавъ выше претензію, почему передъ ними не встаютъ въ кошкѣ.

Писатели наши, изъ натуралистовъ, давно дивятся, что жеребую кобылу мужикъ не впряжетъ въ возъ, а беременную жену поставитъ на тяжелую работу. Не забуду, какъ, много лѣтъ назадъ покупая грибы у не молодой, но и у не старой женщины, я увидѣлъ, что она вдругъ залилась слезами. — „Что съ тобой?“ — „Дочка на сносяхъ, 17-й годокъ только, совсѣмъ глупая; и вотъ боюсь, чтобы чего не случилось; она у меня слабая, а мужъ поставилъ ее рожь молотить“. Но это — въ сторону. Конечно, дико думать, чтобы кобыла была дороже жены для мужика, но о кобылѣ, т. е. о хозяйствѣ каждый мужикъ что-то спеціальное понимаетъ, а о женѣ каждый спеціально не понимаетъ, и, такъ сказать, не понимаетъ не разумомъ, но суевѣріемъ, предразсудкомъ, привычкою. Чего-же онъ не понимаетъ? да съ чего онъ, въ самомъ дѣлѣ, 2,000 лѣтъ привычно бьетъ ее? „Лошадь — одёръ; ну, противна — продалъ ее. Но жена есть такой одёръ, котораго нельзя продать, а можно только убить“. Исторія Лютгерта совсѣмъ выклевывается изъ яичка. Вѣдь тутъ—тысячелѣтніе нравы; и на каждой улицѣ, въ каждомъ городкѣ, гдѣ-нибудь въ мирной хижинкѣ мирнѣйшихъ странъ подрумянивается семейное преступленіе, какъ къ осени подрумяниваются яблоки на солнцѣ. Атмосфера накипается, густѣетъ. О, конечно, въ тысячѣ случаевъ до преступленія не доходитъ; кончается потасовкой, дракой; нѣтъ Лютгерта, но $^1/_{1000}$ Лютгерта есть. А гдѣ есть $^1/_{1000}$, дойдетъ и до $\frac{1,000}{1,000}$, т. е. до полной и созрѣвшей единицы. Да такъ это и написано въ законѣ всѣхъ странъ Европы: „покушеніе одного изъ супруговъ на жизнь другого не есть достаточный поводъ для расторженія супружества“. — „Рѣзалъ, да не зарѣзалъ...“—„Однако, дышетъ“?—„Дышетъ“.—„Ну, ничего; пусть живутъ согласнѣй и уважаютъ святую тайну брака; а, впрочемъ, намъ некогда; киріе элейсонъ, киріе элейсонъ“. Вы живете въ одной комнатѣ съ непріятнымъ человѣкомъ; ну, живете годъ—тяжело; прошло пять лѣтъ—очень тяжело; семь лѣтъ—невыносимо. „Да чѣмъ невыносимо?“—„И выразить не умѣю, не переноситъ моя душа“.—„Ну, вотъ пустяки, даже и посмѣяться нечему“.—„Дайте хоть снадобья какого выпить, чтобы не милое стало милымъ“. —„Нѣтъ этакого снадобья, не выдумано, живите такъ“. — „Тогда я буду драться?..“—„Это можно“.—Да нѣтъ, живуча собака; побьетъ, а къ вечеру она на кровать къ тебѣ лезетъ; не знаю, что дѣлать.—„Ужъ какъ нибудь обдумайтесь“... И вотъ начинается въ тихомолку обдумыванье; одинъ—такъ поступилъ, а другой—этакъ, и, наконецъ, третій, Лютгертъ, вотъ этимъ, еще не испытаннымъ способомъ. „Какъ ужасно“! Да что ужасно-то, вѣдь и въ законѣ предвидѣно, законъ включилъ не только всяческіе пороки, но и наконецъ преступленіе, въ семью; чего-же вы дивитесь, что семья порочна и

преступна? Это сколоченный гробообразный ящикъ, о которомъ не безъ поводовъ, en masse, сложилась поговорка: „семья—могила любви“. Вы сидите въ комнатѣ и охотно весь день занимаетесь; но вамъ сказали съ утра: „нельзя выйти этотъ день изъ дома“. —„Ну, тогда я побѣгу; изъ окна выскочу; руки, ноги обрѣжу—но выскочу“. Психика. Психика самая коротенькая, что любя дѣло я проспжу за дѣломъ; но когда любимое дѣло мнѣ поставятъ въ *урокъ*, я его возненавижу, не исполню. И въ особенности, если это любимое дѣло—величайшей нѣжности и деликатности, все полное нервозности, сплетенное изъ солнечныхъ лучей и запаха цвѣтовъ. Нужно плести брюссельскія кружева; а вы дали для плетенія ихъ, вмѣсто тончайшихъ спицъ, деревенскій ухватъ.—„Ухватъ“, поясняете вы,—„для того, что нужно это кружево долго плести, и ухватъ не сломается, да и самое кружево будетъ тогда прочнѣе“.—Ну, и получилась веревка, на которой можно только удавиться, а не брюссельское кружево. Т. е., перелагая примѣръ на дѣйствительность, въ Европѣ и всегда-то была, вмѣсто эфира семьи, какая-то веревка удавленника. Легенды о „злыхъ женахъ“, легенды, сказанія, жалобы—еще Ярославовой древности. О „злыхъ“ и объ „озлобленныхъ“; и ужъ, вѣрно, объ этихъ „злыхъ женъ“ много, съ Ярослава Мудраго, ухватовъ переломано. „Живучи, стервы“.

Во всякомъ случаѣ, Лютгертъ—понятенъ, какъ понятенъ римскій servus въ прудѣ съ муренами (хищная вкусная рыба). Это—спеціальность нашего непониманія. Спеціальность нашего „спасенія“, которое путемъ „женщины“ оскверняется. И что-же удивительнаго, и какже поправить, что около этой „скверны“—все скверно, т. е. скверна семья, отъ которой нужно „воздержаться“. Не воздержался, не послушалъ совѣта: „лучше не жениться“, ну—„и майся, другого совѣта тебѣ не дадимъ. Да и главное—некогда намъ вовсе, не для этого пришли мы въ міръ; тамъ—ереси одолѣваютъ, здѣсь—хладный міръ. Некогда, некогда“...

III.

Но, мы сказали, женщина—начало ребенка, начинающійся ребенокъ; и какова въ цивилизаціи или религіи концепція женщины, такова непремѣнно будетъ и концепція рождающагося ребенка. Метафизика тонка и высока; метафизика утонченна и духовна; но непремѣнно эта метафизика скажется на землѣ, выразится на землѣ неодолимой силы фактами, и вотъ ихъ, эти факты, и рисуетъ въ „Воскресеньи“ Толстой.

„— Я спросить хотѣлъ про ребенка. Вѣдь она у васъ родила? Гдѣ ребенокъ“? спрашиваетъ дурной, но теперь кающійся отецъ.

„— Ребеночка, батюшка мой, я тогда хорошо обдумала. Она

(Катерина) дюже трудна была, не чаяла я ей подняться. Я и *окрестила дѣвочку*, какъ должно, *и въ воспитательный представила*. Ну, *ангельскую душку что-жъ томить, когда мать помираетъ*. Другіе такъ дѣлаютъ, что оставятъ младенца, не кормятъ, онъ и стаснетъ; но я думаю: что-жъ такъ—лучше потружусь, пошлю въ воспитательный. Деньги были, ну и свезли“.

„ А нумеръ былъ“?

„— Нумеръ былъ, да померъ ребенокъ тогда-же. Она сказывала: какъ привезла, такъ и кончился“.

„— Кто она“?

„— А самая эта женщина, въ Скородномъ жила. Она этимъ занималась. Маланьей звали, померла она теперь. Умная была женщина—вѣдь она какъ дѣлала. Бывало, принесутъ ей ребеночка, она возьметъ и держитъ его у себя въ домѣ, прикармливаетъ. И прикармливаетъ, батюшка ты мой, пока кумплектъ соберетъ. А какъ соберетъ тройхъ или четверыхъ, сразу и везетъ. Такъ у ней было умно и сдѣлано: такая люлька большая, вродѣ двуспальная, и туда и сюда класть. И ручка придѣлана. Вотъ она ихъ положитъ четверыхъ, головками врозь, чтобъ не бились, ножками вмѣстѣ, такъ и везетъ сразу четверыхъ. Сосочки дастъ, они и молчатъ, сердечные“.

„— Ну, такъ что-же?“

„— Ну, такъ и Катеринпнаго ребенка повезла. Да никакъ недѣли двѣ у себя держала. Онъ и зачиврѣлъ у ней еще дома“.

„ - А хорошъ былъ ребенокъ?—спросилъ Нехлюдовъ“.

„— Такой ребеночекъ, что надо-бы лучше, да некуда“.

„ - Отчего-же онъ ослабѣлъ: вѣрно дурно кормили?“

„— Какой ужъ кормъ? Только примѣръ одинъ. Извѣстное дѣло, не свое дѣтище. Абы довезть живымъ. Сказывала, довезла только до Москвы, такъ въ туже пору и сгасъ. Она и свидѣтельство привезла,—все какъ должно. Умная женщина была“.

„- Только и могъ узнать Нехлюдовъ о своемъ ребенкѣ“.

Многіе говорятъ, что рука Толстаго уже слаба и рисунокъ—не той тонкости, какъ въ *Аннѣ Карениной*. Кто-же будетъ противъ этого спорить! Но ему уже седьмой десятокъ пошелъ; мы, юные, забыли уже печальный процессъ Скублинской (въ Варшавѣ, въ концѣ 80-хъ годовъ), а онъ дрожащею старческою рукою рисуетъ его, рисуетъ спеціально для „Нивы“, т.-е. онъ тревожитъ насъ, мучитъ и... и, какъ очень точно выразился г. Гатчинскій Отшельникъ, ставитъ передъ нами проблему *„безсмертныхъ вопросовъ“*...

Позвольте: *отецъ* черезъ 15 лѣтъ справляется о ребенкѣ, т.-е. онъ его любитъ; *мать*—въ безсмертной красоты сценѣ,—когда она бѣжала за поѣздомъ, увозившимъ Нехлюдова и подумала о самоубійствѣ, была спасена отъ него ребенкомъ:—„Вдругъ она почувствовала подъ сердцемъ движенія безцѣнно дорогаго ей су-

щества: и въ тоже время мысль о самоубійствѣ разсѣялась“. *Государство*... да, и оно дастъ „№ ребенка“, т.-е. говоритъ: „помни, припомни: онъ твой“. *Сторонняя женщина*, промыслительница, и та „кладетъ ребеночковъ врозь головками, чтобы они не стукались“. Но нѣтъ-ли *кого*, кто совершенно забылъ о ребенкѣ, не имѣетъ никакой его концепціи, и если уже имѣетъ, то скорѣе—отрицательную? *Скопецъ*. Въ духѣ или въ тѣлѣ скопецъ, аскетъ или кастратъ—все равно.

Аскетъ. Вамъ было сказано не рождать... Или рождать какъ можно меньше, ограниченно, въ нѣкоторыхъ и строго опредѣленныхъ случаяхъ. Зачѣмъ ты родила?

Катерина. Богъ велѣлъ.

Философъ. Что она въ точности родила не безъ воли Божіей, не безъ радости Божіей о ея рожденіи, это видно изъ того, что она зачала; не благословляемые Богомъ—и не рождаютъ. Проститутки никогда не рождаютъ, вовсе; развѣ вы этого не замѣчали? Даже въ первое время профессіональнаго своего занятія, когда онѣ бываютъ еще здоровы: ибо Богъ проклялъ ихъ, и проклялъ ихъ чрево—за поруганіе Его. Если вы сомнѣваетесь, есть текстъ: „И посѣтилъ Господь Анну, и зачала она“. (*Первая книга Царствъ*, II, 21). Если выраженіе: „Богъ посѣтилъ ее“—вамъ кажется слишкомъ обще, и вы можете принять его въ смыслѣ: „посѣтилъ радостью“, „посѣтилъ исполненіемъ того, чего она желала“, то вотъ другой текстъ, не оставляющій уже никакого сомнѣнія, что собственно всякое рожденіе имѣетъ соучастника себѣ въ Богѣ: „Духъ Божій создалъ меня и дыханіе Вседержителя дало мнѣ жизнь“. (*Іовъ*, XXXIII, 4). Если вѣрите авторитету *Библіи*, должны повѣрить и этому слову. Въ томъ или иномъ смыслѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, и по всему вѣроятію способомъ и въ смыслѣ, коего человѣкъ никогда не разгадаетъ, но Существо Божіе причастно зачатію и въ самый мигъ его—опять не изслѣдимо *какъ*—касается рождающихъ и прорѣзываетъ Мистическимъ Ликомъ плоть, отпечатлѣвая въ ту же секунду „образъ и подобіе“ Свое на зачинаемомъ. Впрочемъ, и объ этомъ есть-же текстъ: „Какъ небо новое и новая земля, которыя Я сотворю, всегда будутъ передъ лицемъ Моимъ, говоритъ Господь,—такъ и *сѣмя ваше* будетъ *передо Мною*“... „*Доведу-ли Я до родовъ* и не дамъ родить? говоритъ Господь; или *дающая силу родить*, заключу-ли утробу, говоритъ Богъ твой?“ (*Исаія*, LXVI, 9 и 22). Если Божіе слово—истина, Катерина истинствовала зачиная, и каждая тварь зачиная—истинствуетъ передъ Богомъ.

Аскетъ. Да, но новыя слова...

Философъ. Новыя слова и вѣчное человѣческое недомысліе... Развѣ Богъ двоится? Имѣетъ двѣ истины? Но не научены-ли вы, что Богъ имѣетъ Ипостаси, надъ чѣмъ тоже издѣвался недомыс-

ленникъ Вольтеръ, и одна Ипостась—вѣчно рождаетъ, другая—предвѣчно рожденное Слово уже не рождаетъ, и поэтому одному, сшедшая съ небесъ на землю, научила человѣчество нравственному міропорядку, но умолчала о существѣ рожденія, умолчала вовсе не по отрицанію его, но потому, что всякій о рожденіи глаголъ и всякому рожденію сопринсутствіе принадлежитъ Первой Ипостаси. Вы не различаете Ипостасей Божіихъ, и посему, исповѣдуя сыновство, хотя исповѣдуете Сына — Слово, но вовсе забыли Отца.

Аскетъ. Но это забвеніе очень древнее...

Философъ. Чрезвычайно. Идея Отчей Ипостаси не возбуждала вопросовъ, не породила сектъ, не обсуждалась на соборахъ, и осталась въ тѣни, превратившись въ вѣкахъ только въ упоминаемую, безъ всякой около нея философіи. Между тѣмъ вся полнота бытія восходитъ къ Богу. Вся мысль человѣческая, и всѣ науки, всякая философія струится отъ Предвѣчнаго Слова, но если-бы этимъ ограничивалось отношеніе человѣка къ Богу, то и въ Божествѣ была-бы неполнота, и человѣкъ—недоумѣніе. Откуда онъ *самъ?* И неужели зачатіе человѣка есть такая мгла, которую... безсильно, что-ли, проницать Существо Божіе? Свѣтъ семьи—не меньшій, чѣмъ свѣтъ философіи. Если-бы Богъ не обнималъ рожденія тварей, онъ не обнималъ-бы главнаго въ тваряхъ, и даже тварь была-бы безъ Творца.

Уже давно, многіе вѣка въ наше исповѣданіе Три—Ипостаснаго Божества, Первая Ипостась входитъ только *нумераціонно*, безъ образа, безъ мысли, безъ пониманія тѣхъ *„не сліянныхъ“* чертъ, по существу коихъ она и называется около второй и третьей. Вы хотите доказательства—вотъ оно. Кто не радовался принятію въ лоно нашей Церкви Спро-Халдеевъ. СпроХалдеевъ... какое имя! Какія воспоминанія! Какое чудо исторіи и кругооборотъ ея: вѣдь Авраамъ, отецъ ветхозавѣтной Церкви, былъ выходецъ изъ халдейскаго городка Ура. И вотъ, трепеща сердцемъ, я вырѣзалъ чинъ исповѣданія вѣры, по коему неофиты были приняты. Прочтите его и вдумайтесь:

„Мы-же вѣруемъ и исповѣдуемъ и проповѣдуемъ тако: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *прежде вѣкъ отъ Отца рожденный по божеству*, въ послѣдокъ-же дній рожденный отъ Святой Дѣвы Маріи по человѣчеству, есть Единъ и той-же

во двою естеству,
во единѣмъ лицѣ
или во единѣй ипостаси,
Единъ Христосъ,
Единъ Сынъ,
Единъ Господь,
Единъ Богочеловѣкъ.

„И паки глаголемъ: мы вѣруемъ и исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, яко *Единосущный Отцу по Божествѣ и единосущный намъ той-же по человѣчествѣ.* Единъ сый Святыя Троицы, *Богъ Слово, отъ Святыя Дѣвы Маріи воспріялъ* совершенное человѣческое естество, то-есть *душу словесную и разумную* и тѣло:

и человѣческія свойства,
и человѣческое дѣйствіе,
и человѣческую волю.

„И егда Богъ Слово соедини тако во своей Ипостаси совершенное человѣческое естество съ совершеннымъ Божескимъ естествомъ и содѣлался человѣкомъ: различіе двухъ естествъ не уничтожено соединеніемъ, не упразднено и не ослаблено: паче-же каждое изъ двухъ естествъ сохранило свое свойство. Посему во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ

два естества,
два свойства,
два дѣйствія
и двѣ воли,
пребывающія въ немъ неслитно,
неизмѣнно,
нераздѣльно,
неразлучно“.

Вы видите, что весь этотъ кругъ исповѣданія, гдѣ наблюдаемъ слѣдъ работы всей Церкви, опредѣлилъ до послѣдней степени тонкости и раздѣльности... одну только Вторую Ипостась. Третья ипостась, Духъ Святый, „Духъ утѣшитель“, какъ назвалъ Его Спаситель, „Духъ Истины“—не названъ, не выраженъ. Въ храмахъ своихъ мы видимъ его только „сходящимъ въ видѣ голубя на крестящагося въ Іорданѣ“ Іисуса; и это, да еще то, что „исходя отъ Отца онъ не исходитъ отъ Сына“, —есть все, что мы о немъ знаемъ. Т.-е. мы о Немъ ничего не знаемъ и не приложили никакого вниманія, усилій, разсмотрѣнія міра, чтобы опредѣлить и уяснить: гдѣ, какъ и какимъ *„не сліянно“*-же способомъ въ вещахъ міра, въ дѣлахъ міра выражается эта Третья Ипостась? Далѣе, въ подчеркнутыхъ нами словахъ исповѣданія, Первая Ипостась выражена лишь относительно второй, она—относительна (въ словесномъ выраженіи), тогда какъ очевидно она-то и безусловна, начальна, все-зиждительна. Въ символикѣ храмовыхъ изображеній Она отразилась древнею, необыкновенно древнею фигурою—*Всевидящаго Ока*, заключеннаго въ *треугольникъ*: △; изображеніе, которое въ раздѣльности своей (отдѣльно *глазъ* и отдѣльно *треугольникъ*) постоянно въ египетскихъ папирусахъ. Второе храмовое изображеніе, это „Ветхій деньми“, рѣющій въ небесахъ, т.-е. образъ Старца, старости, древности. Итакъ: „ветхое“ и „видящее“ суть два аттрибута, подъ коими мы мыслимъ

Первую Ипостась. Такимъ образомъ въ теизмѣ нашемъ, какъ онъ выразился художественно (живопись въ храмахъ) и выразился словесно (исповѣданіе) и выражается сердечно и чувственно, есть та очевидная односторонность развитія, что это есть теизмъ не Три-Ипостаснаго поклоненія, но Второ-Ипостаснаго: поклоненіе собственно евангельской исторіи, евангельскому повѣствованію, евангельскимъ отдѣльнымъ событіямъ, съ крайнимъ ослабленіемъ вниманія къ книгѣ Первой, зиждительной Ипостаси—Библіи. Поразительно, что изображеній Авраама и Сарры, умилительной исторіи Іосифа, глубокомысленнаго благословенія Іаковомъ сыновъ своихъ, Руви и Поемини, Іова и судьбы его, Товіи и Товита, нѣтъ въ нашихъ церквахъ: т.-е. есть *страшное ослабленіе* библейскаго духа, какъ бы это былъ полузабытый сонъ, о которомъ намъ *нѣтъ нужды* помнить и *нѣтъ спасительнаго* въ этомъ воспоминаніи! Есть въ храмовыхъ изображеніяхъ очень много византійскаго, византійской ученой работы надъ расчлененіемъ вѣры,—и огромная портретная живопись греческой и русской исторіи. Но гдѣ Лаванъ? но гдѣ Рахиль и Лія? гдѣ Сарра и Лотъ? Ааронъ и Маріамъ? Даніилъ и Сусанна? И вообще, даже переходя къ Евангелію, гдѣ *жены* и *дѣти, матери* и *сестры?* Гдѣ *всемірное родительство?*.. Нѣтъ отвѣта; и воображеніе, и размышленіе не коснулось этихъ вопросовъ. Въ золоченныхъ почернѣвшихъ вѣнчикахъ передъ нами стоятъ лики *догматиковъ* міра, а не *жильцовъ* міра. *Школа!*.. Христіанство *все* фразпровалось въ исторіи не какъ *быть*, но какъ какая-то, да будетъ прощено для нужности образное выраженіе, необозримая *семинарія* и „быть христіаниномъ“ стало значить „быть семинаристомъ“. „Жить“ *уровнялось* съ „учить“ или „учиться“; но, Боже, мы *развѣ только* учимся, мы еще хотимъ, намъ еще нужно жить! Я не знаю, съумѣлъ-ли выразить и почувствовалъ-ли читатель великую коллизію между тѣмъ, что *нужно* бы и что *ожидалось* бы и что совершенно *право*, и между тѣмъ, что *дано* и очевидно какъ-то перекосилось въ планѣ своемъ, какъ Исаакій сталъ коситься отъ неравномѣрнаго осѣданія портиковъ и центральнаго квадрата въ немъ. Все цѣло; все великолѣпно еще: по 40 лѣтъ стояли около дивной работы Монферрана лѣса, чтобы *выпрямить* на 3 дюйма, но *отклонившіяся отъ вертикали*, порфирныя колонны. Я боюсь утомить читателя, и скорѣе перехожу къ поводу всѣхъ этихъ сужденій „Воскресенью“ Толстого, и тому частному эпизоду о *дѣтяхъ*, объ *отцѣ* и о *матери*, о которыхъ заговорилъ. Вотъ Нехлюдовъ, „блудный сынъ“ въ „отчествѣ“ своемъ: что-же, въ приведенномъ мною перечнѣ необходимыхъ христіанину знаній, онъ имѣетъ для *исповѣданія* и для *вѣры* какъ *отецъ?* Ничего. Ни свѣта просвѣщенія, ни жеста управленія, ни пластыря на рану, ни укора для грѣха иначе какъ „въ *обще*-христіанскихъ терминахъ и для *обще*-христіанскихъ чувствъ“. Но вѣдь есть-же

особливость и *спеціальность* въ грѣхѣ, правдѣ, скорби и заносахъ отцовскихъ и материнскихъ, и это не какая-то *долька* міра, а это *стержень* міра, главное русло „океанъ-рѣки“: вотъ въ эту-то „океанъ рѣку“ христіанство и не кануло, не пошло „руслomъ“, а какою-то *боковой*, и *временной*, сравнительно *случайной* канавкой. Конечно — *перекошенность плана* къ гибели міра (не просвѣщеннаго), къ опасностямъ, измельчанію, обмелѣнію самой вѣры, которая полилась по пескамъ и камнямъ, а не по надлежащему руслу. Языкомъ моимъ говоритъ скорбь, какъ о мірѣ, такъ и о вѣрѣ. Мы всѣ не просвѣщены и брошены именно и спеціально какъ отцы, родители, рождатели. И напр. Нехлюдовъ, да и сама Катерина, даже не знаютъ оба, *отецъ*-ли и *мать* они? *полу*-супруги-ли они или *вовсе не*-супруги между собою? и *что такое* этотъ ребенокъ, *связанный*-ли съ нимъ, *не связанный*-ли? Ничего не знаютъ, рѣшительно ничего. Никакого свѣта для нихъ, никакой науки; и гр. Толстой въ данномъ пунктѣ именно *начинаетъ науку, пролагаетъ свѣтъ*: „связь есть, разъ есть ребенокъ“, „нити перерѣзать между вами нельзя“, „перерѣзали—больно станетъ, грѣхъ есть“, „держитесь другъ за друга, не оставляйте другъ друга“. Это—*новое*, это—*нужное*: этого въ византійскихъ хроникахъ нѣтъ, и нѣтъ въ Номоканонѣ. Связь между всякими родителями до того очевидна, что даже гражданскій, т.-е. поверхностный и человѣческій законъ, нашелъ ее (отецъ уплачиваетъ на воспитаніе ребенка), но нашелъ конечно только экономическую связанность; и между тѣмъ вѣдь это сфера очевидно закона Божія, и онъ указалъ-бы, да онъ и указываетъ, а Толстой только подчеркиваетъ *трансценденттную* здѣсь *связь*, *разрывъ* которой и порождаетъ *грѣхъ*, *чувство виновности*. Вотъ странность: *грѣхъ*, упавшій *со счетовъ* церкви; очевидно, есть какая-то *святость*, тоже упавшая съ ея счетовъ, и вообще въ категоріяхъ *святаго* и *грѣха* въ ея „счетахъ“ есть какая-то неполнота. Изъ этой неполноты ея счетовъ и вытекли *грѣхъ Нехлюдова, несчастье Катерины, смерть ихъ ребенка*, ужъ слишкомъ „обще“, „по христіански“ охваченное въ рубрику: „противъ VII-й заповѣди“. Ну, что-жъ „противъ VII-й заповѣди“: и въ публичный домъ сходить— „противъ VII-й заповѣди“, и въ постъ съ законной женой соспуть „противъ VII заповѣди“. Грѣшимъ, и каемся, и забывается, и прощается... такъ именно и думалъ Нехлюдовъ, когда Толстой далъ почувствовать, что *оставленный человѣкомъ человѣкъ*, и *отцомъ*—*ребенокъ*, и *„познавшимъ“*—*дѣвушка*,—это вовсе не „сонъ съ женой подъ праздникъ“, „не VII-я заповѣдь“, но нѣчто страшное, не забываемое, трансцендентно-грѣшное. Такимъ образомъ романъ научаетъ *новому святому* и *новому грѣшному*, открываетъ новыя территоріи *грѣха и святости*, не вошедшія и даже какъ-то не вписуемыя по „песку и галькѣ“ по коимъ потекло христіанство

въ Византіи и Римѣ. Мы мысленно обращаемся къ г. *Мирянину*, выступившему, въ этомъ году, противъ всякаго разлитія христіанства въ семью, и высказавшагося за сохраненіе въ немъ строго „пустыннаго“ духа; онъ сослался при этомъ на Никанора Одесскаго, и на спеціально-монашескія скорби, на которыя тотъ сѣтуетъ въ „Запискахъ изъ исторіи ученаго монашества“. Въ кругѣ приведеннаго нами исповѣданія выпущена вовсе Первая Ипостась. И что-же изъ этого практически вытекло? Отсутствіе культуры,—когда-бы только оно!.. Но вѣдь вы, я обращаюсь къ г. Мирянину, пусть духовно еще, но все-таки *скопецъ*, и не только *не понимаете*, вы—*отрицаете*. Вы—*нигилистъ*, и не по отношенію къ тѣмъ пустякамъ, о которыхъ говорилъ Базаровъ и они пугали публику 60-хъ годовъ; вы нигилистъ міра, міровой нигилистъ, нигилистъ тѣхъ степеней, которыя переходятъ въ бѣсовщину, отчего онъ и разразился не конспиративными квартирами, а... *дѣтоумерщвленіемъ*. Толстой только рисуетъ сцену и плачетъ; плачетъ и говоритъ, шамкая шестидесятилѣтними губами:

„— Ничего не понимаю въ мірѣ. Матери рыдаютъ о возлюбленныхъ дѣтяхъ своихъ, но какой-то страхъ гонитъ ихъ, и съ рыданіями онѣ бросаютъ ихъ. Младенецъ спасъ мать, еще лежа въ чревѣ ея, когда она бѣжала за поѣздомъ; но вотъ она родила—и своего избавителя отъ смерти предаетъ смерти. Не понимаю. Я старикъ; ничего не понимаю. Но я чувствую, что нѣтъ Бога въ мірѣ, и я отрекаюсь отъ міра“.

Тутъ поспѣваетъ и слово Никанора: „мы, ученые аскеты—выразители мірового пессимизма“... „Не вѣрю: помози, Боже, моему невѣрію“ [1]).

Какой вопль! Да чему-же и вѣровать? Міровая горечь. Міровое

---

[1]) Поразительны слова, и *тонъ* этихъ словъ: „Вся сила страданія, какая только дана монаху отъ природы, кидается на одинъ центръ—на него самаго, и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самобольніе*. И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто пріобрѣлъ отъ юности навыкъ, кого Богъ не оставилъ благодѣтельнымъ даромъ *духовнаго искусства*, а ангелъ-хранитель неотступностью своихъ внушеній указываетъ опереться *на Бога и Церковь, опереться даже безъ вѣры и надежды на стѣну церковную*. Я употребляю слова выболѣнныя, да! Я зналъ монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей. Это чудо, но вѣрно... Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая собственно болями ума, выразился такъ: „правда, становится подчасъ понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовиковъ“ (самоубійца профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна. И мучится монахъ въ душѣ прирожденными ей усиліями помирить *злую необходимость, явно царящую вездѣ и надъ всѣмъ, отъ безпредѣльности звѣздныхъ міровъ и до ничтожной песчинки человѣка*, съ царствомъ благой свободы, которую человѣкъ волей-неволей силится перенести изъ центра своего духа на престолъ вѣчности, для которой царствующій всюду злой рокъ служитъ только послушнымъ орудіемъ и покорнымъ подношеніемъ? А христіанскій *мысли-*

отчаяніе: ибо когда уже мать, рыдая отъ жалости, умерщвляетъ младенца, то... то умѣстенъ вопросъ Кириллова („Бѣсы“ Достоевскаго“):

„Мнѣ кажется, самые *законы нашей планеты—ложь*, и земля наша—ложь, и весь міръ—*дьяволовъ водевиль*“.

По философіи *я—минусъ*.
По богословію—*изнанка Божества*.
Короче—*я ничто, я—жизнь отрицанье*...

Такъ опредѣляетъ себя Сатана въ „Донъ-Жуанѣ“ гр. Алексѣя Толстого. Конечно, это не богословъ опредѣлилъ, но и богословъ и философъ поддержатъ поэта въ этомъ опредѣленіи по ту-свѣтной черной трансцендентности. Не было предложено схватить поэта и ввергнуть въ темницу за ересь, хотя, вѣроятно, множество духовныхъ читали и это стихотвореніе автора „Іоанна Дамаскина“. Да и Филаретъ, когда прочелъ стихотвореніе Пушкина:

Даръ *напрасный*, даръ *случайный*,
Жизнь—зачѣмъ ты мнѣ дана?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ.

когда онъ прочелъ это, то отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь—отъ Бога мнѣ дана...

тель, въ родѣ ученаго монаха, передъ неприступностью этихъ вопросовъ или падаетъ въ изнеможеніи, и, *разорвавъ ярмо вѣры, закусивъ удила, неистово бѣжитъ къ гибели, какъ-бы гонимый рокомъ*, или, *переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, вѣрный* завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, *съ душой, иногда прискорбной даже до смерти, припадая лицомъ и духомъ долу*, молится евангелическою, символическою, общечеловѣческою молитвою: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*, и, поддерживаемый Божіею благодатью, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово и *не отвергаетъ имени Христова* (NB. до чего, до какихъ *безднъ, крастъ* доходитъ дѣло!) и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбы даже до смерти. Вотъ что я называю міровой скорбью нашей эпохи, и вотъ почему называю ученыхъ (сознательныхъ) монаховъ первыми носителями этой міровой скорби“ (напечатано впервые въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1896 г., кн. 1—3; г. *Мірянинъ* цитируетъ это мѣсто въ № 26 „Русскаго Труда“). Здѣсь, кажется, слова утѣшенія и *оговорокъ*—слабы, и цензоръ, громада „я“, укоръ сердца падаетъ въ вопль: „*не... не... не...*“ (отрицанія) Еп. Никаноръ называетъ это „міровымъ пессимизмомъ“, и едва-ли искусно его приписываетъ, въ *Запискахъ*, служебному пассивному положенію; я-же думаю, что тутъ *міровой нигилизмъ*, отчаяніе *любящаго сердца*, которое взялось и не смогло „*возненавидѣть міръ*“; да при томъ любящаго „въ корняхъ“ и возненавидѣвшаго „въ корняхъ“-же. Да, это довольно „корневое“ дѣло, гдѣ-то въ „туманностяхъ небесныхъ“, изъ которыхъ „образуются міры“. Но, въ общемъ, отрывокъ читать страшно, и едва-ли „душеспасительно“. Такъ вотъ къ какимъ „пессимистамъ“ попалъ міръ въ руки. Ну и что, если-бы имъ дать *власть исполненія, силу летѣть*? Вѣдь ужъ тутъ и Григорій VII, и Иннокентій III, и „вся, еже съ ними“ предначертано; и „только-бы летѣть, да заборъ высокъ“: натолкнулся на *какого-то* „чиновничка“ духовнаго вѣломства и упалъ! „Двѣнадцать ночей послѣ того не спалъ“.

IV.

Мы носимъ крестъ не замѣчая его, и думая о немъ только одну секунду, когда одѣваемъ на шею шнурокъ. Можно-ли это предположить о Филаретѣ, относительно всего подвига его жизни? Увы, да! Вѣдь этотъ его монашескій обѣдъ и подвигъ, и состоялъ въ отрицаніи, что человѣку жизнь даруется Богомъ и человѣкъ, когда онъ рождаетъ, есть только орудіе Промыслителя въ этомъ дарованіи жизни. И вотъ вопль болѣе поздняго аскета: „не вѣрю... Боже, помози моему невѣрію“. Чему ты не вѣришь, несчастный? *Ты* высказалъ: „рыданія душатъ меня, и одинокій я не могу выплакать горя на плечѣ матери“... Въ тѣхъ-же *Запискахъ*, нѣсколько выше, онъ намекаетъ на униженіе сана, на оскорбленія, почти служебныя, и мы задаемъ вопросъ: „не можешь выплакать на плечѣ [1]) матери; мы вѣримъ тебѣ, праведникъ и страдалецъ; но, поставляя на мѣсто твое другого, — спросимъ о немъ, какъ, впрочемъ, могли бы спросить и у тебя: а можешь ли ты объ этомъ служебномъ огорченіи... посплетничать и позлословить съ товарищемъ по сану“? О, конечно! Разорваны *узы кровей*, но узъ *товарищества и содружества* не разорванъ. Теперь отъ этого почти анекдота я восхожу выше, почти до вершины сознанія, и открываю родникъ и „міроваго пессимизма“, и „Боже, помози моему невѣрію“. Вѣдь правдолюбецъ Никаноръ чувствовалъ, что именно по нравственной и религіозной связи родная матушка, какая нибудь старая на селѣ дьячиха, но кто знаетъ, можетъ быть съ геніальнымъ, *для женщины, для матери* сердцемъ, ближе ему всѣхъ пресвѣтлыхъ митръ, блистающихъ каменьями, и шелковыхъ великолѣпныхъ мантій, религіозно ближе, трансцендентно ближе. И онъ—*отрекся отъ этой близости*, от-

---

[1]) Приведемъ буквальную жалобу именно на *одиночество душевное*, какъ сущность „аскетическаго подвига“: „Когда случится горе съ міркимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его съ родителями, женой, дѣтьми, [illegible]кими родными, друзьями. Кромѣ того, всякому въ жизни приходится раздѣлить свою долю страданія съ чужою долею близкихъ существъ, жены, дѣтей: гдѣ тутъ иному думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Но и въ міру при всѣхъ побочныхъ условіяхъ забвенія, при развлеченіяхъ и прочее, наибольшіе страдальцы—это *люди одинокіе, бездомные холостяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты* (NB!!). *Они-то и даютъ они наибольшій контингентъ самоубійцъ*.. Возьмемъ-же теперь монаха. Кромѣ Бога, *утѣшить его въ бѣдѣ некому* (NB: и *ему самому* некого, т. е. интимно, утѣшить! Вотъ ужъ не область „Духа утѣшителя“, о коемъ сказалъ Спаситель: „пошлю его вамъ“). Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, *всего чаще—друзей* (NB: вотъ вамъ и „Богъ есть любовь“, „гдѣ два или три во имя Мое—Азъ *посреди* ихъ“. А тутъ, въ аскетизмѣ, „серединочки“ - то, „храма“ для Божія вселенія, и нѣтъ, даже хоть бы въ видѣ кой-какой дружбы). Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, *не удобно*,

вернулся, отрясъ отъ ногъ своихъ... что?—святыню! Отсюда: „не вѣрю: Боже, помози моему невѣрію!“ Филаретъ чистосердечно взволновался стихомъ Пушкина; о, конечно, онъ былъ чистосердеченъ и въ отвѣтѣ: „какъ, чтобы чрево матери, меня выносившее, было не бого-устроено?!“ И онъ отвѣчаетъ:

Жизнь—отъ Бога мнѣ дана!

Но именно это чрево матери, всякой теперь матери, тебѣ, монаху, чуждо; чрево и сосцы питающіе. Между ними и тобою—страшные обѣты. Одно *вниманіе* къ нимъ—и *ты палъ: поползновеніе*—и *нѣтъ тебя* [1]). Т.-е. какъ будто ты говоришь, да вѣдь въ этомъ и заключается суть тебя: *отрицаюсь* всякихъ сосцовъ, *гнушаюсь* всякимъ чревомъ. Позвольте, да при крещеніи младенца, въ шестикратно повторяемыхъ отреченіяхъ, развѣ, въ сущности не произносится монашескій обѣтъ, но ретроспективно назадъ брошенный, въ лицо только-что „чреватымъ“ родителямъ, давшимъ ему жизнь, и которые въ смиренномъ умиленіи, *какъ оглашенные*, высланные за дверь, смотрятъ съ безмѣрной любовью въ дверную скважину на блистаніе свѣчъ зажженныхъ, кадильный дымъ и всю красоту несравненнаго обряда, отъ котораго *они одни удалены*. Стоятъ при купели одни „духовные родители“... тѣ, которые разъ въ годъ будутъ привозить мальчику по фунту конфектъ. Они ближе ему; и будучи (по правдѣ-то, про себя-то) совершенно ему чужды, все-таки предполагаются въ возможности религіозной съ нимъ связи, *въ противоположность плотскимъ родителямъ, коихъ связь съ ребенкомъ типично анти-религіозна*. Вотъ концепція. Мы нашли, наконецъ, ея формулу. Такъ вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ отъ какой отдаленной точки течетъ судьба Пехлюдовскаго ребенка. Связь отца съ ребенкомъ не только не священна, не религіозна, но она—типично грѣшна, *анти*-религіозна. И глаголъ: „кто не оставитъ

не пристало (NB!?!); болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ, пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди. А мать, которой ни слова не говорятъ, пусть тамъ молится, коли хочетъ, а изнывающему сыну не можетъ подать помощи. Раздѣлить свое горе ему позволительно развѣ со своею подушкою или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возбраняетъ вылить слезъ, сколько ему угодно; цѣлую пучину. Это и есть Давидово: слезами моими постелю мою смочу“. Здѣсь въ сущности самый ужасный трагизмъ переходитъ въ самый ужасный комизмъ.

[1]) Аскеты—получаютъ *власть*; они—*богаты*. Фактамъ власти и богатства никто не препятствуетъ, и они вслухъ выговариваются. Слѣдонательно единственный обѣтъ аскетизма, conditio—sine qua non его, есть разрывъ съ женщиною, порывъ съ заповѣдью: „плодитесь, множитесь“, дѣвственность. Аскетизмъ есть служебная (не какъ случай, а какъ долгъ, какъ служба) дѣвственность, или, mutatis mutandis, аскетизмъ есть походъ, военная служба противъ семьи, въ основѣ — противъ женщины и младенца.

отца своего и матерь свою ради меня“—этотъ глаголъ, позвавшій Никанора и Филарета къ ихъ аскетическому обѣту, „ребеночка“ Нехлюдова и Катерины толкнулъ къ судьбѣ его, разсказанной въ „Воскресеньи“. Всякій зовъ, всякій идеалъ есть въ то-же время отталкиваніе расторженіе, раздѣленіе; и зовъ къ дѣвству есть отторженіе отъ семьи, есть расторженіе семьи: „въ три дня разрушу *храмъ* сей“; „истинно, истинно: *камня на камнѣ не останется* отъ стѣнъ сихъ“... Въ Кисловодскѣ я видѣлъ дѣвушку на мосту, и бултыханье воды въ Ольховкѣ. „Что вы дѣлаете?“ спросилъ я.—„Котятъ бросаю“. Признаюсь, и о котятахъ я пришелъ въ ужасъ: „Куда же ихъ дѣвать?“ отвѣтила она мнѣ на какой-то растерянный новый вопросъ. Судьба Нехлюдовскаго младенца и есть, въ сущности, судьба такого-же въ воду брошеннаго „котенка“; но пессимизмъ, на этотъ разъ мой, бунтуетъ въ душѣ и спрашиваетъ: да ужъ только ли Нехлюдовъ, Катюша, и та баба, что везла ихъ ребенка, „положивъ ножками вмѣстѣ, а головками врозь“, на ихъ ли одномъ свѣтскомъ платьѣ слѣды кровинокъ дѣтскихъ и нѣтъ ли слѣдовъ этихъ на болѣе длинныхъ и старыхъ одѣяніяхъ? „Умываемъ руки, въ крови неповинны“!—„Какъ и въ римскомъ servus'ѣ, пошедшемъ для мурены у патриція Фабія, былъ виновенъ Фабій, но не былъ виновенъ Капитолій“? Что намъ до Капитолія?! Я молюсь Отчей ипостаси, и ищу Ея, и не нахожу Ея въ данномъ нужнѣйшемъ случаѣ около этихъ *поглупѣвшихъ* въ дѣлѣ своемъ, въ связанности своей Нехлюдовѣ, Катеринѣ, ихъ ребенкѣ. Она бы ихъ осѣнила, Она бы ихъ сохранила, Она бы ихъ наставила: „соблюдите чадо свое“, „соблюдитесь другъ другу“, ибо „Я позвалъ васъ къ зачатію, и все рожденное — Мое“. (*Исходъ*, слова Божіи Моисею: „все, разверзающее ложесна—Мнѣ, говоритъ Господь“). Вотъ гдѣ *практическая* нужда ветхо-завѣтныхъ изображеній въ храмахъ, ибо ошѣ и душу каждаго молящагося увлажнили бы самымъ созерцаніемъ къ рожденію, и къ соблюденію рожденнаго. Вотъ необходимость *чувствовать* и „горлицъ“, и „годовалыхъ агнцевъ“, дабы всякую въ нихъ и черезъ нихъ тварь возлюбить, и этою путеводною нитью привестись къ пониманію самой физіологіи *въ себѣ* и *отъ себя* (дѣти), и напримѣръ, ужъ ни въ какомъ случаѣ не броситъ ихъ такъ, какъ Нехлюдовъ и Катюша. Да и это ли одно, одна ли живопись, хотя она чрезвычайно многому могла бы научить. Какъ помолиться не о... „побѣды даруя“, не „передъ обѣдомъ“, „передъ ученіемъ“, „сномъ“, но въ гораздо болѣе важныхъ, и волнующихъ, и казалось бы ближе къ Богу стоящихъ случаяхъ круга родительства? Нѣтъ словъ; нѣтъ жестовъ; нѣтъ метода... Семинарія. О, да вѣдь въ семинаріи не зачинаютъ, не разрѣшаются. Но, Боже мой, міръ не семинарія, и что же вы міру-то дали, и какъ міру-то дышать; и о чемъ же вы сѣтуете:

„не умѣщается міръ въ семинарію“!? Позднія сѣтованія; и какъ они напрасны; и какъ глубже и глубже раскрывается зіяющая щель, трещина, пропасть между „партою и каѳедрою“ и „площадью, рынкомъ, городомъ, страною, небесами, звѣздами“.—„Міръ тѣменъ и *свѣтъ его не объялъ*“, жалуются... Да вы *его и не обнимали!* Гдѣ *ваши объятія къ міру?!* Вы только и говорили: „почему міръ *не идетъ къ намъ*?“ Ну, вотъ, онъ пришелъ, припла мать, вынула грудь: „послушаю науку и кстати ребенка покормлю“; вдругъ вы покраснѣли, сконфузились: „Неблагопотребный видъ“. Не все же быть съ вами, хочу я и приласкать жену, кстати она только-что оправилась отъ болѣзни: опять „неблаготребный видъ“. Хочу поиграть съ дѣтьми: „неблагопотребный видъ“. Ни встать, ни сѣсть. Очень устали. Да и „наука“-то у васъ очень коротка и проста, что-то въ ней школярное, и такъ сказать болѣе старчески-сморщенное, чѣмъ зрѣло-серьезное. Просто... не серьезно, не зрѣло; ибо *зрѣлѣйшаго-то и серьезнѣйшаго въ міръ она и „не имать силы объять“*.

И вотъ—загрубѣніе; и вотъ—преступленіе, отъ котораго „нельзя умыть руки“, спеціальное, особливое, какъ „servus“ у римлянъ, „варваръ“ у эллиновъ, у іудеевъ „не обрѣзанецъ“. Не забудемъ двухъ іудейскихъ „блудницъ“ (sic), изъ копхъ одна заспала своего ребенка, и объ *гордо* пришли къ Соломону: „разсуди насъ“. И мудрый царь, почувствовавъ, что пришелъ часъ испытанія его мудрости, что это—отъ Бога и для назиданія народа, оставляетъ столы пиршества, друзей, снимаетъ ризы царства, дабы *разсудить матерей о ребенкѣ*. О, это цивилизація „обрѣзанія“ и *спеціальное ея пониманіе* (чуткость)! Но вѣдь мы тысячу лѣтъ глухи и немощны въ этомъ спеціальномъ направленіи, потерявшіе обрѣзаніе, растерявшіе ветхія слова; и рѣшительно имѣющіе для Катюши и Нехлюдова одинъ глаголъ: „отродье ваше“, „отродье прелюбодѣянія“; „мы и на законныхъ-то едва смотримъ, отплевываемся и отдуваемся отъ нихъ, а тутъ — совсѣмъ срамъ“. Да, „срамъ“, „стыдъ“, въ основѣ же, въ сущности, непониманіе, онъ и гонитъ *къ могилѣ*. И кто распространилъ *стыдъ* вообще *на рожденіе*, тотъ и не „омоетъ рукъ“ своихъ отъ „пятенъ крови“.

Это леди Магбетъ говорила: „какія ужасныя пятна. Сколько я ни лью воды, никакъ не могу смыть ихъ“.

Тутъ есть пунктъ и, можетъ быть, онъ самый важный. Полъ—трансцендентенъ; и какъ радованія его трансцендентны (счастливая любовь), такъ трансцендентна его тоска, его уныніе. Мы все повторяемъ: „трансцендентна“, „трансцендентна“... Что значитъ это? Поборастъ земныя условія, выходитъ изъ нихъ: иду *къ Богу*, или—иду *въ смерть*. Посмотрите: чтобы соединиться сейчасъ за гробомъ, на могилѣ любимаго иногда оканчиваетъ жизнь любящая. Не всегда, но вѣдь бываетъ-же; и *абсолютно этого не бываетъ*

никогда на могилѣ друга, даже отца, матери. Но всѣ похулили полъ: „она—безстыдная, не въ воровствѣ виновна, не въ убійствѣ, но въ тягчайшемъ—поругала полъ свой“ и она уходитъ въ могилу (самоубійство насильно обезчещенныхъ, самоубійство забеременѣвшихъ). Но она родила, и держа младенца на рукахъ, будетъ каждую минуту всякаго часа, и каждые 24 часа всякихъ сутокъ, испытывать эту предсмертную муку стыда: тогда испуганная и въ смертной тоскѣ она кидаетъ младенца. Младенецъ—радость ей, онъ ее избавилъ отъ смерти; но за ноги младенца ухватился и повисъ на немъ... скопецъ! О, это тянетъ долу, въ могилу, *самой-ли, ему-ли*... Теперь нарисуемъ картину, конечно очень возможную, конечно должную. Пусть къ ней болящей, еще до разрѣшенія отъ бремени, подошелъ-бы священникъ и *научилъ*, да не *въ тихомолку* и *отъ себя* (ибо все-то дѣло и заключается въ трансцендентномъ стыдѣ, который нужно преобразовать въ нѣжное и объявленное покаяніе): „ты согрѣшила; но Іисусъ пришелъ не для оправданныхъ, а именно для грѣшныхъ. И вотъ тобѣ заповѣдь, именемъ Іисуса, даю я, Его рабъ: корми, береги, лелѣй младенца, отнюдь не отлучайся отъ него. И попеченіемъ матери исправь грѣхъ неполнаго супружества“. Какая правда! Но гдѣ этотъ правдивый глаголъ? Она его не услышала и міръ его не слышитъ отъ церкви. Если-бы она подвигнулась, если-бы громогласно по площадямъ и улицамъ она пронесла глаголъ: „было нѣкогда, было въ древности, было въ чужомъ царствѣ—одна родившая дѣва посягнула въ стыдѣ на жизнь младенца. Да не будетъ этого въ нашей благочестивой странѣ и въ нашъ благочестивый вѣкъ. Нѣтъ вины, неискупимой передъ св. церковью, и неправедная дѣва да оправдается какъ мать: взлелѣетъ, вскормитъ, направитъ на путь; богобоязненно воспитаетъ. И церковь по ней, одумавшейся грѣшницѣ, возрадуется болѣе, чѣмъ о ста праведныхъ женахъ. И усыновитъ ее, какъ свою возлюбленнѣйшую дщерь. И усыновитъ сей младенца, какъ точно ея, по плоти и по духу“. Все—Іисусово, т.-е. въ этихъ словахъ. Но гдѣ это святое движеніе? Его нѣтъ. Безмолвна церковь. Нѣтъ поученія, нѣтъ пути. И мать подходитъ къ могилѣ, *своей* или *младенца* своего...

Мы собственно изслѣдуемъ очень тонкую метафизику, мы изслѣдуемъ Никаноровы скорбь и ея тайные родники, ему самому не видные. Въ единственномъ *этомъ* случаѣ церковь не удерживаетъ грѣшницу передъ могилою и не имѣетъ силы удержать, разсѣять скорбь, дать сей „Духа-Утѣшителя“. Смерть подходитъ, ибо смертенъ грѣхъ и не прощаемъ вовсе, никогда, никѣмъ... противъ Жизнедавца-ли грѣхъ? О, нѣтъ, конечно! Противъ Іисуса? Но это прямо поводъ повторить лучшіе его завѣты, правила, притчи („одна погибшая и найденная овца дороже ста не потерянныхъ“). Противъ кого, однако, смертенъ и трансцендентно

смертенъ этотъ грѣхъ, и тамъ за гробомъ, вѣчно? Противъ... обѣта Никанора, Филарета; но и особливо противъ мысли, какъ ее формулировалъ г. Мірянинъ (въ „Русскомъ Трудѣ“), опредѣляя аскетизмъ словами: „это — *духовное скопчество*“... Рожденіе и скопчество — непримиримы вовсе, непримиримы никогда; *непримиримы трансцендентно* (корневое расхожденіе). Священники *лично за себя*, вѣрно многіе, и говорятъ утѣшительный глаголъ родившей дѣвѣ; но дѣло *именно* въ манифестаціи, ибо ее гонитъ въ могилу стыдъ, и вотъ нужна-бы поддержка въ секунду объявленія; „стыдно (мнѣ) сказать, поди ты (священникъ) скажи“: или „не отходи отъ меня стой около меня, когда я буду объявлять“; „поддержи меня за руку, когда я стану признаваться“.

Вообще все дѣло тутъ не въ прощеніи въ тихомолку, а чтобы *держась за чью нибудь руку* стать передъ народомъ. И вотъ этой „руки друга“ и именно въ единственномъ случаѣ подобнаго Катюшиному рожденія, не дастъ *и не можетъ* (духъ всей исторіи) дать священникъ. Тогда разомъ рухнула бы вся Византія: священникъ—*около* рождающей, ея *защитникъ*, ея *духъ утѣшитель!* Новая эра, новая цивилизація! Не знаю, чувствуетъ ли это читатель, что тутъ поправилась бы „неправильность установки колонъ Исаакіевскаго собора“. Во всякомъ случаѣ, новый духъ и новое упосніе на 1,000 лѣтъ. И вотъ *манифестовать* не можетъ ни одинъ священникъ, и никогда ex cathedra не скажетъ, *передъ самой могилой не скажетъ*, удерживающаго отъ могилы глагола. Т.-е. лично и за себя, какъ „отецъ Иванъ“, какъ „отецъ Петръ“ (человѣкъ) тайно онъ повторитъ Іисуса; но, открыто и какъ членъ церкви, отъ имени церкви онъ хотѣлъ бы повторить Іисуса... но двѣ тысячи лѣтъ какого-то очевидно въ самой церкви происшедшаго искривленія производятъ спазму въ горлѣ священника, и онъ не можетъ пойти по слѣду Іисуса и прямо не выполняетъ Его заповѣди, Его притчи... *Какой то духъ мѣшаетъ, на мѣсто Іисуса вселившійся въ него и запрещающій ему говорить.*

Даръ *напрасный*, даръ *случайный*.
. . . . . .
Мчатся тучи, вьются тучи
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій
Мутно небо, ночь мутна...
. . . . . .
Сколько *ихъ, куда ихъ гонятъ?*
Что такъ *жалобно* поютъ...
. . . . . .

Да, стишокъ. Оставимъ стишки и обратимся къ прозѣ. „Не вѣрю! Боже, помоги моему невѣрію“! О, *человѣкъ* всегда съ Богомъ.

Вѣдь Никаноръ, какъ *человѣкъ*, какъ „сынъ родимой матушки“—и съ вѣрою и съ упованіемъ: и онъ *эту вѣру*, отъ „родной матушки идущую“, и зоветъ въ помощь... епископскому невѣрію! Вотъ *суть* дѣла. И Катерина въ „Воскресеніи“ послѣ убійства своего ребенка говоритъ:

„—Какой тамъ Богъ, никакого Бога нѣтъ“.

Это „не вѣрю“ же Никанора. Но она трансцендентно *связана* уже съ Нехлюдовымъ, и вотъ какъ *кровная* его половина, вопитъ:

„—Пойду на судъ Божій... и не возьму тебя съ собой“.

Эта вѣра въ судъ Божій и есть та *вторая*-же вѣра у Екатерины, которая и у Никанора („родная матушка“) *все спасала*. Вѣра крови; молитва—сѣмени. О, конечно не въ эмпиричныхъ ихъ данныхъ, ибо кто же и діалектику Платона смѣшаетъ съ „мозгами“ Платона, но *лучи* этой крови и этого сѣмени „прямо у Боженьки“, безпрерывно съ Нимъ и „все спасаютъ“... въ „нашемъ невѣріи“. А когда такъ, то, родивъ, Катюша и въ правѣ закричать или философъ въ правѣ ей подсказать:

„— Родила и свята.

И еще добавить:

„— И пойду, какъ мать, на судъ къ Богу; и спрошу у Отца, точно ли Онъ заповѣдалъ Сыну осудить меня: ибо на землѣ сказали, что Сынъ Твой, Отче, осудилъ меня не прощеннымъ осужденіемъ. И осудила меня земля во вслѣдъ Сыну Твоему и именемъ Сына Твоего и разлучила меня, Отче, отъ моего рожденья, и отторгнула его отъ грудей моихъ и разбила о камень, какъ нѣли Израильтяне о вавилонянкахъ“.

У церкви *нѣтъ чувства дѣтей*; *нѣтъ и она не развила его въ себѣ исторически*. Дѣтей не въ линіи: „*впередъ*“, „станутъ *гражданами*“, „*выучатся*“, и „хорошо, если бы выучились въ моей церковно-приходской школѣ“; а въ линіи—*назадъ*, къ совершенному младенчеству, къ порѣ кормленія материнскою грудью, къ первымъ пеленкамъ, крику родившагося, къ труду и страху и тайнѣ беременности и зачатія... и далѣе... *тотъ свѣтъ*! Вотъ къ этому „тому свѣту“, въ чемъ бы онъ ни заключался, въ линіи предшествованія рожденію церковь глуха, невѣдуша, безчувственна. Она чувствуетъ только „тотъ свѣтъ“—замогильный, т.-е. она держитъ въ рукахъ только половину (трансцендентной) истины. Отъ этого она *ублажаетъ* покойника: какія пѣснопѣнія, и въ мірѣ, въ цивилизаціи, въ исторіи—какъ эти чудныя пѣснопѣнія новы, оригинальны! Еще ублажаемъ мы „святыя мощи“. Какая идея! не только „духъ есть“, есть „святое“ въ этомъ тлѣнія нетлѣнномъ! Вѣдь тутъ цѣлая философія. Мы не пытаемъ ея; безпорно, однако, что *мощи* есть обратный полюсъ колыбели и *зачатія*. И вотъ для зачатія и колыбели у церкви нѣтъ ни молитвъ, ни лобызанія, ни даже простого „здравствуй“. Ни — „здравствуй“, ни — „гряди въ

міръ“, „дщерь моя“, „отрокъ мой“! Теперь, выражаетъ ли это *полноту Христова отношенія* къ жизни и смерти? Христосъ сказалъ: „оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ“. Г. Міряниннъ, въ статьѣ „Русскаго Труда“ громко дѣлаетъ удареніе на „отецъ“, что Онъ *объ отцѣ* это сказалъ, что „тѣло *отца* предпочтительно *брось*“. Какой грѣхъ и какое очевидное, и истинно византійское, извращеніе словъ Спасителя: удареніе—на *погребеніи*, посему и прибавлено: „пусть *мертвыя хоронятъ мертвецовъ своихъ*“. Т.-е. Я проповѣдую жизнь (бесѣда съ Самарянкою и слова о *водѣ живой*). Но есть болѣе ясный глаголъ. „И приводили къ Нему дѣтей, *ученики же не допускали къ Нему*“. Да... *ученики*, какъ и теперь, какъ и сейчасъ. Что же сдѣлалъ Онъ? „И *отстранивъ учениковъ*, сказалъ: не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ; развѣ вы не знаете, что таковыхъ — Царствіе Небесное“. Вотъ — глаголъ. Сказалъ ли это Онъ о дѣтяхъ блудницъ, о дѣтяхъ женъ? Нѣтъ—о *существѣ дитяти*. Но дѣти — рождаются; дѣти не падаютъ изъ воздуха; не дѣлаются изъ каучука. Сказать о младенцѣ—значитъ сказать о рожденіи, о матери, о родителяхъ. Родительство — Христово. Христосъ есть альфа и омега. Но столь же безпорно, что церковь поняла въ Немъ только омегу. И вся *альфа* Божества и *альфа* въ мірѣ осталась... внѣ *чувства, ощущенія* ея. И вотъ на что Маслова, впереди вереницъ подобныхъ себѣ, возопіетъ на Судѣ:

— „Отче, суди меня и міръ; да не истеку я слезами здѣсь передъ Тобою, какъ истекла безплодно слезами въ мірѣ я, и убіенный младенецъ мой“.

„Гражд.“, 1899 г.

Границы нашей эры.

... мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.
Гете, «*Лѣсн. царь*».

I.

Не благословить человѣка *въ моментъ рожденія*, т. е. какъ *рождающаго* и *рожденнаго*, значитъ и самое *бытіе* его не благословить; ни in sein, ни in werden. Вотъ главный упоръ, къ которому подходитъ аскетизмъ. Главная трудность его — религіозная; и главный грѣхъ его — изъятіе благости изъ существа Божія. Я подведу васъ къ дереву; вы говорите, взглянувъ на общій очеркъ его: „прекрасно“. Я спрашиваю о прекрасномъ его станѣ, о постановкѣ въ почвѣ; вы говорите: „хорошо“. Я указываю на кору, на расположеніе вѣтвей: „цѣлесообразно, нужно“. Я продолжаю спрашивать о листьяхъ: „прекрасно же“, отвѣчаете вы. Я перехожу къ зеленой чашечкѣ цвѣтка, къ лепесткамъ цвѣтка, и на все получаю вашъ утвердительный отвѣтъ, вашу хвалу. Наконецъ, разогнувъ блѣдно-розовые лепестки, я обнажаю внутри ихъ, сокровенно закрытые, коричневые бугорки съ едва прикрѣпленною на нихъ желтоватою пыльцею. Вы молчите. „Что же“? спрашиваю я. Вы смущены. — „Благословите“, взываю я.— „Нѣтъ! нѣтъ!“ слышу въ свѣтъ.—„Да что *нѣтъ*, почему *нѣтъ*?“ „Нѣтъ, *это* не благословенно“...

Я изумленъ; я построю цвѣтокъ изъ пылинки, объясняю, какъ выросъ онъ, и спрашиваю: „если пылинка не благословенна, то *и весь цвѣтокъ, все растеніе, цѣлое дерево* не благословенно-же: ибо *листъ* его есть *преобразованный стебель*, *чашечка цвѣтка* есть собранные и сросшіеся его *листья*, *лепестки* суть раскрашенныя и прозрачныя *части чашечки*, и, наконецъ, тычинки и пестики—все это есть *само* растеніе, *все* растеніе, синтезированное въ одну точку, въ священную частицу“. „Нѣтъ, нѣтъ! я не знаю, но я *не хочу* и *не могу благословить*!“

Это метафизика. Тутъ мы вступаемъ въ начало *зла* и начало *поверхностности*. Тотъ человѣкъ, который восхищался видомъ, корою, листьями и чашечкою цвѣтовъ растенія, очевидно, восхищался всѣмъ этимъ *не глубоко*. Онъ смотрѣлъ на вещи какъ декораторъ и въ вещахъ Божіихъ усмотрѣлъ декорацію. Онъ не живой человѣкъ; онъ не мудрецъ и не пророкъ; онъ даже цвѣтокъ любитъ, но—до пыльцы и *безъ* пыльцы; т.-е. онъ цвѣтокъ беретъ и понимаетъ какъ издѣльщина бумажныхъ цвѣтовъ, которая подражаетъ въ природѣ краскамъ, но не понимаетъ природы, знаетъ ліонскій *шелкъ*, но не знаетъ полевой *травки*. Вы видите, до чего *аскетизмъ есть человѣческое* и *бракъ — Божіе*. Но разсмотримъ дальше, но углубимся глубже.

„Какой злой мальчикъ: знаете его любимое занятіе? Это — пойти по лѣсу, отыскать хорошо спрятанное пичужкино гнѣздо; онъ сгонитъ бѣдную малиновку, подойдетъ и выберетъ изъ гнѣзда яйца. Пичужка плачетъ, пичужка летитъ позади его. Ему нѣтъ дѣла. Онъ идетъ, положивъ яйца въ карманъ. Что съ ними дѣлаетъ—неизвѣстно, но всѣ въ деревнѣ его считаютъ самымъ злымъ мальчикомъ. Его не любятъ и его боятся".

Вотъ моральная оцѣнка аскетизма. Никто не оспоритъ, что мы беремъ *суть* вещей, взамѣнъ поверхностнаго ихъ *ощущенія*, и указываемъ, что главный грѣхъ испытуемой нами доктрины есть искаженіе лица Божія, и именно изъятіе изъ Него *благости* и *глубины*.

Между тѣмъ какъ *бракъ* не только есть *тайна*, но и *благость* и *глубина*. Я безконечне люблю это таинство, между прочимъ, за совершенное его *смиреніе, незлобливость, кротость*. Иногда мнѣ представляется, во всемірной исторіи, что это —ветхій годами побѣдитель, который, снявъ съ себя всѣ почетные знаки, всѣ регаліи, отдалъ ихъ на игру и украшеніе, а наконецъ и на прославленіе сѣрымъ солдатамъ. Да,

Лысый, съ бѣлой бородою
Дѣдушка сидитъ
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ...

вотъ бракъ въ смиреніи своемъ. Его фаміамы, его куренія, его молитвы разносены по всѣмъ религіямъ, и онъ совершенно не взираетъ, кому отдаетъ свою душевную теплоту, свои сокровища сердечныя. Вездѣ, у грека, у еврея, у русскаго самая теплая молитва —это матери за болящаго ребенка; скорбь, мольба къ Провидѣнію—у жены за мужа, у мужа за жену. Грекъ сложилъ это такъ; еврей -иначе; еще третьимъ способомъ—русскій. Но у всѣхъ подъ ихъ выраженіемъ лежитъ одинъ *фактъ*, и вотъ этотъ-то *фактъ* и есть первое, главное. Онъ порождаетъ *умиленіе*—самое простое; порождаетъ *слезы*—самыя горячія; порождаетъ удивлен-

ность къ непостижимому, которую не разрѣшитъ и не успокоитъ никакая наука. Аскоты переписываютъ молитвы другъ у друга; но каждая мать *по своему* молится. Тамъ традиція; здѣсь—вѣчный родникъ; тамъ—память; здѣсь—восторгъ. Всѣ религіи пользовались плодами и даже записывали *за свой счетъ* это умиленіе и этотъ восторгъ; и опять здѣсь прекрасная сторона смиренія, что ни одна мать и ни одинъ отецъ не сказалъ: „это *мнѣ принадлежитъ*“. Да, вѣчный богачъ, но который ничего не имѣетъ—вотъ бракъ. Сокровища его—розданы; но мы, пользуясь ими, должны же вспомнить своего благотѣтеля, или, по крайней мѣрѣ, не должны уничижать его.

Я не хочу быть одинъ. Высказывая свои мысли объ аскетизмѣ и бракѣ, я приведу одну страницу изъ великаго мистика, которая очень хорошо иллюстрируетъ мысль мою о томъ, что лучшее человѣческое умиленіе течетъ отъ рождающихъ инстинктовъ человѣка. Но предварительно одно замѣчаніе: аскетизмъ, я сказалъ, *поверхностенъ* и *не благъ*. Дѣйствительно, ступивъ на его пути, религіозное сознаніе европейскаго человѣчества замѣчательно быстро утратило начала *благости и глубины*. Я упомянулъ о французскихъ колешковыхъ цвѣтахъ, которые одни понимаетъ аскетическій ботаникъ, отвертывающійся отъ таинственной желтой пыльцы тычинокъ и пестиковъ. Но что такое, какъ въ своемъ родѣ не эти „колешковые цвѣты“ великая политика и тысячелѣтнее политиканство, удавшееся на Западѣ, неудавшееся на Востокѣ? Прежде всего это религіозная *поверхностность*, это—*далекое* отъ Бога, *забвеніе* Бога. Но вѣдь какъ тутъ все связано! Религія внѣ *крови* и *сѣмени* непремѣнно будетъ внѣ *племени*; вотъ начало *интернаціональности* главныхъ религіозныхъ движеній въ Европѣ и даже вообще религіознаго состоянія Европы. „И возненавидѣлъ Каинъ Авеля...“ ополчился Тевтонъ на Франка, Франкъ на Тевтона, изъ-за *сомнѣній* Лютера, изъ-за *спора* Кальвина и Лойолы. *Ультрамонтанство*... да оно *все* въ отрицаніи *сѣмени* и *крови*, т. е. *земли*, *всемірной земли*! Нѣтъ „земли“, есть „идеи“ и идеи обагрили (кровью) землю. Явилось *ex-территоріальное* „я“: *все*-мірный „губернаторъ міра“ (папа), всего менѣе, „отецъ міра“, ибо всего менѣе онъ *сѣмя міра*. Я не понимаю, какъ не связать этихъ идей, когда онѣ сами связываются. Идея папства уже прямо содержится въ идеѣ *внѣ*-сѣменности, *внѣ*-мірности; это (мнимо) духовное я, которое господствуетъ надъ о-*безъ*душеннымъ универсомъ. Душа вынута изъ міра и вложена въ папу: вотъ противоположность идеѣ: „Богъ *во всемъ и во всяческомъ*“. Какъ самый широковѣтвистый дубъ имѣетъ подъ собою маленькій бѣленькій корешокъ, такъ самыя широкія событія въ исторіи имѣютъ *молекулярную* неправильность религіозныхъ построеній. Міръ обездушенъ; онъ cadaver (трупъ) въ рукахъ Лойолы (возрѣніе

іезуитовъ на человѣка; идея *покорности*). Все течетъ изъ одного; всѣ потоки европейской исторіи имѣютъ корнемъ въ себѣ отрицаніе „сѣмени жены“, о коемъ, по Бытію, 4, „спасутся народы“. Но мы возвращаемся къ иллюстраціи, которую хотѣли разсмотрѣть.

II.

Выведенъ нигилистъ, Шатовъ. Самое имя его кажется произведено отъ „шататься“, „шатунъ“, ибо нигилисты русскіе весьма подобны русской сѣктѣ *бѣгуновъ*, которые, считая міръ зараженнымъ *не-Богомъ*, „бѣгаютъ“, „перебѣгаютъ“ съ мѣста на мѣсто, ища „Бога“. Параллелизмъ духа есть. Въ концѣ концовъ Шатовъ истомленъ своимъ духовнымъ „бѣганьемъ“, *ex*-территоріальностью. Ему хотѣлось бы „земли“, почвы, но вокругъ него все тѣ-же „шатуны“. Вдругъ, неожиданно, въ темную холодную ночь къ нему пріѣзжаетъ, послѣ трехъ-лѣтнихъ нигилистическихъ странствованій, *жена* и вмѣстѣ уже *не*-жена, Маріе, такая же какъ и онъ утлая бѣглянка въ мірѣ. Пріѣзжаетъ, и тотчасъ почти съ нею начинаются ро́ды. Шатовъ въ тревогѣ; нуженъ горячій чай изъзябшей и испуганной больной, и онъ забѣгаетъ, къ живущему во флигелѣ на дворѣ, Кириллову, третьему „шатуну“. Мы — въ мірѣ „шатанья“. Земля пошатнулась подъ людьми, и люди потеряли устойчивость. Но мы будемъ цитировать:

„Шатовъ засталъ Кириллова, все еще ходившаго изъ угла въ уголъ по комнатѣ, до того разсѣяннымъ, что тотъ даже забылъ о пріѣздѣ его жены, слушалъ и не понималъ.

„Ахъ, да,—вспомнилъ онъ вдругъ, какъ бы отрываясь съ усиліемъ и только на мигъ отъ какой-то увлекавшей его идеи,— да... старуха... жена или старуха? Постойте: и жена, и старуха, такъ? Помню; ходилъ; старуха придетъ, только не сейчасъ [1]). Еще что? Да... Постойте, бываютъ съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?“

Маленькое историко-литературное *нота-бене*. Великій и проницательный умъ К. Н. Леонтьева смертельно ненавидѣлъ „гармоніи“ Достоевскаго, предполагая въ нихъ *старый* европейскій универсализмъ, тоже напр. *ex*-территоріальное „братство, равенство“-etc. Между тѣмъ (чего Достоевскій никогда *не умѣлъ* объяснить) его „гармоніи“ были истинными и дѣйствительно вѣчными гармоніями, ибо *за всю европейскую исторію* онѣ впервые разрывали желѣзное кольцо объявшей нашу часть свѣта *ex*-тер-

[1]) Кирилловъ, на просьбу Шатова посидѣть около больной, пока онъ самъ сходитъ за бабкой, часъ назадъ пообѣщалъ, что пошлетъ къ ней посидѣть старуху—хозяйку квартиры.

ріоріальности, и были прозрѣніемъ, угадкою *настоящей* и *вѣчной* „маленькой земной обители“. Это не было ясно Достоевскому; но читатель, присматривающійся ко всему сложному узору его картинъ, не можетъ не обратить вниманія, что странныя *бѣлыя видѣнія* (идеальныя построенія) поднимаются у него всегда возлѣ сѣмени и крови; т.-е. это не есть старыя европейскія, всегда идейныя, „гармоніи“, но гораздо болѣе древнія, а для Европы совершенно *новыя* „гармоніи, гармонизаціи земли и неба“. Въ приводимой нами иллюстраціи это все яснѣе станетъ видно. Станемъ продолжать цитату:

„— Знаете, Кирилловъ, — сказалъ Шатовъ, — вамъ нельзя больше не спать по ночамъ.

„Кирилловъ очнулся и, странно, заговорилъ гораздо складнѣе, чѣмъ даже всегда говорилъ; видно было, что онъ давно уже все это формулировалъ и можетъ быть записалъ:

„Есть секунды,—говорилъ онъ,— ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически, или умереть. Это чувство ясное и несоспоримое. *Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу* и вдругъ говорите: „да, *это правда*“! Богъ, *когда міръ создавалъ*, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: „да, это правда, это хорошо“... Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите,—о, *тутъ выше любви*!—Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживалъ жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человѣкъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена родитъ?

„— Кирилловъ, это часто приходитъ?

„— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

Замѣчательны эти *темпы* прохожденія бѣлыхъ видѣній. Какъ-бы земля вращается около оси, и вотъ подошелъ земной меридіанъ, пусть 180° отъ Ферро, подъ 180° *небеснаго меридіана*, и точка ихъ пересѣченія даетъ видѣніе. Что-то въ этомъ родѣ.

“— У васъ нѣтъ падучей?

„— Нѣтъ.

„— Значитъ—будетъ. Берегитесь, Кирилловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точь

въ точь, какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ, что больше нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ, не успѣвшій пролиться, пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. „Кувшинъ"—это тѣ же „пять секундъ"; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонію, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кирилловъ, падучая!

„— Не успѣетъ,—тихо усмѣхнулся Кирилловъ.

„Шатовъ выбѣжалъ и вернулся къ больной. Ночь проходила. Его посылали, бранили, призывали. Marie дошла до послѣдней степени страха за свою жизнь. Она кричала, что хочетъ жить „непремѣнно, непремѣнно!" и боится умереть: „не надо, не надо!", повторяла она. Если-бы не Арина Прохоровна, то было-бы очень плохо. Мало-по-малу она совершенно овладѣла пациенткой. Та стала слушаться каждаго слова ея, каждаго окрика, какъ ребенокъ. Арина Прохоровна брала строгостью, а не лаской, за то работала мастерски. Стало разсвѣтать. Арина Прохоровна вдругъ выдумала [1]), что Шатовъ сейчасъ выбѣгалъ на лѣстницу и Богу молился, и стала смѣяться. Marie тоже засмѣялась злобно, язвительно, точно ей легче было отъ этого смѣха. Наконецъ, Шатова выгнали совсѣмъ. Наступило сырое, холодное утро. Онъ дрожалъ какъ листъ, боялся думать, но умъ его цѣплялся мыслью за все представлявшееся, какъ бываетъ во снѣ. Мечты безпрерывно увлекали его и безпрерывно обрывались какъ гнилыя нитки. Изъ комнаты раздались, наконецъ, уже не стоны, а ужасные, чисто животные, крики, невыносимые, невозможные. Онъ хотѣлъ было заткнуть уши, но не могъ, и упалъ на колѣни, безсознательно повторяя: „Marie, Marie!" И вотъ, наконецъ, раздался крикъ, новый крикъ, отъ котораго Шатовъ вздрогнулъ и вскочилъ съ колѣнъ, крикъ младенца, слабый, надтреснутый. Онъ перекрестился и бросился въ комнату. Въ рукахъ у Арины Прохоровны кричало и копошилось крошечными ручками и ножками маленькое, красное, сморщенное существо, безпомощное до ужаса и зависящее какъ пылинка отъ перваго дуновенія вѣтра, но кричавшее и заявлявшее о себѣ какъ будто тоже имѣло какое-то самое полное право на жизнь... Marie лежала какъ безъ чувствъ, но черезъ минуту открыла глаза и странно, странно поглядѣла на Шатова: *совсѣмъ какой-то новый былъ этотъ взглядъ, какой именно—онъ еще понять былъ не въ силахъ, но никогда прежде онъ не зналъ и не помнилъ у ней такого взгляда*

„— Мальчикъ? Мальчикъ? болѣзненнымъ голосомъ спросила она Арину Прохоровну.

„— Мальчишка! крикнула та въ отвѣтъ, увертывая ребенка.

---

[1]) Акушерка при больной. Она—тоже нигилистка, какъ и вообще вся группа выведенныхъ здѣсь, въ ром. „Бѣсы", лицъ.

„На мгновеніе, когда она уже увертѣла его и собиралась положить поперекъ кровати, между двумя подушками, она передала подержать его Шатову. Магіе, какъ то изъ подъ тишка и какъ будто боясь Арины Прохоровны, кивнула ему. Тотъ сейчасъ понялъ и поднесъ показать ей младенца.

„— Какой... хорошенькій... слабо пропентала она съ улыбкой.

„— Фу, какъ онъ смотритъ! весело разсмѣялась торжествующая Арина Прохоровна, заглянувъ въ лицо Шатову; экое вѣдь у него лицо!

„— Веселитесь, Арина Прохоровна... *Это великая радость...* съ идіотски-блаженнымъ видомъ пролепеталъ Шатовъ, просіявшій послѣ двухъ словъ Магіе о ребенкѣ.

„— Какая такая у васъ тамъ великая радость? *веселилась Арина Прохоровна, суетясь, прибирая и работая какъ каторжная.*

„— *Тайна появленія новаго существа, великая тайна и необъяснимая,* Арина Прохоровна, и какъ жаль, что вы этого не понимаете!

„Шатовъ бормоталъ безсвязно, глупо и восторженно. Какъ будто что-то колебалось въ его головѣ и само собою безъ воли его выливалось изъ души.

„— *Было двое и вдругъ—третій человѣкъ, новый духъ, цѣльный, законченный, какъ не бываетъ отъ рукъ человѣческихъ; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нѣтъ выше на свѣтѣ!*

„— Экъ напоролъ! Просто дальнѣйшее развитіе организма, и ничего тутъ нѣтъ, никакой тайны, искренно и весело хохотала Арина Прохоровна,—*этакъ всякая муха тайна* [1]). Но вотъ что: лишнимъ людямъ не надо-бы родиться. Сначала перекуйте такъ все, чтобы они не были лишніе, а потомъ и родите ихъ. А то вотъ его въ пріютъ послѣ завтра тащить... Впрочемъ, это такъ и надо.

„— Никогда онъ не пойдетъ отъ меня въ пріютъ!—установившись въ полъ, твердо произнесъ Шатовъ.

„— Усыновляете?

„— Онъ и есть мой сынъ.

„— Конечно, онъ Шатовъ, по закону Шатовъ, и нечего вамъ выставляться благодѣтелемъ-то рода человѣческаго. Не могутъ

---

[1]) Вотъ онъ, просвѣтъ къ древнимъ религіямъ, къ Ѳивамъ египетскимъ, Вавилону халдейскому, къ обрѣзанію—Авраама. Если *рожденіе* и въ основѣ *обождо-полость*—мистико-религіозны, то „Богъ всяческая и во всемъ", и въ травкѣ, и въ звѣздочкѣ; въ человѣкѣ какъ въ мухѣ. Тогда храмъ наполнится травами и звѣздами, и ликами животно-поклоняемыми. Тутъ-же разрѣшается и вопросъ, есть-ли и возможны-ли *„лишніе* дѣти" „не законно рожденные". Это мѣсто слѣдуетъ имѣть въ виду при излагаемой дальше полемикѣ о незаконно-рожденныхъ.

безъ фразъ. Ну, ну, хорошо, только вотъ что, господа, кончила она, наконецъ, прибираться, — мнѣ пора идти. Я еще по-утру приду и вечеромъ приду, если надо, а теперь такъ какъ все слишкомъ благополучно сошло, то и надо къ другимъ сбѣгать, давно ожидаютъ. Тамъ у васъ, Шатовъ, старуха гдѣ-то сидитъ; старуха-то старухой, но не оставляйте и вы, муженекъ; посидите подлѣ, авось пригодитесь; Марья-то Игнатьевна, кажется, васъ не прогонитъ... ну, ну, вѣдь я смѣюсь...

„У воротъ, куда проводилъ ее Шатовъ, она прибавила ужъ ему одному;

„ Насмѣшили вы меня на всю жизнь; денегъ съ васъ не возьму; во снѣ разсмѣюсь. Смѣшнѣе какъ вы въ эту ночь ничего не видывала.

„Она ушла совершенно довольная. По виду Шатова и по разговору ей казалось ясно какъ день, что этотъ человѣкъ „въ отцы собирается и тряпка послѣдней руки“. Она нарочно забѣжала, хотя прямѣе и ближе было пройти къ другой пациенткѣ, чтобы сообщить объ этомъ Виргинскому“.

Читатель да проститъ насъ за длинную цитату. Мы все *разсуждали* (о бракѣ и его *духѣ*), но вѣдь нуженъ-же и матерьялъ, къ которому конкретно мы могли-бы относить свои разсужденія. Мы отъ себя высказали, что *рожденіе* и *все около рожденія*—религіозно; и теперь приводимъ иллюстрацію, что оно *—воскрешаетъ*, и даже воскрешаетъ изъ такой пустынности отрицанія, какъ нашъ нигилизмъ. Нигилисты—всѣ юноши, т.-е. еще не рождавшіе; нигилизмъ — весь *внѣ* семьи и *безъ* семьи. И гдѣ начинается семья, кончается нигилизмъ. Территорія—найдена; *съ*-территоріальности, *внѣ*-мірности—нѣтъ. Никто не замѣчаетъ, что въ сущности *сухой* и *холодный* европейскій либерализмъ, какъ и европейскій гностицизмъ („наука“) суть явленія *холостого* быта, холостой религіи, и есть второй конецъ той линіи, но именно *той-же самой*, первый конецъ которой есть знойно-дышащій аскетизмъ. Возьмите папство безъ Бога (откровенное) — и вы получите картину „умной“ и „политической“ Европы.

„Магіе, она велѣла тебѣ погодить спать нѣкоторое время, хотя это, я вижу, ужасно трудно,—робко началъ Шатовъ.—Я тутъ у окна посижу и постерегу тебя, а?

„И онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей никакъ нельзя было его видѣть. Но не прошло и минуты, она подозвала его и брезгливо попросила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смотрѣла въ стѣну.

„— Не такъ, охъ, не такъ... Что за руки.

„Шатовъ поправилъ еще разъ.

„— Нагнитесь ко мнѣ,—вдругъ тихо проговорила она, какъ можно стараясь не глядѣть на него.

„Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

„— Еще... не такъ... ближе, —и вдругъ лѣвая рука ея стремительно обхватила его за шею, и на лбу своемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влажный ея поцѣлуй.

„— Marie!

„Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и, засверкавъ глазами, проговорила:

„— Николай Ставрогинъ подлецъ! (NB: имя человѣка, отъ котораго она родила).

„И безсильно, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарыдавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

„Съ этой минуты она уже не отпускала его болѣе отъ себя, она потребовала, чтобы онъ сѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, *но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ точно обратилась въ какую-то дурочку.* Все какъ будто *переродилось. Шатовъ то плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, то говорилъ Богъ знаетъ что, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ упоеніемъ, можетъ быть и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшею рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими.* Онъ говорилъ ей о Кириллові, *о томъ, какъ теперь они начнутъ жить „вновь и навсегда“, о существованіи Бога, о томъ, что всѣ хороши.* (NB: идея, мелькающая у Кириллова)... Въ восторгѣ опять вынули ребеночка посмотрѣть.

„— Marie!—вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка,—*кончено съ старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной*“... (Бѣсы, изд. 82 г., стр. 528—531).

III.

Мы кончили прекрасный отрывокъ изъ „Бѣсовъ“ Достоевскаго восклицаніемъ *вчерашняго* нигилиста и *сегодня* уже вѣрующаго: „кончено съ старымъ *бредомъ*, съ позоромъ и *мертвечиной*“. И привели всю сцену, всѣ его *слова* и чувства, закончившіяся этимъ восклицаніемъ. До чего все это всемірно и какъ мало *исключителенъ* случай, рисуемый Д—кимъ, это я припоминаю изъ инстинктивнаго движенія въ своей жизни: въ 93 году, постоянный до тѣхъ поръ провинціалъ, я переѣхалъ въ Петербургъ. Ранняя весна. Николаевскій вокзалъ. Мы, русскіе, всѣ мечтатели, и вотъ я ѣхалъ въ Петербургъ съ мучительною мечтой, что тутъ—чиновники и нигилисты, съ которыми „я буду бороться“ и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь сейчасъ-же выразить свое *неуваженіе* къ нимъ; прямо—неуваженіе къ столицѣ Россійской Имперіи. Мечтая, мы бываемъ какъ мальчики; и вотъ я взялъ пятимѣсячную дочку на руки и понесъ, а затѣмъ и сталъ носить по залѣ I-го класса,

передъ носомъ „кушающей“ публики; и твердо помню свой внутренній, и радостный и негодующій голосъ: „я васъ научу“... чему, я и не формулировалъ: но *борьба съ нигилизмомъ мнѣ представлялась черезъ ребенка и на почвѣ отцовства.* Читатель посмѣется анекдоту, но онъ вѣренъ, а для меня онъ—доказательство.

Итакъ, вотъ всемірная территоріальность, на которую... никогда, никогда, не зачеркнувъ какъ „позоръ и мертвечину“ все прошлое свое, не опустится римскій первосвященникъ. Тутъ—*мать матерей*, т.-е. въ пунктѣ, около котораго копошилась Виргинская; а онъ—*безъ матерей, не плоденъ,* и это есть не случайность и временное, но самый центръ въ немъ, отъ котораго онъ не можетъ отрѣчься, не перейдя изъ „я“ въ „не-я“, даже въ „анти-я“. Двѣ религіи. Будемъ испытывать. Римъ (католическій) покорилъ королей; цивилизовалъ міръ. Передъ нами папа, и сонмъ его кардиналовъ, епископовъ. Друга Рафаэля и Микель-Анджело, зиждителя славнаго Собора св. Петра, наполнившаго музеи Ватикана сокровищами искусства, предметами красоты, прелести и *любованія*, конечно нельзя назвать человѣкомъ, который пилъ-бы одно горькое, и всегда отказывался, принципіально и абсолютно, отъ сладкаго. „Вишу на крестѣ“... нѣтъ, этого не скажетъ о себѣ папа. Левъ XIII, въ латинскомъ стихотвореніи, описалъ скромное и милое занятіе домашнею фотографіею, которымъ въ часы отдыха и во всякомъ случаѣ не службы, онъ забавляется. Забава, отдыхъ, удовольствіе не исключены папствомъ и обѣтомъ монашества. Онъ называется „pontifex“ и имя „первосвященника“ къ нему дѣйствительно идетъ. Идеей возстановить теократію подъ владычествомъ первосвященниковъ полно папства, и ссылки на Илія, Самуила—не рѣдки въ устахъ Римскаго владыки. Извѣстно, что первосвященникъ Иліи имѣлъ двухъ сыновъ, и Самуилъ имѣлъ мать, о которой я читаю,—въ сонмѣ епископовъ и передъ лицомъ папы,—слѣдующую трогающую меня страницу изъ „Первой книги царствъ“, гл. 2:

„И молилась Анна и говорила: „возрадовалось сердце мое въ Господѣ; возносится рогъ мой въ Богѣ моемъ; широко разверзлись уста мои на враговъ моихъ; ибо я радуюсь о спасеніи Твоемъ. Нѣтъ столь святого какъ Господь; ибо нѣтъ другого, кромѣ Тебя; и нѣтъ твердыни, какъ Богъ нашъ. Не умножайте рѣчей надменныхъ; дерзкія слова да не исходятъ изъ устъ вашихъ; ибо Господь есть Богъ видѣнія, и дѣла у Него взвѣшены. Лукъ сильныхъ преломляется, а немощные препоясываются силою. Сытыя работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; *даже безплодныя рождаютъ семь разъ, а многочадная изнемогаетъ*“.

Прочитавъ эту страницу и закрывъ книгу, я обращаюсь къ первосвященнику Новаго Завѣта и говорю ему: „всѣ радости міра вкусилъ ты. Но не вкусилъ одной и чистѣйшей—радости семья-

нина. Войди-же въ міръ, тобою управляемый, черезъ эту особенную и особенно крѣпкую и глубокую радость. Вотъ дѣва, пра-пра-правнучка Евы, какъ ты самъ пра-пра-правнукъ Адама. Исполни заповѣдь размноженія, данную еще въ раю, до грѣхопаденія: законъ Божій, данный всей твари, и составляющій въ собственной твоей церкви одно изъ семи священныхъ таинствъ. Сегодня, вмѣсто обычной прогулки по ложамъ Рафаэля, записаннымъ библійскими сюжетами, войди самъ какъ-бы сюжетомъ въ эту-же Библію — зачни младенца, помолясь Богу, какъ молилась эта-же Анна, Самуилова мать":

— Этого я не могу!

— Да отчего?

— Не могу изъяснить. Я побѣдилъ міръ; но—*этого я не побѣдилъ*.

— Но вѣдь ты первосвященникъ?..

— Новаго Завѣта.

— Стоящаго на основаніи Ветхаго; и что *до грѣха* было заповѣдано въ Ветхомъ, конечно *не есть грѣхъ* и въ Новомъ. Да и наконецъ... семья, бракъ, супружество, дѣти—все такъ хорошо, что ужъ конечно лучше и безгрѣшнѣе домашней фотографіи; и ты благословляешь все это, супружество и дѣтей, и вотъ я начинаю подозрѣвать... искренно-ли?

— Искренно.

— Тогда стань семьяниномъ. Что благословенно, и притомъ отъ тебя самого, тѣмъ и благословись самъ. А то выходитъ чаша, изъ которой ты даешь пить, но удерживаешься вышить. Болѣе, чѣмъ подозрительно, и я перестаю тебѣ вѣрить. Я думаю — въ чашѣ дурное содержаніе, которое ты знаешь, но объ этомъ скрываешь отъ міра.

— Нѣтъ, не дурное.

— Тогда выпей?

— Не могу! Не могу! Тутъ—сѣмя, тутъ—кровь, а я—безъ-кровенъ и внѣ—сѣменен, я отрицаюсь крови и сѣмени. Satan! Satan!

— Но вѣдь *все* — изъ крови, *все*—отъ сѣмени; и, отвергнувъ ихъ, ты отрицаешь *все и Все*. Двѣ выходятъ религіи: *зернистая*—у меня, и *каменная*—твоя.

— Нѣтъ, Богъ одинъ,—какъ сказалъ даже язычникъ Аристотель въ 12-ой книгѣ своей „Метафизики":

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοίρανιη· Εἷς κοίρανο.

т.-е. „не добро быти *много*-божію, *Единъ*-Богъ"...

— Тогда пусть папа зачнетъ младенца. Иначе я подозрѣваю, что онъ враждебенъ существу младенца, и это гораздо страшнѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ враждебенъ только эмпирически существующимъ дѣтямъ. Мнѣ приходитъ на умъ Красный Дра-

конъ Апокалипсиса, стоящій передъ рождающею женою (гл. XII), какъ и Древній Змій, который нѣкогда погубилъ человѣковъ, но „сѣмя жены", замѣтьте, не сѣмя Дѣвы, отъ которой родился нашъ Христосъ,—„сотретъ ему главу". Во мнѣ зарождаются самыя черныя и тягостныя подозрѣнія.

Въ началѣ былъ *Хаосъ*, потомъ—*Земля* широкогрудая...
Для всѣхъ навсегда *непоколебимое сѣдалище*.
И Тартаръ явился *мрачный въ тайникахъ* обширной земли.
Также Эросъ, *прекраснѣйшій* изъ безсмертныхъ боговъ.
Разрѣшающій печали всѣхъ боговъ и всѣхъ людей
Одолѣвающій въ груди *разумъ и благоразумный совѣтъ*.
(*Гезіодъ*, „Теогонія", стихи 116—122).

Вы видите, я посмѣиваюсь и начинаю цитировать древнихъ. Я буду цитировать древнихъ такъ долго, если хотите—цѣлую тысячу лѣтъ, пока папа, въ составѣ другихъ символовъ своего разума и могущества, не обвѣшается какъ *добрый отецъ* дѣтскими игрушками.

— Нѣтъ, онъ этого не можетъ, это—переломъ исторіи.

— И я предвижу, что переломъ, и давно подыскиваю *еще* папу... Почему имъ не стать Кириллову съ его „всемірной гармоніей"? Послушайте еще его діалогъ, вѣдь это въ своемъ родѣ молитвы, и если вы чутки къ подробностямъ, вы замѣтите, что они мелькаютъ все около какого-то „еще солнца", „еще Бога", думаю, того солнца и того Бога, одинъ лучъ коего проигралъ въ комнатѣ Магіе и Шатова, и вдругъ согрѣлъ ихъ не земною, *не феноменальною* „заповѣдною" любовью, а *ноуменальною* „рожденною" любовью. Да, есть *сказанная* любовь и есть *рожденная* любовь, и вотъ между ними-то и начинается коллизія. Оставимъ папу съ его „не могу" и вернемся къ Кириллову, который „все можетъ".

„— *Чей это давеча ребенокъ?*

„— Старухина свекровь пріѣхала, нѣтъ... сноха... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ, очень, животъ. Мать спитъ, а старуха приноситъ. *Дѣвочка.*

„— *Вы любите дѣтей?*

„— Люблю.

„— Стало быть *и жизнь любите?*

„— Да, люблю и жизнь, а что?

„— Я о вашемъ рѣшеніи умереть...

„— Что-же? Почему вмѣстѣ? *Жизнь особо, а то — особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ совсѣмъ.*

„— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

„— Нѣтъ, *не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную.* Есть минуты, вы доходите до минуты, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

„— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

„— Да.

„— Это врядъ-ли въ наше время возможно... Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется, что времени больше не будетъ.

„— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно. *Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ*, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

„— Куда-жъ его спрячутъ?

„ — Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

„ Старыя философскія мѣста, однѣ и тѣ же съ начала вѣковъ, съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробормоталъ Ставрогинъ.

„ Однѣ и тѣ же? Однѣ и тѣ же съ начала вѣковъ и никакихъ другихъ никогда! -подхватилъ Кириловъ съ сверкающимъ взглядомъ, какъ будто въ этой идеѣ заключалась чуть не побѣда.

„— Вы кажется очень счастливы?

„— Да.

„ Но вы еще не такъ давно огорчались, сердились, порицали?

„ — Гмъ... Я теперь не порицаю. Я еще тогда не зналъ, что счастливъ. *Видали вы листъ, съ дерева листъ?*

„— Видалъ.

„ Я видѣлъ недавно *желтый, немного зеленаго, съ краевъ подгнилъ*. Вѣтромъ носило. Когда было десять лѣтъ, я *зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ*. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому-что очень хорошо, и опять закрывалъ...“

„ Это что-же *листъ*, аллегорія?

„— Н-нѣтъ, зачѣмъ?.. Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. *Листъ хорошъ. Все хорошо.*

„— *Все?*

„— *Все. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому.* Это все, все! Кто узнаетъ, тотъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. *Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется. Все хорошо. Я вдругъ открылъ...* Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошо. Но пока они не знаютъ, что имъ хорошо, то имъ будетъ не хорошо. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣтъ никакой!

„— Когда-же вы узнали, что вы такъ счастливы?

„ На прошлой недѣлѣ во вторникъ... нѣтъ -въ среду, потому что уже была среда. Ночью.

„— По какому-же поводу?

„— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ... все равно. Я часы остановилъ; было тридцать семь минутъ третьяго.

„ Въ эмблему того, что время должно остановиться?

Кирилловъ промолчалъ. – „Они не хороши, началъ онъ вдругъ, потому-что не знаютъ, что они хороши. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ-же станутъ хороши, всѣ до единаго.

„— Вотъ вы узнали-же, стало быть—вы хороши?

„— Я хорошъ.

„ Съ этимъ я впрочемъ согласенъ, — нахмурился его собесѣдникъ.

. . . . . .

„ Кто научитъ, что всѣ хороши, тотъ міръ закончитъ.

Оговоримся, опомнится: папа *не закончилъ* міръ, и уже теперь видно, что онъ его и не кончитъ, и что самъ онъ—лишь *промежуточная идея*, ибо именно... встрѣтился пунктъ, котораго онъ, аскетъ и монахъ, ни понять, ни объять, ни чистосердечно благословить не можетъ. Взаимно отталкиваются; „не могу! не могу!

— Но вѣдь крестъ все побѣдилъ? Возьмите кусочекъ крестнаго дерева, надѣньте на себя останки святыхъ мощей, и совершите актъ, который сами-же благословляете: зажженія *новой жизни*.

— Не могу! Не могу!

— Если не можете этого, и есть Кто-то, Кто все можетъ и до всего коснется и объялъ этотъ „святой хаосъ“ то Онъ и привлечетъ къ себѣ не только всѣхъ, но и „всяческая во всемъ“...

Теперь, высказавъ свою мысль, будемъ далѣе цитировать:

„— Кто училъ, Того распяли, — отвѣтилъ задумчиво Кириллову собесѣдникъ.

„— Онъ *придетъ* и имя Ему Человѣкобогъ.

„— Богочеловѣкъ?

„— Человѣкобогъ, въ этомъ разница.

„— Ужъ не вы-ли и лампадку зажигаете?

„— Да, это я зажегъ.

. . . . . .

„— Сами-то вы молитесь?

„ – Я *всему молюсь*. Видите, *паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодарен ему за то, что ползетъ*. Глаза его горѣли“ („Бѣсы“, ibid., стр. 215 и слѣд.).

„Паукъ“ здѣсь — это тоже, что „во всякой мухѣ — тайна“ въ діалогѣ, который выше привели мы. Какъ здѣсь, такъ и тамъ начинается *еще* религія. Конечно, чрезвычайно грустно, что она возможна, но вѣдь потому и является мысль ея, тембръ ея, звуки ея, что „папа“ оказывается всего только *вчерашнимъ нигилистомъ*, который по данному разсматриваемому пункту, т.-е. относительно цѣлой *алгебры* міра, страннымъ образомъ замѣшивается въ толпу петербургскихъ нигилистовъ и вторитъ имъ.

„— Я теперь къ Виргинской, къ бабкѣ, тороплюсь“, нѣсколь-

ками часами раньше извѣщаетъ Шатовъ Кириллова. Виргинская—это „стриженная акушерка".

„— Мерзавка, восклицаетъ Кирилловъ, бывшій тоже когда-то среди нигилистовъ, но теперь ушедшій отъ нихъ въ существенно новыя гармоніи.

„— О, да, Кирилловъ, да, но она лучше всѣхъ! О, да, *все это будетъ безъ благоговѣнія, безъ радости, брезгливо, съ бранью, съ богохульствомъ—при такой великой тайнѣ появленія новаго существа!.. О, она ужъ теперь проклинаетъ его.* (Ibid., стр. 520).

IV.

Тамъ, гдѣ есть *новое умиленіе*, и при томъ не только разнородное со вчерашнимъ, но и такое, отъ коего вчерашнее умиленіе „брезгливо и богохульно отворачивается", очевидно есть ростокъ и новаго Бого-*отношенія*. Бого-*связуемости*. Бого-*взываніи*. Ибо *гдѣ* молитва, *тамъ*—вѣра, и если она не на „сѣверъ сѣверъ, сѣверъ" какъ была всегда, то будетъ на „югъ, югъ и югъ", гдѣ никогда не была. Теизмъ—раскалывается.

Прежній теизмъ падалъ лучемъ съ неба на землю и обливалъ ее. Это одно отношеніе, и оно на первый взглядъ кажется высочайшимъ. Земля пустынна; земля голодна; земля холодна. И землѣ — *холодно! голодно!* ее не согрѣваютъ эти какіе-то только ласкающіе *лунные* лучи. Мы идемъ по голодной и холодной землѣ, и, прислушиваясь къ ея разговорамъ, *ея собственнымъ, изъ нея рожденнымъ* улавливаемъ между ними, большею частью суетными, одинъ, который можетъ быть въ слишкомъ длинныхъ цитатахъ привели. Теплота. Свѣтъ. Правда. Религія. Нѣтъ великолѣпія, истинная простота, *даже и не оглядывающаяся на себя.*

Слѣди, мы видимъ, что наша показавшаяся темною земля изъ каждой хижинки, при каждомъ новомъ „я", рождающемся въ мірѣ, пускаетъ одинъ маленькій такой лучикъ; и вся земля сіяетъ короткимъ, не длиннымъ, не досягающимъ вовсе неба, но своимъ собственнымъ за то сіяніемъ. Земля *насколько она рождаетъ* плыветъ въ тверди небесной *сіяющимъ тѣломъ*, и именно *религіозно сіяющимъ*. Главное — это *собственное*, и опять это *грѣетъ*. Теплая земля, хотя летитъ въ тверди ужасающаго холода. И вотъ — восклицаніе Кириллова, пожалуй получающееся до конкретнаго совпаденія:

„— Бого-человѣкъ?

„— Человѣко-Богъ. Въ этомъ—разница.

„— Ужъ не вы-ли и лампадки зажигаете?

„— Это—я зажегъ.

Теперь вопросъ остается почти только въ томъ, какъ намъ устроить *свои* лампадки. Въ матушкѣ-землѣ вырывать ямки, обдѣ-

лывать камешкомъ, вливать елей, вставлять фитиль: пусть горитъ всю ночь. Ничего воздушнаго, главное—чтобъ ничего воздушнаго. „Воздушное“ принесъ папа и самъ повисъ съ нимъ въ воздухѣ. „Хоть-бы земляницы подъ ноги, мучусь!“ Но уже „земляницы“ не нашлось для отвергшаго землю.

А впрочемъ... впрочемъ; такъ какъ *самая суть* новаго теизма лежитъ въ поклоненіи „даже и пауку ползущему по стѣнѣ“, то само собою въ благостномъ кругѣ новыхъ лобзаній содержится и папа какъ крошечный эпицикль въ огромномъ циклѣ. И ему—земли! И даже и лобзаніе его руки, его даже туфли, но уже съ новымъ чувствомъ, дабы просто не огорчить великаго, тысячелѣтняго дѣдушку. „Тебѣ это радостно — и мы это дѣлаемъ, дабы и ты слился съ нашею радостью“; и даже, пожалуй, безъ всякаго „дабы“, „чтобы“. „Такъ—просто радость. Это—не любовь, это выше любви“.

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры дивные свѣтилъ.

Вотъ „Отчая пѣсенка“; и *много* возможно такихъ. Новая музыка. Новое чувство. „И отретъ Богъ всякую слезу“ ихъ; и дастъ „пальмовыя вайи въ руки“ имъ и „облечетъ ихъ въ бѣлыя одежды“. *Бѣлое поклоненіе* въ замѣнъ *темнаго поклоненія*, о немъ говоритъ Апокалипсисъ... Но мы указываемъ *пунктъ* и *логику*, гдѣ въ самомъ дѣлѣ поклоненія расходятся.

Путеводною нашею „звѣздочкою“ будетъ та, которая остановилась и надъ Виолеемомъ. „Путь“ нашъ — не философія и не наука, а *ребенокъ*. Новая „книга изученій“ просто есть *чтеніе* дитяти, т. е. непрестанное *общеніе* съ нимъ, погруженіе въ его стихію. Онъ и станетъ нашимъ *символомъ*, онъ и—*бабушка*. На Западѣ, въ одинъ печальный годъ, носили какую-то „богиню *Разума*“ и лишь съ оговорками признали „Etre Suprême“. Болѣе, чѣмъ возможно, что на Востокѣ нѣкогда понесутъ едва-едва помнящую себя 90-лѣтнюю пра-бабушку (то-то-порадуется старуха, что ее „такъ почитаютъ“), съ чулкомъ и вязальными спицами въ рукахъ (безъ этого какая-же бабушка?!) и около нея—ея пра-внука съ игрушечнымъ конемъ.

„— Вы вѣрите въ *будущую вѣчную жизнь?*

„— Не въ будущую, а *въ здѣшнюю вѣчную жизнь!*

И лампадочки, лампадочки...

„Гражд.“, 1899.

Упадокъ семьи.

Roma periit latifundiis...

I.

„Географическій атласъ Россіи, со многими картограмами, Поддубнаго. Цѣна 1 руб.“, прочелъ я лѣтъ восемь назадъ объявленіе, и, выписавъ себѣ экземпляръ, немедленно назначилъ его къ выпискѣ всѣми учениками IV и VIII классовъ гимназіи, гдѣ проходится спеціально географія Россіи. Не имѣлъ права „обременять учениковъ новымъ учебнымъ пособіемъ“, но на этотъ разъ обременилъ.

Очень хорошъ былъ атласъ, очень уменъ. И весь „умъ“ его лежалъ въ необыкновенно умно составленныхъ картограмахъ. Я разсматривалъ ихъ съ поученіемъ, но и наконецъ съ восхищеніемъ. „Если бы досугъ и переписовать ихъ всѣ самому — собственно познакомился бы съ Россіею“. „Ученики, которые годъ проработали бы надъ этимъ атласомъ, выходили бы изъ гимназіи положительно съ представленіемъ какъ о матеріальныхъ средствахъ Россіи („богатства“ ея), такъ и о трудѣ въ Россіи, о рабочихъ ея успѣхахъ. И притомъ сравнительно со всѣми странами Европы“. Къ сожалѣнію, досуга ни у учителя, ни у учениковъ не было. Одинъ урокъ въ недѣлю, т.-е. сорокъ часовъ въ учебномъ году; томикъ учебника, въ 240 страницъ, который надо въ эти 40 часовъ усвоить почти изъ строки въ строку; экзамены, программа, билеты... „Некогда! некогда!“ И прекрасный атласъ, какъ все прекрасное, былъ... засоренъ заботами ежедневными, которыхъ нельзя обойти. Но я помню съ благодарностью это милое руководство и вспомнилъ „умъ“ его теперь, когда мнѣ захотѣлось писать о семьѣ.

Что такое картограмма? Это графическая схема фактовъ: желтенькій, красенькій, голубой квадратикъ и наконецъ цѣлый паркетъ подобныхъ квадратиковъ выражаютъ какой-нибудь основный фактъ въ безчисленныхъ его модификаціяхъ, варіантахъ,

приложеніяхъ, сравненіяхъ. Всѣ качества факта переложены, черезъ умную сообразительность, въ количества, и вы получаете наглядное руководство къ тому, чтобы судить о немъ и наконецъ разсудить, т. е. не только схватить дѣйствительность глазомъ, но и догадаться, куда и къ чему она тянетъ, чего ей недостаетъ, въ чемъ ей можно пособить. Можно сфотографировать лицо en face, въ $^3/_4$, въ профиль. Но можно въ одинъ и тотъ же часъ снять съ лица человѣка 90 карточекъ, подъ разными углами наклоненія, поворота, выраженія. Сумма ихъ дастъ совершенно точное представленіе о дѣйствительной формѣ лица. Роль такихъ „90 карточекъ" и выполняетъ картограма или рядъ картограмъ. „Лицо" страны становятся ясно послѣ нѣкотораго труда, изучимо, запоминаемо.

Принципъ картограмы примѣнимъ ко всему, что есть фактъ, что есть матерія или событіе. Министръ финансовъ, министръ земледѣлія, распоряжаясь ресурами страны и изыскивая мѣры къ ихъ возрастанію, непремѣнно будетъ орудовать, имѣя подъ рукою *свои* картограмы, въ *его* цѣляхъ начертанныя. Безъ нихъ онъ — какъ морякъ безъ компаса вдали отъ береговъ. Онъ ничего не видитъ. „Вода... вода..." „Вода и небо". Для министра торговли и мануфактуръ это было бы: „торгуютъ, торгуютъ"; „кажется — хорошо торгуютъ". Но дальше этой краткой мудрости его свѣдѣнія не шли бы, и онъ ничего бы не могъ предпринять, или предпринялъ бы на-обумъ.

II.

Вполнѣ удивительно, что при очевидномъ для всѣхъ упадкѣ семьи въ Европѣ („изъ 10 встрѣчающихся мнѣ на улицѣ—одинъ малорослый",—замѣтилъ одинъ туристъ въ началѣ нынѣшняго вѣка) къ всесторонникъ ея „измѣреніямъ" до сихъ поръ не былъ приложенъ принципъ картограмы. Можетъ быть она все еще растетъ? Можетъ быть, она уже давно карликъ? Можетъ быть это калѣка? Можетъ быть больной? Опредѣленнаго никто и ничего не знаетъ. Описываютъ ее романисты, но кто же вѣритъ, „романамъ"?

Мы имѣемъ только снимокъ ея en face:

Бракосочетаній въ году было столько-то.
Родившихся—столько-то.
Умершихся—столько-то.

Но уже природа каждаго лица „en face" такъ устроена, что его снимокъ всегда будетъ выражать нѣкоторую норму и даже красивость. Такъ что когда обычный официальный отчетъ выразится въ цифрахъ:

Бракосочетаній 36
Родившихся 40
Умершихъ. 38

— и это о цѣлой странѣ, то мудрый министръ будущаго вѣка успокоитъ государя или населеніе словами: „родившіеся превышаютъ умирающихъ, и состояніе семьи прекрасно, какъ и во всѣ XIX вѣковъ нашего благополучнаго христіанскаго существованія“. Между тѣмъ будетъ довольно ясно, изъ сосѣднихъ, но не вошедшихъ въ отчетъ, цифръ, изъ другихъ разноцвѣтныхъ, но только не нарисованныхъ, картограмочекъ, что собственно семьи нѣтъ, бракосочетаній — нѣтъ, родившихся — почти нѣтъ. И какъ министру, такъ и его государю остается только лечь въ гробъ, за отсутствіемъ самаго народонаселенія, для котораго они теперь могли бы издавать законы. Издавать законы и администрировать...

Въ виду совершенной одинаковости быта, именно семейнаго быта, въ каждой порознь европейской странѣ, и почти совершенной тожественности состоянія семьи въ цѣлой Европѣ, это состояніе можетъ быть разслѣдовано до высокой подробности и точности на кусочкѣ страны, напр. на городѣ средней величины. Когда-то, въ 80-хъ годахъ, подъ руководствомъ талантливаго статистика Орлова, въ Московской губерніи были предприняты изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ такихъ подробностяхъ, о какихъ еще не додумалась западная статистика, и получилось не кое-что въ картинѣ, а полная картина дѣйствительности. Вообще русскій человѣкъ и даже русскій умъ доберется при нуждѣ и охотѣ до всякихъ точностей. Обратимся же къ семьѣ. Сейчасъ вырисовываются двѣ основныя схемы, два основные цвѣта въ искомыхъ *настоящихъ* картограмахъ ея положенія:

Судьба индивидуума.
Состояніе общества.

Что такое „судьба индивидуума“ и въ томъ опредѣленномъ вопросѣ, на который мы ищемъ отвѣта? Вѣдь въ настоящее время всякое *„я“* если и входитъ въ „статистику успокоенія“, то совершенно приличною фигурою: „холостъ“ — „женатъ“. Между тѣмъ въ статистику истины и тревоги это же *„я“* войдетъ цѣлою лѣстницею показаній, которую мы приблизительно намѣтимъ. Берется возрастъ 60 лѣтъ, положимъ для Тулы, для Орла, — даже пусть возьмутся старики этого возраста на одной какой-нибудь улицѣ, и, не вписывая ни именъ своихъ, ни фамилій, просто обозначатъ о себѣ, какъ о совершенно неопредѣленномъ „я“, слѣдующія истины:

1) Съ котораго года жизни и до котораго, ранѣе вступленія въ бракъ, прибѣгалъ къ безпорядочнымъ отношеніямъ? Въ частности — къ проституціи?

2) Не было-ли ранѣе вѣнчанія длительныхъ и серьезныхъ привязанностей? Безъ рожденія ребенка? Съ рожденіемъ? Приблизительная судьба брошенной дѣвушки или дѣвушекъ? Приблизительная судьба ея ребенка или дѣтей?

3) Сколько лѣтъ въ бракѣ? Сколько — дѣтей? Совершенное, умѣренное, посредственное или худое счастье въ семьѣ?

4) Не было ли и если *да*, то сколько случаевъ, увлеченія на сторонѣ во время супружества? Какой длительности? Съ дѣвушками? Замужними?

5) Сколько лѣтъ вдовъ? Былъ ли абсолютно цѣломудренъ во вдовствѣ?

Шестьдесятъ лѣтъ можно считать „прожитою жизнью“, и точныя данныя, взятыя съ этого возраста, въ суммарномъ итогѣ могутъ дать „средній романъ человѣка“. Это и будетъ первая, основная картограмма семьи: семья какъ *мой* расцвѣтъ; какъ *моя* мудрость и поэзія; какъ поэзія и мудрость цивилизаціи, *на мнѣ отразившіяся*. Ибо, безспорно, въ суммарный итогъ войдутъ только нормы, регуляторы; войдетъ *бытъ*, *обычай*, но не какъ плодъ индивидуальныхъ заблужденій или страстей, но какъ форма, въ которую отлились эти страсти, одинъ повсюду, у всѣхъ всегда одинъ.

Картограмма состоянія общества должна быть совершенно другая. Берется цвѣтущій возрастъ женщины, 32 года, когда судьба каждой бываетъ рѣшена, и рѣзко уже потомъ не перемѣняется,— и составляется статистика этого возраста и пола, для города, для улицы, для небольшой страны:

1) Сколько замужнихъ? Счастливыхъ въ замужествѣ? Несчастныхъ?
2) Сколько дѣвушекъ?
3) Сколько проститутокъ?

Эти данныя выразятъ состояніе средняго возраста, одного центральнаго года этого возраста, и притомъ у основной семейной единицы — женщины. Это — семья *въ моментѣ*, въ отличіе отъ *семьи въ процессѣ*, схему которой нарисуетъ первая картограмма. Во всякомъ случаѣ массовой итогъ и здѣсь нарисуетъ, такъ сказать, средній бытъ страны и, пожалуй, среднее счастье человѣка.

Наконецъ, послѣдняя картограмма—рождаемости: берется возрастъ опять 60 лѣтъ, но уже женщины (основная и самая ясная семейная единица), и исчисляются ихъ рожденія:

1. Рожденныя въ семьѣ.
2. Рожденныя внѣ семьи (дѣти дѣвушекъ и вдовъ) и оставленныя при матери.
3. Подброшенныя въ чужую семью.
4. Воспитываемыя тайно на сторонѣ.
5. Переданныя въ воспитательные дома.
6. Умерщвленныя.

Я говорю очень не полно: не думаю, чтобы говорилъ очень ошибочно. Во всякомъ случаѣ серія исчисленныхъ вопросовъ пересѣкаетъ въ разныхъ направленіяхъ институтъ семьи, основной соціальный институтъ, и дастъ рядъ ея разрѣзовъ, подобно тому, какъ есть „вертикальные“, „горизонтальные“ и другіе разрѣзы

пластовъ земли или дѣлаются искусственно такіе разрѣзы животнаго организма. „Кто хочетъ знать, тотъ долженъ умѣть знать".

Эти картограммы во всякомъ случаѣ разбили бы основное утѣшительное представленіе: „бракосочетаній—столько-то", „рожденій —столько-то", „смертей—нѣсколько менѣе"; „итогъ—благополученъ". Онѣ вырисовали бы совершенно обратное относительно цѣлой страны и всякаго въ ней человѣка:

Отрочество—порочно, юность и часть возмужалости—проституціонны; часть возмужалости и старость—семейны.

И далѣе:

Около $^2/_3$ рождаемыхъ дѣтей рождается и остается въ семьѣ, около $^1/_3$—внѣ семьи.

Наконецъ:

Семья обнимаетъ около $^2/_3$ населенія, внѣсемейный бытъ обнимаетъ около $^1/_3$ населенія.

„Итогъ" — не только не „благополученъ", но „смертенъ" и „идетъ къ смерти".

III.

Много лѣтъ назадъ, проводя ученическіе годы свои въ Нижнемъ, я почти ежедневно бывалъ на знаменитой мѣстной ярмаркѣ. Какой же мальчикъ, юноша— не патріотъ, пусть даже и съ „краснымъ оттѣнкомъ"; и вотъ меня, всегда желавшаго, чтобы русскій человѣкъ вездѣ стоялъ на первомъ мѣстѣ, чтобы ему отдана была первая, лучшая работа, поражало еще въ тѣ отроческіе годы, до чего вся сильная работа, какъ и всякая отвѣтственная служба въ этомъ водоворотѣ труда и денегъ, проходитъ мимо русскихъ рукъ и передается татарамъ. Откуда они? Что за орда? Самъ Нижній— чисто русскій городъ и изъ торгующихъ тамъ вѣрно около $^1/_2$ старообрядцы. Что за „избирательное сродство" у этого коренного и денежнаго русскаго люда къ непріятнымъ „ермолкамъ" и „свиному уху"? Дюжія у нихъ спины; могучіе затылки. Теперь, живя въ Петербургѣ и ежедневно видя заходящихъ на дворъ „халатниковъ", сбывая имъ разную одѣвальную и книжную рухлядь, не безъ антропологическаго интереса я присматриваюсь къ нимъ. Вотъ ужъ не „паріи"... Это какіе-то аристократы крови. Какая прямизна роста; да какая, наконецъ, красота лица, его глубокая уравновѣшенность, не нервность, не чахлость, не болѣзненность. Наблюденіе туриста надъ западнымъ европейцемъ, какъ мы привели выше: „изъ десяти встрѣтившихся одинъ былъ вырождающійся", здѣсь читается наоборотъ: „изъ десяти встрѣчающихся одинъ точно хочетъ перескочить за высоту расы". Раса — брызжетъ: раса растетъ. И, между тѣмъ, это та же Казанская губернія, т.-е. возможный голодъ, недородъ...

Разсѣянный вообще, я какъ-то памятливъ, впечатлителенъ,

цѣпокъ умомъ за новое и оригинальное. Какъ-то мальчикомъ я не столько шелъ со взрослыми, сколько меня вели взрослые, и вотъ слышу, какая-то древняя старушка, бого-почтенная помѣщица, разсказываетъ о своемъ одинокомъ и опасливомъ быту на югѣ. Имѣніе, кругомъ поля, пустыня. «Насъ—татары сторожатъ». Что такое: и въ Нижнемъ—все «татары сторожатъ». Имъ довѣряютъ; они имѣютъ *нравственный кредитъ*. «Гдѣ же довѣрить русскому: онъ напьется и васъ пропьетъ». Старушка характеризовала этихъ стерегущихъ ихъ татаръ, какъ какихъ-то могучихъ младенцевъ: геркулесовъ, задушающихъ въ колыбели змѣй; простосердечные, недалекіе умомъ, они и «душу»-то «имѣютъ» почти въ томъ ограниченномъ и сосредоточенномъ смыслѣ, что «имѣютъ вѣрность», «вѣрны». Не имѣютъ таланта лукавства, и нашихъ лукавыхъ талантовъ.

Они воспитаны; очевидно, однако, не гувернерами. Есть нѣсколько какихъ-то въ высшей степени простыхъ, но и въ высокой степени универсальныхъ не знаній, но... навыковъ благообразія, въ которыхъ проходитъ ихъ всѣхъ жизнь, въ которые они врастаютъ, едва родясь. Тѣхъ *навыковъ*, объ отсутствіи которыхъ у насъ желчно скорбитъ г. Побѣдоносцевъ въ «Московскомъ сборникѣ», указывая, какъ нужны бы они, а не безчисленныя и разнообразныя знанія, эти красивыя безсилія, какими мы украшаемся въ школѣ и черезъ чтеніе. Да, *нужны*-бы, но вотъ ихъ *нѣтъ*, и не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Въ замѣчательныхъ «Письмахъ къ духовному юношеству» (письма къ студентамъ Казанской духовной академіи) знаменитый педагогъ нашего времени, С. А. Рачинскій, указываетъ будущимъ пастырямъ «словеснаго стада Христова» о болѣе чѣмъ прискорбномъ состояніи христіанскаго міра, и именно моральномъ, какъ оно особенно сказывается на границахъ, гдѣ христіанскій міръ соприкасается съ нехристіанскимъ, и пытается на него воздѣйствовать. «Языческія племена Африки быстро усваиваютъ магометанскій законъ, но христіанская проповѣдь не пріобрѣтаетъ ни одного прозелита»; «эти наивные народы съ ужасомъ бѣгутъ отъ христіанскаго обмана, проповѣдующаго наилучшую нравственность, но имѣющаго наихудшую жизнь». Рачинскій приписываетъ это «пьянымъ нашимъ батюшкамъ», противопоставляя имъ вѣчно трезвыхъ муллъ: «возможно ли, чтобы магометанскій мальчикъ увидѣлъ муллу пьянымъ на улицѣ, въ училищѣ, какъ онъ не рѣдко видитъ православнаго священника»?! Много прекраснаго въ этихъ письмахъ Рачинскаго (едва ли не болѣе важныхъ, чѣмъ его «Сельская школа»), прекраснаго по одушевленію автора, по тону нетерпѣливой боли, въ нихъ разлитой. Но еслибы съ этими качествами авторъ соединилъ желанье углубиться въ тему... Кто же не знаетъ, что есть у насъ батюшки по абсолютной трезвости, но къ которымъ за ихъ про-

стоту, за ангельскую незлобивость любовь паствы не преборима. Не видалъ я, но передавали мнѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, объ одномъ священникѣ, который каждую литургію нѣкоторыя ея мѣста «проходилъ» со слезами; читаетъ Евангеліе — и самъ плачетъ. Что же оказалось? Онъ страдаетъ *запоемъ* (вѣдь это — *болѣзнь*, это всякій знаетъ); т. е. считалъ себя безмѣрно грѣшнымъ, окаяннымъ передъ Богомъ и паствою — и въ трогательныхъ мѣстахъ службы плакалъ, конечно, о себѣ. Что же, эта литургія «мытаря» бездѣйственнѣе ли была, чѣмъ службы сотни совершенно трезвенныхъ священниковъ, которые за достаточное проповѣдываніе получили достаточно высокія камилавки? Конечно, все рѣшаетъ одна минута правды; вотъ эта литургійка сквозь слезы. И что касается до пьянства, то надо бы еще вдуматься, почему только кровь европейца имѣетъ эту острую лишкость къ алкоголю, точно заражается имъ, тогда какъ кровь магометанина, еврея очевидно туга къ напитку («научились» бы, да и всякій «законъ» перемѣнили бы, имѣй они вкусъ къ вину). Иногда думается, что кровь европейца слишкомъ низкой точки кипѣнія, и она ищетъ возбудителя. Оговоримся, поправимся: въ быту европейскомъ и въ составѣ чувствъ, идей господствующихъ, именно насколько онѣ относятся къ индивидууму, много шумливости, но нѣтъ вовсе психическаго оргіазма, и человѣкъ ищетъ оргіазма физіологическаго. Замѣчательно, что въ самой Европѣ на югѣ, т.-е. гдѣ много солнца, люди не пьютъ, не знаютъ ни «запоя», ни «попоекъ». Еще замѣчательнѣе, что и на сѣверѣ встрѣчаются (не часто) люди, имѣющіе непобѣдимое отвращеніе къ вину, или, истиннѣе и точнѣе, абсолютно къ нему тупые, не воспріимчивые къ его яду. И если внимательно ихъ изучать, то можно замѣтить, что у всѣхъ ихъ общее есть то, что всѣ они суть тайные внутренніе оргіасты, которыхъ вино обремеляетъ, тягостно для нихъ, ибо оно является уже возбужденіемъ черезъ край. Тогда какъ у всѣхъ другихъ это же вино едва поднимаетъ психическое содержимое до края. Еврей не только не пьетъ, но онъ неудержимо хлопотливъ; не можетъ «сѣсть на землю», качается всѣмъ корпусомъ, когда молится въ спнагогѣ. Во всемъ этомъ есть родство: это люди возбужденныхъ идей, возбужденныхъ и возбуждающихъ. Тогда какъ Европа есть континентъ упавшей души; упавшей души и опавшихъ крыльевъ. Конечно, мы говоримъ объ индивидуумѣ, ибо машина европейская идетъ ходко.

IV.

Мы отвлеклись отъ узкой своей темы. Совершенно очевидно, что причина неуспѣшности среди дикарей Африки проповѣди европейскихъ миссіонеровъ лежитъ не въ нихъ лично, не въ томъ, что самые миссіонеры пьютъ (что едва ли), а въ томъ, что на-

двигающійся на этихъ дикарей европейскій бытъ поражаетъ ихъ своею развращенностью. Едва ли способные вдуматься въ составъ проповѣди и оцѣнить качества трезвости, они видятъ и чувствуютъ en masse глубокую неиспорченность *людей*-магометанъ и глубокую же испорченность *людей*-христіанъ. Вотъ что рѣшаетъ дѣло во внутренней Африкѣ, какъ оно рѣшило многое въ Средней Азіи, въ дѣлѣ Андижанскаго волненія мусульманъ: «стало легче отъ податей, сталъ правѣе судъ, но мы имѣли до русскихъ вѣрныхъ женъ: пришли русскіе и стали развращать нашихъ женъ и дочерей» *).

Картограма индивидуальной судьбы все объясняетъ; сперва между 10—15 годами тайные пороки, затѣмъ въ годы отъ 15 до 40 проституція и усилія соблазненія; въ заключеніе, какъ успокоеніе старости и награда за пороки — семья. Дикари Африки и средне-азіатскіе сарты не захватываются въ русло европейской солидной семьи: они попадаютъ въ линію молоденькой, свѣженькой, ребяческой проституціи и, вооружаясь примитивными ружьями, лѣзутъ съ ними на пушки. Лѣзутъ... и, конечно, разстрѣливаются.

Въ тѣхъ же „Письмахъ“ Рачинскаго рисуется „армія спасенія“ Бутса и приводится удивленіе англійскаго епископа, ознакомившагося съ плодами ея дѣятельности: „страшно признаться, но за вѣка нашихъ усилій и при огромныхъ образовательныхъ и матеріальныхъ средствахъ, какими мы обладаемъ, мы не сдѣлали и сотой доли того, что совершилъ для нравственнаго спасенія человѣка этотъ простой генералъ“. Рачинскій, раздѣляя это удивленіе, съ презрѣніемъ отзывается о грубости и безвкусіи какого-то подобія церковно-военныхъ церемоній, какими испастилъ свою мысль и затѣянное движеніе знаменитый „генералъ“; о грубыхъ попыткахъ богословствованія, какія иногда приходятъ ему на умъ; но, между прочимъ, замѣчаетъ: „всѣ, вступившіе въ армію спасенія, должны быть обязательно женаты, и въ самомъ раннемъ возрастѣ; такимъ образомъ во взглядѣ на семью генералъ Бутсъ не расходится съ ученіемъ церкви; въ арміи господствуетъ бодрое и веселое настроеніе“. Вотъ и вся догматика, конечно, пищенская, но зато догматика *быта*, о недостаткѣ которой у насъ сѣтуетъ г. Побѣдоносцевъ, и недостатокъ чего взрываетъ мусульманъ, возмущаетъ петровъ. Замѣтимъ касательно семьи, которая составляетъ нашу тему, не настойчивую, но легкую замѣтку автора „Писемъ“. „Тутъ Бутсъ не выдумываетъ новаго, а слѣдуетъ взгляду своей (англиканской) церкви“. Когда бы *такъ!* Можетъ быть, тогда не было бы вовсе нужды въ самой „арміи спасенія“, англійскому епископу не нужно бы конфузливо сознаваться, что вотъ „опъ“,

*) Точная жалоба на это была высказана во время суда надъ Андижанскими повстанцами.

а не „мы“; и, можетъ быть, даже Рачинскій тогда не имѣлъ бы темы для прекрасно-мучительныхъ своихъ „Писемъ“. Бутсъ взялъ, по его же словамъ, статутомъ для своей филантропической затѣи англійскій воинскій уставъ; она идетъ грубо, воински—съ барабаномъ. Увы, ничего церковнаго въ немъ и въ его арміи нѣтъ, и это есть причина эстетическихъ сожалѣній Рачинскаго. Но эти сожалѣнія хоть и не поздны, но запоздалы: нельзя уже снять лавръ съ недалекой головы Бутса и надѣть ихъ, поверхъ митры, на голову Кентерберійскаго архіепископа. Фактъ долженъ остаться какъ онъ есть: грубый генералъ, безъ всякой возвышенной философіи, просто воззря солдатскимъ окомъ на міръ, сказалъ себѣ: „гдѣ не семья—тамъ развратъ“. Это, какъ всякому извѣстно, не только не повторяетъ существующаго въ церкви ученія о бракѣ, съ непрестаннымъ ему препонами, съ совершеннымъ равнодушіемъ къ возрасту, въ которомъ онъ заключается, съ антипатіей къ второбрачію, страхомъ передъ третьимъ бракомъ, отсутствіемъ развода и проч., но это простая и именно въ простотѣ своей необходимая истина, что вообще и всегда и всякому человѣку быть безсемейнымъ просто неприлично,—есть совершенно новый взглядъ на семью, противоположный тысячелѣтнему ученію, что „безбрачіе выше брака“; что вѣнецъ спасенія и жезлъ правленія лежатъ *внѣ* семьи, что плодовитость есть низкое состояніе, уравнивающее человѣка съ мышами и кролшками, приличествующее поэтому паріямъ духа. Самъ Рачинскій, стоящій на этой-же точкѣ зрѣнія, въ одномъ мѣстѣ „Сельской Школы“ называетъ родительское чувство къ дѣтямъ „полуживотнымъ чувствомъ“, менѣе достойнымъ педагогическихъ, художественныхъ, филантропическихъ и всякихъ иныхъ „духовныхъ“ чувствъ. Глупые муллы; глупый Бутсъ. Non—suum cuique. И „лавръ“ за спасеніе утопающихъ на нашей жалкой планетѣ все-таки лежитъ на головѣ Бутса, а по компетенціи негровъ и конклюзіи Рачинскаго—еще у муллъ. У самаго Рачинскаго, у Кентерберійскаго архіепископа — „слова, слова и слова“, какъ говоритъ Гамлетъ. И, впрочемъ, очень много исторической славы, очень высокія въ исторіи „камилавки“.

31-го января 1827 г. Гете разговорился съ Эккерманомъ объ одномъ китайскомъ романѣ, который онъ тогда читалъ, и благоговѣйный слушатель занесъ этотъ разговоръ въ свою книжку („Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ“. Пер. Д. Аверкіева. Спб. 1891 г.). „Люди тамъ думаютъ“, сказалъ Гете, „дѣйствуютъ и чувствуютъ почти такъ же, какъ и мы, и вскорѣ и самъ чувствуешь, что похожъ на нихъ; но у нихъ все идетъ *яснѣе, чище и нравственнѣе*. У нихъ все разсудочно, но мѣщански, безъ большихъ страстей и поэтическаго полета; оттого это весьма похоже на моего *Германа и Доротею*, а также на англійскіе романы Ричардсона. Разница въ томъ, что у нихъ всегда и внѣшняя при-

рода живетъ подлѣ человѣческихъ фигуръ. Всегда слышны всплески золотыхъ рыбокъ въ прудахъ; птицы, не уставая, поютъ на вѣтвяхъ; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда свѣтлая; много говорится о мѣсяцѣ, но онъ не измѣняетъ пейзажа: онъ свѣтитъ такъ ярко, что кажется, будто день. И внутри домовъ все такъ же чисто и мило, какъ на китайскихъ картинахъ. Напримѣръ: „я слышалъ, какъ смѣялись милыя дѣвушки, и когда я увидѣлъ ихъ, то онѣ сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ". Такимъ образомъ тотчасъ же получается прелестная ситуація: нельзя представить себѣ тростниковыхъ стульевъ безъ мысли о легкости и нарядности. Затѣмъ къ разсказу примѣшивается безчисленное множество легендъ и онѣ приводятся также въ видѣ пословицъ. Напримѣръ, о дѣвушкѣ говорится, что у ней были такія легкія и нѣжныя ножки, что она могла стать на цвѣтокъ и не согнуть его. О молодомъ человѣкѣ,—что онъ былъ такой нравственный и храбрый, что въ тридцать лѣтъ удостоился чести говорить съ императоромъ. Или о влюбленной парочкѣ, что они, будучи долго знакомы, были такъ сдержаны, что, когда имъ пришлось однажды провести ночь въ одной комнатѣ, то они провели ее въ разговорахъ, не коснувшись другъ друга. И множество такихъ легендъ: всѣ онѣ имѣютъ въ виду нравственность или благопристойіе. Въ высшей степени замѣчательную противоположность этому китайскому роману я нахожу въ пѣсняхъ Беранже; почти всѣ онѣ основаны на безнравственныхъ и распутныхъ мотивахъ и были бы для меня въ высшей степени противны, не будь онѣ обработаны такимъ большимъ талантомъ какъ Беранже—теперь же онѣ переносны и почти прелестны. Но, скажите сами, развѣ не въ высшей степени замѣчательно, что сюжеты китайскаго поэта вполнѣ нравственны, а перваго французскаго поэта нашего времени—составляютъ ему противоположность".

...„У нихъ въ домахъ все чисто и мило": вотъ атмосфера, гдѣ, мы чувствуемъ, даже не можетъ зародиться нашъ тяжелый алкоголизмъ. Нѣтъ у нихъ родства съ отравляющимъ напиткомъ; какъ нѣтъ къ нему влеченія „въ бодромъ и веселомъ" настроеніи арміи Бутса, о чемъ вскользь упомянулъ Рачинскій, не догадываясь, что въ этомъ-то настроеніи и лежитъ все. Но замѣчателенъ конецъ монолога Гете:

„— Такой талантъ, какъ Беранже, — замѣтилъ ему Эккерманъ, — врядъ ли бы что сдѣлалъ изъ нравственнаго сюжета.

„— Ваша правда,—отвѣчалъ Гете,—именно благодаря испорченности нашего времени раскрылись и развились въ Беранже его лучшія стороны".

Вотъ объясненіе — лучшее, какое мы читали когда-нибудь— безнравственности литературы, на что есть столько жалобъ. Не поэтъ безнравственъ,—вѣдь онъ все же избранный въ своемъ

времени и въ своей расѣ. Испорчена именно эта раса, это время; и, какъ довольно становится очевидно — Европа есть контингентъ испорченной крови.

V.

Среди множества замѣтомъ о Пушкинѣ, какое печаталось этотъ годъ по поводу его юбилея, мнѣ рѣзко бросился въ глаза одинъ разсказъ: поэтъ жилъ въ Бессарабіи и безумно, хотя и коротко (увы, вся европейская любовь стала коротка и новый Гомеръ не воспоетъ христіанской Пенелопы) влюбился въ молодую и прекрасную цыганку. И по разницѣ вѣры, и по множеству еще причинъ, какъ-то по разности образованія и общественнаго положенія, онъ не могъ ее сдѣлать женою. Но во что бы то ни стало и совершенно серьезно онъ хотѣлъ имѣть ее „подругой дней своихъ суровыхъ“. Она также любила его, но съ печалью объяснила, что все зависитъ отъ старшинъ ихъ табора. Пушкинъ былъ увѣренъ, что тысяча-двѣ ассигнацій совершенно достаточны, что-бы насытить алчность людей, которые занимаются кражей и перекрашиваніемъ лошадей. Какъ же былъ изумленъ онъ, услышавъ отъ нихъ, что дѣвушка можетъ выйти изъ табора только какъ его законная жена. Онъ рѣшительно этого не могъ. Романъ кончился тѣмъ, что она, чрезвычайно его любившая, все-таки бѣжала къ нему, въ Одессу, и въ концѣ-концовъ, разумѣется, погибла. Поэтъ черезъ годъ любилъ уже другую. Но вотъ отвѣтъ, какого не услышишь, не часто услышишь у насъ на деревнѣ. Тысяча, двѣ тысячи... за это теряютъ честь не однѣ деревенскія дѣвушки! Что дѣлать, шило изъ мѣшка кажетъ остріе. Но вотъ фактъ: въ Китаѣ, у негровъ, у татаръ, цыганъ понятіе супружества, любви, отношенія половъ — чище и цѣломудреннѣе, нежели у европейскихъ народовъ.

„Все чисто и мило *у нихъ*“, въ противоположность *намъ*, и спеціально только въ линіи одного брака, только семьи. Какое варварство *нравовъ* во всѣхъ остальныхъ сферахъ: эти казни черезъ распарываніе живота, эта ѣда кошки, это вѣчное конокрадство—отвратительны и ужасны. Какъ и у евреевъ ихъ ужасный чеснокъ. Да, но мы углубляемся далѣе, мы входимъ внутрь ихъ хижинъ, шатровъ: „все чисто и мило“ тутъ. Тутъ нѣтъ, повидимому, или вовсе не слышно, о сюжетахъ „Власти тьмы“ и тому подобныхъ прелестяхъ. Вступаемъ мы въ европейскій домъ—и начинается скверна; вступаемъ у нихъ въ шатры и домы — тутъ начинается чистота. Мы не удерживаемся на порогѣ дома, мы проникаемъ въ семью, ищемъ ея духа, ищемъ ея тона. И въ противоположность „владычественной“ у насъ здѣсь „тьмѣ“, находимъ тихаго ангела, точно единственнаго здѣсь, единственно для этого слетающаго въ эти бѣдные домы и къ этимъ бѣднымъ

людямъ. Всѣ они, не исключая полигамныхъ татаръ, имѣютъ, въ противоположность нашему фразерству, „ложе“ подлинно „не скверное“. „Полигамныхъ...“ Но вѣдь картограмочки семьи уже обнаружили намъ, въ „судьбѣ индивидуума“, что мы собственно имѣемъ законъ *моно*-„вѣнчанія“, но не имѣемъ закона моно-*гаміи*. Напротивъ, совершенно неопредѣленная, расплывчатая полигамія съ жестокосердымъ бросаніемъ первыхъ, и самыхъ чистыхъ, женъ (сюжетъ „Воскресенья“ Толстого). Кто же изъ насъ зналъ и знаетъ „одну женщину“? Не виданное чудо. Оставимъ полемику, ограничимся афоризмомъ: спины татаръ—широки, ростъ—прямъ, лицо открыто, глаза—смѣлы. Рѣшительно каждый человѣкъ, кромѣ европейца, открывъ полу шатра своего, переступивъ черезъ порогъ свой, чувствуетъ, что онъ входитъ, пусть въ нищенски устроенный, но „храмъ Божій“, „отъ вѣка и до вѣка поставленный“, „по благословенію Божію“ и внѣ этого дома-хижины-шатра для нихъ нѣтъ, и не существуетъ, и не возможно касаніе къ женщинѣ. Вотъ это-то и есть то не многое, то краткое, но за то въ самомъ обычаѣ выраженное, что имѣютъ всѣ. И чего одного не имѣемъ мы. Мы не имѣемъ и у насъ вовсе не развито цивилизаціею священство „своего дома“, „своего порога“ и—выразимся грубо, но нужно—„своего sacri cubiculi“, какъ писали византійскіе хроникеры объ императорахъ.

— Но мы имѣемъ моногамію!..

Я уже поправилъ:

— Мы имѣемъ „*моно*“-вѣнчаніе при неопредѣленной „*поли*“-гаміи.

«Нов. Вр.», 1899.

Внѣ совѣсти и Бога.

Высота законовъ—это честь государства; высота нравовъ—это честь общества. Печать критикуетъ первые; но печать есть выразитель общества, и ея критика должна и можетъ переходить въ суровый судъ, отчасти надъ собою судъ тамъ, гдѣ нравы общества падаютъ гораздо ниже требуемаго закономъ минимума нравственнаго уровня.

У насъ есть законы о собственности; похитившій сто рублей не только возвращаетъ ихъ, но онъ судится просто за поступокъ свой, за то, что смутилъ и возмутилъ, такъ сказать, правильный и нормальный укладъ собственности. Собственность есть моя собственность; вообще она есть чья-нибудь личная собственность, и вотъ замѣщеніе лица законнаго лицомъ незаконнымъ около бумажника съ деньгами, около кошелька съ золотомъ,—наказуется въ гораздо большей степени, чѣмъ стоимость лежавшихъ тамъ кредитокъ или имперіаловъ. Нарушенъ принципъ, нарушенъ укладъ. И казнь постигаетъ за нарушеніе принципа.

Я перехожу къ очень щекотливой темѣ; я боюсь, что большинство моихъ читателей не согласится со мною. Но да будетъ позволено частному человѣку высказаться въ вопросѣ, который вообще составляетъ предметъ и тему нашихъ частныхъ сужденій, составляетъ собственность нашихъ частныхъ мнѣній, ибо сюда законъ еще не простеръ своего вниманія. Мнѣ думается, если есть нѣкій укладъ отношеній собственности, то есть или возможенъ наблюдаемый закономъ, или соблюдаемый обществомъ укладъ и отношеній чести, и въ особенности тамъ, гдѣ эта честь и важна, и гибка. Вѣдь есть люди, пропивающіе свое состояніе, вообще есть дурные собственники; но дѣло поставлено такъ, что во мнѣніи общества жестоко шельмуется всякій, кто пользуется слабостями плохого собственника. Я уронилъ; да, но ты не поднимай, или, поднявъ, подай кошелекъ оброшившему. Въ добрыя времена англійскаго короля Альфреда всѣ кошельки, потерянные

на улицахъ Лондона, возвращались владѣтелямъ. Можетъ быть исторія тутъ идеализируетъ, но уже за одну тенденцію такъ поставить нравы общества она прозвала добраго стараго короля „Великимъ“.

Потерянный кошелекъ честнымъ человѣкомъ возвращается по принадлежности; семинаристъ Хома Брутъ, изображенный Гоголемъ въ „Віѣ“, проходя по базару и видя возъ безъ присмотра, не могъ не стянуть съ него какой-нибудь вещи. Гоголь шутилъ, описывая смѣшного кіевскаго семинариста; но, вообще говоря, если проходя мимо пролетки, гдѣ сѣдокъ, зайдя въ магазинъ, оставилъ безъ присмотра свои вещи, вы возьмете ихъ, спрячете подъ пальто, унесете домой—васъ назовутъ воромъ. Такой кражею вещей съ пролетокъ по большимъ городамъ занимаются мальчишки, безъ роду, безъ племени, невѣжественные, голодные. Во всякомъ случаѣ, они не пользуются честнымъ именемъ. Къ сожалѣнію, укладъ собственности у насъ есть, а укладa „чести“ въ одной особенной и важной сферѣ — нѣтъ.

Вы соблазнили дѣвушку; по-моему, цѣна вамъ какъ воришкѣ чужихъ вѣщей съ пролетокъ. О, я нарочно беру унизительное сравненіе, ибо вся суть въ томъ именно, чтобы сломить зародившуюся здѣсь гордость. Такой воришка говоритъ: „я побѣдилъ“. Позвольте, никто не видѣлъ, были ли здѣсь борьба и каковы были условія борьбы. Можетъ быть, вы не сражались на шпагахъ, а закололи изъ-за угла. Во всякомъ случаѣ, бьются на шпагахъ съ равными, на глазахъ третьяго или третьихъ лицъ, и при совершенномъ равенствѣ положеній, имени, мундира. Вѣдь офицеры и генералы не колютъ „ради дуэли“ мужиковъ. Итакъ, „соблазнъ“ — если ужъ онъ когда-нибудь позволителенъ—то равной себѣ и въ равномъ обществѣ. Остальное здѣсь — „шашни“, „воришка съ пролетокъ“; цѣна человѣку грошъ.

Скажутъ: „береги дѣвица честь съ молоду“; на то и наши приступы, чтобы закалить борьбою дѣвичью „честь“. Позвольте, тутъ всегда и всемірно активная сторона принадлежитъ мужчинѣ, а дѣвушка всемірнымъ инстинктомъ находится въ состояніи пассивнаго ожиданія. Можетъ быть это худо, но такъ Богомъ устроено. Такъ Богомъ устроено, а человѣческое уложеніе должно бы дополнить, что самая пассивность дѣвушекъ, рѣшительно нераздѣлимая съ прекрасною въ нихъ „женственностью“, должна быть подъ охраною внимательнѣйшаго и бережливаго отношенія активной стороны. Боюсь, что не умѣю доказать. Но мнѣ думается: чѣмъ пассивнѣе дѣвушка, тѣмъ она дѣйствительно дѣвственнѣе, и что глубокая развитость пассивности въ женской половинѣ населенія вовсе не есть показатель непремѣнно дурныхъ нравовъ, но именно того, что женщина еще женственна. Возьмемъ примѣры. Посмотрите, какъ пассивна Гретхенъ въ „Фаустѣ“; рѣшительно

она умѣетъ сопротивляться только минуту. Напротивъ, нравы Римской имперіи были низки, и мы вовсе не знаемъ тамъ „печально падающихъ дѣвушекъ“, не видимъ безсильныхъ простушекъ; дѣвушки очень тонко ловили тамъ цезарей, но ихъ... очень мало „ловили“. Женщина была развращена и женщина была активна. Она „падала“ съ глубокимъ расчетомъ,—падала побѣждая, и самымъ „паденіемъ“ своимъ большею частью давила мнимаго „побѣдителя“.

Этимъ я хочу хоть сколько-нибудь отстоять „падающихъ дѣвушекъ“ отъ обычнаго клейма, на нихъ прибиваемаго: „развратница“. Ей же-ей, Гретхенъ не была развратница. Гете поэтическимъ и философскимъ геніемъ далъ намъ почувствовать въ ней всю полноту душевныхъ даровъ; но позвольте, кто же считалъ душевные дары у другихъ въ подобномъ положеніи дѣвушекъ, не получившихъ гетевскаго апоѳеоза, и если мы не умѣемъ въ нихъ ничего найти, никакихъ душевныхъ сокровищъ, то можетъ быть это не потому, что онѣ не Гретхенъ, а потому, что мы—не Гете. Гретхенъ была бѣдная горожанка, по-нашему—мѣщанка; братъ ея—солдатъ, во всякомъ случаѣ не офицеръ. Самая обыкновенная обстановка. Но она была поэтична, граціозна, религіозна. Увы! такія-то и соблазняютъ; и рѣшительно никто, кромѣ Мефистофеля, не ухаживаетъ за податливыми Мартами. Да, до чего часто „паденіе“ есть не синонимъ „развратницы“, но именно усиленнаго, подчеркнутаго и очень взлелѣяннаго цѣломудрія! Повторяю, за Мартами не ухаживаютъ, да и Марты падаютъ внимательно, какъ римскія матроны.

Висѣлъ цвѣтокъ, — правда совершенно пассивно; можетъ быть надѣялся на судьбу свою, можетъ быть потерялъ надежду. Во всякомъ случаѣ — онъ не вашъ. Онъ просто Божій. И мнѣ думается, человѣкъ дѣлаетъ ужасный религіозный грѣхъ, если, напѣвая „тру-ля-ля“, взялъ, сощипнулъ его двумя пальцами, понюхалъ, бросилъ и пошелъ играть въ карты. Мнѣ представляется это чѣмъ-то ужаснымъ. Тутъ что же отдѣлываться статистическимъ воззрѣніемъ: „сто первая“. Нѣтъ въ людяхъ и среди людей „сто первыхъ, сто вторыхъ“, есть имя, человѣкъ, „Марія“, „Надежда“ и непремѣнно былъ неразсказанный романъ, не увидѣнная драма. „Раба Божія Марія“ принадлежитъ себѣ и Богу; въ порядочномъ обществѣ она подъ охраною общества; она нисколько не обязана „не пасть“, но вы совершенно обязаны и строго обязаны относиться къ ней серьезно. Вы можете ее любить, даже можете ее „сорвать“, на то она роза, на то въ саду Божіемъ; но вы можете сорвать ее дѣйствительно и непритворно залюбовавшись ею, полюбивши ее; и ни въ какомъ случаѣ вы не можете ее оставить иначе какъ безъ ясной и опредѣленной доказуемой вины ея. Въ особенности то, что она всю судьбу свою возложила на васъ и по

имѣетъ закона защитою себѣ, должно удвоить, утроить ваше вниманіе, заботу, деликатность.

Дозволительно автору имѣть свое субъективное мнѣніе. И въ голову мнѣ не приходило осудить хотя одну и когда-нибудь „павшую дѣвушку“. Да, признаюсь, и „паденіе“ это я считаю прямо закономъ ихъ пассивности, столь же непреложнымъ, какъ то, что „края земли опускаются“, „земля округляется“, „земля есть шаръ“. Но меня прямо охватываетъ какой-то мистическій ужасъ, когда я на картинкѣ вижу (въ жизни никогда не видалъ) сюжетъ съ подписью „оставленная дѣвушка“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Насколько это мало есть легкомысліе со стороны дѣвушекъ, видно изъ того, сколько изъ нихъ изъ „оставленныхъ“ перешли въ „утопленицы“, „удавленицы“. Нѣтъ, это не статистика, это „рабы Божіи Маріи, Надежды“, etc. Это—наши возлюбленныя сестры, которыхъ задавили нами ненавидимые братья; это—страницы и страницы всемірнаго каинствованія. „Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?“—„Почемъ я знаю, я—въ карты сѣлъ“...

Или—„сѣлъ за предсѣдательскій столъ“ въ уѣздной казанской управѣ. Все это очень длинное и можетъ быть очень скучное разсужденіе я написалъ, прочтя поразительный случай, напечатанный въ обѣихъ казанскихъ газетахъ, съ прописью en toutes lettres имени, и перепечатанный здѣсь, въ Петербургѣ. Впечатлѣнія дней смѣняются быстро, и вчерашній газетный листъ не существуетъ сегодня. Поэтому я передамъ вкратцѣ содержаніе извѣстія, можетъ быть забытаго читателями. Открывается одно изъ засѣданій XXXV казанскаго уѣзднаго земскаго собранія. Предсѣдательствуетъ въ этомъ собраніи А. Н. Баратынскій: и собраніе слушаетъ докладъ ревизіонной комиссіи, заканчивающійся предложеніемъ выразить глубокую благодарность управѣ и ходатайствомъ о денежной наградѣ г. С. А. Бекетову, предсѣдателю уѣздной управы, за его дѣятельность по оказанію продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Едва докладчикъ ревизіонной комиссіи проговорилъ послѣднія слова, -разсказываетъ „Казанск. Телегр.“,—какъ къ столу предсѣдателя собранія быстро подошла скромно одѣтая молодая дѣвушка и дрожащимъ отъ волненія голосомъ попросила разрѣшенія сказать нѣсколько словъ. Въ это время, весь блѣдный, вскакиваетъ со стула предсѣдатель управы г. Бекетовъ и говоритъ, „что всѣ заявленія, какія намѣрена здѣсь сдѣлать дѣвушка, носятъ чисто интимный характеръ и не подлежатъ разсмотрѣнію земскаго собранія“. Да, не государственное было дѣло. Въ первую минуту предсѣдатель и гласные поколебались, но затѣмъ рѣшили выслушать.—„Господа,—начала дѣвушка, и въ ея голосѣ слышался стонъ наболѣвшей души,—я семь лѣтъ состояла учительницей земской школы Казанскаго уѣзда... Моя фамилія Б. Господа, предсѣдатель управы,

С. А. Бекетовъ, пользуясь своимъ положеніемъ и властью, моею безпомощностью и беззащитностью, обезчестилъ меня, сдѣлалъ меня матерью ребенка, а затѣмъ, мало того, что заставилъ меня отказаться отъ должности учительницы, но и совершенно бросилъ меня съ ребенкомъ на произволъ судьбы. Господа"... Тутъ г-жа Б. начинаетъ тихо рыдать. Предсѣдатель собранія, г. Баратынскій, участливо предлагаетъ ей стаканъ воды. „Господа, нѣсколько оправившись отъ охватившаго волненія, продолжала дѣвушка.— Я сдѣлалась матерью... Это не понравилось С. А., да я ему и надоѣла... И онъ приказалъ мнѣ подать прошеніе объ отставкѣ... Два года я переносила униженіе брошенной любовницы, горе, нужду... часто не имѣла квартиры, голодала. Нѣсколько разъ я думала покончить съ собой, но ради ребенка оставалась жить... не хватало силъ, а помощи не было..." Здѣсь силы,—пишетъ свидѣтель,—стали видимо оставлять г-жу Б. и она, шатаясь, ухватилась за спинку перваго попавшагося подъ руку кресла.

„— Я должекъ замѣтить, — уже съ невозмутимымъ спокойствіемъ произнесъ г. Бекетовъ,—что г-жа Б. уволена отъ должности въ 1897 году по распоряженію училищнаго совѣта —за несовсѣмъ безупречное ея поведеніе.

„ Неправда!—возразила г-жа Б.—Я подала въ отставку по требованію Бекетова.

„— Мы понимаемъ, что ваша отставка была вынужденною,— вставляетъ замѣчаніе К. А. Юшковъ.—Вы намъ скажите, что вамъ нужно отъ собранія?

„— Господа! Вы честные, вы добрые, вы не дадите мнѣ умереть съ голоду. Ахъ, дайте, дайте мнѣ возможность вновь честно заработывать себѣ кусокъ хлѣба! Дайте мнѣ возможность вновь заниматься тѣмъ дѣломъ, которое я любила и люблю!.. Господа, насъ много... не у одной меня такъ же разбита жизнь". Она намѣревалась еще что-то сказать, но рыданія заглушили слова, и она безпомощно смотрѣла на гласныхъ, беззвучно шевеля губами.

Мы, русскіе, горячи на минуту, но какъ-то непамятливы. Собраніе горячо отнеслось къ инциденту, и два дня посвятило его разсмотрѣнію. Въ первый день оно приняло горячее участіе въ дѣвушкѣ и, ассигновавъ 100 р. на единовременное ей пособіе, поручило управѣ зачислить г-жу Б. въ кандидатки на первую учительскую должность. Но впечатлѣніе остыло, и въ слѣдующихъ — второмъ и третьемъ —собраніяхъ выступилъ гласный Корсаковъ съ предложеніемъ передать дѣло на разсмотрѣніе прокурора, „такъ какъ г-жа Б., по его мнѣнію, нанесла г. Бекетову оскорбленіе, назвавъ его своимъ любовникомъ при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей". Затѣмъ, стали баллотировать вопросъ о пособіи въ 100 р.,—и провалили его. Начали собирать по подпискѣ, и собрали 196 руб., изъ которыхъ 150 р. пожертвовалъ г. Бе-

товъ. Но г-жа Б. взяла изъ нихъ только 46 руб., отказавшись отъ денегъ самого предсѣдателя управы, такъ характерно „управившагося“ съ одною изъ учительницъ, и благополучно, повидимому, выплывшаго изъ инцидента.

Оставляя въ сторонѣ длинныя разсужденія, замѣтимъ, что каждому начальнику до извѣстной степени ввѣряется „честь и служба“ всѣхъ подчиненныхъ лицъ Если г. Бекетовъ могъ „предложить г-жѣ Б. подать прошеніе объ отставкѣ вслѣдствіе небезукоризненнаго поведенія“, то, очевидно, это потому онъ *въ правѣ* былъ сдѣлать, что въ составъ *обязанностей* его входило наблюденіе не только за учебнымъ дѣломъ, но и за „поведеніемъ учительницъ“. Иначе нельзя объяснить дѣло. Всякое право течетъ изъ долга, и онъ могъ взыскивать за поведеніе, потому что онъ былъ попечителемъ и охранителемъ поведенія, и при томъ по должности. Такимъ образомъ, онъ „наблудилъ при исполненіи своихъ обязанностей“, и былъ вовсе не рыцаремъ передъ Дульцинеею, но Донъ-Жуаномъ передъ одною изъ своихъ жертвъ, а просто русскимъ чиновникомъ, пусть и отъ общества, среди ему подчиненныхъ лицъ, часть коихъ была женскаго персонала,—и повелъ себя скорѣе какъ старый помѣщикъ въ дѣвичьей, среди женской прислуги. Такой взглядъ на учительницу, такой взглядъ на свободную дѣвушку, хоть и зависимую, но не крѣпостную, и, наконецъ, такое упрощенное поведеніе представителя общества не должно допустить само общество. Позвольте. Вѣдь есть земство, какъ порядокъ общественной жизни; есть земское собраніе, какъ активный и личный выразитель этого порядка жизни и, наконецъ, есть управа, какъ уполномоченный отъ собранія. Вотъ подъ какимъ преемственнымъ контролемъ находится всякая учительница и вмѣстѣ подъ какою преемственною опекою. Да, всякая организація есть опекунъ службы, жизни и чести всѣхъ своихъ подчиненныхъ, всѣхъ у себя служащихъ; и г. Бекетовъ въ сущности прежде всего не уважалъ вовсе не дѣвушку, а не уважалъ самого земства, всего земскаго собранія, какъ бы пренебрегая его покровительственными функціями или предполагая во всѣхъ казанскихъ земцахъ людей, подобныхъ себѣ, которые не прочь попользоваться тѣмъ, что плохо хранится. Гоголевскій Хома Брутъ невольно приходитъ на умъ. И плохо Казани, если она представляетъ собою возъ, около котораго ходятъ такіе любопытные экземпляры человѣческой породы, интересные въ литературномъ изображеніи, но крайне непріятные въ житейскомъ обиходѣ. Да, казанскія дѣвушки, берегите вашу честь: у васъ предсѣдателемъ управы г-нъ Бекетовъ. Этотъ котъ сала не пропускаетъ, и на каждую дѣвушку онъ смотритъ какъ на подлежащее „учету“ или „утеку“ въ его пользу сало. Общество казанское вполнѣ можетъ пожелать, чтобы г. Бекетовъ давалъ любовныя битвы на равныхъ условіяхъ, среди

равныхъ себѣ по положенію лицъ, и гордился побѣдами надъ равными и свободными. Тогда его можно назвать Донъ-Жуаномъ и какой-нибудь казанскій Моцартъ можетъ положить на музыку его приключенія. Но теперь это просто человѣкъ, любящій съ прислугою шашни, и имѣющій дерзость смотрѣть на служащихъ казанскаго земства какъ на свою личную прислугу, а на самое земство—какъ на область своихъ личныхъ похожденій. Все это достойно не музыки Моцарта, а описаній Лейкина.

Вполнѣ прекрасно, что г-жа Б. отказалась отъ денегъ предсѣдателя управы. Вообще она не проситъ „пособія“ и не навязывается „со своимъ ребенкомъ“ его отцу, такъ очевидно забывшему отцовскія обязанности. Но она,—по всему тону разсказа,—очевидно трудолюбивая и скромная дѣвушка, и проситъ только, чтобы ея не обрывали въ трудѣ, не срывали въ средствахъ существованія, теперь ей удвоенно нужныхъ. Каждый знаетъ, какъ легко въ наше время матери отдѣлаться отъ ребенка. Совершенно очевидно, что ей дорогъ и милъ ребенокъ, и то, что было для г. Бекетова приключеніемъ, возможно и вѣроятно, что для нея было маленькимъ неразсказаннымъ романомъ. Вообще тутъ, съ внутренней стороны, мы ничего не знаемъ. Но весь тонъ разсказа, и то, что земское собраніе горячо приняло къ сердцу дѣло и три раза собиралось обсудить его,—показываетъ въ ней не заурядную дѣвушку, но дѣвушку, произведшую сильное личное впечатлѣніе. Она вполнѣ въ правѣ требовать или ожидать покровительства отъ земства; вѣдь она ему служила, и была такъ обижена именно „при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей“. Кстати, договоримъ: именно учительницѣ безконечно трудно „съ приживымъ ребенкомъ“, ибо это есть касація всего ея труда, професіи, т. е. прежде всего пропитанія. И если она все же не разсталась съ нимъ, значитъ она именно порядочная дѣвушка, а вовсе не „работница“, не ремесленница, которая „случайно“ оступилась и къ которой г. Бекетовъ могъ подойти какъ въ самомъ дѣлѣ къ работницѣ и служанкѣ. Есть всѣ причины для маленькой опеки надъ нею казанцевъ, и всѣ причины для крайняго отвращенія къ занимательному „коту въ сапогахъ“, о казанскихъ приключеніяхъ котораго стали разсказывать газеты послѣ того, какъ долгіе годы, можетъ быть, о нихъ разсказывали „кумушки“. Подобныя приключенія рѣдко бываютъ единичными; они слагаются въ серіи, изъ которыхъ вдругъ выныриваетъ которое-нибудь.

„Нов. Вр.“, 1899.

О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи.

I.

Что можетъ быть выше непорочной семьи? Я не говорю о счастьи двухъ въ ней, о воспитаніи и воспитанности въ ней дѣтей, но о зрѣлищѣ ея и воспитывающемъ вліяніи этого зрѣлища на другихъ. Въ обществѣ такая семья становится центромъ могущественнаго притяженія: всѣ любятъ ее, всѣ стремятся въ нее: для каждаго—честь и радость переступить ея порогъ. Я думаю, непорочная семья есть мечта государственнаго человѣка, мечта апостоловъ. „Привѣтствую тебя, Прискилла, и твою домашнюю церковь!" писалъ ап. Павелъ ранней христіанкѣ. Но какъ въ апостольскія времена, такъ и сейчасъ непорочная семья есть въ точности маленькая церковка. И всякій путникъ, встрѣчая таковую на путяхъ своей жизни, долго о ней хранитъ память. Непорочная семья есть вмѣстѣ лучшій пророкъ брака: примѣръ ея, возможность ея самымъ образомъ своимъ увлекаетъ вѣрнѣе, чѣмъ всяческіе аргументы. Въ старости эта семья еще лучше кажется, чѣмъ въ молодости. Злой геній Гоголя, можетъ быть, думалъ посмѣяться надъ „старосвѣтскими помѣщиками", но увлеченный самымъ предметомъ—какую идилію онъ нарисовалъ! Одинъ умеръ, другой не захотѣлъ жить. И какъ хорошо все вокругъ ихъ, напримѣръ, вы вѣрно помните эти скрипучія, музыкальныя двери въ покосившемся ихъ домикѣ! Это—словно музыка души, тихая, вечерняя, распространившаяся на мебель, на домъ, которые состарились около людей.

Удивительно, что природа счастливѣе или лучше человѣка. Годъ назадъ, проѣзжая мимо Ореанды, въ Крыму, я вышелъ изъ экипажа, чтобы напиться изъ источника.

— Пройдите, баринъ, немного далеше, посмотрите на сердитаго лебедя.

Мнѣ было не до лебедя отъ усталости. Однако, когда холодная вода побѣжала по жиламъ, я распрямилъ усталыя отъ согну-

тости ноги и прошелъ саженъ десять въ сторону, куда указывалъ ямщикъ. Прудъ, большой и красиво обсаженный, но никого нѣтъ. Я зашелъ съ другой стороны. Нѣтъ и нѣтъ никого; я уже собирался вернуться. Вдругъ слышу шумъ подъ ногами. Плавно гребя лапками, лебедь ударился грудью въ берегъ и, вытянувъ шею, хотѣлъ меня клюнуть, но не досталъ. Я все-таки инстинктивно отступилъ назадъ, думая, что онъ подымается на дернъ. Но онъ не вышелъ изъ воды. И что за странный лебедь!

Я его разсматривалъ съ четверть часа. Лебедей видалъ я много и не ошибаюсь во впечатлѣніи. Самое удивительное въ немъ было—глубокая автоматичность. Напримѣръ, онъ прямо бросался на васъ: стоило сдѣлать ему самый незначительный поворотъ движенія, маленькое лишнее усиліе —и онъ достигъ бы цѣли, къ которой, повидимому, столь яростно бросился. Но онъ его не дѣлалъ. Онъ какъ будто самъ ждалъ, что вы спуститесь къ водѣ; и тогда онъ клюнетъ. Но вы не уходили, стояли очень долго и, согнувъ шею, онъ смотрѣлъ на васъ дѣйствительно злымъ глазомъ долго, очень долго. Кажется, простой вы тутъ день, и онъ простоитъ день, совершенно неподвижно, какъ истуканъ. Далѣе, чтобы клюнуть, онъ подплывалъ крадучись, подъ кустами, и вдругъ бросался почти изъ-подъ ногъ вашихъ. Но это было все, что онъ умѣлъ или что хотѣлъ дѣлать. На середину пруда онъ не выплывалъ, очевидно, никогда и точно стоялъ на якорѣ у берега. Полу-приподнятыя крылья, неправильное перо, придававшее ему видъ какой-то лахматости... Совершенная утрата извѣстной граціозности фигуры и эластичности движеній... „—Да онъ... сумасшедшій“,—подумалъ я, и убѣжденъ, что не ошибаюсь. Въ немъ была потеря свободы и индивидуальности, которая есть самый общій признакъ душевныхъ болѣзней или съ которой начинается всякая душевная болѣзнь. Лебедь... душевно больной!! Да, вотъ поди-те, но никогда, какъ въ этомъ случаѣ, я не наблюдалъ такъ ярко и выразительно, что у животнаго есть душа. Когда то, еще юношею, я началъ было читать: „Душа человѣка и животныхъ“ Вундта. То, въ чемъ не могъ убѣдить меня германскій мудрецъ, убѣдилъ въ полчаса лебедь въ Оріандѣ.

— Да что такое съ нимъ?—спросилъ я у ямщика, вернувшись къ экипажу.

— Года четыре назадъ у него ушибли (или умерла—не помню) лебедку, и съ тѣхъ поръ онъ такой.

— Да ему бы другую дали.

— Давали. Онъ всѣхъ заклевывалъ на смерть.

Много прекраснаго я видѣлъ въ Крыму. Кипарисовыя рощи; лимоны—прямо надъ головою; дворцы померкшихъ владѣтелей, съ картинными въ нихъ галереями. Но все или забылъ, или забуду. Но этого прекраснаго лебедя, истинное чудо рукъ Божіихъ,

не могу никогда забыть. Въ самомъ дѣлѣ: мнѣ показалось, что я прошелъ передъ чудомъ природы. Очеловѣченіе природы, всплескъ ея до красоты и почти до ума человѣческаго были такъ очевидны. Это былъ дарвинизмъ, но какъ-то навыворотъ; „и человѣкъ—животное“,—сказалъ Дервишъ; я же говорю: „и животное—человѣкъ“. Есть всѣ причины не для отрицанія Бога, но для утонченія молитвъ Ему.

II.

Мнѣ кажется, дать землѣ непорочную семью—это значитъ сдѣлать ее расы; внесите „мечъ и раздѣленіе“ только въ одну семью, и вы превратите всю землю въ хаосъ, зальете кровью, грязью. Животнымъ Богъ далъ инстинктъ, т.-е. нѣкоторый внѣшне ими управляющій разумъ, наложенный на нихъ какъ фатумъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведетъ отъ рожденія до смерти и не дастъ имъ ни вырваться изъ-подъ себя, ни уклониться въ сторону. Въ человѣкѣ инстинктъ въ смыслѣ этого внѣшне наложеннаго разума—ничтоженъ. Ему даны страсти, манифестаціи которыхъ бываютъ иногда ужасны, но и достигаютъ въ другихъ случаяхъ такой трогательности и нѣжности, какія родятъ человѣка съ Богомъ. Беатриче, которая ведетъ Данте черезъ чистилище въ рай—какая идея, какой гешзмъ идеи! Какъ это уже близко къ религіи! И между тѣмъ въ глубочайшей основѣ поэмы Данте—этотъ же простой случай „потери лебедемъ лебедки“. Кстати, многіе ли знаютъ одинъ странный, почти пантеистическій стихъ флорентійскаго поэта, столь необыкновенный въ неразсѣявшемся еще сумракѣ среднихъ вѣковъ: „Отъ Бога-Отца изошла природа, восхитительная дѣва; Духъ человѣческій отыскалъ ее и добился ея любви; ихъ союзъ не былъ безплоденъ; родился геніальный ребенокъ; этотъ ребенокъ—философія природы. Вы видите, что она почти внучка Божія“:

Si che vostr' arte a Dio quasi è nipote
(„Inferno“, c. XI, 101),

Это, казалось, могъ бы сказать только въ XIX вѣкѣ „великій язычникъ“ Гете. Это бы поняли, еслибъ имъ какъ слѣдуетъ растолковать, наши екатеринославскіе хлысты. По крайней мѣрѣ, въ такомъ-же пантеистическомъ духѣ я прочелъ одну ихъ пѣсенку, въ простомъ этнографическомъ очеркѣ. Между тѣмъ это сказалъ „добрый католикъ“ Данте.

Если бы страсти человѣка однѣ управляли имъ, онѣ разрушили бы жизнь. Но человѣку данъ еще разумъ, который вмѣшивается въ страсти и входитъ въ нихъ регуляторомъ. Разумъ—его собственный, не роковой; разумъ размышляющій, избирающій;

разумъ—какъ критика, какъ опытъ. Но разумъ есть именно устрояющая, однако не творческая сила. Замѣчательна глубоко-ограниченная его роль въ семьѣ. Семью нельзя раціонально построить. Наблюдали ли вы, какъ иногда образованнѣйшіе и разсудительнѣйшіе супруги, притомъ нисколько не запальчивые, бываютъ глубоко несчастны и, пробывшись двадцать лѣтъ, къ „серебряной свадьбѣ“ расходятся окончательно. Я зналъ жену одного образованнѣйшаго профессора, почти столь же уже ученую, какъ онъ самъ, которая именно къ серебряной свадьбѣ помѣшалась. Она истощилась въ скукѣ; и такъ какъ бѣжать ей не могло придти въ голову, да было уже и поздно, то она сошла съ ума. Каменное терпѣніе—лопается. И это случается съ философами, писателями; иногда со священниками. А между тѣмъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна были такъ счастливы. Они не „умѣли“ быть счастливы, а „были“ счастливы, между тѣмъ какъ профессора „умѣютъ“ быть счастливы, но не „суть“ счастливы.

Вотъ почему изъять страсти изъ семьи—это значитъ не начать семьи; мысленно или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи—значитъ даже не дать семьѣ возникнуть. Страсти суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи; „порохъ“, безъ котораго бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнузданныхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась“. Я думаю, „если бы не страсти“ –семья скорѣе не началась бы. Есть три жалобы на нихъ: зачѣмъ иногда рождаютъ дѣвушки и вдовы: зачѣмъ измѣняютъ женамъ мужья? зачѣмъ мужьямъ измѣняютъ жены? На эти три темы написаны всѣ романы съ „разрушеннымъ счастьемъ“. Но мнѣ думается, что не было бы ни счастья, ни несчастья, совсѣмъ бы ничего не было, если бы время отъ времени не происходило этихъ трехъ разрушительныхъ явленій.

Не замѣчаютъ, что каждое изъ этихъ трехъ явленій есть выходъ въ идеалъ,—и въ идеалъ именно самой семьи,—изъ состоянія дѣйствительности, которая представляетъ только безсвѣтную матерію семьи. Я говорю „безсвѣтную“, т.-е. лишенную всякаго въ себѣ свѣта. Года два назадъ была переведена на русскій языкъ книжка г-жи Корелли: „Исторія дѣтской души“, кажется, произведшая сильное впечатлѣніе на общество и вполнѣ достойная этого успѣха. Книжка переведена съ англійскаго и издана К. П. Побѣдоносцевымъ, религіозный и государственный авторитетъ котораго равно высокъ. Здѣсь разсказывается судьба и „исторія души“ самоубійцы-мальчика Ліонеля. Его не били; ученье давалось ему безъ труда. У него были только очень черствые и ограниченные, т.-е. съ точки требованій дѣтской души, учителя. Въ

классной комнатѣ, на крюкѣ, устроенномъ для гимнастики, онъ повѣсился въ одну темную ночь, т.-е., какъ мы догадываемся, онъ ушелъ къ Богу спросить Его о правдѣ дѣтской души, о правахъ (это внимательно приведено въ книгѣ) дѣтской души на наивность и поэзію, чего въ высокой степени не могли понять ни его родитель, ни его шульмейстеры. Но замѣчательно, что нѣсколько раньше его смерти сбѣжала съ молодымъ человѣкомъ его молодая мать. „Развратница“ казалось бы, ужасная „развратница“, которой нѣтъ и не можетъ быть пощады. Вина ея увеличивается еще тѣмъ, что молодой человѣкъ не былъ ею чрезвычайно увлеченъ, и въ запискѣ, оставленной мужу, она говоритъ, что это знаетъ и предвидитъ свою гибель, т.-е. что она бѣжала безъ настоящей любви, безъ опоры, просто въ тьму. Отчего же она бѣжала? Ее тоже не били. Даже не упрекали, по крайней мѣрѣ оскорбительно. Въ началѣ книжки разсказанъ эпизодъ, какъ она запѣла въ полголоса народную англійскую пѣсенку; мужъ, стоявшій на террасѣ, услышалъ и съ гримасой замѣтилъ: „Какой грубый вкусъ у этой женщины: ей всегда нравится что нибудь мужицкое, а не образованное“. Но вѣдь это только расхожденіе во вкусахъ, такая малая, казалось бы, причина для расхожденія въ супружествѣ. Въ самомъ концѣ книжки, на похоронахъ самоубійцы-сына, отца успокоиваютъ знакомые. Онъ поднимаетъ почти веселое лицо и догадывается: „ба, да вѣдь я могу требовать развода, вторично жениться и у меня будетъ опять сынъ“ (т.-е. на мѣсто Ліонеля). Такимъ образомъ не жестокій, не безчеловѣчный, онъ былъ въ высшей степени деревянистъ: качество гражданина, рѣшительно не подходящее ни подъ какую статью уголовнаго закона. Онъ былъ совершенно правъ, какъ гражданинъ; но онъ былъ немножко не правъ, какъ отецъ, какъ мужъ—категорія отношеній, существенно не деревянистая. И сынъ его умеръ насильственно; жена бросилась отъ него въ гибель. Между тѣмъ очень глупый сынъ и очень глупая женщина остались бы съ нимъ. Дѣйствительно, вся книга представляетъ сплошной узоръ нѣжности и поэзіи, въ которыхъ выражены характеры безконечно любящихъ другъ друга этого мальчика Ліонеля и его несчастной матери. Оба вышли изъ-подъ закона -въ идеалъ. Одинъ—въ идеалъ загробный; другая—хотъ въ мечту, хотъ въ ожиданіе, хотъ въ минуту идеала. Повторяемъ, книга переведена, „издана“ и сопровождена предисловіемъ, т.-е. какъ бы во всѣхъ отношеніяхъ рекомендована знаменитымъ государственнымъ и благочестивымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ замѣчательная сторона въ трехъ бѣдственныхъ несчастіяхъ, „отъ которыхъ рушится семейное счастье“, заключается въ томъ, что именно разрушающая, активная сторона бываетъ права, а не пассивная и, казалось бы, обиженная. Этотъ приговоръ кажется ужасно жестокимъ, и онъ таковъ en masse и

на бумагѣ; но онъ глубоко правъ въ частности и въ самой жизни. Всякое „рушенное счастье“ есть ярлыкъ счастья; и онъ, какъ фирма банкрота, держится нѣкоторое время искусственно и падаетъ, когда нельзя болѣе скрывать существо дѣла и нѣтъ силъ жить подъ его фальшивымъ штемпелемъ. Ярлыкъ счастья Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны былъ добротный, и когда умерла одна, умеръ другой. Я не забуду впечатлѣнія, еще дѣтскаго, подобной же связанности людей. У насъ былъ въ Костромѣ, на краю города, свой деревянный въ 4 окна домикъ; рядомъ съ нимъ стояла совсѣмъ маленькая въ одно окно хибарочка, гдѣ жилъ портной. Портной и его жена, и двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ 9 и 11, съ которыми я игралъ на улицѣ. Я не видалъ этого портного иначе, какъ передъ единственнымъ окномъ, на верстакѣ (очень широкая деревянная лавка, полу-столъ). Никому не приходило въ голову, чтобы этотъ худощавый, съ необыкновенно доброю улыбкою, человѣкъ былъ чѣмъ-нибудь боленъ. Но онъ умеръ. У него, очевидно, была чахотка. И вотъ я помню его жену, еще молодую и прекрасную (мнѣ казалось) женщину, какъ она сидѣла на дворѣ, т.-е. на самой его серединѣ, на землѣ, и не плакала, а какъ-то визжала. Она была совершенно помѣшана отъ горя и недоумѣнія (смерти она, очевидно, не ждала, не замѣчала болѣзни мужа).

Итакъ, отъ лебедя въ Оріандѣ до жены этого портного, любовь и согласіе и счастье—рѣшительно неразрушимы, когда они истинны, неподдѣльны. И чуть только мы замѣчаемъ шатанье „счастья“, мы должны быть въ безусловной увѣренности, что счастья не только сейчасъ, но уже давно нѣтъ, и можетъ оно было или казалось бывшимъ только въ самыя первыя, обманчивыя и обманывавшія минуты. Всѣ разговоры о томъ, что вотъ были счастливы 5—10—15 лѣтъ и вдругъ—„крахъ“,—пусты и ничтожны. Семья есть институтъ привычки, и институтъ—растущій. Самый блѣдный злакъ жизни, если онъ есть, вырастаетъ въ ней съ каждымъ днемъ; любовь, если хоть ниточка ея была, укрѣпляется привыканіемъ. Вамъ жаль покинуть старую квартиру; жаль, положительно бываетъ жаль, гимназическихъ, университетскихъ товарищей. Между тѣмъ, здѣсь есть только свыканіе ума и характера, т.-е. неизмѣримо меньшее, слабѣйшее, чѣмъ то, что есть въ семьѣ. Семья, какъ родникъ роста, представляетъ, въ дѣтяхъ и родителяхъ, буквально одно сросшееся существо. И когда оно начинаетъ разламываться на отдѣльныя составляющія его части, то значитъ самый приростъ ихъ другъ къ другу былъ уродливо-болѣзненъ, и притомъ съ самаго начала. Молодую чету, „новожеповъ“, уже на 13-мъ, на 14-мъ мѣсяцѣ, иногда на третьемъ-четвертомъ, уже можно опредѣлить въ смыслѣ прочности счастья всей остальной жизни.

Но я заговорилъ о разумѣ въ его распорядительномъ значеніи. Семья есть институтъ существенно ирраціональный, мистическій. Поэтому совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже не права. Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создадутъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больнѣе отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму; безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибелью. Кромѣ того, изслѣдуйте меня и вы убѣдитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и нѣжнее существо, какъ семья: самая природа моя и происхожденіе мое—благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я семь идеалъ въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочного. И если я ухожу, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью: неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца“. Непремѣнно и безусловно грѣхъ палъ уже въ оставляемую семью. Это нельзя доказать, это не всегда сумѣешь выразить, именно потому, что семья вся соткана изъ субъективизма, изъ неуловимаго и мистическаго. Но что нѣтъ безгрѣшной, праведной семьи, которая распадалась бы,—этому можно даже à priori повѣрить. И это все, что нужно, чтобы разуму понять единственную роль, какую онъ здѣсь можетъ выполнить. Мы сказали, что непорочная семья есть величайшій идеалъ въ смыслѣ соціальнаго строительства; но разумъ построитъ ее не тогда, когда „запретитъ“, „вытретъ“ ихъ, какъ резина стираетъ карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и матеріи семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣетъ здѣсь рождать; но, какъ искусный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться.

III.

Литература о смерти этого живого и лучшаго на землѣ явленія, именуемая у дѣловыхъ людей „литературою о разводѣ“, обширна какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Она производитъ впечатлѣніе той деревянистости, отъ которой умеръ бѣдный мальчикъ Ліонель. Вопросъ о такъ называемомъ „разлученіи супруговъ“ внесенъ въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ нашихъ учрежденій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго

года, въ одной изъ южныхъ газетъ, былъ помѣщенъ рядъ статей: „Къ вопросу о разводѣ“, професора каноническаго права въ Новороссійскомъ университетѣ г. А. Загоровскаго. Мы ихъ читали въ свое время; много о нихъ думали. И рѣшаемся здѣсь сказать нѣсколько словъ, думаемъ—существенно новыхъ объ этой мучительной семейной операціи.

Прежде всего о компетенціи здѣсь государства и о томъ, точно ли въ правѣ оно поднимать подобные вопросы, т.-е. переходить за рубрику гпвильнаго права и входить въ сферу права каноническаго. Г. Загоровскій указываетъ, что уже въ византійскую пору разводъ только частью регулировался церковью, а большая часть законоположеній о немъ и именно о достаточныхъ причинахъ къ разводу была проведена свѣтскою государственною властью и включена церковью въ канонъ для себя по предложенію перваго. Что за явленіе? Придетъ ли на умъ государству вмѣшиваться въ процесъ и формы крещенія, исповѣданія, причащенія, елеосвященія? Ничего подобнаго. Отчего же въ одномъ таинствѣ брака возможно это явленіе? Здѣсь мы стоимъ на рубежѣ почти открытія: да во всѣхъ таинствахъ человѣкъ пассивенъ; кающійся, причащаемый, крещаемый, помазуемый муромъ онъ стоитъ передъ церковью какъ оголенный членъ міра; какъ древко, по коему течетъ таинство церкви. Но въ бракѣ? Здѣсь пріемлющій таинство не только не пассивенъ, но скорѣе пассивная сторона, въ неварушимомъ ритуалѣ, принадлежитъ церкви, а вся активная сторона, т.-е. совершеніе самаго таинства и шествованіе въ немъ, принадлежитъ бракосочетавшимся. Насколько бракъ не фиктивенъ, насколько онъ есть „текущее таинство“, онъ объемлетъ тайну жизни самихъ супруговъ, о которыхъ, дѣйствительно, и произнесены всѣ слова, на которыхъ основанъ ритуалъ вѣнчанія. Вотъ особенность и исключительность въ таинствѣ брака, изъ которой и объясняется компетенція въ немъ, и единственно въ немъ, государства. Государство есть выразитель, ходатай и представитель активныхъ совершителей таинства, которые, какъ его участники, несутъ въ себѣ долю священства и слѣдовательно имѣютъ у себя долю священнаго права. Имѣютъ они, а съ ними и государство, въ которомъ живутъ они и которое ихъ защищаетъ. Но ни одна іота ихъ, или государства, мысли о бракѣ не должна сходить съ почвы исповѣданія, что бракъ есть безусловное и святое таинство. Все, выходящее изъ круга этой мысли, не пріемлемо для церкви: напротивъ, все слѣдующее изъ этой мысли принудительно къ принятію церковью.

Оговариваемся. Чѣмъ глубже вдумываешься во всѣ детали именно ученія о разводѣ, о разлученіи супруговъ безъ развода, вообще въ подробности и именно богословскаго ученія о немъ, тѣмъ яснѣе раскрывается страшная вещь. Брачущіеся, хотя никогда

одинъ другому не напоминаютъ о священствѣ таины брака, ощущаютъ его однако какъ таинство. У нихъ есть необыкновенно деликатное и углубленное къ нему отношеніе, и вѣчное, неизсыхающее исканіе брака, всегда въ минимально порочныхъ чертахъ. Когда онъ расторгается, онъ расторгается сквозь слезы, иногда сквозь кровь; и никто изъ брачущихся не можетъ представить этого себѣ безъ ужаса. „Этотъ образъ не принесъ счастья,—они, прожившъ пять лѣтъ, разъѣхались“, какъ-то сказали мнѣ, показывая образъ художественной работы, которымъ были благословлены когда-то новобрачные. Расторженіе брака оставляетъ длительное, мучительное воспоминаніе. О немъ никогда не говорятъ. Не бередятъ раны. Для брачущихся въ ощущеніи, для всѣхъ наблюдателей,—словомъ, для „міра“, живущаго „въ таинѣ“,—бракъ есть великое и безспорное таинство.

Совершенно иное впечатлѣніе мы выносимъ, изслѣдуя церковную работу около брака, процессуальную и ритуальную. „Девять — девять — Москва — два мѣста“, такъ безконечно равнодушнымъ голосомъ, какимъ-то фатально-равнодушнымъ выкрикиваетъ вѣсовщикъ багажа, раньше чѣмъ сбросить вашъ чемоданъ и узелъ съ вѣсовъ, и одновременно его „возгласъ“ отмѣчается на багажной квитаціи. Что такое „два мѣста“? Можетъ быть, въ „чемоданѣ“ вѣнчальная фата? Можетъ—погребальный крепъ? Образъ? Скрипка? Вѣсовщику—нѣтъ дѣла. И вотъ, когда видишь „операціи“ надъ брачущимися, „сведеніе“ ихъ, „разведеніе“ ихъ—всегда вспомнишь этого фатальнаго вѣсовщика.

> Такъ думный дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
> Добру и злу внимаетъ равнодушно.

Построчно и пословно мы слышимъ у этихъ „дьяковъ“ возглашенія: „таинство брака“, „святой бракъ“, „святое таинство“. Но все это въ возгласѣ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого трепета передъ бракомъ, какъ есть этотъ трепетъ у брачущихся мірянъ; и нѣтъ вдумчиваго желанія посмотрѣть: „а что́ содержится въ чемоданѣ?“ Онъ, именуясь „таинствомъ“, разсматривается, какъ гражданскій институтъ, какъ договоръ, но не какъ священная тайна. Даже болѣе: не трудно подсмотрѣть и доказать, что собственно трактующій бракъ стоитъ на почвѣ ученія о фиктивномъ, т.-е. лишь въ формальныхъ своихъ частяхъ значущемъ, бракѣ, безъ непремѣнности какого-нибудь въ немъ реальнаго содержанія.

Но обратимся къ анализу.

Входитъ ли длительность первою и главною чертою въ таинство? Въ гражданскій институтъ — *да*; это требованіе соціальной устойчивости, „крѣпость договора“, „солидность векселя“. Но въ таинство? Не входитъ. Совершенно нельзя опредѣлить и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная

его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово — несовмѣстимы. И „согрѣшившій“ уже выпалъ изъ-подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“ или „Sur le desastre de Lisbonne“. Отвергнутъ Промыслъ—и нѣтъ болѣе дѣйствія крещенія. Такъ и съ каждымъ таинствомъ: его святость—вотъ что вытекаетъ изъ его существа, что въ немъ исповѣдуется, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ есть. И его длительность, его продолжительность опредѣляется всецѣло и исключительно временемъ, пока есть его святые признаки.

Между тѣмъ, страшно сказать, все упорство передъ разводомъ основывается на непризнаніи въ бракѣ этой единственной черты, святости, т.-е. на ученіи о бракѣ именно не какъ о таинствѣ. Развѣ есть порочныя таинства? Странный вопросъ. Однако онъ все рѣшаетъ; можно-ли сказать, что бракъ „еще длится“, когда грѣхъ въ немъ живетъ, и притомъ въ какой угодно формѣ—злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности? Договоръ—длится; гражданскій институтъ—длится. Но таинство? Конечно, нѣтъ болѣе святого — нѣтъ и таинства! Только вѣковымъ равнодушіемъ къ браку, отсутствіемъ всякаго къ нему вниманія можно объяснить, что до сихъ поръ не замѣчена эта простая и самая главная въ немъ сторона. Бракъ съ первымъ грѣхомъ — трупенъ; и собственно процесуальныя формы развода суть только церемонія остриганія ногтей у мертвеца, честныя ему похороны, а не операція надъ живымъ. Изъ этого безусловнаго требованія безусловной непорочности въ супружествѣ вытекаетъ главный канонъ брака: постоянное очищеніе отъ грѣха другъ передъ другомъ черезъ чистое покаяніе. Бракъ есть плоть; но есть духъ у этой плоти, и вотъ чистота-то этого духа и есть показатель живущаго таинства. Слова Спасителя: „прежде, чѣмъ принести даръ передъ алтаремъ, поди и примирись съ братомъ твоимъ“, нигдѣ не имѣютъ такого приложенія, какъ въ семьѣ, гдѣ души супружащихся должны быть вѣчно открыты одна передъ другою; и передъ всякимъ схожденіемъ—очищены, какъ онѣ очищаются передъ вѣнчаніемъ черезъ непремѣнно требуемое покаяніе и причащеніе. Вотъ прекрасное содержимое таинства брака, увидѣвъ которое міръ не бѣжалъ бы скорбно отъ него, какъ сейчасъ бѣжитъ повсюду, но радостно спѣшилъ бы къ нему. Почему онъ бѣжитъ, несчастный, когда бракъ именно данъ ему въ утѣшеніе, послѣ грѣхопаденія? Да потому, что это есть міазматическая клоака; потому что именно порокъ есть законъ его; это—удивительное и исключительное жилое мѣсто, гдѣ никогда не открывается форточка, окно, дверь, труба,—и гдѣ жи-

вые, здоровые разлагаются принудительно возлѣ мертвецовъ. Вотъ ужъ истинно Лета по ту-гробная, гдѣ вѣчный Харонъ перевозитъ „тѣни усопшихъ“. Развѣ бракъ, какъ онъ есть, не полонъ этими „тѣнями усопшихъ“, вытаращивъ на которые глаза съ ужасомъ плывутъ около нихъ живые? Возьмемъ знаменитую литературную иллюстрацію: Лаврецкій еще брачно живъ (цѣломудренъ, вѣренъ); но его жена въ смыслѣ брака, конечно, умерла. Есть ли бракъ здѣсь? Въ смыслѣ таинства -смѣшной вопросъ; между ними уже ничего не происходитъ, кромѣ ожиданія Лаврецкимъ „честнаго погребенія“ его ex-супруги. Но въ смыслѣ договора? Увы, смерть участника не нарушаетъ договора, и деньги платятся по векселю, когда векселевладѣлецъ въ гробу.

Такъ образовалась европейская порочная семья,—не по слабости міра, не отъ разгула страстей. Страсти создали семью, выткали изъ себя чистѣйшій этотъ институтъ, и какъ передъ Горгоною, люди морщатся съ ужасомъ передъ мыслью о смерти ея. Но смерть настаетъ, настала, и нѣтъ похоронъ! Нѣтъ семьи, но есть долговыя семейныя обязанности, неоплаченный вексель, предметъ гражданскаго иска: и мертвому, именно мертвому всегда капля по каплѣ истачивается живая кровь во гробъ. Грѣхъ, съ которымъ все умерло въ таинствѣ, теперь смѣняется преступленіемъ. Живой бьется около мертваго; не понимаетъ, зачѣмъ тому его кровь, которой онъ и пить-то не можетъ, она стекаетъ именно въ гробъ къ ему. Какое дѣло m-me Лаврецкой до вѣрности ей мужа, до отношеній его къ Калитиной?! Исторія, такъ тронувшая Тургенева, не существуетъ для нея. Она умерла; въ великомъ и деликатномъ таинствѣ она сейчасъ же умерла съ первымъ грѣхомъ. Но есть ея длинные трупные ногти, скверный запахъ, міазмы, міазмы и міазмы. Для нихъ нельзя открыть дверь, окно, форточку; иначе - но это уже гражданскій страхъ, страхъ устава о векселяхъ,—„все рушится и не будетъ никакой соціальной устойчивости“!

Какое заблужденіе! Разводъ есть постоянный каналъ, черезъ который совершается очищеніе главнаго соціальнаго института. Необыкновенно чуткій инстинктъ, въ силу котораго реальная жизнь супруговъ прерывается и даже оканчивается съ первымъ не искупленнымъ, но заглаженнымъ черезъ признаніе въ немъ, грѣхомъ, есть какъ бы естественный и самимъ Богомъ установленный стражъ здоровья семьи;—законъ, черезъ дѣйствіе котораго этотъ вѣчный, къ вѣчной жизни призванный институтъ, не можетъ захворать. Его нѣтъ вовсе, или—онъ совершенно здоровъ. Болѣзнь ему не причастна. Единственный видъ болѣзни и есть эта возможная закупорка очистительныхъ путей. Кто же не знаетъ, что въ католическихъ земляхъ разводъ не существуетъ, и что семья въ нихъ умерла, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ постояннымъ внутреннимъ самоотравленіемъ. Но наша церковная программа брака

близка къ католической; и всѣмъ извѣстна „красота“ нашей семьи, вытекшая изъ этой программы. Мы, какъ и католики, имѣемъ скелетъ лжи въ бракѣ, который пугаетъ всякаго живого, и, что хуже всего, онъ пугаетъ именно честнаго. Что такое бракъ сейчасъ, не въ практикѣ одной, но и по страшной заповѣди, ему отмѣренной? Узкія ли это двери чистой жизни? Увы, широчайшія ворота всякаго порока. „Бракъ“, нисколько не разрушаясь (и въ этомъ все дѣло) вмѣщаетъ рѣшительно все, включительно до засвидѣтельствованнаго офиціальными очевидцами физіологическаго преступленія. Гдѣ же тутъ душа брака? О ней нѣтъ вопроса, никогда не было. Это — случайность, вовсе не вошедшая въ планы законодателя! Обманъ ли я беру, вступая въ бракъ? Можетъ быть. Или развратъ?—Тоже можетъ быть. Можетъ быть ненависть, отчужденіе, равнодушіе? — Болѣе, чѣмъ вѣроятно. Для всякаго очевидно, что плоска, пошла самая формула брака; распутны широкія его ворота; что нѣтъ здѣсь благородной и деликатной съуженности. И всего этого нѣтъ, не введено внутрь формулы, о которой извнѣ написано, „провозглашено“: тайна, таинство! Но обернемъ лицо къ этой свѣтлой тайнѣ. Что значитъ съ ея точки зрѣнія бракъ? Да то и есть, что на ней написано: святая, и лишь въ чертахъ святости существующая и длящаяся семья. Фирма безъ обмана, чай безъ „копорки“, честная правительственная бандероль, совершенно противоположная той, которая сейчасъ прикрываетъ собою „сорную траву“ брака. Это есть совершенно непорочная жизнь, и именно въ мѣру вашего собственнаго утонченія въ пониманіи порока и непорочности. Кто же его не взялъ бы? Все рвнулось бы сюда. Мы замѣтили въ началѣ, что единичный фактъ чистой семьи влечетъ самымъ образомъ своимъ къ себѣ, какъ свѣтъ влечетъ мотыльковъ; около нея, силою ея примѣра, образуются еще и еще семьи, цѣлый коралловый рифъ семей, и съ коралловою прочностью сложенія. Но вотъ неразводимая семья. Вмѣсто недѣли операціи (впрочемъ, только похоронъ), она томится годы. Уже давно „разъѣхались“; только осталось „мѣсто семьи“: остался „документъ“ о семьѣ, которому мы не иначе можемъ придавать значеніе, какъ становясь на точку зрѣнія „гражданскаго брака“, и даже брака „фиктивнаго“ (60-е годы). Какой образъ, какой примѣръ! какое предостереженіе, и это предостереженіе стоитъ, торчитъ трупомъ годы: образуется пустынное мѣсто, именно отъ семьи пустынное. Всякій проходящій мимо крестится и говоритъ: „избави, Боже“!

Такимъ образомъ изъ самаго понятія о непорочности вообще всѣхъ таинствъ слѣдуетъ не только разводъ, но и его субъективная постановка. Одни супруги знаютъ, палъ грѣхъ въ ихъ жизнь, или нѣтъ. Есть ли основаніе для этого въ Евангеліи, по закону котораго мы живемъ и только и хотимъ жить? Есть. Гдѣ? Въ перемѣненіи Спасителемъ понятія о внѣшнемъ (доказанномъ) пре-

любодѣяніи на понятіе о внутреннемъ, т.-е. не доказанномъ и не доказуемомъ, но всегда сознаваемомъ и чувствуемомъ прелюбодѣяніи; и на томъ, что внутреннее прелюбодѣяніе Спаситель уравновѣсилъ съ внѣшнимъ. Семья должна быть чиста не отъ внѣшняго только преступленія, не отъ скандала площади; а отъ загрязненія самой атмосферы домашней жизни. Нужно это или не нужно міру, міряпамъ, брачущимся — это вопросъ важный; но съ религіозной точки зрѣнія не онъ на первомъ планѣ: на первомъ планѣ стоитъ то, что безъ этого постановка ученія о таинствахъ не выдерживаетъ критики, т.-е. это нужно церкви, какъ членъ ея догмы о бракѣ. Но и затѣмъ, для міра: чѣмъ субъективнѣе разводъ, тѣмъ чище семья; и чѣмъ она чище, тѣмъ прочнѣе. А это есть основное земное явленіе и первый гражданскій институтъ. Прибавимъ замѣтку, почти не нужную: механизмъ развода длится недѣлю и онъ таенъ; это—казнь на тюремномъ дворѣ, скорѣй даже—внутритюремныя похороны; между тѣмъ какъ агонія семьи длится десятилѣтія и происходитъ на глазахъ міра: это шельмованіе принципа семьи на торговой площади, на позоръ людей, для зараженія толпы, для развращенія толпы. Удивительно, какъ все это не оцѣнено, не взвѣшено. Но, признаемся, идеалъ здѣсь такъ святъ, что онъ отгоняетъ практическія соображенія. Не столько внушаетъ страха разложеніе семьи, кого мы свидѣтели, сколько алканіе увидѣть, наконецъ, общество, сложенное въ таинственное, религіозное теченіе жизни, пульсъ котораго бьется, какъ играетъ непорочная улыбка на губахъ младенца.

„Нов. Вр.“, 1899.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

I. Еще изъ наблюденій надъ природою.

Въ своей статьѣ „О непорочной семьѣ“ г. Розановъ сообщаетъ трогательную исторію душевно-больного лебедя.

„Никогда, какъ въ этомъ случаѣ,—поясняетъ г. Розановъ,—я не наблюдалъ такъ ярко и выразительно, что у животнаго есть душа. Когда-то, еще юношею, я началъ-было читать „Душа человѣка и животныхъ“ Вундта. Въ чемъ не могъ убѣдить меня германскій мудрецъ, убѣдилъ въ полчаса лебедь въ Оріандѣ“.

Высокая одухотворенность животныхъ вообще раскрывается при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ихъ жизнь. Соціалистическій идеалъ осуществленъ въ муравейникахъ и ульяхъ. Арабскія лошади наблюдаютъ степени родства и питаютъ отвращеніе къ кровосмѣшенію. Что же касается лебедей, то я могу сообщить фактъ, еще болѣе замѣчательный, чѣмъ приведенный г. Розановымъ, и столь же достовѣрный. Фактъ этотъ вмѣстѣ и опровергаетъ высказываемую далѣе г. Розановымъ мысль, что животнымъ данъ „инстинктъ“, какъ нѣкоторый „внѣшне ими управляющій разумъ, положенный на нихъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведетъ отъ рожденія до смерти и не даетъ имъ ни вырываться изъ-подъ себя, ни уклоняться въ сторону“.

Если животныя въ массѣ дѣйствительно подчиняются „инстинкту“, „внѣшнему разуму“, „року“, тяготѣніе котораго, кстати сказать, ощущало надъ собой все античное человѣчество, да и теперь въ своихъ массахъ ощущаетъ, то отдѣльныя особи животныхъ иногда проявляютъ прямо свободную, самостоятельную, высоко развитую душу. Недаромъ средневѣковая поэзія и живопись помѣщала животныхъ въ раю, наполняла адъ пресмыкающимися! Недаромъ Францискъ Ассизскій проповѣдывалъ голубямъ и воробьямъ!

То, что я сейчасъ разскажу, наблюдено въ Костромской губерніи, въ Нерехотскомъ уѣздѣ. Тамъ, въ одномъ имѣніи, въ лѣ-

сахъ были глубокія, чистыя озера. На берегу одного изъ нихъ стояла избенка полѣсовщика, стараго, добродушнаго солдата и страстнаго охотника. На озера по зарямъ стала прилетать пара лебедей. Это была влюбленная пара. Прекрасныя животныя, породистыя, бѣлоснѣжныя, съ громадными крыльями, встрѣчали здѣсь восходъ солнца, плавали, ныряли, оглашая звонкую водную поверхность громкими кликами, миловались, цѣловались, рѣзвились... Изъ оконца своей избенки полѣсовщикъ могъ наблюдать эту поэму лебединой любви. Но въ немъ проснулся охотникъ. Его прельстили бѣлыя роскошныя крылья самца, и вотъ однажды, засѣвъ въ кустахъ съ ружьемъ, онъ подстерегъ влюбленную пару и убилъ лебедя. Лебедка подняла вопль на весь лѣсъ и долго ногами и крыльями отбивала трупъ супруга, когда полѣсовщикъ въ челнокѣ подъѣхалъ, чтобы воспользоваться добычей своего кроваваго спорта. Это отчаяніе лебедки изумило и потрясло полѣсовщика. Онъ не осмѣлился пристрѣлить и ее. Овладѣлъ своей добычей и быстро уплылъ. Лебедка кидалась въ лодку съ яростью, и когда убійца ея друга наконецъ вышелъ на берегъ и скрылся въ избѣ, застонала, закружилась, снялась и улетѣла за лѣсъ, въ ту сторону, откуда каждое утро прилетала съ своимъ возлюбленнымъ.. Но этимъ дѣло не кончилось.

Съ того времени ежедневно на зарѣ лебедка прилетала на то мѣсто озера, гдѣ прежде любилась со своимъ прекраснымъ другомъ и гдѣ сразилъ его выстрѣлъ полѣсовщика. Широко развивъ свои бѣлыя крылья, покачивалась она тихо на обагренныхъ алымъ свѣтомъ зари водахъ и, запрокинувъ гордую голову, выгнувъ шею, стонала такъ плачевно, такимъ раздирающимъ душу голосомъ, что полѣсовщикъ не зналъ, куда ему дѣваться отъ угрызеній совѣсти. Онъ чувствовалъ, что совершилъ кровавое, низкое дѣло—убійство. Онъ самъ затосковалъ, не спалъ ночей, съ ужасомъ дожидаясь зари. Лебедка оплакивала своего мужа, и клики ея то выражали безнадежную, тихую грусть, то звучали страстнымъ призывомъ и томленіемъ, то грозили, призывали мщеніе и разрѣшались дикими, безумными воплями. Такъ предъ лѣсникомъ прошла вторая часть лебединой поэмы.

Онъ наконецъ не выдержалъ и рѣшилъ покончить съ тоскующей лебедью. Въ одно утро, когда она прилетѣла, онъ вышелъ изъ избы съ ружьемъ и, подойдя къ озеру, поднялъ ружье и прицѣлился. Едва лебедь замѣтила полѣсовщика, она повернулась и, трепеща раскрытыми крыльями, грудью полетѣла на ружье. Она, очевидно, сама жаждала смерти.

Когда старый солдатъ разсказывалъ это, онъ усиленно заморгалъ глазами и утеръ кулакомъ пробившуюся слезу.

Что-жъ? Скажутъ ли намъ, что эта лебедь дѣйствовала на основаніи „инстинкта“, „внѣшняго разума“, „рока“? Эта одухо-

творенность любви, это самоотверженіе, эта несокрушимая вѣрность погибшему товарищу, невозможность жизни безъ него и жажда смерти не доказываютъ ли совершенно очевидно для всякаго, имѣющаго очи, чтобы видѣть, что у отдѣльныхъ особей животнаго царства вырабатывается прямо свободная, высоко настроенная, богатая чувствами, тонкая, гармоническая душа, какой не достаетъ многимъ и многимъ представителямъ напыщеннаго, самонадѣяннаго и жестоковыйнаго рода двуногихъ „царей земли“? Мысль эта не имѣетъ въ себѣ ничего анти-религіознаго. Такъ, нѣкоторые изъ католическихъ ученыхъ натуралистовъ—хотя бы Сабатье—развиваютъ ту идею, что душа постепенно вырабатывается и пріобрѣтаетъ особую конструкцію, которая ее дѣлаетъ безсмертной. Конечно, это умствованіе „инославныхъ“. Однако хочется вѣрить, какъ въ сказку удовлетворенной справедливости, что въ то мгновеніе, какъ лебедь пошла грудью на ружье, ея животный духъ просвѣтился, и въ моментъ, когда роковой выстрѣлъ изгналъ этотъ духъ изъ лебединой груди, онъ пріобрѣлъ дары безсмертія и возлетѣлъ въ горнюю обитель со своей лебединой любовью, со своей лебединой вѣрностью, со своей лебединой скорбью... Вспомните, въ Библіи образы животныхъ окружаютъ престолъ [1]) Ветхаго деньми!

Указываютъ, что христіанство будто бы менѣе гуманно относится къ животнымъ, чѣмъ хотя бы буддизмъ. Это невѣрно. Вотъ какъ разъясняетъ глубоко милосердный [2]) взглядъ христіанства, учащій человѣка смиренію предъ природой и животными, одинъ знаменитый православный проповѣдникъ и богословъ:

„Эта прекрасная природа, —сказалъ онъ 4-го іюня 1868 года,— которая сегодня дала вамъ свои цвѣты на молитву, которая и всегда даетъ человѣку столько благъ жизни, знаете ли, говорю, что она тоскуетъ и вздыхаетъ? Не подумайте, что это моя фантазія или поэзія. Это не мои мысли и слова, а Божіи. Слово Божіе открываетъ намъ, что природа со всѣми тварями воздыхаетъ и болѣзнуетъ. О чемъ? О своемъ настоящемъ состояніи... Слышите ли вы болѣзненныя воздыханія природы? Они слышатся въ тѣхъ уклоненіяхъ отъ естественнаго порядка, въ которыхъ природа какъ бы сказывается больною, чтобы только не служить

---

[1]) Какъ хорошо, и вѣрно и *нужно* это указаніе. Видѣніе *животныхъ* вокругъ Престола Божія находится у Іезекіиля въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Откровеніи Іоанна-Богослова въ Новомъ Завѣтѣ. Въ послѣдующія времена животныя должны быть вовлечены въ вихрь нашихъ религіозныхъ идей, въ жизнь храмовую, въ исповѣданіе церкви: и для этого основанія—у пророковъ обоихъ завѣтовъ. *В. Р—въ.*

[2]) Охъ, ужъ это снисхожденіе и прощеніе и милосердіе: оно исключаетъ любовь, ибо уже есть гордость и гордое возношеніе „милосерднаго“ въ отношеніи къ тому, что по его предположеніямъ нуждается въ милосердіи. *В. Р—въ.*

человѣку, отвращивается отъ него, когда онъ наиболѣе имѣетъ въ ней нужду, какъ, напримѣръ, вотъ весною вдругъ наступаетъ холодъ; слышится въ тѣхъ мрачныхъ думахъ и тягостныхъ вопросахъ, которыхъ природа не высказываетъ сынамъ вѣка, не любящимъ и не понимающимъ ея, но которые она задаетъ, о, какъ задаетъ! — духовному созерцателю, глубокому мыслителю, живущему среди нея,—труженику земли, и еще душѣ чистой, любящей ее и умѣющей сочувствовать и бесѣдовать съ нею... Вообще уныло и угрюмо смотритъ природа на человѣка, если только человѣкъ насильственно, искуственными способами не заставляетъ ее улыбаться ему, и самъ человѣкъ бѣжитъ отъ нея, какъ будто чувствуя въ своей душѣ ту самую тоску, какую возбуждаетъ въ природѣ,—удаляется въ свои города и дома и замыкается здѣсь въ собственномъ своемъ мірѣ искуственномъ, созданномъ его суетою, страстями, запутанными и перепутанными отношеніями общежитія... Никакая цивилизація не измѣнитъ законовъ нравственнаго соотношенія между жизнью человѣка и природы. Только тогда, когда самъ человѣкъ освободится отъ своей сусты и зла, и соотвѣтственно тому природа освободится отъ невыносимой работы его суетѣ и злу, только тогда измѣнится къ лучшему и отношеніе природы къ человѣку".

Н. Энгельгардтъ.

II. Открытое письмо г. Розанову, какъ автору „Непорочной семьи".

Все, что вы пишете, милостивый государь, бьетъ больно по наболѣвшимъ мѣстамъ современнаго человѣка и человѣчества, и глубоко ложатся ваши слова въ душѣ каждаго вашего читателя, хотя-бы онъ какъ я, напр.—и не раздѣлялъ вполнѣ всѣхъ ващихъ взглядовъ. Ваша же послѣдняя статья, мнѣ кажется, больнѣе и глубже всѣхъ предыдущихъ зондируетъ наши гнойныя язвы.

Позвольте мнѣ, въ немногихъ словахъ, высказать вамъ тѣ летучія мысли, которыя во мнѣ всколыхнула эта статья...

Успокойтесь: я ни полъ-слова не буду писать о лебедяхъ; для меня, какъ и для васъ, этотъ вопросъ исчерпанъ и спорить съ послѣдователями Картезія (если таковые и по нынѣ существуютъ) о „симуляціи животныхъ" мы не станемъ [1]). Не „о лебедяхъ" я хочу сказать пару словъ, а о „малыхъ сихъ"—о тѣхъ малыхъ, ради которыхъ дѣлается все великое, и между прочимъ—строится сама семья. Говоря „строится"—я разумѣю не соціальный и не

[1]) Извѣстно, что Картезій (Декартъ) считалъ животныхъ превосходно устроенными машинами, подражающими или *симулирующими* живое и одухотворенное бытіе. Взглядъ грубый и плоскій, но имѣвшій для себя предъпосылки въ католическомъ (христіанскомъ?) спиритуализмѣ. *В. Р—въ.*

юридическій институтъ семьи (вы его и не касаетесь вовсе), а духовный строй семьи, въ вашемъ смыслѣ.

Согласитесь: вѣдь это—ключъ проблеммы, и не разыскавъ его—проблеммы не разрѣшишь.

„И будетъ два въ плоть едину“: вотъ эта едина плоть, результатъ единенія двухъ, и есть центръ вопроса.

Великій фантазеръ Ж. Ж. Руссо, съ легкимъ сердцемъ, разрубилъ этотъ гордіевъ узелъ: „дѣти—собственность государства“, и баста! Стало быть, какъ пѣли наши легкомысленныя самочки 60-хъ годовъ:—„Адью, мой милый другъ, слезами кручинѣ злой не пособить: Господь обидѣлъ огурцами, зато капусткой наградитъ“!

Но у насъ, родителей,—не легкое, а тяжелое родительское сердце, да и маленькое сердчишко „малыхъ сихъ“—привередливое созданіе Божіе: любитъ своего пьянаго тятьку и свою злую и грязную мамку, а высокогуманныхъ и высокоразвитыхъ воспитателей, какъ на зло, любить не хочетъ: съ молокомъ въ него эта глупость всосалась, и надо съ нею считаться, или же кормить этихъ дурачковъ въ общественномъ сараѣ, съ рожковъ, накачиваемыхъ общественнымъ молокомъ, помощью паровой машины, по командѣ: разъ-два-три, живѣе соси? А суррогатъ „материнскихъ ласокъ“—по какой мѣрѣ онъ долженъ быть изготовляемъ и отпускаемъ коемуждо?..

Простите меня: я говорю о томъ, что́ вы уже давно передумали; но такъ какъ вы это передумали, то укажите же исходъ, котораго мы, тоже передумавшіе, не видимъ. Гражданскій бракъ, равноправность дѣтей законно—и—незаконнорожденныхъ, контрактъ обезпечивающій потомство, легкая расторжимость брака, утратившаго существо брака—все это учрежденія, узаконенія, все это — матеріальная оболочка сущности духовной; а сама эта сущность?

Бракъ, утратившій существо союза брачнаго, долженъ быть расторгнутъ, затхлая атмосфера звѣриной берлоги должна быть профильтрирована, загаженная яма—срыта и засыпана навѣчно: это вполнѣ логично; но куда же дѣвать дѣтей?

Возьмемъ примѣры.

Онъ и она—образцы добродѣтелей, но „не сошлись характерами“ и потому расходятся: кому отдать единственнаго, горячо любимаго обоими ребенка, который безъ „мамы“ не уснетъ? Не посовѣтовать-ли имъ подождать расходиться, пока ребенокъ не вырастетъ и не сдѣлаетъ сознательнаго выбора?..

„Онъ“ добродѣтеленъ и трудолюбивъ, „она“ — лѣнива, легкомысленна, и даже хоть развратна: отнять-ли насильно дѣтей отъ ея материнской груди, и ради блага ихъ, отдать ихъ сухому и нелюбимому ими, хотя и высоконравственному отцу? Этотъ высоконравственный отецъ — не принесетъ ли себя въ жертву дѣтямъ,

отказавшись расторгнуть бракъ свой и употребивъ всѣ усилія, чтобы хотя отчасти дезинфецировать свою берлогу, уподобивъ ее житью человѣческому?

„Онъ“ мотъ, пьяница и развратникъ; но онъ добрый, любящій и любимый дѣтьми отецъ... Во всемъ-ли права предъ нимъ и предъ дѣтьми его добродѣтельная супруга, съ сухою лепешкою подъ корсетомъ, вмѣсто сердца въ груди?..

Вопросъ общій, и очень широкій: одни-ли индивидуальныя интимности и стремленія должны руководить брачною жизнью семьи, или *и* забота о дѣтяхъ, или же —забота о дѣтяхъ по преимуществу? Произведшій потомство („ошибочно“ или съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“—*все равно*) не совершилъ-ли въ предѣлахъ земныхъ все земное, или же онъ имѣетъ право еще и на индивидуальную жизнь, и въ какой мѣрѣ?

Это—одна сотая того, что я имѣю вамъ сказать, но съ чѣмъ боюсь надокучать вамъ, не зная, какъ вы это примите? Отвѣчайте мнѣ въ газетѣ, цитируя письмо, или помѣстивъ его полностью въ вашей статьѣ — и я буду продолжать, снявши мою маску [1]).

Геннадій Ел—евъ.

III. Seporation de corps, а не разводъ.

М. Г.

Надѣюсь, что вы не откажитесь помѣстить на страницахъ газеты, гдѣ сотрудничаете, прилагаемыя при семъ строки въ видѣ *Письма въ редакцію*. При столкновеніи различныхъ мнѣній легче всплываетъ правда, а потому вѣроятно вы найдете возможнымъ провести въ печать и мое скромное сужденіе матери семейства о такомъ важномъ, семейномъ и соціальномъ вопросѣ.

Много говорятъ въ обществѣ и пишутъ въ газетахъ въ на-

---

[1]) *Дѣтей*-то нравственное и здоровое воспитаніе и требуетъ развода, какъ разлома сгнившей семьи. Перетрясите яблоки и отдѣлите свѣжія и чистыя отъ испорченныхъ: дабы не заразились и не погибли всѣ; вотъ мотивъ требованія развода. Я знала одну семью большую (5 человѣкъ дѣтей), гдѣ отецъ, на вопросъ матери: „гдѣ же я возьму денегъ“ (на хозяйство) отвѣтилъ: „а пошли Катерину (красивая 14-лѣтняя дочь) на тротуаръ“ (проституировать). Къ намъ прибѣжала старшая (больная) дочь, услыхавшая изъ-за стѣны этотъ разговоръ отца съ матерью о младшей сестрѣ своей, и съ плачемъ все разсказала. Это было лѣтъ 6 назадъ, и теперь эта семья „все еще живетъ въ цѣлости“. Какъ мать (странно—не осуждаемая дѣтьми), такъ и отецъ (страшно ненавидимый дѣтьми, никогда не бывающій дома), оба уже еще молодые и красивыя, уже живутъ съ третьимъ и съ третьей. Для чего они живутъ *вмѣстѣ*?! Далѣе: когда есть *хоть тѣнь* возможности жить вмѣстѣ, люди *сами бѣгутъ развода* ради любимыхъ дѣтей, какъ этотъ же г. *Геннадій Ел—евъ*, см. его прекрасныя письма дальше. *В. Р—въ.*

стоящее время по поводу облегченія разводовъ. Обсуждаютъ конечно все очень умно и логично по правиламъ науки, но всѣ только слегка касаются вопроса о дѣтяхъ, между тѣмъ это и есть самая мудреная дилемма въ данномъ случаѣ. Разрѣшить честно и нравственно вопросъ о разводѣ очень затруднительно. Для опредѣленія причины, заставляющей стремиться къ облегченію его, надо вникнуть глубже и искать ее не въ совмѣстной жизни супруговъ, а въ ихъ нравственномъ воспитаніи. Вотъ гдѣ лежитъ главный корень зла. Конечно, скорбѣть о невыносимомъ существованіи двухъ людей, разлюбившихъ другъ друга и связанныхъ неразрывной цѣпью брака, *чувствительно и драматично* [1]), но пусть каждый сорокалѣтній человѣкъ скажетъ по совѣсти, совпадаетъ ли его требованіе отъ идеала съ тѣмъ, которое онъ имѣлъ 15 лѣтъ ранѣе? [2]) Въ девяти десятыхъ случаевъ отвѣтъ будетъ „не совпадаетъ“, а если это такъ, то всѣ эти люди окажутся недовольными сдѣланнымъ ими выборомъ [3]). Неужели имъ всѣмъ позволительно искать развода? Большею частью вѣдь уже въ это время на лицо куча дѣтей [4]). Что мѣшаетъ въ такомъ случаѣ распаденію семьи. Одно лишь сознаніе долга и того, что жизнь не игрушка, отъ которой человѣкъ можетъ требовать только удовольствія. Бракъ долженъ разсматриваться, какъ гражданская обязанность [5]) въ отношеніи государства: произвести и воспитать себѣ подобныхъ, которые въ свою очередь впослѣдствіи выполнятъ то же назначеніе человѣка на землѣ. Семья есть краеугольный камень всякаго общества и потому въ основѣ ея долженъ лежать

---

[1]) Умѣстна-ли иронія тамъ, гдѣ часто мы стоимъ наканунѣ крови? Написала это хоть и женская, но не имѣющая жалости рука. *В. Р—въ.*

[2]) Почему нѣтъ? Особенно идеалъ жены, семьи? Конечно—совпадаютъ у всѣхъ, кромѣ пустоголовыхъ. *В. Р—въ.*

[3]) Что за пустяки: старыхъ женъ старые мужья еще крѣпче любятъ, чѣмъ молодыхъ молодые. Вино брака крѣпнетъ отъ времени. Иное дѣло, если бракъ при началѣ былъ кисль; тогда черезъ пятнадцать лѣтъ—это тухлятина, которая воняетъ на всю улицу, городъ, въ уголовныхъ случаяхъ—на всю Россію. Авторъ о сохраненіи такой-то вонючей клажи и заботится. *В. Р—въ.*

[4]) Которыя всѣ видятъ драки родителей? презрѣніе и обманъ ихъ? Жизнь на разныхъ половинахъ дома? Избавимъ дѣтей отъ такого зрѣлища! *В. Р—въ.*

[5]) Ну, на „гражданской обязанности“ трудно основать бракъ, ибо, кромѣ случаевъ ухаживанья столоначальника за перезрѣлой дочерью вице-директора, я не знаю иныхъ „браковъ служебно-обязательныхъ“. Авторъ остеръ умомъ, но не замѣчаетъ, что отсутствіе развода, т. е. большой шансъ несчастія, теперь отпугиваетъ отъ брака, навелъ *страхъ его*. Стали вообще мало жениться. Вотъ противъ этого-то какіе законы подѣйствуютъ? И между тѣмъ рождать, любить, имѣть дѣтей—всѣ желаютъ. Вотъ, благословясь, и примите эту вѣковѣчную и неусыпную (Законъ Божій) въ человѣкѣ потребность за фундаментъ неугасимаго брака, и пламя его снова вспыхнетъ и поднимется къ небу. *В. Р—въ.*

долгъ [1]), а не удовольствіе, и очистить семейный очагъ можно никакъ *не* облегченіемъ разводовъ, а только строго нравственнымъ воспитаніемъ подростающаго поколѣнія въ *обширномъ* смыслѣ этого слова [2]). Чтобы дѣти наши не смотрѣли на бракъ какъ на игрушку, которая хороша до тѣхъ поръ, пока забавна. Чтобы женщины будущаго требовали отъ мужей только честнаго и хорошаго отношенія къ себѣ и дѣтямъ, но не *вѣчнаго флирта*, что теперь требуютъ изъ нихъ девять десятыхъ, въ случаѣ же отказа—сейчасъ начинается флиртъ съ третьимъ лицомъ, а это уже есть начало распаденія семьи, какъ бы онъ ни былъ *невиненъ* [3]). Никто не можетъ оспаривать того, что дѣти по крайней мѣрѣ до школьнаго возраста должны быть при матери, но они не куклы, которыхъ она можетъ возить съ собой изъ одной квартиры въ другую, независимо отъ того, кто хозяинъ квартиры. Кромѣ рѣдкихъ исключеній, когда дѣло касается положительныхъ негодяевъ, всегда отецъ для своихъ дѣтей лучше своего преемника въ любви ихъ матери. Можно и даже *слѣдуетъ облегчить* женщинамъ возможность получить отдѣльные виды на жительство (что соотвѣтствуемъ французскому separation de corps), но отнюдь не облегчать развода, если желаютъ сохранить нравственную чистоту семейной жизни. Давно извѣстна аксіома, что трудно только первый шагъ; что же это будетъ за строй общества, въ которомъ матери семействъ будутъ выходить замужъ по три, по четыре раза отъ живыхъ мужей, а это можетъ оказаться возможнымъ при большой легкости развода. Въ чемъ же будетъ тогда разница между порядочными женщинами и непорядочными?

Ю. Б—на.

---

[1]) Ужъ извините за каламбуръ: „по долгу“ не любятъ по-долгу, а любятъ коротенько. Которые столоначальники женились на вице-директорскихъ дочкахъ, хотя ихъ тести и тянутъ „по-долгу“ къ женинымъ юбкамъ, они „все въ лѣсъ смотрятъ“. Вотъ какъ это „смотрѣнье“-то „въ лѣсъ“ вы законодательно предупредите? *В. Р—въ.*

[2]) Да какъ вы не понимаете, что какъ ни воспитывайте, но—разъ наступило дѣйствіе тайны и могущества настоящей любви—все рвется передъ ея силою, и даже рвется именно въ мѣру воспитанности и качествъ души. „Кое-кто“ и безъ любви проживаетъ въ полу-счастливомъ и даже безъ-счастномъ бракѣ. Но царь, но Пушкинъ, но Гейне. Соломонъ или Давидъ—не проживутъ. Дали Іакову Лію; если бы онъ былъ „кое-кто“, могъ бы проскрипѣть съ нею 40 лѣтъ. Но онъ былъ Іаковъ, „борецъ съ Богомъ“; и царственная кровь его потребовала Рахили, „прекрасной лицомъ и станомъ“. Библія насъ всему учитъ, и ея разсказы не безъ намѣреннаго поученія. *Р. Р—въ.*

[3]) Вотъ это правильно, что самый легкій флиртъ уже разрушаетъ семью, и *на этомъ-то взглядѣ все и должно быть основано. В. Р—въ.*

IV. Семья—дѣти—религія.

Глубокоуважаемый В. В.

Мнѣ трудно выразить вамъ, какъ глубоко взволновало меня ваше письмо, и еще глубже тронули меня ваша искренность и довѣріе ко мнѣ—невѣдомому вамъ человѣку. Но довѣріе само по себѣ, а случайность—случайностью, и такъ какъ моя жизнь полна этими „случайностями", то я и принялъ за правило: подобныя письма жечь; но на ваше письмо у меня рука не поднимается, и я возвращаю вамъ его, хотя и не безъ борьбы съ искушеніемъ—оставить его у себя.

Я тоже человѣкъ занятой и усталый, и не для игры въ переписку пишу вамъ. Поэтому постараюсь быть тоже краткимъ, лишь-бы не въ ущербъ ясности.

Я живу во второй семьѣ. Но, Боже, во что стало это мнѣ! Въ 1-й разъ я женился по любви внезапной и страстной, на 23-мъ году жизни. Чрезъ 2 года мы разошлись, безъ дѣтей и безъ измѣны. Прошло 5 лѣтъ: я влюбился снова и попросилъ у жены, жившей въ другомъ городѣ, развода; она отвѣчала, что живетъ уже 4 года съ любимымъ человѣкомъ и имѣетъ 2-хъ дѣтей; она принимаетъ [1]) вину на себя, но я долженъ признать ея дѣтей моими законными. Два года я былъ въ лечебницѣ душевно-больныхъ въ г. N., эти 2 года она безвыѣздно жила въ К,: фактъ прелюбодѣянія на-лицо—рожденіе дѣтей не отъ мужа... И этихъ же дѣтей признать законнорожденными! Я принялъ это условіе, по совѣту преосв. Никанора (Бровковича, тогда еще Уфимскаго). Сперва—случайно, а потомъ—умышленно я пропускалъ годовые сроки, установленные на споръ о законности рожденія, а затѣмъ самыми фактами дѣторожденія въ отсутствіе мужа, удостовѣренными метрич. справками и свидѣтельствами о безвыѣздномъ разномѣстномъ жительствѣ супруговъ, устанавливалъ фактъ упорнаго прелюбодѣянія жены, дающаго мужу право на разводъ, независимо отъ сроковъ на споръ о законности рожденія. Эту крючкотвор-

---

[1]) Это—любопытно: какая-же невыразимая *потребность* развода, когда онъ покупается цѣною: отдать двухъ своихъ дѣтей въ фамилію и родъ *не того, отъ кого они рождены*, хотя и оставить ихъ при томъ, отъ кого они рождены; и затѣмъ, страхъ всѣхъ имѣющихъ родиться потомъ дѣтей имѣть „не законными" (ибо для принявшей на себя вину—бракъ запрещенъ). Но уже сколоченное, уже склеившееся и очевидное счастье новой жизни (о, отнюдь не развратъ, а нравственнѣйшее довѣріе къ второму мужу) толкаетъ несчастную всѣмъ пожертвовать, только бы не разбить и не потерять это счастье. Какова-же лютость чудовищъ, противо-разводниковъ, которые и при воззрѣніи на таковую силу любви—не трогаются!! Въ ихъ грудяхъ не сердце положено, а жерновые камни. *В. Р—въ.*

скую безсмыслицу, освященную закономъ, я положилъ въ основаніе иска. И безсмыслица побѣдила здравый смыслъ! Но цѣлыхъ девять лѣтъ я толокъ лбомъ въ консисторскія стѣны. Въ Уфимской консист. (послѣ Никанора) мнѣ отказали дважды. Пользуясь закономъ о возбужденіи иска по мѣсту жит. истца, я переѣхалъ въ Астрахань: и тамъ отказали; переѣхалъ въ Полтаву: отказали; переѣхалъ въ Харьковъ—и въ Харьковѣ отказали. Надо мной издѣвались; меня считали маньякомъ; я изучалъ консисторскіе уставы—печатные и непечатные, писалъ лично оберъ-прокурору Синода и въ коммисію прошеній отчаянныя письма...

Но счастью, къ тому времени въ присутствіе Синода былъ вызванъ Никаноръ (тогда уже Херсонскій) — и рѣшеніе Харьк. консисторіи, отказавшей мнѣ въ разводѣ, было отмѣнено, съ надлежащимъ внушеніемъ... Произведено разслѣдованіе; ни одного свидѣтеля, ни лжесвидѣтеля я не выставилъ: голый фактъ и признаніе... Результатъ: бракъ расторгнутъ, а дѣти, рожденіе коихъ послужило основаніемъ къ расторженію брака, уже цѣлыхъ пятеро, признаны законнорожденными, и я ихъ внесъ, всѣхъ пятерыхъ, какъ моихъ законныхъ дѣтей, въ родословную книгу дворянъ N—ской губерніи. Повѣрите-ли: я до сихъ поръ горжусь этою побѣдою надъ нашимъ крючкотвореством при помощи крючкотворства-же! Стоило мнѣ это тысячъ семь [1]), не болѣе... и лѣтъ 18 жизни съ плечъ долой!

Тогда, наконецъ, я женился, и теперь, на 49-мъ году, имѣю 8-ми-лѣтнюю дочку. Достигнутое съ такимъ ослинымъ упорствомъ „счастье“ длилось... цѣлыхъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ; но вотъ уже 9-й годъ мы тянемъ семейную лямку—скучную, тяжелую и мучительную, безъ просвѣта и безъ перспективы... Выхода нѣтъ: мы оба души не чаемъ въ дочкѣ, дѣлить ее нельзя и, ради ея, самимъ нельзя дѣлиться! Женѣ нѣтъ еще 30-ти лѣтъ; она могла-бы еще создать себѣ семью „непорочную“... до поры до времени. Да и самъ-то я вѣдь тоже къ непорочной семьѣ стремился, и столь цѣломудренно, что цѣлыхъ 9-ть лѣтъ не превышалъ правъ [2]) жениха... для

[1]) Семь тысячъ расхода, и 18 годовъ свѣжей и молодой жизни „съ плечъ долой“; и вся эта гекатакомба въ жертву 5—6 строкамъ словъ о разводѣ. Въ какомъ же *предвидѣніи* они были сказаны? И какъ понятенъ вопль апостоловъ, еще евреевъ, и жившихъ въ мудромъ Моисеевомъ узаконеніи о разводѣ: „когда таковы обязанности мужа къ женѣ—то лучше не жениться“, или vice-versa: „если такъ установить разводъ—*тогда люди перестанутъ жениться*“. И затѣмъ, въ разсказанномъ случаѣ, только великодушіе человѣка спасло пятерыхъ дѣтей отъ судьбы незаконнорожденныхъ. Но „вражда къ сѣмени жены“ (Бытіе, 4), мучившая здѣсь собственно уже четырехъ человѣкъ (двѣ старыя и двѣ новыя семьи) требовала еще и пять невинныхъ дѣтскихъ жизней въ жертву. И все это черезъ посредство тѣхъ „святыхъ“ рукъ, которыя потребовали себѣ за трудъ сопротивленія счастью девятерыхъ семь тысячъ. *В. Р—въ.*

[2]) Можно подумать, что потому и не сладилась новая семья, что люди

того, чтобы быть мужемъ въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ! Бываютъ трагическія коллизіи, бываютъ дьявольскія издѣвательства судьбы: а что тутъ подѣлаешь?!

Знаю я множество „законныхъ“ семей, которыя смердятъ вонью и мразью, и приведенные вами примѣры не пополнили мою коллекцію: знаю и „незаконныя“ семьи: иныя—не лучше законныхъ, а иныя чистыя и непорочныя, въ которыхъ я отдыхаю отъ треволненій жизни; и тихо дѣлается у меня на душѣ при видѣ того, что могутъ же люди жить по-человѣчески. Расторжимость семьи, утратившей чистоту, я признаю; равноправіе всякихъ дѣтей, разъ онѣ—дѣти, свободу чувства не отрицаю; выраженіе: „незаконнорожденныя дѣти“ считаю за неграмотное и безсмысленное; власть богослововъ, какъ лицъ и какъ учрежденія (т. е. собранія „человѣковъ“) надъ *браком*ъ („что соединено Богомъ“) я отрицаю. Но и *семью* внѣ *религіи* (т. е. внѣ Бога) не признаю за человѣческую семью, какъ не знаю и религіи внѣ семьи [1]).

И вотъ я опять стою одиноко лицемъ къ лицу съ тою трагической коллизіею, которую я вамъ слегка намѣтилъ въ моемъ первомъ письмѣ, прося вашего указанія: что дѣлать? *Я индивидуальное* („der Velbst“, а не гелертерское невѣдомое „ich“)—*я*, съ его свободою мысли, чувства и воли (утверждаю: воля свободна—и въ этомъ отличіе человѣка, подобія Бога-Творца, отъ скотины), *я* съ его страстями, стремленіями и жаждою жизни — это одинъ объектъ наблюденія; другой *-семья*, сѣменной родъ, порабощающій это *я* (прототипъ: жизнь полиповъ); а третій—соціальный строй жизни, порабощающій родъ и разлагающій семью. Тутъ очевидна какая-то страшная ошибка въ человѣческомъ домостроительствѣ; но гдѣ она? въ чемъ именно?..

„Я вопрошаю жизнь, къ ней простирая руки:
„Куда бѣжать отъ этой адской муки,
„Куда бѣжать и гдѣ пріютъ найдти?!..“

Не во мнѣ лично тутъ дѣло: все человѣчество стоитъ долгіе вѣка предъ этимъ треклятымъ вопросомъ и вопрошаетъ. И отвѣты сыпятся за отвѣтами, а вопросъ все остается вопросомъ.

девять лѣтъ ждали рѣшенія „милостивцевъ“,—и перегорѣли и сгорѣли въ ожиданіи, и ничего не осталось. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, вотъ великія и прекрасныя слова великодушнаго и изстрадавшагося человѣка. Резюмируемъ ихъ:

Семья внѣ Бога—беззаконіе.

Религія безъ и внѣ семьи—невозможность.

Семья какъ только не чиста—расторгается.

Дѣти—всегда и всѣ законныя. „Незаконнорожденныя дѣти“—безграмотное слово.

Этого достаточно и для установленія лучшихъ формъ семьи.

В. Р—въ.

Бѣдное, жалкое, мерзкое, подлое—и глубоко-несчастное, изстрадавшееся человѣчество, потерявшее чутье Бога!

Вашими работами на этомъ поприщѣ вы уже расчистили нѣкоторыя Авгіевы стойла нашей семейственности и общественности — и потому-то, мнѣ кажется, такъ и прислушиваются всѣ къ вашему слову... Не кажется-ли вамъ, что нынѣ вновь „исполняются времена и сроки“, что мы живемъ снова—если не въ началѣ новой эры, то по крайней мѣрѣ—въ концѣ старой? Не чуете развѣ вы, что уже носится Великое Слово надъ міромъ, что уже Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма Его не объятъ? И какъ нѣкогда возсталъ Іоаннъ Предтеча съ призывомъ къ покаянію, такъ и нынѣ великое покаянное слово уже гремитъ въ сердцахъ многихъ. Что́ такое вся ваша литературная дѣятельность, какъ не призывъ къ покаянію?—призывъ къ покаянію по тому пути, который вамъ представляется истиннымъ; Л. Толстой, Достоевскій и др.—тоже пророки покаянія, зовущіе на тѣ пути, иные, которые имъ кажутся истинными... „Что есть истина“—Богъ есть истина: единый истинный абсолютъ, и внѣ Его нѣтъ абсолюта, и быть не можетъ: всѣ остальныя „истины“ относительны и субъективны; Богъ, познаваемый не человѣческимъ произволеніемъ, а откровеніемъ Божіимъ.

Какъ древле язычество, создавшее культъ многобожія (главный грѣхъ коего [1]) не въ пантеизмѣ, а въ антропоморфизмѣ)—отъ высотъ Зевса-громовержца пало въ пропасть обожествленія Нерона и Каракаллы, и даже коня Каракаллина, такъ и нынѣ псевдонаука, создавшая безбожіе, низошла до обожествленія протоплазмы; такъ нынѣ и философія, поставившая пупомъ міра свое праздное, ни на чемъ не обоснованное измышленіе—„ich“, пала до Шопенгауэровщины и Ничшіанства. Но преходящи всѣ эти нелѣпства, великъ же и вѣченъ Господь Вседержитель; и не „*суб*станція“ Онъ для міра, „бытія-ли“ или „быванія“, а *In*stantia Suprema, отъ которой вселенная—рефлексъ вѣчнаго свѣта, и предъ которою—ничтожество и мразь всѣ эти Ueber-Mensch'и. Мы Бога забыли, застѣненнаго его служителями, и иные этихъ служителей почитаютъ за Бога, а иные отрицаютъ бытіе Божіе, по тому разсужденію, что эти служители—не Богъ. Мы утратили самое представленіе о Церкви („два или тріе собрани во Имя Мое“) — и лишь заботимся о созданіи и благолѣпіи вещественныхъ собраній для молитвы... ежели „на окраинахъ“ — то по „добровольной“ подпискѣ. Но живетъ-ли Богъ въ этихъ „мѣстахъ собранія“, или только поживляются отъ нихъ ихъ „создатели и благодѣтели“?

---

[1]) Ну... А слова: „по образу, по подобію *Нашему* сотворимъ его“ (человѣка),—развѣ ужъ не включаютъ обратной истины: что *человѣку* есть Небесное Подобіе? *В. Р—въ.*

Уничтоживъ патріархатъ, изъ политическихъ видовъ, мы создали учрежденіе съ „расторопнымъ штабсъ-офицеромъ“ во главѣ; припомните изъ „Моск. Сборн.“ кощунственное уподобленіе нашего духовнаго вѣдомства—блудницѣ, которая, не имѣя добрыхъ дѣлъ, не кается, однако, какъ блудница евангельская, которая въ грѣхахъ своихъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ ждетъ Божія милосердія,—но нагло домогается вниманія къ себѣ и, безстыдно растопыривъ ноги, голоситъ на распутьи: „приди и посмотри“! Кѣмъ и ради оправданія кого и чего изрыгнута эта хула?!.. Школьный атеизмъ у насъ насажденъ не столько „отрицателями“, сколь Д. А. Толстымъ и любовно взлелѣянъ Деляновымъ (въ смыслѣ собирательномъ, конечно). Я зналъ гимназистовъ-пятерошниковъ, совершавшихъ омерзительныя гадости подъ благолѣпное пѣніе св. псалмовъ... Народъ, породившій такое чудовище атеизма, какъ Конст. Леонтьевъ, не можетъ быть „безвинно-страждущимъ“ народомъ, какъ учили наши народники. А сознаніе вины есть уже покаяніе.

Тѣмъ и полны живаго трепета ваши рѣчи, что каждое слово ваше идетъ до глубинъ жизни. Нѣтъ ничего легче, ничего поверхностнѣе и безплоднѣе, какъ проповѣдь какой-либо абсолютной морали, внѣ пространства и времени. Теоріи сочинять, и даже логически ихъ обосновывать—тоже нетрудное и пустое дѣло. Но вырвать болячку изъ глубины зараженнаго организма и показать соотношеніе въ ней органическихъ силъ—какъ дѣлаете вы—это великая заслуга. Глубоко беретъ вашъ заступъ; но не возгордитесь этимъ, аройте еще глубже и выройте истину, *во всемъ ея объемѣ*, на свѣтъ Божій.

Мыслить за другаго нельзя и нельзя другаго заставить мыслить по своему; я на это и не дерзаю. Я только передаю вамъ *мои* мысли, всполошенныя *вашими* идеями.

Съ истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ
имѣю честь оставаться *Геннадій Ел—евъ*

* * *

...Каждый изъ насъ говоритъ про свое, про наболѣвшее, и по своему. Но точекъ соприкосновенія много, и потому чувствуется родство мысли и духа. Искренно благодарю васъ за искренность вашего письма и отвѣчаю вамъ искренностью. Разгадка простая: ничто не вѣчно подъ луною, а тѣмъ болѣе чувство. Любили не головою, а сердцемъ, любили пламенно; но за 9-ть лѣтъ пламя не раздувалось, а угасало; *излюбились;* поддерживала настойчивость, честолюбіе—добиться цѣли; обманывало желаніе обладать и дать сѣмя роду. И вотъ, когда все достануто чувство погасло. Приготовили одну котлетку и загаспли огонь на очагѣ. Не гасили, а дотлѣлъ самъ и погасъ!.. Мнѣ больно писать лично о себѣ, и не привыкъ я... Я уже разрѣшилъ вамъ воспользоваться

матеріаломъ моихъ писемъ, но съ соблюденіемъ полнѣйшей анонимности мѣстъ и лицъ .Знаете, что я себѣ ставлю въ единственную заслугу во всей этой трагикомедіи: что я не заклалъ „незаконнорожденныхъ“, хотя и легко было это сдѣлать. Единственный благой результатъ 9-ти-лѣтней муки и мытарствъ—узаконеніе этихъ дѣтей! А то вѣдь просто безцѣльное преступленіе вышло-бы!

Съ вашимъ талантомъ и проникновенностью,—ваша прямая *обязанность* написать критику на „*Fécondité*“ Зола. Давно уже не было писано такой умной и глупой, такой подлой и честной, такой ясной и сумбурной, такой нужной и негодной книги! Вашъ

Геннадій Ел—евъ.

Юридическая ткань около семьи.

I. Дѣти при возможномъ разводѣ.

Еще разъ взвѣсимъ хирургическое леченіе больной, загнившей семьи, извѣстное подъ именемъ „развода“. Вѣковое ученіе о томъ, что семья, въ которую уже вошелъ грѣхъ, вошла злоба и взаимное отвращеніе родителей, не можетъ быть расторгнута—это ученіе ссылается обычно на интересы ребенка. Въ общемъ соглашаются, что разводъ,- -и безъ тѣхъ отяготительныхъ подробностей, какими онъ теперь сопровождается,—есть единственное средство очищенія и оздоровленія семьи. Но на пути его стоитъ колыбель. „Она такъ трогаетъ, такъ мутитъ сознаніе. И люди, и законодатели теряются передъ нею“. Въ концѣ-концовъ, однако, начинаютъ видѣть, что именно интересы-то колыбели и требуютъ развода, ибо ребенокъ нуждается не столько въ физическомъ пропитаніи, сколько въ здоровой и чистой вокругъ себя атмосферѣ семьи. Не давая развода, мы только углубляемъ растлѣніе семьи; напротивъ, хирургически раздѣливъ родителей, между которыми все нравственное умерло, мы порознь каждаго изъ нихъ очищаемъ, оздоравливаемъ. Открывается честное вдовство, совершенно такъ, какъ и при физической смерти котораго-нибудь родителя. Но, далѣе: въ ссылкахъ на дѣтей есть нѣкоторое явное притворство противниковъ развода. Вѣдь, теперь, т. е. уже вѣка, не разводятся вовсе не тѣ только семьи, въ которыхъ есть дѣти: не разводятся всякія семьи, бракъ вообще не расторгается, даже когда онъ бездѣтенъ. Эта важная подробность указуетъ, что вовсе не интересъ дѣтей, вовсе не интересъ мужа и жены, а что-то *третье* стоитъ камнемъ преткновенія на пути къ разводу. Далѣе, ищутъ развода не тѣ вовсе семьи, которыя не очень согласно живутъ, а тѣ, которыя совершенно развалились и похожи на зданіе, въ которомъ крыши нѣтъ, а стоятъ только остатки сломанныхъ стѣнъ. Вопросъ идетъ о семьяхъ, фактически разлучившихся, гдѣ отецъ и мать годы не живутъ другъ съ дру-

гомъ, а дѣти, если они есть, живутъ все равно при которомъ-нибудь одномъ изъ родителей, не видя другого. Въ этомъ случаѣ также не дается развода, и это есть тотъ случай, когда просто одинокому человѣку семья запрещена, а не запрещена только проституція. Вопросъ и сводится къ борьбѣ инстинкта семьи, которымъ постоянно живетъ человѣкъ и хочетъ непрерывно жить, съ подневольной проституціей, которая ему указуется, въ замѣнъ семьи, какъ нѣкій ея коррелативъ, какъ замѣна.

Семьи вы хотите или проституціи?

— Проституціи! отвѣчаютъ противники развода.

На этой почвѣ и будемъ стоять. Съ нея я отнюдь не хочу сходить. Нѣтъ закона, который препятствовалъ бы человѣку предаваться разврату; и за развратъ никакое наказаніе человѣка не преслѣдуетъ. Положеніе дѣла таково, что человѣкъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе къ жизни въ законномъ и честномъ бракѣ, котораго онъ проситъ (при умершемъ фактически прежнемъ бракѣ) и котораго ему не даютъ; а когда инстинктъ семьи въ немъ преодолѣваетъ страхъ наказанія, и онъ, не получивъ вѣнчанія, образуетъ и безъ него семью, дѣти его поступаютъ въ реестръ „незаконнорожденныхъ“, т.-е. у него въ сущности дѣти отнимаются. Вотъ о которыхъ „дѣтяхъ“ слѣдовало бы поплакать людямъ, „брегущимъ семью“ въ томъ печальномъ случаѣ, когда ея уже давно фактически нѣтъ. Такимъ образомъ, величайшее и утонченное наказаніе лишенія правъ на дѣтей постигаетъ человѣка просто за отвращеніе къ распутству и за склонность къ семейной жизни; напротивъ, ни что не снимаетъ съ него честнаго имени, если онъ пользуется проституціею. Это чудовищно-ложное положеніе, котораго мы не замѣчаемъ только потому, что всѣ и давно въ него поставлены и что „на людяхъ смерть красна“,— и должно составить предметъ обсужденія. На это положеніе дѣла давно пора обратить вниманіе государственнымъ учрежденіямъ, на рукахъ которыхъ лежитъ отвратительное гноище проституціи, и они недоумѣваютъ, откуда все растетъ такое сокровище. Да оно и растетъ отъ того, что не урегулировано семейное (брачное) право и что въ тысячѣ случаевъ человѣкъ сбрасывается въ проституцію, сбрасывается подневольно, и наконецъ отъ того еще, что бракъ пугаетъ просто не отдѣленностью своею отъ разврата. Дѣло въ томъ, что совершенно не разрушима только номинальная, паспортная сторона брака: напротивъ, человѣкъ можетъ сгнить въ этой паспортной оболочкѣ, онъ можетъ предаваться какому угодно разврату, а все-таки развода онъ не получитъ. Такимъ образомъ, пикантная и остроумная сторона нормъ брака заключается въ узаконеніи какъ поліандріи (не доказанной только, да и какъ ее доказать въ вѣкъ гостиницъ, театровъ и крѣпкихъ замковъ?) для „смиренномудрыхъ“ мужей, несущихъ развратъ женъ, такъ и

полигаміи для женъ, тоже „смиренномудрыхъ“, которыя терпятъ побои мужа и взятіе на глазахъ жены любовницы въ домъ. Этотъ „бракъ вразсыпную“ (разъѣздъ безъ развода) и „бракъ съ пріятелями и пріятельницами“ и произвелъ то отвращеніе къ нему, то омерзеніе всякаго порядочнаго и честнаго человѣка, которое вызвало нынѣ столь широко замѣчаемое равнодушіе къ семьѣ, не желаніе жениться и угасаніе семейнаго инстинкта. Проборовшись вѣка съ формой совершенно ложной, семья умираетъ. И вотъ это-то страшное ея умираніе и вызвало всеобщій лозунгъ: разсмотрѣть положеніе семьи, разсмотрѣть препятствія къ семьѣ, разсмотрѣть ея очистительные пути, которые закупорены, и эта закупорка загоняетъ внутрь семьи грѣхъ, порокъ и преступленіе.

Объ этомъ время подумать государству, для котораго семья есть первый устой его собственной прочности. Семья чиста — крѣпко и государство. Но если семья загнила, или, точнѣе, если въ вѣкахъ бытія своего она поставлена въ нездоровое положеніе,—государство всегда будетъ лихорадить тысячею неопредѣленныхъ заболѣваній. И вотъ почему, имѣя долю своего огромнаго участія въ семьѣ, оно можетъ пожелать и въ правѣ пожелать разсмотрѣть, что гноитъ этотъ основной соціальный институтъ.

«Пов. Вр.», 1900.

II. Укрѣпленіе семьи.

Мы получили и получаемъ много частныхъ писемъ относительно развода, — писемъ, иногда разсказывающихъ длинныя семейныя исторіи и которыя то исполнены мольбы о разводѣ, то страха передъ разводомъ. Такъ или иначе, вопросъ очевидно жгучъ, и онъ практически жгучъ. Намъ пишетъ мужъ, который десять лѣтъ живетъ въ несчастномъ бракѣ, но не считаетъ возможнымъ его расторгнуть, потому что есть дочь, которую равно любитъ его жена и онъ. Отъ одной женщины [1]) мы получили письмо, выставляющее принципіальныя возраженія противъ развода.

Ея возраженія — возраженія очень серьезной женщины. Письмо дышетъ пессимизмомъ и видитъ надежду семьи во внѣшней сколоченности ея членовъ, въ неразрывности узъ, а не въ томъ, чтобы предупредить самое желаніе ихъ разорвать и не въ разсмотрѣніи естественныхъ скрѣпленій, которыя держатъ даже мало любящую и мало счастливую семью все-таки въ цѣлости. Первое письмо [2]), на которое мы сослались, гдѣ отецъ высказывается противъ развода, потому что хотя онъ и несчастенъ въ семьѣ, но любитъ дочь, отвѣчаетъ на излишнюю тревогу г-жи Ю. Б—вой.

---

[1]) Г-жи *Ю. Б-ной*. См. выше, стр. 90 и слѣд.

[2]) См. выше письма г. *Геннадія Ел ева*, стр. 88 и слѣд. и стр. 93.

Посмотрите на замерзлую рѣку осенью. Вода—мертвая стихія и казалось бы она должна замерзнуть гладкою, какъ стекло. Но наблюденіе показываетъ, что во множествѣ точекъ торчатъ углы, бугры, гдѣ ледъ смерзнулся уродливо и не прямо. Можно-ли ѣздить по немъ, не сравнивая этихъ угловъ, ямъ, реберъ, выпершихъ кверху льдинъ! Что живое не болѣетъ?!. Но все болѣющее лечится, и дурна та страна, которая пренебрегаетъ леченіемъ. А вѣдь въ вопросахъ семьи и брака мы принципіально отказались отъ леченія, говоря: „уладится какъ-нибудь“ даже о такихъ случаяхъ, гдѣ мужъ вбиваетъ жену въ могилу или жена начинаетъ подсыпать мужу порошки. Мы убѣгаемъ отъ идеи развода только тѣмъ, что закрываемъ глаза на дѣйствительность, „не видимъ“, „не смотримъ“. Но нужно именно видѣть, нужно смотрѣть, да и разсмотрѣть какъ вообще весь вопросъ о разводѣ, такъ и тысячи единичныхъ случаевъ несчастно, неправильно и наконецъ преступно сложившихся и текущихъ семей. Мы ничего другого не хотимъ сказать кромѣ: „здѣсь нужно начать думать“. Хороши были бы отношенія собственности, если бы не было коммерческихъ судовъ, если бы не было вексельнаго устава. Но въ неизмѣримо болѣе важной сферѣ семьи мы имѣемъ въ сущности пять строкъ: „живите согласно, а если одинъ изъ васъ совершитъ прелюбодѣяніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей, то другая сторона получитъ разводъ съ правомъ замужества или женитьбы“. Согласитесь, что это слишкомъ коротко. Все дѣло въ беззаботности (закона), а нужно приложить заботу, на чемъ мы и настаиваемъ. Какъ организовать эту задачу, объ этомъ можно и слѣдуетъ годы, десятилѣтія думать; важно начать—и тогда мы какъ-нибудь что-нибудь сдѣлаемъ, а то вѣдь въ сферѣ семьи и брака мы именно принципіально отказались что-нибудь начинать. „Болитъ ли кто изъ васъ—болѣй; уродливъ ли—оставайся уродомъ“, вотъ единственная медицина и хирургія, которую мы имѣемъ и которую нельзя не назвать слишкомъ деревенской медициною. Авторъ письма совершенно не задается вопросомъ: да чѣмъ же фактически (а не юридически) въ настоящее время семья обезпечивается въ какой-нибудь чистотѣ, предупреждается отъ разврата которой-нибудь одной стороны? Онъ называетъ „безъ вины флиртъ началомъ распаденія семьи“,—но вотъ флиртъ удлинился, есть вина, наконецъ жена уѣзжаетъ отъ мужа, переѣзжаетъ къ другому, третьему, четвертому, и отъ всѣхъ рождая дѣтей записываетъ ихъ на имя перваго, ею брошеннаго мужа! Картина, которою г-жа Ю. Б—на пугаетъ въ будущемъ, есть изображеніе не будущаго, а настоящаго времени. Такая женщина все-таки передъ закономъ не виновна, а по смерти мужа (перваго изъ четырехъ) является въ казначейство получать пенсію „до совершеннолѣтія его законныхъ (отъ трехъ посторонихъ людей) дѣтей“. Согласитесь, что положеніе вещей,

дорослое до такой разительной чудовищности, до такого совершеннаго смѣшенія самимъ закономъ „брака“ и „разврата“, требуетъ поправокъ.

Поистинѣ, если бы такъ доктора относились къ больнымъ, не было бы у нихъ выздоравливающихъ, а только умирающіе. Семья и стала очень похожа на „умирающаго“. Авторъ не оспариваетъ коренного нашего утвержденія, что настоящее отсутствіе развода приводитъ къ уничтоженію разграничительной линіи между „семьею“ и „не семьею“, „бракомъ“ и „развратомъ“. Думаетъ ли онъ, что такое смѣшеніе не опасно? Онъ спрашиваетъ: „чѣмъ же отличить порядочную женщину отъ непорядочной?“ И мы спросимъ: „чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ отличить?“ При облегченномъ разводѣ онѣ отдѣлятся и вышедшая четвертый разъ замужъ такъ и будетъ имѣть надпись своего настоящаго положенія, тогда какъ теперь жена, промѣнявшая трехъ на четвертаго, есть „первая и единственная законная жена такого-то“, хотя бы она именно смѣнила четыре квартиры и поведеніе ея было извѣстно акушеркамъ и знакомымъ. Теперь только общество осуждаетъ такихъ женщинъ, но законъ ихъ не осуждаетъ. При разводѣ общество получило, бы помощь закона: „ты -четвертая и именуйся четвертою“. Трудно представить себѣ мужчину, который, увидавъ въ паспортѣ прописку о трехъ мужьяхъ. захотѣлъ бы вписаться къ нимъ четвертымъ. Но теперешнее положеніе, которое можно назвать „игрою въ темную“, тѣмъ и ужасно, что никому неизвѣстно, гдѣ кончается одно-мужіе и гдѣ начинается много-мужіе.

Есть совершенно простые и совершенно твердые способы отдѣлить, какъ выражается авторъ, „совершенно негодныхъ для брака людей“. Таковъ каждый рѣзко и грубо пренебрегшій своими обязанностями отца, матери, жены, мужа. Оставленіе семьи, покушеніе на жизнь и наконецъ постоянная связь съ другою или съ другимъ—все это есть достаточная причина кассаціи брака.

Въ заключеніе одна историческая справка. Извѣстно, какое отвращеніе римляне временъ республики питали къ разводу, съ какимъ страхомъ и какъ поздно они его начали давать. Нужно замѣтить, что для здоровья семьи очень важно наблюдать, чтобы не дать разводъ въ слишкомъ (исторически) позднiй фазисъ семьи, когда она уже разложилась и разводъ приходитъ запоздалымъ и безспльнымъ леченіемъ. Отсутствіе развода въ Римѣ открыло эру такихъ „семейныхъ нравовъ“, что пришлось разводъ дать. Но, мы сказали, все пришло слишкомъ поздно. Разводомъ воспользовались не какъ средствомъ здоровья, но какъ способомъ увеселенія. Напротивъ, разводъ безусловно свободенъ у евреевъ еще со временъ Ниневіи и Вавилона и семья у нихъ очень прочна и чиста. Ничего не слышно о гибели семьи и у турокъ или у татаръ, хотя у нихъ также совершенно свободенъ разводъ. Вообще

важно, чтобы разводъ палъ на сколько-нибудь способную къ выздоровленію почву и тогда онъ оздоровитъ, но понятно трупа онъ не воскреситъ. Мы пошли и успѣшно идемъ по пути очень легкихъ семейныхъ нравовъ и вотъ почему намъ медлить и откладывать съ разводомъ опасно. Тутъ нечего довольствоваться архаическими наивностями какого-нибудь „Любушинаго суда", который очень напоминаетъ теперешній судъ о бракѣ, — а нужно позаботиться о болѣе зрѣлой мудрости.

«Нов. Вр.», 1900.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

V. Еще о separation de corps.

Въ предъидущемъ письмѣ своемъ я выразила очень ясно свою мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ совмѣстная жизнь супруговъ можетъ сдѣлаться невыносимой для нихъ, тяжела и вредна для дѣтей, вслѣдствіе чего полезно и даже необходимо допускать [1]) отдѣльное жительство (французское separation de corps); но не разводъ, разрѣшающій вступленіе въ новый бракъ [2]), при живомъ мужѣ или женѣ [3]). Живя съ однимъ изъ родителей, дѣти не будутъ свидѣтелями тѣхъ тяжелыхъ семейныхъ сценъ, о которыхъ такъ скорбятъ сторонники разводовъ. Далѣе, средствомъ удержать отъ распаденія семью не только юридически, но и нравственно, можетъ послужить лишь измѣненіе воспитанія молодого поколѣнія, и особенно дѣвочекъ, на что я и указывала въ моемъ первомъ письмѣ. Допустимость разводовъ между евреями со временъ библейскихъ только потому не увеличила ихъ числа, что все же

---

[1]) Да что вы за инстанція, „допускающая и не допускающая“? Удивительна эта закоренѣлая привычка разсуждающихъ о бракѣ, въ печати или въ законахъ, принять осанку, принять сановитость, и начать вѣщать: „допускаю“, „не допускаю“. А гдѣ же право „сотворенныхъ мужемъ и женою“ Адама и Евы и вообще всякой четы (*Бытія*, 2, *Матѳея*, 19)? *В. Р—въ.*

[2]) А разрѣшающій что-же?... внѣ-брачное сожительство? пользованіе проституціей? Вѣдь фактически вы не имѣете силъ предупредить ни одно, ни другое. И закрываетесь фиговымъ листкомъ притворнаго невѣдѣнія: „*Я не вижу* („не смотрю“, „не хочу смотрѣть“) и слѣдовательно *нѣтъ*“. *В. Р—въ.*

[3]) Почему „при живомъ“? Живъ *мужчина*, живъ *человѣкъ*, чиновникъ, воинъ, *гражданинъ*, но не живъ онъ какъ *мужъ*, ибо прервана съ нимъ „плоть единая“ и слѣд. все брачное умерло. Считать „мужьями“ и „членами“ семьи или брака такихъ отдѣленныхъ отъ ложа и стола mesdames и monsieurs есть возмутительное введеніе въ бракъ идеи *фиктивнаго брака*, т. е. суммы формъ безъ всякаго содержанія. *В. Р—въ.*

на нихъ смотрятъ очень строго [1]) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда причиной служитъ *не безплодіе женщины*. Это единственно, что не ставится ей въ упрекъ, но даетъ мужу безусловное право требовать развода. Развестись еврейкѣ дѣйствительно легко, но выйти послѣ этого вторично замужъ *очень трудно* [2]). Затѣмъ, между евреями, кромѣ самыхъ малыхъ исключеній, при милліонныхъ состояніяхъ, не существуетъ праздныхъ женщинъ, а этимъ *почти* все сказано. На мои доводы мнѣ говорятъ, что нельзя требовать отъ людей, созданныхъ изъ крови и нервъ, чтобы они перестали быть людьми, отрѣшившись отъ своихъ страданій и всецѣло отдались служенію идеѣ, а мнѣ кажется *для этого* именно надо быть только людьми, но не животными. Еслибы люди нѣсколько вѣковъ тому назадъ отказывались жить для идеи, то не было бы теперь всей нашей цивилизаціи. Сколько лучшихъ людей жертвовали своей личной жизнью за идею? Въ томъ же, что я говорю, нѣтъ и этой жертвы, такъ какъ жизнь для моего собственнаго ребенка, для этой плоти и крови, не есть отказъ отъ личной жизни, а только ея духовное продолженіе. Въ этомъ случаѣ страдаетъ одна чувственно-животная [3]) сторона, отказаться отъ которой совсѣмъ уже не такъ трудно [4]) для честной [5]) жен-

---

[1]) Фактическая ошибка. „Мужъ можетъ потребовать развода. не объясняя другихъ причинъ, кромѣ того, что у жены дурно пахнетъ изо рта“, рѣшилъ свѣтило еврейства, кроткій Гиллель (около Р. Х.). Конечно, мудрые раввины хорошо понимали, что если мужъ любитъ жену—то онъ не пожалуется на дурной запахъ у нея изо рта, а перенесетъ даже и побои отъ нея (terribile dictu!). А если нѣтъ любви, то какъ вы ни запрещайте разводъ,—ничего кромѣ разврата въ бракѣ не будетъ.. *В. Р—въ.*

[2]) Опять фактическая ошибка Я разспрашивалъ объ этомъ и знаю, что преспокойно выходятъ разводки. Да и вообще разведенная жена не менѣе привлекательна, чѣмъ совершенно невинная дѣвушка, что видно изъ того, какъ часто замужнія женщины внушаютъ къ себѣ глубокую страсть (напр. Вирсавія, Лукреція). *В. Р—въ.*

[3]) Ну, въѣхала... *В Р—въ.*

[4]) Да что вамъ за дѣло, „трудно“ или „не трудно“. Просто—не хочетъ, и конецъ вашей реторикѣ, ибо „не хочетъ“-то она во исполненіе заповѣди: „растите, множитесь, *наполните* землю“. На землѣ есть уголокъ пустой, квадратикъ незанятый, и женщина, вдова, „разведенная“ говоритъ: „хочу его наполнить дѣтьми моими“, и для этого сближается съ мужемъ, и благословеніе Божіе надъ ней. Но у насъ какая-то адская злоба или декадентская эстетика: пусть земля пустѣетъ, а женщина не съ дѣтьми возится, а съ портнихами, сплетнями, учеными книгами. Но мы ни книгъ, ни даже портнихъ не отрицаемъ, а только пусть идутъ впередъ—дѣти, „тѣхъ бо Царствіе Небесное“. *В. Р—въ.*

[5]) Вотъ. вотъ. Какъ только не по нашему закону, такъ „не честная женщина“. И этимъ-то позоромъ, крикомъ, атуканьемъ, выпусканіемъ стаи злыхъ словъ и заставили женщину поникнуть головою, и отступить отъ своего права, и бросить дѣтей, и выйти изъ подъ закона Божія—подъ вашъ человѣческій, продиктованный „г-жею В.,“ „кн. Маріей Алексѣевной“, Сперанскимъ, или творцами византійскихъ „Кормчихъ книгъ“. *В. Р—въ.*

щины; я думаю, что женщина, прожившая восемь, десять лѣтъ замужемъ и имѣющая трехъ, четырехъ дѣтей, не можетъ сказать, что ей навязываютъ тяжелую роль весталки, если разрѣшатъ жить отдѣльно отъ мужа, но запретятъ *вновь* [1]) выходить замужъ. Ранѣе же такого срока очень рѣдко возникаютъ вопросы о разводѣ, а потому и говорить о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ нельзя въ общемъ правилѣ. Что касается одной практической стороны вопроса, указанной также въ вышеупомянутой статьѣ, чтобы чужія дѣти не могли получать пенсію за фиктивныхъ отцовъ, то для этого надо прибѣгнуть просто къ административной мѣрѣ, измѣнивъ правило выдачи метрическихъ свидѣтельствъ. При крещеніи ребенка таковое свидѣтельство должно выдаваться исключительно его законному отцу, а въ случаѣ его отсутствія —лишь при представленіи его личной просьбы о выдачѣ матери [2]). При невыполненіи же этихъ двухъ условій вписывать ребенка хотя бы и замужней женщины „незаконнымъ и родившимся отъ неизвѣстнаго отца“ [3]). Мой оппонентъ напрасно думаетъ, что кто либо изъ мужчинъ остановится передъ тѣмъ, чтобъ быть вписанымъ четвертымъ мужемъ. Я увѣрена, что эта ариѳметика не устрашитъ ни тотъ, ни другой полъ. Нельзя намъ, при нашемъ нравственномъ неряшествѣ [4]), давать право легкаго развода, какъ нельзя давать ребенку огня

---

[1]) Руѳь, будучи очень счастливой женою, потомъ вышла за Вооза и стала одною изъ пра-матерей Давида и нашего Спасителя. Научитесь изъ сего, что никому и никогда не поздно выходить замужъ, не поздно и жениться (знаменіе Авраама). Только одного бѣгите—одиночества, уныніе; бѣгите тоски сердечной. *В. Р—въ.*

[2]) Это очень просто и мудро. Теперешнія метрики прямо представляютъ государственное и религіозное покровительство семейному разврату, именно—прелюбодѣянію женъ и ихъ полному мужьямъ непослушанію. Впрочемъ, при закрытіи (запрещеніи, затрудненіи) развода и нуженъ же былъ какой-нибудь исходъ несчастнымъ, иначе число повѣшенныхъ и повѣсившихся было бы еще больше въ христіанскомъ мірѣ, чѣмъ теперь. „Васъ заставляютъ насильно отдаваться, съ горькой миной любви при фактѣ отвращенія: ну, пусть слабыя ужъ погибаютъ, а кто силенъ—бѣгите“, вотъ молчаливая тенденція этого правила о метрическихъ запискахъ, ихъ не выставленный raison d'être. *В. Р—въ.*

[3]) Вообще это мудро и такъ справедливо, что невозможно возразить. Но и по Ветхому и Новому завѣту, когда такъ явенъ фактъ прелюбодѣянія—конечно долженъ быть данъ разводъ. И онъ долженъ быть данъ предварительно, дабы „зачинаемый не отъ мужа младенецъ“ былъ уже „зачатъ отъ мужа“. Вообще идея чистаго брака абсолютно исключаетъ мысль и фактическую возможность зачатія „не отъ мужа“ или „не отъ жены“, и посему-то и требуется, чтобы разводъ лежалъ въ рукахъ и власти мужа и жены, дабы предупредить прелюбодѣяніе. *В. Р—въ.*

[4]) Да неряшество-то откуда? И теперь любящія семьи, у насъ, у русскихъ, не уступятъ въ святомъ цѣломудріи ни римлянамъ, ни евреямъ. Но много-ли ихъ? А почти нѣтъ ихъ—потому, что не любовь вы поставили фундаментомъ брака. *В. Р—въ.*

въ руки [1]). Мы еще для этого слишкомъ молоды [2]) и не сумѣемъ обращаться съ нимъ осторожно. Ни въ одной европейской націи нѣтъ той шаткости нравственныхъ устоевъ, какъ у насъ. Въ семейной жизни англичанки, нѣмки, француженки есть у каждой своя опредѣленная система, въ русской же семьѣ одна безалаберщина. Что хочетъ сдѣлать русская мать изъ своихъ дѣтей—она сама не знаетъ, и растутъ эти дѣти, какъ трава. Попадаютъ они случайно подъ хорошее чужое вліяніе, или подъ дурное, смотря почему выходятъ люди получше и похуже, но матери тутъ рѣшительно ни причемъ (говорю о большинствѣ, исключенія конечно есть). Домовитости въ теперешней русской женщинѣ также нѣтъ совсѣмъ во всѣхъ классахъ общества. Къ гнѣзду своему, въ противоположность женщинамъ всѣхъ другихъ европейскихъ національностей, она относится съ полнымъ равнодушіемъ [3]); что же будетъ тогда, когда, выходя замужъ, она не будетъ считать, что это есть ея гнѣздо *навсегда* [4])? Довольно, что мы по своей *небрезгливости* дошли до того, что не знаемъ, по словамъ моего оппо-

---

[1]) Ну, и не дали, не давали 1.000 лѣтъ. Что-же получилось? Полное *омертвеніе* семьи, семейной жизни въ странѣ. „Сильна любовь — какъ смерть," это еще Соломонъ сказалъ. Отъ того она всѣ узы перетрастъ. Но вы изуродовали ея цвѣтокъ, онъ оборванъ, испачканъ, а могъ бы цвѣсти и благоухать. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, прожив-то тысячу лѣтъ... Старая это сказка. Мы *неразвиты, неучи*, но вѣдь мужикъ до старости неучъ. *В. Р—въ.*

[3]) Да, когда не любимое это гнѣздо, вами столь охраняемое. А посмотрите-ка на любящія русскія семьи: не уступятъ, а можетъ быть превзойдутъ и нѣмокъ, и англичанокъ. Любящая русская женщина какъ тигрица у изголовья усталаго мужа и у постелекъ невинныхъ дѣтей. Видалъ русскихъ матерей и женъ и на *фактъ*-то ихъ и строю восклицаніе: „все будетъ спасено ими, но *сперва спасите ихъ! не мучьте!! не смотрите какъ на безправную рабу передъ вашими закононачертаніями!!!* О всемъ выспросите ихъ самихъ съ любовью и вниманіемъ. Да и такъ Господь велѣлъ! Издѣваться надъ женщиной, которая по силамъ физическимъ есть между нами тоже, что ребенокъ между взрослыми, никто не позволилъ. *В. Р—въ.*

[4]) Конечно, нужно какъ жениться, такъ и выходить замужъ съ идеей „навсегда". Но органическое отъ механическаго тѣмъ и отличается, что въ органическомъ присутствуетъ „не извѣстное", „не усчитываемое", не раціональное; „благодать, вѣра и свобода", перелагая живые термины на евангельскіе. Вотъ они-то дѣйствуютъ, преодолевая наше сознаніе „на всегда" и обращая его во временное. Да и вотъ аргументъ: а сколько въ каждую минуту, положимъ въ сегодняшнюю среду, уже зрѣетъ и дозрѣло преступниковъ уголовныхъ (тайныхъ и явныхъ) и вмѣстѣ людей женатыхъ. Что-же, „единиться" съ ними женамъ? и притомъ женамъ, ни душою, ни тѣломъ къ уголовщинѣ не склоннымъ? Знаете-ли, что есть мужья, которымъ *преступно оставаться вѣрною женою*; и есть жены, которымъ *преступно оставаться вѣрнымъ мужемъ* (по ихъ скаредности, скверности, лживости, пустомыслію, какому-то душевному безбожію). И повѣрьте, что распаденіе брака, уже до развода начавшееся, имѣетъ мистическія и религіозныя основанія. Гдѣ

нента, гдѣ кончается одномужье и начинается многомужье, но не будемъ же по крайней мѣрѣ санкціонировать это закономъ [1]).

Ю. Б—на.

VI. Колыбель [2]).

Это слово пробуждаетъ нѣжность въ самомъ черствомъ сердцѣ. Вокругъ колыбели наростаетъ семья со всѣмъ, что въ ней кроется творческаго. Надъ колыбелью царитъ рой ангеловъ. Колыбелью клянутся, колыбелью обновляются, къ подножію колыбели складываютъ и миръ, и злато, и благовоніе. Ни что такъ властно и нѣжно не связываетъ насъ съ церковью, съ христіанствомъ, какъ колыбель: изъ колыбели выросло христіанство.

Сила и обаяніе колыбели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ такъ велики были, что самъ Христосъ воспользовался этой силой, чтобы вѣрнѣе, прямѣе попасть въ сердца людей. Онъ снизошелъ до колыбели. Мнѣ кажется, что если бы Онъ явился во всеоружіи величія, какимъ ушелъ, Онъ оставилъ бы больше нѣмаго благоговѣнія къ себѣ, чѣмъ активной, напѣвающей райскія пѣсни, любви. Своей дѣтской безпомощностью, этими крохотными ручками, ножками, этими наивными, широкими, небо поглотившими глазами, Онъ завоевалъ сердца людей раньше, чѣмъ проповѣдью своей, Онъ подготовилъ себѣ почву. На меня образъ Христа-младенца, Христа-крошки сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ образъ Христа-Страдальца. Этотъ дѣтскій наивный ликъ больше любви и ласки выжимаетъ изъ сердца, чѣмъ тѣнь окровавленнаго, распятаго Христа-Бога.

Есть двѣ величайшія картины христіанской эры: Сикстинская Мадонна и картина Христова распятія. У первой простаиваютъ часами, днями. Чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ она понятнѣе, милѣе, дороже. Хочется прижать къ сердцу этого малютку съ всклокоченной головкой, но его глаза—что за глаза! — удерживаютъ. Эти глаза изъ *того* міра; но это все, что Онъ принесъ *оттуда*. Слабое, крошечное тѣльце и глаза Бога! Они покоряютъ. Они примиряютъ тотъ человѣческій, немного страстный, немного даже физическій восторгъ къ прелестному ребенку, съ безграничнымъ духовнымъ трепетомъ передъ ощущаемымъ Богомъ. Если бы эта

Богъ не устроилъ „въ плоть едину“, значитъ—и не устроима вовсе „единая (мистически) плоть“. И тутъ закону, раціональному и внѣшнему, надо только покориться высшей мистикѣ. *В. Р—въ.*

[1]) Да какъ-же все это безъ развода сдѣлаете? Вгоните внутрь? *Снимите вывѣску* многомужія? Что въ томъ, что безъ вывѣски—вѣдь вопять все равно будетъ. А нужно и можно изъ самой жизни вымести дурной запахъ. *В. Р—въ.*

[2]) Статья эта всего лучше исчерпываетъ вопросъ о *дѣтяхъ* при разводѣ, ставимый моими оппонентами. *В. Р—въ.*

картина возбуждала въ отдѣльности каждое изъ этихъ чувствъ— любовь человѣческую или поклоненіе Богу, она не стала бы безсмертной: она безсмертна потому лишь, что передала величайшій моментъ и христіанства, и человѣчества—колыбель. А моментъ этотъ отозвался содружественнымъ эхомъ въ каждомъ сердцѣ человѣческомъ, гдѣ любовь къ Богу всегда вызываетъ любовь къ дѣтямъ и наоборотъ.

Я не помню, кто авторъ картины распятія Христа. Технически она выполнена не хуже Сикстинской Мадонны. А между тѣмъ, она не вызываетъ въ душѣ гармоніи и не примиряетъ чувствъ: скорби и любви. Скорбь (жалость) и любовь, вообще, рѣдко уживаются рядомъ: обыкновенно жалость вытравляетъ любовь уже потому, что жалость есть родъ страданія („до *боли* жалки"). Картина распятія Христа не пробуждаетъ во мнѣ ни любви, ни смиренія, ни прощенія. Напротивъ! Выростаетъ протестъ. Казнь Христа напоминаетъ мнѣ о казняхъ, которыми усѣяна жизнь—несправедливыхъ, жестокихъ. Дѣлается жутко, мрачно. Я не чувствую и не могу понять, почему *нужно* страдать и умереть, чтобы познать истину. Тогда какъ у Сикстинской Мадонны я вижу и чувствую, что стоитъ родиться и жить, и дать жизнь потомству, чтобы совершить шагъ къ Богу. Каждая новая жизнь вливаетъ вѣдь въ міръ каплю *новой* любви:— гдѣ-нибудь вѣдь радуются же этой новой колыбелькѣ.

Всякая новая жизнь—новая связь земли съ небомъ. Вотъ почему выше колыбели (начала жизни) ничего нѣтъ и Христосъ не опровергъ [1]) этой истины даже смертью своей, потрясшей и скалы, и горы, и сердца людей...

* * *

Великая творческая и примиряющая съ жизнью сила дѣтской колыбели не въ томъ только заключается, что она размягчаетъ сердца и наращиваетъ вокругъ себя семью, а и въ томъ—что она олицетворяетъ собой единственный воплощенный на землѣ видъ правды. Нѣтъ другой абсолютной правды на землѣ, какъ дѣтская правда. Дѣти—это бросаемыя съ неба въ человѣческую муть хрустальныя капли, которыми дано намъ не только духовно, но физически упиваться.

---

[1]) Есть какое-то противоборство, *опроверженіе* другъ друга, между гробомъ и колыбелью, рожденіемъ и смертью, въ послѣдней инстанціи— между Виѳлеемомъ и Голговою. Но въ этомъ взаимномъ „опроверженіи" которая сторона шире, разрисована ярче—та и побѣждаетъ. *Филологическая*,—пока рождающихся больше, чѣмъ умирающихъ,—*побѣда* за рожденіемъ; но нельзя не обратить вниманія, что въ Евангеліяхъ страданія и смерть І. Христа шире и ярче выражены и сильнѣе поражаютъ сердце человѣческое, нежели Рождество Христово. *В. Р—въ.*

Общеніе съ ребенкомъ очищаетъ душу, а прикосновеніе къ нему вызываетъ у матери и отца усиленный токъ кровообращенія, отъ котораго, какъ отъ свѣжаго воздуха, отъ гимнастики, вырастаютъ физическія силы. Кусокъ мяса грѣетъ душу и плоть, какъ радостная вѣсть, какъ лучъ солнца. И все это только потому, что въ немъ—воплотившаяся Божественная правда, что у колыбели никогда не было, нѣтъ и не будетъ мѣста лжи. Могутъ быть нищета, горе, позоръ, стыдъ—но не ложь! Рожденіе ребенка можетъ усложнить жизнь, стиснуть ее, вызвать къ борьбѣ разные низменные инстинкты,—но никогда не замутить ее. Если иногда колыбель и становится поперекъ мирному теченію жизни, то лишь тогда, когда эта хрустальная капля падаетъ въ сплошную муть, раздвигаетъ ее, но не сливается съ ней. Муть кажется отъ того еще мутнѣй, но не по винѣ колыбели. Ложь и обманъ бѣгутъ отъ колыбели, какъ ночныя птицы отъ солнца.

* * *

Тѣмъ безполезнѣе попытки фальшивой человѣческой морали эксплоатировать колыбель ради чисто практической, хотя и въ моральной области, цѣли. Я говорю о разводѣ. Мнѣ казалось всегда, что развода, какъ секретной болѣзни, налагающей на страдающихъ ею извѣстную тѣнь, не слѣдовало бы касаться публично. Не слѣдовало бы копаться во внутренней сторонѣ этого явленія! Внѣшнія его стороны: юридическая, церковная, процессуальная, наоборотъ, должны быть выдвинуты и обсуждены съ наибольшимъ тщаніемъ. Это вѣдь только *послѣдствія* явленія. Обрядъ развода слѣдуетъ за совершившимся уже фактическимъ разводомъ, какъ обрядъ вѣнчанія—увѣнчиваетъ лишь и пріобщаетъ къ церкви, къ законамъ и обычаямъ страны, *уже* совершившійся, иногда вопреки велѣніямъ церкви, вопреки законамъ и обычаямъ, союзъ любви. Но также, какъ никакая мораль, никакая логика и чуждая воля не можетъ предписать законовъ и изучить путей, по которымъ совершается союзъ взаимнолюбящихъ, такъ и никакая мораль и никакой нравственный законъ не должны и не могутъ вмѣшиваться въ процессѣ разложенія этой любви, ведущій къ разводу. А между тѣмъ, вѣчно безпокойная человѣческая совѣсть только и дѣлаетъ это.

Недавно я видѣлъ французскую пьесу, сенсаціонно озаглавленную «Колыбель». И я въ ужасѣ пришелъ отъ той массы лжи, которую фальшиво построенная, вымученная мораль скопила вокругъ этого воплощенія на землѣ правды.

Прежде всего, фундаментъ пьесы ложный: супруги разводятся не переставъ любить другъ друга. Временная ошибка, если бы ее не раздули посторонніе люди, была бы прощена и забыта. Тутъ нѣтъ самого ядра развода—есть только форма его, есть слѣдствіе

безъ причины, есть недоразумѣніе. Все что построено на этомъ недоразумѣніи—фальшиво. Разведенная жена вторично выходитъ замужъ, но безъ любви. Второй мужъ любитъ ее—но любитъ тѣломъ. Съ ними живетъ ребенокъ отъ перваго брака ея; но этотъ малютка, котораго въ опьяненіи страстью онъ поклялся любить, теперь внушаетъ ему ненависть: глаза его, схожіе съ глазами отца, напоминаютъ второму мужу о ласкахъ, которыя его жена расточала своему первому мужу. Животная любовь къ женѣ возбуждаетъ и животную ненависть къ ея ребенку. Ребенокъ опасно занемогаетъ. Зовутъ отца и тотъ, вопреки волѣ ревнующаго его второго мужа, остается у колыбели своего дитяти. Жизнь борется со смертью, одолѣваетъ ее. Измученные родители улыбаются, впервые вглядываются другъ въ друга. Близость къ колыбели подымаетъ правду со дна надломанныхъ душъ ихъ. Они сознаются, что любятъ другъ друга, что жить другъ безъ друга не могутъ. Но... входитъ второй мужъ и все лопается. Всѣ трое мечутся, изводятся, ищутъ выхода и не находятъ. Вдали отъ колыбели ложь опять засасываетъ этихъ несчастныхъ. И, въ кульминаціонномъ пунктѣ этой лжи, любящая жена и нѣжная мать гонитъ отъ себя обоихъ мужей и заклинаетъ со сцены всѣхъ женъ, всѣхъ матерей, никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не разводиться...

По истинѣ, нужно быть французомъ, нужно всѣ вопросы жизни мѣрять размѣрами актовъ въ пьесѣ, нужна эта несмываемая съ воображенія и съ таланта этой націи гривуазность, чтобы втиснуть хрустальную колыбель между такой дерзкой ложью.

* * *

Я отдохнулъ отъ этой лжи, читая въ «Нов. Вр.» прекрасную статью г. Розанова: «О непорочной семьѣ». Какое странное совпаденіе! Тамъ, въ блестящемъ залѣ, наполненномъ отборной публикой, среди аромата духовъ, среди голыхъ плечъ и влажныхъ взглядовъ, на днѣ которыхъ притаился грѣхъ, принесенный съ собой изъ будуаровъ, изъ алькововъ, изъ этихъ трупныхъ ячеекъ распавшихся уже семей,—красивая француженка съ соблазнительно прикрытыми формами, соблазнительно-изящнымъ языкомъ говорила:—„не разводитесь ради колыбели“! А тутъ, скромный русскій писатель, упрекаемый фарисеями чувства въ нескромномъ разоблаченіи тайны брака, говоритъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ—„разводитесь, ради чистоты и непорочности семьи“! Вотъ она разница міровоззрѣнія двухъ расъ! Вотъ они два русла теченія человѣчества: одно уже изсыхающее, обезсиленное шириной своей, прорѣзанное мелями и островками, а другое—еще сжатое мощными берегами, еще глубокое, чистое. Первое отступаетъ, огибаетъ всякое препятствіе на пути своемъ, разливаясь въ ручьи и рукавчики; второе—смываетъ все, что на пути его, что мѣшаетъ ему быть глубокимъ и чистымъ.

Чтобы удержать семью отъ распада, Западъ уцѣпился... за колыбель! Извѣрившись въ возможности оздоровленія семьи посредствомъ ея самой, т. е. путемъ внесенія образа Бога «въ скинью», путемъ замѣны лжи и поруганія пола—искренностью и уваженіемъ къ полу, Католическій западъ вытащилъ изъ-подъ скромнаго алькова дѣтскую колыбельку и поставилъ ее поперекъ мутнаго и мелкаго теченія своей жизни. „Стой, молъ, тутъ, *единственное* наше благо, нашъ лучъ, наша мечта, и преграждай путь этимъ волнамъ, несущимъ съ собой обманъ и развратъ! Запруди это смрадное теченіе! Поверни ходъ его, сдѣлай глубже, стремительнѣе—авось оно промоетъ засорившіе его пески и илъ!“

Таковъ истинный, въ глубинѣ своей, смыслъ этого моральнаго движенія. Колыбель—послѣдняя ставка въ духъ пропгравшагося игрока. Колыбель тяжелая артиллерія, старая гвардія, выдвинутыя въ послѣдній моментъ боя. Эту чудную, небесную капельку эксплоатируютъ въ сумятныхъ земныхъ цѣляхъ. За нее прячется и порокъ и слабость. Ее, воплощенную правду, обвиваютъ гирляндами изъ... лжи

Мнѣ кажется, что и эта послѣдняя ставка будетъ проиграна. Мнѣ кажется, что колыбель не запрудитъ грязнаго потока, а будетъ торчать въ немъ, какъ одинокій, свѣжей зеленью покрытый островокъ, а потокъ, такой же грязный, но еще болѣе мелкій, будетъ извиваться вокругъ него. Въ лучшемъ случаѣ, нѣсколько струекъ возлѣ самаго островка скользнутъ быстрѣе, станутъ чище; въ худшемъ—отъ островка будутъ отмываться кусочки земли и онъ будетъ все сглаживаться, уходить въ воду, пока не обратится въ плоскую заплывшую мель. «Не разводитесь ради колыбели!»—журчитъ мелкій, грязный потокъ Запада съ цвѣтущимъ островкомъ посреди его. «Разводитесь, ради непорочности семьи!“—шумитъ бурная, могучая рѣка Православія, готовая смыть и островокъ и островъ, ради простора своего, ради глубины, ради чистоты.

Вотъ два взгляда на этотъ вѣчно поющій въ совѣсти вопросъ. Его, понятно, лучше не касаться, предоставивъ каждому исповѣдывать ту религію въ бракѣ, къ которой его влечетъ по складу души, по силѣ воображенія и даже по физическимъ свойствамъ. Католикъ, протестантъ и православный никогда не убѣдятъ другъ друга въ превосходствѣ и правотѣ ихъ религіи. И въ бракѣ есть католики, протестанты и православные, спорящіе о значеніи, о силѣ, о таинѣ его и врядъ ли самые мудрые богословы брачной религіи въ скоромъ времени примирятъ ихъ. Но ужъ если касаться этой религіи, если вникаться въ нее, надо дѣлать это осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ то дѣлаетъ г. Розановъ, а не размѣривъ свои доводы на акты, прячась за эффекты сцены и опираясь на издерганные сутолокой дня нервы, хотя и развращенной, но сентиментальной публики.

* * *

Если представить себѣ бракъ, какъ зданіе, воздвигнутое на фундаментѣ изъ взаимной любви и покрытое благословеніемъ церкви и покровительствомъ законовъ, зданіе, въ созиданіи коего участвовали всѣ безъ исключенія элементы духовнаго и физическаго міра брачущихся: и невольное влеченіе и вольная мысль, и слѣпой инстинктъ и разъѣдающая критика, и подъемъ духа и возбужденіе плоти, и теплое очарованіе и холодный разсчетъ, и азартъ игрока и технической житейскій опытъ, словомъ—все, что составляетъ индивидуальность въ человѣкѣ, его активъ, пассивъ и балансъ,—то разводъ въ такого рода бракѣ (а всякій другой бракъ есть лишь сдѣлка, или недоразумѣніе) можно уподобить трещинѣ по всему зданію, отъ материка и до конька крыши. Трещины, вѣдь, бываютъ разныя: сверху, снизу, поверхностныя, сквозныя. Архитектурное искусство ихъ выправляетъ довольно гладко. Но бываютъ трещины, коихъ никакое искусство задѣлать не можетъ иначе, какъ разрушивъ зданіе и построивъ его вновь. Такія трещины случаются отъ осѣданія почвы или отъ ошибочныхъ проектовъ зданія, отъ несоблюденія основныхъ законовъ техники. Тѣ шероховатости въ бракѣ, которыми испещрены наши семьи (случайныя [1]) измѣны, несходство характеровъ, случайныя болѣзни и проч.), мнѣ представляются трещинами односторонними, мѣстными, не нарушающими равновѣсія всего зданія, а потому и устранимыми помощью разныхъ стяжекъ, заплатокъ и задѣлокъ. Наиболѣе крѣпкая и чаще всего употребляемая въ общежитіи изъ стяжекъ, налагаемыхъ на трещины брака -колыбель. Эта стяжка изъ крѣпчайшей стали и она почти всегда стягиваетъ и даже сращиваетъ бѣгущія по брачному зданію частичныя трещины. Но что же можетъ эта стяжка, когда трещина бѣжитъ отъ фундамента къ крышѣ, когда нарушена связь между главнѣйшими изъ элементовъ, участвовавшихъ въ союзѣ—между инстинктомъ плоти и влеченіемъ духа? Вѣдь эти элементы въ бракѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ законамъ техники, безъ которыхъ и изба не строится. Нарушьте законъ Ньютона и весь міръ рушится. Нарушьте между брачущимися законъ взаимнаго влеченія (а онъ гораздо сложнѣе, чѣмъ законъ тяготѣнія) и вотъ уже трещина, каждую секунду расширяющаяся и удаляющая брачущихъ другъ отъ друга съ большей интенсивностью и быстротой, чѣмъ когда они соединялись.

[1]) Дѣйствительно: это *точно* и важно и требуется отмѣтить, что и *измѣны* бываютъ такія, послѣ которыхъ нисколько не нуженъ разводъ: измѣна какъ *случайность*, какъ *несчастіе*, какъ *инсультъ*. И бываютъ обратно семьи какъ-бы съ постояннымъ сырымъ *климатомъ* въ себѣ, съ *гнилымъ* воздухомъ неуваженія, отвращенія, *необходимой* таинственной *антипатіи*, когда разводъ безусловно необходимъ, хотя-бы измѣны не было. Но эти *свои* тайны *одни супруги сами* и знаютъ и поэтому-то право развода и должно быть предоставлено ихъ усмотрѣнію. *В. Р—въ.*

Съ этимъ вѣдь никто не споритъ. Говорятъ лишь, что надо побороть себя, надо забыть о собственномъ влеченіи, ради дѣтей. Словомъ, надо прекратить полноту личнаго существованія ради существованія другого, или окутать его такой тьмой и ложью, чтобы, обманывая и другихъ и себя, сохранить для общества, для дѣтей своихъ подобіе брака, *видимый* остовъ семьи. Побороть или обмануть— въ этомъ весь арсеналъ оружія у церкви и общества въ борьбѣ съ разводомъ. Церковь *увѣщеваетъ* разводящихся (т. е. даетъ имъ совѣтъ побороть взаимную антипатію); церковь требуетъ для развода *фактическихъ* доказательствъ измѣны, давая этимъ понять, что союзъ могъ бы продолжаться, если бы обманъ удался, если бы виновный не былъ пойманъ тремя свидѣтелями. А общественная мораль, а совѣсть, воспитанная родителями и школой, твердятъ: „найдите средство сойтись, примиритьея и никто у васъ не спроситъ, въ чемъ эти средства! Худой миръ лучше доброй ссоры!..“ Словомъ, со всѣхъ сторонъ: сверху, сбоку, снизу все напрягаетъ на разваливающіяся стѣнки брачнаго зданія, все изъ силъ выбивается, чтобы они не рухнули. Законы, религія и общественное мнѣніе — какъ контрфорсы упираются въ стѣнки брака; а на зіяющую щель налагается въ концѣ концовъ крѣпчайшая стяжка—колыбель... И все же, щель растетъ, стѣнки съ страшной силой выпираютъ, рушатся, погребая подъ собой иногда тѣхъ, кто слишкомъ усердно ихъ подпиралъ и рвутъ неповинную ни въ чемъ стяжку—колыбель. Законъ природы, очевидно, сильнѣе законовъ людскихъ, сильнѣе даже органической потребности людского сердца—любви къ дѣтямъ.

* * *

Законъ этотъ, всѣмъ извѣстный, гласитъ, что можно слить другъ въ другѣ только элементы родственные: извѣстные газы, извѣстныя соли, извѣстныя клѣточки. На этой симпатіи и антипатіи другъ къ другу основныхъ элементовъ природы она вся создалась, украсилась, ожила и стала союзницей человѣка въ стремленіи къ прогрессу, къ истинѣ. Вся забота и весь геній человѣка въ подчиненіи себѣ для этой цѣли природы, въ томъ вѣдь и заключаются, чтобы отыскать въ ней наивыгоднѣйшія комбинаціи къ сращенію взаимно-симпатизирующихъ элементовъ, или чтобы изъ сращенныхъ уже извлечь тѣ, которые наиболѣе пригодны для лучшаго и болѣе совершеннаго сращенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, соединяя или разъединяя, человѣкъ руководствуется идеей наиболѣе удачнаго, цѣлесообразнаго подбора элементовъ, чтобы, срастаясь, они давали новый элементъ, несравненно болѣе сильный, чѣмъ были они оба вмѣстѣ до сращенія. Таковы основы химіи и естествознанія. На нихъ держится и міръ растительный и даже животный (подборъ). Только въ отношеніи къ человѣку законъ этотъ сочли

нужнымъ подчинить неподвижной морали и условному благу общественности. Справедливо полагая, что въ человѣкѣ, кромѣ всѣхъ этихъ элементовъ, изъ которыхъ соткана природа, есть еще главнѣйшій — свободная воля, какъ регуляторъ, какъ посредникъ между враждующими въ немъ началами, этой волѣ несправедливо приписали силу и обязанность удерживать въ соединеніи несоединимое. Причемъ, надъ такой задачей поставили не то общественное благо, которое вѣчно движется вмѣстѣ съ прогрессомъ, и не благо личное, ибо обществу до него нѣтъ дѣла, а неподвижную, застывшую какъ сфинксъ мораль. Во всѣхъ сферахъ труда и мысли человѣческой цѣль неподвижна и она всегда бѣжитъ впереди этого труда и мысли. Только въ бракѣ, хотя онъ есть наиболѣе совершенная форма совмѣстнаго труда, цѣль поставлена позади и она неподвижна. Трудитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, обманывайте другъ друга и кайтесь, но не спускайте съ глазъ цѣли вашего союза—*остаться въ союзѣ!* Пусть эта цѣль—мгновеніе! Пусть она позади васъ, въ туманѣ, въ сутолокѣ —вы должны жить, чтобы подтверждать и обществу и дѣтямъ, что вы съ этой цѣли глазъ не спускаете и что другой цѣли у васъ нѣтъ!

Мнѣ скажутъ это парадоксъ. Люди вѣдь соединяются, чтобы произвести семью, воспитать ее, сдѣлать годною къ борьбѣ. И потому, цѣль въ бракѣ тоже подвижна и тоже впереди брачущихся. Но, если это такъ, то причемъ же тутъ: „не разводитесь!" Если такова цѣль въ бракѣ, то очевидно она недостижима тамъ, гдѣ *нѣтъ* уже брака, а есть — трупъ, обвитый ветхими цѣпями. Семья, какъ цѣль, и притомъ подвижная, т.-е. совершенствующаяся, можетъ вырости изъ *живого* тѣла брака, а не омертвѣвшаго. Только такой союзъ между мужчиной и женщиной можетъ быть источникомъ здоровой семьи и плодотворнаго труда, которыя развиваетъ между ними созидающую, а не развращающую силу—силу, изо дня въ день болѣе плотно стягивающую участниковъ союза и внѣдряющую въ дѣтяхъ отъ него *новый* элементъ, котораго не было въ родителяхъ. Дѣти всегда должны быть *лучше* родителей, иначе міръ попятится назадъ. Но такія дѣти, какъ и наиболѣе полезныя растенія, металлы, смѣси, выростаютъ лишь изъ союза гармонирующихъ, симпатизирующихъ между собой родителей, и притомъ—не поборающихъ своихъ страстей, не насилующихъ своихъ влеченій и инстинктовъ, а наоборотъ, дающихъ имъ просторъ, очищающихъ себя отъ нихъ, но только... другъ въ другѣ! Въ такомъ бракѣ нѣтъ мѣста „поборенію" себя—ибо побореніе есть тоже обманъ, *само*-обманъ. Нѣтъ тамъ мѣста и уклоненію отъ влеченія своей природы, ибо это влеченіе цѣликомъ скапливается на предметѣ союза и, сталкиваясь съ противуположнымъ влеченіемъ, претворяется въ активную, творческую силу. Эта сила не только удерживаетъ другъ возлѣ друга людей

самыхъ несхожихъ по характерамъ, темпераментамъ, воспитанію, общественному положенію, духовнымъ и національнымъ идеаламъ, но и удерживаетъ семью отъ крушенія при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ развитія ея. Голодаютъ, ссорятся, дерутся, но... любятъ! Живутъ въ достаткѣ, чинно, ладно, мирно, но... не любятъ! Изъ ссоръ и брани, изъ нищеты тѣлесной и духовной, вырастаютъ здоровыя душой и тѣломъ дѣти. Изъ мирной, богатой и интеллигентной семьи вырастаютъ—трупики. И ничего тутъ не подѣлаешь, ничѣмъ не устранишь этого явленія! Сила любви между родителями (замѣтьте—любви, а не уваженія)—что сокъ въ деревѣ [1]). Онъ бродитъ въ дѣтяхъ, онъ даетъ имъ упругость и физіономію. Могучъ этотъ сокъ, жизнеупоренъ —и дѣти могучи и упорны къ жизни, хоть и плохо одѣты, плохо воспитаны, лѣнивы. Слабъ этотъ сокъ — слабы шансы на человѣчныхъ дѣтей. А тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, а есть лишь—компромиссъ, обманъ, а то и порокъ, грязь, — тамъ уже никакихъ шансовъ нѣтъ поднять въ ребенкѣ *человѣка*, будь возлѣ него сто няпекъ и гувернеровъ, живи онъ во дворцѣ, учись у лучшихъ профессоровъ. Надъ такимъ ребенкомъ виситъ рокъ. Такую колыбель, казалось бы, надо не вдвигать въ смрадъ и въ ложь компромиса, а вырвать оттуда.

* * *

Легко сказать — вырвать! Вырвать отъ корня нѣжный стебелекъ! У кого руки подымутся на такое варварство? Нѣтъ драмы выше [2]) распаденія семьи, какъ нѣтъ лжи и обмана горше компромисса въ бракѣ. Печальная исторія Ромео и Джульетты только тѣнь въ сравненіи съ мракомъ бездны, зіяющей изъ трещины въ бракѣ. Тамъ—смерть у преддверія вѣчной жизни; тутъ—жизнь у входа въ могильный склепъ. Никакія страданія не сравняются съ агоніей посаженныхъ на одну цѣпь несовмѣщающихся другъ въ другѣ жизней. Никакое милосердіе не достаточно гуманно, чтобы разбить эту цѣпь. И нѣтъ безжалостнѣе казни, какъ та, которую совершаютъ при такомъ гуманномъ поступкѣ надъ колыбелью!

Вотъ этотъ узелъ безъисходныхъ чувствъ, возбуждаемыхъ распаденіемъ семьи, всегда стоялъ и будетъ стоять какъ чудище съ огненнымъ мечемъ у входа въ лабиринтъ развода. Передъ этимъ чудищемъ правы и тѣ, кто стонетъ: не разводитесь! И тѣ, кто,

---

[1]) Да! *Посохшее* дерево — вотъ семья безъ-любовная. Ни минуты не щадите ее: она никогда не оживетъ! Рубите ее, выворачивайте корень и въ ямку помѣщайте новый саженецъ, *другую семью*. Вотъ рецептъ садовода и семье-устроителя. *В. Р—въ.*

[2]) Отъ сего-то *сами* люди, изъ страха, уже и не разведутся всякій разъ, когда есть какая-нибудь возможность сохраниться нравственно въ семьѣ. Вотъ почему право *само*-развода—безопасно. *В. Р—въ.*

какъ г. Розановъ, видитъ въ честномъ разводѣ единственный каналъ для очищенія накопившейся въ бракѣ грязи.

Въ статьѣ г. Розанова есть, между прочимъ, такая глубочайшая мысль:

„Разводъ есть постоянный каналъ, черезъ который совершается очищеніе главнаго соціальнаго института. Необыкновенно чуткій инстинктъ, въ силу котораго реальная жизнь супруговъ прерывается или кончается съ первымъ искупленнымъ грѣхомъ, есть какъ-бы естественный и самимъ Богомъ установленный стражъ здоровья семьи, законъ, черезъ дѣйствіе котораго вѣчный институтъ не можетъ захворать. Его нѣтъ вовсе, или—онъ совершенно здоровъ. Болѣзнь ему не причастна. Единственный видъ болѣзни и есть эта возможная закупорка *очистительныхъ путей*“... .

Мысль эта, повидимому, раздѣляется все большимъ количествомъ людей и, вѣроятно, привела-бы уже не только въ православіи, но и въ католичествѣ къ возобновленію очистительныхъ каналовъ брака, если-бы не... колыбель. Эта безпомощная колыбель съ сонмомъ ангеловъ надъ ней, эта Божья капелька въ морѣ житейской грязи стоитъ поперекъ развода. Она такъ трогаетъ, такъ мутитъ сознаніе. Люди, законодатели теряются. Одно страданіе заглушаетъ другое. Видъ ребенка, теряющаго родителей, переворачиваетъ душу. Говорятъ себѣ: потерпимъ! Но, какъ только это острое чувство жалости къ ребенку сглаживается, какъ только отходятъ отъ колыбели, выступаютъ жесточайшія страданія порабощенной плоти и попраннаго духа. Природа стучитъ въ дверь, въ окно, въ стѣны, трещина ростетъ, зіяетъ бездна наполненная гадами лжи и разврата. Задыхаясь, опять цѣпляются за разводъ. А тамъ, опять колыбель и опять жалость! Танталовы муки раздираютъ душу и тѣло. Люди, еще молодые, годные къ труду, къ пользѣ, къ добру, становятся лѣнивыми, безполезными, злыми. Общество теряетъ сотрудниковъ, церковь—вѣрующихъ, человѣчество—добрыя сердца. Никто ничего не пріобрѣтаетъ въ этой мучительной борьбѣ, въ этомъ самопотребленіи, даже колыбель, къ изголовью которой склоняются не радостныя, лаской озаренныя лица, а блѣдныя, измученныя борьбой, искаженныя судорогой какой-то изступленной любви, ненависти и упорства...

Ползутъ дни, мѣсяцы и годы. Колыбель побѣдила. Шквалъ пронесъ, настало мертвое затишье. Высохшая отъ борьбы съ собой мать, или посѣдѣвшій отъ той-же борьбы отецъ, прижимаютъ къ груди своей дитя, спасшее ихъ отъ развода. Они улыбаются другъ другу. Но что это за улыбка! Такъ улыбаются надъ завядшимъ букетомъ, снятымъ съ гроба любимаго человѣка.

„Вы грустны?—спрашиваетъ дитя. О чемъ ты плачешь, мама? О чемъ вздыхаешь, папа? Отчего вы не поцѣлуетесь? Отчего вы

въ разныхъ комнатахъ? Отчего папа не ночуетъ дома? Отчего мама убрала портретъ папы? Отчего"...

И вопросы сыплются, какъ удары хлыста въ лица родителей. Лица эти на мигъ загораются... злобой. Въ глазахъ, какъ вихрь, проходитъ отраженіе былой бури. Они взглядываютъ другъ на друга, точно шпаги скрещиваютъ: „ты виновата!" „ты виноватъ!" Но это только мигъ. Они равнодушно отворачиваются и небрежно роняютъ:

— Не твое дѣло... молчи... ступай играть!

На засохшемъ, омертвѣломъ, существующемъ лишь въ силу упорства, корнѣ, вырастаетъ нѣжный стебель. Его ласкаютъ, холятъ, но... въ немъ соковъ нѣтъ. Одно солнце, какъ бы жгуче оно ни было, еще не поддержитъ растеніе. А дѣти *такихъ* родителей только этимъ солнцемъ сконцентрированной въ ихъ родителяхъ и экзальтированной отъ взаимной борьбы любви и живутъ. Любовь эта ихъ грѣетъ, но она же ихъ и сушитъ — слишкомъ сгущенная, слишкомъ парниковая, она не даетъ ребенку мощи развернуться, закалиться. Ребенокъ становится юношей, взрослымъ, зрѣлымъ. Одинъ изъ тысячи случаевъ, разбросанныхъ всюду, открываетъ ему глаза. Онъ узнаетъ, что его родители „не живутъ" вмѣстѣ, что у папы или мамы есть другая семья и другая привязанность, а все, что онъ видѣлъ съ дѣтства, былъ обманъ и компромиссъ. Нельзя предрѣшить, какъ такое открытіе подѣйствуетъ на юную душу. Бываютъ души и души! Но, несомнѣнно, въ душѣ этой утвердится сознаніе: можно и *должно* въ извѣстныхъ случаяхъ лгать и обманывать!

Дальнѣйшая жизнь такого человѣка можетъ быть и честна и полезна. Только, ручаюсь, онъ никогда не испытаетъ истинной радости и чистаго счастья — надъ нимъ будетъ до гроба висѣть сомнѣніе и грусть.

Мнѣ кажется, я не преувеличиваю. Я беру даже лучшій изъ такихъ случаевъ. Я не имѣю и никому не хочу навязать никакого рецепта въ этомъ недугѣ, считая его интимнѣйшимъ и субъективнѣйшимъ. Г. Розановъ очень мѣтко сказалъ, что если бракъ субъективенъ, то и разводъ долженъ быть еще болѣе субъективенъ. Да, именно субъективенъ! Т.-е. не можетъ терпѣть посторонняго вмѣшательства, ни въ формѣ критики, ни въ видѣ совѣта. Развестись, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ—умереть. Какъ никто не спрашиваетъ мнѣнія, можетъ онъ умереть или нѣтъ, такъ и никто не долженъ искать гдѣ-бы то ни было, кромѣ своей совѣсти и самой глубины своего „я", указаній, какъ поступить съ трещиной своего союза. Можно лишь пожелать одного: когда разводъ *внутренно* между супругами уже совершенъ, когда переболѣли всѣ чувства и мысли и трещина отъ самаго материка достигла карниза — тогда, изъ чувства человѣколюбія и даже въ

своихъ интересахъ, государство, церковь и общество, должны пощадить несчастныхъ, не увеличивая ихъ стыда, ихъ угрызеній, ихъ сомнѣній. Нужно пощадить въ нихъ и людей и родителей! Нужно упростить и облегчить эту позорную, на площади совершаемую казнь развода и нужно... не накладывать на трещину брака—колыбель!

Пусть цѣпляются за колыбель тѣ, кто еще можетъ быть сю спасенъ! Но не отворачивайтесь отъ тѣхъ, кто съ разорваннымъ сердцемъ отошелъ отъ нея, чтобы не марать ея, чтобы начать новую, полезную и любвеобильную жизнь!

Не эксплоатируйте святую колыбель въ дѣлѣ темномъ, мрачномъ, человѣческомъ!

І. Колышко.

Элементы брака.

Постановка развода должна вытекать изъ сущности брака. Но чтобы опредѣлить эту сущность, нужно назвать центръ брака.

Бракъ состоитъ: 1) изъ засвидѣтельствованности его и записи въ церковныя книги. Это есть юридическая, договорная его сторона, и собственно она-то одна и расторгается при „разводѣ". Механизмъ развода, какъ извѣстно, и состоитъ въ разрывѣ бумаги, зачеркиваніи подписей и пр., и разводъ вовсе не касается „вѣнчанія" и не кассируетъ вѣнчаніе. Да это такъ и вытекаетъ изъ существа дѣла, ибо кассировать вѣнчаніе возможно было бы только при наличности какой-нибудь ошибки или неправильности въ вѣнчаніи-же, напр., при пропускѣ священникомъ центральныхъ молитвъ, или если бы вѣнчаніе было совершено, положимъ, не священникомъ, а другимъ церковно-служителемъ, или, наконецъ, если бы оно было совершено при наличности одного жениха или одной невѣсты, и проч. Вообще ошибка вѣнчанія кассируетъ вѣнчаніе, и эта кассація должна бы выражаться не разрывомъ бумаги, а какъ-нибудь ритуально же, напр., хоть переломомъ и истребленіемъ колецъ, которыми повѣнчанные были обручены, или какъ-нибудь иначе, но непремѣнно въ церкви-же и ритуально-же.

Сила вѣнчанія исчезаетъ, но она исчезаетъ не въ моментъ развода. Когда же? Это можно понять, опредѣливъ вѣнчаніе. Вѣнчаніе есть ритуалъ, сложенный церковью въ концѣ III вѣка и въ началѣ IV вѣка послѣ Р. Х., черезъ посредство котораго она опредѣлила, расчленила и художественно-словесно выразила свое отношеніе къ ранѣе (въ самомъ Евангеліи) основанному таинству, и повторяетъ его въ каждомъ единичномъ случаѣ брака передъ лицомъ брачущихся. Оно имѣетъ много сходнаго съ чтеніемъ передъ евхаристіею молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси истинный Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти", и проч. Разница въ томъ, что эту послѣднюю молитву читаетъ причащающійся и черезъ нее онъ исповѣдуетъ

свое отношеніе, свою вѣру, свою религію въ отношеніи къ таинству евхаристіи. Напротивъ, ритуаломъ вѣнчанія церковь исповѣдовала исторически и исповѣдуетъ каждый разъ свою мысль о бракѣ, свое воззрѣніе на него, свое опредѣленіе, свою догму. — черезъ частичное отношеніе къ этимъ вотъ двумъ, соединенію коихъ она радуется, его благословляетъ, его увѣнчиваетъ. Отсюда -торжество несенія вѣнцовъ, какъ бы коронъ, надъ вѣнчающимися, и слова священника: „вѣнчаю васъ славою и честью", т.-е. „облекаю честью и славою ваше соединеніе". Черезъ ритуалъ вѣнчанія церковь всякій отдѣльный разъ какъ бы повторяетъ вхожденіе Спасителя въ Кану Галилейскую (отъ того въ древнее, болѣе чуткое время вѣнчаніе происходило на дому), черезъ каковое вхожденіе Спаситель присоединился къ установленному въ Ветхомъ Завѣтѣ браку, ничего въ немъ не перемѣняя и ничего вновь въ немъ не устанавливая: пребылъ Гостемъ брака, а не Совершителемъ его. Церковь вовсе могла бы не развить этотъ ритуалъ: бракъ остался бы; она могла бы развить его несравненно пышнѣе, и это ничего не прибавило бы къ таинству. Это „вѣрую и исповѣдую" церкви подобно еще литургіи: есть литургія Василія Великаго, есть Іоанна Златоуста; въ католической церкви она одна, въ православной другая; но во всякомъ случаѣ изъ всего этого видно, что ритуалъ (вѣнечный) подвиженъ и измѣнчивъ, пышенъ или коротокъ, когда таинство (брака) очевидно всегда одно, просто и перемѣнамъ не подлежитъ. Не сложивъ этого ритуала или, точнѣе, не слагая его первые три вѣка своего существованія, церковь все равно содержала уже таинство, но еще никакъ, художественно, словесно и дѣйственно не опредѣлила и не выразила свое къ нему отношеніе и свое о немъ чувство и свою о немъ мысль.

Итакъ, вѣнчаніе есть нѣкая малая литургія, блѣдное и далекое ея подобіе, служимое передъ бракомъ, передъ лицомъ вступающихъ въ бракъ: и вся возможная мысль ея есть благословеніе и напутствованіе въ бракъ. Теперь мы къ нему подходимъ, теперь мы возьмемъ зерно. Это зерно нашло себѣ прекрасную формулу въ опредѣленіи К. П. Побѣдоносцева („Курсъ гражданскаго права"). „Побужденіе къ браку и цѣль его есть исполненіе коренного требованія природы, въ силу коего живая и цѣльная личность человѣка ищетъ дополнить себя, ищетъ себѣ дополненія въ такой же личности другого пола. Какое это дополненіе и въ чемъ оно состоитъ,—объ этомъ не одинаковы понятія на разныхъ степеняхъ общественнаго развитія. На низшей степени—это удовлетвореніе грубаго инстинкта животной природы; на высшей это удовлетвореніе согласной съ разумной природой человѣка потребности общенія всѣхъ органическихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, дарованныхъ человѣку для развитія, труда и наслажденія въ жизни.

Изъ этого невѣрно пріискивать и ставить для брака цѣль спеціальную, какъ, напримѣръ, дѣторожденіе, ибо бракъ есть цѣльный органическій союзъ и идея его коренится въ основномъ законѣ природы: приведенію къ единству и цѣльности раздвоенной на два пола природы человѣческой. Неудивительно, поэтому, что идеалъ брака, очищаясь и возвышаясь въ понятіяхъ человѣчества, получилъ наконецъ въ христіанскомъ мірѣ значеніе таинства".

Авторъ говоритъ о бракѣ во-первыхъ, и семьѣ во-вторыхъ, т.-е. какъ бы о солнечномъ ядрѣ и его фотосферѣ, то ихъ сливая, то ихъ раздѣляя, и здѣсь, напримѣръ, съ перваго взгляда бросается въ глаза, что онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ „грубымъ животнымъ инстинктомъ" то самое, что въ двухъ мѣстахъ именуетъ самымъ центромъ брака: „исканіе пола дополнить себя поломъ" и „приведеніе къ единству и цѣльности раздвоенной на два пола природы человѣческой". Здѣсь авторъ послѣдуетъ сбивчивости рѣшительно всего существующаго ученія о бракѣ. Но, въ общемъ, философски и художественно имъ, конечно, хорошо схвачено солнце ядро, и фотосфера брака. Бракъ есть гармонія половъ и онъ основанъ, какъ феноменъ, на вѣчной и неуклонной предустановленности ихъ сочетанія: при чемъ сочетаетъ ихъ рождающійся въ физическомъ порядкѣ позднѣе, но въ метафизическомъ смыслѣ предваряющій ихъ младенецъ. Полъ, какъ космическое начало вѣченъ, но ребенокъ—еще далѣе, чѣмъ вѣченъ, предъ-вѣченъ. Выпустить поэтому „дѣторожденіе" изъ брака есть то-же, что выпустить тему изъ сочиненія: она разсыпается въ наборъ словъ, а бракъ то-же разсыпается въ наборъ очень слабо связанныхъ фактовъ. И мы думаемъ, что введеніе *безплодія* въ число первыхъ и главныхъ причинъ развода, есть *первый камень* построенія семьи. Тогда всѣ и разомъ поймутъ, безъ комментаріевъ: „а, вотъ *что такое* бракъ! а, вотъ *для чего* онъ"!

Во всякомъ случаѣ въ приведенномъ опредѣленіи очерчивается натура семьи, природа семьи; семья, какъ природный и натуральный фактъ,—и около этого-то центра и „сущности" брака К. П. Побѣдоносцевъ не упоминаетъ вовсе тѣ два момента его, запись въ церковныя книги и вѣнчаніе, которые слѣдовательно въ непремѣнное существо брака, въ опредѣленіе брака, и не входятъ вовсе. Иначе какъ-бы знаменитый государственный и благочестивый человѣкъ даже не назвалъ ихъ?!. И почему иначе сама церковь не употребляетъ вовсе термина: „таинство вѣнчанія", а говоритъ во всѣхъ книгахъ: „таинство брака" (жизни брачной).

„Разводъ" и долженъ вытекать изъ этой его „сущности", какъ кассація... чего? — Сущности. Т.-е. чего же именно? „Исполненія коренного требованія природы, въ силу коего живая и цѣльная личность человѣка ищетъ дополнить себя, ищетъ себѣ дополненія въ такой же личности другого пола". Когда этого нѣтъ бо-

лѣс, т.-е. гармонизованность половъ разорвана (такъ называемый „разъѣздъ“, да и вообще перерывъ, разрывъ, и при томъ окончательный, супружеской связи), есть что-нибудь въ бракѣ? Знаменитый законовѣдъ говоритъ: „нѣтъ“. „Таинство“ есть ли? Конечно, его нѣтъ болѣе въ полнотѣ состава, остались только его наружныя, оформливающія, собственно юридическія части, но при исчезнувшемъ зернѣ. Обратимся теперь къ ритуалу вѣнчанія: слова произнесены, но есть ли вещь подъ ними? Никакой (если супруги разлучились). Все равно, какъ если бы совершающій евхаристію священникъ произносилъ слова надъ пустою чашею, или все равно, какъ если бы тѣло и кровь Спасителя, вино и хлѣбъ претворившіеся, уже были всѣ и до дна потреблены причастниками. Нѣтъ болѣе хлѣба и вина въ чашѣ; можно ли говорить и думать и, прежде всего, можетъ ли говорить и думать церковь, что „евхаристія еще *продолжается*“, „еще причащеніе *есть* и *совершается*“, когда болѣе нѣтъ *ни тѣла, ни крови*, хотя *слова* священника и *есть* (т.-е. были произнесены). Очевидно, ритуалъ вѣнчанія разсѣивается въ самый тотъ мигъ, когда супруги расторгли физическую и нравственную связанность между собою.

Еще аналогія: ходятъ легенды, а можетъ и разсказы о подлинной дѣйствительности, какъ шалуны, купивъ новый гробъ и положивъ туда здороваго товарища, пѣли надъ нимъ *панихиду*. Грозный варіантъ легенды прибавляетъ, что, когда открыли, окончивъ кощунство, крышку гроба, то нашли товарища *мертвымъ*. „Это—наказаніе Божіе было“, говорятъ суевѣрные или религіозные люди. Но отчего? За что? За то, что *священныя слова погребенія были относимы къ не умершему*, въ сущности — *ни къ чему*. Перенесемъ эту аналогію на бракъ; когда уже при *разъѣзжающихся супругахъ* все еще утверждаютъ, что *бракъ продолжается*, то не похоже-ли это на пѣніе панихиды надъ живымъ? т.-е. не есть-ли это отнесеніе священныхъ словъ о бракѣ *къ не брачущимся*? Говорятъ, страшный грѣхъ разъѣзжаться супругамъ, потому что это оскорбляетъ вѣнчаніе (сводитъ къ *пустотѣ* его). Согласенъ. Но совершенно равное этому оскорбленіе вѣнчанію наноситъ и тогда, когда уже при фатально и по какимъ бы то ни было причинамъ разъѣхавшихся супругахъ оно, это вѣнчаніе, еще считается длящимся.

Нельзя пѣть панихиду по живому.

Нельзя вѣнчаніе относить къ не живущимъ другъ съ другомъ супругамъ: ибо нѣтъ уже болѣе ни „двухъ въ плоть едину“, ни „плода чрева“, о которомъ говорилось бы: „благословляемъ его“.

По поводу законопроэкта о „разлученіи супруговъ".

„Разлученные" уже не суть „супруги". „*Сопряженія* двухъ въ плоть едину" (Мато., 19)- -нѣтъ: есть-ли супружество? Ни законъ, ни разумъ этого не рѣшаются сказать. Они выдумываютъ какіе-то фикціи, держатся тѣней; но существъ, а *полу*-существъ. Есть-ли *полу*-супруги? *полу*-мужъ, *полу*-жена? *полу*-супружество? Какъ нѣтъ начавшагося супружества, которое однако не сдѣлалось супружествомъ, за исключеніемъ проклятаго и убитаго Богомъ Онана, сына Іуды, такъ смѣшно и позорно говорить объ окончившемся, но не вовсе оконченномъ, умирающемъ, но не умершемъ супружествѣ: этомъ *„кащеѣ безсмертномъ"* супружества, выдумкѣ новыхъ европейскихъ законодательствъ, какъ параллели древнему сказанію объ *онанизмѣ* въ супружествѣ. Папство построило бездну фиктивныхъ понятій въ родѣ индульгенцій, и между ними одна изъ самыхъ ядовитыхъ, разрушающая въ корнѣ бракъ — о присутствіи *брака*, matrimonii, между людьми, которые брачно между собой не живутъ.

Вотъ главныя черты всѣхъ вообще таинствъ:

1) Дѣйствительность;
2) Святость;
3) Безконечность;

Всѣ таинства *дѣйствительны* по существу Божію, который есть Первая *„Дѣйствительность*, раннѣйшая сотворенію міра. Въ средніе вѣка даже и сложилось довольно основательное опредѣленіе Божества—Ens *Realissimus*. Но нѣтъ таинства безъ присутствія Божія, и вотъ это присутствіе и опредѣляетъ таинство какъ непремѣнную *реальность*, какъ совершенное и всякое исключеніе *фиктивности* и *номинализма*.

Далѣе *святость* таинства, текущая изъ святости Существа же Божія, въ немъ присутствующаго, опредѣляетъ и ограничиваетъ пространство его пространствомъ безгрѣшнаго въ немъ настроенія

души: покаяніе—для кающейся души, причащеніе—для вѣрующей, и бракъ—для любящей и вѣрной. Гдѣ безгрѣшность изсякла—прекѣклось и таинство. „Бракъ“ „не любящихъ людей“ или „не согласныхъ“, „не соблюдающихся другъ другу въ вѣрности“ есть contradictio in adjecto, какъ „ломаная“ „окружность“, „прямая“ „кривизна“, „горькій“ „сахаръ“, „проклятое“ „святое“. Замѣтимъ, что „грѣхъ“, введенный въ „таинство“, нравственно превращаетъ его въ отраву, и подобенъ причащенію, на Тайной Вечери, Іуды, когда по Евангелисту „съ кускомъ хлѣба вошелъ въ него діаволъ“. Напримѣръ грѣхъ между знакомыми, между друзьями—только неудобство; но въ семьѣ—это ядъ неизмѣримо сильнѣйшаго дѣйствія, и вводитъ въ нее какой-то особенный ужасный духъ.

Безконечность таинствъ вытекаетъ изъ безконечности существа Божія, которое со всякаго таинства снимаетъ предѣлы, границы, укороченія, обрѣзыванія, стрижку. По отношенію къ браку это снимаетъ количественныя рамки съ него, напр., почему-то остановившіяся на третьемъ бракѣ. Вспомнимъ, что Іисусъ бесѣдовалъ съ *пяти*-мужнею самарянкою и этою благостною бесѣдою освятилъ и четвертый и пятый бракъ и одно внѣ-брачное сожитіе (—„ты имѣла пять мужей, и котораго теперь имѣешь — не мужъ тебѣ“). Если *посѣщеніе* брака въ Канѣ Галилейской что-либо освящаетъ, то и эта *бесѣда* освящаетъ-же.

Теперь вопросъ: если по ученію церкви бракъ есть таинство, то не можетъ ли это быть, т.-е. сохранять свою силу, и какъ *полу*-таинство или даже *вовсе фиктивное* таинство? Въ связи съ этимъ можетъ быть допущенъ или ни въ какомъ случаѣ не допустимъ *полу*-разводъ. По нашему мнѣнію и даже убѣжденію существо Божіе не дѣлимо, и посему таинства не раздѣляемы: но они или *есть*—какъ безконечныя, безгрѣшныя и неограниченныя, или ихъ *вовсе нѣтъ*, т.-е. его нѣтъ въ данномъ случаѣ, напр., между двумя этими разъѣхавшимися людьми. Вотъ почему законъ о такъ называемомъ „разлученіи супруговъ“, безъ дачи въ тоже время имъ полнаго развода съ правомъ новой семьи, — болѣе потрясаетъ существа брака какъ таинства, нежели полный разводъ, который укорачиваетъ таинство, но не *опустошаетъ* его и не ставитъ на мѣстѣ его *фикцію*, *терминъ*, пустое *имя*.

«Граждан.» 1900.

Разговоръ со старцемъ.

— У насъ бракъ необычайно твердо поставленъ. Онъ не расторгается ни по какимъ причинамъ; не расторгается даже тогда, если жена рождаетъ дѣтей отъ посторонняго мужчины, къ которому она переѣхала въ квартиру. Сколько примѣровъ ...Анна Каренина" не мнѣ...

Такъ говорилъ, сухо мямля, одинъ юристъ, съ которымъ я обсуждалъ внѣшнюю постановку у насъ „великой и священной тайны". Онъ не замѣчалъ, что я давно пришелъ въ ужасъ, и хотѣлъ было продолжать, но я его перебилъ:

- Но, послушайте... если такъ, то бракъ не только не поставленъ какъ вы говорите: „прочно", но даже онъ и вовсе не поставленъ. Matrimonium non est, ибо matrimanium est fidelitas. Вы не шутите?

— Конечно, въ законѣ не сказано прямо: „жена можетъ при мужѣ рождать дѣтей отъ чужаго или чужихъ мужчинъ". Но законъ твердо говоритъ: если мужъ жалуется, а сосѣди и акушерка подтверждаютъ, что жена такого-то мужа разрѣшается отъ бремени въ квартирѣ посторонняго холостого человѣка, гдѣ она живетъ не годъ, не два, а много лѣтъ по записи въ домовой книгѣ; но при этомъ никто не видалъ, какъ собственно она и этотъ холостой человѣкъ спятъ, да и мало что спятъ—а какъ *любятся*, то бракъ. то святое таинство брака не считается разрушеннымъ".

Одно воспоминаніе.

Немножко изъ воспоминаній. N. гимназія; учитель латинскаго языка (не выдумываю) К—ръ; дѣти—дочери 11 лѣтъ и 7 лѣтъ; жена... но нужно сперва сказать о мужѣ.

Почему у него было съ желтизной лицо—я не знаю; онъ былъ чуть-чуть за средніе годы, лѣтъ 37. Но я никогда не видалъ такого ужасно унылаго лица, и пергаментно унылаго; безъ скорби и вообще безъ остраго, -а тупо унылаго. Кажется, душа въ немъ никогда не зарождалась. Не могу его лучше характеризовать, какъ разсказомъ другого учителя, П. Д. П—ва:

Разъ будто-бы Францъ Францычъ приходитъ въ гимназію, когда еще двери были заперты:

„— Заперты, Францъ Францычъ, -говоритъ сторожъ.

„— Ничего, я по двору похожу.

И „походилъ". Отперли—онъ вошелъ. Далъ урокъ или что-то сдѣлалъ нужное—и ушелъ. Рано онъ приходилъ потому, что не хотѣлъ опоздать къ молитвѣ. На лѣто его оставляли „исправляющимъ должность директора".

„— Вѣдь вы, Францъ Францычъ, никуда не уѣдете?

„— Я никуда но уѣду.

„— То-то, мы всѣ уѣзжаемъ. Такъ вы ужъ посмотрите за гимназіею.

„Смотръ" состоялъ въ томъ, чтобы гимназія (зданіе) никуда не убѣжала. И лѣтомъ онъ тоже каждый день приходилъ въ гимназію. Посидитъ съ часъ.—„Все исправно"?—„Все исправно". И уходилъ.

Другое воспоминаніе о немъ—мое собственное. Я видѣлъ его въ Москвѣ, уже инспекторомъ гимназіи. Пришелъ я на Рождество.

„ Ну какъ, Францъ Францычъ, вы справились съ учениками въ такой людной гимназіи?

Онъ улыбнулся.

„ — У меня методъ. Я справился у помощника класнаго наставника о фамиліяхъ всѣхъ учениковъ, при распредѣленіи ихъ по партамъ: какъ фамилія у перваго, положимъ, справа, у второго —слѣва, на третьей скамьѣ съ конца, и т. д. И записалъ на бумажку. Сижу на каѳедрѣ и бумажка подъ руками. Ученикъ разговариваетъ, и это—первый мой урокъ. Я смотрю на бумажку (мѣсто и фамилія) и говорю рѣзко:

„— Колесниковъ не разговаривайте.

„Онъ пораженъ. Конечно онъ пораженъ! И всѣ поражены, потому что вѣдь урокъ-то первый и я ихъ въ первый разъ вижу. Въ первый разъ вижу, и они видятъ, что я ихъ всѣхъ знаю".

Онъ улыбнулся. Я дѣйствительно былъ пораженъ. Теперь жена. Хорошенькая чешка или русинка. Полненькая, и съ какимъ-то задоромъ въ лицѣ. Что-то обаятельно милое и веселое: какая-то ласка, даже къ кошкѣ, случайной въ комнатѣ, обращенная, не только къ гостю. Она не безукоризненно (съ запинками) говорила по-русски, и это сообщало ей прелесть иностраннаго. У нихъ жили пансіонерами („нахлѣбниками") ученики 6—8 класса, т.-е. начинали съ 6-го, и кончали гимназію. Мнѣ говорили, но тогда я не вѣрилъ (не обращалъ вниманія), что она—только ожидала, когда мужъ уйдетъ на педагогическій совѣтъ: таковой бывалъ въ недѣлю разъ, а такъ-называемые „совѣты за учебную четверть" тянутся съ семи до часу (ночи). Нахлѣбниковъ было немного, 3—4, но это—какъ теперь вспоминаю,—были первые красавцы гимназіи. Ужъ такой подборъ былъ или такъ удавалось.

Насколько мужъ былъ унылъ, настолько она оживлена. Нѣтъ ни хохота и вообще ничего веселаго, но она какъ-то цвѣла счастьемъ. Что-то безконечно удовлетворенное было въ складкахъ губъ, въ ямкахъ щекъ. Отмѣчу еще, что не красавица—она была очень хороша чудесной тѣлесной чистотой и абсолютнымъ отсутствіемъ нахальства, задора, ухаживанія за вами, нескромности. Мадонна не мадонна, а для учительницы—хоть куда. Помощникъ попечителя очень оцѣнилъ таланты ея мужа, и послѣ рѣвизіи N. гимназіи сейчасъ же (т. е. къ концу этого учебнаго года) назначилъ его инспекторомъ (повышеніе) въ Москву. Какъ инспекторъ, онъ получилъ казенную квартиру въ той самой гимназіи, гдѣ имѣлъ квартиру и помощникъ попечителя. Когда я пришелъ къ товарищу на Рождествѣ, звонокъ, шумъ и вдругъ входитъ „высшее начальство".

Я его хорошо зналъ. Это былъ и мой директоръ гимназіи, попавшій за дѣйствительно огромный практическій дисциплинарный умъ въ помощники попечителя. Въ это время онъ былъ уже лѣтъ 62, гигантскаго здоровья, не толстый, а како-то налитый кровью, весь красный.

Я почтительно сѣлъ поодаль. К-ръ тоже поодаль. „Гдѣ же

дѣти, гдѣ же дѣти ваши?" (у него была чудная дикція). Дѣвочка 13 лѣтъ (удивительно угрюмая, очень хорошенькая, начало Пушкинской Татьяны) вышла. Онъ посадилъ ее на колѣни. Мама—щебетала.

— Какъ онъ къ вамъ попалъ?—спросилъ я по уходѣ его.

— Да онъ во второмъ этажѣ, прямо подъ нами.

Въ это-то посѣщеніе разсказалъ онъ мнѣ и о „методѣ",

Черезъ много лѣтъ (5—7) услышалъ я отъ своего покойнаго брата, тоже директора гимназіи, что бѣдный К-ръ „сталъ мѣшаться" (въ умѣ), и съ указаніемъ причины.

— Да вѣдь ему давно все равно, замѣтилъ я. И разсказалъ про гимназистовъ.

— Очень было трудно... Тамъ могли быть подозрѣнія, а тутъ—на глазахъ всѣхъ. Оскорбительно. Тоже человѣкъ, а не трава.

Теперь бросаю разсказъ, въ сущности не интересный, и обращаюсь къ темѣ, сильно взволновавшей печать прошлаго года и вдругъ какъ-то умолкнувшей. Спрашиваю всѣхъ, и спрашиваю чистосердечно и серьезно, кто писалъ тогда противъ развода: какое есть средство мужу, вообще христіанскому мужу, устранить изъ семьи своей вотъ такую Cleopatra с sui amanti.

— Стрѣляться, побить, убить!—скажутъ.

— Да позвольте: онъ прежде всего не имѣетъ темперамента для этого. Да вѣдь и ничего нѣтъ, не на его же глазахъ, и все—постепенно, все съ ужасной постепенностью, такъ что когда „револьверъ взять"—то уже привыкъ, обтерпѣлся. Позднышевъ—тотъ дикъ, тотъ—alter ego Толстого: а это—просто титулярный совѣтникъ, но вѣдь и титулярному совѣтнику нужно счастье, нужна чистая семья, которая чѣмъ же ему, молодому и красивому (онъ былъ красивъ) человѣку не была обѣщана красивою и скромною молодою дѣвушкою? И я то ее видѣлъ не только въ N., но и въ Москвѣ, скромною и все такою же милою. Да увѣренъ, она и сейчасъ—милая пожилая дама и истинно удивительное въ ней было, что ни соломенки, ни задоринки собственно тѣлесно развратнаго въ ней не было. Иностранность ли ее спасала, или что она не была въ русскомъ смыслѣ развита, или то, что у нея было дѣти: но впечатлѣніемъ милой и чистой женщины вѣяло отъ нея. Истинно—трава: во-истину трава Божія: т. е. я хочу сказать, что „с sui amanti" просто опыляли ее какъ траву и она чувствовала это спокойно и невозмутимо какъ трава.

Но не въ этомъ дѣло, а въ положеніи мужа; конечно—онъ и въ судъ не пойдетъ за разводомъ, не пойдетъ въ консисторію. Онъ скромный и тихій человѣкъ, и единственная сила, какая у него есть—вымести (и непремѣнно безъ свидѣтелей) соръ изъ своего дома, изъ своего тихаго латинскаго кабинета. Можемъ ли мы лишить его этого счастья? Можемъ ли сказать: „а, попался, и терпи!"

Святое этого не можетъ ему сказать, а церковь—свята. Въ этомъ-то и весь вопросъ, что церковь свята, и что отъ нея совсѣмъ другія требованія, чѣмъ отъ государства. Она—*мать*, и не можетъ сказать какъ домохозяинъ жильцу: „удобна или неудобна вамъ квартира, а ужъ контрактъ заключенъ". Она — *мать* и вотъ въ этомъ весь вопросъ, что ни къ кому она не можетъ стать мачихою или злой свекровью:

„— Ишкни... Не до тебя дѣло.

Не можетъ этого сказать, сейчасъ же не совлекшись святости. Такъ что вопросъ о разводѣ и есть собственно вопросъ о церковной святости, которая сохраняется лишь при условіи, если церковь плачетъ со всѣмъ тихимъ и чистымъ:

„— Ты - титулярный совѣтникъ, и вотъ тебѣ - титулярная совѣтница".

А Cleopatr'у вонъ. Увѣренъ, что Cleopatra и не была бы Cleopatra, не будь у ней каменной стѣны надежды:

— Вѣдь потихоньку...

„Вѣдь потихоньку!" — вотъ картина европейской семьи, и условіе, и положеніе, разъ что *метла очистительная* субъективнаго, скромнаго, внутренняго дома лежитъ не дома, а гдѣ-то на улицѣ, въ пожарномъ депо, и надо зазвонить, закричать, опозориться, вымараться, чтобы позвать, съ поклономъ позвать, метлу къ себѣ:

Ваше сіятельство, или — ваше преподобіе—выметите мой домъ: очень пахнетъ, не могу!

„Нѣтъ ужъ лучше потерпѣть", говоритъ тихій человѣкъ. И терпитъ. Иногда сходитъ съ ума, иногда — вѣшается. „Не умѣю кричать, просто я не умѣю кричать о своемъ домѣ, о своей женѣ, еще пока о своей женѣ. Члены консисторіи монументальны въ характерѣ и не могутъ этого представить. Но, думается, нужно счастья и тихимъ, и робкимъ людямъ. Маленькое счастье маленькимъ людямъ: т. е. право вымести Cleopatr'у изъ семьи. Здѣсь и лежитъ геній древняго разводнаго письма, тихое и чистое средство всегда сказать:

„— Ты входишь въ мой домъ семьянинкой и останешься въ немъ - пока семьянинка. Ты для дѣтей, какъ я — для дѣтей и для тебя. Вотъ на столѣ у насъ разводное письмо: въ минуту, какъ ты перестанешь быть тѣмъ, для чего ты позвана въ семью мою—тебя нѣтъ вовсе".

Кстати, вотъ древнѣйшая форма библейскаго разводнаго письма:

„Ты теперь свободна для всякаго". И—подпись мужа.

И только. Суть развода, какъ расторженіе моего супружества, сама собою заключается именно въ словахъ, нисколько не оскорбляющихъ и выражающихъ просто фактъ: „ты теперь свободна и для другихъ".

Просто и геніально. Интимный путь для интимнаго: интимная смерть того, что интимно родилось. И какъ это противоположно сложной и бездарной процедурѣ нашего развода: вотъ ужъ пустыя бочки, которыя стучатъ, за версту слышно, а толку — никакого. Какой-то площадный взглядъ на семью: и площадная ей смерть, „торговая казнь“. Не поэтично, не философично, и едва-ли религіозно.

Гражданинъ», 1900 г.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VII. Кто, какъ и почему страдаетъ?

1.

Милостивый Государь,

Простите, что я, не имѣя чести быть знакомой съ вами, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбой.

Случайно мнѣ удалось прочесть въ № 8481 „Новаго Времени“ вашу статью „о непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“, изъ которой видно, что вы настаиваете на устраненіи трудности полученія у насъ развода, а также что еще въ прошломъ году внесенъ въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій вопросъ „о разлученіи супруговъ“, а потому я и рѣшила, описавъ свое ужасное положеніе, въ которое я поставлена, благодаря своему злополучному браку, просить васъ оказать мнѣ помощь своимъ совѣтомъ. 11 декабря 1894 г. я обвѣнчана противъ своей воли съ поручикомъ Л., котораго я до вѣнчанья совсѣмъ не знала. На второй день послѣ вѣнчанія онъ уѣхалъ въ свой полкъ и только 14 января возратился; и тогда только заставилъ стать его женой и передалъ мнѣ дурную болѣзнь (syphilis), о чемъ я узнала черезъ нѣсколько дней послѣ, почувствовавъ себя больной, и обратилась сначала къ мѣстному врачу, а потомъ къ спеціалисту мѣстнаго университета, профессору С-ву. Тогда же мужъ, для опредѣленія правильности теченія болѣзни, заявилъ, что онъ заразился этой болѣзнью послѣ вѣнчанія отъ дурной женщины. Тогда же совмѣстная наша жизнь была воспрещена до полнаго выздоровленія, и я начала лечиться у профессора С-ва, мужъ же поступилъ въ Д-скій Госпитать, который онъ скоро, не вылечившись, и оставилъ, уѣхавъ въ К., гдѣ велъ крайне дурную жизнь, какъ я узнала; мнѣ же въ то время писалъ онъ самыя оскорбительныя письма, а въ свои пріѣзды къ своимъ роднымъ, живущимъ въ одномъ со мной городѣ, и лично преслѣдо-

валъ и оскорблялъ меня. Въ одномъ изъ своихъ пріѣздовъ, по моей просьбѣ, онъ выдалъ подписку въ томъ, что принимаетъ на себя вину и согласенъ на разводъ, которую подписали и два свидѣтеля, бывшіе при томъ. Затѣмъ онъ скоро уѣхалъ въ Н., въ Сибири, куда перевелся на службу. Обращалась я къ присяжнымъ повѣреннымъ съ просьбой взяться выхлопотать мнѣ разводъ, но ни одинъ изъ нихъ не согласился, такъ какъ у меня не было достаточныхъ причинъ. По совѣту же одного изъ нихъ, я обратилась съ просьбою въ Коммиссія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, о выдачѣ мнѣ отдѣльнаго вида, каковая просьба и удовлетворена, въ виду тѣхъ доказанныхъ произведеннымъ дознаніемъ причинъ, которыя я указала въ прошеніи. Но оказалось, что и отдѣльнаго вида не достаточно для развода. А такъ какъ я по закону должна вести бракоразводный процессъ по мѣсту жительства мужа въ Сибири, то я обратилась съ ходатайствомъ къ Св. Синоду съ просьбой разрѣшить вести дѣло по мѣсту моего жительства. Св. Синодъ, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ моего дѣла, изложеннымъ подробно въ прошеніи, разрѣшилъ не только вести дѣло въ Д—вѣ, но и отмѣнилъ требуемое закономъ судоговореніе, предписавъ консисторіи ограничиться истребованіемъ только письменнаго отзыва мужа на мое прошеніе, каковое требованіе и исполнено консисторіей 15-го Іюня. Въ доказательство виновности мужа, я представила въ консисторію скорбные листы профессора и военнаго госпиталя, а также указала на названныхъ Д—ской полиціей свидѣтелей, которые знаютъ безнравственную жизнь мужа; кромѣ того, я намѣрена представить въ консисторію имѣющуюся у меня копію постановленія Д—скаго губ. правленія по возбужденному полиціей преслѣдованію противъ мужа, за одно изъ столкновеній мужа съ полиціей, за что онъ былъ преданъ суду. Изъ за этого брака я потеряла около пяти лучшихъ годовъ жизни, пережила и переживаю тяжелыя физическія и нравственныя страданія, истратила на хлопоты и леченіе значительную часть средствъ своихъ, больше восьми тысячъ рублей: изъ-за него же пошатнулось значительно здоровье старухи матери, съ которой я живу. И единственнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ было бы для меня полученіе развода, который бы далъ мнѣ надежду на лучшее будущее, и въ полученіи котораго я была до послѣдняго времени вполнѣ увѣрена. Но къ глубокому моему отчаянію я на дняхъ случайно узнала изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что мужъ далъ отзывъ, но не въ пользу развода, желая затянуть дѣло и заставить меня въ концѣ разориться. И вотъ потому-то я и рѣшила обратиться съ убѣдительной просьбой къ вамъ, не посовѣтуете ли вы мнѣ изъ человѣколюбія, какъ мнѣ быть теперь, или хотя что мнѣ можно ждать отъ новаго закона о разводѣ и какъ скоро онъ будетъ.

Въ послѣднее время я узнала, что мнѣ можно было бы просить о признаніи брака недѣйствительнымъ, какъ заключеннаго по принужденію, что̀ многіе положительно могутъ подтвердить. Имѣю ли на это право? На дняхъ долженъ получиться въ консисторіи отзывъ мужа и я должна на что-нибудь рѣшиться.

Ради Бога не оставьте меня безъ отвѣта.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ вамъ уваженіи.

Анна С—нъ.

P. S. У меня положительно не съ кѣмъ посовѣтываться, а потому не откажите ради Бога въ своихъ совѣтахъ. Неужели не будетъ измѣненъ нашъ ужасный законъ о разводѣ? Кому нужны мученія и траты денегъ большихъ, какія необходимы при разводѣ; а также кому нужно такое ужасное наказаніе, какъ лишеніе виновнаго права вступать въ новый бракъ? *А. С—нъ.*

2.

Милостивый государь!

Прочитавъ „Элементы брака", рѣшаюсь написать вамъ мою благодарность отъ всего моего сердца, изстрадавшагося отъ горя жизни. Вы затронули такой вопросъ жизни, который требуетъ реформы. Если существуетъ въ практикѣ разводъ при бракѣ, — то зачѣмъ же не сдѣлать этого доступнымъ *для всѣхъ*, не отбросить всю ту ложь и обманъ, которымъ пріобрѣтается право свободы? Если бракъ таинство, то зачѣмъ же разрушать его можетъ только то, чего никто не видитъ и видѣть не можетъ, и лже-свидѣтели есть главный элементъ для того, чтобы нарушить даже великое таинство, и тѣмъ подрываютъ святость его. Свобода дѣйствій, не нарушая нравственныхъ принциповъ жизни, вотъ долженъ быть, по моему, идеалъ брака. Что же видимъ въ жизни? Таинство брака прикрываетъ измѣну, обманъ общества, создаетъ жизнь несчастнымъ внѣ-брачнымъ дѣтямъ, и все это приносится въ жертву крѣпостнаго права, въ которомъ находятся мужъ или жена. Величайшее зло въ томъ, что для развода требуется согласіе того изъ супруговъ, который властвуетъ и создаетъ адъ, а не жизнь въ семьѣ. Очень рѣдки такіе случаи, когда оба желаютъ свободы, въ большинствѣ же случаевъ тотъ, кто не желаетъ развода, одинъ только получаетъ право мучить собою другого, зная, что *желаютъ* его, да не могутъ получить безъ согласія.

Это такой адъ, такая мука, что нѣтъ тяжелѣе пытки въ семейной жизни. Собираются представители духовенства, желаютъ что-то предпринять для уменьшенія внѣ-брачныхъ связей. Сдѣлали бы легче разводъ, тогда уменьшились бы быстро и внѣ-брачныя связи. Супруги, имѣя дѣтей и зная, что разводъ легко дается, будутъ несравненно больше дорожить другъ другомъ, и

изъ любви къ дѣтямъ будутъ взаимно стараться охранять миръ и любовь. Трудность развода есть главная причина увеличенія нелегальныхъ связей. Нелегальная связь не есть безнравственность, а неизбѣжное зло; когда мужъ и жена, узнавъ ближе другъ друга, ни въ чемъ не удовлетворяютъ одинъ другого, какой же тутъ можетъ быть союзъ душъ? Нельзя требовать совершенства, и человѣкъ не можетъ жить безъ отвѣта на свои душевные запросы, когда его душевный міръ игнорируется. Моя личная жизнь вся разбита съ самыхъ юныхъ лѣтъ отъ *крѣпости брака*. Вся жизнь прошла въ страданіяхъ нравственныхъ, а могло быть и счастье и радость, еслибъ можно было разрушить бракъ безъ согласія другого лица, и безъ той тяжелой процедуры, которая требуетъ лжесвидѣтелей и денегъ. Святость брака и вся система расторженія его такъ противоположны, какъ небо и земля, и самый процессъ развода есть прямо кощунство! Долго ли это у насъ будетъ? Неужели духовенство не замѣчаетъ того, что бракъ, который могутъ разрушить лжесвидѣтели, не можетъ считаться святымъ, тогда какъ таинство должно быть свято и неприкосновенно. Если таинство покаянія можетъ быть совершено не одинъ разъ въ жизни, почему же и таинство брака не можетъ освящать каждую поразнь связь? Ни одинъ любящій отецъ, или мать, не будутъ безъ уважительной причины желать разлуки съ отцемъ, или съ матерью своихъ дѣтей, но если совмѣстная жизнь сдѣлалась адомъ, то что же дѣлать? Жить съ человѣкомъ, съ которымъ общаго ничего нѣтъ, когда и дѣтей даже нѣтъ, а есть только *законный* бракъ, который крѣпко держитъ свою жертву именемъ *закона*, а живутъ *беззаконно*. Нельзя всѣхъ молодыхъ людей брать подъ опеку и мѣшать поспѣшному браку, когда знаютъ одинъ другого нѣсколько мѣсяцевъ, и конечно *вовсе* не ищутъ другъ въ другѣ собственно *человѣка*. А когда узнали, то оказались связанными, и это сознаніе неволи только еще болѣе вооружаетъ и обостряетъ отношенія. И именно бракъ и дѣлается орудіемъ пытки, и вся жизнь разбита. Я принадлежу къ числу глубоко вѣрующихъ, и меня поражаетъ именно то, что бракъ какъ таинство поставленъ не на высотѣ своего великаго значенія. Чтобы таинство покрывало семейный раздоръ и измѣны,—этого не должно быть. Коль скоро существуетъ измѣна, таинство *нарушено* по существу, и надо признать это явно, уважая святость брака съ религіозной стороны. Въ настоящее время я знаю семью, гдѣ идетъ процессъ о разводѣ. Что за ужасная процедура, унижающая всякое достоинство человѣка! И прежде чѣмъ дождаться этого цѣлые годы самыхъ злобныхъ отношеній, вражды, ненависти и т. д.,—все то, что противно заповѣдямъ Христа; и ничего бы этого не было, еслибъ не считали брака чѣмъ-то въ родѣ рабства, самаго тяжелаго, хуже чѣмъ было крѣпостное право. Пресса—великая

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ

сила въ жизни, и ослабъ почаще писали объ элементахъ брака; то быть можетъ и общество потребовало бы радикальной перемѣны въ формѣ брака и его расторженіи. Современная семья не можетъ мириться съ крѣпостнымъ правомъ, это выше силъ человѣческихъ. Такой бракъ былъ еще терпимъ, когда женщины жили въ теремахъ, а ихъ мужья имѣли свой гаремъ изъ крѣпостныхъ, и женщина была вещью для мужа, и считала себя счастливой уже тѣмъ, что она *удостоилась* выбора въ супруги. Обманъ такъ и царствуетъ при разводѣ. Въ большинствѣ случаевъ мужъ беретъ на себя *вину*, и лишается правъ жениться. За что? почему? И этимъ дается ему поводъ къ нелегальной связи; вѣдь разводъ не можетъ же его превратить въ аскета? И что же дальше? Нелегальная семья, внѣ-брачныя дѣти! А если женится, то живетъ въ страхѣ, что его бракъ можетъ быть разторгнутъ каждую минуту по доносу, и дѣти теряютъ ихъ отца; и такой случай я знаю. Гдѣ же выходъ?—„Семьи, говорятъ, воспитываютъ дѣтей“, такъ и надо дать *свободу нравственную*, чтобы дѣти видѣли миръ, согласіе въ семьѣ, а не ненависть, или рабство. Что ужасиѣе можетъ быть для дѣтей, какъ не разладъ между самыми дорогими для нихъ людьми. Сердце ребенка болитъ за обоихъ, и бѣдное дитя не понимаетъ, *за что* все это? Отравляютъ дѣтскіе года этой жизнью, когда между ихъ родителями нѣтъ той любви, которая создаетъ нравственную семью. Примѣры нелегальной семьи говорятъ, что тамъ больше любви, душевнаго согласія, потому что не чувствуютъ гнета неволи. Простите, что говорю то, что есть больное мѣсто въ моемъ сердцѣ. Это вопросъ близкій почти всѣмъ.

С. Ч—ская.

3.

Милостивый Государь,

Господинъ Розановъ.

Прошу васъ защитить печатно подобныхъ мнѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. У меня жена психически больна 5 лѣтъ, находится въ больницѣ и нѣтъ надежды на выздоровленіе. Но какъ же тутъ быть? Я мужчина еще молодой и полный силъ и надеждъ, могъ бы жить порядочно, но не тутъ-то было. Я пробовалъ искать закона въ томъ, что не могу-ли жениться. Прихожу за совѣтомъ къ адвокату, онъ говоритъ: „знаете, у насъ на это нѣтъ закона; но я могу это устроить: а вамъ будетъ стоить 2000 руб.“. Я только могъ опомниться; мнѣ за эти деньги надо 4 года работать, „и то“, онъ добавилъ, „съ тѣмъ условіемъ, что впередъ 1500 руб., а остальныя потомъ“. Но конечно я пробую найти защиту въ другомъ мѣстѣ; являюсь къ митрополиту: мнѣ тамъ отвѣчаютъ: „мы ничего не можемъ сдѣлать, на это законовъ нѣтъ: можетъ быть вы замѣ-

чали у ней раньше признаки умопомѣшательства?“ Я имъ говорю, что родные были уже подобной болѣзнію больны. „Ну вотъ, представьте ихъ намъ свидѣтельства“. А гдѣ я ихъ возьму, когда они давно умерли? „Но тогда мы ничего не можемъ сдѣлать“. Я только подумалъ, что тутъ нельзя искать закона, а только беззаконія, и такъ примирился съ жизнью. И вотъ, въ результатѣ то, что приходится размножать беззаконныхъ дѣтей и сѣтовать на то, что подобные законы должны быть обсуждаемы духовенствомъ и къ тому же монашествующими. Какой же можетъ монахъ дать законъ? А подобныхъ горемыкъ, какъ я, очень много. А сколько грѣха, гдѣ бы смотрѣть на законы какъ на святость. Но въ концѣ концовъ все это ложь и ложь человѣческая; говорятъ, что она можетъ завтра поправиться. Но вотъ у меня уже трое дѣтей отъ другой и скоро четвертый будетъ; но, выйдетъ она изъ больницы, къ кому же мнѣ пристать? Съ женою у меня дѣтей не было, а тогда придется воевать съ закономъ противъ беззаконія. Простите, что я такъ безграмотно написалъ, я человѣкъ торговый и мало образованный. Если найдете возможнымъ, то напишите что-либо.

Остаюсь вѣрующій въ васъ, какъ гласъ вопіющій въ пустынѣ: можетъ быть и услышатъ.

Смѣшанные присяжные суды въ вопросахъ семьи и брака.

Было бы совершенно напрасною попыткою утверждать, что государство не имѣетъ огромной доли участія въ семьѣ и бракѣ: семья есть ячейка государства, есть клѣточка огромнаго политическаго тѣла. Столь же напрасно было бы пытаться доказать, что семья и бракъ не подлежатъ вовсе сужденію самихъ супруговъ, людей совершенно частныхъ, но состоящихъ въ бракѣ и несущихъ какъ сладость, такъ и горечь его. И индивидуумъ, и государство совмѣстно съ церковью имѣютъ въ этомъ чрезвычайно сложномъ институтѣ свою долю интереса, а слѣдовательно и долю права наблюдать за нимъ и регулировать его. Эта сложность заинтересованныхъ сторонъ прямо приводитъ къ мысли о созданіи смѣшаннаго учрежденія, которое вѣдало бы вопросы семьи и брака. Пусть это учрежденіе называется „судомъ“ или „комиссіею“, пусть оно дѣйствуетъ безъ присяги или подъ присягою и въ послѣднемъ случаѣ называется „присяжнымъ судомъ“ или „присяжною комиссіей“. Не въ названіяхъ дѣло: дѣло въ составѣ ея, куда вошли бы всѣ три заинтересованныя стороны: четыре священника, четыре коронныхъ судьи, четыре совершенно частныхъ человѣка, по выбору или по назначенію. Подробности можно урегулировать, о подробностяхъ можно сговориться. Важна мысль, важенъ планъ—и мы его предлагаемъ и на немъ настаиваемъ.

Процедура развода вѣдь уже давно поставлена не на почву прелюбодѣянія, о которомъ въ безднѣ случаевъ никто не споритъ, но о такъ-называемыхъ „юридическихъ доказательствахъ“ прелюбодѣянія, т.-е. о доказательствахъ, имѣющихъ силу передъ лицомъ закона и передъ „господами судьями“. Какъ извѣстно, даже личное сознаніе которой-нибудь стороны въ винѣ своей или признаніе обѣими сторонами, что между ними все кончено и никакой совмѣстной жизни нѣтъ, супружества вовсе нѣтъ, — все это не принимается теперь во вниманіе и не служитъ поводомъ къ формальной касаціи умершей связи.

Вниманіе „разводителей“ начинается тамъ, гдѣ есть третій свидѣтель и гдѣ есть протоколъ. Но „протоколъ“ и „свидѣтель“ это есть элементы не таинства, а суда; а когда это дѣло „суда“, то надо давно подумать о совершенствѣ суда, объ организаціи суда, о компетенціи и безпристрастіи „господъ судей“. Что это за археологія, что за древности „Любушина суда“, которымъ довольствовались чехи въ до-историческую пору и перешли къ болѣе совершеннымъ формамъ, какъ только переступили за порогъ миѳовъ и вступили на путь ясныхъ и точныхъ историческихъ фактовъ! Не слишкомъ ли элементаренъ и судъ у насъ о семьѣ и надъ семьею? Приходитъ въ судъ мужъ, плачетъ.—„Тебѣ чего?“ —„Жена четвертый годъ у сосѣда живетъ и надо мной насмѣхается“.—„Свидѣтели есть?“—„Какъ же, вся деревня—свидѣтель“. „Да нѣтъ, не такой свидѣтель, что она не живетъ съ тобою, и не такой свидѣтель, что она живетъ съ другимъ, а такой особенный свидѣтель и даже три свидѣтеля, что словъ ихъ свидѣтельства ни въ бумагу вписать, ни вслухъ сказать нельзя вотъ мы такого послушаемъ, а тогда и слово молвимъ“.—„Смилостивьтесь, отцы, нѣтъ такого свидѣтеля: такой свидѣтель большихъ денегъ стоитъ, а у меня—котомка за плечами, а жена мнѣ нужна. потому хозяйство, да и дѣти“.—„Пошелъ, пошелъ...“

Согласитесь, что это „Судъ Любуши“ по наивной простотѣ.

Или приходитъ женщина, горло завязано. — „Зарѣзалъ меня мужъ-то“.—„Ну, однако, не дорѣзалъ?“ — „Нѣтъ, не дорѣзалъ, лезвіе-то въ сторону свернулось“—„Этакій грѣхъ, этакій грѣхъ... Вѣдь и говорено вамъ было—„лучше не жениться“; однако ничего, заживетъ: а вы храните любовь и согласіе и внимательнѣе блюдите святое таинство. Иди, милая, съ Богомъ“.—„Да какъ же, вѣдь онъ меня зарѣжетъ“.—„Иди, иди, милая, намъ некогда“.

Согласитесь, что все это ужъ слишкомъ просто, и въ такомъ деликатнѣйшемъ дѣлѣ.

Если вы имѣете вексель, на которомъ неправильныя подписи, вы обратитесь къ усовершенствованному суду, который внимательно и зорко разберетъ вашъ возможный ущербъ на 200 руб. и жестоко накажетъ того, кто покусился нанести вамъ этотъ ущербъ, этотъ булавочный уколъ вашему состоянію. Но вы съ ума сходите отъ горя; ваша жизнь разбита; вы близки къ сумасшествію или къ преступленію—и вамъ отвѣчаютъ: „успокойтесь“. „примите брому“.—„Да вѣдь есть Божій судъ?...“—„Ну, что вы, тотъ будетъ за гробомъ“.—„Но есть человѣческій судъ для дѣлъ совѣсти, для мукъ совѣсти. Я не животное, а человѣкъ; я—христіанинъ и прошу христіанскаго суда надъ тѣмъ и о томъ, что сводитъ меня съ ума“.—„Вотъ какая сложная оказія. Есть свидѣтели-то?“—„Свидѣтель—лицо мое, слезы мои; друзья мои, родные мои, всѣ знаютъ и видѣли жизнь мою личную и нашу совмѣстную

жизнь. Ихъ послушайте, меня спросите".—„Нечего намъ спрашивать и нечего намъ слушать, мы слушаемъ только особыхъ свидѣтелей, и которые имѣютъ хитрость такое видѣть, чего никто не видитъ и чего никому не показываютъ". — „Тогда я застрѣлюсь".—„Пожалуйста, только не въ учрежденіи, а отойдя шаговъ 50 въ сторону".

Весь секретъ археологіи, которую мы оставляемъ въ силѣ, лежитъ въ томъ, что не обращено вниманія на сложность семьи и на то, что въ семейномъ правѣ, въ брачномъ правѣ есть три участника, которые имѣютъ каждый свою компетенцію въ дѣлѣ. Государство стоитъ на фактѣ семьи и на желательности этого факта для каждаго индивидуума и во всѣ дни его жизни. Государство никакъ не можетъ становиться на почву номинальнаго брака,—оно заинтересовано только нравственною стороною всякаго фактическаго супружества, гдѣ бы и какъ бы оно ни сложилось: и оно также не можетъ допускать ни крови, ни преступленій, ни тайнаго прелюбодѣянія, которое растлѣваетъ нравы, а ему нужны чистые нравы и здоровое народонаселеніе. Въ сущности эта точка зрѣнія есть точка зрѣнія и индивидуума, и онъ никогда не пойдетъ въ разрѣзъ съ государственнымъ воззрѣніемъ на семью, какъ на фактъ, который есть только тогда, когда онъ цѣлъ и когда онъ чистъ. И вотъ, намъ думается, смѣшанный судъ или смѣшанная комиссія съ правомъ признавать семью упраздненною юридически послѣ того, какъ она фактически не существуетъ, и съ правомъ одному невинному или обоимъ сомнительновиновнымъ сторонамъ открывать возможность вступленія въ новую семью, такой судъ есть потребность времени.

Семья есть самый тонкій институтъ, весь сотканный изъ духа, нервовъ и крови. Нельзя тутъ взять циркуль и отмѣрить, взять линейку и провести черту. Нужно тутъ послушать, нужно тутъ поспрашивать; нужно духовно судить духовное и совѣстно судить вопросы совѣсти.

«Нов. Вр. 1900».

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VIII. Открытое письмо В. В. Розанову.

Многоуважаемый Василій Васильевичъ! Въ самое послѣднее время вы, къ великой радости и ликованію безчисленнаго числа тѣхъ сквернихъ русскихъ женъ, которыя, забывъ о чувствѣ долга, желаютъ поскорѣе освободиться отъ стѣснительныхъ брачныхъ узъ и на волѣ отдаться всѣмъ прелестямъ свободной любви, вы, повторяю я, стали проповѣдывать въ печати облегченіе развода. Конечно, вамъ, какъ умному и образованному человѣку, неловко публично говорить, что разводъ въ Россіи нуженъ для удовлетворенія необузданнаго полового инстинкта нашихъ скверно воспитанныхъ и съ юныхъ лѣтъ, при помощи театровъ, баловъ, дурного чтенія и т. п., развращенныхъ женъ. Вы, поэтому, выставляете утвержденіе, что разводъ нуженъ для сохраненія чистоты таинства брака. Вы признаете бракъ таинствомъ, что, конечно, дѣлаетъ большую честь вашему нравственному мужеству, такъ какъ въ наше время громко, да еще въ печати, говорить о таинствѣ брака не принято, но въ дальнѣйшемъ, по моему скромному мнѣнію, вы отчасти впадаете въ ошибку, о которой я и хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами. Вы не богословъ и я не богословъ, но есть вопросы, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія ни для кого изъ христіанъ. Къ такимъ вопросамъ, думается, принадлежитъ и тотъ, который вы затронули въ вашихъ статьяхъ о бракѣ и разводѣ. Вы, если не ошибаюсь и если я вѣрно понялъ ваши мысли, утверждаете, что съ того момента, какъ нарушена чистота супружескаго союза, какъ въ бракъ вкралось прелюбодѣяніе — таинство брака перестаетъ существовать, и остается лишь простое плотское сожительство, являющееся лишь оскорбленіемъ таинства брака. Отсюда можно вывести заключеніе, что вы думаете, что таинство перестаетъ быть таинствомъ, разъ зародился и развился грѣхъ, его осквер-

няющій. Но вѣдь и крещеніе — таинство, такое же какъ бракъ, однако не прекращается же благодатная сила его, когда человѣкъ согрѣшитъ. Вѣдь, если думать, что грѣхъ уничтожаетъ силу таинства, то до же чего мы дойдемъ? Всѣ люди, получившіе таинство крещенія, ежедневно, ежечасно, ежеминутно согрѣшаютъ, но все же они остаются дѣйствительными членами Церкви, все же они не теряютъ возможности получить вѣчное спасеніе, ибо есть еще таинство покаянія [1]), передъ таинственною и благодатною силой котораго бѣжитъ и стушевывается сила грѣха. Вы предлагаете разводъ какъ нѣчто такое, что можетъ оздоровить, очистить, освободить отъ грѣха самую идею брака. По вашему, разъ въ брачныя отношенія вкрался грѣхъ, супругамъ надо разводиться, чтобы не оскорблять таинство брака. Но развѣ вы не думаете, какъ я, что человѣкъ въ 999 случаяхъ изъ 1000 впадаетъ въ грѣхъ какъ бы случайно [2]), увлеченный какимъ-нибудь изъ тѣхъ соблазновъ, которыми такъ богата наша современная жизнь, и что, при благопріятныхъ условіяхъ, онъ всегда готовъ раскаяться и тѣмъ очистить себя отъ грѣха. Облегчите разводъ, и вы добьетесь только того, что будутъ скоро и навсегда распадаться и такія семьи [3]), въ которыя грѣхъ проникъ случайно и въ которыхъ онъ легко могъ бы быть заглаженъ искреннимъ раскаяніемъ согрѣшившаго.

Разводъ допускается у насъ въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ. это правда, но вѣдь далѣе въ Св. Евангеліи идетъ запрещеніе для разведенныхъ „вины прелюбодѣянія“ ради вступать въ новый бракъ. Вотъ и является мысль, что разводъ, въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ мѣры увѣщанія супруговъ оказываются безсильными, можетъ быть допущенъ, но подъ условіемъ дальнѣйшаго абсолютнаго цѣломудрія [4]) разведенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ нарушеніи чистоты таинства брака виновными почти всегда оказываются обѣ стороны, слѣдовательно, обѣ и должны

---

[1]) Конечно. И супругамъ, которые чистосердечно другъ другу каются въ возможномъ вездѣ грѣхѣ—нечего другъ съ другомъ разводиться. Но если они люты, злобны, и не только не каются, но и не глядятъ другъ на друга — что́ же у васъ въ чашѣ таинства, кромѣ грѣха и сплошь только грѣха? Тогда разбейте сосудъ, ибо онъ отравленъ. *В. Р—въ.*

[2]) Въ *этихъ* случаяхъ нѣтъ и помина о разводѣ. „Милые бранятся — только тѣшатся“. Я говорю объ *отсырѣвшихъ* квартирахъ брака, скверномъ его *климатѣ*; о *гнилыхъ яблокахъ*, которые надо изъ корзины выбросить, а не „хранить ихъ въ прокъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Какъ это легко сказать. *Стрѣляются*—прежде, чѣмъ разлучиться: потого это страшно, мучительно, да и наконецъ громоздко, неудобно. *В. Р—въ.*

[4]) Какъ вы къ нему *принудите?* Посовѣтовать — пожалуй, посовѣтуйте. Только въ законахъ не совѣтуютъ, а кратко: запрещаютъ или позволяютъ. *В. Р—въ.*

нести наказаніе за то, что не съумѣли соблюсти чистоту брака. Поэтому, если и можно желать въ Россіи облегченія развода, теперь затруднительнаго, то только, напримѣръ, подъ условіемъ поступленія обоихъ разведенныхъ супруговъ въ монастырь [1]). Только съ такимъ рѣшеніемъ вопроса и можно согласиться, всякое же иное его рѣшеніе претитъ религіозному чувству русскихъ людей, что бы вы, многоуважаемый Василій Васильевичъ, ни говорили, какъ бы вы ни философствовали. Можетъ быть, съ моей стороны и слишкомъ смѣло возражать вамъ, но, право, вопросъ, затронутый вами слишкомъ жизненный и жгучій вопросъ, чтобъ о немъ молчать. Вѣдь отъ того или другого рѣшенія его зависитъ будущность нашей семьи, а слѣдовательно и будущность нашего государства... Москва. Примите и пр. *А. Скопинскій.*

(Изъ журнала «Москва», 25 янв. 1900 г.).

IX. Изъ закрытыхъ писемъ.

1.

Милостивый Государь.

Не имѣя удовольствія быть лично съ вами знакомымъ, я всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю ваши статьи въ газетахъ и журналахъ. Служба не оставляетъ мнѣ такъ много времени, чтобы я могъ откликаться на жизненные вопросы, подымаемые вами, но мнѣ неоднократно приходило желаніе подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями, да все не удавалось. Вчера, прочитавъ вашу новую статью „Серія Недоразумѣній“, я рѣшился написать вамъ хотя нѣсколько словъ.

Прежде всего по поводу развода, который вы признаете необходимымъ, а ваши аппоненты отвергаютъ его необходимость. Думаю, что разводы и необходимы, и законны даже съ точки зрѣнія христіанской церкви. Вѣдь церковь признаетъ причиной для расторженія брака прелюбодѣяніе, но, къ сожалѣнію, настоящимъ служителямъ церкви необходимо прелюбодѣяніе какъ понимаютъ его евреи, а не прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія Христа, почему и нужна практикуемая нынѣ пакостная процедура развода по причинѣ прелюбодѣянія.

Внемлите гласу Христа: „А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. И далѣе въ стихѣ 32 той же 5 главы Евангелія Матѳея Онъ признаетъ причиной развода прелюбодѣяніе.

Зачѣмъ же для церковнаго суда необходимо паскудное дока-

---

[1]) Вотъ охотникъ населять „пустыни“ и обезлюдивать города. *В. Г.*

зательство фактическаго прелюбодѣянія, когда по Христу достаточно посмотрѣть съ вожделѣніемъ, чтобы быть прелюбодѣемъ? Слѣдовательно, если люди рѣшились расходиться, то раньше этого сколько разъ каждый изъ нихъ прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ, какъ понималъ прелюбодѣяніе Христосъ?!

Далѣе, обращаясь къ вашей послѣдней статьѣ, въ которой вы признаете Л. Н. Толстого христіаниномъ внѣ церкви, невольно приходишь къ мысли, не слѣдовало ли бы признать для христіанъ внѣ церкви и внѣцерковнаго брака? Вѣдь церковь признаетъ бракъ, имѣющій въ виду продленіе человѣческаго рода; ну, а мужчина и женщина, вовсе не думающіе о продленіи человѣческаго рода и имѣющіе духовное сродство, общность идей, общую работу, развѣ не имѣютъ права на сожительство, которое имъ облегчило бы ихъ трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалось бы беззаконнымъ? Старика 65 лѣтъ и женщину 50 лѣтъ, которые уже не могутъ расчитывать на продолженіе рода человѣческаго, церковь вѣнчаетъ, и они пользуются всѣми правами какъ мужъ и жена; такимъ образомъ поощряется чувственная сторона, за что, скажемъ, мужъ можетъ оставить своей женѣ по смерти пенсію. Если-же сошлись двое, исповѣдующіе высшую христіанскую любовь (толстовцы), и будутъ жить подъ однимъ кровомъ, воспитывая, скажемъ, чужихъ дѣтей, то сожительство это незаконно, подвергается насмѣшкамъ, и духовный мужъ и отецъ не можетъ оставить своей пенсіи своей женѣ и дѣтямъ, и они должны впасть въ нищету.

Не благоразумно-ли было бы узаконить духовные не церковные браки, въ которыхъ супруги пользовались бы тѣми же гражданскими правами, какъ и въ плотскихъ бракахъ, освящаемыхъ церковью?

Еслибы два лица, вступившія въ духовный бракъ, почувствовали влеченіе къ продолженію рода человѣческаго, то ничто не мѣшало бы имъ вступить въ церковь, а черезъ посредство ея и въ церковный бракъ, и, полагать надо, до расторженія такого брака дѣло никогда не дошло бы.

Государство ввело официальный блудъ и прелюбодѣяніе, употребляя нечеловѣческое насиліе надъ женщиною, заставляя ее вѣчно прелюбодѣйствовать за то, что она когда-то, можетъ быть чисто любя, довѣрчиво отнеслась къ мужчинѣ и „пала“. Иди въ публичный домъ [1]), и нѣтъ тебѣ просвѣта и надежды на исправленіе! И церковь не вопіетъ противъ этого. Такъ не благоразумнѣе-ли было бы государству узаконить идеальные духовные браки, хотя

[1]) Вотъ это хорошо! Ахъ, какъ это важно! Еслибы дѣвушкамъ (мнимо) „падающимъ“ были усвоены и узаконены ихъ дѣти, т. е. *данъ смыслъ и содержаніе ихъ жизни*—разомъ на половину сократился бы (общественный) блудъ. Расцвѣли бы дома (частные) жизнью и дѣтьми, а притоны публичнаго разврата закрылись бы „за безработицей“. Можно

это и не согласуется съ правилами православной церкви, а въ церковныхъ бракахъ допустить разводы на основаніи прелюбодѣянія, какъ понималъ его Христосъ, которое никакихъ доказательствъ не требуетъ для людей, которые рѣшились разводиться, такъ какъ въ сердцѣ своемъ каждый изъ нихъ прелюбодѣйствовалъ.

Хотя вы и говорите, что Толстой не понялъ христіанства, но думаю, что духовный бракъ, хотя и не предлагаемый Толстымъ, но въ духѣ его ученья, и разводъ—христіаннѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ настоящій бракъ, обратившійся, при отсутствіи развода, въ узаконенное поголовное прелюбодѣяніе, да ужъ не въ сердцѣ только, но въ фактическое прелюбодѣяніе. Ваши противники говорятъ, что развода не слѣдуетъ допускать для дѣтей, а для нихъ-то, мнѣ кажется, и надо допустить разводъ, такъ такъ зачѣмъ же ихъ воспитывать въ прелюбодѣяніи (прелюбодѣи вѣдь иного внушить и не могутъ), а не въ истинномъ отношеніи одного пола къ другому?

Извиняюсь, что не знаю вашего имени и отчества, и остаюсь искренно васъ уважающій *Незнакомецъ*.

2.

Милостивый Государь!

Не могу не выразить вамъ свою глубокую признательность за ваши статьи о разводѣ. Вы не можете себѣ представить, сколько теперь въ провинціи говорятъ о разводѣ, благодаря вашимъ статьямъ. Все то, что каждый раньше сознавалъ и о чемъ думалъ, вы пишете и такъ смѣло, такъ рѣзко. Много и мнѣ хотѣлось бы вамъ написать по этому вопросу, да думаю, что вамъ и такъ все извѣстно.

Подъ вліяніемъ вашихъ статей я невольно вспомнилъ и задумался о тѣхъ несчастныхъ, искавшихъ развода, которыхъ дѣла тянулись десятки лѣтъ и о которыхъ вамъ извѣстно изъ Комаровскаго процесса [1]).

сказать, что „домъ терпимости“ есть лѣвая сторона того же явленія, правая сторона котораго называется: „незаконный ребенокъ“. И какъ только вы написали въ законѣ второе, такъ тотчасъ вписали въ „Вѣдомости градской полиціи“ и первое. *В. Р—въ.*

[1]) Знаменитое дѣло братьевъ Скитскихъ, предполагавшихся убійцъ секретаря Полтавской духовной консисторіи Комарова. Кстати, вопросъ: Комаровъ, какъ я и вы, читатель, какое преимущество имѣлъ, или подобные ему имѣютъ, передъ нами *вліять на бракоразводный процессъ*? И если онъ, безъ рясы и духовнаго посвященія, вліялъ, задерживалъ на десятки лѣтъ разводъ (онъ былъ его фанатическимъ противникомъ), то это есть полный фундаментъ для того, чтобы вовсе изъять изъ консисторіи разводъ и передать его вообще свѣтскимъ, аналогичнымъ Комарову людямъ, не правда-ли? *В. Р—въ.*

Почему бы вамъ не вспомнить объ этихъ несчастныхъ и не написать статью о нихъ? Представьте себѣ одну изъ нихъ. Подала прошеніе о разводѣ; ждетъ годъ, другой, третій и даже больше; ѣздитъ, хлопочетъ, подкупаетъ свидѣтелей, даетъ взятки, разоряется [1]), наконецъ встрѣчаетъ того, кто могъ бы на ней жениться, если бы она была свободна, а потому проситъ секретаря консисторіи объ ускореніи дѣла, и вдругъ встрѣчаетъ съ его стороны рѣзкій враждебный пріемъ, а служащіе консисторіи, изъ которыхъ Комаровъ даже столоначальника называлъ „чушкою“, называлъ при постороннихъ,—говорятъ, что „все зависитъ отъ секретаря“.

Пишите побольше о разводѣ. Можетъ быть наконецъ дождемся суда справедливаго, отвѣчающаго духу времени, и при томъ безъ взятокъ.

P. S. На дняхъ я прочелъ въ газетахъ замѣтку о работахъ коммиссіи, учрежденной для выработки мѣръ противъ незаконныхъ сожительствъ, и вспомнилъ свой разговоръ по этому вопросу съ членомъ консисторіи, который мнѣ сказалъ, что эта комиссія ни въ какомъ случаѣ не рѣшится настаивать на облегченіи развода, какъ на главномъ средствѣ предупрежденія незаконныхъ сожительствъ, такъ какъ трудность полученія его необходима для духовенства, и что въ этой комиссіи много будетъ только говориться, а мало должно ждать толку. Тогда я не повѣрилъ этому священнику, а теперь ясно вижу, что отъ комиссіи едва-ли можно ждать чего-либо порядочнаго. Съ истиннымъ почтеніемъ *Св—нъ*.

3.

Многоуважаемый В. В. Убѣдительно прошу васъ напечатать, если вы найдете возможнымъ, эту маленькую статейку.

Уже годъ, а можетъ быть и нѣсколько болѣе, какъ начались пренія о святости брака, а также о необходимости развода. Съ одной стороны—горячія и крайне убѣдительныя статьи противъ закрѣпощенія личности бракомъ, а съ другой—можетъ быть и горячія, но туманныя и бездоказательныя за охраненіе „святости“ брачнаго союза. Голова кружится отъ множества цитатъ и головоломныхъ оборотовъ. Много словъ, но мало толку! Полное сочувствіе читающей публики возбуждаютъ статьи перваго рода. И вотъ очень желательно было бы, чтобы оппонирующіе этимъ статьямъ отвѣтили бы коротко и ясно, не вдаваясь въ богословскія словопренія, по совѣсти, конечно: какая семья достойна благо-

[1]) Чортъ знаетъ, что-такое. Просто нельзя повѣрить, что это въ благоустроенномъ государствѣ дѣлается; о христіанствѣ я уже и вопроса не подымаю. *В. Р—въ.*

словенія Божія и церкви, законная-ли, гдѣ отецъ, или мать, а иногда и оба вмѣстѣ, не сойдясь характерами, устраиваютъ жизнь по своему вкусу, что ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ ссорамъ, открытой ненависти, выражемой ругательствами самаго дурного свойства,—а часто и къ преступленіямъ; или же семья нелегальная, гдѣ члены семьи, побольшей части умудренные опытомъ предыдущаго супружества, живутъ мирно, любовно, заботясь горячо о воспитаніи дѣтей, и помогаютъ другъ другу нести бремя жизни, которое и безъ семейныхъ разладовъ, иногда, ухъ, какое тяжелое! Спрашивается, въ какой семьѣ дѣтямъ лучше живется, и изъ какой семьи можетъ выйти честный и нравственный гражданинъ, способный приносить пользу отечеству? Конечно, не можетъ быть вопроса въ томъ, что само-собой очевидно. За что же такія семьи лишаются благословенія церкви, и дѣти, рожденныя въ такомъ сожительствѣ, должны носить позорное клеймо „незаконнорожденный“? За что человѣкъ, сдѣлавшій ошибку въ молодости (т. е. женившись, или выйдя замужъ неудачно), обреченъ нести всю жизнь цѣпи неудачнаго брачнаго союза—болѣе тяжелыя, чѣмъ цѣпи каторжника, и за что дѣти — плоды сожительства—обречены на гибель, ибо, повторяю, что тамъ, гдѣ родители увлечены своими счетами и гдѣ вѣчныя ссоры—нѣтъ мѣста заботамъ о дѣтяхъ, которыя ростутъ болѣе несчастными, чѣмъ круглыя сироты. Мнѣ кажется, что свободный разводъ много помогъ бы тутъ. Съ одной стороны, онъ сдерживалъ бы страсти лицъ, получающихъ отъ брака болѣе выгодъ, чѣмъ другая сторона, почему и разводы были бы рѣже, а съ другой позволилъ бы честнымъ и любящимъ семьямъ—теперь нелегальнымъ—не бояться укоровъ и непріятностей, вѣчно грозящихъ имъ, и стать полноправными членами общества. Что же касается того предположенія, что доступный разводъ вызоветъ разнузданность и развратъ, то оно не основательно, такъ какъ бракъ не сдерживаетъ жаждущихъ разврата, что видимъ очень часто, и чему служатъ доказательствомъ переполненные воспитательные дома. И такъ, въ чемъ же вредъ развода? А главный вопросъ въ томъ, какая семья достойнѣе благословенія Божія и церкви изъ двухъ, упомянутыхъ выше. Закидывать же словами и затумашивать мысль въ такихъ жизненныхъ спорахъ не слѣдуетъ, а въ короткихъ и ясныхъ словахъ надо доказывать убѣдительность своего положенія. *Х—скій.*

X. Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ [1]).

(По поводу статьи В. Розанова въ «Новомъ Времени»).

За тѣ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ, какіе ознаменовались подъемомъ въ русскомъ обществѣ интереса къ богословскимъ вопросамъ, въ нашей газетной литературѣ явилось особое направленіе, крайне несимпатичное по характеру своему и вредное по самому существу. Это направленіе представляетъ какую-то удивительную своеобразную смѣсь показного благочестія съ проповѣдью широкой свободы страстей [2]), преклоненія предъ христіанствомъ и—снисходительно-небрежнаго отношенія къ нему, подчиненія вѣрѣ и—совершенно свободнаго и своевольнаго толкованія ученія ея. Создалось-ли такое направленіе какъ результатъ принужденнаго подчиненія обычнаго легкаго газетнаго либерализма духу нашего, болѣе благопріятнаго вѣрѣ, времени, есть ли оно прямое слѣдствіе появленія непризванныхъ учителей вѣры (разумѣемъ не одного гр. Толстого), — рѣшать этихъ вопросовъ не будемъ, но самое направленіе, безспорно, заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго отношенія къ себѣ, такъ какъ и безъ подробныхъ поясненій понятно, что много лжи, самой гибельной путаницы понятій и всякаго зла можетъ оно внести въ широкіе

---

[1]) Это былъ *первый* голосъ изъ богословско-семинарскихъ сферъ на тему о разводѣ, и читатель долженъ читать его особенно внимательно. Авторъ о *семьѣ* и ея теченіи и не говоритъ; о *мужѣ* и *женѣ* не говоритъ-же; о *дѣтяхъ* тоже не говоритъ: какъ будто бракъ есть бракъ *не для дѣтей* и заповѣдь его дана была не *мужу* и *женѣ*. (*Быт. I* и *Матѳ. 19*). Авторъ (преподаватель Харьковской семинаріи) начинаетъ высокомѣрно, важно и презрительно-увѣреннымъ тономъ говорить только о „мы“ (себѣ и своихъ сферахъ) и что де это „наша область“, „наша власть“; и какъ жалобы на страданія колеблютъ эту власть, то конечно онѣ идутъ отъ развратныхъ людей, безбожія и суть пустомысліе и легкомысліе. Такъ самоувѣренный англо-саксъ Южныхъ Штатовъ говорилъ о бѣжавшихъ съ плантацій его черныхъ „бунтовщикахъ“, на которыхъ онъ спускалъ собакъ. По нашему *уваженіе* къ браку выражается (или должно-бы выразиться) въ уваженіи къ *мужу*, *женѣ*, *дѣтямъ* (члены брака); по богословствованію-же г. К. Сильченкова и „иже съ нимъ“, уваженіе къ браку выражается въ *страхѣ* мужа, жены и дѣтей *къ нему и „иже съ нимъ“*. Дальше читатель будетъ много читать богословскихъ о бракѣ разсужденій и вездѣ найдетъ одинъ тонъ: *боитесь* насъ, если вы *нравственны;* а если не боитесь и насколько не боитесь—то вы безнравственны. *В. Р—въ.*

[2]) Кажется, единственная, „богословски“ дозволенная страсть, есть страсть *владычествованія* и *самоуправства*. Страсть, породившая на западѣ папство и всюду пирамиду властей—„святѣйшая“, а порождающая ребенка страсть есть, по ихъ ученію — „грѣшнѣйшая“. Папа и младенецъ — какъ „богъ“ и „демонъ“, въ вѣчномъ исключеніи другъ друга. *В. Р—въ.*

круги русскаго общества, гдѣ столь многіе еще доселѣ газетному слову вѣрятъ, какъ проповѣди несомнѣнной истины.

Выразительнѣйшимъ примѣромъ сказаннаго является статья г. Розанова въ 8481 № (за 7 октября текущаго года) „Новаго Времени", подъ заглавіемъ: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи". Авторъ пишетъ по поводу внесеннаго теперь въ наши высшія государственныя учрежденія законопроекта о разводѣ, и пишетъ, конечно, въ защиту широкой свободы развода: извѣстно, вѣдь, что какъ только поднимается въ нашей свѣтской печати этотъ вопросъ, онъ не иначе разсматривается и рѣшается, какъ въ такомъ только смыслѣ. Въ разсужденіяхъ на эту тему газеты бываютъ преисполнены столь удивительной любви и снисхожденія къ страждующему отъ современныхъ ненормальныхъ условій брака (разумѣется отсутствіе легкаго развода) человѣчеству, что самое Евангельское ученіе [1]) о разводѣ является въ сопоставленіи съ ихъ любвеобильными разсужденіями чрезвычайно жестокимъ и мрачнымъ... Быть можетъ, большее спокойствіе и отсутствіе увлеченія дали бы инымъ публицистамъ возможность понять всю чрезмѣрность этой претензіи—превзойти въ любви Евангеліе [2]),—быть можетъ, они тогда и допустили бы, что не инымъ чѣмъ, какъ любовію къ грѣшному человѣчеству вызванъ былъ у Божественнаго Учителя чистѣйшей и святой любви и Его строгій приговоръ о разводѣ [3])...

Впрочемъ, литература о разводѣ съ догматической и съ канонической точки зрѣнія и такъ чрезвычайно обильна и обширна [4]),

---

[1]) Да не объ Евангельскомъ, а о „россійскомъ" и „консисторскомъ" разводѣ идетъ рѣчь. Ибо вѣдь никому-же вы не подадите Евангелія въ руки и не скажете: „нате, вотъ вамъ руководство: разводитесь по нему". Безмѣрное отсутствіе чувства отвѣтственности и развилось у чиновныхъ и у рясофорныхъ богослововъ отъ этого вѣчнаго самоутѣшенія: „мы—по Божьи", „мы—по Евангелію", „если Евангеліе безгрѣшно, то и мы: ибо мы все по Евангелію", „наши дѣла и Евангеліе—разныя стороны одного листа". И въ этомъ-то самоутѣшеніи забылись люди и забыли міръ, который такъ явно и мучительно страдаетъ. См. выше письма людей, которымъ отвѣчали яко-бы „по Евангелію". *В. Р—въ.*

[2]) Да вѣдь неужели женщинѣ, брошенной мужемъ и зараженной отъ него siphilis'омъ (см. выше), „Евангеліе" отвѣтило бы безчеловѣчнымъ отказомъ въ разводѣ? Но авторъ закусилъ удила и несется какъ риторъ-семинаристъ въ ученической тетрадкѣ. *В. Р—въ.*

[3]) Перечитайте, перечитайте, читатель, выше письма о разводѣ, чтобы увидѣть это безстыдство словъ, что консисторіи, отвѣчая смѣхомъ на слезы и отчаяніе, руководятся „любовью къ грѣшному человѣчеству", постановляя свои „строгіе отказы въ разводѣ". Ну, а „тысящи" обираются при разводѣ тоже „изъ любви къ грѣшному человѣчеству"? *В. Р—въ.*

[4]) Какое высокомѣріе тона! „Станемъ мы разбирать", „очень надо". Конечно, за это нельзя получить, какъ за бракоразводное дѣло, „тысящъ" трехъ-четырехъ; а если слезы тутъ льются, то развѣ когда-нибудь онѣ проникали до семинарской груди? Слишкомъ она увѣшана; и черезъ

и мы отнюдь не имѣемъ намѣренія пополнять ее съ своей стороны. Но ратуя за большую и, кажется, даже за безграничную свободу развода, г. Розановъ высказываетъ удивительныя воззрѣнія на самый бракъ, на нравственную его основу и догматическое существо его, какъ таинства Церкви,—эти именно разсужденія его являются яркимъ образцомъ того направленія, о которомъ мы говорили: излагая взгляды, не только оскорбляющіе священный институтъ Церкви [1]), но и прямо отрицающіе его, авторъ подтверждаетъ ихъ словами Христа и серьезно думаетъ, что онъ-то и даетъ правильное толкованіе ученія Церкви и даже ограждаетъ благополучіе ея самой... Нашу задачу и составляетъ показать дѣйствительную сущность такихъ удивительныхъ разсужденій — въ противоположность ихъ кажущемуся благочестію. Итакъ, разсмотримъ сужденія г. Розанова — а) о нравственной основѣ брака и—b) о догматическомъ существѣ его какъ таинства Церкви.

а) Въ основѣ брака, по мнѣнію г. Розанова, лежатъ страсти. Эту мысль онъ раскрываетъ подробно и обстоятельно. „Изъять страсти изъ семьи—это значитъ не начать семьи: мысленно, или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи — значитъ даже не дать семьѣ возникнуть. Страсти суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи: порохъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнузданныхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась". Я думаю, „если бы не страсти"—семья, скорѣе, не началась бы"... Однако, какъ бы ни благодѣтельно было значеніе страстей, но и г. Розановъ не забываетъ, что человѣкъ есть существо разумное, что поэтому, воспѣвая панегирикъ страстямъ, должно сказать и о разумѣ. „Но — увѣряетъ онъ — замѣчательна глубоко ограниченная его роль въ семьѣ"... „Семья есть институтъ существенно ирраціональный, мистическій. Поэтому *совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже не права.* Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больнѣе отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму: безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибелью. Кромѣ того, изслѣдуйте меня, и вы убѣ-

---

мѣдь и серебро „нагрудныхъ знаковъ" ничего туда не пробивается. *В. Р—въ.*

[1]) Оставьте клеветать: не Церкви, а васъ и вашего вѣкового самоуправства. И что за выраженіе „институтъ церкви"? Есть „институтъ земскихъ начальниковъ", „институтъ мировыхъ посредниковъ", вообще „институтомъ" зовется человѣческое учрежденіе, а Церковь основалъ Спаситель, и Спасителемъ основанное можно-ли назвать „институтомъ"? Авторъ безсознательно кощунствуетъ, просто—не уважаетъ Божескаго, за то онъ требуетъ поклоненія какъ Божескому—„нашей власти", и „отъ насъ идущимъ правиламъ", и „конторамъ". *В. Р—въ.*

дитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и нѣжное существо, какъ семья: самая природа моя и происхожденіе мое—благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я есмь идеалъ въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочнаго. И если я ухожу, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью: неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца"... „Непорочная семья есть величайшій идеалъ въ смыслѣ соціальнаго строительства; но разумъ построитъ ее не тогда, когда запретитъ страсти, вытретъ ихъ, какъ резина стираетъ карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и матеріи семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣетъ здѣсь рождать; но, какъ искусный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться"...

Итакъ, основа семьи и зиждительная сила ея, по тумашному разсужденію г. Розанова, — страсти (точнѣе страсть); разумъ имѣетъ въ ней мало значенія. Правда,—значеніе разума въ той же статьѣ г. Розановъ называетъ „распорядительнымъ",—правда и то, что если онъ есть „мудрый аналитикъ, изслѣдователь, пособникъ и искусный акушеръ", то мѣсто его, повидимому, нельзя назвать „скромнымъ", а роль его—„замѣчательно ограниченной", но г. Розановъ этого противорѣчія замѣчать не желаетъ [1]). Его главная мысль есть дѣйствительно мысль о ничтожномъ значеніи въ семьѣ разума и о господственномъ и почти исключительномъ значеніи страстей, — такъ что приведенные лестные отзывы о разумѣ есть не болѣе, можно сказать, какъ дань приличію, потому что нельзя же дѣйствительно, не нарушая приличія, человѣка, разумное существо, въ важнѣйшемъ и существеннѣйшемъ моментѣ его жизни, представлять игрушкой исключительно страстей [2]).

Но существа дѣла подобныя фразы, конечно, нисколько не измѣняютъ. Разуму дѣйствительно нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ столь важное значеніе имѣютъ страсти,—что разумъ и страсти взаимно другъ друга исключаютъ—вѣдь, это истина элементарная

---

[1]) Аналитикомъ, помощникомъ и акушеромъ разумъ является въ брако*устроеніи*, брако-*учрежденіи*, брако-*законодательствѣ*. „Чужое дѣло по ниточкѣ разберешь, а *къ своему—ума не приложишь*"; и разумъ ограниченъ въ силахъ *сотворить свое семейное счастье*, онъ безсиленъ у *мужа*, у *жены*. Но наши „отцы", натворивъ безсильныхъ законовъ и написавъ поверхностныхъ правоученій для несчастныхъ въ супружествѣ, каждое нравоученіе заканчиваютъ: „имѣйте разумъ! не разводитесь!! молчите!!! а потихоньку и укромно устройтесь, взявъ разсудительность въ руководство". Объ этомъ-то, о внутренней супружеской жизни я и говорилъ и говорю, что построительная сила разума здѣсь ничтожна. *В. Р—въ.*

[2]) Сами семинаристы, какъ извѣстно, женятся безъ страсти: объѣхалъ уѣздъ, выглядѣлъ невѣсть, руководясь принципомъ: „намъ съ лица не воду пить", и принявъ, за отсутствіемъ „страстей", въ соображеніе „движимое и недвижимое", „рухлядь", „салопы", „столовое и чайное се-

и общеизвѣстная. Разумная страсть—это нѣчто въ родѣ холоднаго огня, горячаго льда, свѣтлой тьмы и тому подобныхъ невозможныхъ вещей. Если страсть подчиняется „распорядительному“ значенію разума, если она подвергается его „мудрому анализу, изслѣдованію“ и проч.,—то она уже не страсть, а разумное чувство... Но г. Розановъ говоритъ не о разумномъ чувствѣ, а именно о страсти,—это ясно изъ приведенныхъ его словъ, что разумъ, „пассивный регуляторъ“, не въ правѣ не только господствовать надъ страстью, но даже и „бороться“ съ нею. Слѣдовательно, въ основу семьи онъ полагаетъ страсть, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, и *отрицаетъ* значеніе въ этомъ случаѣ разума. Такова его мысль, освобожденная отъ ненужныхъ прибавленій, полныхъ внутренняго противорѣчія и не вяжущихся со всѣмъ содержаніемъ его разсужденія.

Какая именно страсть лежитъ, по мнѣнію г. Розанова, въ основѣ семьи, — поясняять это совершенно излишне. „Здѣсь, — скажемъ словами одного христіанскаго писателя, — очевидно, желаютъ поставить законъ плоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальная истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство [1]), которое не краснѣетъ предъ закономъ нравственности [2]). Плотская похотливость, очевидно, отрицаетъ здѣсь то, что бракъ есть учрежденіе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей [3]), что личности даютъ обязательство не только другъ передъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ,

---

ребро“—сдѣлалъ предложеніе перезрѣлой, недозрѣлой, умной или глупой, все равно какой невѣстѣ, и началъ затѣмъ съ нею „безстрастно“; а иногда люто „жить“, какъ полѣно около полѣна. Только въ самое послѣднее время, въ молодомъ нашемъ священствѣ (я наблюдалъ) выдвигается новый идеалъ жены-подруги, жены-друга, по Библіи „помощницы“, „Евы, взятой отъ ребра Адама“, т. е. на динамическомъ и творческомъ основаніи страсти, страстнаго, любящаго „прилѣпленія“. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ какъ расправляются богословы съ чуднымъ восклицаніемъ Адама при воззрѣніи на прекрасное тѣло Евы: „Это—плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей: посему наречется моею женою“. Адамъ вдругъ, ничего не зная о способѣ ея творенія (сонъ его), почуялъ какъ-бы *оторванною* ее *отъ себя, извлеченною изъ себя*, и себя самого—болѣющаго, томящагося въ отлученіи отъ нея, въ разрывѣ съ нею. Отсюда: влеченіе къ ней, мною и именуемое: „страсть“. Ниже я помѣщаю два прекрасныхъ разсужденія о страсти протоіерея *А. И. Устьинскаго* и *С. В. Б—ха* (58-лѣтняго отца и даже дѣда обширнаго семейства), которыя совершенно уясняютъ вопросъ именно о страсти. *В. Р—въ.*

[2]) Вы „нравственность“ слили съ гнуснымъ скопчествомъ, съ *безстрастіемъ*, холодомъ. То-то міру и холодно подъ „вами“ и около „васъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ это прелестно! Выше „Адама“, выше „Евы“ и „по ихъ образу“ сотворенныхъ Ивана. Марьи—лежитъ бракъ въ рукахъ секретаря духовной консисторіи. *В. Р—въ.*

именно Богомъ [1]), что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно пріятны [2]) другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлью этого учрежденія является то, чтобы личности черезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанію въ добродѣтеляхъ, вслѣдствіе чего христіанство также говоритъ о крестѣ, который Богъ положилъ на это состояніе жизни". (Г. Мартенсенъ: Христ. ученіе о нравственности, пер. Лопухина. Спб. 1890 г. Т. I, стр. 414).

Однако, намъ не замедлятъ, конечно, возразить, что какъ нельзя отрицать извѣстныхъ физическихъ потребностей въ человѣкѣ, такъ нельзя отрицать и физической стороны въ бракѣ, Самимъ Богомъ созданной и освященной [3]). Да и нѣтъ основаній и цѣли [4]) отрицать ея, ибо изъ физическихъ отношеній [5]) между супругами возникаютъ чисто нравственныя, которыя, постепенно возвышаясь и одухотворяясь, могутъ и должны достигать богатаго духовнаго содержанія и проявляться въ возвышеннѣйшихъ и чистѣйшихъ формахъ, существенно содѣйствуя духовному совершенству какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего человѣчества..

Но мы, конечно, будемъ спорить противъ этихъ святыхъ

---

[1]) И опять лукавая ссылка. „Передъ Богомъ" живутъ мужъ, жена; ихъ житіе—и праведное, и грѣшное—передъ Богомъ и передъ Его судомъ, или Его радостію на нихъ. Но это истинный подлогъ, въ своемъ родѣ „лже-Исидоровы декреталіи",—положить „бракъ" въ широкій и глубокій карманъ свой и начать восклицать: „вотъ когда онъ сталъ святъ, освятился, у Бога". *В. Р—въ.*

[2]) „Должны быть": это какъ дань личностямъ—*реторично*, можетъ быть и можетъ не быть. Но есть другое „должно быть", которое уже закрѣплено цѣпями, заперто замкомъ, заклепано сталью и *реально*, а не реторично: „неси крестъ свой". См. ниже конецъ цитаты. *В. Р—въ.*

[3]) Замѣтьте, замѣтьте бездушныхъ риторовъ, какъ нѣмѣющею дланью они пишутъ вверху страницы: „безстыдство", „плотская похотливость",— а внизу: „самимъ Богомъ созданная и освященная физическая сторона". Можно-ли съ ними спорить, когда это суть явные атеисты, эти печальные мертвецы?!! *В. Р—въ.*

[4]) Да и какъ бы вы смѣли, когда, по вашему-же, она „создана и освящена Богомъ". Но они все смѣютъ, „мертвые бо срама не имутъ", а они мертвы, эти „скопцы отъ чрева матери". *В. Р—въ.*

[5]) Ну вотъ: „изъ физическихъ отношеній" выростаетъ духъ семьи. При чемъ же ваши широкіе карманы и чувство *собственности* къ браку, слова о „высшемъ и внѣ-личномъ учрежденіи"? Никогда не видалъ я супруговъ, которые среди ссоры вдругъ бы вспомнили и умилились: „Маша! Ваня! Остановимся: помнишь-ли ты: *возложи на главы ихъ вѣнцы?* и это—*Исаія ликуй* и *жена да боится своего мужа?* Я плачу отъ воспоминанія. *Помиримся*". Не помню такихъ словъ. Но заря, ночь, воркованіе въ ночи и великіе обѣты передъ звѣздами—да, изрѣдка, иногда это мирить, примиряетъ. Хотя рѣдко. Ибо это было и умерло. А бракъ живетъ всегда въ praesens, текущимъ, живою сегодняшнею клѣточкою крови, сегодняшнимъ дыханіемъ души. *В. Р—въ.*

истинъ [1]). Но наша рѣчь о г. Розановѣ. Эти ли истины слѣдуютъ изъ его разсужденія и онѣ ли въ немъ подразумѣваются? Нѣтъ,—и если самъ г. Розановъ думаетъ иначе, то конечно онъ ошибается. Напомнимъ вновь, что онъ говоритъ о страсти, а не о разумномъ чувствѣ [2])—страсти же невозможно создать не только высоконравственныхъ отношеній въ бракѣ, но и самаго брака [3]), какъ исключительной преданности одного—одной (и наоборотъ) и связи ихъ на всю жизнь.

Что это такъ,— не подлежитъ сомнѣнію уже по тому одному, что всякая страсть въ существѣ своемъ есть грубое проявленіе эгоизма, чуждаго мысли (тѣмъ болѣе, что и самый разумъ страстью отрицается и упраздняется) о правахъ, нуждахъ и желаніяхъ другихъ. Не ясно ли противорѣчіе страсти самой идеѣ брака,—идеѣ жизни въ союзѣ *съ другимъ* [4]) и—*для другого?*.... Уже это одно совершенно устраняетъ всякую правдоподобность мысли о страсти, какъ основѣ непорочной семьи.

Правда, что та именно страсть, которая иными предполагается лежащею въ основѣ брака, повидимому, совершенно чужда эгоизма [5]), представляетъ какъ бы прямое отрицаніе его, почему

---

[1]) Да что же такое вся брошюра, какъ не споръ противъ „этихъ святыхъ истинъ“?! *В. Р—въ.*

[2]) „Разумное чувство“ полового акта = „физическому отношенію“ (К. Сильченкова) не сотворяетъ: и изъ него вытекаетъ дружба, а семьи, *супружеской, дѣто-творящей*, не вытекаетъ. *В. Р—въ.*

[3]) Просто—умора. Молодые люди встрѣтились, *понравились* (основной фактъ), стали *симпатизировать другъ другу*, ищутъ *встрѣчъ, свиданій, жмутъ руки*, сіяніемъ *взоровъ* одинъ другого привѣтствуютъ, *цѣлуются*, прижимаютъ къ *груди* другъ друга; ослабѣваютъ на нихъ „кожаныя одежды“, символъ грѣха Адама; опадаютъ „лиственныя препоясанія“, послѣ грѣха потребовавшіяся: и теперь, когда они безгрѣшные слились безгрѣшно, конечно, съ пламеннымъ желаніемъ и вѣрою остаться вѣрными другъ другу всю жизнь, К. Сильченковъ восклицаетъ: „простое безстыдство! плотская похотливость! не мое!! не отъ меня!! анаѳема“. Но это—претензія на власть, а не разбирательство дѣла. Нѣтъ, сущность брака, отъ альфы до омеги его—въ чудномъ, богоданномъ *Бытіи*, на первой страницѣ *Завѣта Вѣчнаго*, который мы грустно переименовали въ „Ветхій“, „постарѣвшій“. Отсюда-то, въ гармоніи съ бракомъ Эдемскимъ и таинственное обрѣзаніе, Аврааму данное: „вотъ *Азъ* и на *чемъ* полагаю Я завѣтъ Мой съ тобою“. Но какъ обрѣзаніе рухнуло, то въ дыру, отъ него оставшуюся, и просунулъ плѣшивую свою голову и скопческую физіономію секретарь, чиновникъ, риторъ, „к. сильченковъ“ (съ маленькой буквы) и сказалъ: „Да, ужъ теперь твердо: здѣсь—все мое, здѣсь ничего нѣтъ не моего: а обрѣзаніе—старая порнографія и ваше безстыдство, заслуживающее плетей“. *В. Р—въ.*

[4]) Что за чепуха: да вѣдь „страсть“ можно удовлетворить „только съ другимъ“ и ея изліяніе совершить „для другого“. Бракъ потому и есть „союзъ двухъ“, что страсть *дву*-сторонняя, *дву*-лична, *дву*-тѣлесна, *дву*-пола, тогда какъ секретарь духовной консисторіи всю жизнь можетъ прожить *одинъ*, и никакъ *изъ него* „брака“ не выйдетъ. *В. Р—въ.*

[5]) Что за путаница: „страсть есть грубое проявленіе эгоизма“ и (че-

ей обычно и усвояется названіе любви,—священное имя, которое нигдѣ такъ не опошляется, какъ въ этомъ случаѣ. Страстно влюбленный человѣкъ не забываетъ ли, повидимому, себя самого, не живетъ ли только другимъ, не пренебрегаетъ ли всѣми другими своими потребностями, интересами, нуждами? И сколько подвиговъ самоотверженія, беззавѣтной храбрости, безтрепетной рѣшимости вызываетъ эта страсть,—говорятъ намъ защитники ея. Какимъ могучимъ двигателемъ является она, поэтому, во всѣхъ областяхъ духовной жизни человѣчества! Какіе дивные цвѣты поэзіи расцвѣли на почвѣ ея, какими великими памятниками искусства обязаны мы ей!.. И проч., и проч. [1]).

Эти дифирамбы чувственной страсти часто теперь можно встрѣчать въ печати (особенно въ произведеніяхъ г. Розанова), и кому они теперь неизвѣстны? Но если есть въ нихъ что истинное, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой, по недоразумѣнію, подъ страстью въ нихъ понимается то разумное чувство, которое возникаетъ на почвѣ естественнаго взаимнаго влеченія половъ [2]). Только этому чувству обязано человѣчество указанными прекрасными явленіями въ духовной своей жизни, страсть же необходимо всегда проявлялась и проявляется въ явленіяхъ отрицательныхъ, внося смуту и горе въ практическую жизнь человѣчества и отраву—въ его духовную жизнь (безнравствен-

---

резъ 10 строкъ) „страсть совершенно чужда эгоизма“. И такъ-то пишущіе господа въ самомъ началѣ заявляютъ: „литература наша чрезвычайно обильна и обширна, и посему—говорить нечего, а такъ, мы только нѣсколько словъ промолвимъ“ (см. начало брошюры). Между тѣмъ и *прежде* такъ и даже хуже писалось; но запѣсневѣвъ—получило важность, стало „исторично“, „документально“—и подите-ка теперь, раздвиньте эту „святую старинку“. *В. Р—въ.*

[1]) Что „и прочее и прочее“? Развѣ это не вѣрно, безстыдный человѣкъ? Тогда какъ у васъ, въ итогѣ вашихъ консисторскихъ подвиговъ—разворенныя семьи, несчастные люди, потерянныя состоянія (см. выше письма о разводѣ). И имѣя таковое за собою, вы кричите: „наша власть“... Но довольно. Терпѣніе міра истощилось, и кажется „вашей“ власти приходитъ конецъ. Замѣтимъ еще, что нигдѣ-то, нигдѣ-то въ разсужденіяхъ—ни слова о дѣтяхъ. До чего это противоположно тревожнымъ письмамъ моихъ и дружелюбныхъ и—все равно—враждующихъ корреспондентовъ, которые дѣтей болѣе всего помнятъ. *В. Р—въ.*

[2]) Опять путаница. Да про что-же еще иное можно говорить въ бракѣ? Ну, да: это „влеченіе“ Товія къ Сарѣ, Авраама—къ Саррѣ, заставившее 90-лѣтнюю стать матерью, меня—къ моей супругѣ, въ *основѣ общей*—вѣчное „это—кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моей“. Страсть есть любовь, когда она разлита; а когда сосредоточивается, сливается „въ уголокъ“—она становится рождающею, *дѣто*-творящею. Но вѣдь вы это-то „какъ звѣря“ и хотѣли-бы сковать, этому-то влеченію и полагаете преполы „не разводомъ“: когда требуете любить мертвое, трупъ, и запрещаете любить живое, жизнь. Но да не будетъ: и оковы ваши разсыплются въ звенья, которыя съ презрѣньемъ оттолкнетъ ногою царица брака—златокудрая заря рождающагося младенца. *В. Р—въ.*

ныя формы поэзіи [1]) и искусства). И только весьма недальновидныхъ или не желающихъ видѣть истину людей она можетъ обмануть, принимая видъ и имя любви и прикрываясь мнимыми подвигами самоотверженія [2]). Ея истинная сущность — грубѣйшій эгоизмъ — не можетъ долго оставаться незамѣтной и скрытой. Особенно обличаетъ и выдаетъ ее то *непостоянство*, [3]) которое составляетъ общее и характерное свойство всѣхъ страстей, имѣющихъ источникомъ своимъ физическую природу человѣка. Другія страсти склонны оставаться неизмѣнными какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ предметахъ, на которые онѣ направлены. Такъ, гордый человѣкъ — всегда и вездѣ гордъ [4]), его гордость, получая себѣ удовлетвореніе, не ослабѣваетъ, а еще болѣе возрастаетъ и неизмѣнно направляется на себя самого, на превознесеніе своей личности. Скупой человѣкъ, пріобрѣтая все болѣе и болѣе, только развиваетъ свою страсть, направленную неизмѣнно на одно и то же —на накопленіе богатства [5]). Напротивъ, какъ бы ни былъ жаденъ человѣкъ, но съѣвши много,

---

[1]) Да, это—не страсть, а *безъ*-страстное, *вит*-страстное, и единственно по сему—развратное отношеніе къ полу. Старикашки—первые любители скабрёзнаго—а ужъ какая у нихъ „страсть“! Самые неприличные стихи, анекдоты—среди чиновниковъ, поледенѣвшихъ въ бракѣ. Словомъ, гдѣ угасло *обрѣзаніе* — началась порнографія; гдѣ кончилось священство пола—умерла метафизика брака, и осталась только одна его плоская физика. *В. Р—въ.*

[2]) Не понимаю „мнимаго самоотверженія“. Автору нужно заклеветать вовсе не порнографію. а именно благородную-то любовь, ради которой человѣкъ творитъ подвиги самоотверженія, и онъ именуетъ ихъ „мнимыми“. Но „распни себя“—ради К. Сильченкова, секретаря духовной консисторіи, какъ несчастная Татьяна въ „Евг. Онѣг.“: и распятую—тебя вознесутъ за „истинный (теперь) подвигъ“. Но вѣдь „подвиги“-то нужно творить „для мужа“, для него и для жены „оставлять отца и мать“; и къ великому счастью, о г. К. Сильченковѣ и „иже съ нимъ“ Св. Писаніе ничего не упомянуло. Ничего о васъ, господа, не упомянуто: и съ этого-бы и слѣдовало начать споры. *В. Р—въ.*

[3]) Начинается тонкая софистика, за которою будемъ слѣдить. *В. Р—въ.*

[4]) Да вѣдь и любящій „всегда и вездѣ любитъ“. и даже часто всю жизнь одного или одну; но когда и „не одну“, то онъ аналогиченъ „гордецу“, который гордъ—и въ битвѣ, и въ совѣтѣ царскомъ, и съ друзьями, и съ родными (перемѣна лицъ). *В. Р—въ.*

[5]) Такъ и Соломонъ, и Давидъ „неизмѣнно накопляли любовь“. И Давидъ, уже хладѣя и не въ силахъ будучи ничѣмъ согрѣться—взялъ послѣднюю жену (начало 3-й Книги Царствъ). Я не видалъ скупого, который любилъ-бы непремѣнно *одну* золотую монету, этимъ проявляя духовность своей страсти: онъ любитъ и золото, и земли, усадьбы, дома, все. Если перенести это на полъ—то можно удивляться частотѣ абсолютно единоличной любви. Но изъ примѣровъ-же К. Сильченкова видно. какъ мало въ правѣ мы осуждать и *много*-личность любви, изъ коей и слѣдуютъ какъ факты ветхозавѣтной жизни, такъ и безусловные, горячіе, страстные, не умерщвленные все еще и, очевидно, не умертвимые порывы къ разводу. *В. Р—въ.*

онъ чувствуетъ пресыщеніе и отвращеніе къ пищѣ: какъ бы ни любилъ онъ извѣстное блюдо, но злоупотребивши имъ, онъ стремится къ замѣнѣ его другимъ. То же — и въ области страстной любви между лицами различнаго пола; какою бы пылкою страстью ни былъ преисполненъ человѣкъ, но — „едва лишь утолитъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, — уже скучаетъ и томится“... и — ищетъ новаго предмета страсти. Самая страсть, быть можетъ, и неизмѣнна и остается въ немъ (какъ прирожденная страстность натуры), но въ отношеніи предметовъ своихъ она крайне непостоянна. Не ясно ли, что она столь же эгоистична, какъ и всѣ вообще страсти? Ея непостоянство несовмѣстимо съ истинной любовью и можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, вопреки видимой преданности другому, человѣкъ въ ней служитъ только себѣ самому и именно — низшимъ потребностямъ своей физической природы, преходящимъ и измѣнчивымъ по самому существу своему. На такой ли основѣ созидается христіанскій бракъ? Это ли тотъ чистый источникъ, изъ котораго рождается непорочная семья? Самъ г. Розановъ въ примѣръ непорочной семьи приводитъ гоголевскіе типы Аоанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Но, не рискуя совсѣмъ разсмѣшить читателя, не станетъ же онъ утверждать, что въ основѣ ихъ союза лежала пламенная [1]) страсть...

Только отдѣльные въ жизни случаи подтверждаютъ, повидимому, мнѣніе г. Розанова и придаютъ ему нѣкоторый видъ правдоподобія. Разумѣемъ тѣ случаи, когда страсть дѣйствительно какъ будто ложится въ основу семьи и притомъ такой семьи, которая кажется близкою къ идеалу по взаимной преданности супруговъ, неизмѣнной до конца вѣрности ихъ другъ другу, чистотѣ ихъ отношеній и т. д. Но не трудно видѣть, что и въ этихъ случаяхъ страсть вовсе не имѣетъ приписываемаго ей значенія, въ такихъ семьяхъ она играетъ роль только временнаго опьяненія, болѣзни [2]) и т. п., а не дѣйствительной основы. Бываетъ такъ, что у взаимно оцѣнившихъ и, слѣдовательно, разумною любовью полюбившихъ другъ друга—любовь ихъ, постепенно возрастая, переходитъ въ страсть; возникаетъ счастливый семейный союзъ, и иной недальновидный наблюдатель готовъ видѣть въ немъ подтвержденіе благодѣтельнаго значенія страсти. Но страсть остается вѣрной себѣ: она сравнительно быстро уходитъ, и если семейное счастье не разрушается, то ясно, что не страсть, вопреки видимости, лежала въ основѣ его, а именно то

---

[1]) Да, она *прогорѣла*, а *была*, и она все сотворила. Но авторъ помнитъ мой примѣръ, и понялъ, значитъ, при чтеніи, о чемъ я говорю: зачѣмъ же столько онъ клеветалъ на меня? *В. Р—въ.*

[2]) Болѣзнь есть *боль*, и странно называть „болѣзнью“ *сладость чувства и сладостныя ощущенія. В. Р—въ.*

разумное чувство, которое предшествовало ей и осталось неизмѣннымъ, когда ея уже не стало, когда она исчезла, именно какъ временное опьяненіе или болѣзнь [1]). Случается и наоборотъ—что страсть предшествуетъ разумному чувству; страстное влеченіе сразу овладѣваетъ влюбленными,—когда же оно исчезаетъ, разумъ, вступая въ свои права, усматриваетъ дѣйствительныя основанія ко взаимной любви супруговъ, дѣйствительныя взаимныя достоинства ихъ,—и семья остается счастливою и благоденствующею. Не ясно ли, однако, вновь [2]), что не страсть, а разумное чувство лежитъ въ основѣ такой семьи, что ему она обязана своимъ счастьемъ, элементъ же страсти былъ лишь случайнымъ и несущественнымъ?

Не созидать свойственно страсти, а разрушать [3]), и полагать въ основу брака страсть—значитъ не утверждать достоинство брака и его чистоту, а инспровергать его. Болѣе послѣдовательными были, поэтому, отрицавшіе бракъ во имя свободы страсти западные писатели (напр. Ж. Зандъ и А. Дюма) и наши нигилисты прошлаго времени (М. Волоховъ въ романѣ „Обрывъ" Гончарова). Если же г. Розановъ стремится согласить свободу страсти съ бракомъ, положивши первую даже въ основу послѣдняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ не только отстоять, но даже очистить и возвысить христіанское ученіе о бракѣ, то это — лишь выраженіе того направленія, которое мы отмѣтили...

На самомъ дѣлѣ христіанство, какъ и здравый разумъ самого человѣчества—одинаково отрицаютъ и осуждаютъ страсти. Христіанство учитъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, носящаго въ себѣ, въ своемъ разумѣ и своей волѣ, образъ своего Творца; оно призываетъ его къ разумному и свободному служенію Богу, въ состояніе Богосыновства. И для христіанства, поэтому, нѣтъ [4])

---

[1]) „Опьяненіе, болѣзнь". И на такой-то реторикѣ авторъ и подобные авторы хотятъ что-то построить. *В. Р—въ.*

[2]) Нисколько не ясно, а прямо таки нелѣпо. „Страсть" и „разумное чувство" суть разрѣженное и сгущенное состояніе одной атмосферы. Но кто „рѣдкій воздухъ" и „густой воздухъ"—противопоставляетъ другъ другу и ищетъ ихъ различныхъ *родниковъ? В. Р—въ.*

[3]) Ну, опять! А только что привелъ примѣры, что она „все устраиваетъ". Перекидывая страсть то назадъ, то впередъ, авторъ похожъ на сибирскаго „удалого молодца", что, залегши на дорогѣ, поджидаетъ каравапъ чая, чтобы „отрѣзать мѣсто". Ему непремѣнно надо *оскопить* бракъ, вырѣзать изъ него въ сущности даже не страсть, а вообще—полъ, и передѣлавъ человѣка въ богоугодную „мощу", сухонькую „иконку", сказать: вотъ таковая поживетъ по нашей волѣ. *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ все это мѣсто и далѣе—глубоко замѣчательно: изъ цвѣтка вырѣзать тычинки и пестики, стереть пыльцу: получится „святое", „иконка", „наше". Говоря „иконка"—я разумѣю тенденцію и очерчиваю идеалъ, формулирую поползновенія, вѣчныя, универсальныя. Гдѣ Христосъ—умерли страсти; нѣтъ вожделѣній и все атрофировано. Но, несчастный

страстей ни добрыхъ, ни благородныхъ, ни благодѣтельныхъ: всякая страсть для него есть только зло и грѣхъ, потому что всякая страсть ослѣпляетъ разумъ, порабощаетъ волю человѣка и дѣлаетъ свободнаго сына Божія своимъ рабомъ.. И если утверждать, что страсть лежитъ въ основѣ брака, вообще странно, то утверждать, что она лежитъ на основѣ христіанскаго брака—кощунственно.

b) Еще любопытнѣе взгляды г. Розанова на бракъ, какъ на таинство Церкви. Любопытны они и сами по себѣ, и—какъ образецъ того отношенія къ ученію христіанской вѣры, какое усвоили себѣ публицисты новаго направленія.

Торжественно и важно говоритъ въ своихъ разсужденіяхъ о бракѣ, какъ таинствѣ Церкви, г. Розановъ: „Здѣсь мы стоимъ на рубежѣ почти открытія“,—объявляетъ онъ. Въ чемъ же заключается это „почти открытіе“?—„Во всѣхъ таинствахъ, изъясняетъ нашъ авторъ, человѣкъ пассивенъ; кающійся, причащаемый, крещаемый, помазуемый муромъ онъ стоитъ передъ церковью какъ оголенный членъ міра, какъ древко (?!), по коему течетъ (?!) таинство церкви. Но въ бракѣ? Здѣсь пріемлющій таинство не только не пассивенъ, но скорѣе пассивная сторона, въ ненарушимомъ ритуалѣ, принадлежитъ церкви, а *вся* активная сторона, т. е. *совершеніе* самаго таинства и шествованіе въ немъ, принадлежитъ бракосочетавшимся. Насколько бракъ не фиктивенъ, насколько онъ есть „текущее таинство“, онъ объемлетъ тайну жизни самихъ супруговъ, о которыхъ дѣйствительно—и произнесены всѣ слова, на которыхъ основанъ ритуалъ вѣнчанія. Вотъ особенность и исключительность въ таинствѣ брака“.

Итакъ, сущность „почти открытія“ г. Розанова состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, во всѣхъ прочихъ таинствахъ человѣкъ „пассивенъ“, а въ таинствѣ брака „активенъ“... Не споря пока о достоинствѣ „открытія“, замѣтимъ только, что, къ удивленію, самъ Коперникъ новаго открытія забываетъ и отрицаетъ его, едва успѣвши написать нѣсколько десятковъ строкъ далѣе. Пусть читатель судитъ самъ. „Входитъ ли длительность первою и главною чертою въ таинство“?—спрашиваетъ г. Розановъ и отвѣчаетъ: „Не входитъ. Совершенно нельзя

мой судія: положите двѣ высохшія вѣточки, сухія палочки, и ожидайте, простутъ-ли онѣ одна въ другую. А бракъ есть врастаніе другъ въ друга и даже есть тайна, что изъ мужа—жена растетъ, изъ жены мужъ (отъ того и тайна сотворенія Адама). И такъ—сухія палочки паралитичны. Проповѣдуя паралитичный бракъ, авторъ восклицаетъ: „это то христіанскій бракъ“! Но вѣдь ничего не ростетъ въ немъ и изъ него; дѣтей—нѣтъ (оттого богословы и г. Сильченковъ никогда не упоминаютъ о дѣтяхъ). Параличъ полный. И вотъ откуда „мы“ и „наша власть“, „документъ“ и „форма“: ибо когда *ничего нѣтъ* въ бракѣ, то какъ-же, однако, удержать, чтобы хотя видимость, фата-моргана его была? Ибо страшно міру быть безъ брака; грозно; послѣднія времена. И выдвигаются утѣшенія: „онъ есть; это я, К. Сильченковъ и иные, „иже со мною“; мы—задушившіе страсть и ею сближаемыхъ жену, мужа, изъ нея рождающагося—младенца“. Легенда Ирода возстаетъ во всемъ объемѣ; а видѣнія Апокалипсиса (XII гл.) о „женѣ“ и „драконѣ“ начинаютъ обрисовываться. *В. Р—ъ*

опредѣлить, и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово—несовмѣстимы. И согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle", когда писалъ „Кандида" или „Sur le désastre de Lisbonne". Отвергнутъ Промыслъ (sic),— и нѣтъ болѣе дѣйствія крещенія. *Такъ и съ каждымъ таинствомъ*: его святость—вотъ что вытекаетъ изъ его существа, что въ немъ исповѣдуется, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ есть. И его длительность, его продолжительность опредѣляется всецѣло и исключительно временемъ, пока есть его святые признаки".

Выходитъ, что и во всѣхъ таинствахъ, въ частности- въ крещеніи и евхаристіи, человѣкъ „активенъ" и активенъ въ такомъ же именно, г. Розановымъ измышленномъ смыслѣ, какъ и въ таинствѣ брака, такъ какъ отъ степени его грѣховности или святости зависитъ, сколько „длится" дѣйствіе таинства. Право не стоитъ дѣлать открытія, если столь скоро самому же ихъ забывать [1]).

Но нашъ авторъ вновь возвращается къ таинству брака и рѣшаетъ въ частности вопросъ о его длительности. „Все упорство передъ разводомъ, говоритъ онъ, основывается на непризнаніи въ бракѣ этой единственной черты—святости, т. е. на ученіи о бракѣ, именно не какъ о таинствѣ. Развѣ есть порочныя таинства? Страшный вопросъ. Однако, онъ все рѣшаетъ; можно ли сказать, что бракъ еще длится, когда грѣхъ въ немъ живетъ, и притомъ въ какой угодно формѣ—злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности? Договоръ—длится; гражданскій институтъ длится. Но таинство? Конечно, нѣтъ святого—и нѣтъ болѣе таинства! Только вѣковымъ равнодушіемъ къ браку, отсутствіемъ всякаго къ нему вниманія, можно объяснить, что до сихъ поръ не замѣчена эта простая и самая главная въ немъ сторона. Бракъ съ первымъ грѣхомъ — трупенъ. Съ грѣхомъ все умерло въ таинствѣ".

Понятно, что при такомъ богословствованіи автору чрезвычайно легко доказать необходимость самой широкой свободы раз-

---

[1]) Бракъ—*мужу и жене данъ*, въ ихъ житіи—*течетъ*, ими черезъ сопряженіе жизни — *совершается*. Вѣдь не говорятъ (вовсе нѣтъ словъ): „таинство вѣнчанія", а „таинство брака" и всегда разумѣютъ въ словахъ этихъ—*пару* и *парное житіе*. „Мы живемъ въ бракѣ", но нельзя сказать: „мы живемъ въ вѣнчаніи". Отъ „брака рождаются", „эти дѣти отъ перваго брака, тѣ—отъ второго", но нельзя сказать и не говорятъ: „дѣти эти отъ перваго вѣнчанія, другія—отъ второго". „Бракъ бездѣтенъ"; но нельзя сказать: „вѣнчаніе бездѣтно". Итакъ, всемірная терминологія, и въ томъ числѣ церковная, подъ „бракомъ" разумѣетъ „брачную жизнь", въ которой активны и дѣйствуютъ и совершаютъ ее—супруги. Бракъ есть супружество; связанность двухъ черезъ ребенка, отъ нихъ исшедшаго (или могущаго изойти). Но другія таинства? Ихъ совершаетъ *надъ человѣкомъ* священникъ, и человѣкъ здѣсь пассивенъ. Его *погружаютъ* въ воду при крещеніи, его *причащаютъ*, муропомазуютъ: онъ есть въ точности какъ-бы дщица, древко, на которое капнула капля *не имъ приготовленной святыни*—и течетъ по нему, и онъ ею освящается. Непонятно остроуміе автора, ибо кто же гордится, что онъ не понимаетъ?! *В. Г—въ.*

вода. Если „съ грѣхомъ все умираетъ въ таинствѣ“, а подъ грѣхомъ разумѣется грѣхъ „въ какой угодно формѣ—злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности“, то очевидно, „длительность“ брака чрезвычайно мало гарантирована. А какъ только она прекращается, разводъ необходимъ, по мысли г. Розанова, чтобы сохранить святость таинства брака.

„Изъ самаго понятія о непорочности вообще всѣхъ таинствъ слѣдуетъ разводъ“, говоритъ онъ. Теперь нашъ бракъ, по мнѣнію г. Розанова,—это „міазматическая клоака, потому что именно порокъ есть законъ его (?!), это—удивительное и исключительное жилое мѣсто, гдѣ никогда не открывается форточка, окно, дверь, труба“... „Узкія ли это двери чистой жизни? Увы, широчайшія ворота всякаго порока“. И это все - отъ недостаточной свободы развода. „Кто же не знаетъ, что въ католическихъ земляхъ разводъ не существуетъ, и что семья въ нихъ умерла, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ постояннымъ внутреннимъ самоотравленіемъ“. То же грозитъ и нашему браку...

Насколько вѣрны несдержанно рѣзкіе отзывы г. Розанова о современномъ бракѣ, и насколько правдоподобно предсказаніе о будущей печальной судьбѣ его, предоставимъ читателю судить самому [1])—съ своей стороны мы имѣемъ въ виду коснуться догматическихъ воззрѣній его на таинства вообще и на таинство брака въ частности. Здѣсь, однако, какъ и въ началѣ изложенія его воззрѣній на нравственную основу брака, намъ приходится прежде всего распутать уже указанное нами противорѣчіе и опредѣлить истинный смыслъ того, что желалъ сказать г. Розановъ относительно положенія, какое занимаетъ человѣкъ во всѣхъ другихъ таинствахъ, кромѣ таинства брака: является ли онъ въ нихъ „пассивнымъ“, „древкомъ, по которому течетъ таинство церкви“, какъ выражается г. Розановъ, или онъ есть активный дѣятель, поскольку отъ него всецѣло зависитъ „длительность“ каждаго таинства?..

Судя по тому, что послѣднюю свою мысль г. Розановъ поясняетъ примѣрами таинствъ крещенія и евхаристіи, - потому что это –именно послѣдняя его мысль, и, наконецъ,—потому, что онъ не указалъ (и не могъ указать, конечно) существеннаго отличія таинства брака отъ всѣхъ другихъ таинствъ, мы думаемъ, что эта мысль и есть его истинная мысль, предположеніе же его, что во всѣхъ прочихъ, кромѣ брака, таинствахъ человѣкъ „древко“... и проч.,—есть не болѣе, какъ случайно вырвавшаяся, неудачная фраза, вызванная, быть можетъ, только на-

---

[1]) Интересно. Автору даже не любопытны *фактическое состояніе* семьи, фактическія возможныя *судьбы* ея. Умертвивъ „страсти“, онъ бросаетъ ими вытканную семью какъ ненужную ветошь, выжатый лимонъ: „на что мнѣ эта дрянь“. И онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—владыка брака; онъ это чувствуетъ; отсюда его тонъ. Но, читатель, оцѣни: гдѣ-же совѣсть? и какъ понятны становятся судьбы фактическаго супружества въ Европѣ, пробившагося 2,000 лѣтъ въ рукахъ такихъ заботливыхъ властителей. *В. Г—въ.*

ивнымъ желаніемъ провести „почти открытіе“ въ догматической области. Человѣкъ есть активный дѣятель во всѣхъ таинствахъ, —вотъ мнѣніе г. Розанова, соотвѣтствующее всему содержанію его богословскаго разсужденія[1]).

Сама по себѣ эта формула еще не заключаетъ, конечно, въ себѣ ничего несогласнаго съ ученіемъ Церкви. И Церковь учитъ, что Богъ, украсивши человѣка высокимъ даромъ свободы, и въ самыхъ даже таинствахъ, гдѣ Онъ непосредственно дѣйствуетъ на человѣка Своею благодатію, не нарушаетъ ея, предоставляя самому человѣку употреблять даруемую ему благодать въ пользу себѣ или во вредъ, во спасеніе или въ погибель. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ въ таинствахъ является дѣйствительно „активнымъ“, а не „пассивнымъ“ („древкомъ“),—но не въ такомъ смыслѣ понимаетъ это г. Розановъ. Какъ ясно изъ приведенныхъ его разсужденій, то, что человѣкъ въ таинствахъ „активенъ“,—значитъ, что 1) пассивной силой является въ нихъ Божественная благодать (это особенно ясно изъ разсужденій его о таинствѣ брака), и 2) что отъ человѣка исключительно зависитъ „длительность“ дѣйствія таинствъ. Первая мысль неправильна, вторая— и неправильна, и весьма опасна.

1. Первая мысль противна самому понятію о благодати. Благодать есть сила Божія,—сила Бога живаго и всемогущаго, — какъ же можно ей усвоить значеніе пассивной [2])? Только уподобляя благодать какой либо матеріальной силѣ, въ родѣ пара,

[1]) Священникъ претворилъ хлѣбъ и вино и причастился *самъ:* таинство евхаристіи произошло. Но *мужъ* содѣлывается таковымъ *черезъ жену*, обратно и *два* женою становится черезъ мужа, и по сей *соотносительности другъ съ другомъ они и активны.* У мудрыхъ евреевъ бракъ не *совершался*, не *заключался* безъ разрушенія дѣвства; но при нашемъ оскопленіи брака, „что и составляетъ отличіе христіанскаго брака отъ брака иныхъ народовъ“.—и возможны случаи, какъ разсказанный выше г-жею *Д—ю*: мужъ послѣ вѣнца уѣхалъ отъ дѣвы, развратничалъ на сторонѣ, и, вернувшись къ повѣнчанной дѣвѣ черезъ двѣ недѣли, заразилъ ее Siphilis'омъ; на ея-же жалобы, что тутъ брака нѣтъ, а есть чортъ знаетъ что́,—ей отвѣтили, что, напротивъ, полный бракъ совершился и его теперь расторгнуть нельзя, ибо „мы уже все совершили“, „проговорили всѣ слова“, а что касается до васъ, мужа и жены, то что́ намъ до васъ, хоть-бы васъ совсѣмъ не было, не въ васъ дѣло, и ни малѣйше бракъ не заключается въ соотношеніи мужа и жены“. Такія-то чудовищности и заставляютъ поворотить вопросъ: именно въ *мужѣ* и *женѣ* все дѣло, и *имъ* и *для нихъ* данъ бракъ, какъ *размноженіе*; а вы, жестокіе словесники, только *стоите около* брака, но брака не совершаете (пассивны). *В. Р—въ.*

[2]) Священникъ *меня* причащаетъ: я—*пассивенъ:* но *передъ священникомъ* я и невѣста *вѣнчаемся:* мы *активны.* Бракъ „во образъ отношенія Христа къ церкви“: такъ можно-ли же сказать, что священникъ относится къ вѣнчающимся, какъ Христосъ—къ церкви? Конечно не священникъ, а женихъ и мужъ относится къ невѣстѣ и женѣ какъ Христосъ къ церкви: а священникъ только есть *свидѣтель* этого (пассивенъ)“.

электричества и т. д. (вспомнивъ фразу г. Розанова: „человѣкъ есть древко, по коему *течетъ* таинство церкви"...), можно утверждать подробнее... Если нѣкоторыя вѣроисповѣданія, напр. римско-католическое, и подозрѣваются въ смѣшеніи (хотя и не въ столь, конечно, грубомъ) чувственнаго съ духовнымъ въ понятіи о благодати, то православное ученіе чуждо этого упрека. И съ его точки зрѣнія, въ дѣлѣ освященія человѣка чрезъ таинства Церкви, Божественная благодать не только не можетъ имѣть значеніе пассивное, но и болѣе того — ей, несомнѣнно, свойственно преимущественное и, слѣдовательно, болѣе активное значеніе, чѣмъ самому человѣку, потому что во всякомъ совмѣстномъ дѣйствіи болѣе активная дѣятельность принадлежитъ сторонѣ сильнѣйшей, а не слабѣйшей. Многими свидѣтельствами Св. Писанія можно подтвердить эту мысль (своего мнѣнія г. Розановъ, конечно, никакимъ св. авторитетомъ не считаетъ нужнымъ подтвердить), но мы ограничимся однимъ выразительнѣйшимъ: *Богъ*, говоритъ Ап. Павелъ, *производитъ въ васъ* (христіанахъ) *и хотѣніе и дѣйствіе* [1]) *по Своему благоволенію* (Филип. II, 13 —ср. Ев. Іо. XV, 4—5, Римл. VIII, 26 I Кор. III, 7—7, 1 Сол. V 26, Евр. XIII, 20—21; и др.).

2. Переходя къ разбору мнѣнія г. Розанова о „длительности" дѣйствія таинствъ, нельзя не отмѣтить обнаруживаемой имъ при этомъ крайней развязности въ сужденіяхъ. „Длительность" дѣйствія таинства зависитъ, по его мнѣнію, отъ человѣка, — длится дѣйствіе таинства—„до перваго грѣха". Г. Розанову отлично напримѣръ, извѣстно, когда дѣйствіе таинства крещенія прекратилось для Вольтера: „Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle", когда писалъ „Кандида" или „Sur le désastre de Lisbonne". „Отвергнутъ Промыслъ (sic),—и нѣтъ болѣе дѣйствія крещенія"... [2]). Но извѣстно ли нашему автору, столь далеко проникающему въ область тайнъ божественныхъ, значеніе таинства крещенія по ученію Церкви? Должно сильно въ этомъ сомнѣваться. Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію Церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго [3]), и личныхъ, содѣянныхъ до креще-

---

[1]) Ну, вотъ я радуюсь, что нашлось слово Божіе, покровительствующее мнѣ: динамическое начало семьи, его „порохъ, безъ котораго не происходитъ выстрѣла", суть „хотѣнія и дѣйствія", произведенныя въ насъ „по Божію благоволенію". Finis coronat controversa. *В. Р—въ.*

[2]) Не постигаю *атеиста*, который есть въ то-же время *христіанинъ!* Да что-же такое христіанство: *счетъ* головъ и даже не головъ, а хвостовъ, какъ объ убитыхъ волкахъ говорятъ: „принеси въ полицію столько-то волчьихъ хвостовъ: за каждый получишь по два рубля". И меня уличаютъ въ нерелигіозности разсуждающіе такъ о христіанствѣ! *В. Р—въ.*

[3]) Путаетъ и ничего не знаетъ авторъ: отъ *первороднаго* грѣха очищенъ человѣкъ крестною смертью Спасителя: „той бысть язвенъ *за грѣхи наши* и мученъ бысть *за беззаконія* наши; *наказаніе* міра нашего—*на Немъ*, язвою Его мы *исцѣлѣхомъ*". Личныхъ-же грѣховъ у новорожденнаго нѣтъ.

нія [1]), и раждается въ новую духовную жизнь. Что же хочетъ сказать г. Розановъ? То-ли, что Вольтеръ, сѣвши за свои ужасные романы, вновь сталъ виновнымъ въ первородномъ грѣхѣ?... Но это—нелѣпо. Или—что онъ умеръ духовно? Но вотъ что говорится въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ о православной вѣрѣ: „Какъ при естественномъ рожденіи каждый изъ насъ получаетъ отъ природы опредѣленный видъ, образъ, остающійся съ нами навсегда, такъ точно и при духовномъ нашемъ рожденіи таинство крещенія полагаетъ на каждаго *неизгладимую* печать, которая остается на крестившемся всегда, *хотя бы онъ послѣ крещенія надѣлалъ тысячу грѣховъ и.ли даже отвергся самой вѣры*“ (гл. 16). Да слѣдовало бы и то еще знать нашему автору, что доколѣ человѣкъ живъ тѣлесно, нельзя говорить и объ его смерти духовной, ибо и на смертномъ одрѣ отчаяннѣйшіе грѣшники обращаются иногда къ Богу (какъ, говорятъ, и было именно съ Вольтеромъ), свидѣтельствуя тѣмъ, что сѣмя жизни духовной не умирало въ нихъ [2]).

Разсужденія г. Розанова о длительности дѣйствія таинствъ въ сущности клонятся къ совершенному отрицанію всякаго значенія [3]) ихъ для человѣка. Всего яснѣе слѣдуетъ это изъ его разсужденія о таинствѣ евхаристіи. „Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово—несовмѣстимы. И согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства“... Но задавался ли нашъ авторъ вопросомъ: а какъ долго можетъ прожить человѣкъ безъ грѣха? Попробуемъ только остановиться вниманіемъ на этомъ вопросѣ—и мы увидимъ, къ какимъ заключеніямъ должно прійти, слѣдуя разсужденіямъ г. Розанова.

И Слово Божіе, и собственное сознаніе каждаго согласно свидѣтельствуютъ намъ, какъ велика надъ нами власть грѣха. Уже въ книгѣ Бытія говорится, что *помышленія сердца человѣческаго*

Крещеніе есть *принятіе крещаемаго въ христіанство, какъ въ общество върующихъ и въ систему догматовъ. В. Р—въ*,

[1]) Ну... развѣ молока много просилъ или у мамы грудь больно взялъ, и черезъ это „согрѣшилъ“. Очень вы тароваты на разбрасыванье грѣха, оставаясь сами „едиными безгрѣшными“. Въ тонѣ автора столько самоувѣренности, что прямо не чувствуется оглядки: „а ну, какъ я ошибаюсь“, не говоря ужъ о глубокомъ: „не грѣшу-ли я“? *В. Р—въ.*

[2]) Такъ *обратился* - и опять сталъ Христовъ; а еслибы не обратился, то неужели, написавъ Pucelle (гнусное отношеніе къ Божіей Матери, Пречистой Дѣвѣ), неужели умеръ-бы „христіаниномъ“, „сыномъ церкви“, „ученикомъ Іисуса“?.. Это какое-то понятіе о постояломъ дворѣ, гдѣ почуетъ и воръ и честный, „только-бы уплатилъ за мѣсто“. И авторъ не замѣчаетъ, до чего онъ своимъ формалистическимъ разсужденіемъ роняетъ и лишаетъ церковь *всѣхъ качествъ. В. Р—въ.*

[3]) Да *значеніе* проистекаетъ изъ *качествъ*, а г. Сильченковъ и усиливается доказать, что „никакихъ качествъ не надо“. *В. Р- въ.*

—*зло* [1]) *отъ юности его* (VIII, 21), а Христосъ—Спаситель, просвѣщая нравственное сознаніе человѣческое, возвѣстилъ, что всѣ эти помышленія,—всѣ враждебныя чувства, страстныя пожеланія и проч.,—какъ и всякое праздное слово,—суть грѣхи, грѣхи въ собственномъ смыслѣ. И если при свѣтѣ яснаго Евангельскаго ученія объ этомъ предметѣ, человѣкъ со строгимъ вниманіемъ обратится внутрь себя самого, то—только вѣра въ милость Божію и Его всемогущую спасающую силу можетъ уберечь его отъ ужаса и отчаянія. Предъ его сознаніемъ раскроется вся сила грѣха, все всепроникающее господство его [2]). Человѣкъ грѣшитъ, грѣшитъ непрестанно, грѣшитъ въ мысляхъ, въ словахъ и въ дѣлахъ, грѣшитъ „вольно и невольно, въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи", грѣшитъ тогда, когда рѣшается на зло, грѣшитъ и тогда, когда предполагаетъ, что дѣлаетъ добро, — ибо сколько нечистыхъ побужденій, своекорыстныхъ интересовъ и прочаго зла — и въ „добрыхъ" дѣлахъ человѣка! Въ своихъ аскетическихъ твореніяхъ Св. Отцы—подвижники (напр. Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Лѣствичникъ) ясно доказали это, подробно изслѣдовавъ, до какихъ глубинъ проникаетъ грѣховное зло въ существѣ человѣка. Грѣшитъ человѣкъ непрестанно,—только со смертью человѣка умираетъ и живущій въ немъ грѣхъ (Римл. VI, 7). Св. Иреней въ этомъ и усматриваетъ благодѣтельное [3]) значеніе смерти (Противъ ересей—кн. 22, § 6): „Богъ... задержалъ грѣхъ, полагая смерть и прекращая грѣхъ и дѣлая ему конецъ чрезъ разрушеніе плоти"... Итакъ, сказать, что таинство евхаристіи имѣетъ для человѣка значеніе только до перваго грѣха его, не значитъ ли сказать, что оно вовсе не имѣетъ для него [4]) значенія?... Ибо невозможно человѣку и короткое время пробыть безъ грѣха—если не словомъ и дѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, мыслью, движеніемъ грѣховнаго чувства.

---

[1]) Т.-е. *можетъ* быть, но вовсе не непремѣнно. Авраамъ захотѣлъ *послушаться* Бога, вышелъ изъ города Ура, пошелъ туда, сюда. Какой тутъ грѣхъ? Да и множество мы творимъ безгрѣшно, и только иногда—грѣшимъ; и очень рѣдко грѣшимъ *тяжелымъ* грѣхомъ. Вотъ это надо-бы выдѣлить, и давно-бы богословамъ надо указать серіи грѣха не труднаго, отъ легкомыслія, отъ веселости человѣческой происходящаго, отличая его отъ *отягощенія* совѣсти, каковымъ я рѣшился-бы назвать почти исключительно *холодъ* душевный, *лютость* человѣческую, въ основѣ—духовное *скопчество, бесстрастность, одеревенѣлость*. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, авторъ, не унывай. Но замѣчательно, что очевидно желчный авторъ, и такъ предрасположенный къ скопчеству, томится столь явнымъ унынiемъ и *обонянiемъ* грѣха. „Перстъ Божій" надавилъ на него. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ какъ. А Адаму Богъ *послѣ грѣха* сказалъ: „ты—прахъ, и въ прахъ возвратишься". Смерть есть *показатель* грѣха и *послѣдствіе* грѣха: какое-же въ ней *благодѣяніе?! В. Р—въ.*

[4]) Потому мы и *повторяемъ* причащеніе, что съ грѣхами, конечно, *дѣйствіе* принятыхъ св. Даровъ потемнѣло и, наконецъ, исчезло. *В. Р—въ.*

— „Такъ и съ каждымъ таинствомъ",—утверждаетъ г. Розановъ, и мы можемъ только добавить, что, слѣдовательно, къ отрицанію значенія [1]) всѣхъ таинствъ сводятся его разсужденія. Вотъ почему мы и назвали ихъ не только невѣрными, но и очень опасными. И понятно, что бракъ не составляетъ въ нихъ исключенія,—такъ какъ и онъ сохраняетъ свою силу только до перваго грѣха супруговъ—„и при томъ въ какой угодно формѣ—злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности". Кстати г. Розановъ припоминаетъ, что „внутреннее прелюбодѣяніе Спаситель уравновѣсилъ съ внѣшнимъ",—слѣдовательно, внутреннее прелюбодѣяніе также уже есть грѣхъ, прекращающій „длительность" таинства брака. А такъ какъ грѣхъ этотъ —не доказуемъ и можетъ быть извѣстнымъ самимъ только супругамъ, то разводъ долженъ имѣть „субъективную постановку", т. е. долженъ быть предоставленъ ничѣмъ не стѣсняемой волѣ супруговъ... Далѣе итти уже некуда.

Напомнимъ же, однако, нашему автору, [2]) что сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9); что благодать Божія не

---

[1]) Въ доброе старое время христіане *каждую недѣлю* причащались. Менѣе-ли они чувствовали „значеніе таинствъ", чѣмъ г. Сильченковъ, который въ качествѣ преподавателя семинаріи вѣрно говѣетъ разъ въ годъ, по регламенту. *В. Р—въ.*

[2]) Далѣе—центръ интересности всей брошюры. Бракъ *загрязнетъ*, вотъ моя мысль, и загрязненіе идетъ отъ *управителей* его. Прямо этого не видно, ибо они-то обычно проповѣдуютъ о „грѣхахъ" и „немощахъ". Но въ овечье лицо вглядитесь внимательнѣй, и вы узрите черты волка. Конечно, не интересуясь нисколько судьбой семьи (см. выше), авторъ противъ развода не въ ея интересахъ пишетъ и не въ интересахъ дѣтей (о которыхъ даже не упоминаетъ), но почувствовавъ себя оскорбленнымъ за то, что „фундаментъ подъ семинаріей колеблется". Для укрѣпленія этого фундамента, „нашей власти надъ сочетавшимися", ему надо отвергнуть разводъ. И вотъ онъ начинаетъ вздыхать: „всѣ мы грѣшны", „и я", „и святые", „Ипепей, и св. Ефремъ и Іоаннъ Лѣствичникъ". Онъ подкрадывается. Онъ наконецъ подкрался. Разбитая жизнь; изможденная жена—приходитъ къ „милостивцу". Онъ вздыхаетъ: „Всѣ мы грѣшны. Мужъ избилъ? убилъ?"—Почти убилъ.—„Мужъ распутенъ, говоришь, и сдѣлалъ тебя судомойкой около любовницы-барыни? Ты унижена и опозорена? Такъ былъ опозоренъ и униженъ нашъ Господь и указалъ намъ крестный путь терпѣнія. Перетерпи. Благодать совершеннаго нами надъ тобою таинства переборетъ и очищаетъ всякій грѣхъ. Стерпи, люби мужа, покоряйся ему, не оставляй его иначе на веревкѣ назадъ къ нему приведемъ—и ожидай награды за гробомъ". Такъ и сложился укладъ христіанской семьи, „крестной" семьи, „распятой" семьи. Между тѣмъ какъ распинатели ея любятъ и не отказываются отъ сухонькихъ квартирокъ, дровъ казенныхъ, и всякихъ „угодьицевъ"; и кажется, эти грѣхи себѣ „прощаютъ". Только если жена не стерпитъ и сбѣжитъ, сойдетъ со креста, вдругъ картина мѣняется: „а-ту ее! полиція! по этапу!!! Нарушила св. таинство брака, „и *отъ это* нарушеніе уже благодать не покрываетъ, и грѣхъ неповиновенія, возстанія—единственный, который не отпускается ни въ вѣкѣ семъ, ни въ будущемъ". *В. Р—въ*

бѣгаетъ,—какъ онъ думаетъ,—грѣха, ибо она—не слабѣе грѣха, что для борьбы со грѣхомъ она и подается. Напомнимъ и это выразительное свидѣтельство Апостола: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать*... (Римл. V, 20).

Вотъ что должно было бы имѣть въ виду и чѣмъ должно было бы руководиться при сужденіи о дѣйствіяхъ во всѣхъ вообще таинствахъ Божественной благодати. А при сужденіи въ частности о таинствѣ брака должно было бы, сверхъ того, помнить строгое и ясное слово Спасителя: *еже Богъ сочета* [1]), *человѣкъ да не разлучаетъ* (Мѳ. XIX, 6).

И самое грубое прелюбодѣяніе еще не прекращаетъ дѣйствія таинства и не изгоняетъ благодати [2]), и Спаситель сказалъ только то, что такое прелюбодѣяніе есть дозволительный поводъ къ разводу, совершить который можетъ, однако, одинъ только Богъ, а не человѣкъ. Это значитъ, что одна только Церковь, чрезъ которую сочетаваетъ и разлучаетъ Богъ супружества на землѣ, можетъ прекратить [3]) дѣйствіе таинства брака и лишить порочный семейный союзъ той благодати, которую она же ему отъ Бога сообщила... А до этого дѣйствія Церкви возможно полное возстановленіе святости и чистоты брачнаго союза и послѣ тягчайшаго, совершеннаго въ немъ преступленія [4])—и это будетъ

---

[1]) Да *гдѣ?* въ *чемъ?* Вѣдь почти физіологичны здѣсь слова о бракѣ: „развѣ вы не читали у древнихъ: Сотворившій—въ началѣ *мужчину и женщину* сотворилъ ихъ. Посему *оставитъ* человѣкъ *отца и матерь* свою и прилѣпится къ *женѣ*, и будутъ *два въ плоть едину*; *что* Богъ *сочеталъ*—человѣкъ да *не разлучаетъ*". Здѣсь говорится о „не разлученіи" *плотскомъ и плотей*, отрицается séparation de corps; но разъ уже оно произошло, супруги *вмѣстѣ* не живутъ, тогда „еже Богъ сочеталъ—разлучилося". И брака вовсе нѣтъ, если за него не принимать паспортъ. Но Богъ вовсе нигдѣ не сказалъ: „еже два—въ одинъ паспортъ: да не пишутся паспорты отдѣльно на двухъ". Между тѣмъ вѣдь въ этомъ и состоитъ все дѣло *теперь*; и бракъ считается *существующимъ*—не по житію, не по любви, не по нравственности, но по *едино*-паспортности. Какой подлогъ, и искаженіе, и разрушеніе основной Божіей заповѣди, основного закона бытія человѣческаго! *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ, вотъ, вотъ! Этого-то слова я и поджидалъ. Поймалъ молодца, который держа въ рукѣ развратъ—опустилъ его въ супружество, въ семью—и все заразилъ, и всѣхъ заразилъ, въ тоже время объявляя и рекомендуясь: „я охранитель святости брачнаго союза". Это у него не случайная обмолвка: на этомъ держится все вообще европейское ученіе о семьѣ, всѣ законы о бракѣ, страшная вражда къ разводу. *В. Р—въ.*

[3]) Духовная консисторія прекращаетъ, послѣ извѣстнаго знаменитаго бракоразводнаго процесса. Но заяцъ перебѣжалъ съ одной дорожки на сосѣднюю и слилъ: консисторія, церковь, Богъ. „Богъ искони бѣ", а консисторіямъ нѣтъ и двухъсотъ лѣтъ жизни. *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ, вотъ! Истязанія и убійства женъ уже здѣсь формулировано. „Какъ бы мужъ жену ни истязалъ, *мы ему прощаемъ, и она поэтому обязана терпѣть*". Все историческое безчеловѣчіе европейской семьи получило, наконецъ, себѣ автора и хозяина, и его имя каждый можетъ теперь назвать.

лишь свидѣтельствомъ всемогущества благодати [1]), всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей, — преизбыточествующей тамъ, гдѣ умножается грѣхъ... [2]).

Но довольно [3]). И сказаннаго, думаемъ, достаточно, чтобы читатель согласился съ нами, что г. Розановъ—типичный представитель отмѣченнаго нами направленія, и оцѣнилъ достоинство самого направленія („Вѣра и Разумъ", 1900).

К. Сильченковъ.

XI. О христіанскомъ бракѣ.

Не мало въ современной жизни встрѣчается явленій, которыя невольно заставляютъ смотрѣть пессимистично на современное общество. Къ числу такихъ явленій нельзя не отнести, между прочимъ, появленіе литературной лжебратіи о Христѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ поднялись религіозные интересы нашего общества, въ нашей газетной и журнальной свѣтской литературѣ создалось особое направленіе, представляющее своеобразную смѣсь показного благочестія съ проповѣдью широкой свободы страстей, преклоненія предъ христіанствомъ и—снисходительно небрежнаго отношенія къ нему, подчиненія вѣрѣ и—совершенно свободнаго и своевольнаго толкованія ея. Эта литературная лжебратія о Христѣ не мало причиняетъ вреда церкви Христовой, распространяя въ обществѣ ложныя и превратныя понятія.

Излюбленнымъ предметомъ разсужденій ея за послѣднее время, между прочимъ, сдѣлался вопросъ о бракѣ. Какъ бы этотъ вопросъ различными представителями этого направленія различно ни толковался, но выводъ всегда получался одинъ и тотъ-же: нужно разводъ сдѣлать болѣе легкимъ. Противъ этого вывода нельзя, конечно, возражать категорически [4]), но что говорится ради его, въ большинствѣ случаевъ заслуживаетъ полнаго опроверженія.

К. Сильченковъ, ввязавшись въ споръ, оказалъ неоцѣнимую услугу дѣлу. Ибо читатель замѣтитъ, что *такъ, какъ онъ* безчеловѣчно—о семьѣ никто изъ участниковъ спора (см. выше письма) не говорилъ. *В. Р—въ.*

[1]) Боже, Боже: побои, ругань, развратъ въ семьѣ—„свидѣтельства всемогущества благодати". И этотъ развратъ слова, цинизмъ религіозный, эта *Хамовская* мысль—на страницахъ „Вѣры и Разума", богословско-философскаго журнала, помѣстившаго статью на первомъ мѣстѣ книжки. *В. Р—въ.*

[2]) Чѣмъ вонючѣе помойная яма, тѣмъ въ извѣстномъ отношеніи она являетъ болѣе „святости". Какъ понятно зараженіе всей Европы, если распутать узлы всей этой діалектики. Сгноили нравственно Европу ея „духовные" учители. И въ то-же время они кричатъ объ ея „грѣхахъ" и „нераскаянности". *В. Р—въ.*

[3]) Дѣйствительно „довольно". *В. Р—въ.*

[4]) Первое, кажется, въ богословской литературѣ хотя-бы какое-нибудь согласіе „подумать о разводѣ". *В. Р—въ.*

Такую задачу взялъ на себя г. К. Сильченковъ, помѣстившій въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ статью подъ заглавіемъ: „Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ“. Эта статья имъ написана собственно противъ статьи В. Розанова, помѣщенной на страницахъ „Новаго Времени“ и озаглавленной „Непорочное счастье“ [1]). Г. Сильченковъ возражаетъ г. Розанову по двумъ пунктамъ: во первыхъ, противъ его взгляда на нравственную основу брака, во вторыхъ, противъ его догматическихъ воззрѣній на бракъ, какъ таинство.

Быть можетъ, многіе изъ нашихъ читателей читали статью г. Розанова и знаютъ, что нравственной основой брака г. Розановъ считаетъ страсть. Онъ такъ говоритъ въ своей вышеупомянутой статьѣ отъ имени послѣдней: „Я здѣсь (т.-е., въ бракѣ) образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ . . . . . .

. . . . . .

И если я ухожу, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца“. По поводу этого утвержденія г. Розанова г. Сильченковъ вполнѣ справедливо приводитъ слова Мартенсена, протестантскаго богослова: „Здѣсь,—говоритъ послѣдній—очевидно желаютъ поставить законъ плоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальная истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство, которое не краснѣетъ предъ законами нравственности. Плотская похотливость, очевидно, отрицаетъ здѣсь то, что бракъ есть учрежденіе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, что личности даютъ обязательства не только другъ передъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ, именно Богомъ, что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно пріятны другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлію этого учрежденія является то, чтобы личности черезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанію въ добродѣтеляхъ, вслѣдствіе чего христіанство также говоритъ о крестѣ, который Богъ положилъ на это состояніе жизни“.

Не отрицая физической стороны въ бракѣ, г. Сильченковъ къ приведеннымъ словамъ Мартенсена добавляетъ еще то, что всякая страсть эгоистична по самому своему существу и какъ таковая никогда ничего не созидаетъ и не можетъ созидать, но только разрушаетъ. Въ частности, именуемая громкимъ именемъ „любви“, страсть брака съ этой точки зрѣнія представляется болѣе разрушительной, чѣмъ всякая иная страсть. Такъ, гордый человѣкъ всегда гордъ, скупой неизмѣнно вѣренъ своей любви къ пріобрѣ-

---

[1]) Авторъ такъ золъ, что перевираетъ заглавіе статьи, вѣрно приведенное у г. К. Сильченкова. *В. Р—въ.*

тенію; напротивъ, страстный человѣкъ, какою бы пылкою страстію онъ ни пылалъ, „едва лишь утолитъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, уже скучаетъ и томится“... и ищетъ новаго предмета страсти. Такимъ образомъ, если самая страсть и остается неизмѣнной, то все таки въ отношеніи своихъ предметовъ она крайне непостоянна.

Не страсть, а разумное чувство, говоритъ г. Сильченковъ, составляетъ основу брака. Какъ христіанство, такъ и здравый разсудокъ одинаково отрицаютъ и осуждаютъ страсти. Христіанство желаетъ видѣть человѣка не порабощеннымъ и ослѣпленнымъ страстію, но свободнымъ отъ нея и разумнымъ, — въ этомъ его идеалъ.

Что касается догматическихъ воззрѣній г. Розанова на бракъ, какъ таинство, то съ этой точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ его ученіе о длительности таинствъ. Напомнимъ нашимъ читателямъ это ученіе.

„Входитъ-ли длительность первою и главною чертою въ таинство?“ спрашиваетъ г. Розановъ и отвѣчаетъ: „Не входитъ. Совершенно нельзя опредѣлить, и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово — несовмѣстимы, и согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе Св. Крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“...

Эти общія посылки о таинствахъ нужны г. Розанову для вывода, что таинство брака длится до перваго грѣха. А такъ какъ подъ грѣхомъ слѣдуетъ разумѣть грѣхъ и въ какой угодно формѣ — злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности, то, очевидно, и длительность брака какъ таинства чрезвычайно мало гарантирована. Между тѣмъ, и святость таинства брака

„не должна быть, по возрѣніямъ г. Розанова, нарушаема, и единственнымъ спасеніемъ ея въ случаѣ указаннаго нарушенія ея какимъ-либо изъ указанныхъ грѣховъ долженъ быть разводъ. Если — грозитъ намъ г. Розановъ — мы не откроемъ выхода изъ брака въ такого рода случаяхъ черезъ разводъ, то наша семья умретъ, какъ умерла она въ католическихъ странахъ, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ внутреннимъ самоотравленіемъ“.

Г. Сильченковъ по поводу этого ученія совершенно справедливо отмѣчаетъ „крайнюю развязность г. Розанова въ сужденіяхъ“. „Г. Розанову, пишетъ г. Сильченковъ, отлично, напримѣръ, извѣстно, когда дѣйствіе таинства крещенія прекратилось для Вольтера: „въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ Кандида“. Но извѣстно ли нашему автору, столь далеко проникающему въ область тайнъ Божественныхъ, значеніе таинства крещенія по ученію церкви? Должно сильно въ этомъ сомнѣваться“. Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго и личныхъ, содѣян-

нихъ до крещенія, и рождается въ новую жизнь. Что же хочетъ сказать г. Розановъ? То-ли, что Вольтеръ, сѣвши за свои ужасные романы, вновь сталъ виновнымъ въ первородномъ грѣхѣ?.. Но это нелѣпо. Или — что онъ умеръ духовно? Но вотъ что говорится въ Посланіи восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ: „Какъ при естественномъ рожденіи каждый изъ насъ получаетъ отъ природы опредѣленный видъ, образъ, остающійся съ нами навсегда, такъ точно и при духовномъ нашемъ рожденіи, таинство крещенія налагаетъ на каждаго *неизгладимую* печать, которая остается на крестившемся всегда, *хотя бы онъ послѣ крещенія надѣлалъ тысячу грѣховъ или даже отвергся самой вѣры*“. Ученіе г. Розанова, замѣчаетъ еще г. Сильченковъ, уничтожаетъ всякое значеніе таинствъ, такъ какъ послѣднія длятся только до перваго грѣха, а безъ грѣха человѣкъ не можетъ прожить и самаго небольшого срока времени.

Нельзя не пожелать, чтобы почаще на страницахъ духовныхъ журналовъ появлялась такая сильная отповѣдь превратнымъ понятіямъ, посѣваемымъ въ обществѣ литературными лжебратіями о Христѣ, однако нельзя и не пожалѣть о малораспространенности нашей духовной журналистики въ свѣтскомъ обществѣ. Статью г. Розанова „Непорочное счастье“, помѣщенную на страницахъ „Новаго Времени, прочтутъ тысячи людей, а статью г. Сильченкова, помѣщенную на страницахъ духовнаго журнала „Вѣра и Разумъ“, едва ли изъ этихъ тысячъ прочтутъ сотни. Вотъ наглядное доказательство той слабости голоса духовной журналистики, на которую мы указывали въ прошлогоднихъ годичныхъ обозрѣніяхъ [1]) („Странникъ“, 1900 г.).

---

[1]) Поразительную сторону составляетъ и здѣсь то, что ни о *дѣтяхъ*, ни о самихъ *супругахъ*, ни всемъ кругѣ родства нѣтъ ни слова. „Бракъ есть наше участіе и наша власть и нами внесенный сюда *крестъ терпѣнія—во умерщвленіе страстей*“, такъ можно формулировать положительную, „апологетическую“ и догматическую, часть богословствованія о бракѣ; а *„анти*-наше, *анти*-крестъ, *анти* терпѣніе, т. е. самое супружество и чадо-твореніе есть отрицаніе брака и разрушеніе нравственности“,—такъ можно формулировать отрицательную или полемическую часть этого-же богословія. *В. Р—въ.*

ЕВАРХІАЛЬ
БИБЛІОТЕ

Отвѣтъ г. К. Сильченкову.

Въ полу-философскомъ, полу-богословскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, издающемся въ Харьковѣ, появилась статья г. К. Сильченкова: „Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ, по поводу статьи В. Розанова въ „Новомъ Времени“, вышедшая потомъ и отдѣльною брошюрою. На статью эту сдѣланы ссылки въ журналахъ „Вѣра и Церковь“ и въ „Странникѣ“, и дѣйствительно ея построеніе серьезно и заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ. Намъ она не показалась убѣдительною, но возразить мы считаемъ долгомъ уже для того, чтобы многочисленные изъ духовныхъ читателей, т.-е. очень чуткихъ къ вопросу о разводѣ, не приняли насъ молча отказавшимися отъ соображеній, на которыя мы опирались въ статьѣ: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“, послѣ критики ея г. Сильченковымъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго, и личныхъ“. Конечно, это ученіе г. Сильченкова, но не ученіе церкви, потому что снятіе первороднаго грѣха совершено крестною смертью Спасителя, какъ это и поется въ пасхальной пѣсни: „смертію смерть поправъ“, т.-е. Своею смертію на крестѣ уже Спаситель попралъ нашу смерть, и мы теперь умираемъ физически, но не умираемъ духовно. Какой же смыслъ смерти Спасителя, если первородный грѣхъ все еще съ человѣка не снятъ, и даже для чего же совершилось Его воплощеніе? „Той бысть язвенъ за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наши; наказаніе міра нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ“, читаемъ мы у пр. Исаіи—какъ мессіанское пророчество, и у евангелиста Іоанна — какъ исполненіе пророчества. Совершенно ясно отсюда, что послѣ Спасителя и Его „язвъ“ и „муки“ мы уже внѣ „беззаконія“, „наказанія“ и „грѣха“, и имѣемъ все это не какъ первородное, но только какъ личное, частное и особенное. Есть „мой грѣхъ“, грѣхъ этого „опредѣленнаго поступка,

мысли, слова", но „общечеловѣческаго врожденнаго или первороднаго грѣха" нѣтъ --онъ уже понесенъ и унесенъ на Себѣ „вторымъ (обратнымъ) Адамомъ", „Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра".

Такимъ образомъ, рождающіяся отъ христіанскихъ родителей дѣти текутъ не „отъ зараженнаго грѣхомъ источника" (обычное ошибочное представленіе), но отъ совершенно чистаго; и въ таинствѣ крещенія младенецъ принимается въ вѣру (чтеніе при этомъ символа вѣры), принимается какъ ученикъ въ догматическое сложеніе церкви, но отъ несуществующаго первороднаго грѣха вовсе не очищается. Утверждать это значило бы забывать всю, если позволительно такъ выразиться, логику сути христіанства какъ грѣхо-искупленія. За что же тогда умеръ Спаситель? и для чего Онъ пришелъ? И при чемъ приведенныя выше молитвы церковныя и опредѣленныя слова евангелиста?

Углубимся далѣе въ его возраженія, и тамъ мы найдемъ тоже нѣсколько „машинальное" богословствованіе, безъ оглядки назадъ.

Я утверждалъ, что въ бракѣ человѣкъ не совершенно пассивенъ, какъ въ другихъ таинствахъ, а активенъ. Цитировавъ мою мысль, г. Сильченковъ говоритъ, что „сама по себѣ эта формула еще не заключаетъ, конечно, въ себѣ ничего не согласнаго съ ученіемъ церкви". Радуюсь это слышать и былъ въ этомъ увѣренъ, когда писалъ статью. Но далѣе авторъ чрезвычайно туманно объясняетъ, что „благодать не только не можетъ имѣть значеніе пассивное, но и болѣе того: ей несомнѣнно свойственно преимущественное и слѣдовательно болѣе активное значеніе, чѣмъ самому человѣку, потому что во всякомъ совмѣстномъ дѣйствіи болѣе активная дѣятельность принадлежитъ сторонѣ сильнѣйшей, а не слабѣйшей. Многими свидѣтельствами св. писанія можно подтвердить эту мысль, но мы ограничимся однимъ выразительнѣйшимъ: *Богъ* — говоритъ апостолъ Павелъ, - *производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по Своему благоволенію*". Вотъ именно. И текстъ доказываетъ не его, а мою мысль, что въ бракѣ самъ человѣкъ, или, точнѣе, чета человѣческая, въ образѣ первозданной, „хотѣніемъ и дѣйствіемъ" „двухъ въ плоть единую", т.-е. самой *вещью брака, между ними совершающагося*, повинуются „произведенному въ нихъ Богомъ". Супруги суть носители даровъ Божіихъ къ размноженію, благословленныхъ еще до грѣхопаденія (Быт., 1 и 2), и безъ этихъ даровъ нѣтъ и не начинается самый бракъ, супружество, семья. Нѣтъ *дѣла* брака безъ *дачи* этихъ даровъ; а когда они уже даны (Богомъ)—брака *не можетъ не быть*, и онъ есть во всѣхъ случаяхъ и при всякихъ обстоятельствахъ бого-благодатное чадородіе, кое не отвергнуто Богомъ и передано Быто-писателемъ даже въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ, какъ чадородіе дочерей Лотовыхъ (центральная мысль главы *Бытія*, объ этомъ повѣствующей: „намъ *уже*

не отъ кого понести дѣтей *по закону всей земли*: войдемъ-же". и т. д., слова сестры сестрѣ). Какъ распоряженіе государя не поправляется его министромъ, такъ и ветхозавѣтное „растите́ся, множи́тесь" до скончанія міра никогда никѣмъ на законномъ основаніи не могло быть поправлено, отмѣнено или измѣнено, и можетъ быть только тавтологически повторено. Вернемся собственно къ благодатности силы чадородія. Церковь, какъ и порознь каждый священникъ съ полнотою благословляющихъ словъ напрасно ожидали бы чету человѣческую, если бы не „влеченіе жены къ мужу" (Бытіе, 4) и не „оставленіе мужемъ отца и матери ради жены" (Бытіе, 2), что, кстати, я и разумѣлъ единственно, говоря о страсти, какъ образующемъ началѣ брака. Смягчаю свое выраженіе, если оно не было осторожно, но фактъ есть все-таки фактъ и состоитъ въ благословенномъ Богомъ взаимномъ влеченіи, сближеніи и соединеніи половъ, безъ чего ничего въ бракѣ не началось, нѣтъ существа брака, или, -какъ говорятъ юристы: „нѣтъ состава преступленія", такъ я повторю:—„нѣтъ состава брака". На ученіе мое о склоненіи половъ г. Сильченковъ сильно напалъ, но тутъ онъ забылъ точный и непререкаемый смыслъ словъ Спасителя, Матв. 19: „*Мужчину и женщину* сотворилъ человѣка Богъ; посему оставитъ человѣкъ отца и мать и *прилѣпится* къ женѣ своей, и *будутъ два одною плотью*, такъ-что уже не два, но одна плоть. Итакъ, *что Богъ сочетилъ*, человѣкъ да не разлучаетъ". Кажется ясно, о чемъ здѣсь говорится.

Но наиболѣе неправильное и въ бытовомъ и историческомъ отношеніи вредное мнѣніе, поддерживаемое и можетъ быть впервые точно формулированное г. Сильченковымъ — это его ученіе только о формальномъ и почти словесно-формальномъ характерѣ таинствъ. Таинства по нему не суть существенности, essentialia, —если можно такъ выразиться, — а одѣ только формы, въ которыхъ какое бы содержаніе ни лежало, или ни было вложено человѣкомъ, оно таинства не затрогиваетъ, не портитъ и не разрушаетъ. Если вспомнить котораго-то изъ Борджіевъ, давшаго ядъ въ причастіи, то мы найдемъ аналогію этому некуеному и опасному богословскому ученію. Внѣ тумана разсужденій оно конечно значитъ: „грѣши сколько хочешь—все равно таинство дѣйствуетъ, и ты спасешь". Думается, что по деревнямъ и весямъ русскимъ эта надежда, которая такъ похожа на легкомысліе и такъ толкаетъ на легкомысліе поступковъ—произвела не мало безобразнѣйшихъ сценъ, событій и наконецъ прямо преступленій. Обратимся къ браку. Мысль моей статьи и пожалуй моихъ статей — бракъ согласный, любящій, чистый; жизни „душа въ душу" при единствѣ тѣлъ, и если есть грѣхъ, слишкомъ возможный здѣсь — то, какъ я оговорился въ своей статьѣ, непремѣнно грѣхъ открытый, безъ обмана, съ непремѣннымъ условіемъ

сознанія въ немъ другъ другу и чистымъ прощеніемъ и забвеніемъ грѣха, проступка, легкомыслія, однако прощеніемъ свободнымъ, а не насильнымъ и принужденнымъ. Это, сказалъ я, входитъ въ эссенцію таинства, ибо, гдѣ есть оно—тамъ Богъ, а гдѣ Бога нѣтъ—не длится и не продолжается таинство, какъ особенно въ случаѣ, если между мужемъ и женой неукротимая злоба, ожесточеніе, даже простирающееся до посягновенія на жизнь другъ друга. Когда дѣло дошло до такого состоянія духа „четы человѣческой", то, если можете и рѣшитесь, уже лучше ведите ее на торговую казнь, но ради-же Бога не кощунствуйте и не настаивайте, что среди этихъ расквашенныхъ носовъ, заготовляемаго мышьяку, царапанья, кусанья, ругани, побоевъ,—обычная картина „православной семейки"—есть и дѣйствуетъ благодать, сообщенная въ таинствѣ. Что дѣйствуетъ, то видно, а здѣсь не видно и значитъ—не дѣйствуетъ. Нѣтъ, это отношеніе къ таинствамъ, какъ только къ формальному требо-исполненію со стороны священника и требо-слушанію пассивнаго слушателя, и породило, создало, культивировало русскую да и вообще европейскую „семейку", и напрасно авторъ думаетъ, что онъ благочестивъ, когда пишетъ: „Напомнимъ-же однако нашему автору, что сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9); что благодать Божія не бѣгаетъ,—какъ онъ думаетъ,—грѣха, ибо она не слабѣе грѣха, что для борьбы съ грѣхомъ она и подается. Напомнимъ и это выразительное свидѣтельство апостола: *идѣ же множится грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. V, 20)".

Нѣтъ, ужъ увольте. Вамъ написать это не трудно и по „Симфоніи" подыскать тексты, а вы загляните въ отравленную семью, вы послушайте разговоры за ночь, взгляните на мать, избитую на глазахъ дѣтей—да что избитую! Студенческое воспоминаніе въ богоспасаемой Москвѣ, какъ сейчасъ помню—въ Денежномъ переулкѣ. У хозяина домъ и флигеля. Жена и много дѣтей. Жена щепка непитая, въ могилу смотритъ. Все это я мелькомъ видалъ, студентъ былъ и ни до чего мнѣ не было дѣла, а разгадка „краше въ гробъ положенной" (этакая вѣдь сложилась поговорка: значитъ—вѣка и милліоны наблюденій) женщины сказалась въ длинной сплетнѣ кухарки: „И—родимый! у него что ни прислуга, то жена и барыня, а барыня въ прислугахъ. Вмѣстѣ и измываются; онъ ее бьетъ, да и кухарка миловидная бьетъ-не-бьетъ, а толкнетъ, и та смолчать должна. И сколько онъ этихъ хайловъ перемѣнилъ!"

Хозяинъ былъ огромный и красный, и ужъ, думаю, кулачище... Можетъ, и до сихъ поръ живъ; не знаю, жива ли жена. Но мы съ г. Сильченковымъ не договорили: что же тутъ „преизбыточествовала благодать"?

Нѣтъ, дорогіе мои, нравы русскіе отъ васъ идутъ и вашего

„смиренномудрія“. Охъ, тяжело это „смиренномудріе“, и кто-то сниметъ крестъ этотъ съ Россіи...

«Удрученный ношей крестной»,

пѣлъ Тютчевъ. Ужъ именно!

«Край родной долготерпѣнья»

умилялся онъ-же. Нѣтъ, ужъ позвольте, я какъ студентъ тогда и сейчасъ какъ писатель прямо проклинаю это долготерпѣніе, ибо штука-то вѣдь въ чемъ: ну, я терплю—и хвала мнѣ. И каждый въ правѣ и даже долженъ лично и за себя терпѣть. Но когда я передъ этою „испытой женщиной“ встану и, приглаживая ея рѣденькія волосы и восхищаясь ея терпѣніемъ, запою ей „славу“:

«Край родной долготерпѣнья»

то вѣдь такому „пѣвцу“ можно въ глаза плюнуть. Нѣтъ, тутъ ни стиховъ, ни текстовъ не нужно. Тутъ нужно сдѣлать простое, доброе дѣло. Дѣло фактически я сдѣлать безсиленъ, какъ и тогда той доброй и безмолвной („безотвѣтной“—тоже поговорка) женщинѣ, но какъ писатель я, слава Богу, смогъ выразиться, Богъ научилъ высказать мысль, что когда въ семьѣ любви нѣтъ, уваженія нѣтъ, милосердія нѣтъ, то нѣтъ въ ней и святого и вообще ничего нѣтъ. Квартира съ враждующими жильцами, къ которой если примѣнять терминъ „таинство“, то какой же и текстъ подобрать для такового таинства кромѣ: „Богъ вражда есть“. Но въ нашемъ Евангеліи написано: „Богъ есть любовь“, и вотъ это понятіе Божества и есть канонъ семьи, на коемъ она должна держаться и имъ ограничиваться. А на началахъ вражды, которая на свѣтскомъ языкѣ передѣлалась въ народную мудрость: „ничего—стерпится, слюбится“, на этихъ началахъ семья еще не умерла, но явно умираетъ.

Какъ общее введеніе къ статьѣ, онъ пишетъ: „Извѣстно вѣдь, что какъ только поднимается въ нашей свѣтской печати этотъ вопросъ о разводѣ, онъ не иначе разсматривается и рѣшается, какъ въ смыслѣ самаго широкаго его допущенія. Въ разсужденіяхъ на эту тему газеты бываютъ преисполнены столь удивительной любви и снисхожденія къ страдающему отъ современныхъ ненормальныхъ условій брака,—разумѣется отсутствіе развода,—человѣчеству, что самое Евангельское ученіе о разводѣ является въ сопоставленіи съ ихъ любвеобильными разсужденіями чрезвычайно жестокимъ и мрачнымъ. Быть можетъ, большее спокойствіе и отсутствіе увлеченія дали бы инымъ публицистамъ (ссылка на Лѣскова) возможность понять всю чрезмѣрность этой претензіи—превзойти въ любви Евангеліе, — быть можетъ они тогда и допустили-бы, что не инымъ чѣмъ, какъ любовію къ

грѣшному человѣчеству вызванъ былъ у Божественнаго Учителя чистѣйшей и святой любви и Его строгій приговоръ о разводѣ" (стр. 2 брошюры).

Это все „вообще"... Но, г. Сильченковъ, что вы конкретно и опредѣленно скажете о расквашенномъ носѣ, нарядныхъ кухарочкахъ и красномъ кулакѣ моего хозяина въ Денежномъ переулкѣ? Да, мы—„свѣтскіе писатели"—развращаемъ нравы, ходимъ по улицамъ, заглядываемъ въ дома, слушаемъ разговоры, когда вы сидите въ чистыхъ квартиркахъ и ожидаете, когда васъ позовутъ на „требу", крестины, похороны и свадьбу, что все вы только въ этотъ парадный часъ и блюдете. Но *вы* живете, и *намъ* нужно жить. Авторъ самъ (стр. 1) пишетъ о „внесеніи теперь въ наши высшія государственныя учрежденія законопроекта о разводѣ", и вотъ съ этими учрежденіями, на рукахъ которыхъ полуразрушенная семья, дѣтоубійство и проституція—разговоръ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ со „свѣтскими писателями". Пощадите, милостивцы, воспѣваемый вами

Край родной долготерпѣнья,

и въ особенности когда вы сами такъ нетерпѣливы къ малѣйшему слову критики, васъ и вашего.

«Нов. Вр.», 1900 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XII. О страстномъ въ человѣкѣ началѣ.

1.

Любезнѣйшій В. В.!

Какъ долго всегда я задерживаю ваши оттиски. Простите. Получивши, сряду же прочиталъ и хотѣлъ отвѣчать вамъ, но прихворнулъ, и дѣло затянулось.

Что въ крещенія снимается съ человѣка не только его личный грѣхъ, но и первородный, это дѣйствительно есть ученіе нашей догматики.

Насколько оно отвѣчаетъ дѣйствительности, въ это никто не углублялся.

Что страсть есть основа брака, въ этой истинѣ не уступайте своимъ противникамъ ни единой пяди позиціи. Вѣдь у нихъ „языкъ болтаетъ, а голова не понимаетъ“. Прочиталъ я и февральскую статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, написанную тоже отчасти въ отвѣтъ вамъ: „Христіанскій бракъ“. Суть дѣла та же, что и у Сильченкова, только попространнѣе. „Въ христіанствѣ всѣ страсти грѣховны“, пишетъ авторъ, оспаривая васъ. Но какимъ же образомъ бракъ святъ, если производители [1]) его грѣховны? Вѣдь это то-же, какъ если-бы мы сказали, что керосинъ и деготь, взятые въ отдѣльности, не пригодны для пищи, а бывъ смѣшаны, составляютъ изъ себя превосходное кушанье.

Половая *страсть*, или *потребность*, или *влеченіе* не есть

---

[1]) Вотъ прекрасное и полное и достаточное опредѣленіе: страсть есть *производитель*, творитель „двухъ—въ плоть единую... такъ что уже не два—но одинъ человѣкъ... еже Богъ сочета—человѣкъ да не разлучаетъ“. Слова эти, о *влеченіи* сказанныя, выкрадены „лжесловесниками, сожженными въ совѣсти своей“ (слова ап. Павла), и пришпилены къ своимъ „словесамъ“. Но пора выкраденное вернуть на мѣсто. *В. Р—въ.*

грѣховная немощь, или слабость человѣческой природы, какъ учатъ наши богословы, а *положительная, формальная сила, образующій агентъ* въ области чадородія или размноженія рода человѣческаго, подобно тому, какъ умъ есть формальная дѣятельная сила въ области познанія истины. И если нельзя говорить о разумной страсти, то точно такъ-же нельзя говорить и о „разумномъ чувствѣ“. Но можно и должно говорить о разумномъ пользованіи, какъ страстью, такъ и чувствомъ. И если нѣтъ холоднаго огня, или деревяннаго камня, то ничто не мѣшаетъ существовать въ природѣ и льду и огню, и дереву и камню. Каждое на своемъ мѣстѣ, и каждое въ свое время. И если нѣтъ разумной страсти, то ничто не мѣшаетъ существовать рядомъ и разуму, и страсти, все равно, какъ ничто не мѣшаетъ существовать рядомъ и разуму, и чувству.

„Новое Время“ за 11-е іюля получилъ, но фельетона Вашего еще не читалъ. Все похварываю.

Желаю Вамъ доброго успѣха. Благослови Васъ Господь „Отвѣтъ г. Сильченкову“ возвращаю. Преданный Вамъ, протоіерей *А. Устьинскій.* 20 іюля 1900 г.

2.

Дорогой В. В.!

Сейчасъ окончилъ [1]) чтеніе вашей книги: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, и глубоко умиленъ содержаніемъ ея. Послѣ Евангелія, поучающаго о жизни въ духѣ любви и въ духѣ истины (которая у всякаго своя), вашей книгѣ, повѣствующей о религіозной жизни *духомъ и тѣломъ*, должно принадлежать первое мѣсто. Среди биліона существующихъ книгъ, трактующихъ о религіозной и нравственной жизни,—ваша книга сильнѣе всѣхъ можетъ подѣйствовать на душу людей и вліять на исправленіе нравовъ, расшатанныхъ ученіями матеріалистовъ.

Какое счастіе Россіи, что въ ней появляются такіе апостолы-писатели, какъ вы, дорогой Василій Васильевичъ! Надо обладать

---

[1]) Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (Москва) только-что появилась ужасная рецензія проф. Заозерскаго на мою книгу: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, начинающаяся предисловіемъ: „Не съ радостнымъ чувствомъ мы принимаемся за настоящій трудъ. Напротивъ, нами овладѣваетъ желаніе начать этотъ разборъ такимъ заявленіемъ: о, еслибы никогда не появлялось книгъ, подобныхъ настоящей, и намъ не приходилось писать такихъ рецензій какъ настоящая! Единственное свѣтлое и отрадное, что одушевляетъ насъ въ этомъ тяжеломъ морально трудѣ, это—лучъ надежды, что, быть можетъ, наша рецензія предупредитъ появленіе книгъ, подобныхъ настоящей, и главное, можетъ быть, самого г. Розанова настолько тронетъ, что онъ, *пришедъ въ себе*—навсегда откажется составлять подобныя книги“. Удрученный рецензіей, я вынулъ письмо

большимъ дарованіемъ, сердечною чистотою и великою силою убѣжденности въ своей идеѣ, чтобы въ наше время, когда жизнь людская идетъ по наклонности къ разложенію, выступить съ такимъ *смѣлымъ* „посланіемъ“ къ русскому обществу, приглашая его упорядочить бракъ и семью въ христіанскомъ духѣ, *но непремѣнно въ міропониманіи брака и семьи іудея, эллина и І. Христа.* Честь же вамъ и хвала за этотъ смѣлый подвигъ. Мирянамъ и богословамъ вы сказали много горькой и непріятной правды, во многомъ вы ихъ изобличили. И пусть ихъ посчитаются съ своею совѣстью. Во всякомъ случаѣ вашъ сильный, но сердечный и искренній крикъ о причинахъ упадка семьи и, слѣдовательно, общественной жизни весьма и весьма благовременъ.

Какими жалкими оказались ваши полемисты, а въ особенности—„Мирянинъ“, Шараповъ и Аксаковъ. Богъ имъ судья! Другіе изъ нихъ собирались лично поговорить съ вами на тему, но едва ли бы вы услыхали что́ либо путное отъ нихъ. Зато протоіерей Александръ У—скій (пошли ему Господь долгихъ лѣтъ жизни) заслуживаетъ высокой благодарности отъ русскихъ сердецъ, боящихся еще Бога, за поддержку вашихъ идей „о религіи въ бракѣ“. Его разсказъ о двухъ женахъ, о которыхъ преподобный Макарій имѣлъ видѣніе, страшно мнѣ понравился, и его я многимъ читаю. Вотъ истинныя двѣ праведницы, но жаль,—мы не знаемъ даже ихъ именъ. Это—прообразы христіанокъ будущаго.

Въ разсужденіяхъ Л. Н. Толстого о христіанскомъ ученіи, о жизни и о таинствахъ, принятыхъ церковью, есть нѣкоторая доля истины, но истины *мучительной для сознанія христіанина.* Истина Толстого во всякомъ случаѣ такъ малозначительна, что она можетъ умѣститься на остріѣ иглы. Придерживаясь ея на практикѣ, будетъ холодно человѣку, потому что она не обвѣяна теплотою мистическаго настроенія. Напротивъ, благовѣствуемое вами ученіе о семейной и общественной религіозной жизни, въ сочетаніи вѣрованій и надеждъ іудея, эллина и христіанина, по моему глубокому убѣжденію, — должно явить

г. С. Б—а, человѣка 58 лѣтъ, вѣрнаго слуги отечества нашего (любящій свое дѣло чиновникъ Лѣсного вѣдомства), отца десятерыхъ дѣтей и дѣда прекраснаго (отъ старшей дочери) внука, и перечитавъ — утѣшился, по крайней мѣрѣ относительно вреда своей книги. Въ очахъ другихъ людей—она полезна. Пусть-же работаетъ свою полезную работу, а кому она вредитъ—пусть ее и не читаютъ. Но письмо это, хотя оно и внѣ темы данной книги (кромѣ конца)—позволяю себѣ цѣликомъ напечатать, какъ лучшій отвѣтъ проф. Заозерскому. Читатель-же да проститъ мнѣ излишество занятой бумаги и отнятаго у него вниманія. Только конецъ письма (страницы двѣ)—чрезвычайно важенъ для теоріи страстей—криминальнаго пункта въ разглагольствованіяхъ г. К. Сильченкова. *В. Р—въ.*

человѣчеству „новый небесный Іерусалимъ на землѣ“. Вотъ здѣсь полная „Истина“, и я въ нее вѣрю, исповѣдую и жду, по вашимъ глаголамъ. Толстой, только по упрямству, не хочетъ сознаться (далеко уже зашелъ, чтобы отступать отъ своей вѣры, но утверждать, что онъ уже не отступитъ,—рано еще, пока живъ), какъ человѣчество обѣднѣло бы духомъ, если бы оно приняло его ученіе о жизни „съ единымъ хлѣбомъ“, но безъ *религіозной радости плоти*, а съ одною сытостью ея. Я думаю, разъ люди видятъ передъ собою небо, усѣянное звѣздами и солнцами, и не могутъ отдѣлаться отъ мысли о „вѣчности“, то они не могутъ довольствоваться одною сытостью: надоѣстъ земной хлѣбъ и возжаждутъ небеснаго, но его подъ рукою не окажется, ибо посѣянный раньше пророками небесный хлѣбъ потоптанъ ногами свиней. Всякій бо чувствуетъ, что наше начало исходитъ съ небесъ и изъ вѣчности.

Рѣчь эту я веду отчасти по поводу послѣдняго отвѣта Толстого Св. Синоду. Все мнѣ лѣзетъ въ голову вопросъ: что́ бы отвѣтилъ Толстой, если бы ему сказали:

„Такъ какъ вы всѣ таинства херите, церковныя молитвы считаете „нашептываніемъ“, то не все ли вамъ равно, какъ съ вашимъ трупомъ будетъ поступлено, когда помрете? Можно ли его выбросить на улицу?“

Я думаю, онъ ужаснулся бы подобной перспективы... „Вѣнецъ творенія“... и пожалуйте на улицу, разлагайтесь здѣсь, безъ вздоховъ, безъ взоровъ на небо окружающихъ трупъ живыхъ. Какое заблужденіе великаго ума — опредѣлить человѣка только какъ „вещь“, которую (послѣ смерти человѣка) надо убрать, чтобы не мѣшала живымъ. Уже при жизни Толстой удостоился всесвѣтной извѣстности, великаго почитанія за (даръ Божій) талантъ. Но ему всего мало: капризный старикъ и притомъ *гордецъ*, хотя и говоритъ о блаженности кроткихъ...

Во всякомъ случаѣ, послѣдняя исторія, продѣланная съ Толстымъ, грустное явленіе для истинно-просвѣщеннаго христіанина. Обѣ стороны спустились съ „нагорныхъ“ высотъ... до грызни.

Чтеніе вашей книги навело меня на нѣкоторыя мысли, которыми я желаю подѣлиться съ вами. Мы съ вами, какъ люди, вѣрующіе въ Творца „видимыхъ и невидимыхъ“, съ радостью читаемъ Библію и восторгаемся глаголами ея. Но, простите, я иначе, чѣмъ вы, объясняю себѣ тексты кн. Бытія о грѣхопаденіи и первородномъ грѣхѣ [1]).

Начало міра останется вѣчно тайной для человѣчества. Но человѣку нудно жить, не рѣшивъ такъ или иначе этихъ вопро-

---

[1]) Отсюда начинается чрезвычайное глубокое разсужденіе, которому я сочувствую всею душею. *В. Р—въ.*

совъ: надо же чѣмъ-нибудь успокоить свой тревожный умъ. Создаются, поэтому, разныя космогоническія теоріи образованія міровъ, у каждаго по своему (Моисей и Лапласъ). Намъ съ вами нравится кн. Бытія, какъ сердечно говорящая о началѣ міра. Это личное наше дѣло—что намъ больше можетъ нравиться. Какъ палъ первый человѣкъ, ослушавшись повелѣнія Бога—не вкушать плодовъ съ древа „познанія добра и зла“,—и какое ему положено наказаніе за нарушеніе заповѣди („смертію умрешь“), объ этомъ ясно говорятъ тексты Моисеева творенія. Но принять тексты въ буквальномъ значеніи словъ невозможно, ибо это было бы равносильно возстанію противъ Творца за то, что онъ какъ бы не предвидѣлъ возможности грѣхопаденія человѣка. Такое допущеніе являлось бы абсурдомъ и клеветою на Бога. Значитъ, тексты Бытія являются теоріей о началѣ сотворенія міра. Эти тексты я понимаю такъ. Если бы люди руководились въ жизни однимъ *инстинктомъ*, какъ живутъ и всѣ прочія твари земныя, то они были бы, подобно послѣднимъ, не виновны передъ Богомъ ни въ чемъ, *были бы безгрѣшны*; но разъ они, по благости Бога, превознесены выше всякой твари, надѣлены рѣчью и допущены къ владычеству цѣлой планетою, и главное—надѣлены способностью разсужденія: „кто мы и зачѣмъ, и все ли хорошо вокругъ?“, - должны же нести и отвѣтственность за свои поступки и за чистоту и святость своихъ мыслей, коль скоро тѣ и другія *не въ гармоніи съ инстинктомъ*. Все то, что человѣкъ дѣлаетъ не по инстинкту и даже противъ протестующей въ душѣ его искры Божіей—совѣсти—есть *грѣхъ*. „Коли ты, Адамъ, можешь передѣлывать природу своего тѣла, природу окружающихъ тварей, не прислушиваясь въ то же время ни къ голосу инстинкта, ни къ голосу совѣсти, а все дѣлаешь по своему желанію, а не по Моимъ заповѣдямъ, ясно выраженнымъ въ дѣлахъ,—которыя ты, Адамъ, видишь передъ своими глазами, -и въ тебѣ самомъ заложеннымъ Мною (самочувствіе и совѣсть), то ты грѣшишь противъ Моихъ заповѣдей. А за грѣхи Я полагаю тебѣ, Адамъ, болѣзни и даже сознаніе момента, когда къ тебѣ явится *смерть*, что будетъ для тебя мучительно. Исполняющій же мои заповѣди не будетъ знать или *сознавать* смерти, какъ и вся прочая живущая тварь не сознаетъ ея. Творишь, Адамъ, уподобляясь богу (лукавое слово змія Евѣ), многое отъ себя и по своему желанію, а потому, „познавъ доброе, отвѣчай и за злое“.

Такъ я толкую тексты кн. Бытія о грѣхопаденіи перваго человѣка *и каждаго изъ насъ до сего дня.*

Вы полагаете, что „грѣхъ палъ въ тѣло“. Въ разсужденіи вашей темы -такой выводъ отчасти поднимаетъ завѣсу, скрывающую тайну грѣхопаденія, но не всю тайну. Нельзя безусловно согласиться, что „пробужденіе полового чувства и вмѣстѣ стыда

къ наготѣ своей у безгрѣшныхъ 7-ми-лѣтокъ“ можетъ быть признано началомъ „грѣхопаденія“. Все это однѣ догадки и довольно остроумныя для уясненія темы [1]). Мнѣ собственно неприлично браться за рѣшеніе вопроса,—въ чемъ состоитъ грѣхопаденіе перваго человѣка,—какъ малосвѣдущему въ источникахъ этого вопроса. Но въ сердцѣ своемъ я *чувствую*, что всякое уклоненіе человѣка отъ естественныхъ и умопостигаемыхъ законовъ „Творца видимыхъ и невидимыхъ“—является *грѣхомъ*, является вкушеніемъ „древа познанія добра и зла“, запрещеннымъ Адаму съ Евой и всѣмъ намъ. Человѣчество, однако, такъ присосалось къ этому древу, такъ имъ жирно упиталось, что совершенно притупило въ себѣ чувства инстинкта и совѣсть—эту искру Божію, и уже думаетъ (со словъ райскаго змія) о себѣ, что оно именно и есть богъ и что, поэтому, „ему все позволено“. Богъ вложилъ въ тѣло и душу человѣка частицу Самого себя съ явною цѣлью, чтобы она на вѣсахъ *свободной воли* поступковъ и мысли человѣка перевѣшивала или тяготѣла въ сторону „праведности и святости“. Наконецъ, мнѣ думается, что „свободная воля“ и „злая воля“ (объѣденіе людей райскимъ древомъ) не спроста трактуются людьми. Не „все позволено человѣку“, а только то, что̀ можетъ быть единогласно одобрено *лучшими людьми* іудея, эллина и христіанина, словомъ—Библіею, Сократомъ и Іисусомъ Христомъ. Одобренное ими—безгрѣшно, а не одобренное—грѣшно, изошло отъ лукаваго змія.

Ношу въ сердцѣ такое пониманіе мысли о грѣхопаденіи. Первородный грѣхъ на рождающемся отрицаю: ничего еще не сдѣлавъ грѣшнаго, и логически не долженъ и не можетъ считаться грѣшнымъ, какъ нельзя сказать—$2 \times 2 = 5$. Этотъ грѣхъ дѣйствительно померещился тѣмъ, которые способны допустить, что „міръ нашъ наполненъ только дьяволами“.

Говорятъ, нельзя теперь быть вселенскому собору, чтобы сговориться о религіи, о таинствахъ и о церковныхъ обрядахъ. Пожалуй, говорятъ правду. Человѣчество слишкомъ невѣжественно въ настоящее время [2]), черезчуръ объѣлось древомъ познанія добра, чтобы можно было подвинуть всю эту черноземную массу въ сторону истиннаго свѣта и „новаго радостнаго, небеснаго Іерусалима“ на землѣ. Но пройдетъ еще 1—2 вѣка, и люди пойдутъ на уступки въ деталяхъ своихъ религій и чаяній будущаго: ибо все человѣчество, какъ одинъ человѣкъ, сознаетъ въ себѣ совѣсть

---

[1]) Вы стремились въ темѣ дать объясненіе текста Библіи въ буквѣ его. *С. Б—къ.*

[2]) Удерживается всѣми „іота“, не имѣющая отношенія къ сущности, что я и считаю невѣжествомъ, плодящимъ разъединеніе между человѣчествомъ. *С. Б—къ.*

и искру Божію, которыя къ чему-либо *единому* всѣхъ обязываютъ. Это такъ очевидно!

А пока что будетъ, я вмѣстѣ съ вами, дорогой Василій Васильевичъ, мечтаю о грядущемъ безгрѣшномъ существованіи людей. Въ такой надеждѣ живу и хочется жить: ибо тоже съ вами думаю, что „и эллинъ и іудей *при*рѣзаны, но не *за*рѣзаны“ [1]). Семья и общественная жизнь, возрожденныя на почвѣ вашего „посланія“, непремѣнно обновятъ міръ и явятъ безгрѣшное человѣчество. Буди, буди!..

Солодовникова хвалятъ газеты за посмертное пожертвованіе на добрыя дѣла 36 милліоновъ. Если онъ могъ и успѣлъ при жизни собрать такое богатство, то я удивляюсь не этому богатству, а тому, какъ онъ умирая не взялъ съ собою въ гробъ всѣ 36 милліоновъ? И никто бы изъ живущихъ отъ этого не пострадалъ, кромѣ самого Солодовникова. Всю жизнь собиралъ богатство только ради одного богатства [2]); пришла смерть, и ужаснулся человѣкъ, увидя, какъ онъ ограбилъ свою совѣсть, какъ онъ погашалъ въ себѣ пламя, горѣвшее въ сердцѣ его отъ искры Божіей. Ужаснулся и заметался: вспомнилъ библейское древо познанія добра и зла и заповѣдь — „смертію умрешь“... и сказалъ: „возьмите добро мое, ибо оно чужое“... Поздно, братъ; твои-то и богадѣльни вызываются на свѣтъ твоими же *прижизненными погашеніями* въ себѣ завѣтовъ Іисуса Христа. Осуждаю, грѣшу, но фактъ весьма поразительный для иллюстраціи нашей темы. Вѣдь могъ бы онъ, накопляя столько, сколько нужно ему было для жизни и даже прихоти, остальное отдавать живымъ; и вотъ -умирая, не зналъ бы смерти, какъ ея уже навѣрно не зналъ и съ чувствомъ великаго блаженства ожидалъ тотъ юродивый нищій, который недавно умеръ въ Москвѣ съ двухпудовыми веригами на тѣлѣ. Разница въ смерти Солодовникова и этого нищаго въ веригахъ на тѣлѣ свидѣтельствуетъ, что грѣхъ падаетъ не только „въ тѣло“, но и въ духъ человѣка, въ помыслы его, выраженные активно противъ заповѣдей Бытія и Евангелія.

Вотъ еще [3]) одна изъ геніальныхъ идей Моисея. Какъ мудрый человѣкъ и пророкъ, онъ зналъ цѣну прочной и счастли-

---

[1]) Вездѣ здѣсь цитируется изъ книги моей: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“ послѣдняя статья, повторяющая заглавіе книги. *В. Р—въ.*

[2]) Какъ хорошо разсужденіе. Какъ остроумно и праведно. Мы бы отвязались отъ кащеевъ, при жизни мучающихъ людей, а при смерти осыпающихъ ихъ благодѣяніями, еслибы сказали: „возьмите-жъ богатства свои въ гробъ; ибо не хлѣбомъ единымъ живетъ человѣкъ». *В. Р—въ.*

[3]) Слѣдуетъ замѣчательнѣйшее разсужденіе о страстяхъ, которое я прямо и цѣликомъ переношу въ свою душу и помѣщаю въ свою философію. *В. Р—въ.*

вой семьи. Поэтому, имѣя въ виду брачныя узы, Моисей въ *Бытіи* сказалъ:

„Господь Богъ устроилъ сторону, которую вынулъ изъ человѣка (ребро Адама), въ женщину, и привелъ ее къ человѣку. И человѣкъ сказалъ: „Вотъ эта—такъ кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей. Эту пусть называютъ женою, потому что отъ мужа взята она".

Мнѣ думается, что указаніе на способъ сотворенія жены изъ кости и плоти, взятыхъ Богомъ отъ Адама, должно быть объясняемо въ томъ смыслѣ, что каждый мужчина повиненъ избирать въ жены только ту изъ дѣвицъ, къ которой почувствуется ничѣмъ необъяснимое, почти мистическое влеченіе или, какъ говорятъ обыкновенно, которую пламенно полюбилъ. „Она мнѣ мила„, она мнѣ какъ бы родная, явно чуется внутри меня голосъ—она взята отъ *ребра* моего". И дѣйствительно, мы часто видимъ въ жизни такого рода явленіе. Молодой человѣкъ, чистый сердцемъ, душею и тѣломъ, встрѣчается на вечерахъ, дома и на улицѣ со множествомъ дѣвицъ, и совершенно спокойно и равнодушно проходитъ мимо нихъ, не останавливая ни на одной изъ нихъ своего вниманія въ смыслѣ женитьбы. Вдругъ, встрѣчаешь одну... и замутилась мысль... потянетъ магнитомъ—жить и умереть съ этой именно, сразу показавшейся родной и безконечно милой и божественной всему моему существу, а не однимъ только глазамъ. Дѣло должно кончиться бракомъ, и уже павѣрняка счастливымъ. Рѣдко бываетъ, чтобы при первой же встрѣчѣ обѣ стороны не почувствовали взаимнаго влеченія обмѣняться... кровью (я хотѣлъ сказать „кольцами", но пусть такъ будетъ). Всегда вспомнятъ при такой счастливой встрѣчѣ Моисея: „она взята отъ ребра его". Несчастіе современнаго общества именно и состоитъ въ томъ, что у него браки совершаются по всякимъ соображеніямъ, но только не по мистическимъ. „Съ высшимъ ли онъ или она образованіемъ или съ низшимъ, красива ли она или онъ или уроды, бѣдны или богаты",—вотъ какими вопросами занято общество при устройствѣ узъ Гименея, а рѣдко спросятъ: „благочестивы ли родители жениха и невѣсты и воспитаны ли послѣдніе въ духѣ любви и милосердія къ людямъ?" Словомъ, обществомъ забывается идея „о ребрѣ", и зато брачущіеся впослѣдствіи тяжко наказуются за эту забывчивость. Восточный нравъ—носить покрывало на лицѣ—хотя и знаменуетъ собою: „беру, молъ, жену не ради похоти, а ради благословенія Божьяго—раститеся и множитеся", но намъ не подняться на высоту такого права. Мнѣ могутъ на это возразить, что мистическая, мгновенно зародившаяся любовь между двумя полами и окончившаяся бракомъ, безъ обсужденія по пальцамъ всяческихъ экономическихъ предбрачныхъ условій „за и противъ",—равноспильны восточному нраву — жениться на той

особѣ, которую покажутъ лишь послѣ обряда вѣнчанія. На это я скажу, что до восточныхъ нравовъ въ отношеніи брака мы еще не доросли, да въ нихъ намъ и нѣтъ надобности; обыкновенные браки, по расчету, увеличиваютъ одни драки, развратъ и убійства; поэтому-то я твердо вѣрю (основываюсь на собственномъ примѣрѣ), что только *мистически завязавшаяся любовь* между молодыми существами можетъ дать гарантію счастливаго брака до глубокой старости и воспитать хорошее потомство. Такова-то идея Моисеева „ребра".

Простите, дорогой Василій Васильевичъ, что я такъ зарапортовался въ этомъ письмѣ. Отъ любви къ вамъ болтаю.

Давно васъ видѣлъ, а равно и дорогую В—ру Д—ну. Моя жена сплошь одну недѣлю, почти каждой ночью, видѣла во снѣ В—ру Д—ну. Это было передъ концомъ іюля мѣсяца.

Лѣтомъ, съ 1-го по 14 августа я былъ въ гостяхъ у С—ни [1]). въ Петроков. губ. С—ня и ея мужъ вамъ кланяются и съ большимъ удовольствіемъ читаютъ ваши статьи въ «Нов. Вр.», которое они тоже выписываютъ. Дочь ихъ Вѣра уже ходитъ, ей минулъ годъ 31 авг. сего года.

Какъ васъ всѣхъ Богъ милуетъ? Здоровы-ли? Всѣ наши гурьбой кланяются вамъ всѣмъ.

Душею вашъ *С. Б—ъ*. С.-Петербургъ, сентябрь, 1901.

XIII. Христіанскіе будни.

1.

«Идѣ-же множится грѣхъ—преизбыточествова благодать».
К. Сильченковъ.

„Въ Казанскомъ окружномъ судѣ на дняхъ разсматривалось интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло по обвиненію крестьянъ деревни Чербай, Ядринскаго уѣзда, отца и сына Тимофеевыхъ, въ истязаніи молодой 17-лѣтней женщины, жены сына Тимофеева. Какъ сообщаетъ „Каз. Тел.", несчастная женщина только въ прошломъ году вышла замужъ, но жизнь ея вслѣдствіе насилій со стороны мужа и свекра была настолько тяжела, что она не вытерпѣла и весной этого года убѣжала къ своему отцу, въ деревню Кузнецовку.

„Узнавши о мѣстѣ ея укрывательства, Тимофеевы явились въ Кузнецовку въ домъ отца бѣглянки и стали требовать отъ послѣдняго выдачи ея. Та между тѣмъ спряталась отъ нихъ въ хлѣвъ. Тимофеевы разыскали ее очень скоро, вытащили изъ хлѣ-

[1]) Замужней дочери. *В. Р—въ.*

ва и начали со „учить“; сначала „учили“ вожжой, а затѣмъ привязали къ оглоблѣ своей телѣги и поѣхали домой, стегая пойманную бѣглянку кнутомъ, чтобы она не отставала отъ лошади. По прибытіи въ деревню Чербай, они остановились у кабака сначала и, выпивъ тамъ на радостяхъ, стали потомъ разъѣзжать по улицамъ селенія, стегая жену кнутомъ. Хотя все это продѣлывалось на виду всей деревни, но никто изъ обитателей ея и не думалъ заступиться за несчастную и прекратить ея мученія. Только когда она совершенно обезсиленная, наконецъ, упала, мѣстный староста запретилъ Тимофеевымъ продолжать это катанье на живомъ человѣкѣ. Тимофеевы тогда облили холодной водой свою жертву и увели къ себѣ къ избу; тамъ они заковали ее цѣпью у пояса, при чемъ другой конецъ цѣпи прибили къ стѣнѣ такъ, что закованная не могла ни сѣсть, ни лечь. Въ такомъ видѣ они продержали ее двое сутокъ, не давая ей ни ѣсть, ни пить. На третьи сутки о положеніи ея дошло случайно до свѣдѣнія мѣстнаго урядника, и послѣдній явился спасителемъ ея.

„Окружный судъ приговорилъ обоихъ Тимофеевыхъ къ тюремному заключенію на 3 года“. (Изъ „Нов. Вр.“ № 8471).

„Консисторійка“ стояла въ сторонкѣ и смотрѣла. *В. Р—въ.*

2.

«Благодать—грѣха не бѣгаетъ, ибо для борьбы съ грѣхомъ она и подается». *К. Смольченковъ.*

„**Судебная хроника.** Сентябрьскою сессіей Петербургскаго окружнаго суда разсмотрѣно въ Гдовѣ слѣдующее дѣло объ убійствѣ.

„Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ крестьянинъ деревни Бурцовщины, Гдовскаго уѣзда, 18-лѣтній Николай Ивановъ, по любви и взаимному соглашенію женился на дѣвушкѣ одного съ нимъ возраста, Аксиньѣ Ефремовой. Жизнь молодыхъ людей была счастлива, согласна во всемъ, и у нихъ родилось уже трое дѣтей, но въ 1894 году Аксинья увлеклась не молодымъ, но богатымъ мужикомъ, сосѣдомъ Васильевымъ, имѣвшимъ взрослыхъ дѣтей. Пользуясь частыми отлучками изъ деревни Иванова, Васильевъ заходилъ къ нему въ домъ и проводилъ время съ Аксиньей. Вскорѣ эти отношенія сдѣлались достояніемъ молвы, а затѣмъ перешли въ открытую связь, о которой не зналъ и не хотѣлъ вѣрить только мужъ—Ивановъ. Наконецъ, насмѣшки и серьезныя разъясненія однодеревенцевъ заставили Иванова взяться за провѣрку слышаннаго и вотъ однажды, сказавъ женѣ, что уходитъ въ сосѣднюю деревню, онъ вернулся задворками и спрятался въ сѣняхъ своей избы. Васильевъ не замедлилъ явиться и Ивановъ вполнѣ убѣдился въ измѣнѣ жены; не вытерпѣвъ сцены, онъ схватилъ топоръ, вбѣжалъ въ избу и ударилъ имъ по головѣ Васильева. Ударъ не

причинилъ, однако, вреда но послѣ этого Васильевъ, котораго Ивановъ не разъ просилъ прекратить хожденіе къ женѣ и даже грозилъ убить за это, давшій обѣщаніе бросить эту связь,—не только не исполнилъ своего слова, но бросилъ свою семью и поселился съ Аксиньей, сдѣлавшей то-же, въ деревнѣ Зуевщинѣ. Видя, что убѣжденія и просьбы не дѣйствуютъ, Ивановъ два раза возбуждалъ противъ жены уголовное преслѣдованіе за супружескую невѣрность, но въ первый разъ простилъ и прекратилъ дѣло, а во второй разъ Аксинья была приговорена къ заключенію въ монастырь.

„Оставленный женою, Ивановъ возбудилъ общую жалость окружающей среды. Онъ одинъ работалъ и въ полѣ, и по дому, нянчился съ дѣтьми, стряпалъ и прочее. Надо замѣтить, что сыновья Васильева уговаривали иногда отца не ходить къ Аксиньѣ, и когда онъ исполнялъ ихъ просьбу, то Иванова била стекла въ ихъ домѣ и ломала яблони въ саду.

„Наступило 26 декабря прошлаго года. Въ 8 часовъ утра этого дня Ивановъ зашелъ въ хлѣвъ своего дома, чтобы дать скоту кормъ, и засталъ тамъ Васильева. Догадавшись о цѣли, для которой тотъ явился и спрятался въ соломѣ, Ивановъ схватилъ валявшуюся палку и ударилъ Васильева въ голову; тотъ, слывущій первымъ силачемъ въ деревнѣ, бросился на Иванова, и послѣдній, придя въ изступленіе, безъ счета наносилъ удары, пока Васильевъ не упалъ. Явясь къ женѣ, онъ сказалъ ей; „иди въ хлѣвъ, полюбуйся на своего“, а самъ отправился къ урядшику и заявилъ о случившемся.

„Когда явились на мѣсто происшествія, Васильевъ былъ уже мертвъ; смерть его послѣдовала отъ пролома черепа.

„Не отрицая нанесенія ударовъ, Ивановъ не сознавался въ убійствѣ и говорилъ, что онъ хотѣлъ заставить Васильева уйти домой, но когда вмѣсто этого Васильевъ ударилъ его по ногѣ, Ивановъ испугался за себя и, зная силу противника, ударилъ его полѣномъ по головѣ и потомъ, въ изступленіи, но безъ намѣренія на убійство, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ по спинѣ и ушелъ, оставивъ Васильева лежавшимъ на землѣ и звавшимъ на помощь.

„Присяжные засѣдатели совѣщались очень недолго и вынесли Иванову оправдательный приговоръ. (Изъ „Биржевыхъ Вѣдомост.“).

3.

„*Запросъ къ редакціи:* Отъ мужа, 18 лѣтъ тому назадъ, ушла жена и живетъ въ городѣ „зазорно“; мужъ, желая развестись съ ней, началъ дѣло о разводѣ, представивъ нѣсколько свидѣтелей ея зазорной жизни; но въ искѣ ему отказано по отсутствію свидѣтелей-очевидцевъ прелюбодѣянія, что навело на него великое уныніе.

Нельзя-ли какъ-нибудь вновь начать дѣло о разводѣ и добиться благопріятнаго результата?

„*Отвѣтъ редакціи*: По всей вѣроятности, собранныя имъ свидѣтельства, помимо отсутствія очевидцевъ, отличались недостаточною убѣдительностью. Поэтому ему слѣдуетъ озаботиться пополненіемъ числа ихъ и затѣмъ вновь попытаться начать дѣло, съ обжалованіемъ неосновательнаго, по его мнѣнію, отказа въ разводѣ въ Святѣйшій Синодъ. („Церковный Вѣстникъ", рубрика: „Въ области церковно-приходской практики", № 30 за 1901).

4.

„Г. Фармаковскій во „Врачебной Газетѣ" доказываетъ анахронизмъ закона, предписывающаго женамъ любить своего мужа и ставящаго женъ въ полную зависимость отъ произвола мужа.

„Недавно, разсказываетъ г. Фармаковскій, — мѣстный урядникъ прислалъ мнѣ бумагу съ просьбой сдѣлать осмотръ одной молодой женщины, отецъ которой сообщилъ ему, что она лежитъ больна, избитая своимъ мужемъ, и что послѣдній не допускаетъ къ ней даже родную мать. Пріѣхавъ въ тотъ же день въ указанное село, благодаря бумагѣ урядника, я былъ допущенъ къ этой женщинѣ ея родными безпрекословно и увидалъ ее въ темномъ чуланѣ на полу, лежащую въ самомъ растерзанномъ видѣ. Ея перепутанные и мѣстами разрѣженные волосы кишѣли цѣлою массою вшей, ея худыя трясущіяся бедра были исполосованы ударами кнута; ея ускоренный пульсъ, блуждающіе глаза, дрожащее худое тѣло придавали ей видъ умалишенной. Увидѣвъ меня, она истерически зарыдала и стала проклинать свою жизнь.

„Стоявшій тутъ же мужъ сознался въ нанесеніи ей побоевъ и говорилъ, что по закону онъ имѣетъ надъ нею начало и долженъ выбивать изъ нея дурь.

„Вѣдь вотъ уже больше недѣли,—пояснялъ онъ,—какъ она не принимаетъ ни куска хлѣба и, не смотря на всѣ мученія, отказывается отъ своихъ обязанностей жены". Два раза она убѣгала домой къ своему отцу, и оба раза на законномъ основаніи ее опять возвращали на терзаніе къ постылому мужу, и всякій разъ этотъ постылый мужъ сугубо возмѣщалъ на ней свою досаду за ея побѣгъ. Не дурь, а какое-нибудь невыносимое патологическое состояніе организма, которое могла бы открыть лишь медицина, какая-нибудь женская или психическая болѣзнь могли заставить эту несчастную женщину съ такимъ упорствомъ избѣгать притязаній своего молодого красавца-мужа, когда она предпочитаетъ переносить такія страшныя мученія и абсолютный голодъ въ теченіе недѣли. И все-таки стоящіе у власти другіе люди на осно-

ваніи законовъ становятся на сторону насилующаго мужа и помогаютъ ему преслѣдовать его несчастную жертву".

„И это, какъ выражался Лѣсковъ, у насъ повсемѣстно. Только недавно Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ земскимъ начальникамъ и губернаторамъ выдавать такимъ несчастнымъ женамъ паспорты помимо согласія ихъ мужей. Конечно пройдетъ еще не мало времени, пока гуманное разъясненіе Сената перевоспитаетъ мужей, но хорошо, хоть начало положено. („Н. Вр.", Среди газетъ и журн.).

Не правда-ли, это хроническое *изнасилованіе* „на законномъ основаніи?" *В. Р—въ.*

5.

Вчера въ уголовномъ отдѣленіи херсонскаго окружнаго суда разсмотрѣно дѣло по обвиненію Елены Борчановской въ кражѣ документа и проживательствѣ по чужому виду. Фабула дѣла, особенно въ изложеніи обвинительнаго акта, очень не сложна: покушавшаяся на самоотравленіе 28-го апрѣля 1901 г. крестьянка Елена Борчановская, будучи доставлена въ участокъ и подвергнута допросу, заявила, что она еще во-время Великаго поста похитила паспортъ у своей двоюродной сестры Елены Лубьяненковой, жительницы Ново-Петровки, и тогда-же пріѣхала въ Херсонъ, гдѣ поступила въ услуженіе по этому документу къ нѣкоему Немировскому. На судѣ эти обстоятельства были освѣщены нѣкоторыми свидѣтельскими показаніями и объясненіями подсудимой. Послѣдняя еще ребенокъ, такой глядитъ она и изъ-подъ своего арестантскаго халата и бѣлаго платка, полускрывающаго ея измученное горемъ лицо. По справкамъ оказывается, что Еленѣ Борчановской всего 18 лѣтъ. Почти 16-ти лѣтней дѣвчонкой она отдана была своими родными, вопреки желанію ея и волѣ, замужъ за нелюбимаго человѣка Борчановскаго. Физическій уродъ—калѣка, онъ оказался уродомъ и въ нравственномъ смыслѣ, терзая и поколачивая безъ жалости это беззащитное существо, безапелляціонно и безвозвратно отданное родными мужу-тирану. Она умоляла его дать ей отдѣльный видъ на жительство. Но онъ слышать ничего не хотѣлъ и продолжалъ ее ѣсть поѣдомъ. Домъ его—былъ для нея адомъ; она не спала, не ѣла, слонялась по чужимъ хатамъ. Придя разъ голодной, измученной къ своей двоюродной сестрѣ Еленѣ Лубьяненко, чтобы утолить свой голодъ и подѣлиться своимъ горемъ, Елена Борчановская нашла у послѣдней принадлежащій ей паспортъ. У Борчановской мелькнулъ лучъ надежды на возможный исходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое она попала по милости своихъ-же родныхъ. Она спрятала эту спасительную бумажку и, скрывшись, съ нею добралась до

Херсона. Но и здѣсь ее не переставалъ преслѣдовать тяжелый призракъ мужа-тирана, съ которымъ она связана неразрывно. Она каждую минуту ждала, что вотъ-вотъ появится этотъ сугубо-противный ей человѣкъ и заявитъ на нее свои законныя права. Мысль эта сводила Елену съ ума, угнетала несчастную каждую свободную минуту и привела ее къ тяжелому рѣшенію — отравиться. Люди помѣшали ей совершить этотъ грѣхъ. Но, оправившись отъ болѣзни, Елена, пройдя чрезъ тюремное заключеніе, попала на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ кражѣ документа и проживательствѣ по чужому паспорту. Защитникъ подсудимой, пом. прис. пов. Л. Л. Лемпертъ, въ своей защитительной рѣчи открылъ предъ присяжными завѣсу этой тяжелой драмы женщины-ребенка, ходатайствуя объ ея оправданіи. Присяжные засѣдатели послѣ минутнаго совѣщанія вынесли Еленѣ Борчановской оправдательный вердиктъ. (Газ. „Югъ“, 8 янв. 1902 г.).

Христіанскія утѣшенія.

I. Передъ клубомъ.

„Сила Божія въ немощи совершается. *К. Сильченковъ*".

Вхожу къ пріятелю.

— Ну, братецъ?

— Что „ну"?

— Скучаешь?

— Не очень. Вотъ въ клубъ собираюсь.

— Хе-хе-хе.

— Что-жо ты смѣешься какъ лошадь? Надъ ближнимъ грѣшно смѣяться.

— Я не смѣюсь. А только тоска мнѣ на тебя глядѣть.

— И не гляди.

— Не могу, потому я тебѣ пріятель. Вѣдь вмѣстѣ энциклопедію права слушали. К—овъ читалъ. „Gaudeamus"-то, помнишь?

— А наплевать мнѣ на „Gaudeamus". Ребяческіе сны.

— Теперь посерьезнѣлъ?

— Посерьезнѣлъ.

— Проза жизни настала. Люблю я эту энциклопедію права. Всѣ „nostro" и „loro", какъ пишется въ банкахъ, объемлетъ. То вотъ „наше", а то—„ихнее". Отлично. И талантливый человѣкъ К—овъ. Вдумчивый, по кажется пилъ. Всѣ талантливые люди пьютъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи.

— Я вотъ не пью.

— Потому что ты безталаненъ.

— Ну, и замолчи. Что ты стрекочешь, какъ сорока?

— Какъ же, обновленіе. Въ обновленіе жизни вошелъ. Впрочемъ, я это тебѣ послѣ клуба разскажу. Одѣвайся же...

— Да нѣтъ, я, кажется, не пойду. Карты и карты. На прошлой недѣлѣ маленькій проигрышъ, а главное рожи, эти равнодушныя рожи! И кто ихъ сотворилъ? И какъ ихъ сотворили?

— Кислятина ты совсѣмъ: и „пойду“ и „не пойду“. Не даромъ отъ тебя жена сбѣжала.

— Не напоминай.

— Я не напоминаю, ты самъ своей физіономіей напоминаешь. Но, братецъ, дозволь изъ біографіи: сколько же это было лѣтъ назадъ?

— Одиннадцатый...

— Одиннадцатый годъ. Давно. Кутитъ?

— Нѣтъ. У ней свой домикъ, т.-е. родительскій. Кажется, скромно живетъ.

— Оказія. Отчего она отъ тебя, отъ дурака, сбѣжала?

— Тогда влюбилась, но кажется въ любви получила афронтъ, и какъ уже въ лѣта вошла, то и живетъ спокойно.

— Не просилась назадъ?

— Года три назадъ присылала письма. Заигрывала опять.

— Ну?

— Я промолчалъ.

— Трижды дуракъ.

— Отчего?

— Какъ отчего? Была бы жена. Въ клубъ бы не ходилъ. Спокойствіе, удобство.

— Тебѣ легко говорить.

— Почему? Легко говорить, легко и исполнить.

— Говорить легко, а исполнить трудно. Что же я за плевательница такая, въ которую то плюнутъ, то вычистятъ ее. Я человѣкъ, а не плевательница.

— Гордость. Гордыня тебя обуяла. Смиренія въ тебѣ, шельмецъ, нѣтъ. По христіански долженъ бы простить. Хе-хе-хе...

— Нѣтъ, ужъ ты „прости“, когда тебя въ безикъ обыгрываютъ, а я посмотрю на твое „христіанское долготерпѣніе“. Рекомендовать-то его легко, а вотъ исполнить... Я человѣкъ, а не плевательница, и думалъ, что домъ мой—тоже человѣчье жилье, а не сточная яма для нечистотъ. Чортъ знаетъ, поневолѣ вспомнишь энциклопедію права...

— Нервный ты человѣкъ. Вздумалъ „nostro“ и „loro“ въ бракѣ учитывать. Тутъ братъ едино тѣло, едина душа...

Пріятель вскочилъ:

— Чортъ! Уйди, или я въ тебя швырну полоскательной чашкой! Кто это смѣлъ такъ издѣваться: „единая душа и единое тѣло“.

— Хе-хе-хе. Горячій человѣкъ. Сядь. Разсуди.

— Да я много лѣтъ разсуждаю. Эхъ, пріятель, заньешь. И запилъ бы, да только какое-то органическое отвращеніе къ вину.

— Ну, вотъ разнюнился. Вѣрно, сейчасъ пойдутъ автобіографическія признанія?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я вотъ и размышляю. Какое высокое слово: „единое тѣло и единая душа“. Кажется богатъ какъ Ротшильдъ, пріобрѣтя такую жемчужину, какъ „единое тѣло и единая душа“.

— Ну, конечно, оттого всѣ и женятся. Индійскій жемчугъ, да еще съ приданымъ ма-а-ленькимъ, хе-хе-хе... Ты съ приданымъ?

— Оставь. Я именно о жемчугѣ. Стразы...

— Что такое? Я иностраннаго не понимаю.

— Сдираютъ со щуки шкуру, т.-е. чешую, и кладутъ въ чанъ, въ воду. Мокнетъ цѣлые мѣсяцы. Растворяется или тамъ осадокъ даетъ, матово-молочнаго цвѣта. Отцѣживаютъ, потомъ прессуютъ, потомъ въ стеклянныя тончайшія горошинки, полыя внутри, и получается отличнѣйшій „жемчугъ“, по три рубля за нитку. Теперь самые богатые такой носятъ. Красивѣе настоящаго.

— Ты къ чему?

— А вотъ къ „единому тѣлу и единой душѣ“. Лучше бы не говорили. Лучше бы молчаніе. О, какъ благородно молчаніе при безсиліи сказать! „Единое тѣло и единую“ душу можно перевести: „одинокое тѣло и одинокая душа“—это вотъ я и испытываю одиннадцатый годъ, глядя на пустыя стѣны пустой комнаты. Обманутъ.

— Не обманутъ, а обманулся, и оттого, что нервный человѣкъ. Ты вотъ зачастилъ въ клубъ, проигрываешься. Другіе есть дураки—запиваютъ. Между тѣмъ ничего этого не требуется. Вѣдь и я въ томъ же положеніи, какъ ты, только не меня жена бросила, а я ее прогналъ. Т. е. не прогналъ, а просто сѣлъ на извощика—и уѣхалъ.

— Безсовѣстный.

— Ничуть. Легально сѣлъ на извощика и легально уѣхалъ. Истомила она меня хозяйствомъ проклятымъ, но, впрочемъ, это по боку, какъ и почему. Ей прислалъ по почтѣ вѣчный видъ „на всѣ, матушка, четыре стороны“. У ней маленькое ремесло, швейная машина, и она бывало даже къ жалованью моему кое-что изъ заработковъ прибавляла...

— Все же ты безсовѣстный.

— Не о томъ рѣчь, а о томъ, какъ я счастливъ. Ты вотъ жалуешься, что у тебя отняли „помощницу“ какую-то, „Еву“ тамъ что ли, и подложили вмѣсто ея видъ на жительство, гдѣ прописано „женатъ“.

— Ха-ха-ха...

— Что ты засмѣялся?

— Ничего. Такъ одно игривое соображеніе. Ужасно я люблю семейную жизнь, и знаешь, что: закажу себѣ второе кресло—и буду во время чая класть на него паспортъ. Будто жена чай разливаетъ. И двуспальную кровать сдѣлаю: подъ вторую подушку положу опять паспортъ и раскрывъ его на той самой страницѣ, гдѣ прописано „женатъ“.

— Ты съ ума сходишь?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Прекстроумно. Полная замѣна супружества и совершенное удовлетвореніе мужа. Но продолжай о себѣ.

— Ты вотъ тѣшишься злобными фантазіями, а я порхаю. Да у меня этихъ „Евъ“ какъ ты говоришь—цѣлый цвѣтникъ. Но я довольствуюсь одной, на годъ, полтора. Я въ лѣтахъ еще не старыхъ, брюнетъ; а вѣдь блондинки любятъ брюнетовъ, и между женами моихъ пріятелей есть блондинки...

— Фу, какая гадость...

— Какая же гадость?

— Гадость все, что ты говоришь.

— Никакая не гадость. Имъ надоѣли мужья, а у меня жены нѣтъ. Можетъ быть онѣ отъ мужей бы и сбѣжали, а теперь я ихъ развлекаю, и онѣ спокойны. Подойдетъ этакъ къ мужу послѣ обѣда и похлопаетъ по щекѣ: „попочка“ говоритъ, „ты мой попочка“. А попочка и растаетъ. Ручку у ней цѣлуетъ. А рука у ней маленькая, бархатистая. „Попочка, говоритъ, дурашка“. А сама на меня смотритъ, а я икру на хлѣбъ намазываю.

— Мерзавецъ ты.

— Вовсе нѣтъ. Гармонизую. Безъ меня бы не было между ними гармоніи, ссорились бы, она бы нервничала, онъ бы выбивался изъ силъ, придумывая, что ей надо. А тутъ я. Я все и придумалъ. Осчастливилъ. Безъ меня адъ кромѣшный, со мной — рай.

— Мерзавецъ ты...

— Нѣтъ. „Loro“ и „nostro“. Или, какъ ты говоришь —„единая душа и единое тѣло“. Э, чортъ въ формулахъ, формулы что. Жизнь хороша.

— Хороша?

— Да. Въ клубъ почти не хожу. Полная семья. Вѣдь я дома только ночую. Послѣ обѣда—музыка. У нея очень умный мужъ. а „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить пріятно“, поспорить.

— И ты не краснѣешь?

— Отчего? Вѣдь я считаю себя его благодѣтелемъ.

— Мерзавецъ. Мерзавецъ и мерзавецъ. И мерзавцы вы всѣ, и вся ваша жизнь какая-то содомская...

— Хе-хе-хе.

— Одиночество. Угрюмое одиночество. Или шарманка... И это называютъ „священный институтъ семьи“.

— А вы въ семьѣ и бракѣ музыки хотѣли бы?

— Музыки.

Хе-хе-хе. Ретивый вы человекъ. Какой же музыки?

— Ораторію Гайдна.

— Ораторію Гайдна?! Хе-хе-хе...

— Да что вы все смѣетесь какъ лошадь?

— Ораторію Гайдна... Малокультурный вы человѣкъ и несообразительный. „Ораторію“ Европа разыгрывала въ философіи, въ государственности. Тамъ—Кантъ и Гегель; Кромвель и Ришельс. Вотъ это „ораторія“. Была „ораторія“ и въ искусствѣ: Рафаэль, Канова, Моцартъ. Ну, такъ чертъ возьми, не по всѣмъ же намъ линіямъ тянуть „ораторію“, порвешься: и вотъ мечтаемую вами линію семьи мы вытянули въ „смотрите здѣсь, смотрите тамъ“... Дѣйствительно, шарманка, но въ глубокомъ соотвѣтствіи.

— Но мнѣ думается, что и „шарманка“ эта порвется или, вѣрнѣе и ожидаемѣе, что отъ „шарманки“ семейной все порвется, и философія, и живопись. Ибо я не понимаю, какъ отъ такихъ лошадей, какъ вы, могутъ рождаться Рафаэли или Канты, или—воспитываться среди такого Содома. Такъ что, мнѣ кажется, семейная „шарманка“ есть начало и философскаго и литературнаго тоже „тру-ла-ла“, но прежде всего конечно религіознаго... Позитивисты-то; „Stoff und Kraft“.

— Я немножко философъ и помогу вамъ. Семья—религія. Отъ того-то она и держалась вѣка и даже мѣстами давала небесныя мелодіи, хотя въ Европѣ всегда имѣла устройство шарманки и мѣстоположеніе шарманки. „Лучше не жениться“—это ужъ такъ и опредѣлено было, т. е. „не пускайте въ заводъ этотъ ни къ чему негодный инструментъ“. Но шарманка по устройству, однако, инструментъ съ Гайдновскими струнами внутри, она двѣ тысячи лѣтъ играла, пиѣла, свистала, но минутами чудно играла; всегда плакала. Но наконецъ все лопнуло... Однако двѣнадцатый часъ...

— Въ клубъ?

— Въ клубъ.

— И я съ вами. Опять эти свинцовыя лица, табачный дымъ и звонъ золота...

— И звонъ золота. Это—„nostro“. „Nostro“ и „loro“ въ исторіи, въ банкѣ, за карточнымъ столомъ, и въ семьѣ. Да не съ твоей точки зрѣнія, нюня; а съ моей. Вотъ думаю на лекцію „семейнаго права“ сходить. Б. В. Никольскій читаетъ. Сказываютъ—талантъ.

II. На лекціи по семейному праву г. Б. Никольскаго.

Такъ заманчиво Б. В. Никольскій объявленіе въ „Нов. Вр.“ напечаталъ. Славянскимъ шрифтомъ:

Семейное право

и дальше петитомъ: „избираю аудиторію небольшую, потому-что слушателей желаю только избранныхъ. Разврата проповѣдывать не буду и потачки публицистамъ давать не стану“. Я тронулся

и пошелъ. Два рубля за билетъ. Публики дѣйствительно было не очень много, и все старички. Въ антрактѣ слышу:

— Кхи, кхи...

Оглядываюсь—сосѣдъ со значкомъ въ петлицѣ.

— Вамъ воды? спрашиваю.

Благодарю. Нѣтъ. Я это отъ впечатлѣнія. Волнуетъ. Теперь эти щелкоперы трогаютъ вопросъ, но лекторъ ихъ укрощаетъ. Кхи, кхи...

— Тема академическая, говорю я.

— Нѣтъ-съ, не академическая. Кхи, кхи. Не академическая. Вы, сударь мой, молоды, а я съ сѣдиной...

Онъ былъ совершенно лысъ.

— У меня молодая жена. Кхи, кхи. На пятнадцать лѣтъ моложе моей старшей дочери, старой дѣвицы. Но я дворянинъ. Я, сударь, дворянинъ и служилъ отечеству. А разъ я отечеству служилъ, и отечество обязано мнѣ служить...

— Пенсіей?

— Охраной моего покоя. Ну, да, я не молодъ. Не буду хвастаться, что я красивъ. Но я въ бла-го-устро-ен-но-мъ государствѣ, гдѣ есть бла-го-устро-ен-ная семь-я, и я покоенъ. Законы на стражѣ. И я вижу хорошіе сны и... кхи... кхи... испытываю хорошія ощущенія.

Лицо его стало немного сладко.

— Я думаю.

— Хорошія ощущенія, которымъ никто не помѣшаетъ. С-с-огну въ ба-ра-ній рогъ.

— Жену?

— Всякаго.—Онъ ужасно волновался.

— Ну? Зачѣмъ.?!

— Д-д-ля о-храны моего по-коя!

„Ахъ ты, думаю, Боже мой. Точно его штурмуютъ“. Онъ продолжалъ:

— Свя-тыня очага. Высокія наслажденія...

Сейчасъ, говорю, будетъ звонокъ, сторожъ колокольчикъ взялъ.

— Нѣтъ,- -говоритъ, — не колокольчикъ. — Совсѣмъ меня не слушаетъ.— Это, говоритъ,—у васъ въ газетахъ писаки колокольчиками заливаются, но мы ихъ укротимъ. Я—тайный совѣтникъ. Вотъ и г. Никольскій. Наука съ нами. С-с-о-гну!..

— Не волнуйтесь.

— У насъ семья—т-в-е-р-дыня! Т-в-ердо стоитъ! Да. Напримѣръ, у насъ былъ губернаторъ. Жена его и убѣжала со студентомъ, репетиторомъ его сына. Онъ въ моихъ лѣтахъ. Ну-съ?..

— Ну-съ?..

— Пять лѣтъ не возвращалась. Гдѣ-то путалась. Е-му срамъ,

ей г-горе! Положеніе. Губернія. „Р-ра-зведемся“, пишетъ. Она ему встрѣчно: «р-ра-зве-демся».

— Ну?

— Не р-ра-зве-ли. „Что студентъ!“, отвѣтили въ консисторіи блюстители семейной святости, то бишь—прочности: „хоть цѣлый факультетъ“. Ст-р-р-о-гіе законы! Святыня. Покой.

- Какой-же, говорю, покой? если „хоть весь факультетъ“...

— Вы, сударь, молоды, а я сѣдъ. Принципъ. Пусть семьи отдѣльныя падаютъ, но за то принципъ семейственности, какъ каменной твердыни—стоитъ. Fiat justitia, pereat mundus. Слыхали? Я тоже юристъ. Еще Неволина слушалъ.

Позвонили. Вотъ-вотъ войдетъ лекторъ,

— У насъ семья не разлучается, даже при бездѣтности, съ кѣмъ-бы ни жила жена помимо мужа, и съ кѣмъ бы ни жилъ мужъ помимо жены. Разъ. У насъ семья не разлучается, если мужъ все время живетъ въ другомъ городѣ и въ другомъ царствѣ, чѣмъ жена. Два. Также если жена живетъ въ другомъ полушаріи, нежели мужъ. Довольны? Твердыня. Сталь.

— Ваше превосходительство, я плачу. Какъ-же вы не видите, что семья у насъ не только не крѣпко стоитъ, но что она даже и не начала строиться. Ибо по римскому праву matrimonium liberorum quaerendorum causa, а по Евангелію — «два въ плоть едину». А тутъ разные города и даже разныя полушарія, и это не какъ случай, а какъ фактъ, предвидѣнный закономъ и заключенный въ формулу семьи. Такъ что—*что семья, что не семья* — все равно. Мнѣ кажется—скорѣй мы троглодиты... А г. Никольскій поддерживаетъ это троглодитство.

— Молодой человѣкъ...

— Вѣдь право-же, даже въ квартирантствѣ и нахлѣбничествѣ больше содержательности, ибо тамъ—комната и столъ, и это conditio sine que non нахлѣбничества и квартирантства. Не могу-же я считать хозяиномъ своей петербургской квартиры Нью-Іоркскаго янки, или держать у себя на хлѣбахъ въ Петербургѣ бура, живущаго въ Трансваалѣ. Такъ что тутъ есть нѣчто непремѣнное, и законъ о квартирахъ относится къ нѣкоторымъ непремѣннымъ реальнымъ обстоятельствамъ. Но въ семьѣ—и въ этомъ и заключается роковой фактъ —нѣтъ вовсе никакого *непремѣннаго* содержанія: ни дѣтей, ни—супружества, ни даже со-квартирантства; такъ что наши законы о семьѣ собственно ни вѣсть о чемъ—законы. Зерна нѣтъ. И все похоже на ботанику о несуществующихъ растеніяхъ:

Это—обложка романса безъ словъ,
Это—на льду олеандры,

какъ писалъ Емельяновъ-Коханскій или другой какой-то декадентъ.

— Молодой человѣкъ...

— Фактъ семьи, напр. вашей счастливой и моей несчастной— на лицо. Но у насъ каждый кустъ свое счастье, какъ умѣетъ. Это—эмпирическій фактъ. Цвѣтокъ, выросшій въ пустынѣ. Но законъ и законы русскіе тутъ ни при чемъ. И у лебедей, и у голубей есть пресчастливыя пары. Но вотъ если случится несчастіе, какъ съ вашимъ губернаторомъ, то законы только утопятъ получившаго аварію. Такъ что въ фактѣ есть семья, но въ законахъ нѣтъ семьи...

— Томъ о семейномъ правѣ... Уставъ духовныхъ консисторій...

— Губятъ семью, какъ только она споткнулась. Даютъ больному чайную ложку arsenicum. Mercі. Да, вотъ соткать семью, устроить голубиное гнѣздышко умѣетъ только старый плутишка амуръ. Вѣдь согласитесь, что „Уставъ духовныхъ консисторій" еще ни кого ни съ кѣмъ не сосваталъ. Но на стараго эллиноіудейскаго шалуна съ розовыми щечками затопали своими сапожищами разные стрянчіе. „Пошелъ вонъ, шельма! пошелъ вонъ— плутъ! Ты намъ мѣшаешь! Ты разрушаешь бракъ",—когда онъ-то единственно его и устрояетъ, либо онъ сватаетъ, женитъ, выдаетъ замужъ, ей-ей все онъ!! Но амуръ утомился неблагодарностію христіанъ, поднялъ крылышки, уже поднялъ... и я страшусь, что улетитъ въ небесную лазурь. Тогда мы останемся при мужицкихъ сапогахъ, „Уставѣ духовныхъ консисторій", стрянчихъ: но ни жениться, ни выходить замужъ никто не будетъ...

— Я!..

Онъ даже ёкнулъ.

— Да, вотъ только на такихъ жениховъ, какъ ваше превосходительство, и надежда остается. Дѣйствительно, пенсія въ пять тысячъ и институточка въ семнадцать лѣтъ. Ще-ко-чу-щая идейка.

Тутъ уже я поперхнулся.

—, С-с-о-ту...

Но В. В. Никольскій вошелъ на каѳедру, и мы превратились въ слухъ.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XIV. По поводу толковъ о разводѣ.

Вотъ уже второй годъ въ нашей печати довольно горячо дебатируется вопросъ о разводѣ, причемъ большая часть защитниковъ развода опирается на одинъ центральный и безспорный фактъ, на исчезновеніе чистой семьи, гдѣ супружеская вѣрность была бы дѣйствительностію, а не пожеланіемъ только [2]). Къ сожалѣнію, никто изъ спорящихъ не останавливается на двухъ чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ—во-первыхъ на томъ, почему до такой степени умножилось число супружескихъ измѣнъ [3]), число незаконнорожденныхъ дѣтей и число внѣбрачныхъ сожительствъ [4]); и на томъ, во-вторыхъ, что христіанская и въ частности православная церковь даетъ полную свободу развода при наличности факта прелюбодѣянія [5]) одного изъ супруговъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что церковь чрезъ своихъ служителей прежде всего дѣлаетъ попытки къ примиренію супруговъ, къ прощенію оскорбленнымъ оскорбителя, къ возстановленію прежней супру-

---

[1]) Изъ „Церковнаго Вѣстника“ № 49 за 1900 г.

[2]) Ну, слава Богу—созпались. Но сколько надо было усилій для этого потратить. *В. Р—въ.*

[3]) Распущенность -всегда плодъ безопасности. Солдатъ на часахъ—безупреченъ, а въ трактирѣ—озорникъ. „Нѣтъ развода ни по какому поводу“ и означаетъ: „всѣ способы жизни вамъ открыты“, „все позволено“ и „ни къ чему нравственному и даже сносному вы не нудитесь“. И мужья и жены, услышавъ такой лозунгъ—и почувствовали себя какъ въ кабакѣ. А кабацкія физіономіи скоро другъ другу надоѣдаютъ и ищутъ въ сущности идеала, воскресенія изъ кабака—въ любви. Вотъ откуда измѣны, столь рѣдкія и даже почти вовсе не бывающія въ „незаконныхъ сожитіяхъ“, ничѣмъ не связанныхъ. Въ послѣднихъ люди берегутъ другъ друга и бываютъ какъ солдатъ на часахъ. *В. Р—въ.*

[4]) Все это очень страшно въ наименованіи и конечно „для нашей власти“. Но по факту и колориту (см. выше стр. 95 письмо *Геннадія Ел—ва*) они ничѣмъ совершенно не отличаются отъ обыкновенной семьи. Такъ что „для нашей власти“ тутъ есть причина ропота, но для нравовъ общества—нѣтъ причины ропота. *В. Р—въ.*

[5]) Такъ засвидѣтельствованнаго, какъ это невозможно, -что сводитъ къ невозможности и самый разводъ. *В. Р—въ.*

жеской вѣрности и чистоты брака. Въ отношеніи этого второго обстоятельства спорящіе, опираясь на фактъ чрезвычайной затруднительности полученія у насъ развода и на ту постыдную обстановку, съ которой сопряжено его полученіе, забываютъ главное, что консисторія—не церковь [1]).

Почему, въ какія-нибудь 30- 40 лѣтъ, у насъ появилось [2]) такое огромное число супружескихъ измѣнъ, незаконнорожденныхъ, внѣбрачныхъ сожительствъ? Почему прежде адюльтеръ былъ привилегіей дворянской семьи, а нынѣ и дворники, и дворничихи занимаются тѣмъ же самымъ? Причина одна — въ извращеніи взгляда на женщину, на смыслъ и значеніе супружества, какъ его понимаетъ христіанская церковь, наконецъ, причина этого въ демократизаціи русскаго общества, почему и порокъ, и всѣ извращенія о женщинѣ и семьѣ постепенно расползаются сначала по среднимъ, а затѣмъ и по низшимъ классамъ русскаго народа.

И здравый смыслъ, и законъ, и церковное ученіе, и житейскій опытъ каждаго, и народное воззрѣніе, наконецъ сама наука—все это учитъ насъ, что женщина –существо отличное отъ мужчины, что какъ въ общемъ строѣ всего общественнаго организма, такъ, въ особенности, въ семьѣ ей предназначена совершенно иная роль, чѣмъ мужчинѣ. Вопросъ о томъ, кто выше, кто лучше—мужчина, или женщина—трудный потому, что эти существа, будучи столь взаимно необходимыми, вмѣстѣ съ тѣмъ органически различны и потому сравнимы лишь съ большими ограниченіями. Кто бы ни былъ изъ нихъ лучше или выше, смыслъ и значеніе ихъ отношенія другъ къ другу отъ этого не измѣнится; не измѣнятся отъ этого и понятія государства и общества объ этомъ ихъ взаимномъ соотношеніи.

Между тѣмъ въ теченіе 50—60 послѣднихъ лѣтъ русское общество находилось подъ вліяніемъ мысли, что мужчины и жен-

---

[1]) Ссылка весьма странная. Бракъ—„таинство церкви“ и посему какъ утверждать, такъ и расторгать его можетъ только церковь. Обращаюсь къ ней, она посылаетъ въ консисторію. Та творитъ со мной и дѣломъ моимъ нѣчто невозможное, а когда я жалуюсь, то на страницахъ духовнаго органа г. Осиповъ мнѣ говоритъ: „Консисторія не церковь“. Куда-же мнѣ тогда пойти? Консисторія во всякомъ случаѣ не гражданское учрежденіе, въ ней *сидятъ* и *дѣлаютъ дѣла* священники, *просматриваетъ* и *утверждаетъ* ихъ епископъ, и все—на основаніи Св. Писанія, законовъ и преданій церкви. Какъ это все *ловко* у нихъ и для нихъ: „мы и церковь и не церковь“, „авторитетъ нашъ чрезмѣренъ, ибо онъ священенъ“, а „злоупотребленія, и хладность сердца нашего—ничего не значатъ, ибо это внѣ церкви“. И притѣсненный міръ стой у дверей и плачь. *В. Р –въ.*

[2]) Да просто прежде не кричали объ этомъ: не жаловались, молчали. Мужья жесточе колотили женъ, жены—секретнѣе измѣняли (см. „Слово Данінла Заточника“ и „Графа Нулина“). А духовные „владыки“ молчанье принимали за благополучіе. *В. Р—въ.*

щины равны [1]), что они поэтому равноправны, что очевидныя для всѣхъ различія между ними—различія физическія, психологическія и нравственныя не важны, несущественны и не могутъ вліять ни на ихъ взаимныя отношенія, ни на строй семьи, ни на строй общественной жизни. Вотъ первая и важнѣйшая ложь, которая была внесена въ самосознаніе русскаго общества по этому важному вопросу,—ложь, изъ которой произошли всѣ дальнѣйшія лжи.

Женщина равна и равноправна мужчинѣ. Какъ для мужчины высшій идеалъ—общественная и государственная дѣятельность, такъ и для женщины должно быть то же самое. Вотъ лозунгъ женскаго движенія, которое привело въ концѣ концовъ къ тому, отъ чего мы теперь открещиваемся и пятимся. Скромныя и невидимыя обязанности жены, матери и хозяйки перестали увлекать [2]) русскую образованную женщину; она хочетъ быть врачемъ [3]), адвокатомъ, судьей, земцемъ, чиновникомъ и т. п.; и не въ томъ дѣло, можетъ или не можетъ она всѣмъ этимъ быть, но въ томъ, что все это она считаетъ неизмѣримо выше, идеальнѣе, чѣмъ роль, указанная ей природой [4]), исторіей, церковью и здравымъ смысломъ. Прежняя женщина считала высшей своей добродѣтелью быть вѣрной женой своему мужу, хорошей матерью своихъ дѣтей и заботливой хозяйкой своего дома. Все это не только потускнѣло въ глазахъ женщины, но сдѣлалось даже смѣшнымъ, мѣщанскимъ, ретрограднымъ, скучнымъ, и не интереснымъ [5]).

Душой своей женщина оторвалась отъ мысли о семьѣ — вотъ въ чемъ [6]) вся суть дѣла. И въ этомъ виноваты мы, мужчины, забывшіе, сколь многимъ мы обязаны нашимъ матерямъ, сестрамъ и женамъ, въ тиши семьи закладывавшимъ въ насъ лучшія чувства и своей теплой лаской поддерживавшимъ въ насъ бодрость духа и энергію жизни; это мы, мужчины, внушили женщинѣ, что не въ дѣтской, кабинетѣ, столовой и спальнѣ, словомъ—не дома

---

[1]) „Во Христѣ Іисусѣ нѣтъ мужскій полъ, ни женскій", это ученіе и слова ап. Павла. *В. Р—въ.*

[2]) Да вѣдь какъ, „увлекаясь" этимъ, совершили свой долгъ даже дочери Лота, сказавъ: „намъ ужъ не отъ кого понести дѣтей по закону всей земли", такъ совершенно подобнымъ-же образомъ и въ другихъ теперешнихъ случаяхъ неразрѣшенности брака поступаютъ „незаконные сожители". Т. е. они служатъ идеѣ брака. *В. Р—въ.*

[3]) Врачи и остаются врачами, адвокаты—адвокатами, при чемъ-же тутъ „незаконныя сожитія". Очевидно они именно реакція отъ адвокатуры и медицины къ старому материнству. *В. Р—въ.*

[4]) Да вѣдь вы-же противъ „природы" и въ сущности противъ „религіи, исторіи и здраваго смысла", борясь съ недозволенными вами связями и объявляя отъ нихъ дѣтей „лишенными правъ состоянія". *В. Р—въ.*

[5]) Какое вранье. *В. Р—въ.*

[6]) „Наше дѣло"—сказалъ бы авторъ при безпристрастіи. *В. Р—въ.*

мы ее чтимъ и любимъ, а [1]) только въ общественныхъ собраніяхъ. И женщина не захотѣла пользоваться той безмѣрной надъ государствомъ и обществомъ властью, которую она имѣла чрезъ мужа и дѣтей [2]), она захотѣла играть въ обществѣ непосредственную роль и имѣть надъ ними непосредственную власть. Женщина начала отмстать отъ себя тѣ качества и добродѣтели, которыя давали ей власть и силу чрезъ мужа и дѣтей, и пріобрѣтать тѣ свойства, которыя даютъ непосредственное вліяніе на общество и государство, т. е. чисто мужскія качества. Этого, какъ извѣстно, ей не удалось, потому что на этомъ пути лежатъ не устранимыя ничѣмъ препятствія естественнаго различія между свойствомъ женщины и мужчины; и свойства женщины—ея душа и тѣло—таковы, что они не позволяютъ ей замѣнить мужчину въ общественной и государственной дѣятельности, равно какъ и мужчина не можетъ замѣнить женщину въ той огромной сферѣ дѣятельности, которая по естеству вещей принадлежитъ женщинѣ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ публицисты всемѣрно внушали мысль о необходимости для женщинъ общественной дѣятельности,—художественная литература въ лицѣ сколько-нибудь видныхъ своихъ представителей отнеслась къ этому якобы эмансипаціонному движенію не только съ равнодушіемъ, но и съ грозной враждебностію. Не будемъ говорить о такихъ писателяхъ, какъ Пушкинъ,—этотъ создатель двухъ чисто русскихъ типовъ женщины, Маши Мироновой и Татьяны Ларіной, — возьмите Писемскаго, Островскаго, Толстого, Достоевскаго, даже Тургенева, такъ гонившагося за популярностью, -вы не только не найдете у нихъ ни одной строки въ защиту „эмансипаціи“ женщины, но у Достоевскаго (въ „Бѣсахъ“), Писемскаго (во „Взбаломученномъ морѣ“) и у Тургенева (въ „Отцахъ и дѣтяхъ“) вы встрѣтите только карикатуры на эмансипированныхъ женщинъ, а во всѣхъ положительныхъ женскихъ типахъ вы найдете все ту же Машу Миронову счастливую и радостную и Татьяну Ларину несчастную, но вѣрную своему долгу и не помышляющую не только объ адюльтерѣ, но и о разводѣ. Художники учуяли великую ложь во всемъ этомъ эмансипаціонномъ движеніи: сердцемъ и непосредственнымъ созерцаніемъ они поняли, что русская женщина въ этомъ угарѣ шаблоннаго либерализма потеряетъ все и не пріобрѣтетъ ничего.

Такъ оно и случилось.

Обезсиливъ себя утратою чисто женственныхъ чертъ и сдѣлавшись смѣшной пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ мужскихъ качествъ,

---

[1]) Въ монастырь,—но авторъ не хочетъ быть правдивымъ. *В. Р—въ.*

[2]) Да что-же такое „незаконныя сожитія“, какъ не порывъ къ семьѣ болѣе, чѣмъ сколько вы хотите дать“?! *В. Р—въ.*

новая женщина вступаетъ въ семью какъ равнокачественный ея членъ. Она не жена въ церковно-христіанскомъ смыслѣ, повинующаяся своему мужу, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющая надъ нимъ такую власть, что онъ „оставитъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ женѣ“,—она договаривающаяся сторона; она не будетъ жить съ мужемъ всю жизнь, непрерывно стремясь къ его нравственному усовершенствованію,—она, напротивъ, тотчасъ готова его бросить, какъ только онъ упадетъ. Она другъ и товарищъ ему не во всѣхъ случаяхъ жизни, а лишь только тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ ея „гражданскому“ идеалу; и если онъ не соотвѣтствуетъ этому, то она не считаетъ себя обязанной переносить его жизни (какъ это дѣлала прежняя женщина и какъ это согласно съ духомъ христіанскаго брака),—напротивъ, она считаетъ себя не только въ правѣ, но и обязанной уйти къ другому мужчинѣ, хотя бы любовнику, который, кстати всегда тутъ и подвертывается съ самоновѣйшими гражданскими идеалами. Прежняя женщина считала себя обязанной до смерти бороться съ загорѣвшейся въ ней страстью къ постороннему мужчинѣ, нынѣшняя женщина, „договорившаяся“ жить съ мужемъ лишь до тѣхъ поръ, пока она любитъ, тотчасъ же броситъ его, какъ только забрезжитъ въ ней лишь призракъ чувства къ другому.

Бракъ—не договоръ; бракъ—таинство, въ которомъ столько же любви, сколько и долга, очень часто суроваго, который должно нести съ христіанскимъ смиреніемъ. Эмансипировавъ женщину отъ семейнаго идеала и заставивъ ее потерять надъ нами обаяніе женственности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ искоренили въ своей жизни христіанское понятіе о бракѣ, какъ о таинствѣ и долгѣ, и подмѣнили его понятіемъ о договорѣ, къ нарушенію котораго, какъ и всякаго договора, разумѣется, въ поводахъ недостатка нѣтъ и не будетъ. Вотъ отъ этого-то теперь такъ много внѣбрачныхъ сожительствъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и незаконныхъ дѣтей. Ясно, потому, чтобы ослабить это явленіе, надо уничтожить его основную причину, т. е. возвратить русскую женщину семейному очагу [2]), измѣнить нашъ, мужской, и ея собственный идеалъ женщины.

Теперь два слова о разводѣ. Понятно, что когда христіанскія начала, т. е. взглядъ на бракъ, какъ на таинство и долгъ, а не

---

[1]) Внѣ-брачныя сожительства суть *вновь образовавшіяся* семьи, когда старая во всемъ своемъ содержаніи умерла. Кто же видалъ цѣлую и цвѣтущую семью, въ которой жена вдругъ-бы сказала: „нѣтъ, не хочу! выхожу за другого!!“ Авторъ плететъ старую сказку о никогда не видапномъ „бѣломъ бычкѣ“. *В. Р—въ.*

[2]) Всякая незаконная семья имѣетъ очагъ свой, и авторъ хочетъ „разрушить незаконную семью“, чтобы ея членовъ, особенно жену и дѣтей, разогнать на улицу. *В. Р—въ.*

какъ на договоръ плотскаго общенія, восторжествуютъ въ семьѣ, тогда и вопросъ о разводѣ потеряетъ свою остроту. Г. Розановъ полагаетъ необходимымъ въ этихъ случаяхъ свободу въ интересахъ будто бы самой семьи. Можетъ быть, въ интересахъ тѣхъ именно семей, т. е. внѣбрачныхъ или фактически расторгшихся, такая свобода и была бы полезна и во всякомъ случаѣ пріятна. Но для государственнаго института семьи большая свобода, чѣмъ допускаемая теперь церковью (а не консисторіей), не только не нужна, но даже и вредна

Изъ трехъ поводовъ къ разводу по уставу православной церкви, наибольшее значеніе имѣетъ, конечно, адюльтеръ. Мы хорошо знаемъ, какъ много такихъ явленій и какъ мало въ то же время разводовъ. Почему? Прежде и больше всего по нежеланію одной изъ сторонъ—чаще всего женщины—пользоваться своимъ правомъ, и нежеланіе это почти всегда основывается на весьма вѣскихъ матеріальныхъ и нравственныхъ соображеніяхъ. Однѣ жены не желаютъ лишаться содержанія на себя и дѣтей, другія терпѣливо ждутъ возвращенія невѣрныхъ мужей; чаще же всего оба мотива соединяются вмѣстѣ [1]). Можетъ ли мужъ или жена, заведя другую семью, требовать себѣ развода, когда другой супругъ, соблюдающій вѣрность (что особенно часто встрѣчается среди покинутыхъ женъ), не желаетъ развода? Едва ли кто рѣшится требовать—по крайней мѣрѣ во имя интересовъ семьи—ея расторженія въ этихъ случаяхъ. Остается, стало быть, лишь тотъ случай, когда одинъ изъ супруговъ нарушилъ вѣрность, а другой желаетъ освобожденія отъ брачныхъ узъ. Это и теперь совершенно достаточный поводъ для развода. Правда, достиженіе сопряжено съ формальностями и обрядностями, сокращенія или полнаго устраненія которыхъ слѣдуетъ желать, но упростить всю процедуру развода чуть не до разбирательства у мироваго судьи значило бы, по нашему мнѣнію, окончательно расшатать и безъ того расшатанный строй нашей семьи. Церковь, признавая всю правомѣрность развода въ подобныхъ случаяхъ, желаетъ одного—чтобы онъ былъ совершенъ съ полною осмотрительностію и послѣ того, какъ пылъ перваго раздраженія оскорбленнаго супруга пройдетъ, когда сердце его окажется совершенно недоступнымъ чувству прощенія. Какая жена, которой измѣнитъ мужъ, тотчасъ же не пожелаетъ развода, какъ она горячо ни любила бы мужа? Какой мужъ, которому измѣнила жена, тотчасъ же не пожелаетъ

---

[1]) Вотъ то-то. *Сами* не ищутъ даже развода въ мукѣ униженія или грубости. Слѣдовательно и при полной свободѣ развода эти полу-несчастныя семьи не расторгнутся, и разведутся только *окончательно и непоправимо несчастныя*. Изъ вѣры-то въ это, т. е. что *фактически* нѣтъ для людей большаго горя, чѣмъ разводъ, и вытекаетъ наше требованіе совершенной его *въ законахъ* допустимости. *В. Р—въ.*

развода, какъ бы пламенно онъ ни любилъ свою жену? И однако какъ много прощенныхъ женъ своими мужьями и въ особенности мужей своими [1]) женами! Что было бы, если бы законъ не давалъ возможности одуматься, пройти первому и острому чувству обиды, если бы онъ не давалъ возможности одному раскаяться, а другому простить? И съ другой стороны это важно — какъ ни разстроилась теперь русская семья, все-таки не потерянъ еще самый идеалъ семьи; всѣ уклоняющіеся отъ него чувствуютъ, что они совершаютъ грѣхъ, что они нарушаютъ законъ, который состоитъ въ томъ, чтобы одна женщина знала одного мужчину и наоборотъ. Если же будетъ усвоенъ тотъ взглядъ на свободу развода, защитникомъ котораго является г. Розановъ, то рѣшительно потеряется всякій стыдъ, всякое понятіе о законѣ и долгѣ супружества.

Итакъ, чтобы оздоровить семью, надо хлопотать не о свободѣ развода, а о возвращеніи женщинѣ того, что мы у нея сами отняли, о большей опрятности въ удовлетвореніи нашихъ страстей, о воспитаніи юношества (мужского) въ сознаніи святости семьи и въ духѣ цѣломудрія. Разводъ же въ православномъ бракѣ допустимъ именно тамъ, гдѣ его слѣдуетъ допустить, и такъ, какъ только это можно сдѣлать, понимая сущность любви и способъ дѣйствія оскорбленныхъ людей. Что же касается до нынѣшнихъ консисторскихъ условій развода, то, конечно, въ этой области нужны существенныя преобразованія [2]), которыя, впрочемъ, касаются не столько брачнаго права, сколько церковнаго управленія.

Н. Осиповъ.

---

[1]) Авторъ, противорѣча самъ себѣ, представляетъ, что *разъѣздъ* или *разводъ* такъ же легки *психически*, какъ переѣздъ на другую квартиру. Это можетъ именно думать только семинаристъ, никогда не знавшій любви и женившійся „по требованію служебнаго положенія“, передъ посвященіемъ. Лошади—и тѣ привыкаютъ къ своимъ стойламъ, какъ-же привыкаетъ къ *дому* своему человѣкъ. А тутъ (при разводѣ) все рушится. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, слава Богу, стали признаваться. *В. Р—въ.*

О перемѣнѣ разводящей инстанціи.

I. Открытое письмо въ редакцію „Новаго Времени“.

Позвольте, м. г., черезъ посредство вашей уважаемой газеты сказать два слова о бракоразводномъ процессѣ. Мнѣ пришлось знать въ Петербургѣ одного скромнаго и добропорядочнаго чиновника, который идя со мною со службы, вдругъ бросился въ сторону и сталъ обнимать дѣвочку лѣтъ восьми. На мое удивленіе, онъ сказалъ, что это его дочь. А на вторичное и еще бо́льшее удивленіе, чего-же онъ такъ обрадовался, сказалъ, что дочь живетъ не съ нимъ, а съ его женою, которая въ свою очередь живетъ вотъ въ этомъ большомъ домѣ, къ которому подъѣхала коляска, съ господиномъ NN уже столько-то лѣтъ. Года три назадъ, т. е. перешея лѣтъ пять одинокой жизни, онъ обратился въ консисторію съ моленіемъ о разводѣ, и, разумѣется, получилъ отказъ. Вскорѣ съ нимъ случился первый ударъ, отъ котораго онъ впрочемъ оправился. Фамилію и имя этого чиновника я могу сейчасъ назвать,—конечно испросивъ у него дозволеніе.

Мысль о лучшемъ и кажется недалекомъ будущемъ, когда бра́коразводный процессъ войдетъ въ компетенцію общихъ судовъ, болѣе и болѣе распространяется въ печати и обществѣ и позволяетъ мнѣ, также высказавъ подобное пожеланіе, поддержать его основаніями, о которыхъ не всѣ знаютъ. О секуляризаціи развода болѣе и болѣе начинаютъ говорить подъ впечатлѣніемъ картинъ семьи и разводнаго процесса, подробности котораго извѣстны только „мученикамъ развода“, страданія которыхъ повидимому предназначены, чтобы угрожать всѣмъ нуждающимся въ разводѣ и черезъ то „оберегать семью“. Духовныя консисторіи предлежитъ вовсе устранить отъ семейныхъ дѣлъ. Дабы получить почву подъ ногами, для этого достаточно открыть Матѳ. 19, на которой основанъ весь нашъ и вообще христіанскій бракоразводный процессъ: „Я же говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и же-

нившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ" (ст. 9). Дальше идетъ рѣчь о другомъ, какъ и ранѣе—о другомъ, и приведенныя слова Спасителя суть все, что мы имѣемъ въ Евангеліи о разводѣ. Въ нихъ не указано *перемѣны* разводящей *инстанціи* и въ частности не указано ни *синедріона*, ни *кесаря*. Такимъ образомъ самая претензія консисторій „разводить мужа и жену" ни на чемъ не основана; и отдача развода въ руки консисторій, какъ впрочемъ и самое созданіе духовныхъ консисторій, очень недавнихъ исторически, было произволеніемъ государственной власти: Hodie dedi—cras capiam—„вчера далъ—завтра возьму". По точному смыслу словъ Спасителя разводъ и его право оставляется въ рукахъ мужа, который конечно только при этомъ условіи можетъ быть блюстителемъ порядка въ семьѣ и чистоты семейныхъ отношеній. Разумѣется, жена должна быть и вполнѣ можетъ быть обезпечена отъ случайностей, несчастій и капризовъ мужа, и вотъ здѣсь собственно, въ части, касающейся разводимой жены, и должна выступить компетенція „общихъ судовъ", юридическая ихъ власть по отношенію къ имущественному и правовому ея и дѣтей обезпеченію. Государственная мудрость, направляемая любовью и заботою, безъ труда отыщетъ эти способы и найдетъ ихъ скорѣе, чѣмъ отстраняющія отъ себя этого рода попеченія и задачи духовныя консисторіи. Добавлю, что какъ изъ случая, переданнаго мною, такъ и изъ безчисленнаго множества другихъ, видно, что консисторіи, даже имѣя признанія мужа и жены въ прелюбодѣяніи, и письменныя на это доказательства (письма жены или мужа), и свидѣтельства очевидцевъ о томъ, что напримѣръ жена живетъ въ квартирѣ посторонняго мужчины годы и тамъ разрѣшается отъ бремени,—все-таки развода не даютъ, не усматривая въ таковыхъ данныхъ „состава прелюбодѣянія".—Изъ всѣхъ этихъ лежащихъ въ архивахъ дѣлъ, какъ и изъ разсказываемыхъ всюду на улицахъ и вообще общеизвѣстныхъ, позволительно усмотрѣть, что *консисторіи уже давно впустили въ бракъ прелюбодѣяніе*, сдѣлали это прелюбодѣяніе для другой стороны *обязательно переносимымъ* и черезъ это испортили какъ чистоту семьи, такъ и вообще показали полную свою некомпетентность въ разсужденіи брачныхъ дѣлъ. Слѣдовало-бы пожелать опубликованія въ общей печати хотя одного характернаго бракоразводнаго процесса во всей красотѣ подробностей, подкупа и лжесвидѣтельства. Тогда картина эта, передъ которой поблѣднѣетъ бурса Помяловскаго, устранила-бы всѣ вопросы по отношенію къ данной темѣ.

Убѣдительно прошу васъ, г. редакторъ, не отказать дать въ вашей почтенной газетѣ мѣсто настоящему моему письму, исходящему изъ наблюденія самыхъ горестныхъ явленій въ данной болящей и засоренной сферѣ.

1901 г.

II. Еще о критеріумѣ семьи и брака.

Нельзя не пожалѣть, что нескладица въ нашемъ семейномъ положеніи, всѣми и вездѣ чувствуемая и порою обнаруживающаяся на уголовномъ судѣ потрясающими совѣсть фактами, не обсуждается сейчасъ съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ она была затронута въ прошедшемъ году. Уголовщина, заведшаяся въ семьѣ и между ея членами, есть такое вопіющее противорѣчіе, которое прежде всего заставляетъ крикнуть съ болью: „да какъ же семья? да что же семья? да отчего мы имѣемъ ее такою?“ И разъ люди, являющіеся на уголовный судъ, не были уголовными преступниками ни въ отношеніи какого посторонняго человѣка, а только явились такими въ отношеніи другъ друга, мысль о какой-то уголовщинѣ уже не человѣка, а самаго положенія человѣческаго съ неизбѣжностью представляется уму. „Уголовное преступленіе въ семьѣ“ есть такая же нелѣпица и невозможность, и противорѣчіе самому существу ея и положенной въ основу ея идеѣ, какъ... игра въ карты на похоронахъ или дипломатическіе переговоры между командою и командиромъ броненосца. Просто этого не можетъ быть. А если это есть и даже настолько есть, что при насильственной смерти мужа чуть ли не первый вопросъ у судебнаго слѣдователя и въ обществѣ: „не жена ли это?“ а при насильственной смерти жены: „не мужъ ли это?“,— то очевидно въ общемъ представленіи установился взглядъ, и не безъ причины конечно установился, что мужъ и жена суть наиболѣе правдоподобные, или вѣроятные, или возможные враги другъ другу. Всѣ попытки поучительной морали тутъ безсильны. Очевидно, гдѣ есть дипломатія—исчезло существо броненосца, и гдѣ есть уголовщина или подозрѣніе ея —нѣтъ семьи и самыхъ условій семейнаго, т.-е. согласнаго, любящаго и уважительнаго отношенія. Въ интересной статьѣ „Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности“, которая начата печатаніемъ въ „Гражданинѣ“ и обѣщаетъ быть продолжительною, поднято множество интереснѣйшихъ вопросовъ о семейномъ укладѣ жизни и совершенно ненормальномъ положеніи, въ которое она поставлена. Практическую важность представляетъ особенно вопросъ о разводѣ. Авторъ приводитъ яркую параллель епископскаго сана: если онъ оскорбляется послѣдующимъ поведеніемъ епископа, то Синодъ немедленно лишаетъ его сана и отлучаетъ отъ паствы, дабы его примѣръ не былъ заразителенъ, и фактомъ единаго соблазнительнаго епископа не рушилось самое *существо епископства*. Вотъ параллель, достойная размышленія и примѣра.

Разводъ конечно требуется самою идеей чистой семьи, и есть такая же охрана и непремѣнное условіе сколько-нибудь сносной ея высоты, какъ ранги особенно цѣнной службы охраняются въ

своемъ моральномъ достоинствѣ, въ служебной высотѣ, просто тѣмъ, что нельзя и продолжать службу, не неся высоко ея знамени. Поставьте только законъ, что никакой проступокъ офицера не составляетъ причины для его увольненія, и въ одинъ годъ вы деморализуете самую прекрасную армію. Давно поставленъ законъ, что никакой проступокъ мужа, равно и жены, не составляетъ причины для кассаціи брака: и все еще философы и моралисты спрашиваютъ, отчего онъ разрушился! Да какже иначе?! Исчезла его критика, исчезъ его критеріумъ! Все стало похоже на выдѣлку товара на фабрикѣ, гдѣ устранена должность такъ называемаго „браковщика“. Теперь какая-бы гадость ни выходила изъ ея машинъ, все будетъ „хорошо“. Можетъ быть, для фабриканта это и „хорошо“, такъ-какъ онъ кладетъ въ карманъ деньги по счету вещей, а не по качеству вещей, но каково это для покупателя? Какъ только порокъ не есть причина кассаціи, такъ тотчасъ же состояніе, должность, служба, или какъ въ разсматриваемомъ случаѣ—семья, загадятся всевозможными пороками, заразятся распущенностью нравовъ и отравятся злобою и ненавистью своихъ членовъ. Положеніе это до такой степени явно, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, гдѣ „зарыта гніющая собака“ нашего семейнаго уклада, говоря словами нѣмецкой поговорки. Монашество потому и стоитъ высоко, что нельзя одновременно и носить черную мантію и играть на сценѣ въ Альказарѣ; а въ семьѣ все возможно, и если до сороковыхъ годовъ по крайней мѣрѣ покушеніе одного изъ супруговъ на жизнь другого служило достаточною причиною для развода, то съ тѣхъ поръ и по настоящее время, кажется по иниціативѣ митрополита Филарета, и эта причина выкинута. Можно представить себѣ семейный миръ и согласіе послѣ подобнаго покушенія! И почему здѣсь не пойти по крайней мѣрѣ по пути уравненія нѣкоторыхъ особенныхъ положеній семьи съ допущенными уже въ законѣ причинами къ разводу? Такъ, по закону, бракъ расторгается, когда невозможно физическое сожитіе супруговъ. Къ этому случаю вполнѣ можетъ быть приравнено нравственное уродство одного изъ супруговъ, порождающее невыносимое отвращеніе въ другомъ. Ибо бракъ есть не физическій только, но и нравственно-физическій союзъ, и должны быть супругами соблюдаемы обѣ эти, и физическая, и нравственная, стороны: а закономъ обѣ-же онѣ должны быть принимаемы во вниманіе, какъ мотивъ и фундаментъ кассаціи брака. Иначе— позвольте мнѣ закричать, что самъ законъ и наконецъ церковь понимаютъ и опредѣляютъ бракъ какъ только тѣлесную „случку“ мужа и жены, спрашивая при разводѣ не о душѣ, а только о томъ, не было-ли „ошибки“ въ случкѣ, туда-ли, куда слѣдуетъ по канонамъ, попало сѣмя мужа Оговорюсь, что и самъ я въ сѣменп-же вижу центръ брака, однако взятомъ со стороны

мистической и духовной, съ фотосферою любви, уваженія и религіи около него. Но вовсе не такъ, а какъ просто переливаемую почти изъ сосуда въ сосудъ жидкость разсматриваетъ это сѣмя каноническое право и гражданскій законъ, не требуя какъ conditio-sine qua non для него и вокругъ него ни любви, ни уваженія, никакой религіи, но буквально разсматривая жену какъ сѣмяпріемникъ, а мужа—какъ аптекаря-производителя соотвѣтственной эссенціи, безъ правъ пользоваться чужой посудой. По крайней мѣрѣ такъ все открывается въ картинѣ развода: ибо „опредѣлители“ развода конечно суть и опредѣлители брака. Ихъ границы совпадаютъ какъ внѣшняя и внутренняя кромка одной полоски. Quod in divortio, id in matrimonio.

Это касательно поводовъ къ разводу. Но и процессъ разсмотрѣнія этихъ поводовъ не менѣе позоренъ. Процессуальныя формы нашего развода отличаются такимъ цинизмомъ, что въ случаѣ, когда желаніе развода идетъ со стороны жены, безусловно всегда такъ-называемую „вину“ принимаетъ на себя мужъ, и конечно самая „вина“ бываетъ мнима, и „свидѣтельство“ ея покупается за очень дорогую цѣну. Это—уличная истина, всѣмъ рѣшительно извѣстная, и можно ли не поразиться, что такой археологическій остатокъ хранится въ системѣ нашего законодательства,—и все у насъ—всякое маленькое денежное взысканіе или уличная кража судится совершеннымъ или усовершенствованнымъ судомъ, а только несчастная семья судится какимъ-то допотопнымъ по грубости и первобытности пріемовъ судомъ. Тутъ нуженъ свидѣтель—прямой, личный, и даже кажется не одинъ; много бы наказалъ нашъ судъ убійствъ, если бы осуждалъ только тѣхъ, которые схвачены на мѣстѣ преступленія, и еще „двумя свидѣтелями“? И неужели косвенные и совершенно математической точности доказательства, примѣнимыя въ другихъ преступленіяхъ, нельзя примѣнить къ деликатному строю семьи? Почему такое неуваженіе къ семьѣ? Отчего она одна судится столь несовершеннымъ и ужаснымъ судомъ? Гдѣ въ Евангеліи слова о засвидѣтельствованіи личными свидѣтелями вины прелюбодѣянія? Это— ветхозавѣтное требованіе, требованіе для семьи въ совершенно другихъ условіяхъ, и именно въ условіяхъ совершенной свободы развода по другимъ причинамъ, когда до прелюбодѣянія женщина, въ силу этой свободы развода, собственно и не могла дойти, а доходила только при крайней наглости обманщицы своего мужа, за каковой обманъ она побивалась камнями. Тѣ ли это условія, что наши? Ничего подобнаго!

Несчастная европейская семья обложена со всѣхъ сторонъ ложью, страннымъ недоброжелательствомъ при наивномъ въ сущности къ ней сочувствіи. Если бы открылись глаза у всѣхъ, кто сталъ бы хоть годъ беречь эту неправду? Поразительно, какъ никто не замѣтитъ.

что вѣдь отсутствіе развода нисколько не скрѣпляетъ уже умершую и ни морально, ни физически, ни даже квартирно не существующую семью, а просто только мѣшаетъ возникнуть еще семьѣ, другой семьѣ, можетъ быть счастливой, крѣпкой, хорошей. „Нѣтъ развода"— это значитъ только меньше на одну семью въ государствѣ и въ церкви, и больше на двухъ распутниковъ въ составѣ ихъ безсемейныхъ жителей. Всѣ силы церкви и государства, въ особенности нравственный авторитетъ духовенства должны бы сосредоточиться на заботахъ не дать распасться живой, живущей хорошо семьѣ: священникъ постояннымъ и близкимъ участіемъ къ семейному быту прихожанъ могъ бы въ самомъ же началѣ тушить встрѣчающіеся и неизбѣжные здѣсь конфликты,—мирить, умирять, смягчать ссоры и вообще очищать, добрымъ и ласковымъ совѣтомъ во-время, атмосферу семьи. Вотъ возвышенное призваніе церкви. А уже когда семья разъѣхалась, живетъ по разнымъ городамъ, живетъ врозь годы: да что же вы тутъ бережете, когда ничего нѣтъ, беречь нечего, передъ вами нуль, не разорванный въ консисторіи документъ?

1901.

III. Кто лучшій судья семейныхъ разладовъ.

Внести миръ и порядокъ въ семью, въ которой до сихъ поръ „законно" царствовали безпорядокъ и раздоръ—вотъ простая, ясная и твердая почва для требованій развода, съ которой печать, частныя лица и законодательство не должны сходить. Не нужно при этомъ запутываться и въ детали разныхъ казуистическихъ подробностей, въ многочисленныя неясныя и сбивчивыя узаконенія разныхъ странъ и въ сужденія разныхъ „компетентныхъ" юристовъ. Очень легко изъ-за деревьевъ не увидать лѣса; очень легко увязнуть и погибнуть въ этой „сравнительной анатоміи" семьи. Намъ русскимъ что́ до чужихъ народовъ. У насъ есть свой нравственный идеалъ, который не вытравленъ зрѣлищемъ печальной дѣйствительности за столько вѣковъ. Поэтому мы считаемъ вреднымъ такія отвлеченія въ сторону, какія допускаетъ одна газета, пустившаяся въ пространный анализъ „сравнительнаго законодательства" о правѣ мужа вскрывать женину корреспонденцію и о безправіи жены дѣлать то же, и все по поводу законопроекта о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, надъ которымъ работаютъ наши законодательныя сферы. „Самыя вѣскія доказательства для суда", пишетъ эта газета, „письменныя: письма жены и письма мужа; но вотъ письмо, отнятое у жены мужемъ—компетентно передъ судьями, а письмо, вынутое изъ мужниного стола женою—судомъ не принимается къ разсмотрѣнію, потому-что способъ его добычи не законенъ". Такъ разсуждаетъ „Россія" и плачется на эту не-

справедливость французскихъ законовъ, которую поддерживаютъ французскіе юристы и между ними даже (даже!) Леонъ Рише, бывшій редакторъ журнала „Le droit des femmes".

Намъ думается, и это нездоровая почва для разсужденій. Тутъ дѣло идетъ не о „droit des femmes", семья вообще институтъ настолько интимный, настолько покоящійся на согласіи мужа и жены, что ужъ когда дѣло пошло объ разграниченіи „droits" и еще подъ присмотромъ судебнаго пристава,—дѣло плохо и семьи конечно никакой нѣтъ. А забота наша—не расколоть семью, а сколотить семью. Сколотить, однако, непремѣнно надо на началахъ любви, согласія, уваженія, а не на томъ „законодательномъ" принципѣ,—винователъ: „священно-законодательномъ", — по коему какимъ-бы мучителемъ ни былъ который-нибудь изъ супруговъ, другой долженъ погрузиться въ „христіанское долготерпѣніе" и ожидать крышки гроба.

Пока дѣло не имѣетъ государственной санкціи, пока мы имѣемъ проекты, а не законы, можно и слѣдуетъ обсудить всѣ стороны дѣла. Семья есть семья, и нужно сколь возможно долѣе удерживать въ ней даже въ моментъ смерти и распаденія ея субъективный, интимный элементъ. Эти два супруга, изъ которыхъ одинъ жалуется на мучительность своей жизни съ другимъ, не суть только супруги: они имѣютъ родство и главное имѣютъ родителей. Совершенно возможно, въ вопросѣ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, выдвинуть принципъ авторитета родительскаго и позвать его какъ для разсмотрѣнія дѣла, такъ и для суда надъ нимъ. „Судъ пэровъ", „судъ равныхъ"—всегда лучшій судъ, и болѣе всего онъ примѣнимъ къ семьѣ. Пусть семью судитъ семья-же, съ точки зрѣнія семейныхъ идеаловъ, а не юридическихъ нормъ. Жена, которую мучитъ мужъ,—что бываетъ большею частью въ первые годы, въ первыя десять лѣтъ супружества,—имѣетъ отца или мать, и вотъ кому, мы думаемъ, можетъ принадлежать право вчинать судъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, и предлагать данное дѣло разсмотрѣнію опять-же отцовъ семейства даннаго прихода, села, сословія, вообще какой-нибудь соціальной единицы. Сердце родительское всегда сумѣетъ отличить капризъ отъ серьезнаго мотива; желаніе родителей дѣтямъ своимъ согласія и мирной жизни—столь-же сильно, какъ нетерпѣливо и заступничество въ случаѣ дѣйствительно невозможной жизни. Какъ это устроить вопросъ техники, конечно слишкомъ разрѣшимый. Но мы думаемъ, что ничто такъ не будетъ способствовать установленію бытовой и юридической семьи на здоровыхъ и истинныхъ началахъ, какъ подчиненіе вопросовъ о разъѣздѣ и даже о полномъ разводѣ не авторитету кесаря или синедріона, но авторитету старшихъ членовъ семьи. Они и пожалѣютъ, они—и соблюдутъ. Прочность семейнаго принципа ни для кого такъ не важна, какъ для нихъ: но нѣтъ отца или отцовъ,

которые на вопль дочери объ издѣвательствахъ или побояхъ, отвѣтили-бы: „нѣтъ письменныхъ доказательствъ, а кровоподтеки незначительны“, или что тутъ „необходимо долготерпѣніе“. Вообще—вотъ кто истинный судья въ данномъ мучительномъ положеніи,—строгій къ слабостямъ, но жалостливый къ мученіямъ.

Къ полемикѣ гг. Чижа, Ковалевскаго и А—та.

Удивительно: точно чортъ пошепталъ намъ на воду и далъ выпить. Испивши таковой съ „нашоптываніемъ“ водицы, мы получили въ глазъ какую-то „куриную слѣпоту“, не вообще, но въ отношеніи къ одной, не любимой чертомъ вещицы. Сейчасъ я скажу, что это за вещица. Насъ у матери было пять сыновей, и когда одни были уже совсѣмъ взрослые, другіе только-что подростали. И вотъ, случалось въ дѣтствѣ, мы всѣ до излишества разбалуемся, расшумимся, раскричимся и почти раздеремся: и въ послѣднемъ случаѣ случалось, что семилѣтокъ бросится на двадцатилѣтка, а двадцатилѣтокъ схватитъ его и подомнетъ подъ себя. И вдругъ входитъ кто-нибудь изъ старшихъ членовъ семьи въ комнату. Останавливается и говоритъ: „чортъ съ младенцомъ связался“. Слова эти какъ обрубали нашу возню. Но это—къ слову. „Чортъ съ младенцемъ связался“—мнѣ нужно какъ поговорка. Какъ чортъ не любитъ ладана, такъ онъ не любитъ младенца. Съ тѣхъ поръ, какъ І. Христосъ указалъ споришимъ о первенствѣ апостоламъ, что младенецъ по святости — первѣе и выше ихъ, чортъ возненавидѣлъ всѣхъ и всяческихъ младенцевъ, вѣчно ищетъ ихъ погублять, опозорилъ самое ихъ рожденіе, наклеветалъ, что оно всегда бываетъ отъ нравственнаго позора человѣческаго, и проч. и проч. Извѣстно, что чортъ хорошаго академическаго образованія и, по натурѣ, чрезвычайно хитеръ, такъ что перехитрилъ разъ даже Соломона. И ему ничего не стоило, нашептавъ на свою черную воду какихъ-то накостныхъ словъ, дать эту воду выпить европейскому человѣчеству. Съ тѣхъ поръ это самомнящее европейское человѣчество, изъ котораго значительная часть состояла изъ мошенниковъ, биржевыхъ игроковъ, обманывающихъ своихъ государей министровъ, шулеровъ, казнокрадовъ, а болѣе всего всесвѣтныхъ потаскуновъ, объявило, что все-таки ни одинъ изъ нихъ не грѣшенъ и не „скверенъ“ въ такой мѣрѣ, какъ всякій рѣшительно новорожденный ребенокъ: ибо ни шулерство, ни

измѣна отечеству, ни казнокрадство не заключаютъ въ себѣ такой возмутительной мерзости, какъ самое рожденіе ребенка. Что дѣлать. Водица выпита. Куриная слѣпота—въ глазу. И теперь, чуть что́, поднимается вопль: „не надо дѣтей“. Просто удивляешься собачьему чутью, съ которымъ люди разныхъ категорій и всевозможныхъ профессій выискиваютъ новыхъ и новыхъ поводовъ, чтобы закричать: „пожалуйста—не надо дѣтей!“

Да простятъ почтенные ученые и литераторы, гг. Вл. Чижъ, П. И. Ковалевскій и А—тъ, что я предваряю маленькую имъ реплику касательно поднятаго вопроса о медицинскомъ освидѣтельствованіи лицъ, вступающихъ въ бракъ, симъ желчнымъ предисловіемъ. Предисловіе—не къ нимъ лично относится; это—просто больная печенка, сорвавшаяся у меня съ мѣста и выплюнувшаяся отравленнымъ словомъ. Я въ точности сказалъ предисловіе по адресу нашей цивилизаціи, и съ точною вѣрою въ „пошептавшаго намъ на воду“ чорта, но безъ всякой личной и спеціальной злобы. Кого винить, если, въ самомъ дѣлѣ, вся цивилизація заражена порокомъ дѣто-ненавидѣнія, дѣто-отвращенія. Винятъ иногда женщинъ въ вытравленіи плода, даже, кажется, объ этомъ въ уголовномъ законодательствѣ что-то есть. Между тѣмъ, вѣдь рѣшительно все равно, что вытравить à posteriori ребенка, что à priori не дать ему зародиться. Но между тѣмъ, какъ à posteriori вытравлять запрещено уголовнымъ закономъ, ибо „погашается жизнь“, въ это-же самое время пишутся при первомъ удобномъ случаѣ статьи и почти цѣлые трактаты, чтобы à priori предупредить рожденіе ребенка. Но по моему не мудреному сужденію, что погасить свѣчку, что помѣшать зажечь ее—не все-ли равно?

Чортъ отравилъ наши сужденія, и мы устами ученыхъ и литераторовъ рѣшаемъ такой дикій вопросъ: „а что если этотъ юноша съ слѣдами золотухи, съ предрасположеніемъ къ чахоткѣ, имѣвшій раковаго дядюшку, или эпилептическаго дѣдушку, женится на влюбленной въ него дѣвушкѣ Елизаветѣ N-ой, то вѣдь родится у нихъ дюжина дѣтей съ предрасположеніемъ къ эпилепсіи, къ золотухѣ, къ раку или чахоткѣ. Мы, сострадательные ученые (предложеніе это идетъ отъ Ч. Дарвина) и литераторы, заранѣе плачемъ,—нѣтъ, мы рыдаемъ, посыпаемъ пепломъ главу, раздираемъ одежды и вопимъ: „Посмотрите—вмѣсто двухъ чахоточныхъ—теперь четырнадцать чахоточныхъ! И мы это допустили! И законъ это допустилъ! Запретить! Не позволить! Не женить! То—бишь: не вѣнчать!“

Отвѣчаю:

1) Да почему вы думаете, что отъ даннаго брака непремѣнно будутъ дѣти? Вѣдь вы хотите всѣмъ „съ предрасположеніемъ“ запретить, а между тѣмъ сколько браковъ—бездѣтныхъ; и изъ числа запрещенныхъ вами навѣрное множество окажется бездѣт-

ными, и жестокость безбрачія будетъ относительно ихъ наказаніемъ, безъ самой вины ихъ, безъ возможности вины.

2) Есть только одно дѣйствительное средство предупредить рожденіе дѣтей: кастрировать „опасныхъ“ родителей. Ну, такъ и пишите: „предрасположенныхъ къ чахоткѣ, раку, эпилепсіи и проч.—кастрировать“. Тогда будетъ ясно и тогда будетъ твердо. А то, вѣдь чѣмъ же вы обезпечите фактическое „не рожденіе“? Будутъ, конечно, безъ брака рождать. Пожалуй—рождать и убивать. Но, почему, нежели „чахоточнаго родить и воспитать“, лучше „чахоточнаго родить и сейчасъ же убить“!? Вы скажете: „когда взрослый умираетъ—то это картина, а когда новорожденнаго убиваютъ—то въ потемкахъ, и нѣтъ картины“. Ну, что̀ за аргументъ: доктора народъ твердый и отъ зрѣлища чахоточнаго въ обморокъ не падаютъ. Нѣтъ, по моему лучше такъ: родился чахоточный; пятьнадцать лѣтъ пожилъ; поучился въ гимназіи, пошалилъ съ товарищами, утѣшалъ маму, радовалъ папу, а главное—самъ всетаки пятнадцать лѣтъ радовался. А потомъ шестнадцати лѣтъ померъ, грустный, прекрасный, всѣми оплакиваемый.

Да и притомъ пятнадцати лѣтъ, даже моложе пятнадцати лѣтъ—совершенно здоровыя дѣти и отъ здоровѣйшихъ родителей все равно умираютъ! Вспомните такъ называемый „родимчикъ“ дѣтей—сколько отъ него гибнетъ! Вообще, людей, дѣтей, юношей во всякомъ возрастѣ—бездна гибнетъ. Это ужасно грустно, но эти волны жизни, столь скорбныя, эти фиміамы слезъ и рыданій около молодого гроба—неужели же сравнить ихъ съ тупоумнымъ: „издать законъ, чтобы не женились“. У меня девяти мѣсяцевъ умеръ ребенокъ—прекрасный, по истинѣ прекрасный. Сколько воспоминаній! Да я воспитывался около него. И онъ, хоть только въ девять мѣсяцевъ, развѣ не зналъ своихъ радостей, своей огромной, хотя для насъ и мало постижимой, поэзіи? Онъ не спалъ ночью, повидимому еще здоровый, но въ сущности уже больной. Утомленные его закачиваніемъ, мы, бывало, вынесемъ его къ свѣту. И вотъ, поставишь его дѣтскими ножками на письменный зеленый столъ: пораженный видомъ лампы, онъ взглянетъ на нее огромными темными глазами, и весь сіяетъ восторгомъ, теперь я знаю—болѣзненнымъ восторгомъ. И все лицо горитъ, сіяетъ жизнью. Ночью я носилъ его по комнатамъ (темнымъ) и вотъ, бывало, остановившись у окна, а противъ окна горѣлъ газовый уличный фонарь: и опять онъ смотритъ на него, долго-долго смотритъ задумчивыми большими глазами. И такое у него безсмертно-прекрасное въ это время бывало лицо. Разъ я его обидѣлъ: онъ что-то скапризничалъ, и я рѣзкимъ движеніемъ передалъ его мамкѣ, воскликнувъ: „у, козелъ“. Я разсчитывалъ, что девяти мѣсяцевъ ничего нельзя понять, но онъ жалобно-жалобно закричалъ, именно отъ окрика, отъ огорченія и быстрымъ энергичнымъ движеніемъ

уткнулся личикомъ въ мамку. Сейчасъ же я его взялъ и утѣшилъ, и онъ утѣшился. Умирая, онъ тягостно страдалъ. Такъ что же, „лучше, чтобы всего этого не было?“. Нѣтъ, лучше—чтобы было. Это—неизгладимыя воспоминанія для живыхъ, а для него... каждый день жизни былъ все-таки день жизни, содержаніе, кажется—радость, иногда—скорбь, подъ конецъ тягостная скорбь. Но, все-таки, это не пустой ноль, не ужасный ноль.

Хуже нуля ничего нѣтъ. Черезъ десять лѣтъ я умру, вѣроятно—умру. Такъ что-же, мнѣ взять веревку и заранѣе повѣситься? А „не родиться ребенку, потому что онъ навѣрное въ пятнадцать лѣтъ умретъ“, все равно, что повѣситься въ пятьдесятъ лѣтъ, потому что „шестидесяти-пяти лѣтъ я навѣрное умру“. Пятнадцать лѣтъ жизни—и давай сюда, два года—и все-таки давай; девять только мѣсяцевъ—и все же давай и давай. Все давай, все въ жизнь! А смерти—„кукишъ съ масломъ“, ужь простите, до того я ненавижу этого врага рода человѣческаго (смерть). „Да будетъ благословенно имя Господне“, „Богъ далъ—Богъ и взялъ“. Намъ приходится только покориться этому, учиться изъ этого.

Аккуратно, по чиновнически, со счетами въ рукахъ побѣдить смерть или даже ее ограничить—нельзя. Г. А—тъ привелъ прекрасный примѣръ смерти отъ тюфяка, купленнаго на Александровскомъ рынкѣ. Я иду по улицѣ, упала вывѣска мнѣ на голову—и я умеръ. Въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ смерть вырвала троихъ прекрасныхъ мальчиковъ: зараженіе (дифтеритомъ со скарлатиной) произошло въ конкѣ, ѣдущей отъ клиники Вилліе въ Лѣсной (кстати: въ конкахъ по направленію къ клиникамъ вѣроятно ѣздятъ ужасно много заразныхъ больныхъ: и тутъ бы нужна какая нибудь дезинфекція, или хоть маленькое, въ одно-два сидѣнья особое „отдѣленье“, и съ отдѣльнымъ въ него входомъ). Неужели все это возможно „пресѣчь заранѣе“? „Лучше не родиться, а то будутъ больны“. Но даже большое существованіе радостно; все-таки дышешь. Дышешь!.. Пока мы здоровы „какъ сорокъ тысячъ братьевъ“, принѣняя выраженіе Шекспира—мы не цѣнимъ „только дыханія“. Намъ кажется жизнь тогда „въ жизнь“, когда она сыта, безпечна, красна и румяна. Но вотъ мы заболѣемъ: а, тогда мы оцѣнимъ, что значитъ „только дышать“! Дайте и дайте подышать! Вѣчно буду въ постели, съ болью, съ нытьемъ: но дышу! Пришла жена и подержала за руку—радостно! Пришелъ другъ и поговорилъ—опять радостно! Сколько радостей, океанъ радостей—у постели больного, „едва дышущаго!“—„Но, можетъ быть, ему умереть? дать опіума? вѣдь онъ усталъ?“—О, никогда!..

Никогда нельзя и отнимать права семьи у больного, у предрасположеннаго къ болѣзни. Ихъ судьба особенно печальна. И гдѣ же состраданіе, гдѣ милосердіе, если у этихъ уже обездолен-

ныхъ людей мы отнимемъ право обнимать другъ друга, утѣшать другъ друга, облегчать другъ друга? Двѣ сдѣлки—въ объятіяхъ одна другой! И обѣимъ легче. И будутъ у нихъ дѣти, тоже больныя -и они будутъ утѣшать ихъ и сами ими утѣшаться. И мы придемъ къ нимъ, и на зрѣлищѣ ихъ любви—воспитаемся. Ибо и намъ нужно воспитаніе, и мы нуждаемся въ примѣрахъ воспитывающихъ. А то сытые буйволы, если они одни останутся на землѣ, или перегрызутся отъ злобы, или издохнутъ отъ меланхоліи. И еще соображеніе: кто-же не наблюдалъ особенной, поразительной духовной красоты именно у больныхъ, у „предрасположенныхъ къ заболѣванію". У болѣзни есть какая-то своя тайная психологія, и, можетъ быть, лишить землю этой психологіи—значитъ многаго ее лишить! Мы не знаемъ всего, мы еще многаго не понимаемъ!

Забота о дѣтяхъ... Видите-ли, не допускать вѣнчаться больныхъ молодыхъ людей нужно изъ заботы о дѣтяхъ. Будто о нихъ мы много думаемъ!.. Приходитъ въ по-за-прошлое воскресенье ко мнѣ незнакомый военный. По поданной карточкѣ оказался генералъ-майоръ. Старъ, 65 лѣтъ. Уменъ, очень уменъ, и образованъ,—не глубокимъ, но блестящимъ, болѣе свѣтскимъ образованіемъ. Говорятъ „какъ на духу", выворачиваетъ всѣ свои внутренности. Не красивы онѣ. И у меня онѣ не красивы. Можетъ быть, читатель, и у васъ не красивы? Увы, если бы мы были всѣ прекрасны, Христу не зачѣмъ было-бы приходить на землю и умирать.. Итакъ, некрасивый случай и поводъ притти именно ко мнѣ ему были мои статьи о неузаконимыхъ дѣтяхъ. Позади въ его жизни грѣхъ, не спорю; грѣхъ, какъ я постигаю дѣло—заключался въ нѣкоторомъ его равнодушіи къ старой, прежней, уже давно выросшей и хорошо устроенной семьѣ (замужнія дочери и женатый сынъ), и въ томъ, что лѣтъ пятнадцать назадъ онъ обзавелся второй молодой семьей. Примѣръ такъ мнѣ казался не симпатиченъ, что я равнодушно выслушалъ его. Потомъ (въ тотъ-же вечеръ) были у меня гости, говорили, шумѣли, и когда разошлись—неотвязчиво я сталъ думать о старомъ генералѣ. На утро взялъ извощика и поѣхалъ къ нему. Обстановка почти бѣдная. Красивая, рослая, бѣлокурая вторая жена. Но главное—дѣти, ничего-то, ничего-то о себѣ и судьбѣ своей невѣдущія! И они всѣ бѣлокурыя, почти все мальчики, одна дѣвочка лѣтъ уже девяти—какъ жемчугъ другъ около друга. Въ смыслѣ красоты, здоровья и цвѣтистости -образцовая семья. Онъ мнѣ наканунѣ правдиво объяснилъ, что никакихъ другихъ причинъ и „оправданій" для него не было, кромѣ того, что первая жена его, какъ женщина и супруга—пятнадцать лѣтъ уже инвалидъ. Вообще почва не симпатична, грѣха здѣсь я не отрицаю. Но вотъ гдѣ начинается правда. Генерала хватилъ первый ударъ, и онъ какъ раненый заметался—буквально заметался съ мыслью

усыновленія этихъ вторыхъ дѣтей. Вся жизнь была неправда—но на кончикѣ ея такая правда въ этомъ желаніи поправить, загладить, не оставить послѣ себя несчастными; правда—просто силы отцовскаго чувства! Я ему наканунѣ сказалъ, что дѣло его не поправимо, ибо при наличности законныхъ дѣтей—усыновленіе незаконныхъ воспрещено закономъ. Но этотъ бѣдный не о законѣ просилъ: тутъ металась физіологія, метался отецъ. „Ахъ, что мнѣ законъ! Не усыновить моя дѣвочка (пока ей 9—10 лѣтъ, и красавица собой) въ проститутки пойдетъ! Они—всѣ на улицу, въ нищенство, какъ только я въ гробъ". И, главное, при его умѣ, онъ видитъ, что дышать ему всего годъ-два, такъ что яма для дѣтей—передъ глазами, вотъ-вотъ. Не знаю. Не умѣю разсудить. Вижу грѣхъ сзади, но и вижу правду сейчасъ. Зло и грѣхъ—въ холодности къ старой семьѣ: но какъ онъ любитъ теперь этихъ новыхъ, безспорно, очевидно, нѣжно, страстно! Я, не находя оправданія для такихъ казусовъ, мысленно прикидываю ихъ, однако, къ загороднымъ кафе-шантанамъ и откровенной „законной" проституціи: балуйся въ нихъ старикъ, и никто его не остановилъ-бы, и не было-бы ему наказанія, и не было-бы теперь терзаній отцовскихъ. Поразительно, что какъ только дѣти —тутъ-то и терзаніе, тутъ-то идея „грѣха" и встаетъ во весь ростъ! Безъ дѣтей „шалости"—и прощенъ! Но дѣти, но любовь къ дѣтямъ—никогда не будетъ прощена: тутъ-то и настигнутъ человѣка „бичи и скорпіоны" скопчества! Мнѣ кажется, что все-таки основная идея христіанскаго міра заключается въ искупимости всякаго грѣха, и для такихъ тяжелыхъ формъ его можно было-бы установить серьезную, тягостную эпитимію, но съ прощеніемъ въ заключеніе: увѣренъ, что старый генералъ не только пошелъ-бы, но ринулся-бы въ какой-нибудь строгій монастырь носить дрова или воду, неустанно молиться за право усыновить этихъ пятерыхъ дѣтишекъ, завтра—нищихъ, завтра—можетъ быть проститутку „по безхлѣбицѣ". Нужно-бы что-нибудь такое устроить... Что касается до государства, до lex civilis, то вѣдь ему рѣшительно все равно, которыя дѣти будутъ счастливы, сыты и воспитаны: для него желательно—чтобы нѣкоторыя не были развращены, несчастны, нищенствовали, проституировали. Или ужъ если не законъ, то желательно, чтобы образовалось спеціальное филантропическое общество для защиты судьбы такихъ дѣтей.

Я привожу этотъ случай, гдѣ никакого-то нѣтъ сострадательнаго закона о дѣтяхъ, дабы показать, что и въ заботахъ гг. Чижа, Ковалевскаго и А та о „возможныхъ" раковыхъ, эпилептичныхъ, чахоточныхъ и золотушныхъ дѣтяхъ, въ сущности дѣти не играютъ никакой роли, а нужно „испившимъ черной водицы" людямъ еще новый поводъ повторить: „вотъ этимъ, предрасположеннымъ къ заболѣванію,—лучше не жениться".

Матеріалы къ разрѣшенію вопроса.

XV. Случай изъ жизни гр. Л. Н. Толстого.

„Въ августѣ 1896 г. въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косой вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна. Начали возникать подозрѣнія на другихъ. Предъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, но вернулся нескоро, причемъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ, у косой вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ:

„ · Если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если-жъ это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь: такъ тяжело, что болѣе тяжолаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни.

„— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь, будто кто камнемъ сердце надавилъ!—вскрикнула, зарыдавъ вдова и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду.

„Оттого онъ и былъ такъ задумчивъ“. (Изъ книги г. *Сергѣенко*: „Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“).

XVI. Подъ спудомъ.

„Варшавскія газеты описываютъ раскрытое на дняхъ дѣло систематическаго умерщвленія грудныхъ младенцевъ посредствомъ полнаго лишенія ихъ какой бы то ни было пищи. Обвиняется нѣкая Масловская, принимавшая грудныхъ младенцевъ на пропи-

таніе за плату и морившая ихъ голодомъ. Число пострадавшихъ до сихъ поръ не приведено въ извѣстность. По обстановкѣ преступленія, дѣло Масловской сильно напоминаетъ дѣло Скублинской" („Нов. Вр.", № 8464, „Хроника мелкихъ извѣстій").

XVII. Случай въ клиникахъ Вилліе [1]).

—...И разсказываетъ больная наша: третій разъ въ этотъ мѣсяцъ производятъ въ клиникѣ проф. Лебедева кесарево сѣченіе. Но какой особенный случай: жена чиновника всегда рождала мертвыхъ младенцевъ и вотъ этотъ годъ забеременѣла четвертымъ. Приходитъ какъ и въ предыдущіе разы разрѣшаться въ палату проф. Лебедева. Ей говорятъ, что и этотъ четвертый ребенокъ будетъ мертвъ-же, потому что не можетъ пройти черезъ узкій и искривленный тазъ, и его придется разсѣчь внутри и вынуть по частямъ. Она заплакала и говоритъ: „неужели я никогда не рожу живого?" Ей отвѣчаютъ, что есть способъ: произвести кесарево сѣченіе. „Производите", сказала она. И какая радость: операція прошла удачно и живой мальчикъ, первый и неожиданный, невѣроятный—около живой матери. Но что такое это „кесарево сѣченіе"?

— Разрѣзаютъ рожеицу, какъ щуку на кухнѣ передъ обѣдомъ, вынимаютъ ребенка сбоку, какъ икру изъ рыбы. Операція называется „кесаревой", потому что такъ родился первый „кесарь"—Юлій Цезарь. До послѣдняго времени она всегда стоила жизни матери, и ее никогда почти поэтому не производили. Но благодаря антисептикѣ ее теперь нашли возможнымъ производить и, несмотря на весь ужасъ ея хода, большею частью она протекаетъ благополучно.

— Такъ вотъ на что согласилась эта чиновница, чтобы имѣть живого ребенка! И еще кормить, воспитывать и заботиться о немъ.

— Безъ этого инстинкта рожденія родъ человѣческій угасъ бы. Кто сталъ бы переносить труды беременности, рискъ жизнью во время родовъ, принятіе обузы пропитанія и воспитанія на всю жизнь, если бы всѣ эти препятствія, „тѣснины" рожденія, не прорывалъ своею силою бурный и вѣчный потокъ его. Богомъ установлена сила эта, эквивалентная силѣ смерти, т. е. такъ же точно, какъ она, абсолютная, неодолимая, роковая, темная-ли какъ ночь по однимъ моралистамъ или лучезарная какъ день по другимъ философамъ. Но въ секунду, какъ только этотъ инстинктъ ослабѣлъ бы и понизился на сантиметръ передъ напряженіемъ смерти, умиранія—родъ человѣческій началъ бы угасать!

---

[1]) Дѣйствительный разсказъ, принесенный мнѣ женою изъ клиникъ баронета Вилліе, въ Спб., гдѣ у насъ лежала въ отдѣленіи проф. Лебедева трудно больная знакомая. *В. Р—въ.*

— Такъ все это божественно?

— Да. Оттого въ „Пѣснѣ пѣсней“ и говорится: „сильна любовь какъ смерть, страшна—какъ преисподняя“. Но мы читаемъ это, какъ гиперболу поэзіи, тогда какъ это—членъ величественнаго символа вѣры.

XVIII. Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ? Докладъ свящ. А. А. Дернова Пастырскому собранію С.-Петербургскаго духовенства 1 декабря 1898 г.

Вопросъ, подлежащій обсужденію настоящаго пастырскаго собранія, по самому существу своему *чрезвычайно важенъ*. Онъ касается самаго важнаго закона въ порядкѣ земной жизни человѣчества [1]). Около этого вопроса сосредоточивается едва ли не большая часть письменности [2]) всего человѣчества. Вопросъ этотъ касается такого закона природы, который проявляется и дѣйствуетъ неизбѣжно [3]) во всякомъ человѣкѣ, достигшемъ физической зрѣлости. Вліянію этого закона равно подлежитъ жизнь юноши и дѣвицы. Законъ этотъ установленъ и освященъ Самимъ Богомъ и по существу своему составляетъ [4]) великую тайну.

По сему самому всякая неправильность, допущенная несознательно ли, или тѣмъ болѣе сознательно, по отношенію къ этой тайнѣ, къ этому закону,—всякое нарушеніе [5]) его,—должны

---

[1]) „Самый важный законъ“, къ коему, до доклада свящ. Дернова. „пастыри словеснаго стада“ пребывали совершенно равнодушны. „Мы не отъ міра сего, намъ что-же“... *В. Р—въ.*

[2]) Значитъ, „письменность“ то есть, и міръ, міряне даже и перомъ старались, худо-ли, хорошо-ли, когда „лжесловесники“ ни худо, ни хорошо не говорили. *В. Р—въ.*

[3]) Неизбѣжно, неизбѣжно, неизбѣжно... Но свящ. Дерновъ это-то сейчасъ и забудетъ, какъ не помнило этой „неизбѣжности“ духовенство за 2.000 лѣтъ; а настоящій докладъ и направленъ весь къ *борьбѣ* противъ этой „неизбѣжности“ и *сопротивленію* ея и настаиванію именно на „избѣжности“. *В. Р—въ.*

[4]) Что-же про чинъ вѣнчанія тутъ говоритъ свящ. Дерновъ? въ *немъ*-ли „физическая зрѣлость“, равно въ *немъ*-ли „дѣвицы и юноши нуждаются“? Авторъ говоритъ про *сопряженіе*, про *супружество*, про законы и необходимость тѣло-духа. Говоритъ, чтобы... на все это обрушить послѣдующія страницы. Онъ колотитъ фактъ брака доктриною, которая вся и начинается съ сужденія о „законѣ“; „необходимости“ и проч. Изъ моихъ-же слезъ сплелъ веревку, да меня же ею и отстегалъ. Спасибо, священникъ. за заботы о мірѣ. *В. Р—въ.*

[5]) „Законъ“ есть, „установленный“ и „освященный Богомъ“ (по А. Дернову), дабы „достигшіе физической зрѣлости дѣвицы и юноши сопрягались“ (по нему-же); *и такъ:* „неправильность“ и „нарушеніе“ начинается съ момента, какъ въ это Божіе и вмѣстѣ міровое „пусть“, „да будетъ“ вмѣшивается противоборствованіе: „да *не* будетъ“, „пусть *остановится*“. И весь докладъ А. Дернова и есть „допущенная сознательно или не сознательно неправильность въ толкованіи этого закона“. Собственно, *тема*

естественно озабочивать всякаго здравомыслящаго человѣка,—*тѣмъ болѣе* ощѣ должны озабочивать *пастырей душъ человѣческихъ* [1]).

И мы видимъ и слышимъ, что достопочтенные пастыри приходскихъ церквей нашей столицы заявили, что настоитъ существенная необходимость пастырямъ всей столицы обсудить вопросъ: „О причинахъ распространенія среди православныхъ *незаконныхъ* сожительствъ и о мѣрахъ къ устраненію сего зла". Чрезвычайная важность вопроса по самому существу его не представляетъ и малѣйшей возможности *рѣшить* его *единолично*: сущность самаго закона, о нарушеніи коего идетъ рѣчь, причины такого или иного нарушенія его, коренящіяся въ семьѣ, школѣ, въ обычаяхъ и навыкахъ общественной жизни, въ направленіи печати, литературы, искусствъ, художествъ, сцены, философіи [2])—все это столь

его должна бы быть: „пастыри, обсудимъ, какъ это множество дѣтей, именуемыхъ незаконными, и семей, также именуемыхъ—перевести въ состояніе подъ-законное?" Но этотъ вопросъ и единственно возможная *не кровавая* тема даже не пришла ораторамъ и слушателямъ въ голову, и не замѣтно они двинулись въ кровавый путь, заканчивающійся Скублинскою или Масловскою: какъ теченію дѣтей отъ *брака*, теченію „неизбѣжному", которое уже сейчасъ стремится по порогамъ, разбиваясь о нихъ, вырыть пропасть, образовать *водопадъ* дѣтской крови. Ибо они „изыскиваютъ мѣры къ *устраненію* (уничтоженію, разрыву) незаконныхъ сожительствъ", а не къ ихъ урегулированію. *В. Р—въ.*

[1]) Поразительно: о „*душѣ*" забота должна бы выразиться *успокоеніемъ* ея, *утѣшеніемъ* ей? Но какая-же о „душѣ" будетъ забота, если, подойдя къ незаконно-родившей, сказать: „ты вопреки моей распорядительности родила: итакъ, чтобы эта распорядительность хоть à posteriori была оправдана, оставь и того, отъ кого ребенокъ рожденъ, и самого ребенка скрой куда-нибудь, во всякомъ случаѣ при себѣ не держи". Мнѣ кажется, это „попеченіе" не о „душѣ" женщины, а о „престижѣ" своей власти. Кстати, вѣдь родила-то она, „достигши зрѣлости", о которой раньше неосторожно упомянулъ А. Дерновъ? *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ, сколько набралъ. Хоть скромность заставляла бы прибавить: „и въ насъ можетъ быть, братія". Но это даже и на умъ ему не пришло. А между тѣмъ рѣшительно никто, кромѣ „братіи", и не виновенъ въ нелегализованности такого множества дѣтей и семействъ: ибо вѣдь не „школѣ-же, обычаямъ, печати, искусству, сценѣ и философіи" было довѣрено соблюсти и сохранить бракъ?! Но, видите-ли: кому не было довѣрено—всѣ виновны, а кому было довѣрено—одинъ не виновенъ, и начинаетъ судить всѣхъ. Тароватый „хозяинъ". „У меня украли" .. „Да ты-то что-же спалъ?"—„Отсчитывалъ деньги за вѣнчаніе и клалъ въ банкъ: да не даетъ больше 6%, а я хотѣлъ бы 8". — „Смотри, деньги считаешь, а бракъ разбѣжится".—„Не уйдетъ. Рогатки приставлены: кто перепрыгнетъ—брюхо распоретъ; сколько дѣтей и женщинъ ужъ висятъ, обмотавшись кишками, на моемъ частоколѣ! Такъ не знаете, куда на 8% положить"? Тутъ я не фантазирую. Въ объявленіяхъ при „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" банкирская контора Кутузова всѣ 90-ые годы публиковала, что выдаетъ за годовые вклады 8%. А когда въ 1900 году она лопнула, то кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ" писалъ, что все ея эфемерное существованіе держалось на невѣроятной падкости батюшекъ къ большому проценту.—*В. Р—въ.*

многоразличное и столь многообразное требуетъ столько же многообразнаго и многоразличнаго, словомъ, *всесторонняго* обсужденія со стороны собравшихся пастырей.

Согласно порученію Совѣта Общества имѣю честь предложить вниманію достопочтеннаго собранія нѣсколько мыслей, могущихъ послужить *основою* или *исходною точкою для разсужденій по возбужденному вопросу.*

При этомъ надобно предварительно сдѣлать замѣчаніе о *характерѣ имѣющихъ быть разсужденій въ настоящемъ собраніи.*

Мы готовимся изыскать мѣры для борьбы [1]) съ извѣстнымъ зломъ. А борьба, разумно веденная, требуетъ прежде всего изученія противника. Внѣ этого условія, побѣда—есть дѣло случайности, а не результатъ обдуманныхъ, правильно примѣненныхъ мѣропріятій; неминуемо ведущихъ къ вѣрному успѣху [2]). Ясное пониманіе опасности составляетъ основаніе всѣхъ мѣръ, содѣйствующихъ умѣньшенію или даже и искорененію [3]) зла. А зло касается такихъ сокровенностей, которыя человѣчество привыкло таить въ продолженіи тысячелѣтій, какъ не называемая, какъ *pudenda* - т. е. которыхъ должно стыдиться. Но нынѣ эти сокровенности съ безцеремонностію проявляются на виду [4]) у всѣхъ. Посему не сдержаннымъ языкомъ проповѣдника, не взвѣшеннымъ языкомъ пастыря предъ паствою, а иногда безцеремонно-интимнымъ языкомъ врача самыхъ сокровенныхъ болѣзней человѣчества придется разсуждать здѣсь, конечно, по возможности обходя слишкомъ большія нескромности, называя ихъ настолько, чтобы понять ихъ, насколько нужно, но выставляя въ ясности нелѣпыя, невозможныя проявленія зла. Необычайныя мысли и выраженія будутъ раздаваться здѣсь не на соблазнъ кого либо, но для обличенія зла и для предостереженія насъ самихъ — пастырей, если и мы повинны въ попущеніи проявляющагося зла: мы будемъ опчевать и самихъ себя, чтобы съ себя и начать искорененіе зла [5]).

При изысканіи мѣръ *къ устраненію незаконности* чего либо -

---

[1]) Вотъ это важно и требуется запомнить: нужно *поборотъ* явленіе, а не урегулировать. Тема—водопадъ, обрывъ для „рѣки жизни", а не уравненіе для нея ложа. *В. Р—въ.*

[2]) Удивительно. Авторъ надѣется, что рѣка остановится. *В. Р—въ.*

[3]) Даже „искорененіе" „пастыри душъ" проектируютъ! *В. Р—въ.*

[4]) Да не духовныя ли консисторіи первыя начали требовать „вины прелюбодѣянія, совершенной на виду у всѣхъ, или по крайней мѣрѣ передъ глазами двухъ свидѣтелей"? Кажется, до бракоразводнаго у христіанъ процесса ни въ одной религіи и странѣ требованія открытыхъ и наглядныхъ совокупленій не существовало, и „сіи священныя учрежденія" первыя сдернули пологъ надъ кроватью міра: ну, а разъ міръ поневоли къ этому,—хоть когда-нибудь кого нибудь,—идея вообще *абсолютной въ этомъ застѣнчивости*—исчезла, ослабла, порѣдѣла. *В. Р—въ.*

[5]) Не утѣшайтесь, читатель, „заботою": дѣло идетъ объ „искорененіи", и баринъ жалѣетъ только, что такъ поздно беретъ кнутъ. *В. Р—въ.*

первою и важнѣйшею мѣрою является: ясное, точное опредѣленіе самого закона, который нарушается. Необходимо, чтобы всѣ, кого законъ касается, кто долженъ исполнять его, — всѣ твердо помнили его и ясно сознавали его. Вѣдь и самый законъ Божій—заповѣди—данъ именно какъ таковая мѣра: „*Что убо законъ? Преступленій ради приложися. Для чего же законъ? Онъ данъ послѣ, по причинѣ преступленій*“,—говоритъ Само Слово Божіе [1]) (Посланіе ап. Павла къ Галат. 3 гл. 19 ст.). „*Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ...* [2]) *развратныхъ... для блудниковъ... И мы знаемъ, что законъ добръ, если кто законно употребляетъ его*“ (Тимоѳ. I посл. I гл. 8 и 9 ст.).

Не въ этомъ ли *сущность вопроса?* Не отъ того ли, что у большинства современныхъ людей нѣтъ яснаго сознанія этого самого важнаго въ порядкѣ земной жизни человѣчества закона,— происходитъ пренебреженіе къ нему, нарушеніе его и искаженіе? До чего это такъ, видно изъ слѣдующаго: при обслѣдованіи прошеній, поданныхъ въ одно благотворительное общество, о пріемѣ въ пріютъ дѣтей, множество просительницъ оказалось въ такомъ положеніи: „*мужъ* меня бросилъ, у меня пять (или 3, или 2) дѣтей, я не могу ихъ пропитывать?!“ „А давно замужемъ?“—„Я *дѣвица*“. А между тѣмъ всѣ, *знающіе* подобныхъ *сожителей*, называютъ ихъ не иначе, какъ *мужъ* и *жена*, — и жильцы того дома, и дворники (прописывающіе и паспорта ихъ сожителей), и хозяева: какая путаница понятій и какое отсутствіе *сознанія истиннаго закона*! [3]).

---

[1]) Ну, послушайте, нельзя же *Богомъ* называть апостола. Это не только безграмотно, но и богохульно. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ, авторъ напименовываетъ „овецъ“: „quos ego!“ Еще на той страницѣ было: „дѣвицы и юноши, достигшіе зрѣлости“, о которыхъ надо бы позаботиться. Но черезъ ½ часа, пока авторъ исписалъ страничку, они превратились въ „блудныхъ, развратныхъ и беззаконныхъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Какая наивность дѣтская, почти трогательная: раньше говорилось о законѣ какъ міровомъ движеніи, о Божіемъ—„да будетъ свѣтъ“, и безъ какого-либо перехода мысли, авторъ уравниваетъ съ этимъ опросъ паспортовъ дворникомъ, и причину „разстройства закона“ видитъ въ томъ, что дворники, болѣе деликатные, чѣмъ „петербургское пастырское собраніе“, никакъ не соглашаются поддержать послѣднее употребленіемъ его грубаго (и не вѣрнаго) языка и терминовъ. Кстати, какъ-же бы дворники должны называть ихъ: „любовница“, „содержанка“? Но первое означаетъ тайную связь и тайныя, украдкой на сторонѣ, свиданія, а второй терминъ прилагается къ отдачѣ себя за корысть, за содержаніе,— каковыми во множествѣ являются законныя жены. Ясно, что вовсе нѣтъ термина для длительныхъ, вѣрныхъ другъ другу и открытыхъ „сожительствъ“, членовъ которыхъ дворники и именуютъ довольно правильно „мужемъ и женою“, не обращая вниманія на невѣрную въ паспортѣ прописку: „дѣвица“. Такимъ образомъ дворники гораздо вѣрнѣе улавливаютъ существо брака и не забываютъ ни *Бытія*, 1—2, ни *Матѳея* 19: о чемъ, за паспортами, забыло „пастырское собраніе“. *В. Р—въ.*

Ясно ли всѣ нынѣ сознаютъ, что *законъ Божій* указываетъ только *два состоянія* для совершеннолѣтнихъ людей: *дѣвство* — по природному расположенію [1]) или свободному подвигу для высшихъ цѣлей жизни и для болѣе свободнаго служенія спасенію людей (Мато. 19. 12), или же *законное супружество*, заключаемое въ свое время по слову Апостола: „*во избѣжаніе блуда каждый* [2]) *имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа*“ (I Кор. 7. 2).

Вотъ *два состоянія* въ порядкѣ земной жизни человѣчества, исключающія собой какой либо возможный третій видъ и въ то же время оба *объединяющіяся* въ одномъ высшемъ „духовномъ“ [3]) качествѣ, которое составляетъ вѣнецъ, украшающій жизнь человѣка, и кое именуется *цѣломудріемъ*, ибо ни дѣвство, ни супружество немыслимы безъ *цѣломудрія*. Духовная чистота сердца, которое есть исходище всей нашей духовной жизни, цѣло-

---

[1]) Чудакъ. Такъ вѣдь очевидно—если *родились* дѣти (у „дѣвицы“ положимъ или вдовы), то значитъ и не было въ ней „природнаго расположенія“ къ дѣвству. А состояній только „по закону Божію—два“: ну вотъ, она „и вступила во второе по закону Божію состояніе“. Это—ваша же терминологія. Но вы, прописывая ей въ паспортѣ „дѣвица“, явно вгоняете ее уже въ не добровольный „подвигъ для высшихъ цѣлей жизни“, въ каковомъ въ сущности и секретъ всего дѣла, всего доклада, всего несчастія и дѣйствительнаго развращенія людей, ибо сей „подвигъ для высшихъ цѣлей“ есть гордость діавола, возставшаго и научившаго новымъ „яблокомъ“ людей возстать противъ Бога и *единственной* Его невинному человѣку заповѣди: „множитеся и *наполните* землю“. „Незаконнорождающіе“ суть то же въ линіи исполненія Ветхаго завѣта сейчасъ, что были скрывавшіеся въ катакомбахъ въ линіи Новаго завѣта въ I—III в.в. по Р. Х. Тамъ—тайная вѣра подъ землей; здѣсь—тайное исполненіе „подъ спудомъ“, съ горестнѣйшими послѣдствіями, того, чего человѣкъ не можетъ, очевидно, не исполнить: и не можетъ потому, что воля-то на это—Божія (см. выше, въ самомъ началѣ доклада, слова самого А. Дернова). *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ! Чтобы избѣжать непотребства (домовъ терпимости) и тайныхъ пороковъ, каждый „достигнувъ зрѣлости“ (см. выше А. Дерновъ)—и начинаетъ съ кѣмъ нибудь постоянно, связно, длительно, вѣрно и цѣломудренно жить: а что вы съ него срываете шапку и кричите „воръ“, то это такой-же ложный крикъ, какъ иногда „пожаръ“ въ театрѣ и даже, если принять во вниманіе дѣтоубійство, отъ окриковъ происходящее, и притоны Скублинской-Масловской,—съ тѣми-же совершенно послѣдствіями, какъ отъ неразсудительныхъ или злыхъ окриковъ въ театрѣ. *В. Р—въ.*

[3]) Поразительно: какъ только заходитъ дѣло о *бракѣ* —мы ждали бы въ дальнѣйшей рѣчи о *дѣтяхъ, игрушкахъ, воспитаніи, заботахъ* и *радости* около дѣтей; но въ богословской литературѣ этого никогда нѣтъ и, напр., самое упоминаніе о дѣтяхъ почти не встрѣчается въ сужденіяхъ о бракѣ; зато „подымается другой рогъ“: *духовность*. Сперва эта „духовность“ мелькаетъ какъ *добавленіе*, какъ *привѣсокъ* къ браку: онъ—подлежащее, а „духовность“ только опредѣленіе, но скоро въ дальнѣйшихъ словахъ опредѣленіе становится на мѣсто опредѣляемаго, кукушка ложится на мѣсто воробья, вытолкнувъ воробьинаго птенца вонъ изъ гнѣзда: „духовность“—уже самостоятельна, и литература о бракѣ страннымъ обра-

мудренное направленіе ума, чувствъ и воли человѣка, проявляющееся въ рѣчахъ, во взглядахъ, въ движеніяхъ, во всемъ поведеніи и настроеніи человѣка — является необходимымъ условіемъ достиженія человѣкомъ послѣдней цѣли земного бытія его: вѣчнаго лицезрѣнія Бога. Итакъ, дѣвство и законное [1]) супружество тогда только имѣютъ цѣну у Бога и у людей, когда они *цѣломудренны*. Особенная трезвенность ума, мыслей, чувствъ, желаній, особенная скромность и стыдливость, при которой невозможны со стороны другихъ никакія рѣчи легкаго тона, вызывающія всегда страданіе у такихъ людей, особая внутренняя привлекательность, чистота, стойкость, при которой подобные люди и помыслить не могутъ о какомъ либо ложномъ шагѣ, отсюда всегда правота и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, и въ отношеніяхъ къ другимъ,— полное самоотверженіе—вотъ *необходимыя условія того и другого состоянія*: дѣвства и супружества.

Дѣвственникъ ли, супругъ ли,—но если онъ не ведетъ жизни чистой, цѣломудренной: онъ ведетъ жизнь распущенную, преступную.

зомъ направляется противъ дѣтей, какъ явнаго и видимаго разрушенія духовности: она уже пылаетъ, гнѣвается, „духовность“ кричитъ бариномъ, поднимаетъ бичи противъ дѣтей. Но что тутъ „духовность“ ѣдетъ Чичиковымъ, видно изъ того, что ни при разсужденіяхъ о приходѣ, объ управленіи, о клирѣ, даже о монастырѣ духовность вовсе не выдвигается, не становится подлежащимъ. Въ бракѣ-же она должна и „послана“ съѣсть подлежащее; такъ сказать, не столько, чтобы лечь кукушкою въ чужомъ гнѣздѣ, сколько, чтобы *опустошить* его, столкнуть на землю именно „воробьевъ“ дѣтей, воробья—супружество, воробья—полъ, „похоть очей“ и пр., и сдѣлать бракъ „ни отъ похоти мужскія, ни отъ похоти женскія“, а за ихъ неимѣніемъ теперь, „отъ нашей власти и милостиваго благоволенія“. Въ „пустомъ гнѣздѣ“ теперь нѣтъ ни „первоначальнаго закона“, ни „Самъ Богъ благословилъ“, ни „всякая дѣвица и всякій юноша, достигшіе зрѣлости“: „кимвалы“ прозвучали, сдѣлали свое дѣло — привлекли публику: и когда занавѣсъ поднялся и открылъ скопческое зрѣлище, то всѣ эти мѣдные трубы и барабаны, позаимствованные изъ стараго и *устарѣвшаго* завѣта, выбрасываются вонъ, въ старый амбаръ, гдѣ хранится рухлядь Гомера, Митры и Авраама. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ видите: Чичиковъ уже сѣлъ въ бричку и отъ Манилова, хотя и плутая по дорогѣ, направляется къ Собакевичу. Сперва столкнуты изъ „гнѣзда“ дѣти и супружество: но мы еще въ „Маниловкѣ“ и слушаемъ сладкія рѣчи „о цѣломудріи во взглядахъ, въ движеніяхъ“ и проч., какъ сущности супружества, равно, впрочемъ, и сущности дѣвства. И когда сердце наше размягчено,—„баринъ“ говоритъ: „ну, дальше“ и везетъ насъ къ утвержденію, что и цѣломудріе, и хорошіе взгляды и рѣчи встрѣчаются только въ тѣхъ семьяхъ, которымъ онъ, Деревъ, передалъ надлежащіе документы для прописки въ полиціи. „Мертвыя души“ въ карманѣ у спекулянта и онъ мнитъ себя богатымъ и знатнымъ собственникомъ. Такъ обработывается дѣло, и получилось едва вѣроятное явленіе, что собственникомъ и распорядителемъ судебъ семьи и брака явилось во всей Европѣ лицо, принципіально и гнѣвно, страстно ненавидящее какъ супружество in re, такъ и дѣтей in re. *В. Р—въ.*

Объединяясь въ цѣломудріи, дѣвство и супружество *различаются въ приложеніи* къ жизни людей. Дѣвство—*законъ для немногихъ*. Это особый даръ благодати Божіей и даръ рѣдкій,- даръ для достиженія высшаго евангельскаго совершенства. „*Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ*“. (Матѳ. 19, II и 12).

Всѣ же прочіе [1]), которые не могутъ вмѣстить сего высшаго дара, пусть *живутъ, какъ Богъ благословилъ* [2]) *изначала*. „*Въ началѣ мужа и жену сотворилъ Богъ*, сказалъ Спаситель, *да будутъ два одною плотію, и что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ*“... Эти слова Божіи открываютъ намъ всю святость брака, таинственный смыслъ котораго указанъ былъ потомъ Духомъ Божіимъ въ писаніяхъ Апостола языковъ: „*Бракъ есть великая тайна...* [3]) (Мато. 5, 4—6; Ефес. 5, 32).

Да, тайна великая—особенно нормальный бракъ, когда непочатая невинность сочетавается съ непочатою же невинностію. Потому-то бракъ и по церковному обряду—*одно изъ седми таинствъ* нашей святой Церкви [4]).

---

[1]) Не радуйтесь, читатель. Все это—*предварительные* барабаны и трубы, для „привлеченія“. На самомъ дѣлѣ, конечно, всѣ „незаконныя сожительства“ и ихъ плодъ „незаконнорожденные“ входятъ въ рубрику „*всѣхъ прочихъ, которые* не могутъ вмѣстить дѣвства“, и авторъ, съ точки зрѣнія сейчасъ напечатанныхъ строкъ, долженъ бы печатать въ защиту ихъ брошюру; но онъ печатаетъ *противъ* нихъ брошюру — потому что выдвигаемые имъ въ *предисловіи* „законы“ суть предметъ нападенія, осады и разрушенія въ *содержаніи* брошюры. *В. Р—въ.*

[2]) „Пусть живутъ, какъ Богъ благословилъ...“ Но куда-же тогда дѣвается Дерновъ? Гдѣ Богъ — тамъ нѣтъ Дернова, а гдѣ Дерновъ — Богу остается мало мѣста. Само собою, всѣ рождающіе и „живутъ какъ Богъ благословилъ“, но авторъ-докладчикъ уже переѣхалъ отъ Манилова къ Сабакевичу, и радужное „Богъ благословилъ“ уже переходитъ въ терпистое: „Богъ повелѣлъ и мы скрѣпили“, или „Богъ повелѣлъ, да мы не скрѣпили“ сихъ небесныхъ канцлеровъ. *В. Р - въ.*

[3]) Замѣтьте, читатель, что во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ берется, описывается и утверждается физіологическій фактъ и къ нему-же отнесено апостольское: „это есть великая тайна“ (неразрѣшимость, неизслѣдимость, трансцендентность). Позднѣе къ бумагѣ или къ небесному „посланію“ неизслѣдимаго содержанія привѣшена была сургучная печать; метаморфоза вѣковъ заключалась въ томъ, что шнурокъ, на которомъ привѣшена была печать, перетерся, бумага затерялась, изорвана или спрятана, и „тайною“ сталъ называться кусокъ когда-то сюда привѣшеннаго сургуча, пр стая химически обработанная смола съ вытисненнымъ гербомъ и неразборчивыми словами. Фабриканты „сургучныхъ дѣлъ“ съ тѣхъ поръ и сталъ отождествлять себя съ авторомъ, Творцомъ затерянной бумаги. Отсюда—права Дернова и тонъ его брошюры, а также и трогательное вниманіе слушателей его доклада. *В. Р въ.*

[4]) Какъ все тутъ скользко: по почему Дерновъ думаетъ или какое имѣетъ основаніе судить, что несчастная женщина, мать трехъ дѣтей, вынужденная передъ дворниками называться „дѣвицею“, не была „непочатая невинность“ передъ рожденіемъ этихъ дѣтей? „По сему-то, по

И *дарованіе къ супружеской жизни* проистекаетъ также отъ Бога, какъ и къ житію дѣвственному... „*Ибо желаю*, говорилъ Апостолъ, *чтобы всѣ люди были, какъ и я*—(дѣвственникъ),—*но каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе*“... „*Каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ*“: „*Такъ я повелѣваю по всѣмъ церквамъ*“ (I Кор. 7, 7 и 17 ст.).

Сознается ли это ясно всѣми тѣми, кого касается [1]) законъ брака?

Безъ яснаго же сознанія этого *закона невозможно и точное исполненіе его.* Постараемся же уяснить его, руководствуясь указаніями нашихъ соотечественныхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей.

Въ лицѣ первой человѣческой четы, мужа и жены, земному человѣческому житію даны святые и совершенные законы [2]). Образъ этой-то земной жизни всего человѣчества, этого святого и совершеннаго закона и возобновляется [3]) каждою христіанскою четою въ таинствѣ брака. Для мужа его подруга не просто одна изъ женщинъ, но *жена*, для жены ея сожитель не просто одинъ изъ мужчинъ, но *мужъ*,—для нихъ обоихъ остальной родъ человѣческій не имѣетъ пола. Связанные благородными узами духовнаго братства со всѣми подобными себѣ существами, мужъ и жена—христіане, Адамъ и Ева всѣхъ вѣковъ, *одни* получаютъ благословеніе на вкушеніе радостей тѣснѣйшаго сожительства, во имя физическаго и нравственнаго закона, положеннаго въ основаніе земной жизни человѣческаго рода: Поэтому, первымъ обнаруженіемъ Божественности Христа было благословеніе супружескаго соединенія въ Канѣ [4]), подобно тому, какъ первымъ дѣй-

---

непочатой невинности. бракъ и есть одно изъ семи таинствъ церкви“, радуетъ Дернова своего читателя. Онъ знаетъ, что всѣ „непочатую невинность“ уважаютъ,—и загребаетъ ее кочергой въ свою небесную канцелярію. Но вѣдь это неправда: если проститутку изъ дома терпимости пьяный московскій купецъ возьметъ и *обвѣнчаетъ* съ собою, т. е. соблюдетъ власть Дернова — то будетъ „законный бракъ“, „одно изъ семи таинствъ нашей св. церкви“, а вотъ когда Нехлюдовъ у Катюши Масловой взялъ „непочатую невинность“, и родился ребенокъ у нихъ: то это все-таки „блудъ“, и младенецъ „плодъ блуда“, потому что предварительно не было спрошено дозволеніе Дернова. *В. Р—въ.*

[1]) *Всѣми* и сознавалось-бы, не будь истолкованій владѣльца сургуча. *В. Р—вѣ.*

[2]) Которые вы отмѣнили. *В. Р—въ.*

[3]) Отлично. Но вѣдь не вѣнчались Адамъ и Ева? Значитъ, каждое сожительство отражаетъ „образъ“ ихъ натуральнаго сожительства. *В. Р—въ.*

[4]) Было *присутствованіе* на „брачномъ *пиршествѣ*“, какъ одного изъ *числа гостей:* а къ *браку отношенія въ смыслѣ благословенія или дѣланія* — не было. И Апостоламъ Іисусъ, посылая ихъ въ міръ, не наказалъ: „идите и *вѣнчайте браки*“. Да и слово-то это противорѣчило-бы всей мысли

ствіемъ Божіимъ по отношенію къ роду человѣческому было сотвореніе первой четы.—Итакъ, *бракъ—не договоръ. не обязательство* и *не законное рабство* (мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ [1]), политиковъ, философовъ и литераторовъ); онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ Закономъ,—*онъ есть органическое* [2]) и слѣдовательно, *взаимное соединеніе чадъ Божіихъ*. Бракъ огражденъ съ самаго начала *закономъ о нерасторжимости* [3]) союза между мужемъ и женою, такъ что они должны составлять одну плоть, и разрывъ между ними долженъ уподобляться разсѣченію пополамъ живого человѣка [4]).

апостольства и духу св. Евангелія. Что-же касается до „посѣтилъ“. то вѣдь сколько разъ Іисусъ приказывалъ ученикамъ: „забрось *неводъ въ море* и у вытащенной рыбы найдешь денарій“ или „уловъ рыбы будетъ большой“: но кто-же на основаніи этихъ примѣровъ объявлялъ рыбную ловлю исключительной собственностью и профессіей духовенства? А ужъ можно-бы сказать: „І. Христосъ благословилъ рыбную ловлю“. И *чудесъ* на рыбной ловлѣ было еще больше, чѣмъ въ Канѣ Галилейской. *В. Р—въ.*

[1]) Не *мнѣніе* о фактѣ важно. а *сумма отношеній къ факту*: сумма-же отношеній—духовной власти къ браку есть именно юридическая и крѣпостная; отношенія мужа и жены таковы по закону и по установленіямъ духовной власти, что въ вѣнчаніи они получаютъ „крѣпость другъ на друга“, и крѣпость эту, т. е. собственно документъ на взаимное обладаніе невозможно уничтожить, сколько-бы они ни страдали или не ненавидѣли другъ друга. По дѣйствію своему обрядъ этотъ весьма похожъ на желѣзную сѣть, которую, по древнему мину, выковалъ Вулканъ и покрылъ ею амурничающихъ Венеру и Марса. Но сѣть можетъ быть нитяная, веревочная и желѣзная: имя „церковное таинство“ придало ей именно вѣчность, неразрушимость и некритикуемость, не затрогивая ни мало ея существа, т. е. оставляя ее сѣтью, скрѣпой, веревкой, договоромъ, обязательствомъ и законнымъ рабствомъ, но только желѣзной прочности. Поразительно, что Дернова этого не замѣчаетъ. Между тѣмъ отсюда и вытекъ западный гражданскій бракъ, какъ замѣна канцеляриста-патера канцеляристомъ-чиновникомъ, какъ простая передача отъ одного къ другому функціи, безъ всякой въ ней церемоніи и только съ устраненіемъ ея риторической торжественности. Дѣло стало проще, удобнѣе. Міръ отъ этого вздохнулъ. А патеры разодрали ротъ отъ негодованія въ сущности потому, что у нихъ была отнята власть и деньги. Ибо любви-то у нихъ къ браку и брачущимся, конечно, никогда не было, что видно изъ брако-разводнаго процесса, на западѣ столь-же гнуснаго, какъ и у насъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ этотъ терминъ „органическое“ слѣдуетъ запомнить въ устахъ священника, выслушанный и не опротестованный собраніемъ главнѣйшихъ представителей Петербургскаго духовенства. Очевидно „тайною“ и „таинствомъ“ и „закономъ Божіимъ“ зовется „органическое“. Но въ вѣнчаніи „органическаго“ ничего нѣтъ. И, слѣдовательно. самое сожитіе, а не вѣнчаніе есть „таинство“. Весь докладъ Дернова и его послѣдующіе труды (см. ниже), направленные противъ „органическаго“, т. е. дѣтей и сожительства, есть въ то же время разрушеніе таинства брака въ зернѣ его. *В. Р—въ.*

[3]) Это откуда новый курсивъ о „*нерасторжимости*“? Ни изъ чего предыдущаго онъ не вытекаетъ, и Поздревъ подвинулъ рукавомъ шашку, которой не было у него въ пальцахъ. *В. Р—въ.*

[4]) Вотъ это Прелово „разсѣченіе пополамъ живого человѣка“ и есть требованіе, чтобы дворники именовали *дѣвицею* мать трехъ дѣтей: а

Для чего же такое *тѣсное* соединеніе?

„*Отъ Тебе сочетавается мужу жена, въ помощь и въ воспріятіе рода человѣча*“. „*Твоя есть воля законное супружество и еже изъ него чадотвореніе*“—такъ опредѣляетъ Церковь цѣль брака въ церковныхъ своихъ молитвахъ въ чинѣ вѣнчанія. По разуму Церкви „половое влеченіе дано Самимъ Богомъ [1]) для распространенія и умноженія рода человѣческаго, а—проистекающая отъ отсутствія цѣломудрія склонность къ плотскому грѣху [2]) есть одно изъ главныхъ золъ, которыя проистекаютъ изъ первороднаго грѣха“.—Основавши человѣческое семейство, вложивши въ сердца мужа и жены взаимное влеченіе другъ къ другу [3]) и

слѣд. этихъ троихъ дѣтей объявленіе безъ-*матерными, сиротами*. Поразительно, что Дернову въ голову не приходитъ въ сущности кровавый смыслъ его доклада, и что притоны Скублинской и Масловской съ фабрикаціей въ нихъ „ангельчиковъ“ есть въ своемъ родѣ „Ясли для незаконнорожденныхъ“, сотворенные и смазанные елеемъ „милостивцемъ“ Дерновымъ и „иже съ нимъ“, и гдѣ сами-то Скублинская и Масловская суть не болѣе, какъ управительницы на наймѣ, прислужницы, а не хозяйки. И при строгой послѣдовательности, какъ воспитательные дома, такъ и вообще вся совокупность пріютовъ и пансіоновъ для незаконнорожденныхъ должна-бы быть передана во власть и на иждивеніе духовнаго вѣдомства, какъ сотворившаго и проводящаго въ жизнь понятіе незаконорожденности. *В. Р—въ.*

[1]) Да что же дѣлаетъ Дерновъ, какъ не оспариваетъ это во всей брошюрѣ! „Половое влеченіе дано Богомъ“. А „дитя“, плодъ „полового влеченія“? Развѣ хотя *единое* въ мірѣ дитя зачато безъ „полового влеченія“? Вѣдь не изъ „доклада“-же Дернова рождаются дѣти, пусть онъ будетъ даже и боговдохновененъ. Но все это—шашки Ноздрева, съ которымъ хочется бросить игру, и ведешь ее потому только, что по судьбѣ исторіи и игрѣ недоразумѣній находишься въ его владѣніяхъ, власти, подъ его жестокимъ чубукомъ и дѣлаешь bonne mine au mauvais jeu. *В. Р—въ.*

[2]) Тутъ въ одной и той же цитатѣ (не знаемъ, откуда взятой, но ясно не принадлежащей Дернову) сверху называется „Божіею волею“ то, что снизу черезъ три строки называется „текущимъ отъ первороднаго грѣха“. Ясно, однако, изъ послѣдующаго изложенія, что „уставъ консисторій“, регламентировавшій бракъ, по мнѣнію Дернова, „данъ Самимъ Богомъ“, а Библія и законы верховно-человѣческіе суть, по нему-же, „главное зло, проистекающее изъ первороднаго грѣха“. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ если этого „влеченія“ нѣтъ, нѣтъ и *содержанія* брака и слѣд. *его самого*. Тогда расторгните-же бракъ, гдѣ *умерло* „влеченіе“ Но вамъ и „влеченіе“ надо: это—украшеніе, оправданіе брака, и вы записываете его себѣ въ итогъ доходовъ, хотя ни малѣйше въ дѣловыхъ сужденіяхъ о бракѣ его не принимаете во вниманіе (разводъ). Но сбросьте, какъ не вамъ принадлежащее, всю эту *любовь, согласіе, чадородіе* — что есть и въ незаконномъ сожитіи -и у васъ получится подлинное ваше богатство: „договоръ, обязательство, законное рабство“ (см. выше). При ужасѣ отъ вида этой скудости вы и кидаетесь воровать и присвоивать себѣ плоды „незаконныхъ сожитій“: любовь, дружбу, чадородіе. Ибо ужъ, повѣрьте, въ „незаконныхъ-то сожительствахъ“ и любятъ другъ друга и рождаютъ дѣтей въ любви: ибо когда ихъ законъ не держитъ, что-же ихъ другъ около друга держитъ, какъ не любовь? *В. Р—въ.*

благословивши радости и утѣшенія семейной жизни, Творецъ въ этомъ самомъ союзѣ положилъ залогъ и обезпеченіе продолженія поколѣній. Главною цѣлію установленія супружества, слѣдовательно, было чадородіе [1]), облегчаемое утѣшеніями семейной жизни. Въ рожденіи дѣтей святый апостолъ указалъ естественное призваніе женщины и заслугу ея предъ Богомъ. „*Спасется жена ради чадородія*,—учитъ св. Павелъ (I Тим. 2, I, 15,—*если при этомъ пребудетъ въ вѣрѣ, и въ вѣрности, и въ любви, и въ святости съ цѣломудріемъ*“.

Спасется жена,—замѣчаетъ пр. Никаноръ Одесскій, -никакъ не громкимъ учительствомъ и ученостью, не отправленіемъ гражданскихъ должностей и не гражданскими доблестями, а тихимъ, святымъ и цѣломудреннымъ исполненіемъ природнаго призванія женщины: быть христіанскою матерью.

Итакъ, въ честномъ супружествѣ [2]) для женщины и мужчины земной путь къ небу

Какъ не могутъ прекратиться супружества, такъ не прекратится и размноженіе людей. Мысль о дѣтяхъ, заслоняемая на время въ супругахъ пылкостію первыхъ проявленій ихъ взаимной любви, внезапно возникаетъ въ нихъ по нѣкоторому тайному сознанію, что союзъ ихъ еще не полонъ, что сердце требуетъ дальнѣйшаго закрѣпленія его въ рожденіи дѣтей и сосредоточеніи на нихъ и въ попеченіи о ихъ взаимной любви отца и матери. Что это вѣрно, что это голосъ самой природы, свидѣтельствуетъ радость въ добрыхъ семействахъ о появленіи первенцевъ. Такое значеніе бракъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его *за таинство* и за *тайну* [3]). Въ этомъ удостовѣряютъ правила апостольскія и правила всѣхъ вѣковъ, запрещающія новообращеннымъ расторгать союзъ, заключенный до крещенія [4]). Въ

---

[1]) Если цѣль не достигнута и бракъ безплоденъ—опять почему не *расторгнете* его? Но и эта цѣль мнима, нужна автору въ риторическихъ цѣляхъ: а подлинная „цѣль брака“ — расширеніе „нашей компетенціи“, къ сожалѣнію, не распростершейся своевременно на всемірныя рыбныя ловли, „ибо Петръ былъ рыбакъ“. *В. Р—въ.*

[2]) Куда по всѣмъ доселѣ сказаннымъ словамъ, въ которыхъ авторъ и не заикнулся объ обрядѣ, относятся всѣ рѣшительно и мнимо-незаконныя, безъ-обрядныя сожительства. *В. Р—въ.*

[3]) Хорошо. Но вѣдь до сихъ поръ объ обрядѣ рѣшительно ничего не сказано. Описывается чисто *природный* и вмѣстѣ конечно нравственный фактъ семьи. Къ этому авторъ и привѣшиваетъ пломбу: „таинство, тайна по ученію церкви“. Откуда-же тема доклада: „незаконныя сожительства, незаконныя дѣти“? *В. Р—въ.*

[4]) Это очень важно. Языческій бракъ признавался и христіанскимъ духовенствомъ, такъ что при крещеніи двухъ супруговъ-язычниковъ, или одного супруга-язычника, крещеные продолжались считаться супругами, т. е. церковь принимала за „тайну“ и „таинство“ языческое супружество, и ужъ конечно не языческіе обряды его заключенія, а самое *состояніе въ супружествѣ*, т. е. просто *сожитіе и дѣторожденіе.*

этомъ удостовѣряетъ и самый церковный чинъ брака [1]). Въ немъ, во всѣхъ молитвахъ призывается благословеніе Божіе на мирное и благочестивое, цѣломудренное сожитіе супруговъ и возносится молитва о дарованіи имъ потомства, какъ древнимъ патріархамъ,— возносится молитва и за воспитавшихъ ихъ родителей [2]). Послѣднее показываетъ также важность *обязанности* родителей, возлагаемой на нихъ закономъ брака,—*воспитывать дѣтей*. Этому отвѣчаетъ и естественное желаніе неиспорченныхъ супруговъ имѣть дѣтей и ихъ неусыпныя заботы о воспитаніи дѣтей.

Итакъ, *божественнымъ закономъ* брака *выясняется и охраняется законъ естественный благословеннаго рожденія и добраго воспитанія дѣтей и непрерывной любви тѣхъ двухъ существъ*, отъ которыхъ дѣти происходятъ.

Въ послѣдствіи, какъ сказано Іисусомъ Христомъ, ради жестокосердія людей, по преступности ихъ, дозволенъ *разводъ*, но только для огражденія блага и чести семействъ отъ потока прелюбодѣянія [3]), посредствомъ отсѣченія отъ союза недостойной по-

---

Но оно вполнѣ тожественно съ нашими *незаконными сожитіями*: какое-же у церкви или закона основаніе ихъ не признать за *бракъ* и притомъ въ смыслѣ таинства? Отрицаніе этихъ сожительствъ и равняется тому, чего никогда апостолы не дѣлали: именно, какъ если бы апостолы и первая церковь считала язычниковъ—*супруговъ* послѣ крещенія вновь „дѣвицею“ и „холостымъ“, а дѣтей, отъ нихъ рожденныхъ, „незаконнорожденными“. *В. Р—въ.*

[1]) Тонкій софизмъ: „чинъ брака“—выше описанъ, это—„супружество и дѣти“. Теперь бы слѣдовало говорить: „церковный чинъ благословенія *на бракъ*“, „напутствіе *въ бракъ*“. Но простая потребность словосокращенія, какъ-бы писанія „т. е.“ вмѣсто „то-есть“, вызвала реченія: „чинъ брака“, „церковный чинъ брака“, откуда и пошла вся путаница. Пломба фабрики стала мѣшаться съ сукномъ фабрики, и на вопросъ: „дайте мнѣ кусокъ сукна“, покупателю начали давать пригоршню оловянныхъ шариковъ; на недоумѣніе отвѣчаютъ: „все—равно“, а при отказѣ взять это сокровище зовутъ полицію, составляютъ протоколъ и обвиняютъ протестанта 1) въ развратномъ желаніи имѣть сукно, 2) не признаваніи законной пломбы, 3) отрицаніи таинствъ и потрясеніи семьи. А сущность этой пломбы и заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ и имѣетъ цѣну и безъ семьи, а семья безъ пломбы—никакой цѣны не имѣетъ и даже есть преступленіе требовать для нея цѣны и оцѣнки. *В. Р—въ.*

[2]) Есть поговорка о „добрыхъ намѣреніяхъ“, что изъ нихъ гдѣ-то сдѣлана хорошая мостовая: то же можно сказать и вообще о всякихъ платоническихъ „благопожеланіяхъ“, если они не выразились въ соотвѣтственныхъ заботливыхъ законоположеніяхъ, на всѣ случаи жизни и разныя въ ней коллизіи. А этихъ-то законоположеній для супружества никогда и не было дано, кромѣ прописки въ одинъ паспортъ, да совѣта: „люби“. Тщетно Павла I мы считали-бы покорителемъ Италіи за то, что онъ Суворову, отправляющемуся противъ французовъ, сказалъ: „сынъ мой, изгони этихъ безбожниковъ изъ Италіи: впрочемъ помни, что ты христіанинъ, и не проливай много крови“. Слишкомъ кратко... *В. Р—въ.*

[3]) Ну, вотъ—сознались: что безъ развода—„потокъ прелюбодѣянія вторгается въ бракъ и нарушается честь семействъ“. Богословы наши какъ сонные. Казалось-бы, послѣ такихъ словъ, для „огражденія чести

ловины супружеской четы. И это вполнѣ естественно: въ случаѣ прелюбодѣянія идея органическаго и взаимнаго соединенія, т. е. внутренняя святость супружескаго состоянія, пропала для мужа и жены, и въ смыслѣ христіанскомъ прелюбодѣяніе есть смерть брака. Святой союзъ, установленный Создателемъ, не можетъ быть расторгнутъ безъ грѣха человѣческою волей.

Церковь требуетъ цѣломудрія и отъ супруговъ. Очевидно, что предъ современными намъ людьми надобно съ особенною рельефностію *выяснить*, что Церковь въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, даетъ *истинное понятіе и разумѣніе земныхъ формъ бытія:* величавая святость *добровольнаго* дѣвства, исполненная радостеи святость супружества, строгая святость вдовства [1]) все это, объединяяся въ цѣломудріи, держится одно другимъ и взаимно одно съ другимъ вяжется. Такимъ образомъ, въ Законѣ Божіемъ, содержимомъ Церковію, дается истинное понятіе о вещахъ духовныхъ, управляющихъ порядкомъ нашей земной жизни: лишившіеся же духовнаго разумѣнія своими заблужденіями утрачиваютъ украшавшій жизнь человѣка вѣнецъ —*цѣломудріе*, подъ которымъ разумѣется не только чистота тѣлесная, но и чистота духа, ума и сердца, соблюденіе себя и отъ разговоровъ нескромныхъ и отъ взоровъ не чистыхъ, и отъ слышанія чего либо неприличнаго, храненіе въ чистотѣ всѣхъ чувствъ своихъ, самыхъ мыслей своихъ [2] .

семей и чистоты брака" члены консисторій должны бы обхаживать улицы и дома и сами допрашивать, упрашивать: „не началось-ли въ дому прелюбодѣяніе", и при первомъ намекѣ на него, совѣтовать: „разойдитесь, разведитесь: что же это за бракъ съ грязнотцей". Но члены консисторіи какъ бѣсъ ладана трепещутъ развода, и прямо не отмѣнивъ словъ Спасителя о необходимости развода при прелюбодѣяніи, потребовали такихъ доказательствъ послѣдняго, избѣгая которыхъ (совершить совокупленіе на глазахъ двухъ посторонпихъ людей) и мужъ всякое прелюбодѣяніе перетерпитъ отъ жены, и жена всякое распутство перетерпитъ отъ мужа. Но сонный богословъ, пробормотавъ о „потокѣ прелюбодѣяній",заснулъ и, перевернувшись на другой бокъ, бормочетъ черезъ страницу о „неразводимости, какъ охранѣ *святости* семейнаго союза". *В. Р—въ.*

[1]) „Добрыя намѣренія", которыми адъ вымощенъ. Ты дай и создай *условія* законодательныя и бытовыя, *сотворяющія* все это. А то вѣдь и я могу счесть себя основателемъ идеальнаго духовенства, написавъ „въ сердцѣ своемъ" или, пожалуй, и на бумагѣ: „какъ высокъ іерей, вѣчно обращенный мыслью къ Богу. Онъ ходитъ среди народа—какъ добрый пастырь среди овецъ: поутру спѣшитъ въ школу; послѣ обѣда — напутствовать умирающаго; къ вечеру—крестить; и все это безмездно, изъ чистаго благоволенія, со всѣхъ сторонъ вызывая слезы благодарности въ человѣчествѣ". Не знаю, поблагодарили-ли бы іереи за такое благопожеланіе, возведенное въ юридическій уставъ. „Да мы издыхаемъ отъ труда и голода, и ничего этого не дѣлаемъ за физической невозможностью", крикнули бы они сильно и грозно. Такъ и міръ кричитъ о „благопожеланіяхъ" духовныхъ супружеству. *В. Р—въ.*

[2]) Совсѣмъ заснулъ человѣкъ и несетъ непзвѣстно что. Но такимъ-то „песепіемъ" наполнены на $^3/_4$, на $^1/_5$ всѣ въ розовыхъ и голубыхъ

Чѣмъ важнѣе законъ, тѣмъ *тщательнѣе* должно быть *примѣненіе* его, ибо всякая *небрежность* въ этомъ отношеніи вызываетъ у тѣхъ, кого законъ касается, ту мысль, что *легко можно* и *нарушить* его. А что обозначаютъ такъ участившіяся въ наше время нарушенія супружеской вѣрности, временныя разлученія супруговъ и разводы? Супружеская жизнь—всегда ли это нынѣ жизнь супруговъ-христіанъ? У всѣхъ ли супруговъ она проводится по христіански—въ чистотѣ, воздержаніи и цѣломудріи, и неизмѣнной другъ другу вѣрности? Какъ часто нынѣ слышатся то взаимныя измѣны, то разводы тутъ и тамъ,—какъ расходятся, едва успѣвши сочетаться, попирая такимъ образомъ святость брака, ни во что ставя обѣты, данныя предъ Богомъ и Его Церковію,—какъ разлучаются единственно изъ-за страсти къ другому лицу, изъ-за этой страсти бросая дѣтей, теряя стыдъ, совѣсть, дѣлая все это открыто, на соблазнъ другимъ, и въ то же время спокойно, какъ будто дѣло законное, часто побуждаемые къ этому ближайшими родственниками, чуть не всѣми извиняемые, оправдываемые подъ часъ самимъ судомъ [1]). Въ мірѣ ли христіанскомъ и еще православномъ этому быть? А между тѣмъ все это идетъ впередъ такими быстрыми шагами! Не показываетъ ли это, что есть какая-то причина, допускающая такое легкомысленное нару-

---

обложкахъ книжки и брошюрки „О христіанскомъ бракѣ“, „О христіанской семьѣ“, „О тайнѣ супружества“ etc. *В. Р—въ.*

[1]) Въ таблицѣ умноженія все отчетливо, и написавъ: „5 × 6=30“, не приходится стирать резиною написанное, но все *органическое* со ipso не ариѳметично, и это выражается въ томъ, что оно *не предусмотримо, не исчислимо, не доказуемо* и *совершается*, даже когда не можетъ себя *оправдать*. Тайна жизни выше тайны суда. *Судимъ* мы—раціонально: а жизнь имѣетъ корни событій въ себѣ—подъ судомъ, внѣ ratio. Посему-то „ариѳметика о бракѣ“ и ломалась всегда, или ломала бракъ: здѣсь должны быть выработаны мудрѣйшіе *принципы*, или уже самая сложная, почти необозримо сложная сѣть правилъ, каждо *годно* и каждо *мѣстно* дополняемая новыми случаями и столкновеніями жизни, разобранными мудрѣйшими людьми. Какъ *принципъ* я далъ: „бракъ *конченъ*—когда супружеское сожитіе окончилось безъ надеждъ или возможности возстановленія“; какъ сѣть правилъ, я далъ: „супружество кончилось и формально расторгается, или и безъ расторженія одному изъ супруговъ дается другой, въ случаяхъ: 1) неизлечимой болѣзни, 2) сумасшествія, 3) бѣгства, 4) доказаннаго жительства жены въ дому холостого человѣка, 5) проституціи или обращенія къ ней, 6) хронической жестокости или грубости, продолжающейся болѣе года, 7) преступленія, лишающаго чести“, и проч. и проч. Такимъ образомъ законъ долженъ быть *кратокъ* и *общъ* (принципіаленъ) до почти сліянія съ отсутствіемъ закона, или чрезмѣрно подробенъ; долженъ походить или „на принципъ свободной торговли“, приведшій Англію послѣ Адама Смита къ промышленному процвѣтанію, или на „покровительственную систему“ геніальнаго Кольбера, приведшую къ такому-же процвѣтанію Францію. Но въ бракѣ Европы, но для христіанскаго супружества мы имѣемъ что-то похоже на „румынское законодательство“, не то списанное у римлянъ, не то у цыганъ: мы имѣемъ какъ-бы дѣтскіе принципы „обмѣна вещами Франциска Ассизскаго съ

шеніе таинства брака? Церковный чинъ послѣдняго такъ составленъ, что истовое исполненіе назидательныхъ молитвъ его и тщательное исполненіе знаменательныхъ дѣйствій его должно производить и на брачущихся, и на всѣхъ присутствующихъ при бракосочетаніи *неотразимое впечатлѣніе* того, что—это есть *тайна* [1]), нарушить которую никто не можетъ и не долженъ осмѣливаться нарушить ее. Нѣтъ ли причины въ самихъ совершителяхъ этого таинства, въ ихъ небрежности, дозволяющей легкомысленно относиться и бракосочетающимся и присутствующимъ при бракѣ къ этому священному обряду [2])? Допуская возможность такихъ причинъ со стороны совершителей таинства, надо сказать, что самимъ пастырямъ уже никакъ нельзя допускать совершенія таинства скораго, небрежнаго,—одновременнаго вѣнчанія двухъ, трехъ и болѣе паръ,—одновременнаго совершенія бракосочетаній въ двухъ или трехъ предѣлахъ, ничѣмъ не отдѣленныхъ другъ отъ друга. Надо особенно заботиться о томъ, чтобы ничто не давало повода, со стороны совершителей таинства, присутствующимъ при бракахъ къ тому—прямо сказать—безобразному поведенію, которое мы вездѣ и всюду видимъ нынѣ. Это невозможное поведеніе присутствующихъ является одною изъ язвъ, вносящихъ болѣзненное поврежденіе въ тайну брака. Поведеніе присутствующихъ въ храмѣ, всегда благоговѣйное, въ этомъ одномъ случаѣ, при бракосочетаніяхъ, является нерѣдко невозможнымъ. Слишкомъ нескромное, даже безстыдное разглядываніе и оглядываніе присутствующими жениха и невѣсты, громкіе разго-

---

Ѳомою Кемпійскимъ", принятые въ таможенный уставъ, морской и сухопутный, цѣлаго европейскаго континента. Таковы-то суть перешедшія въ „Кормчую" „правила Василія Великаго о супружествѣ",—правила прежде всего никогда не жившаго въ супружествѣ и супружества никогда не наблюдавшаго человѣка, самая суть жизни и добродѣтелей котораго заключалась въ воздержаніи отъ супружества. Могъ-ли бы Кольберъ, хотя онъ имѣлъ и геніальный умъ, написать правила „охоты на бизоновъ". а Соколиный Глазъ, воспѣтый Куперомъ, хотя онъ тоже имѣлъ геніальный глазъ, могъ ли бы предначертать и обусловить для Франціи производство гобеленовъ и фарфора? *В. Р—въ.*

[1]) Да вѣдь выше „тайной"-то было вовсе не это. Но теперь авторъ перевернулся на другой бокъ, и мы невольно должны выслушать и разобрать вторую линію его бреда. Авторъ въ „чинѣ" написалъ невозможное заданіе: „покори Италію, не проливая крови"; но по его мнѣнію произноситъ это такъ *выразительно*, что всѣ должны быть растроганы и, такъ сказать, Италія не можетъ не пасть въ руки Суворова,—„не смѣетъ не пасть", добавляетъ повелитель. Перемѣняя методъ критики, мы спросимъ: „ну, а что, если Италія не покоряется, супруги—разъѣзжаются и послѣ вѣнчанія, то стало быть магической-то силы въ словахъ его и не содержится?" Вы говорите о микстурѣ: *„должна* подѣйствовать"; но я отвѣчу: „если однако не дѣйствуетъ—то стало быть и *не могла* подѣйствовать, не содержитъ въ себѣ *силы*". *В. Р—въ.*

[2]) Воспользуемся обмолвкой автора, что это *священный обрядъ*, что не одно и то же съ *таинствомъ*. *В. Р—въ.*

воры, нескромные шутки, смѣхъ и т. п. не даютъ часто бракосочетающимся никакой возможности сосредоточиться въ молитвѣ и съ полною вѣрою и надлежащимъ благоговѣніемъ принять благодать святаго таинства [1]). А нерѣдко можно видѣть, какъ—подъ вліяніемъ такого общаго настроенія и сами брачующіеся начинаютъ вести себя такъ же недостойно, какъ и присутствующіе, п—можно сказать посмѣваются надъ благодатію таинства. Богъ же поругаемъ не бываетъ: не *здѣсь* ли кроется причина, такъ называемыхъ, *несчастныхъ браковъ* [2]), особенно участившихся въ наше время? И не надобно ли позаботиться обставить совершеніе таинства брака полнымъ благоговѣніемъ и со стороны брачущихся, и со стороны присутствующихъ [3]) при бракосочетаніяхъ?

---

[1]) Выше было „священный обрядъ", а здѣсь „принятіе благодати святаго таинства". Авторъ стучитъ какъ костяшками на счетахъ словами „обрядъ" и „таинство" и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ внимательнѣе считаетъ на счетахъ, чѣмъ пишетъ богословско-публицистическое разсужденіе. Но авторъ долженъ-бы привести, однако конечно не можетъ привести ни изъ одного компетентнаго богословскаго труда доказательства, что *въ вѣнчаніи происходитъ низхожденіе благодати на брачущихся*. Ни въ *Коричей*, ни въ *Катехизисѣ*, ни въ догматическихъ и историческихъ трудахъ объ этомъ нѣтъ ни слова,—и вѣнчаніе есть въ точности только *обрядъ* и нисколько не *таинство*. *В. Р—въ*.

[2]) Вотъ куда заѣхалъ? Хотите ли вы счастія молодымъ вашимъ дѣтямъ, вступающимъ въ бракъ? Отыщите истово служащій клиръ. Но авторъ можетъ быть слыхалъ, что и у князей, даже у королей, у вельможъ и наконецъ у самаго даже духовенства браки бываютъ иногда не вовсе счастливы, а совершеніе-то обряда для нихъ ужъ вѣрно было „истово". Да и какъ-то странно представить себѣ мужа и жену, въ разгарѣ острой ссоры, вдругъ застывшими на мѣстѣ при воспоминаніи: „дорогой мой, помнишь-ли, какъ 15 лѣтъ назадъ я текла въ прозрачной фатѣ въ храмъ и хоръ грянулъ: *гряди, гряди, невѣста моя* и еще такъ альты залились? Я плачу! а ты? И можно-ли послѣ этого ревновать, сердиться за побои или не перенести пьянства?! Все тебѣ прощаю, и любовницу, и выдраную косу". Нельзя себѣ этого представить, и я ни разу въ жизни не встрѣчалъ не то что умилепнаго, а хоть и какого-нибудь воспоминанія объ обрядѣ супруговъ. Онъ забывается *какъ впечатлѣніе* на другой-же день послѣ него. *В. Р—въ*.

[3]) Всего бы лучше сдѣлать торжественнымъ какъ похороны. Ибо торжественности въ сторону *радости, восхищенія, восторга, свѣтло-тѣлесности*,—самаго *метода* на это нѣтъ и едва-ли можетъ быть въ линіи духовнаго скопчества. Но конечно брако-сочетаніе могло-бы стать истинно упоительнымъ въ линіи видѣній *Апокалипсиса*, какъ и *Книги Бытія* и вообще *Ветхаго Завѣта*, даже въ линіи преданій эллино-римскихъ. Попробуемъ нѣчто предположить. Очевидно, что въ церемоніялъ бракосочетанія должны быть введены идеи: 1) чистаго тѣла, 2) дѣтей, 3) дома и хозяйства. Послѣдняя часть наиболѣе отдаленная, но тоже важна: сюда можетъ входить торжественная передача ключей отъ *дома* жениха невѣстѣ: ибо она входитъ *хозяйкою* въ него, становится *домоправительницею*. Съ ключами ей могутъ быть переданы и символы постоянныхъ составныхъ частей хозяйства: напр. маленькая модель дома и сада, хлѣбъ и сосудъ съ виномъ или водой. Идея *дѣтей* и плодородія можетъ быть выражена черезъ кисть винограда, черезъ осыпаніе хмѣлемъ или вкушеніе какого нибудь плода.

Указавши причины, вносящія поврежденіе въ тайну брака при самомъ совершеніи этой тайны, нельзя обойти молчаніемъ и *причины, повреждающей* законъ *о ненарушимости* брака послѣ заключенія его: это извѣстная пастырямъ статья узаконенія нашего, требующая записывать дѣтей законными, хотя бы всѣмъ извѣстно было о незаконномъ происхожденіи дѣтей [1]).

Законъ можетъ по существу быть и благотворенъ; но онъ

Далѣе, омовеніе или помазаніе персей невѣсты и чрева ея, съ молитвою объ обильномъ чадородіи и безболѣзненномъ кормленіи дѣтей, должно-бы тоже войти въ церемоніалъ. Идея *чистаго тѣла* есть главное, и она должна выразиться въ полномъ тѣлесномъ омовеніи, черезъ погруженіе въ освященную воду, нѣчто въ родѣ цѣлительной Силоамской купели, какъ одного, такъ и другой. Въ древнее время вѣнчаніе совершалось послѣ литургіи сейчасъ, а на литургіи этой новобрачные причащались; такимъ образомъ вѣнчаніе сливалось съ таинствомъ евхаристіи. Это было глубоко и мудро. Вотъ, говоря о проведеніи идеи чистоты тѣлесной, я и хотѣлъ-бы, чтобы въ вѣнчаніе былъ введенъ обрядъ погруженія въ воду,—наединѣ священникомъ, для этой цѣли престарѣлымъ, сперва жениха и потомъ невѣсты, порознь и отдѣльно, въ особо построенномъ шатрѣ, за занавѣсями, въ бассейнъ воды освященной, въ родѣ крестильной купели, но безъ крестильнаго значенія. Далѣе, съ принятіемъ монашества—имена мѣняются: собственно, новозавѣтный идеалъ есть дѣвство; а съ супружествомъ мы переходимъ въ ветхій завѣтъ, и было бы праведно и поэтично въ вѣнчаніи на мѣсто прежнихъ именъ, — обыкновенно въ память мучениковъ и страдальцевъ новозавѣтныхъ, -получать сочетающимся имена или библейскія, или древнеславянскія, первобытныя, или, такъ какъ они входятъ съ бракомъ въ природу, получать въ собственныя и личныя имена названія существъ природныхъ, братьевъ и сестеръ своихъ, особенно напр. цвѣтовъ. Также могутъ брать имена и эллинскія и римскія. Черезъ это духовный горизонтъ нашъ расширился-бы и вобралъ-бы въ себя, на сестринскомъ и братскомъ правѣ, міръ библейскій и славянскій и греко-римскій и наконецъ природный. Я это накидываю наскоро, подумавъ всего минуту; а подумавъ годы—можно соткать чудное одѣяніе, звѣздное и растительное, въ церемонію браку. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть непремѣнно на дому,—ибо и домъ есть храмъ, да и не только обряды, но и таинства, какъ причащеніе и крещеніе, могутъ совершаться на дому: но чтобы обрядъ вѣнчанія перешелъ въ таинство *брако-сочетанія*, конечно въ него должно быть введено то, что служитъ фундаментомъ для него въ Словѣ Божіемъ. Вообще таинство брака, будучи тайною крови и сѣмени, должно включать ихъ сліяніе; а въ ритуалахъ и пѣснопѣніяхъ должно отразиться постиженіе или догадка или приближеніе къ ихъ мистицизму. *В. Р—въ.*

[1]) Это очень милый законъ: на имя *отца* записываются дѣти отъ него и отъ любовниковъ, сколько бы объ этомъ ни свидѣтельствовалъ мужъ, любовникъ и обоихъ ихъ жена, и хотя бы объ этомъ очень хорошо зналъ священникъ. Но признавъ по этимъ законамъ полиандрію, мы почему-то попятились назадъ передъ полигаміей:—мужъ не можетъ списать себѣ дѣтьми дѣтей отъ любовницъ: и égalité, и fraternité нарушено. Оставляя шутки, можно назвать серьезно теперешнія метрики просто амбаромъ фальшивыхъ документовъ: ибо хотя тамъ много и истинныхъ, но какъ они не отличимы отъ безспорно ложныхъ, то приходится компактно всѣ ихъ признать не достовѣрными. Въ виду этого семьянинамъ, и всего лучше матерямъ

можетъ бездѣйствовать почему либо и не приносить благотворныхъ послѣдствій. Законъ будетъ благотворенъ тогда, когда онъ можетъ быть *приложенъ безъ* всякаго *препятствія* съ какой либо стороны: иначе—потребно законодательное измѣненіе его. Такъ и относительно брака: здѣсь есть статьи узаконеній, которыя поставляютъ совершителей таинства въ полную невозможность совершить его. Это—узаконенія о тѣхъ документахъ, какіе священники обязаны требовать отъ имѣющихъ вступить въ бракъ, какъ-то: свѣдѣнія объ окликахъ, часто, особенно здѣсь въ столицѣ, ничего не доказывающія, и при современномъ положеніи этого дѣла имѣющія характеръ полной безсмыслицы; паспортная система, при которой въ паспортахъ не бываетъ точнаго указанія о томъ: холостъ или вдовъ и т. п., что весьма часто поставляетъ священниковъ въ большое затрудненіе. Эти статьи требуютъ законодательнаго измѣненія,—слѣдовательно и ходатайства объ этомъ со стороны пастырей, которые должны указать кому слѣдуетъ, что неисполненіе ими статьи, напр., объ окликахъ подвергаетъ ихъ отвѣтственности, а отказъ—кого либо повѣнчать безъ окликовъ—весьма часто является *прямымъ* поводомъ къ сожительству безъ церковнаго вѣнчанія, т. е. эта статья закона невольно служитъ поводомъ къ распространенію незаконныхъ сожительствъ. Притомъ же—эта статья узаконенія не есть ли *привнесенная* въ наше законодательство отъ инуду, но не *вызванная* самимъ *бытомъ* нашего народа.

Затѣмъ есть законодательныя *статьи*, прямо таки *препятствующія* вступать въ бракосочетаніе *людямъ, достигшимъ полной физической зрѣлости*, и этимъ прямо наталкивающія ихъ на незаконныя сожительства: разумѣемъ законъ о военныхъ [1]), т. е. законъ о срокѣ вступленія въ бракъ не ранѣе полученія извѣстнаго оклада содержанія, т. е. на самомъ дѣлѣ—не ранѣе послѣдняго періода возмужалости. Требуется настойчивое заявленіе со стороны пастырей объ *отмѣнѣ* этого закона или же объ *измѣненіи* его, при чемъ слѣдуетъ тщательно обсудить, у кого больше будетъ усердія къ службѣ, мужества и рѣшимости на войнѣ: у

семейства, съ абсолютностью знающимъ, чьего ребенка носитъ она въ чревѣ, завести *домовыя родовыя записи*, всего лучше на поляхъ Домашней Библіи, предоставивъ консисторіямъ и причтамъ писать, что и какъ они находятъ нужнымъ. Ибо нельзя-же мірянамъ не знать своихъ дѣтей достовѣрно, а теперь достовѣрно нельзя ихъ знать. *В. Р—въ.*

[1]) „По сему закону офицерамъ вовсе запрещено вступать въ бракъ ранѣе 23 лѣтъ, съ ограниченіями до 28 лѣтъ,—а проектомъ новаго закона предполагается запретить имъ вступленіе въ бракъ до полученія такой должности и чина, по которымъ они могутъ получать содержаніе въ нѣсколько тысячъ и достиженіе которыхъ возможно лишь послѣ 30-лѣтняго возраста,—и то не для всѣхъ". Примѣчаніе *А. Дернова.*

семейнаго или же у холостаго?—Не для своихъ ли семействъ трудятся отцы, но за нихъ ли умираютъ они на поляхъ брани [1]).

---

[1]) Тутъ слѣдуетъ поступить такъ, какъ католическая церковь съ духовенствомъ. Для удобствъ службы, связанной съ необходимостью всегда быть готовымъ пойти въ другое мѣсто, въ миссію и проч., священники католическіе безъ-семейны, но не безъ-брачны: конкубинатъ имъ разрѣшенъ и нѣкоторые соборы, какъ Констанцскій и Тридентскій, занимались обсужденіемъ числа дозволенныхъ конкубинъ. Причемъ, какъ идея конкубината включена въ ученіе и практику церкви, незаконнорожденность не составляетъ позора, и преступленія дѣтоубійства не происходитъ. Но, конечно, это несовершенно, и римская идея конкубины должна замѣниться у насъ идеей жены: молодость, сила и красота военнаго сословія, не только въ офицерской, но и въ солдатской части, совершенно обезпечиваютъ за ними, при множествѣ теперешнихъ безъ-мужнихъ вдовъ и безъ-мужнихъ зрѣлыхъ дѣвицъ, исполненіе словъ пророка Исаіи: „и ухватятся семь женщинъ за одного мужчину въ тотъ день и скажутъ: *свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду будемъ носить*, только пусть будемъ называться твоимъ именемъ, -сними съ насъ позоръ“, т. е. дѣвства, бездѣтности (Исаія, гл. 4 ст. 1). И такъ, долженъ быть установленъ *материнатъ* въ странѣ, параллельный и равно-законный съ *патернатомъ*: гдѣ есть mater familias, во всемъ равная pater familias. Ея дѣти, отъ офицера или солдата, всѣ носятъ фамилію матери и знаютъ имя и фамилію отца (дабы вспоминать его въ молитвахъ), но только отецъ никакихъ обязанностей передъ ними и ихъ матерью не несетъ, какъ и никакими-же правами—кромѣ почтенія и уваженія—не пользуется. Нѣтъ сомнѣній, множество такихъ семей перейдутъ въ полныя отцово-материнскія семьи, теперешняго типа, къ которымъ отцы привяжутся и, не оставляя имъ своего имени, останутся въ нихъ своимъ присутствіемъ. Другія пойдутъ по типу теперешняго вдовства—состоянія совершенно чистаго и невозбраннаго. Но какъ проституціи, такъ и безшабашнаго связыванья себя съ прислугою или кафе-шантанными пѣвичками—не будетъ: ибо кто же, находящійся въ возможности имѣть женою себѣ чистую и изъ чистаго семейства дѣвушку, или богатую вдову, обратится къ торговой любви? Вопросъ съ пришлымъ рабочимъ населеніемъ, фабричнымъ, мастеровымъ, извознымъ разрѣшается-же удобно черезъ материнатъ. Я зналъ въ городѣ Е. богатаго протоіерея, у котораго былъ домъ и шесть дочерей: никто имъ не сдѣлалъ предложенія, ибо $^1/_6$ часть отцовскаго имущества уже не составляла достаточнаго приданаго. И вотъ бывало вечеромъ, въ лѣтній день, какая тоска была видѣть, какъ по-двѣ, по-три и въ одиночку онѣ выходятъ въ калитку, чтобы итти на бульваръ. Всѣ онѣ стали озлобленными нигилистками, а отецъ ихъ (очень умный, просвѣщенный, хорошій эллинистъ и латинистъ) былъ угрюмъ и не любилъ своего сословія, выражаясь о немъ грубо и презрительно. Но у дѣвушекъ этихъ, теперь около 30 лѣтъ, были свои 16—17 лѣтъ, когда онѣ были привлекательны: никто ихъ не полюбилъ настолько, чтобы принять на себя ту „бочку Данаидъ“ обязанностей, какую мужъ долженъ теперь принять, и между ними самая страшная: всю жизнь пролюбить только эту сѣренькую, безцвѣтную дѣвушку, не умную и не глупую. Явно, что положеніе это только и находитъ исходъ въ материнатѣ: юноша 17 лѣтъ, или молодой офицеръ могъ имѣть съ нею романъ года на 2—6, она могла получить 2—3 дѣтей; и не вздыхая объ ушедшемъ, какъ-бы умершемъ, мужѣ, согрѣть жизнь старика — отца двумя внуками, которые не объѣли бы его, да и онъ не былъ вовсе скупъ. Такимъ образомъ жизнь осмысливалась бы: 1) у дѣда, 2) его

подобно тому, какъ матери бросаются въ огонь и въ воду для спасенія своего дитяти [1]) отъ гибели?

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на тѣ *причины, по которымъ* многіе молодые люди *уклоняются* нынѣ *отъ вступленія въ бракъ*, признавая въ то же время его важность и святость. Однѣ изъ нихъ *дѣйствительныя*, а другія *мнимыя*,—но тѣ и другія невольно иногда приводятъ таковыхъ людей, удерживающихся отъ исполненія закона, къ незаконнымъ сожительствамъ.

Одна изъ таковыхъ причинъ — соціальная и экономическая: невозможность прилично содержать семейство и дороговизна воспитанія дѣтей [2]). Эта причина дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

Какъ измѣнить экономическія условія—это, конечно, не въ сферѣ пастырскаго вліянія.

Другія отговорки отъ вступленія въ бракъ: „нелюбовь къ семейнымъ непріятностямъ и заботамъ, къ ухаживанію за больными, къ крикамъ дѣтей", и проч. *выказывающія* таковыхъ людей полными *эгоистами*,- или „указаніе на трудность найти себѣ хорошую жену", выборъ которой похожъ будто бы „на лотерею безъ надежды получить выигрышъ" [3]), отзывающееся *полнымъ*

дочери, 3) сопровождалась-бы бытіемъ двухъ дѣтей, 4) очистила-бы, избавивъ отъ грязи, половую жизнь юноши или офицера на два года. Если-бы этотъ отецъ каждой своей дочери позволилъ имѣть двоихъ дѣтей—домъ его, деревянный, двухъ-этажный, съ большимъ садомъ, расцвѣлъ бы двѣнадцатью дѣтьми: и его дочери изъ нигилистокъ-одиночекъ сдѣлались-бы тихими и уже невольно трудолюбивыми матерями. *В. Р—въ.*

[1]) То-то вотъ. Каково же имъ убивать дѣтей своихъ, къ чему вы такъ явно гоните ихъ самою темою своего доклада. *В. Р—въ.*

[2]) Матернатъ, при богатствѣ множества зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ дѣвъ и вдовъ, есть первое разрѣшеніе экономическаго вопроса въ бракѣ. Богатство дѣвъ и вдовъ теперь идетъ на умомрачительныя наряды, косметику, заграничныя путешествія, выѣзды и подарки опернымъ пѣвцамъ: тогда бы оно шло на своихъ дѣтей. Вообще тогда жизнь и ея тонъ стали бы скромнѣе и трудолюбивѣе. Второй столбъ разрѣшенія экономическаго вопроса—въ упраздненіи понятія незаконнорожденныхъ дѣтей: тогда богачи, и теперь все равно не выдерживающіе типа моногаміи, подобрали-бы себѣ сиротъ-дѣвушекъ, сгруппировали ихъ вокругъ себя. Вообще въ законодательство о бракѣ должна быть вобрана и внимательно разработана идея дѣвушки: 1) сироты, 2) бѣдной, 3) некрасивой, 4) даже уродливой, 5) слабаго здоровья,—каковыя всѣ у мудраго законодателя должны получить дѣтей, ибо такова о нихъ мысль Божія, вложенная въ ихъ органамъ. *В. Р—въ.*

[3]) Всѣ эти строки вполнѣ основательны: отсутствіе развода по волѣ мужа повело къ чудовищнымъ нравамъ, снявъ всякую узду съ женщинъ; ужъ если *законно* она можетъ уйти отъ мужа, поселиться въ домѣ любовника и дѣтей отъ него записывать на имя мужа, то чего-же стѣсняться! „Carte blanche" на всякое поведеніе дана имъ, и во всѣхъ случаяхъ, когда мужъ не умѣетъ держать арапника въ рукахъ—ей рѣшительно бояться нечего. При полной свободѣ развода—ни одного холостого мущины не осталось-бы. *В. Р—въ.*

легкомыслі́емъ и несправедливостью [1]),—указываютъ только на стремленіе найти какое либо оправданіе для своей безпорядочной жизни, которая несомнѣнно и вліяетъ на нарушеніе супружеской вѣрности и на появленіе ужасающей массы незаконнорожденныхъ.

Оффиціальная статистика послѣднихъ показываетъ, что приблизительно одна треть зарегистрованныхъ рожденій всего петербургскаго народонаселенія есть рожденія *незаконнорожденныя* [2]), и притомъ въ большинствѣ, что и ужасно, православныхъ матерей [3]), и это соотношеніе остается неизмѣннымъ и при увеличиваніи народонаселенія. Но при этомъ нужно замѣтить, что эти статистическія данныя не *составляютъ вѣрнаго* показанія числа незаконныхъ сожительствъ и преступныхъ связей, ибо никакъ нельзя зарегистрировать связей холостыхъ людей съ замужними, при коихъ, какъ было сказано выше, родившіяся дѣти показываются законнородившимися,—также принять надобно во вниманіе массу подкидышей, загубленныхъ и задушенныхъ [4]) при самомъ рожденіи младенцевъ и вытравленныхъ зародышей, а также и то, что не всѣ незаконныя связи имѣютъ результатомъ рожденіе или зачатіе: и мы можемъ приблизительно представить себѣ *ужасающую массу* незаконныхъ сожительствъ и слабость показаній статистики.

---

[1]) Несправедливость и легкомысліе—только въ вашихъ, батюшка, сужденіяхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Прелестно! Аскетическій „виноградарь“ брака и не замѣчаетъ, каково его хозяйство, или каковъ онъ хозяинъ, если одну треть ягодъ находитъ дѣйствительно или объявляетъ испорченною и не только срываетъ съ вѣтви, но и выбрасываетъ вонъ за заборъ виноградника. Вспоминаются слова притчи: „ . . . ты жестокій человѣкъ, берешь—*чего не клалъ*, и жнешь, чего не сѣялъ“. Аскетъ дѣтей не „сѣялъ“ и „жнетъ“ ихъ безстрастно, рѣшая: „треть всѣхъ отнять у матерей, или даже у матерей и отцовъ, и объявить, какъ незнаемо отъ кого родившихся—лежащими внѣ насажденнаго мною скопческаго виноградника“. *В. Р въ.*

[3]) Конечно, онѣ не болѣе страстны, чѣмъ не православныя: но законъ у инославныхъ покрываетъ, такъ сказать зачерпываетъ въ ковшъ свой полноту женской и мужской страстности и бережно выноситъ на берегъ весь плодъ ея, сумму всѣхъ рожденныхъ дѣтей. Такъ въ чужихъ худыхъ вѣрахъ, у жидовъ, татаръ и даже частью у лютеранъ; у насъ-же, праведныхъ, ковшъ идетъ бокомъ въ озеро страстности, отдуваетъ въ сторону и комаровъ и верблюдовъ, и поднимаясь какъ можно быстрѣе съ горсточкой воды кверху, говоритъ: „вотъ эти скопческія дѣти суть плодъ цѣломудрія, а оставшееся внизу озеро—есть блудъ: выплесните его за ограду моихъ владѣній“. *В. Р—въ.*

[4]) И все пишетъ спокойно священникъ!! Въ „Жизни европейскихъ народовъ“ Водовозовой я читалъ, что въ Альпахъ водится каменный баранъ: гонимый охотникомъ, волками или орломъ, онъ съ страшной высоты бросается въ пропасть—и, падая прямо на рога, иногда подскакиваетъ отъ упругости ихъ кверху сажени на 2 въ воздухъ, оставаясь живъ, а рога не сломаны. Вотъ такіе рога выростаютъ иногда у богослововъ къ ихъ благополучію: и тогда имъ ничего не страшно. *В. Р—въ.*

Невольно напрашивается вопросъ: нѣтъ ли причины этого зла болѣе основной, болѣе существенной, чѣмъ всѣ выше-приведенныя, которыя обусловливаются сами, можетъ быть, ею?

Отвѣтомъ на это служатъ слова: *необузданная страсть* [1]) къ плотскимъ наслажденіямъ [2]).

А причины этой страсти весьма многоразличны.

Прежде всего люди могутъ впадать въ такую страсть, нарушать законъ, вслѣдствіе полнаго *невѣдѣнія* или непониманія закона, поставленнаго для управленія порядкомъ жизни человѣческой, земной, т. е. такъ будучи воспитаны: при полномъ невѣдѣніи [3]) закона.

Какъ это ни странно, но приходится сознаться, что мы—законоучители—являемся въ странномъ положеніи по отношенію къ этому именно вопросу.

Въ большинствѣ учебныхъ заведеній администрація ихъ зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы седьмая заповѣдь и все, относящееся къ ней, совершенно игнорировались законоучителемъ, совершенно замалчивались,—чтобы законоучитель не читалъ тѣхъ мѣстъ евангелія, которыя говорятъ о чемъ либо подобномъ,—чтобы на богослуженіи не читалъ евангелія, напр. на Богородичные праздники и т. п. Ригоризмъ доходитъ до того, что администраторы выкидываютъ слова и выраженія изъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ, чтобы, говорятъ, не осквернить дѣтскаго слуха и не навести дѣтей на какія либо нецѣломудренныя мысли [4]). И ростутъ дѣти, не слыша живого, разумнаго, авторитетнаго слова о томъ, что составляетъ законъ человѣческой жизни, первые проблески котораго обнаруживаются еще въ раннемъ дѣтствѣ проявленіями

---

[1]) Вотъ я и ждалъ этого слова. Гдѣ-же исходное заявленіе доклада: „этотъ законъ природы проявляется и дѣйствуетъ неизбѣжно во всякомъ человѣкѣ, достигшемъ физической зрѣлости. Вліянію его равно подлежитъ жизнь юноши и дѣвицы. Законъ этотъ установленъ и освященъ Самимъ Богомъ и по существу своему составляетъ великую тайну?“ Но—„что невозможно для охотника, возможно для каменнаго барана“. *В. Р—въ.*

[2]) Замѣтимъ слѣдующее: „страсть къ плотскимъ наслажденіямъ“ приводитъ въ домъ терпимости; да и тогда зачѣмъ выборъ *этой одной* или *этого одного?* Притомъ „наслаждаться“ можно и съ мужемъ, а авторъ говоритъ о связяхъ между прочимъ замужнихъ женщинъ съ холостыми. Явно, что „связи“ суть полные браки, живые и цѣльные, или выросшіе въ сгнившемъ дуплѣ стараго брака (связь замужней или женатаго), или просто въ сторонѣ скопческаго огорода (связь дѣвицы, положимъ, съ офицеромъ). Во всякомъ случаѣ, поразительное свидѣтельство нашей „статистической“ тупости, что не отмѣчены и не классифицированы въ категоріи виды, формы и мотивы „сожительствъ“. *В Р—въ.*

[3]) Да нечего его и „вѣдать“, а достаточно чувствовать въ крови и костяхъ своихъ: этому чувству всѣ и повинуются. *В. Р—въ.*

[4]) Что у аскетовъ было „грѣхъ и беззаконіе“, то при исчезнувшемъ аскетизмѣ осталось какъ „неприличіе“. Но мѣсто „неприличія“ точно совпадаетъ съ мѣстомъ бывшаго „грѣха“, и такимъ образомъ вина всего

стыдливости, а съ отчетливою ясностью онъ проявляется въ періодѣ ранней юности; и получаютъ дѣти всѣ свѣдѣнія касательно этого закона—изъ нечистаго источника и являются сами съ нечистымъ воображеніемъ, распаляющимъ плотскую страсть и похоть, безъ всякой нравственной узды [1]).

Является крайняя необходимость предъ учащимися наименовать, какъ говоритъ катихизисъ, нѣкоторые грѣхи для предохраненія отъ нихъ, *и дать здравыя понятія* для юношества, вступающаго въ жизнь, объ условіяхъ правильнаго отправленія того закона, который является самымъ важнымъ закономъ въ порядкѣ земной жизни человѣчества [2]).

Иначе, по выходѣ изъ школъ, юношество, не утвержденное отеческими наставленіями законоучителя [3]), потерпитъ очень много опасностей въ нравственномъ отношеніи. Каждый юноша, въ возрастѣ между періодами наступленія зрѣлости и возмужалости, предоставленный самому себѣ, неминуемо встрѣчается въ жизни, при современныхъ ея условіяхъ, съ самыми разнообразными искушеніями,—при этомъ наиболѣе серьезную опасность представляетъ для него область половыхъ отношеній, въ которой онъ при искушеніяхъ оказывается безпомощнымъ. И, при установившихся обычаяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, когда законоучителю не дозволяютъ обмолвиться и однимъ какимъ либо сло-

---

дѣла, даже въ нашъ атеистическій вѣкъ, все же лежитъ на аскетизмѣ. И дѣтоубійство—отъ него, и страхъ узаконить „не-легальныя“ связи: всѣмъ кажется невозможнымъ нарушить приличіе; но эта пустота сегодняшнихъ „приличій“ имѣетъ подъ собой религію вчерашняго дня, когда казалось невозможнымъ помириться съ грѣхомъ. *В. Р—въ.*

[1]) Едва-ли бы учитель или и законоучитель скопческаго духа и направленія сумѣлъ отроковъ и юношей научить „закону“: раввинъ это сумѣетъ, и сумѣетъ мулла, и, вѣрно, дѣлаютъ. Но Дернову запутался-бы въ рясѣ, упалъ на страшные свои рога, и начавъ съ „закона Божія, закона природы“, кончилъ бы: „а вы грѣха бойтесь, на картинки не смотрите, музыки не слушайте: а читайте на каждый день изъ *Миней* по два житія: и тѣмъ исполните законъ Божій, выраженный въ Синайскомъ законодательствѣ черезъ заповѣдь: не прелюбодѣйствуй“. Словомъ—онъ бракъ свелъ бы къ безбрачію, „законъ Божій“—къ воздержанію, а чадородіе и силы пола—выкинулъ бы какъ „разженіе страстей“. Вѣдь по этому плану и лишь растянуто написаны рѣшительно всѣ книжки „О христіанскомъ бракѣ“. *Тезисъ:* „бракъ благословенъ Богомъ“. *Антитезисъ:* „дѣвство поставлено выше Сыномъ Божіимъ“. *Синтезисъ:* „ты — воздерживайся, иначе подлежишь гееннѣ огненной“. *В. Р—въ.*

[2]) Законы—не для „пониманія“, а для „исполненія“: и (см. выше) при достиженіи отрокомъ лѣтъ зрѣлости ему должна быть дана дѣвица, а дѣвицѣ при достиженіи таковыхъ же лѣтъ зрѣлости долженъ быть данъ юноша. Вотъ—и все. И тема Дернова—кончена. *В. Р—въ.*

[3]) Да „утвердить“-то можно только операціей оскопленія. А то у меня волосы растутъ, а Дернову станетъ мнѣ говорить, что не должны расти: неужели они отъ этого не выростутъ? *В. Р—въ.*

вомъ объ основномъ законѣ [1]), лицемѣрно предполагая, что законоучитель чрезъ это научитъ учащихся безнравственности, громадное большинство нашей молодежи будетъ обречено всѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ собственнаго невѣдѣнія, случайнаго увлеченія и пр. и на всю жизнь можетъ остаться нарушителемъ закона, вовсе и не подозрѣвая, что оно ведетъ жизнь беззаконную.

А въ самой средѣ учащихся сколько есть противоестественныхъ нарушеній нравственности, именно по *невѣдѣнію* дѣтьми, что они творятъ, или что съ ними творятъ? А законоучитель лишенъ возможности отечески разъяснить всему учащемуся юношеству основное условіе закона или заповѣди, воспитатели же лицемѣрно стыдятся говорить что либо о таковыхъ вещахъ.

Весьма полезнымъ будетъ, если особая конференція законоучителей, или же и все настоящее собраніе пастырей тщательно обсудитъ этотъ вопросъ и выработаетъ ясныя указанія, какъ тактичнѣе всего дѣйствовать законоучителю въ этомъ отношеніи [2]). А пастырски и отечески дѣйствовать тутъ крайне необходимо, ибо гибельныя послѣдствія *невѣдѣнія* всей серьезности и христіанскаго существа этого закона явны для всѣхъ, кто поближе стоитъ къ учащейся средѣ.

Тѣмъ болѣе это является необходимымъ, если мы разсмотримъ ту широкую область причинъ, велѣдствіе коихъ *основной законъ* въ порядкѣ земной жизни человѣчества *отрицается на практикѣ*. И это отрицаніе нынѣ начинается едва ли не въ дѣтскомъ возрастѣ, причиною чего является педагогическое развитіе чувственности, являющейся основою для растлѣнія духовнаго. Родители и воспитатели своими ошибочными пріемами или неправильными воззрѣніями нерѣдко прямо-таки приводятъ дѣтей къ нарушенію закона [3]), а затѣмъ и къ отрицанію, а иногда и къ полному извращенію,—до болѣзненности.

Насколько родителямъ и воспитателямъ надобно внимательно относиться въ дѣлѣ воспитанія именно къ этому основному за-

---

[1]) Ничего вы не скажете, кромѣ дѣвства, „потерпите“ и проч. Невозможно стало вамъ говорить, а потому и васъ нечего стало слушать. Трудно сказать, какъ это разрѣшить, я думаю—черезъ взаимо-совѣтованіе педагога, доктора и родителей, скорѣй всего съ полнымъ устраненіемъ несчастнаго, потерявшаго свою науку „законо“-учителя. *В. Р—въ.*

[2]) Нечего. Не умѣете дѣйствовать. И вѣдь „конференція„ слушателей ничево-хонько не отвѣтила докладчику своему. Одинъ глаголъ остался: „потерпи, юноша! потерпи, дѣвица!“ Но вѣдь это есть отмѣна закона Божія и природнаго. *В. Р—въ.*

[3]) Да *какого* закона? Только закона дѣвства? Такъ онъ не *внѣдренъ* въ человѣка, а навязанъ ему какъ „заповѣдь новая“ и древній законъ отметающая. Оттого и запираютъ подъ замокъ въ „общежитіяхъ“ пріявшихъ эту новую заповѣдь. Да и замки не удерживаютъ, и трупы младенцевъ вытаскиваются изъ рѣчекъ, колодцевъ и помойныхъ ямъ поблизости „обителей“. Объ этомъ есть и въ житіяхъ. *В. Р—въ.*

кону въ порядкѣ земной жизни человѣчества,—видно изъ указаній врачебной науки на то, что „не смотря на всѣ средства для обузданія чувственныхъ страстей, которыя культурному человѣку даетъ религія, воспитаніе и нравственность, послѣднему всегда грозитъ опасность упасть съ лучезарной высоты чистой и цѣломудренной любви въ пучину низменной похоти".

Чтобы удержаться на этой высотѣ, требуется постоянная борьба между природнымъ инстинктомъ и нравственной порядочностію, между чувственностію и нравственностію [1]).

Какъ, слѣдовательно, надобно быть осторожнымъ, чтобы не посодѣйствовать чѣмъ-либо развитію чувственности, напримѣръ, хотя бы изнѣженностію.

Періоды нравственнаго упадка въ жизни народовъ совпадаютъ иногда съ эпохами изнѣженности, роскоши и распущенности. Эти явленія мыслимы только при повышенномъ напряженіи нервной системы, которая должна приноровиться къ наростающимъ потребностямъ. Съ возрастаніемъ нервности происходитъ усиленіе *чувственности*, ведущей къ развращенію народной массы и подрывающей общественныя основы, нравственность и чистоту семейной жизни. А исторія показываетъ намъ, что разъ общественные устои разрушены развратомъ, прелюбодѣяніемъ и роскошью, разрушеніе государственной жизни, матеріальное, моральное и политическое паденіе становятся непзбѣжными, -слѣдовательно, съ какою внимательною осторожностію надобно воспитателямъ слѣдить за стремленіями пробуждающейся половой жизни юношества (зачатки которой, въ видѣ неясныхъ ощущеній и смутнаго томленія, можно прослѣдить еще задолго до развитія половой зрѣлости),—чтобы она не обратилась въ чувственность.

Половой инстинктъ развивается изъ ощущеній, происходящихъ вслѣдствіе созрѣванія [2]) половыхъ органовъ. Ощущенія эти возбуждаютъ вниманіе индивидуума. Подъ вліяніемъ чтенія, впечатлѣній изъ общественной жизни (въ настоящее время, къ со-

---

[1]) Ну, вотъ—это единственно и умѣете сказать. *В. Р—въ.*

[2]) Такъ вѣдь вамъ-же предстоитъ или сократить, расхолодить, предупредить „созрѣваніе", т. е. попросту — оскопить; или—удовлетворить. Съ точки зрѣнія религіи брака конечно надо удовлетворить, а съ точки зрѣнія религіи дѣвства конечно надо оскопить этотъ совершенно неизбѣжный, какъ ростъ волосъ или созрѣваніе яблока, процессъ. Но вы странные люди: посѣвъ сдѣлалъ Богъ а жатву будто бы дѣлаетъ чертъ: весна—прекрасна, а осени и „гроздій" ея—не нужно. Очевидно, разрѣшеніе дилеммы лежитъ или въ упраздненіи религіи брака, т. е. религіознаго брака: въ упраздненіи вообще этого института и таинства: или въ упраздненіи религіи дѣвства и также его поэзіи и учрежденій. А ихъ примирять, какъ вы пытаетесь дѣлать, тоже, что смѣшивать воду и огонь или масло и воду, уксусъ и сахаръ. Получишь двѣ порченыя вещи и ни одной годной. Въ этомъ положеніи двухъ испорченныхъ вещей и лежитъ Европа вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ. *В. Р—въ.*

жалѣнію, слишкомъ рано и часто), первоначально смутные намеки превращаются въ ясныя представленія. Послѣднія получаютъ отпечатокъ чувственности (сладострастія), и это именно и служитъ источникомъ возникновенія эротическихъ представленій, а затѣмъ и распущенной жизни.

Раннее введеніе дѣтей и юношей въ сферу жизненныхъ интересовъ взрослыхъ лицъ всего чаще способствуетъ несвоевременному пробужденію полового чувства. На фабрикахъ и заводахъ и въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ дѣти и подростки, раннему и болѣзненному развитію полового чувства способствуютъ: крайняя бѣдность, неряшливость, постоянное соприкосновеніе половъ въ тѣсныхъ жилищахъ, отсутствіе воздержанія родителей и окружающихъ. Точно также въ болѣе достаточныхъ классахъ общества иногда невѣжественныя мамки и няньки, безнравственная прислуга, истерическая воспитательница, или молодой гувернеръ, примѣромъ и поученіемъ возбуждаютъ раннее проявленіе полового влеченія.

Вообще, обращеніе съ здоровыми дѣтьми, какъ излишне суровое (вслѣдствіе требовательности, сухости и жесткаго отношенія къ дѣтямъ, подавляющее въ нихъ страхомъ наказанія всякое проявленіе чувства и дѣлающее дѣтей угрюмыми, недовѣрчивыми и скрытными, замкнутыми въ себѣ), такъ и крайне уступчивое, можетъ вліять на ихъ половое отправленіе.

Особенно нѣжное, все извиняющее, всему потворствующее воспитаніе, неспособное развить въ ребенкѣ самообладаніе и волю, не заставляющее его постепенно вырабатывать терпѣніе и самопожертвованіе,—воспитаніе, гдѣ интересы окружающихъ или родителей приносятся постоянно въ жертву дѣтямъ и притомъ открыто, завѣдомо для этихъ послѣднихъ, такое воспитаніе развиваетъ въ ребенкѣ необузданность желаній и стремленій, даетъ ему привычку къ быстрому удовлетворенію всякаго рода хотѣній, чѣмъ подготовляетъ для него печальную будущность вообще и, относительно половой дѣятельности, въ особенности.

Съ наступленіемъ зрѣлости, поддаваясь новому чувству, имъ овладѣвающему, такой юноша, не привыкшій себя сдерживать, будетъ искать немедленнаго удовлетворенія половому влеченію.

Окружающая среда имѣетъ огромное воспитательное значеніе, и потому сильно вліяетъ на раннее или позднее развитіе половой зрѣлости и силу напряженія полового чувства. Двусмысленные разговоры, жесты, движенія, любовныя сцены, картины,—легко запечатлѣваются воспріимчивымъ ребенкомъ, оставляютъ неизгладимые слѣды въ его памяти, которая, у здоровыхъ дѣтей, начинаетъ развиваться на 4-мъ году отъ рожденія.

Часто повторяясь, подобные моменты невольно направляютъ умъ ребенка на изслѣдованіе неизвѣстной ему половой дѣятель-

ности, помощію чтенія, разговоровъ со сверстниками, слугами, путемъ подсматриваній, подслушиваній и т. п., и тѣмъ постоянно раздражаютъ половое чувство, способствуютъ быстрѣйшему его развитію и доводятъ его до большаго напряженія.

Разъ поразившая ребенка картина или сцена, не понятая имъ въ началѣ, не оказывая, повидимому, никакого прямого, развращающаго на него вліянія, по мѣрѣ увеличенія его свѣдѣній относительно полового отправленія, все ярче и рельефнѣе возстановляется въ его памяти, сильнѣе возбуждаетъ его воображеніе, усиливаетъ половое влеченіе и часто служитъ причиною порока.

Предъ глазами же порочныхъ, по ихъ собственному сознанію, постоянно воспроизводится какая-либо сцена или картина, видѣнная ими много лѣтъ назадъ и давшая первый толчекъ къ раннему и болѣзненному развитію полового чувства. Понятно, что такое же дѣйствіе оказываетъ чтеніе книгъ извѣстнаго содержанія, театральныя представленія, живыя картины и т. п.

Относительно театра многіе придерживаются ложнаго убѣжденія и водятъ дѣтей на волшебныя представленія (феерія), живыя картины и балеты, не допуская ихъ присутствовать при исполненіи пьесъ нравственнаго содержанія, затрогивающихъ высокія чувства любви, самоотверженія, чести, долга и проч.

Вообще говоря, для дѣтей театръ абсолютно вреденъ,—для юношей же всего вреднѣе феерія, балеты, живыя картины, представленія въ циркахъ, которыя не занимая умъ, вліяютъ исключительно на воображеніе, усиливаютъ фантазію и оставляютъ нерѣдко воспоминанія объ извѣстной позѣ, жестѣ, движеніи или костюмѣ исполнительницы, не изглаживающіяся во всю жизнь [1])

[1]) Ну, вотъ и все. На всѣ случаи жизни одинъ совѣтъ: „воздерживайся“. „Законоучителю“ Дернову дана была полная возможность высказаться передъ своими зрѣлыми слушателями, и онъ кромѣ коротенькаго: „а у насъ солдатъ былъ“, „а у насъ блины пекли“, ничего сказать не сумѣлъ. Чего-же законоучителямъ въ гимназіяхъ указывать на урокахъ, что-то объяснять? Больше Дернова ничего не скажутъ; но „воздерживайся“ можно просто золотомъ оттиснуть на стѣнѣ, и repetitio не потребуется. Но какъ авторъ еще увертливъ, и какой онъ софистъ: ну, картинки, ну, стишки, прислуга и гувернеры. Соглашаемся и устраняемъ все это. Но вѣдь наступятъ 18 лѣтъ для юноши и 15 лѣтъ для дѣвицы, „признаки зрѣлости“ на лицо. Что-же имъ-то Дерновъ? Опять „не читайте книжки, не смотрите на картинки?“ Или онъ что другое скажетъ? Тогда сказалъ-бы! Но онъ молчитъ, упорно и тупо, какъ альпійскій звѣрекъ. А я ему скажу: въ монастыряхъ съ гувернерами не разговариваютъ, оперы не глядятъ, романами не балуются: а объ „искушеніяхъ“ слишкомъ много написано въ „житіяхъ“. Такимъ образомъ все сводится къ тому, чтобы изъять дирижерскую палочку у столь очевидно не искуснаго дирижера и вручить ее совершенно другому, именно—составителю самой пьесы, предлежащей къ разыгрыванію! Спасеніе цѣломудрія и брака очевидно зависитъ отъ полной смѣны команды въ воинствахъ брачныхъ. Не распорядиться моряку на сушѣ, а генералу—на

и служащія исходнымъ пунктомъ ранняго и болѣзненнаго полового чувства [1]).

Губительнѣе всего въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ примѣръ, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, со стороны старшихъ на младшихъ.

Но гибельнѣе всего для учащихся, когда ихъ воспитатели сами почти регулируютъ [2]) отправленіе половой дѣятельности юношей,—при первыхъ же признакахъ наступленія половой зрѣлости отъ 14 до 16 лѣтъ. Это происходитъ отъ *неправильнаго взгляда врачей и воспитателей на половой инстинктъ*, вслѣдствіе котораго и являются лукавые совѣты воспитателей, противорѣчащіе вѣковымъ опытамъ христіанской жизни, будто это, т. е. воздержаніе [3]), вредно для молодыхъ людей, что не слѣдуетъ и думать о цѣломудріи, ибо это противоестественно. это ведетъ къ умаленію здоровья, къ непорядкамъ и сокращенію жизни.

И вотъ наши юноши, многіе юноши христіанскіе, отъ которыхъ должно бы вѣять благоуханіемъ чистоты, вмѣсто того даютъ зловоніе плотской нечистоты. Многіе и отъ супружества отказы-

---

морѣ: и полное отстраненіе сонмовъ, хотя-бы сколько-нибудь содержащихъ дѣвственный идеалъ, отъ семьи, и призывъ сюда наоборотъ таинственно „обрѣзавшихся Господу", хотя бы духовно—есть задача времени, проблема цивилизаціи. „Во іудеѣ и эллинѣ", какъ духѣ, какъ поэзіи и религіи—спасеніе. *В. Р—въ.*

[1]) Хорошо, хорошо: но что вы скажете, когда наступитъ этотъ *канонический* возрастъ брака—15 лѣтъ для юноши и 14 лѣтъ для дѣвушки, т. е. для обоихъ четвертый классъ гимназіи? *В. Р—въ.*

[2]) Какъ!? „Регулируютъ" заботливые люди, и это „гибельно"!? Но гдѣ-же „законъ Божій и основной законъ природы"? *В. Р—въ.*

[3]) Какъ будто авторъ никогда въ Бытіи не читалъ исторіи объ Онанѣ и не знаетъ о печальномъ порокѣ, получившемъ отъ его имени названіе? Я думаю, если „законоучитель" все на урокѣ разскажетъ, а затѣмъ скажетъ: „однако потерпите"—то ученикъ, угрюмый и, опечаленный, и вдастся въ ужасъ этого порока, тѣмъ больше страшнаго, что исполненіе его всякую минуту въ рукахъ у ученика, не контролируемо, не запретимо! Вотъ избѣгая этого-то ужаса неотвратимаго, добрые наставники, какъ только воды достигли даннаго уровня,—и отводятъ ихъ, въ предупрежденіе извращенія, мудрымъ „регулированіемъ", вмѣсто чтенія глупыхъ нотацій. Но сколько грусти, что чистѣйшее отроческое и юношеское сѣмя пропадаетъ для потомства, выростаетъ не въ дѣтей, а въ точности выбрасывается на сторону, на улицу, въ клоаку, только чтобы не разбился сосудъ, его носящій. Мы пожалѣли-бы молока коровьяго, разливаемаго на землю! оплакали бы женское молоко, такъ разливаемое: но таковы законы цивилизаціи и скопческое гнушеніе къ сѣмени, что о потокахъ его, и именно въ чистѣйшіе юные годы разливаемыхъ по землѣ - ни у кого не пробуждается вздоха! А вѣдь это—міріады душъ, талантовъ, генія, угасшаго до рожденія! А посмотрите, какъ заботимся мы о покоѣ стараго генерала, женившагося на Татьянѣ: лучшая поэма націи написана въ защиту его немощныхъ правъ, а Достоевскій сказалъ ему оду въ Пушкинской своей рѣчи! Во—истину, дохлое мы хранимъ, а юное—рѣжемъ. *В. Р—въ.*

ваются по этой любви къ жизни безпорядочной. И вотъ, благодаря этому, многіе цѣлые годы живутъ внѣ законнаго сожитія, безъ благословенія церкви, какъ бы не нуждаясь въ немъ.

Что можетъ быть печальнѣе этого явленія?

Между тѣмъ позднѣйшія медицинскія изслѣдованія показали всю ошибочность взгляда на необходимость удовлетворенія полового инстинкта при первомъ же наступленіи половой зрѣлости.

Выраженіе „половая зрѣлость"—говоритъ одинъ безпристрастный врачъ—даетъ весьма ошибочное представленіе о состояніи организма въ данный періодъ жизни. Подъ именемъ „половой зрѣлости" не слѣдуетъ понимать, что юноша вполнѣ зрѣлъ для половой жизни. Далеко нѣтъ. Относительно половой дѣятельности, прямая цѣль которой есть оплодотвореніе, онъ совсѣмъ не зрѣлъ и не годенъ, и только съ 25 лѣтъ человѣкъ является вполнѣ зрѣлымъ и совершенно годнымъ для половой дѣятельности,—только съ этого момента онъ находится въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ для продолженія рода [1]).

Вотъ трезвый взглядъ на дѣло, который можетъ и пастырямъ помочь къ исправленію того зла, которое внесено въ жизнь нашего общества неправильнымъ взглядомъ на половой инстинктъ, на половую зрѣлость, а равно и извращенными условіями домашняго и школьнаго воспитанія.

Подъ вліяніемъ именно всего этого у насъ явился слишкомъ

---

[1]) Вотъ такой-то врачъ (къ счастію—рѣдчайшій), сказавъ въ поддержку скопцу свое „научное заключеніе", и въ силахъ погубить семью въ странѣ болѣе, чѣмъ цѣлый ураганъ сифилиса. Слыхалъ я отъ велосипедистовъ, что на 17—18 лѣтъ падаетъ самая быстрая ѣзда, и что къ 23 годамъ, какъ бы не возросла техника искусства ѣзды, такой быстроты ѣзды мужчина не въ силахъ достигнуть, потому что *17–18 лѣтъ есть максимумъ живости и напряженія организма, особенно въ его сѣдалищной половинѣ.* Но врачъ сказалъ: „это—25 лѣтъ". Прежде всего, чѣмъ это онъ подтвердилъ? Можетъ быть, онъ сболтнулъ? Даже навѣрное! Но священникъ и тысячи священниковъ подхватили: „вотъ—видите: значитъ можно и нужно воздерживаться". И таково лицемѣріе ихъ, что вѣнчая 66 лѣтнихъ старцевъ, они станутъ толковать, что въ 18 лѣтъ „сѣмя еще не созрѣло для оплодотворенія". Далѣе, и тупой врачъ-резонеръ и тупые богословы-лицемѣры скроютъ подъ фалдой порокъ Онана, и хоромъ потребуютъ зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ браковъ, когда люди не влюбляются, запретивъ и осудивъ и изругавъ мѣщанскимъ словомъ бракъ въ чистѣйшемъ мечтательномъ возрастѣ, когда бы отъ чистыхъ родителей рождались чистыя дѣти. О, какъ должны евреи благодарить своихъ раввиновъ, удержавшихся отъ этихъ (см дальше у Дернова) „трезвыхъ взглядовъ", которыми государство и не преминуло воспользоваться въ интересахъ военной службы и долгаго ученія въ школѣ. „Свѣдущіе люди, доктора и священники, говорятъ, что до 25 лѣтъ сѣмя еще худо для оплодотворенія: возьму-же я въ службу и ученіе эти не нужные для брака годы". И лицемѣръ-Дерновъ въ другомъ мѣстѣ (см. выше) плачется: „о, какъ хорошъ цѣломудренный бракъ, когда въ него вступаетъ непочатая юность". Какая можетъ быть надежда на такихъ слѣпыхъ вождей! *В. Р—въ.*

разнузданный образъ жизни, страсть къ постояннымъ наслажденіямъ.

Нынѣ есть много людей, которые желаютъ одного: жить и наслаждаться, которые желали бы жизнь превратить въ смѣну однихъ удовольствій другими.

Ни о чемъ въ обществѣ такъ много не думаютъ, ни о чемъ такъ много не говорятъ и не пишутъ, какъ о веселомъ времяпрепровожденіи. Юноша на школьной скамьѣ мечтаетъ, какъ онъ будетъ пріобрѣтать много денегъ и время проводить весело. Люди пожилые не уступаютъ молодымъ,—составивши состояніе, спѣшатъ насладиться жизнію, и такъ или иначе въ сладости провести ее. Театръ для многихъ сдѣлался потребностію, которой они удовлетворяютъ чуть не ежедневно. Пусть въ немъ представляются картины изъ жизни часто самаго грязнаго свойства, что до того? Это не только не отталкиваетъ отъ театра, а напротивъ привлекаетъ къ нему, умножаетъ число любителей этого рода удовольствій.

Къ театральнымъ развлеченіямъ хотятъ чуть не наслѣдственно пріучить и простой народъ, — и вотъ рѣшено устроить театръ народный.

До того прошикла всѣхъ потребность разныхъ общественныхъ развлеченій, что спѣшатъ какъ можно раньше и скорѣе ознакомить съ ними и дѣтей,—возятъ ихъ въ театръ и другія увеселительныя мѣста, заставляютъ ихъ смотрѣть и слушать то,—чего ихъ чистое ухо и невинное дѣтское око и слышать и видѣть не должны,—устроиваютъ дѣтскіе балы [1]), гдѣ учатъ ихъ вести себя, какъ большіе.

Есть не мало такихъ любителей свѣтскихъ развлеченій, которые не почитаютъ грѣхомъ предаваться имъ даже въ дни подпраздничные [2]) и въ дни Великаго поста—времени покаянія. Запротили великимъ постомъ зрѣлища по крайней мѣрѣ въ казенныхъ театрахъ [3]), и сколько сѣтованія, ропота!

---

[1]) Словомъ, всѣ виновны кромѣ „насъ“. *В. Р—въ.*

[2]) Добрался. Пусти козла въ огородъ—всю капусту съѣстъ: и театръ, и литература, и опера—все для охраненія цѣломудрія должно упразднить. Ну, а бракъ? Онъ долженъ быть въ 25 лѣтъ, а то—и позже, а то хоть никогда, ибо „есть скопцы, иже изъ чрева матери, и есть другіе—иже отъ человѣкъ, и есть третьи, иже оскопили себя царства ради небеснаго. Могій вмѣстити—да вмѣститъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Слава Богу—опять открыли! Замѣтьте, что ни одного-то слова Дерновъ не сказалъ о кабакахъ, трактирахъ, кафе-шантанахъ и домахъ терпимости. Ему рябитъ въ глаза только гордое, *соперничающее* явленіе искусства, оперы, театра, балета, литературы, поэзіи. Но *подвальныя* удовольствія ему не соперничаютъ и онъ беретъ ихъ подъ покровительство уже тѣмъ, что проходитъ мимо съ молчаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, насколько свѣтская литература и наука борются съ проституціей, въ духовной литературѣ вовсе нѣтъ по поводу ея негодованія. И можно

И ропщутъ чуть не всѣ: какъ начинаетъ въѣдаться во всѣхъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ!

Съ этимъ пристрастіемъ является сначала охлажденіе, а потомъ даже отвращеніе ко всему духовному, къ мысли о Богѣ, о вѣчности, о грѣхѣ [1]), время проходитъ въ разсѣяніи, въ праздныхъ и пустыхъ разговорахъ, и въ созерцаніи и слушаніи того, отъ чего оскверняются мысли, и сердце, и вся душа.

Въ жизнь вкрадывается масса зла, инстинктивно терпимаго и, по общему молчаливому согласію, не замѣчаемаго. Оно становится какъ-бы законною нашею атмосферою. Люди спокойнѣйшимъ образомъ терпятъ въ средѣ своей человѣка, полнаго всякаго распутства,—считаютъ его своимъ. Человѣкъ, въ потворствѣ инстинктамъ своимъ извращающій и свое достоинство, и достоинство и здоровье другого человѣка, для весьма многихъ изъ насъ - говоритъ одинъ наблюдающій нынѣшнюю жизнь—скорѣе предметъ улыбки, чѣмъ отвращенія, шалунъ, —а не преступникъ.

Извращеніе нравственныхъ понятій въ обществѣ создаетъ мало-по-малу какой-то деспотизмъ тѣла надъ духомъ. Недавно, въ прекрасномъ петербургскомъ ресторанѣ, гдѣ изо-дня въ день бываютъ, точно по служебной обязанности, чуть-ли не всѣ „замѣтные" дѣятели столицы, я слышалъ,—пишетъ тотъ-же авторъ, — разговоръ: два пріятеля обсуждали поведеніе отсутствующаго третьяго.

— Это—психопатъ.

— Да почему?

— Помилуй: развѣ естественна жизнь, которою онъ живетъ?

— Отчего-же нѣтъ?

— Онъ не пропускаетъ ни одной церковной службы, обложился богословскими сочиненіями, у него все свободное время на это уходитъ.

замѣтить, что она не противъ разврата, а противъ *изящества* и *веселости*, ну пусть—въ развратныхъ удовольствіяхъ. И есть этому прецедентъ: аскеты часто „падали" крайне не эстетично; но эстетично ни разу и ни одинъ не „палъ". Поразительно! Т. е. общая тенденція аскетизма вовсе не къ уничтоженію пола: а къ плоскости, грубости и простой мужицкой грязи въ немъ. Ибо въ эстетикѣ пола пробуждается эллинъ: нестерпимое, убійственное для аскета зрѣлище, главный заклятый имъ бѣсъ. А въ мужиковатости пола, послѣдней его грязи и скверны – издохъ и до конца издохъ эллинъ и іудей, окончательно умерло „обрѣзаніе", священное погруженіе священной точки. Вотъ гдѣ спеціальный корень и отвращенія къ художественному браку самыхъ юныхъ, непорочныхъ существъ, и покровительство зрѣлымъ, а еще лучше—перезрѣлымъ, и наконецъ окончательно хорошо—старческимъ бракамъ. Тутъ, гдѣ старички только поглядываютъ другъ на друга и приглядываютъ себѣ на кладбищѣ могилку „рядкомъ", скопецъ произноситъ великое: „совершилось!". *В. Р—въ.*

[1]) Да, всѣ бѣды наступаютъ, и каменнымъ баранамъ хоть убиться до смерти. *В. Р—въ.*

— Такъ что-же?

— Но это дико. Вѣдь онъ-же развитой человѣкъ.

— Скажи, пожалуйста: а себя ты считаешь развитымъ человѣкомъ?

— Надѣюсь.

— Хорошо. Ну, а какъ ты проводишь свое время?

— Но... какъ мы всѣ; я полагаю...

— Да вотъ—хоть бы взять: сколько разъ ты въ недѣлю сидишь въ этомъ учрежденіи?

— Каждый день.

— И долго?

— Отъ завтрака до обѣда.

— То-есть часовъ пять?

— М... м... м... пожалуй...

— Такъ за что-же ты обругалъ NN психопатомъ? Почему считаешь неестественною его жизнь, а свою естественною? Если человѣкъ, въ мученіяхъ совѣсти, въ порывахъ къ идеалу, отдастъ пять-шесть часовъ изъ своихъ сутокъ страстнымъ поискамъ Бога въ молитвѣ и въ книгѣ,—это странно, это психопатія. Но ежедневно же отдавать пять шесть часовъ жратвѣ, питью и игрѣ въ душной комнатѣ, въ перемежку съ пустыми разговорами на скверныя темы, это, видите-ли, нормально. Аскета — милости просимъ въ домъ сумасшедшихъ, випёра—въ пантеонъ славы [1]).

А какое гибельное вліяніе оказываютъ подобные випёры на низшіе классы народа нашего, страшно и сказать. Наблюденіе надъ петербургскою и вообще городскою прислугою, надъ рабочими и мастеровыми, отчасти надъ солдатами, и надъ крестьянами тѣхъ мѣстностей, гдѣ подобные випёры жили или и теперь живутъ, потакая своимъ низшимъ инстинктамъ [2]),—показываетъ,

---

[1]) Вся картина виверства конечно скверна и какъ-то подла; но вѣдь она плодъ вообще внѣ-семейной жизни (сперва—„грѣхъ“, потомъ—неприличіе) и ужъ что вы родили, то и кладите себѣ въ карманъ. Аскетизмъ XII вѣка въ XIX вѣкѣ является какъ кафе-шантанство. Кто отъ XIII до XIX вѣка не пріучился въ семьѣ сидѣть, тотъ нѣсколько вѣковъ ходилъ въ монастырь, а когда монастырь для него опостылѣлъ—сталъ ходить въ кафе-шантанъ. Черный духъ умеръ—бѣлый духъ не родился: и осталась пустота и слякоть. Но явно — секретъ въ бѣломъ духѣ, Бѣлъ-Богѣ, если можно такъ выразиться: и въ томъ, что онъ уже погубленъ Черно-Богомъ, который не смогъ, а можетъ быть и въ планы не входило, остаться на всегда богомъ. Пришелъ, разрушилъ и ушелъ. Я изслѣдую борьбу идей, прибѣгая для разности контуровъ къ существительнымъ нарицательнымъ вмѣсто прилагательныхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ *корень* всего—это идея „низшаго инстикта“, не доказываемая, но изъ вѣка въ вѣкъ повторяющаяся какъ при-словье, при-сказка. Умерла „Venus Genitrix“, которой воздвигла древность храмы: и поползли по землѣ „шашни“, начался подвалъ, кухня, лакейская половыхъ отношеній. Вѣдь лакейская—обратный полюсъ храму. Дерновъ негодуетъ на шашни. Но вѣдь онъ разрушилъ Venus Genitrix: позвольте, куда-же

что и въ народной нашей массѣ распространяется развращеніе именно подъ вліяніемъ безпорядочной жизни высшихъ классовъ нашего общества. Доходитъ до того, что много людей нашего времени становится плотію, т. е. совершенно заглушаютъ въ себѣ духовныя потребности, и помышляя объ однѣхъ земныхъ выгодахъ и чувственныхъ удовольствіяхъ, отличаются отъ безсловесныхъ животныхъ только изобрѣтательностію на средства къ умноженію и оразноображенію этихъ выгодъ и удовольствій. Не можетъ-ли послѣдовать грозный приговоръ Божій надъ таковыми людьми: „не имать Духъ мой пребывати въ людѣхъ сихъ, зане суть плоть?“ (Быт. VI, 3).

Но нынѣ—вмѣстѣ съ поэтомъ (Тютчевымъ) приходится сказать:

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ».

Едва ли не болѣе, чѣмъ тѣлесное, распространяется нынѣ *растлѣніе духовное*.

Причинъ послѣдняго такъ же очень много и всѣ онѣ, попадая на почву чувственную, только усиливаютъ развращеніе тѣлесное.

Современная печать, вмѣсто того, чтобы давать духу человѣка сродное ему питаніе, возвышать его,– какъ часто потворствуетъ, одобряетъ, усиливаетъ порокъ, рисуетъ его въ самыхъ завлекательныхъ краскахъ. И все это читаютъ, глубоко воспри-

---

отнести „низшій институтъ“, какъ не въ подвалъ и кухню? *Низкому—низкое помѣщеніе:* вотъ аксіома. И кто разрушилъ храмъ Venus-Genitrix, тотъ основалъ кухню „шашней“. Кто-же строитъ гостиную или дворецъ для экскрементовъ?! Можно наблюдать, что семья, пусть какая-нибудь, что семья какъ *дружба*, какъ *любовь*, какъ *уваженіе*—суть колонны все еще не сметеннаго съ лица земли Templi amoris, Templi Veneris Genitricis: монашество очень послѣдовательно вовсе не начинаетъ никакой семьи, отреклось отъ нея вовсе, потому-что „шашни“ конечно блудъ, а иное помимо шашень въ полѣ, т. е. семья, есть начало Templorum antiquorum. Вотъ почему монашество, да и вообще христіанство, такъ охотно прощаетъ „грѣхи“ половые; не казнитъ ихъ, не придирчиво къ нимъ. Полъ—сплошной грѣхъ. Простить его—призваніе христіанства. Но увидѣть передъ собою полъ не какъ грѣхъ, полъ въ его идеализмѣ, въ силѣ—значитъ вдругъ ужасно поблѣднѣть, ухватиться за перильца, почувствовать близость обморока. Ибо споръ нашей эры вдругъ оказывается перѣшеннымъ. Отъ этого „кающаяся Магдалина“ есть стягъ христіанства; это—ея щитъ, это—ея твердыня: какая странная жизнь, въ одной половинѣ своей состоящая изъ сплошного зла пола, вредительства отъ него, абсолютной „кухни“, а во-второй половинѣ состоящая въ совершенной безполости, выхолощенности и покаянныхъ слезахъ. Въ „житіяхъ“ разсказывается о безднѣ самыхъ порнографическихъ паденій: это—укрѣпленіе „житій“, это знамена и пушки, отнятыя аскетизмомъ у врага своего, *идеализма пола*. Чѣмъ порнографичнѣе, несноснѣе, кухоннѣе „паденіе“, тѣмъ твердыня аскезиса неприступнѣе: „вотъ, древность говорила, что это—богъ: вы видите, что это—червь“. Посему, когда мора-

нимаютъ и потомъ проводятъ въ жизнь. Фельетоны ежедневныхъ газетъ, статьи журналовъ, излагающихъ нѣкоторые судебные процессы съ романическою подкладкою, повѣсти, романы и драмы слишкомъ нескромнаго содержанія, спеціально порнографическія изданія, распространяемыя нынѣ въ массѣ народной съ какою-то особенною старательностію,—все это дѣйствуетъ буквально растлѣвающимъ образомъ на читающую массу. Въ средѣ послѣдней потребность книжнаго чтенія сдѣлалась обыкновенною и насущною потребностію.

Эта потребность удовлетворяется по преимуществу свѣтскою, журнальною и газетною печатію. Послѣдняя ежедневно, такъ сказать, высыпаетъ на головы русскаго народа необъятную массу разнообразныхъ мыслей, свѣдѣній и впечатлѣній, нерѣдко ложныхъ, двусмысленныхъ и прямо безнравственныхъ. Наблюденія показываютъ, что читатели прежде всего прочитываютъ легкія стихотворенія, журнальные листки и хроники, изрѣдка статьи научнаго интереса, но болѣе всего читается обширнѣйшій и разнообразнѣйшій отдѣлъ повѣстей, драмъ, комедій и романовъ. Ихъ читаютъ съ жадностію и безъ устали и недозрѣлые люди, и молодыя дѣвицы, и матери семействъ, и серьезные служащіе люди.

Признавая ту плодотворную и образующую сторону свѣтской литературы, которая несомнѣнно въ ней есть, мы не можемъ не указать на то, съ одной стороны, что при такомъ направленіи обычная умственная пища нашего читающаго большинства является

листъ, христіанинъ говоритъ о „шашняхъ“, не вѣрьте ему: частью, онъ самъ не понимаетъ, что говоритъ, ибо рѣчь его клонится въ *волевой* своей части къ Venus-Genitrix; частью онъ внутренно радуется, разсказывая порнографію пола, „похожденія“ самаго смертельнаго врага своего, этого Степьки Разина, въ котораго превратился былой король; а конечный итогъ его морализированья—не какое нибудь просвѣтлѣніе, а уничтоженіе, оскопленіе: „не надо! скверна!! бойтесь ея, бѣгите врага!!“ И это—тысячи лѣтъ, безъ варіантовъ, повсемѣстно. Вотъ почему хлопоты христіанскихъ моралистовъ о семьѣ всегда были безуспѣшны: они—само-противорѣчивы; они—плодъ недоумѣнія; семья какъ идеалъ — это обнимающіеся эллинъ и іудей; семья какъ несчастіе, какъ позоръ есть начало Магдалины—восторгъ христіанскій. Отсюда, въ страшномъ логическомъ сцѣпленіи со всѣмъ дѣломъ—и запрещеніе у христіанъ развода, столь упорное и повсемѣстное: „пусть гніетъ Магдалина, пока не покается, а когда раскаялась - уже нѣтъ семьи“. Ни одной чрево-обильной, ни одной плодо-носящей женщины не вошло какъ идеала, примѣра, какъ облюбованнаго факта въ „житія“, въ лѣтописи христіанства; это поразительно, что *ни одного* примѣра: значитъ—законъ, тайный, подъ-спудный!! Нигдѣ восклицанія лѣтописца: „у нея было пять сыновъ, семь, десять“, нигдѣ этой радости, нигдѣ даже объ этомъ вопроса, *счета* дѣтей! Неужели это не законъ? И вотъ отчего, въ приводимыхъ мною „Матерьялахъ“ раздѣлительною чертою между *свѣтскими* сужденіями и *богословскими* проходитъ: вопросъ о *супружествѣ* и *дѣтяхъ* у свѣтскихъ, вопросъ о *сохраненіи своей власти* (при полномъ умолчаніи о дѣтяхъ и семьѣ) у духовныхъ. *В. Р—въ.*

односторонною, а съ другой стороны — чувственнаго характера. Вѣдь кому изъ грамотныхъ и читающихъ людей неизвѣстно, около чего [1]), въ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ и свѣтскихъ стихотвореніяхъ, обыкновенно вертится это литературное изящество? Справедливость требуетъ сказать, что твореній нравственно чистыхъ и совершенно безопасныхъ несравненно менѣе, чѣмъ противоположныхъ имъ. Надо быть уже опытнымъ, зрѣлымъ и искушеннымъ человѣкомъ, чтобы съ пользою заниматься этимъ чте-

---

[1]) Опять —скопческая тенденція! Да около *чего*, друже, вращается и Библія, отъ *первой* главы Бытія, сотворенія мужчины и женщины для любви и дѣторожденія, и до родословія Іисуса Христа, которымъ начинается Новый Завѣтъ? Вездѣ „Адамъ роди Сиѳа... Авраамъ роди Исаака.. Іаковъ роди Іосифа, мужа Маріи“ (Матѳея, I). Да конечно—это стержень жизни: кто съ кѣмъ и кого родилъ. Его бы надо поливать; сюда бы нужны священныя пѣсни, туманныя грезы, обѣтованія, надежды: коротенькія предсказанія—пророчества, ну хоть ворожеи—цыганки, если ужъ не священника: весь ритуалъ Veneris-Genitricis. Но когда это умерло, то бѣдная мысль человѣческая все же хватается за стержень жизни: но уже, соотвѣтственно павшей эрѣ, сплетаетъ около него нѣсколько лакейскимъ языкомъ лакейскую сплетню. Это и составляетъ содержаніе $^{9}/_{10}$ свѣтской литературы. Но все же въ ней любовь не сокращена до такого коротенькаго щекотанія нервовъ, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ, который мы извлекаемъ изъ „Приношенія современному монашеству“ епископа Игнатія (Брянчанинова): „Епископъ нѣкотораго города впалъ въ болѣзнь, по причинѣ которой всѣ отчаялись въ его жизни. Тамъ былъ женскій монастырь. Игуменья, узнавъ, что епископъ отчаянно боленъ, посѣтила его, взявъ двухъ сестеръ. Въ то время, какъ она бесѣдовала съ епископомъ, одна изъ ученицъ ея, стоявшая у ногъ епископа, прикоснулась рукою къ ногѣ его. Отъ этого прикосновенія возгорѣлась въ больномъ лютая брань блудная. Страсти лукавы. Онъ началъ просить игуменью, чтобы она оставила сестру при немъ для услуженія ему, приводя въ причину такой просьбы недостатокъ въ собственной прислугѣ. Игуменья, ничего не подозрѣвая, оставила сестру. По дѣйству діавола, епископъ ощутилъ возстановленіе силъ и впалъ въ грѣхъ съ инокинею, которая сдѣлалась беременною. Епископъ оставилъ каѳедру и удалился въ монастырь, гдѣ кончилъ жизнь въ покаяніи, принятіе котораго Богъ засвидѣтельствовалъ дарованіемъ покаявшемуся силы чудотвореній! Такова наша немощь! Таково вліяніе на насъ соблазновъ! Они низвергали въ пропасть паденій и св. пророковъ, и св. епископовъ, и св мучениковъ, и св. пустынножителей“ (стр. 55). Какъ это голо и кратко, какъ умеръ духъ, *содержательность* любви, которую читаемъ въ „Наканунѣ“ Тургенева, въ „Грозѣ“ Островскаго. *Мотивъ* рожденія—уже не духовный! уже не исполненіе заповѣди: „размножьтесь“ отвѣтнымъ мужа къ женѣ: „размножимся“. Умерла религія, а наконецъ умеръ и романъ: осталось бѣдственное „приключеніе“. Но вотъ что замѣчательно въ приведенномъ отрывкѣ, что авторъ не спрашиваетъ себя и читателю не разсказываетъ, куда-же дѣвала монахиня своего *ребенка*, да и что *съ нею* несчастною стало: планъ и тема „подъ вечеръ осенью ненастной въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ...“ зародились, увы, еще въ эти древніе вѣки и именно въ свято-аскетическихъ мѣстахъ. Какъ это противоположно смѣлому, гордому восклицанію дочерей Лотовыхъ: „И родила старшая сына и нарекла ему имя *Моавъ*, говоря: *онъ отъ*

ніемъ и безвредно проглатывать тѣ сладкія части яда [1]), которыя въ немъ разсѣяны и скрыты во множествѣ.

Объемъ вліянія, занимаемый современной печатью, — необозримъ. Разнообразіемъ и крайнимъ удешевленіемъ изданій она овладѣваетъ умами людей всѣхъ націй, состояній и возрастовъ. Ни невинная юность, ни подростающія дѣти, ни простые поселяне, ни рабочіе люди,—никто не защищенъ отъ ея разрушающаго вліянія, когда она принимаетъ ложное направленіе. А каковы результаты ея современнаго вліянія на юныя поколѣнія и народныя массы, можно видѣть изъ статьи нѣкоей г-жи Гурко, помѣщенной въ журналѣ „Радость христіанина“, въ февральской книжкѣ 1898 года. Ея статья: „Мысли, возбужденныя современнымъ направленіемъ литературы“, есть истинный вопль матери [2]), скорбящей о томъ, что современная литература помрачаетъ чистый смыслъ дѣтей безстыдными, грязными описаніями страстей и отношеній, которыхъ они еще не подозрѣвали. Въ литературѣ нынѣ замѣчается полное пониженіе идеаловъ, вслѣдствіе чего, конечно понижаются и нравы. А между тѣмъ не имѣетъ ли ли-

---

отца моего. Онъ отецъ Моавитянъ донынѣ. И младшая также родила сына и нарекла ему имя: *Бенъ-Амми*, говоря: *онъ—сынъ рода моего.* Онъ отецъ аммонитянъ донынѣ“. Великая вещь—не укрываніе младенцевъ, и—отъ кого они: это одно предупреждаетъ *дѣтоубійство.* Написатель *Бытія*, Богомъ руководимый, зналъ это, и потому не скрылъ максимально-невозможнаго рожденія, какъ бы говоря народамъ, научая людей: „никогда не скрывайте, дабы никогда не убить!“. Первые дѣтскіе трупики появились около „зарока не рождать“ и „охъ, согрѣшила“ при зачатіи. *В. Р—въ.*

[1]) *Сладкій ядъ:* вотъ полъ! „Лѣпость (красота) міра вотъ грѣхъ“, рѣшилъ Селивановъ, а въ сущности—подвелъ итогъ тысячелѣтнему мотиву. „Что дѣлаетъ *діаволъ?*“—на вопросъ этотъ христіанинъ отвѣтитъ: „влечетъ меня *къ женщинѣ*“, „влечетъ меня—*къ юношѣ*“. Ко многому и иному худому влечетъ онъ, къ *гордости, славѣ, богатству:* но это все не основное, все это уже сбоку, примѣчаніе подъ текстомъ. *Текстъ* христіанской добродѣтели: воздержаніе *отъ женщины*, воздержаніе *отъ мущины*, Адамо—Евово *разъ*-единеніе, *разрывъ.* Отсюда и пошло какъ противоположный полюсъ: вкушеніе *горькихъ травъ* какъ первая добродѣтель, посты, умерщвленіе, некрасивыя одежды, убогое жилье, неудобства, наконецъ, администраціи. Ибо и великолѣпное учрежденіе есть „сладкій ядъ“ отечества, „похоть“ къ удобствамъ его гражданъ—да!! ихъ *невоздержаніе*—это революція. Такъ все сплелось въ одинъ клубокъ некрасиваго: и новое „десятословіе“ христіанъ можно бы выразить такъ: „не пожелай женщины“, „не увлекись богатствомъ и славой“, „не понадѣйся на себя“, „живи въ домикѣ маленькомъ“, „ѣшь скромненько“, „дружбы и знакомства не води“, „думай о горнемъ“, „спѣши къ могилѣ“, и, „какъ жена Лотова—не оборачивайся на горящій Содомъ“ бытія. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, вотъ то-то. Не редакція „Радости христіанина“, не монахъ, не священникъ—а *мать* завопила. Вѣдь никакъ эти разсужденія Дернова нельзя назвать „воплемъ“: они довольно холодноваты. А когда мать завопила то матери все и спасутъ, имъ все и надо предоставить, а дири-

тература, напротивъ, священнымъ призваніемъ своимъ пробуждать, обновлять, очищать и возвышать идеалы человѣчества? Геніальныя описанія зла никогда не исправятъ человѣчество. Самый простой смыслъ говоритъ, что видя человѣка, утопающаго въ болотѣ и тинѣ, будетъ совершенно безцѣльнымъ описывать ему это болото и тину, во всѣхъ и безъ этихъ описаній слишкомъ знакомыхъ ему подробностяхъ, а что надо ему указать путь, по которому другіе прежде него вышли изъ этого болота и возбудить въ немъ энергію, которая заставитъ его сдѣлать необходимое усиліе для того, чтобы освободиться отъ втягивающей его тины.

Для поднятія падшаго человѣчества требуется иное направленіе въ литературѣ. А современное грозитъ дальнѣйшимъ растлѣніемъ человѣчества. Это показываютъ наблюденія надъ тѣмъ, на что обращается нынѣ вниманіе читателей. Ни въ одной публичной библіотекѣ, нерѣдко и въ частныхъ, нельзя встрѣтить ни одного романа, который бы не былъ испещренъ всякаго рода замѣтками, причемъ въ большинствѣ случаевъ подчеркнуты особенно рискованныя по своей нескромности мѣста. И больше всего этой операціи подвергается, кажется, Мопассанъ. Такія отмѣтки доказываютъ пошлость читателя. Такой читатель обыкновенно и выписываетъ въ чтеніи только то, что тѣшило бы его грязные инстинкты, и тѣ книги, которыя не трактуютъ о порнографіи, не подвергаются опасности быть разрисованными имъ, потому что онѣ для него не интересны, и онъ ихъ въ руки не беретъ.

А что сказать о тѣхъ, кто распространяетъ въ публикѣ спеціально порнографическія изданія? А, вѣдь, такіе распространители есть, и никто не можетъ отрицать этого.

Но не въ одной литературѣ, а во всѣхъ отрасляхъ искусства замѣчается нынѣ неправильное направленіе, паденіе идеаловъ и прямо такое растлѣвающее вліяніе на людей, соприкасающихся съ такимъ направленіемъ.

Какъ лѣтняя поэзія есть не что иное, какъ „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“ — такъ и всѣ отрасли искусства при правильномъ ихъ направленіи—должны быть не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ отрѣшенія отъ земли [1]) съ ея тѣсными пространствами и короткими временами. То ли мы видимъ нынѣ?

Отсутствіемъ вѣчнаго идеала въ искусствѣ объясняется то

жоровъ изъ «Радости христіанина» надо попросить управлять другой губерніей, отнюдь не семейною. И спасибо этой воплощицѣ-семьянинкѣ: ей templum, какъ veneri-genitrici, ибо она и «genitrix» какъ мать, и venus—ибо, конечно, прежде чѣмъ стать матерью, была страстной супругою,—и вмѣстѣ выступила какъ dea въ высокихъ своихъ порывахъ на страницахъ „Радости христіанина“. Говоря это, мы комментируемъ, что именно разумѣемъ подъ краткословнымъ Venus-Genitrix: разумѣемъ конечно—не античное, а сегодняшнее, наше. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, вотъ—«отрѣшеніе отъ земли». Изъ этого круга не умѣетъ

неудовлетворенное чувство, съ которымъ мы смотримъ на новѣйшія произведенія живописи, несмотря на ихъ сравнительно развившуюся историческую и реальную вѣрность, или слушаемъ неясные, недоговаривающіе звуки „музыки будущаго“, несмотря на усовершенствовавшую технику и блескъ ея исполненія.

„Остановитесь передъ картиною Рафаэля или Тиціана, послушайте небесную гармонію Бетховена и сравните ваше чувство съ тѣми, которыя выносите вы изъ теперешнихъ выставокъ и концертовъ“, говоритъ одна безпристрастная наблюдательница.

Не встрѣчаемъ ли мы на художественныхъ выставкахъ такихъ картинъ или статуй, въ которыхъ все богатство натуры перешло въ выраженіе страсти, „ищущей, кому отдаться“—или изображеній на выставкахъ тѣла „божественныхъ“ и не божественныхъ формъ въ наготѣ, потерявшей свою невинность [1]). Нагота является теперь предъ нами въ мраморѣ или на полотнѣ – или какъ Ева, сознавшая свою наготу и стыдящаяся, или какъ наглая и вызывающая „дочь рынка“.

А сколько людей нынѣ не стыдятся останавливать свой взоръ на картинахъ содержанія соблазнительнаго, любятъ такія картины, и съ спокойною совѣстію держатъ ихъ у себя въ домахъ, и даже еще на видныхъ мѣстахъ?

Что же это такое? Христіанинъ, котораго сердце должно быть чисто [2]), христіанинъ держитъ то, что можетъ говорить ему объ

выйти священникъ. Т. е. онъ вовсе не можетъ и никогда не сможетъ просвѣтлить землю: ему на это какъ-бы «предѣлъ положенъ». *В. Р—въ.*

[1]) Меня поразило слѣдующее зрѣлище въ Римѣ: храмъ св. Петра, Латеранскій соборъ и пр. полны нагими, въ мраморѣ и краскахъ, полными и рослыми человѣческими фигурами, то святыхъ, то ангеловъ. Въ алтарѣ передняго фаса св. Петра изъ черной бронзы сдѣланы два ангела-отрока, съ самымъ узкимъ препоясаніемъ; наконецъ, въ балдахинѣ надъ главнымъ алтаремъ представлена знаменитымъ скульпторомъ разрѣшающаяся отъ бремени женщина — въ самый моментъ разрѣшенія. И—*ни одной не только порнографической*, но *хотя бы легкомысленной картинки на окнахъ безчисленныхъ магазиновъ*. Это послѣднее отсутствіе, послѣ Петербурга и Москвы, залитыхъ торговою порнографіей, меня больше всего въ Италіи поражало, особенно въ ея художественныхъ Римѣ, Флоренціи и Венеціи; пока я не связалъ все это въ своей мысли такимъ образомъ, что *какое же удовольствіе смотрѣть на безобразную наготу въ окнѣ магазина, когда ее можно видѣть въ благородныхъ формахъ въ церковной живописи*, и видя тамъ chefs d'oeuvre'ы тѣлеснаго обнаженнаго изящества—получаешь въ нихъ мѣрку требованій вкуса, имѣя которую въ душѣ—разобьешь гипсовую мазню своихъ дней. Но въ Москвѣ и Петербургѣ религіозная живопись вся скопческая, и не только множества женскихъ грудей, зрѣлище которыхъ поражаетъ въ католицизмѣ, но и *локти* не прикрытаго не увидишь: и не имѣя, такъ-сказать, *жены* въ живописи—спускаешься до *кухарочки*. Корень все тотъ-же, вездѣ—тотъ-же. Преобразите храмъ и вы спасете рынокъ. *В. Р—въ.*

[2]) Т. е. *безъ-поло?* чуждо «сладкаго яда»? Нѣтъ: очевидно проблема совершенно обратна и заключается во введеніи въ душу, когда она еще

одной нечистотѣ. Какова послѣ этого душа хозяина, постоянно созерцающаго мерзкое? Чему могутъ научиться дѣти, на сердцахъ, памяти, воображеніи которыхъ, какъ на воскѣ, отпечатлѣвается все, что они видятъ и слышатъ? Какой урокъ, какое назиданіе могутъ получить приходящіе въ домъ родные, знакомые, лица постороннія? Въ мірѣ и безъ того всюду и вездѣ соблазны и искушенія, а тутъ еще наводятъ ихъ на новый соблазнъ. Въ плоти, въ крови и безъ того часто происходятъ движенія грѣховныя [1]), а тутъ придумываютъ еще новое средство для возбужденія нечистыхъ представленій. Горе тѣмъ, которые избрали это средствомъ къ своему существованію и издаютъ подобнаго рода картинки: они—тѣ соблазнители, о которыхъ говорилъ Спаситель, что лучше бы имъ съ камнемъ жерновымъ на шеѣ потонуть въ пучинѣ морской. Горе и тѣмъ, которые покупаютъ соблазнительныя картинки, услаждаются ими, вѣшаютъ въ домахъ своихъ. Тѣ и другіе—губители душъ христіанскихъ [2]), разруши-

---

чиста, есть горенка ангеловъ. Адамо-Евовскаго момента въ отношеніи къ совершенно-же чистому существу: т. е. супружество отроковъ и отроковицъ есть разрѣшеніе проблемы. Отсюда рапняя забота Авраама о бракѣ Исаака, и завѣтъ слугѣ: «остерегись взять ему невѣсту изъ родовъ незнакомыхъ, чужихъ». Вообще моментъ *старости* и *неизвѣстности* (избираемаго лица) есть причина грязныхъ современныхъ супружествъ. Бракъ *двоюродныхъ*—у протестантовъ, какъ и слова „Мишны": „отрокъ, имѣющій *племянницу*—долженъ погодить вступать въ бракъ до ея зрѣлости: ибо супружество дяди и племянницы особенно угодно Богу" мудро устраняютъ выборъ совершенно неизвѣстной, *непроверенной въ поведеніи и непроверенной въ родствѣ*, невѣсты. У насъ, при безчисленныхъ „препятствіяхъ къ браку, лежащихъ въ родствѣ и свойствѣ", женихъ понуждается искать невѣсту не близъ себя, не около себя, знакомую и дружную съ дѣтства, а гдѣ-то „на далекой сторонушкѣ", куда «прилучится» заѣхать. Такимъ образомъ, пересмотръ «свойства и родства» въ ученіи о бракѣ есть одна изъ крупныхъ сторонъ въ путяхъ поднятія его. Это есть фундаментъ «твердой фирмы брака», взамѣнъ теперешней мелочной его лавочки, «съ приключеніями». *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ видите; даже *кровь — грѣшна*. И чтобы договорить мысль, слѣдовало-бы прибавить: «ее надо выпустить». Какъ постижимы инквизиція, скопчество—изъ этихъ невольныхъ обмолвокъ автора: до чего очевидно, какая есть «припека съ боку» бракъ въ кругѣ мысли нашего автора, и лицемѣріе всѣхъ его ссылокъ въ началѣ на «Законъ Божій», «Слово Божіе», «законъ природы и норма человѣческихъ обществъ». Ибо, очевидно не предисловіе рѣшаетъ дѣло, а середина и горячія дѣловыя страницы книги или статьи. Но какъ все «это отражаетъ первоначальное: «мужчину и женщину сотворилъ человѣка Богъ», «*однако*—лучше не жениться», «*ибо* суть скопцы изъ чрева матери, отъ людей и отъ себя—Царства ради Небеснаго». Все сбылось во-очію и даже «іота изъ сего совѣта „не прешла". *В. Р—въ.*

[2]) Очень все важное мѣсто, и главное—потому что безъ-сознательно. Это не Дернова пишетъ, это эпоха пишетъ. «Женщина—вотъ грѣхъ! сліяніе съ нею—вотъ преступленіе»! „И только отъ того, что мы разрѣшили, и когда мы разрѣшили,—разумѣется съузивъ въ ниточку, въ узкій путь—рожденіе прощено. Безъ этого нашего прощенія—оно первородный

тели дѣла Христова, ибо Христосъ пришелъ призвать всѣхъ къ святости и чистотѣ.

Языкъ живописи и пластики, однако, еще не такъ выразителенъ, какъ языкъ музыки и словеснаго искусства, и особенно его высшаго рода—драмы.

То, что на картинахъ и статуяхъ намѣчено въ чертахъ общихъ и смутныхъ, то самое въ современной музыкѣ и драмѣ выступаетъ передъ нами съ полною подробностію, въ чертахъ опредѣленныхъ и детальныхъ. Въ современной музыкѣ не выражается ли *нѣга* [1]) *сладострастія*? Въ современной драмѣ не изображается ли порокъ въ тѣхъ же яркихъ и соблазнительныхъ картинахъ и дѣйствіяхъ, какъ и въ живописи и пластикѣ? Гдѣ же вы тутъ будете искать чистоты и цѣломудрія?

Безпристрастное наблюденіе показываетъ, что самыя возвышенныя изъ увеселеній, каковы, напримѣръ, музыка и театральныя представленія, далеки отъ тѣхъ назидательныхъ и благотворныхъ дѣйствій, какія имъ обыкновенно приписываются.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно, что въ большинствѣ случаевъ современная музыка не утишаетъ, а возбуждаетъ и волнуетъ страсти; что зрѣлища, подъ видомъ назиданія и поученія, потворствуютъ слабостямъ и страстямъ, что та и другія, тѣшатъ наше самолюбіе, раздражаютъ наши чувства, наполн-

---

грѣхъ, разрушеніе всего дѣла христіанскаго». Ученіе о „незаконныхъ сожительствахъ“ и „незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“ уже каменнымъ, неодолимымъ образомъ надвигается здѣсь, и съ ними—вздохи родившихъ не во время, не удержавшихся и родившихъ; вздохи—и дѣтоубійство. Сейчасъ о „грѣхѣ“ едва-ли кто думаетъ: но „стыдъ“ есть эквивалентъ грѣха въ безбожную эпоху, и онъ имѣетъ ту самую остроту и пронзительность, какую нѣкогда имѣлъ „грѣхъ“. Давидъ родилъ отъ Вирсавіи Соломона: ибо Наѳанъ не за любовь къ Варсавіи его упрекалъ, а только за смерть Уріи. Но упрекни онъ его именно за VII заповѣдь по поводу Варсавіи: и лишній трупикъ около дворца царскаго замѣнилъ бы мудрѣйшаго царя. И не было-бы „Экклезіаста“, ни „Пѣсни пѣсней“. Мнѣ говорилъ въ Петербургѣ одинъ священникъ, преподающій въ институтѣ, куда попадаютъ дѣвочки изъ Воспитательнаго дома: „грѣхи родителей отражаются въ дѣтяхъ: никогда я не видалъ дѣвочекъ, столь рано развивающихся и склонныхъ къ соблазну, какъ здѣсь“. Я подумалъ: это—отъ силъ организма, плода подлинной любви, и еще спросилъ его: „а какъ ихъ способности“?—„Отлично учатся, но это что: главное вѣдь нравственность“. Таковъ смыкающійся кругъ сужденія скопчества. Я думаю, если бы у Татьяны Лариной какъ-нибудь „испекся пирожекъ“, родился сынъ, то былъ-бы вѣрно сыръ, водянистъ, безкровенъ: „успѣхи небольшіе, сказалъ бы о немъ священникъ: да сидитъ на урокахъ отлично. Головки въ сторону не повернетъ, все внимаетъ; правда, не запоминаетъ — однако мнѣ одно удовольствіе“. Я думаю, истощенное тупоуміе русскихъ XVII вѣка и геніальность XVIII и XIX-го есть именно разница „плодовъ любви“ отъ „фруктовъ принужденія“. *В. Р—въ.*

[1]) Ахъ, скажите пожалуйста! Какой пассажъ и ущербъ хору г. Архангельскаго. *В. Р—въ.*

няютъ душу льстящими чувственности, но пагубными и вредными для сердца и духа образами и впечатлѣніями. Эти-то раздражающіе чувства, льстящіе чувственности образы и ощущенія и привлекаютъ въ театры и увеселительныя залы искателей наслажденій, и всякому наблюдавшему извѣстно, что чѣмъ больше въ извѣстной пьесѣ элементовъ чувственности, чѣмъ рельефнѣе и привлекательнѣе изображены слабости и страсти людскія, тѣмъ охотнѣе посѣщается она мнимыми искателями отдыха [1]).

Оттого серьезная музыка, серьезныя драматическія произведенія считаются скучными, неинтересными и непонятными и почти не посѣщаются [2]). Если такъ сомнительна польза отъ болѣе возвышенныхъ увеселеній людскихъ, то что сказать о тѣхъ рожцахъ увеселеній, которые, какъ танцы [3]), маскарады и имъ подобные способы времяпровожденія, исключительно основаны на чувственности? Страстные, далеко не двусмысленные взгляды, раздражающая чувственность музыка, разжигающая тѣлесная близость и соблазнительныя тѣлодвиженія, атмосфера интригъ вполнѣ приближаютъ ихъ къ языческимъ зрѣлищамъ послѣднихъ временъ Римской имперіи. Къ нимъ по справедливости приложимы слова извѣстнаго св. отца, назвавшаго современныя ему увеселенія „гнѣздилищами заразы". „Они, какъ и современныя этому церковному писателю увеселенія, полны безпорядочности и беззаконія. Перемѣшиваются на нихъ между собою мужчины и женщины, чтобы взаимно себя видѣть [4]). Взоры чувственностію пи-

---

[1]) Какая клевета: ужъ если такъ, то и ходили бы всѣ не въ оперу и театръ, а прямо въ дома терпимости. Такъ и чувствуется въ строкахъ „больной подвижникъ, котораго потрогала за ногу дѣвица" (см. выше изъ *Игнатія Брянчанинова*). *В. Р—въ.*

[2]) „Почти не посѣщаются"... Абонимента въ оперу достать нельзя. И откуда все авторъ знаетъ, по „сану" своему не имѣя возможности посѣщать ни оперу, ни театръ? *В. Р—въ.*

[3]) Добрался. Читайте внимательнѣе, и вы увидите, что авторъ ведетъ васъ незамѣтно въ уголокъ духовнаго училища, единственно ему знакомаго мѣста, и указывая сѣсть на парту, гдѣ сидѣли одноклассники Помяловскаго, говоритъ: „вотъ—Эдемъ, насажденный человѣку Богомъ до грѣхопаденія". *В. Р—въ.*

[4]) Ахъ, ты, батюшки. Но мнѣ кажется, и Адамъ и Ева „взаимно себя видѣли", и только согрѣшивъ *сознаніемъ* (не вожделѣніемъ), т. е. *ошибясь*—надѣли „кожаныя препоясанія". Нѣтъ, противъ этого *неумолимаго* духа сквернства одно спасеніе,—воскликнуть: „сбросьте всякій разъ, когда изображаете еще не павшихъ Адама и Еву, съ нихъ эту кожу и листья, и откройте ихъ такъ, какъ ихъ другъ другу открылъ Господь, и какъ Онъ имъ приказалъ другъ на друга смотрѣть". Поразительно, что въ залѣ „Concertio immaculata" въ Ватиканѣ, въ огромной стѣнной живописи, Эдемъ изображенъ,—но листья дерева такъ расположены, что все же образуютъ хотя бы невольное „препоясанье" и Адаму и Евѣ. Какъ противоположно ученіе евреевъ, что „отъ Адама потому Богъ не потребовалъ обрѣзанія, что Адамъ былъ природно сотворенъ обрѣзаннымъ". Каждый понимаетъ, что видъ „обрѣзаннаго" въ противополож-

таются, пожеланія разгораются, и праздные глаза, случай имѣя сосѣдей пристально разсматривать [1]), воспламеняются чувственными пожеланіями... Какихъ только грязныхъ дѣяній на этихъ зрѣлищахъ не представляется, какихъ только безстыдныхъ словъ здѣсь не произносятъ! И хуже всего то, что, кто въ этихъ пошлостяхъ находитъ удовольствіе, тотъ приноситъ образъ ихъ съ собою и домой". „Въ душѣ остается послѣ этихъ зрѣлищъ грязный слѣдъ, который при малѣйшемъ благопріятномъ вліяніи послѣ даетъ о себѣ знать".

Но главная опасность чувственныхъ удовольствій и увеселеній состоитъ въ томъ, что они привязываютъ къ себѣ наше сердце, дѣлаются потребностію души, получаютъ преобладаніе и даже полное господство надъ нашей жизнью и волей, надъ нашимъ умомъ и сердцемъ, лишаютъ самаго драгоцѣннаго нашего дара и принадлежности христіанской свободы. Тотъ грязный [2]) слѣдъ, который оставляютъ въ нашей душѣ чувственныя удовольствія, то льстящее чувственности воспоминаніе, которое трудно заглушается въ нашемъ плотяномъ сердцѣ, могутъ послужить и дѣйствительно служатъ источникомъ этого лишенія. Разъ испытавши удовольствіе, человѣкъ, при удобномъ случаѣ для повторенія его, не всегда оказывается въ силахъ удержаться отъ него. „Такъ, по словамъ преосв. Димитрія, архіеп. херсонскаго, и начинается обыкновенно разсѣянная жизнь; такъ заглушается мало-по-малу голосъ совѣсти и требованія долга. Склонность къ наслажденію становится, наконецъ, страстію, овладѣваетъ душою, покоряетъ себѣ и разумъ и волю. Отсюда уже прямая и широкая дорога ко всякому грѣху и пороку, потомъ къ преступленіямъ и совершенному распутству. Такъ зачинаются и растутъ всѣ порочныя склонности [3]), которыя въ послѣднихъ, крайнихъ проявленіяхъ своихъ невольно возбуждаютъ ужасъ. Правда, что до сего крайняго развитія порочныхъ страстей, до этой ужасной бездны зла доходятъ немногіе -однако-же доходятъ!

ность мертвымъ греко-римскимъ скульптурамъ, есть видъ *живого* пола, видъ возбудительный для другого пола. Но отъ сего, что уже и „Адамъ былъ обрѣзанъ"—у евреевъ дѣтоубійства и не образовалось никогда. А уже въ сокровеніяхъ залы „Conceptio immac.", не говоря о нашемъ скопчествѣ, гдѣ и „на локотокъ посмотрѣть нельзя"—дѣтоубійства implicite заключены, „напророчествованы". *В. Р—въ.*

[1]) „Потрогала вожку у больного" (см. выше). *В. Р—въ.*

[2]) Опять—„грязный". Полъ—это грязь: аксіома, изъ которой не умѣетъ вырваться авторъ. *В. Р—въ.*

[3]) До чего понятно, что за рѣдчайшими исключеніями духовенство женится на деньгахъ; и что молодые теперь священники, думающіе о подругѣ жизни, а не о „попадьѣ при хозяйствѣ, взятой со столькими-то тысячами", представляются старому и основательному священству „разрушителями основъ духовнаго быта". До такой глубокой степени идея *любви*, чувство *любовности*—вырваны у нихъ! *В. Р—въ.*

Кто-же поручится, что не дойдетъ когда-либо и каждый, кто ступитъ уже на этотъ скользкій путь"? (Соч. т. IV, 75).

«Никто не родится злодѣемъ, но дѣлается такимъ постепенно, уклоняясь отъ заповѣдей Божіихъ шагъ за шагомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, отъ скромныхъ удовольствій къ болѣе шумнымъ и увлекательнымъ". Особенно все это опасно для молодыхъ неопытныхъ и увлекающихся людей, сердца которыхъ особенно воспріимчивы и открыты всякимъ, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ вліяніямъ. «Если, скажемъ словами св. Іоанна Златоуста, старику не должно посѣщать этихъ увеселеній, то тѣмъ болѣе юношѣ. И для того (старика) великъ позоръ и большой стыдъ: и для этого (юноши) тѣмъ болѣе ужасная гибель и глубокая пропасть, чѣмъ живѣе въ юношахъ вожделѣнія, чѣмъ сильнѣе въ нихъ пламень, который, лишь только получитъ хоть немного вещества отвнѣ, зажигаетъ все" (Бес. къ Антіох. нар., т. 2. стр. 68—69). Объ этомъ слѣдуетъ больше всего подумать тѣмъ. которые по мнимо-благотворительнымъ побужденіямъ способствуютъ распространенію и расширенію круга вліяній разнаго рода увеселеній, привлекая сюда по большей части самыя неопытныя и потому легко заражающіяся юношескія силы.

Въ заключеніе органъ говоритъ: „Если равнодушіе къ дѣлу благотворительности постыдно, то увеселительная благотворительность *преступна* [1]), ведя систематически и послѣдовательно къ нравственному отупѣнію и даже порочности. Тутъ отвѣтственность не предъ бѣдняками только, но и предъ церковію и предъ всѣмъ обществомъ".

Такимъ образомъ многообразныя причины, кроющіяся въ направленіи современной печати и въ современномъ направленіи искусствъ и художествъ, непосредственно приводятъ современное и подростающее поколѣніе *къ отрицанію закона* [2]) *на практикѣ*.

---

[1]) Такъ какъ „благотворительность"-то, особенно если отъ нея перепадаетъ кой-что на „свѣчки и ладанъ", во всякомъ случаѣ хороша, то слово „преступность", подчеркнутое въ подлинникѣ, относится очевидно къ *веселости*. „Кто веселъ—врагъ мнѣ", говоритъ Дерновъ и цитируемый имъ „органъ". А мы еще споримъ о направленіи христіанства. *В. Р—въ.*

[2]) Какого „закона"? Изъ ниже слѣдующаго видно, что „закона о бракѣ". Но какъ онъ состоитъ въ „плодитесь, множитесь", то казалось-бы, пластическое и музыкальное возбужденіе къ нему, конечно не ранѣе, однако и не позже каноническихъ для него лѣтъ (13 лѣтъ для дѣвушки и 15 для отроковъ) составляетъ нисколько не предметъ упрека, но предметъ похвалы, какъ воспомоществованіе мысли Божіей. Пусть оставитъ авторъ незнакомую и *враждебную* ему область. Нѣтъ, понятны становятся „тимпаны и трубы" древнихъ: „трубные звуки" въ храмѣ Соломоновомъ! Какъ и Давидъ, пляшущій передъ кіотомъ Завѣта, и при томъ „сбросивъ эфодъ", за что его упрекнула Мелхола (дочь Саула, возлюбленная

Но въ искусствѣ всего яснѣе отражается умственное настроеніе эпохи, господствующій интересъ ея мышленія, который и является основательною причиною всего направленія жизни данной эпохи.

Каково-же мышленіе настоящаго времени, вслѣдствіе котораго *законъ* о бракѣ *отвергается въ принципѣ?*

Въ самыхъ выдающихся, какъ говорятъ, образцахъ современной драмы, отражающей умственное настроеніе нашего времени,— мы видимъ- -проповѣдуется свобода [1]) любви, свобода личности [2]),

---

Давидова). Невозможно изъ этого систематическаго, *человѣкоубійственнаго* скопчества вырваться иначе, какъ ухватившись за плиты разрушеннаго-ох рама Соломонова: ибо если *это* (у Дернова) религія, то—и то́ религія-же. Онъ только въ предисловіи „помахалъ“ первой страничкой „Бытія“, предупредивъ крикъ: „это преступникъ! бойтесь его!!“ а затѣмъ во всемъ содержаніи и не вспомнилъ о *Бытіи*, о всей *Библіи*, ссылаясь лишь на „хилыхъ, лежащихъ въ постели старцевъ“, которыхъ „дѣвица потрогала за ногу“ и укусила „вожделѣніемъ“. Все это сплошная гадость, эти его авторитеты,—и весь докладъ его есть самое преступное выкапываніе самыхъ столбовъ брака. Но къ чему хитрить: размахивалъ-бы онъ уже съ самаго начала ножомъ Селиванова, говоря: „вотъ что вводитъ въ царство небесное“. А то „законъ“, „природа“, „общежитіе“, "семья“, „супружество“, „достигшіе зрѣлости юноши и дѣвицы“! Ну, „смотрятъ на картинки“, „слушаютъ музыку“, „terribile dictu — танцуютъ“. Очевидно, потому что *нравится*, и нравится потому, что *созрѣли*; стало быть, имъ надо дать: ему—*жену*, ей—*мужа*. Но во всемъ „докладѣ“ авторъ такъ-таки и не подступилъ къ жгущему скопческую душу пункту Быт., 1: „сотворилъ *помощницу ему*“, и онъ нигдѣ не сказалъ, когда-же и какъ подвести юношѣ дѣвушку, дѣвушкѣ—юношу. Мысль-то Божія никакъ и не выходитъ у него. Но тогда съ крикомъ: „это—не Божіе“, „это - отъ врага“ мы можемъ изодрать его докладъ въ куски, и, оставивъ „танцы“, „музыку“ и „пластику“, все это довести до высшей степени изящества, до религіознаго изящества: дабы оно стало религіознымъ путемъ, тропинкою къ религіозному соединенію. Преобразованіе скопческой музыки и пластики въ брачную, созданіе пластическихъ религіозныхъ формъ, какъ въ своемъ родѣ „подлинника“ супружества—вотъ проблема новаго религіознаго искусства. *В. Р—въ.*

[1]) Ага, добрался до главной собаки. Ну, конечно—зарыть ее! *В. Р—въ.*

[2]) Какъ это все связано! Какъ нужно запомнить этотъ путь сужденій. Да—*личность*, вотъ главный врагъ само-оскопившагося „обще-человѣка“, въ которомъ умерло *имя* подъ *клобукомъ*. Завистливо—онъ ненавидитъ *личность*, какъ бѣднякъ—богача. Отрѣшенный отъ любви, или имѣя подъ бокомъ „матушку“ съ капиталомъ—о, какъ онъ дрожитъ на свободную любовь! Тамъ—счастье, мимо котораго онъ прошелъ. Все онъ пожертвуетъ, даже самый капиталъ, чтобы стреножить бѣгунью въ полѣ. Прихрамывая, онъ будетъ слѣдить за ней, и не устанетъ, и своею злобою истомитъ ее: и наконецъ настигнетъ и накинетъ недоуздокъ. „Теперь ты моя, не вырвешься“. Такимъ „недоуздкомъ“ (все совершилось безотчетно въ вѣкахъ) сослужило скопцу когда-то, 1700 лѣтъ назадъ вырвавшееся у него „благопожеланіе“, благословеніе браку, то-же въ своемъ родѣ „предисловіе“, открывшее самую грустную книгу. Скопецъ—гордъ, и дорого цѣнитъ жемчугъ словъ своихъ: это благословеніе обошлось человѣчеству въ тысячи убившихся дѣвушекъ, убитыхъ дѣтей: ибо едва

особенно женщины отъ гнета семейной тиранiи [1]), разрывъ со средою, съ общественнымъ мнѣнiемъ, съ семьею. На основанiи какихъ воззрѣнiй?

Въ дѣйствительной жизни все это происходитъ у насъ прежде всего вслѣдствiе распространенiя сектантскихъ ученiй [2]), многiя изъ которыхъ, отрицая всѣ установленiя Церкви, отрицаютъ и бракъ и, льстя этимъ чувственности [3]), современныхъ людей,

---

поймавъ въ „недоуздокъ“ нѣкоторыхъ, онъ всѣхъ остальныхъ объявилъ „бѣглянками“, невозможными для общежитiя существами, нарушительницами воли своей и Божiей. „Недоуздокъ“ же онъ цѣнитъ дорого и всякое надѣванiе его обставилъ цѣною, формальностями, подробностями, которыя сообщили бы ему все пущую и пущую важность. „Моя власть“... И такъ это и до сихъ поръ слышится. *В. Р—въ*.

[1]) Какъ это все важно: „женщина—ты, когда любишь,—враждуешь противъ власти, среды, общественнаго мнѣнiя, семьи“. Все—уже приспособилось одно къ другому, слежалось въ комъ по-истинѣ падали, задавившей одну сверкающую подъ собою точку—*любовь*. „Любовь—вотъ врагъ брака!“ не это-ли восклицанiе есть въ сущности тысячелѣтнее восклицанiе богослововъ? Какъ странно: значитъ—*бракъ* безъ любви?! Какъ-же иначе? Когда любовь—врагъ брака, то стало быть бракъ—врагъ любви. Какое неестественное сцѣпленiе! Что совершилось? Мгла въ глазахъ, такъ страшно прочесть: вѣдь бракъ *родился* изъ любви, какъ-же они разошлись, стали враждебны? Но мы вспоминаемъ хромого ловца и недоуздокъ: затѣмъ онъ и путешествовалъ, чтобы выкрасть изъ мiра любовь. И когда онъ ее похитилъ и, отведя въ сторону, „закололъ, какъ послѣднюю языческую жертву“, то написалъ на водѣ пальцемъ: „бракъ“. Съ тѣхъ поръ всякiй разъ, когда безсмертное существо любви воскресаетъ, „бракъ“ блѣднѣетъ, теряется, не знаетъ, что сказать и зоветъ въ защитники Пушкина или Дернова; а когда заключается „бракъ“—страннымъ образомъ блѣднѣетъ и умираетъ любовь. Сказываютъ и пишутъ моралисты, что „бракъ въ цѣлой Европѣ умираетъ“. Но мнѣ кажется, можно предвидѣть, что когда онъ испуститъ послѣднiй вздохъ—вдругъ вся Европа зацвѣтетъ бракомъ, такъ что уголка въ ней безбрачнаго не останется. Ибо по аксiомѣ, „гдѣ умеръ бракъ—воскресла любовь“,—она вся зацвѣтетъ любовью, которая сольется съ бракомъ, и бракъ обратно сольется съ любовью. Тогда будетъ невиданное и во всякомъ случаѣ неустроимое для Дернова зрѣлище: земли, наполненной бракомъ, и притомъ рѣшительно вездѣ всецѣло и исключительно однимъ только счастливымъ бракомъ! Какое „смягченiе-то нравовъ“ произойдетъ: ибо какой-же счастливый дерется, кусается или воюетъ? Все это порождено желтымъ несчастiемъ! *В. Р—въ*.

[2]) Скажите, пожалуйста: паденiе семейнаго счастiя отъ пашковцевъ и толстовцевъ! также—и отъ старовѣровъ! Но вѣдь авторъ уже въ сужденiяхъ о бракѣ хлопочетъ объ одномъ интересѣ: „нашей власти“, и естественно, что „колебанiе нашего престижа“ въ бракѣ у него переходитъ въ киданiе озлобленныхъ взглядовъ вообще по линiи „колеблющихъ нашъ престижъ“. *В. Р—въ*.

[3]) Такъ вотъ въ чемъ дѣло: „бракъ—во умерщвленiе чувственности“. Ну, и понятно, сколько еще молодыхъ силъ остается въ человѣчествѣ—все это „вулканъ подъ бракомъ“. Мужъ Татьяны (Пушкинской), дующiй въ кулакъ и никакъ не могущiй согрѣться, есть идеалъ его: тутъ ужъ около него надъ нимъ все тихо. „Гиганты побиты, Прометей связанъ“, и Юпитеру-Дернову остается одно удовольствiе. *В. Р—въ*.

даютъ имъ опору для отрицанія закона [1]) въ принципѣ. Спеціалисты, имѣющіе дѣло съ сектантскими ученіями, могутъ указать, какія именно секты вредны и опасны въ этомъ именно направленіи.

Распространеніе гражданскаго брака на Западѣ вызвало у насъ уродливое явленіе, ведущее къ отверженію *закона въ принципѣ* [2]). На Западѣ замѣнили законъ церковный о бракѣ закономъ гражданскимъ вслѣдствіе борьбы Церкви съ государствомъ и, конечно, еще по несчастной склонности сердца человѣческаго къ своеволію, вслѣдствіе стремленія вырваться изъ границъ, положенныхъ закономъ Божіимъ, ради страстныхъ увлеченій и плотскихъ наслажденій [3]).

Чѣмъ инымъ можно объяснить нетерпѣливое желаніе нѣкоторыхъ народовъ западной Европы замѣнить христіанскій бракъ [4]), благословляемый церковью, *такъ называемымъ гражданскимъ*, если не стремленіемъ совершенно освободить свою совѣсть отъ напоминанія закона христіанскаго о храненіи вѣрности [5]), чистоты [6])

---

[1]) Да что за „законъ“, почему онъ все мелькаетъ? Ужъ не есть-ли „законъ о бракѣ“—„законъ безбрачія“? Кажется—такъ. Иначе, почему „льетя чувственности -отрицаетъ законъ“. *В. Р въ.*

[2]) Да что такое за „законъ въ принципѣ“? Развѣ въ „гражданскомъ бракѣ“ мужъ съ женой живутъ на разныхъ половинахъ квартиры? или, какъ Лаврецкій и супруга его, въ разныхъ государствахъ? Интересно знать, разъѣхавшись, Лаврецкій и жена его „нарушили-ли“ „законъ въ принципѣ“? Кажется—нѣтъ, ибо тогда духовная консисторія не приняла никакихъ мѣръ, и отказала Лизѣ Калитиной въ устроеніи ей семейнаго счастья. Итакъ, „законъ въ принципѣ“, повидимому, позволяетъ супругамъ иногда хоть вовсе не жить вмѣстѣ, но однако непремѣнно спросясь у церкви: напротивъ, когда мужъ и жена счастливо и вмѣстѣ живутъ и у нихъ каждый годъ рождается по хорошенькому ребепочку, но если это дѣлается съ санкціи одного государства, то „нарушается въ принципѣ Законъ“. Откуда явенъ итогъ, что сущность Закона Божія заключается въ повиновеніи „намъ“. *В. Р—въ.*

[3]) Жалобная панихида. *В. Р—въ.*

[4]) Мнѣ кажется бракъ христіанъ и *есть* христіанскій бракъ? Какой-же, не мордовскій-же? *В. Р—въ.*

[5]) Да вѣдь именно въ „христіанскомъ бракѣ“, соглашаясь съ терминологіей Дернова, *вѣрности* не требуется (Лаврецкій и жена его, Каренинъ и жена его). *В. Р—въ.*

[6]) Какая-же *чистота* у Анны, живущей съ мужемъ и Вронскимъ? и у жены Лаврецкаго, отдающейся парижскимъ актерамъ? Но консисторія въ обоихъ случаяхъ не развела ихъ, опираясь на слова Евангелія: „только ради *прелюбодѣянія* можно раводиться“, и слѣд. не признавъ „прелюбодѣяніемъ“ жизнь втроемъ, и даже—со многими. А консисторія чей „органъ“? Секретъ усилій къ „гражданскому браку“ едва ли и не есть единственный способъ вырваться къ чистотѣ въ бракѣ. Ибо если секретарю духовной консисторіи не претитъ, какъ будетъ жить Каренинъ, то вѣдь *самому*-то Каренину—претитъ? И вотъ, ничего не добившись отъ консисторіи, онъ потребуетъ гражданскаго брака, потребуетъ его и Лаврецкій, и Калитина—когда придетъ въ сознаніе. Потре-

и цѣломудрія въ супружеской жизни? Когда люди съ своимъ собственнымъ гражданскимъ закономъ въ рукахъ сами могутъ заключать браки и расторгать ихъ безъ мысли о Богѣ [1]) и безъ страха отвѣтственности передъ судомъ Его [2]): тогда и предъ людьми, и передъ дѣтьми, происходящими отъ такихъ браковъ, стыдиться нечего; все, даже и оставленіе дѣтей безъ попеченія отца и матери при разводахъ [3]), поставлено на законную почву, и не имѣетъ ничего заслуживающаго порицанія. Какъ же нашимъ слѣпымъ подражателямъ Европы не желать подобныхъ законовъ? При нихъ не будетъ этихъ церковныхъ правилъ, запрещающихъ браки въ близкомъ родствѣ, стѣсняющихъ произвольные разводы, предписывающихъ крещеніе и христіанское воспитаніе дѣтей [4]). Для нихъ не важно, что сама природа возстаетъ противъ нарушенія ея законовъ, производя золотушныхъ и глухонѣмыхъ [5]) дѣтей отъ браковъ въ близкомъ родствѣ, что дѣти

буютъ его всѣ несчастные, не потому, чтобы хотѣли въ супружествѣ жить безъ Божьяго благословенія, но потому что съ просьбою-то о немъ пошли не туда вовсе, не къ супруго-Сочетателю, а къ супругоРазъединителю. И эта ошибка адреса и произвела (вѣримъ—минутную) запутанность, именуемую „гражданскимъ бракомъ". Извѣстно, что казна бережетъ потерянныя вещи, пока не нашелся хозяинъ, ей-же отдаютъ и похищенныя вещи, отнятыя у вора. Тоже случилось на западѣ и съ семьей. *В. Р–въ.*

[1]) Да почему безъ мысли *о Богѣ*? Неужели и помолиться безъ требника нельзя? *В. Р—въ.*

[2]) Передъ судомъ консисторіи, и столь жестокой, безчувственной; но авторъ скашиваетъ на сторону глаза и пріемлетъ „имя Господа Бога всуе". *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ когда (не ранѣе) вспомнилъ о дѣтяхъ: когда подошла угроза „нашей власти". Ну, а что у русскихъ, рождающихся въ Петербургѣ, „и притомъ къ несчастію исключительно почти православныхъ" до одной трети ихъ—и отцы и матери отнимаются и по имени и иногда для пропитанія, что дѣти эти-же „бросаются въ непотребныя мѣста, или выправляваются", и все это при полномъ дѣйствіи „христіанскаго закона" (см. выше), то авторъ молчалъ. „Лицемѣръ, что говоришь о соломинѣ въ глазѣ брата твоего—изыми изъ своего бревно". *В. Р—въ*

[4]) Ну, наше „христіанское воспитаніе" въ воспитательныхъ домахъ, или—въ притонахъ, какъ у Скублинской? Вообще въ смыслѣ *урегулированности* и *упорядоченія* семейной жизни древніе афоризмы о бракѣ, годные для какой-нибудь Виѳаніи и Никомидіи, величиною въ нашъ Серпуховскій уѣздъ, рѣшительно непригодны. Какое-же было „упорядоченіе" семьи у Лаврецкаго: одна—пошла въ монастырь, другой въ одиночество, третья—побѣдительница всѣхъ—въ парижскія удовольствія, и все „по христіанскому закону". „Регулируетъ" то, что регулируетъ, а что не регулируетъ—то и не регулируетъ: и когда „правильной" жизни нѣтъ—то нѣтъ и „правилъ" иначе какъ мнимыхъ. *В. Р—въ.*

[5]) Скажите, пожалуйста. Эти „золотушные и глухонѣмые" сейчасъ выдвигаются впередъ, когда заходитъ вопросъ о „шестомъ свойствѣ и четвертомъ родствѣ", препятствующихъ у насъ вступать въ бракъ. Но эти „золотушные и глухонѣмые" весьма подобны актерамъ кукольнаго театра, которыхъ держитъ за ноги простоватый мужикъ; „мужикъ" на этотъ разъ никакъ не можетъ доказать, что у нѣмцевъ, англичанъ и у

безъ христіанскаго воспитанія [1]) становятся грубыми язычниками, что произвольные разрывы супружествъ разрушаютъ въ концѣ эти естественныя гнѣзда, называемыя семействами и предназначенныя для размноженія, охраненія и воспитанія птенцовъ рода человѣческаго [2]). *Но у насъ замѣчается нѣчто еще худшее*, чѣмъ борьба въ Европѣ за гражданскіе браки: у насъ люди свободно сошедшіеся, безъ разрѣшенія всякаго закона, не краснѣя живутъ вмѣстѣ, выѣзжаютъ, принимаютъ гостей и развязно говорятъ: „мы живемъ въ гражданскомъ [3]) бракѣ".

Философія, съ одной стороны, дающая направленіе умственному настроенію, а съ другой,—у насъ, при подражательности Западу, усвояемая потому, что она именно льститъ нашему чувственному настроенію,—философія послѣдняго времени есть въ

евреевъ, гдѣ шестое свойство и четвертое родство не соблюдаются, дѣти рождаются „глухонѣмыми" или „золотушными", и вообще болѣе хилыми, чѣмъ у русскихъ; во-вторыхъ, „мужикъ" не можетъ объяснить, какія-же дѣти рождаются въ „благословенномъ" бракѣ 69-лѣтняго тайнаго совѣтника съ 16-лѣтнею дѣвицей; въ-третьихъ, онъ не можетъ указать, почему-же „золотушными" должны дѣти рождаться, если чужіе другъ другу воспріемники одного ребенка отъ купели женятся? или—два родныхъ брата на двухъ родныхъ-же сестрахъ? или—послѣ смерти жены своей ея вдовецъ съ дѣтьми, чтобы не брать имъ чужой мачехи, женится на сестрѣ ея? *В. Р—въ.*

[1]) Просто—непостижимо: да отчего при гражданскомъ бракѣ не можетъ быть „христіанскаго воспитанія"? Можетъ быть законоучителя берутъ не изъ патеровъ? Да и какое у насъ воспитаніе при церковномъ бракѣ, воспитаніе хоть у Скублинской, въ Воспитательномъ домѣ, да и въ безграмотной деревнѣ? Справедливо замѣтилъ во „Власти тьмы" Толстой: „тычутся, какъ вылупившіеся цыплята, носомъ въ своей собственный навозъ". Нѣтъ, ужъ о „воспитаніи" Дерновъ не позаботился, и не о немъ онъ здѣсь заботится, а о привиллегіи на „недоуздокъ". *В. Р—въ.*

[2]) Хорошо „дворянское гнѣздо" у Лаврецкаго! А съ Лизой Калитиной могло-бы быть гнѣздо. Но „законы брачные" сему здоровому и нравственному гнѣзду возникнуть помѣшали. Пусть-же и хранятъ въ карманѣ и показываютъ всему свѣту протухлое яйцо „сохраненнаго" имъ гнѣзда m-me Лаврецкой, пожившей съ актерами въ Парижѣ и заведшей въ 2—3 дня интрижку съ Паншинымъ передъ глазами мужа. Нѣтъ, ужъ чужого добра, добра свободной и независимой любви въ бракѣ-вы, его творцы у насъ, не трогайте: и поноситесь съ той „семейкой", какую создали, и иллюстраціи которой дастъ ежедневно судъ. *В. Р—въ.*

[3]) Конечно - не могутъ назвать „гражданскимъ", ибо гражданство ихъ не признало; но разъ ихъ признаетъ *общество*—то вполнѣ могутъ назвать его „*общественнымъ* бракомъ": „общественно-*признаннымъ* бракомъ". Также могутъ назвать его „христіанскимъ": ибо христіанство не ограничивается требникомъ; и еще лучше и полнѣе—„*библейскимъ*". Это совершенно покрываетъ дѣло, ибо въ Библіи и лежитъ настоящій и единственный корень брака, который, упомянувъ въ началѣ доклада, на всемъ остальномъ его протяженіи оспариваетъ Дерновъ. Браки, о которыхъ онъ говоритъ, и суть невольная и безсознательная реакція къ Библіи, и борьба—съ убійцами ея. *В. Р—въ.*

сущности одна колоссальная проповѣдь эгоизма,—эгоизма [1]), возведеннаго въ принципъ, въ единственный и безусловный законъ жизни. Матеріализмъ и дарвинизмъ говорятъ: „нѣтъ человѣка, какъ самостоятельнаго-цѣлаго, онъ есть лишь продуктъ природы, міровыхъ законовъ и т. д.,—человѣкъ долженъ быть единственнымъ для себя законодателемъ, своимъ судьей и рѣшителемъ своей судьбы. Въ человѣкѣ все естественно, и борьба съ требованіями природы дѣло безполезное и даже вредное. Такъ-называемый наслѣдственный грѣхъ теологовъ есть не что иное, какъ простая животная природа человѣка. „Пить, ѣсть и женщину“ [2]) вотъ единственное естественное законное требованіе организма,—въ этомъ состоитъ сущность природы человѣка и способность ея къ развитію. Организмъ не можетъ господствовать надъ самимъ собою“.

Подъ угломъ такого воззрѣнія всѣ извращеннѣйшія похоти нашей природы должны считаться именно только выраженіемъ полноты нашей природы и какъ такія, конечно, уже не могутъ подлежать никакому стѣсненію или ограниченію.

Въ невозбранномъ раскрытіи всѣхъ вожделѣній нашей плоти усматривается совершенство жизни всего человѣческаго рода въ будущемъ. Происхожденіе добродѣтели цѣломудрія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ эгоизмомъ, который не желаетъ раздѣлять удовольствія своей любви съ другими и потому установилъ законъ о бракѣ.

Такими воззрѣніями, конечно, дается твердое основаніе для отверженія закона въ принципѣ, для погруженія въ пучину чисто животной жизни.

Пессимизмъ и буддизмъ, утверждающіе, что благо въ томъ, чтобы не жить, благо въ самоуничтоженіи, практическимъ слѣдствіемъ имѣютъ опять-таки чисто животную жизнь, наслажденіе и удовлетвореніе всѣмъ инстинктамъ тѣлесной природы, пока человѣкъ находится здѣсь на землѣ, пока онъ еще не истребилъ себя.

Вотъ современное направленіе философіи, гибельно вліяющее на воззрѣнія на бракъ и на данный Богомъ законъ, *отвергающее его въ принципѣ* [3]). По важности этотъ вопросъ требуетъ глубокаго обслѣдованія, которое, конечно, невозможно въ предѣлахъ

---

[1]) На „эгоизмъ“ надо у себя и въ своемъ вѣдомствѣ оглянуться. *В. Р—въ.*

[2]) „Вкусите отъ всѣхъ плодовъ земныхъ“... „вотъ тебѣ—помощница“: это гдѣ сказано? *В. Р—въ.*

[3]) И все „отвергающіе законъ въ принципѣ“. Дѣвство, аскетизмъ не правда-ли, вотъ *единственное* „отверженіе закона брака въ принципѣ“, и во всемъ докладѣ одинъ его авторъ и есть страшный борецъ, „отвергающій законъ въ принципѣ“. *В. Р—въ.*

настоящаго доклада, и безъ того занявшаго такъ долго ваше, досточтимые братія о Христѣ, вниманіе.

Что же сказать въ заключеніе нашихъ разсужденій? Къ чему должны быть направлены мѣры пастырей въ борьбѣ со зломъ, причины коего мы показали?

Высокое достоинство человѣка въ томъ, что онъ господинъ природы. Но ему, запечатлѣнному образомъ Божіимъ и получившему богоподобную природу, предназначены—только первоначально жизнь и развитіе среди природы видимой, а затѣмъ предназначено восхожденіе въ міръ духовный [1]), въ вѣчныя селенія его Создателя и Отца. Словами творческаго благословенія: „раститеся и множитеся и наполните землю" указано людямъ не только на высокое ихъ предназначеніе, но и [2]) на обязанность съ должнымъ вниманіемъ хранить въ себѣ творческую силу чадородія и воспитывать свое потомство согласно съ волею Божіею и предназначеніемъ человѣчества.

Посему, кромѣ законодательныхъ мѣръ, статистическихъ изслѣдованій и пастырскихъ мѣръ воздѣйствія на взрослыхъ, не самою ли главною мѣрою является забота пастырей о воспитаніи подростающаго поколѣнія, о разъясненіи ему *сущности закона* и воз-

---

[1]) Вотъ, вотъ! лезвіе скопца уже подкрадывается. *В. Р—въ.*

[2]) И все-то сплетено изъ „не только, но и": о *размноженіи* -ни слова: о *не* размноженіи—*все*. Совсѣмъ было подошелъ къ „плодотворенію", но вильнулъ въ сторону: „*храните* творческую силу чадородія". Да до какихъ лѣтъ? 65, когда вы охотно повѣнчаете? И для *кого* и для *чего* хранить: вѣдь до *невѣсты* вы такъ и не достукались, обошли ее бочкомъ, обругали вокругъ ея все, музыку, картины, и очевидно „хранить" „творческую силу" надо для могилы, гроба. Вотъ какъ унесешь ее туда, безъ потомства, вы радостно захлопнете крышку надъ „творческою силою", воскликнувъ: «видѣли-ли вы сатану, спавшаго съ неба, какъ молнія", „нынѣ- судъ князя міра сего", „я побѣдилъ міръ". Вѣщія слова. Грозныя пророчества. Кто сотворилъ женщину—сотворилъ красоту, притяженіе къ ней, вожделѣніе ея; сотворилъ возбудителей красоты, и появились музыка, художества, поэзія, явилась мудрость—философія. Но кто захотѣлъ-бы все это спрыснуть мертвою водой, достаточно было-бы перервать пуповину между женщиною и мужчиною. Взоръ творца померкнетъ, рѣзецъ выпадетъ у скульптора, цѣвница -у музыканта, а философія превратится въ искусственную и сухую игру. На развалинахъ міра появится оселъ съ длинными ушами и, чего добраго, пожалуй сочинитъ „докладъ" о вредѣ красоты и женщины, и какъ слѣдуетъ устроитъ семью и бракъ безъ женщины и красоты, но зато позвавъ „на бракъ въ Кану" самого длинноухаго докладчика, который ужъ замѣнитъ жениху вредную женщину, ляжетъ съ нимъ на новобрачную постель, но, вмѣсто брачнаго „грѣховнаго" удовольствія, цѣлую ночь ему будетъ ревѣть въ ухо наставленія о цѣломудріи, о воздержаніи, о смерти, гробѣ и будущей жизни. И, утѣшивъ въ томъ, что если самъ онъ конечно отъ осла не будетъ имѣть дѣтей, то зато оселъ охотно назоветъ его своимъ „духовнымъ сыномъ", что совершенно удовлетворитъ его въ чувствахъ родства. „Ибо преобразуетъ природное родство въ духовное". *В. Р—въ.*

можное устраненіе его отъ всѣхъ, указанныхъ нами, растлѣвающихъ вліяній?

Отсюда должны вытекать всѣ задачи дальнѣйшаго пастырскаго дѣланія, имѣющаго цѣлью воспитать: здоровое—физически—поколѣніе для общества и для государства, чистое, нравственное—для Церкви, и угодное Богу—для царства небеснаго.

XIX. Пастырское собраніе по вопросу о незаконныхъ сожительствахъ и мѣрахъ для борьбы съ этимъ зломъ.

Пастырское собраніе столичнаго духовенства, состоявшееся въ залѣ Общества духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православія 15 сего декабря, было продолженіемъ такового-же собранія 1 декабря. На первомъ предложенъ напечатанный уже въ „Спб. Дух. Вѣстн." докладъ А. Дернова „О незаконныхъ сожительствахъ и мѣрахъ къ борьбѣ съ этимъ зломъ",—въ собраніи 15 декабря надлежало приступить къ совѣщаніямъ по предложенному предмету.

Въ началѣ предсѣдатель собранія, прот. М. П. Горчаковъ, указавъ на сложность и многосторонность поставленнаго на обсужденіе предмета, намѣтилъ главныя составныя его части. При разсужденіяхъ и совѣщаніяхъ, согласно мысли о. протоіерея, придется I) выяснять значеніе законнаго и нормальнаго брака, какъ конкретнаго супружескаго союза, такъ и установленія въ строѣ человѣческаго общежитія—въ народѣ и государствѣ, для лицъ, вступающихъ въ бракъ, для дѣтей, семьи, потомства, родственнаго союза, сосѣдей, населенія въ обществѣ, народа, церкви и государства; II) указывать вредныя послѣдствія и пагубное вліяніе незаконныхъ сожительствъ для лицъ, повинныхъ въ этомъ, для дѣтей, семьи, рода [1]) и т. д.; III) устанавлять вѣрныя воззрѣнія на содержаніе, природу и существо законнаго и нормальнаго брачнаго союза; IV) опровергать распространенныя въ обществѣ разныя понятія о бракѣ—односторонніе, невѣрныя и извращенныя; V) изслѣдовать причины и обстоятельства, препятствующія установленію законнаго брака; VI) указать и выяснить

[1]) Оно заключается въ юридическомъ и экономическомъ (наслѣдственномъ) безправіи: уничтожьте его и вы устраните „вредныя послѣдствія и пагубное вліяніе незаконныхъ сожительствъ для дѣтей, семьи, рода". Но лиса знаетъ, какихъ она куръ воруетъ, и притворяется охранителемъ курятника. Нужно-бы говорить объ „умаленіи нашего престижа", при дарованіи такимъ дѣтямъ правъ. На это и рука не подымется; и такъ, что дѣти безправны—это твердо какъ замерзшій ледовитый океанъ, и вотъ когда они безправны и отъ этого, конечно, несчастны—„мы пожалѣемъ ихъ". *В. Р—въ.*

причины и обстоятельства, содѣйствующія распространенію незаконныхъ сожительствъ; VII) обнаружить и критически изслѣдовать отношенія къ разнообразнымъ явленіямъ, противнымъ цѣломудрію, дѣвству и т. п., законодательства уголовнаго, полицейскаго и военнаго, властей и общества; и наконецъ VIII) изыскать и указать пастырскія мѣры, какія можно предпринять противъ широкаго распространенія упадка цѣломудренныхъ отношеній въ населеніи столицы, соединеннаго съ ужасными послѣдствіями, подрывающими народное здоровье и благосостояніе.

Указаніе исчисленныхъ составныхъ частей общаго содержанія подлежащаго обсужденію собранія предмета не есть точная и опредѣленная программа для совѣщаній собранія, а можетъ служить лишь руководственною и путеводною нитію, около которой имѣютъ оріентироваться совѣщанія, разсужденія, воззрѣнія и разслѣдованія о сложномъ и многостороннемъ предметѣ, — о такихъ явленіяхъ въ населеніи г. С.-Петербурга, которыя составляютъ продуктъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и сложныхъ условій и причинъ, исторически развивавшихся и продолжающихъ дѣйствовать въ жизни нашего времени и находящихся въ зависимости отъ умственнаго и нравственнаго настроенія тѣхъ или другихъ слоевъ современнаго общества. Что касается до порядка, очереди и постановки частнѣйшихъ вопросовъ, то таковые могутъ опредѣляться какъ заявленіемъ 16 столичныхъ пастырей и содержаніемъ предложеннаго ранѣе доклада, такъ и ходомъ совѣщаній и желаніемъ по возможности скорѣе достигнуть результатовъ совѣщаній, необходимыхъ и полезныхъ для практической пастырской дѣятельности.

Содержаніе для первыхъ вопросовъ дается заявленіемъ 16 пастырей отъ 5 ноября о ежегодномъ поразительно великомъ количествѣ зарегистрованныхъ въ Статист. Отд. Думы незаконнорожденныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, сравнительно съ числомъ законнорожденныхъ, и о томъ, что эта регистрація свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи въ нашемъ городѣ незаконныхъ сожительствъ. Но эти размѣры незаконныхъ сожительствъ въ Петербургѣ не могутъ казаться ужасающими по общему числу неженатыхъ въ Петербургѣ, сравнительно съ количествомъ состоящихъ въ бракѣ. По однодневной переписи 1890 года, значится: холостыхъ мужчинъ въ Петербургѣ, находящихся въ брачномъ возрастѣ отъ 21 года, 118,811 лицъ, а женатыхъ 203,853, вдовыхъ 12,162, разведенныхъ 1057, неизвѣстнаго состоянія 1669 [1]);

[1]) Т. е. *внѣ*-семейнаго состоянія: 118.711 + 12.162 + 1,057, *а всего 131,930* мужчинъ брачнаго возраста на 203,853 *внутрь*-брачнаго состоянія. Поразительно, что какъ докладъ А. Дернова, такъ и вызванныя имъ пренія даже не упоминаютъ о проституціи и домахъ терпимости. Между тѣмъ очевидно, что цифра 131,930 *дѣлится на двѣ*: прости-

дѣвицъ отъ 16 лѣтъ 133,764 (замужнихъ-же 136,249), вдовицъ 58,000, разведенныхъ 1,733 [1]), неизвѣстнаго состоянія 1,808. Статистика не даетъ отвѣта на вопросъ о числѣ незаконныхъ сожительствъ въ столицѣ, а весьма важно [2]) было-бы точно знать ихъ цифру. Ежегодный подсчетъ статистическихъ цифръ о числѣ новорожденныхъ въ Петербургѣ въ году дѣтей—законныхъ и незаконныхъ и о числѣ заключаемыхъ браковъ, по матеріаламъ изъ метрическихъ книгъ, пастырямъ церквей столицы вовсе не извѣстенъ. Неизвѣстно и процентное отношеніе числа рожденій, супружествъ и браковъ къ общему количеству православнаго населенія въ столицѣ [3])

Были голоса, что въ данномъ случаѣ важно для пастыря знать о существованіи лишь самаго зла [4]) и имѣть средства для борьбы

туціонную, громадную, и очень небольшую къ несчастію (вотъ и пришлось сказать) незаконныхъ сожительствъ, т. е. не вѣнчанныхъ семей И какъ только вы ударите по вторымъ, явленіе подъ ударомъ опадетъ и *пропорціонально вспухнетъ въ проституціонномъ*. Потому что пуху некуда дѣться, онъ можетъ только перемѣститься. Не связывая этихъ явленій и крича только о какомъ-то неизвѣстномъ цѣломудріи, и Пастырское собраніе и Дерновъ въ сущности борются *за проституцію, въ пользу* проституціи. Таковы плоды наивности въ сложныхъ вопросахъ. *В. Р—въ.*

[1]) Итакъ *внѣ*-брачныхъ женщинъ брачнаго возраста: 133,764 + + 58,000 + 1,733, а *всего 193,497* на 136,249 брачныхъ. Вотъ эта цифра и есть корень всего дѣла. Но пастырское собраніе такъ лѣнивно къ нимъ отнеслось, что даже не подсчитало итога. *В. Р—въ.*

[2]) Когда были однодневныя переписи въ столицѣ, то въ табличкахъ о всемъ крупномъ и мелкомъ спрашивалось Но поразительно, что такой крупный фактъ, какъ „незаконное сожительство“, показующій *желаніе семейно жить* и *недопущеніе* самимъ закономъ человѣка *до семейной жизни*—вовсе въ вопросныхъ пунктахъ не содержался. Нельзя сказать, чтобы статистики *не знали* объ этомъ, на улицѣ и средь бѣла дня лежащемъ, фактѣ: но, очевидно, они боялись опрашиваемыхъ *обидѣть вопросомъ*, получить дерзость или ложь въ отвѣтъ: это показуетъ, на какой низкой степени опозоренности стоитъ въ оффиціальныхъ и вообще въ свѣтскихъ глазахъ „незаконное сожительство“. А если оно такъ низко стоитъ, что о немъ даже въ статистическомъ листкѣ спросить нельзя, то будемъ-ли мы осуждать дѣвицъ, вдовъ, что онѣ скрываютъ *всячески* рожденія. А если *скрываютъ* и *не могутъ, не смѣютъ* подъ давленіемъ общества не скрыть: то смѣемъ-ли *мы* отречься, что само общество и „ésprit des lois“ требуетъ убіенія дѣтей ихъ. Правда, не прилагая къ этому рукъ, и вообще издали, сторонясь. Но вѣдь бываетъ на войнахъ, что цѣлый отрядъ, корпусъ, армія *сдается безъ выстрѣла*: она уже такъ окружена, что не можетъ не сдаться. Вотъ и дѣвушка или вдова-христіанка тоже „такъ окружена“, что не можетъ „не сдаться въ материнствѣ“, и бросаетъ ребенка въ прорубь, на чердакъ, въ отхожее мѣсто, только дабы явиться „чистою“, „неосужденною“ въ глазахъ „цѣломудренныхъ“ (идеалъ Дернова) ее окружившихъ полячицъ. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, т. е. ничего не извѣстно заботливымъ пастырямъ. *В. Р—въ.*

[4]) Ну, конечно, говори „вообще“, и даже ужъ лучше говори „о порокахъ Византіи въ вѣкъ Іоанна Златоуста“; а кто имѣетъ умъ—переложитъ это на себя и современниковъ. Передъ глупыми-же „не мечите бисера“. *В. Р—въ.*

съ нимъ. Но вопросъ самъ собой ставился шире: полезно-ли и необходимо-ли, для правильной и цѣлесообразной постановки пастырской дѣятельности, вообще знать положеніе своей паствы во всѣхъ отношеніяхъ возможно точнѣе. Важно въ каждый данный моментъ каждому пастырю имѣть возможно точныя свѣдѣнія о числѣ прихожанъ каждаго прихода, ихъ семейномъ положеніи, вообще данныя для опредѣленія нравственнаго состоянія его паствы. Несомнѣнно, препятствіями на пути къ пріобрѣтенію таковыхъ свѣдѣній являются трудность собиранія, подвижность столичнаго населенія изъ прихода въ приходъ, изъ города въ провинцію, разработка статистическихъ матеріаловъ, обнародованіе ихъ, безпрерывное продолженіе собиранія и изданія и т. п. Но, во-первыхъ, безъ труда ничего не дается; во-вторыхъ, благодаря успѣхамъ науки статистики, есть возможность собирать и разработывать эти матеріалы и для цѣлей пастырской дѣятельности. Въ виду того, что самое собираніе статистическихъ свѣдѣній ведетъ къ прямому непосредственному знакомству пастыря съ его паствой, что и дознано на опытѣ, мысль о важности учрежденія особаго статистическаго комитета или бюро для собиранія и разработки свѣдѣній, полагаемыхъ въ основу пастырскаго воздѣйствія, завоевывала все больше сочувствія въ собраніи. Въ заключеніе, собраніе преобладающимъ большинствомъ голосовъ высказалось за необходимость осуществленія этого дѣла въ такой или иной формѣ и постановило: представить Епархіальному Начальству о разрѣшеніи учредить статистическій Комитетъ для цѣлей пастырской дѣятельности и, по полученіи разрѣшенія, составить комиссію для организаціи Комитета и его дѣятельности [1]).

Переходя къ вопросу о внѣбрачныхъ сожительствахъ, собраніе остановило прежде всего вниманіе на данныхъ для этого явленія. Несомнѣнно, подавляющее большинство виновныхъ въ этомъ падаетъ на холостяковъ [2]). Весьма интересную историческую справку о развитіи въ Россіи холостячества представилъ о. предсѣдатель. До Петра I въ Россіи холостячества не было. Всякое лицо, достигшее брачнаго и возмужалаго возраста, заботилось о вступленіи въ законный бракъ и объ учрежденіи семьи. Не женившіеся или въ монастырь, незамужнія туда же, или станови-

---

[1]) Объ этомъ, кажется, поговорили, но ничего не сдѣлали. Да и не нужно. Ибо вѣдь въ чемъ *суть* пастырскихъ усилій? Крикнуть: „не нужно", „уберите" о томъ, чего нельзя и не слѣдуетъ убирать (выйдетъ убійство дѣтей, разрывъ семей). Такъ не все-ли одно, раздастся-ли крикъ этотъ къ 125.135 или сколько ни на есть семей? Выйдетъ пожалуй хуже, пожалуй что выйдетъ тяжелѣе. Вотъ почему ужъ лучше въ темнотѣ. Какой теленокъ не прячется отъ стерегущаго льва, или, чтобъ не очень грозно,—отъ стерегущихъ шакаловъ. *В. Р—въ.*

[2]) Которымъ, какъ солдатамъ, офицерамъ, слушателямъ высшихъ заведеній—*запрещено* жениться. Такъ говоритъ не левъ, а шакалъ. *В. Р—въ.*

лись черничками, то-есть подвижницами въ мірѣ. Бобыли и бобылки были безъ всякаго значенія въ населеніи.

Со временъ Петра пошли холостяки—сначала только переселившіеся къ намъ изъ-за границы, на службу государству, иностранцы, мастеровые, плѣнные шведы и т. п.; потомъ запрещено было жениться дѣтямъ [1]) дворянъ, не поступавшимъ въ школы и на службу государству.

Число холостыхъ особенно стало возрастать съ того времени, какъ увеличилось и преобразовано регулярное войско: дѣти духовенства, не вступившія въ школу, брались въ солдаты, помѣстные дворяне въ молодости, до женитьбы, призывались на службу и оставались холостыми; состоящимъ на военной службѣ, для вступленія въ бракъ, требовалось дозволеніе начальства,—гардемаринамъ съ 1722 г., служащимъ въ пѣхотныхъ полкахъ нижнимъ чинамъ съ 1764 г., въ конныхъ - съ 1766 г., офицерамъ—

---

[1]) Вотъ тутъ-бы *въ свое время* духовенству и предстать съ мужествомъ: ну, хоть съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ Арсеній Мацѣевичъ вступился за церковныя имущества (при Екатеринѣ II). Но Мацѣевичъ, *за себя и свое* вступившись, потерпѣлъ аварію; невозможно было *смѣло, твердо* и *до конца* эгоистическое отстаивать. А отстаиваніе народнаго достоянія, брака, правъ семьи, первой и очевиднѣйшей заповѣди, въ св. Писаніи прописанной,—могло-бы быть безконечно мужественнымъ, сложить историческую отличную память духовенству, могло бы быть успѣшнымъ, опираясь на слово Божіе (Мецѣевичъ шелъ *противъ* слова Божія: „не собирайте сокровищъ вашихъ на землѣ, а собирайте ихъ на небеси: ибо гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше", сказалъ Спаситель). Филаретъ митрополитъ, въ единственномъ допущенномъ императоромъ Николаемъ Первымъ случаѣ брака двоюроднаго брата съ двоюродною сестрою едва не подалъ въ отставку, и уже написалъ императору прошеніе объ этомъ, но только не рѣшился послать и оставилъ его въ черновикѣ (приведенъ у Барсукова въ „Жизни и трудахъ Погодина"). Вотъ какъ сильно было волненіе отъ формы *не каноническаго* брака, однако, въ Германіи и Англіи допускаемаго, вообще *человѣкоподобнаго*: не явно-ли, что если нѣтъ и *никогда не было* ни у одного іерарха аналогичнаго волненія ни отъ разрѣшенія государствомъ домовъ терпимости, ни отъ хроники дѣтоубійствъ, ни отъ запрещенія Петромъ Вел. жениться дворянамъ неграмотнымъ, а теперь — излишне грамотнымъ (студенты высшихъ заведеній) и офицерамъ и солдатамъ: то не явно-ли, говорю я, что все это и *было допущено іерархіею, равнодушно съ этимъ примирившеюся, едва-ли даже это замѣчавшею*. И „Пастырское собраніе", говоря о Петрѣ, столь поздно говоря (черезъ 2 вѣка!), должно бы собственно *о себѣ* говорить, о своихъ *предшественникахъ*, отстоявшихъ и противъ государства всяческія браки „въ одиннадцатомъ свойствѣ и девятомъ родствѣ", а вотъ не отстоявшихъ и *не отстаивавшихъ* 1-ю страницу св. Писанія: „плодитесь, множитесь, наполните землю". Если-бы вся Духовная Коллегія in pleno подала Петру Вел. отставку при попыткѣ ввести насильственное безбрачіе юныхъ: онъ справился бы съ св. Писаніемъ и взялъ-бы указъ назадъ. Яковъ Долгорукій не такъ поступалъ. Не встрѣтивъ протеста со стороны духовенства, явно Петръ В. и не думалъ, что что-нибудь нарушалъ. Sic transit gloria mundi, можемъ сказать о пастухахъ, давшихъ въ зарѣзъ овцу-бракъ. *В. Р—въ.*

съ 1800 г., всѣмъ вообще—съ 1833 г. [1]). Въ наше время, въ 70-хъ годахъ, узаконенъ особый брачный возрастъ для офицеровъ, которые до 23 лѣтъ вовсе не могутъ вступать въ бракъ, а отъ 23 до 28 лѣтъ — могутъ съ дозволенія начальства, но съ представленіемъ въ обезпеченіе семьи 5,000 руб. Въ настоящее время въ печати извѣстенъ проектъ новаго закона, которымъ предполагается воспретить офицерамъ вступленіе въ бракъ до полученія ими чина или жалованья, обезпечивающаго, по возрѣніямъ начальства, приличное содержаніе семьи.

Въ крестьянскомъ населеніи во времена крѣпостного права холостячества не было. Интересы помѣщиковъ требовали [2]) имѣть въ вотчинахъ сколько возможно больше „тяголъ“, - съ каждымъ бракомъ число тяголъ увеличивалось, потому что тягло налагалось на женатаго крестьянина. Холостяки въ деревняхъ встрѣчались только между дворовыми. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права стало развиваться холостячество и между крестьянами. Въ городскомъ населеніи среди купцовъ и мѣщанъ это явленіе развивалось медленнѣе, въ настоящее время и въ немъ оно очень не рѣдко. Запрещеніе лицамъ, состоящимъ въ гражданской службѣ,

---

[1]) Смотрите, какъ все знаютъ. „Ученый народъ“. Только *Бытія* 1 гл. забыли; „не было случая вспомнить“. *В. Р.—въ.*

[2]) Такъ вотъ что: *интересъ къ приплоду*, увеличеніе „живыхъ душъ“, рабочихъ рукъ у почти заводчика-плантатора, скрещивавшаго дѣвокъ и парней почти, какъ конскій хозяинъ скрещиваетъ кобылъ и жеребцовъ, все же повело къ такому безкопечно *благодѣтельному факту*, каменностойкому до 1874 года (всеобщая воинская повинность), какъ непремѣнная въ деревнѣ женитьба 18-лѣтняго парня на 16—17 лѣтней. Въ *обычай* вошло, *нормой* стало; тамъ не видапы, не слыханы старые браки, 60-лѣтнихъ „тайныхъ совѣтниковъ“ съ 16-лѣтними „институтками“. Таково-то дѣйствіе *грубѣйшихъ инстинктовъ, совпадающихъ* съ дѣломъ! Но тончайшее и возвышеннѣйшее ученіе Библіи о бракѣ, *раввинами приведенное въ абсолютное у евреевъ исполненіе*, у нашего духовенства вывалилось изъ рукъ, оно ничего въ отношеніи къ браку не дѣлало и только писало возвышеннѣйшія поученія въ духовныхъ журналахъ на тему о святости христіанскаго брака, подъ чѣмъ всегда разумѣлось строжайшее соблюденіе каноническихъ правилъ и невыходъ изъ подъ руководства духовенства: и плоды этого на лицо. Просто „интересы духовенства“ (въ противоположность интересамъ помѣщиковъ) *не совпадали съ браком*ъ: были *безразличны*: внѣ круга *власти, богатствъ* и проч. духовенства: и вотъ послѣдствіе—семейное состояніе высшихъ классовъ, не бывшихъ крѣпостными—явилось отсюда. Взирая на этотъ историческій прецедентъ, можно задуматься надъ вопросомъ: а какъ-бы *передать все регулированіе брака и семьи*, законодательство его и администрацію, въ руки власти хотя-бы очень грубой, хотя-бы ничего въ бракѣ не понимающей, но зато „заинтересованной въ здоровьѣ приплода и въ здоровьѣ населенія“. Невольно приходитъ на умъ медицина, сонмъ медиковъ, которые пожалуй дали-бы результаты управленія еще лучше, чѣмъ бывшіе помѣщики. „Въ тайнахъ Божіихъ мы не понимаемъ: намъ здоровья нужно“. Но съ Богомъ-*благодѣющимъ* здоровье совпадаетъ: и медики лучше всего, хоть и слѣпо выполнятъ заповѣдь Божію. *В. Р—въ.*

жениться [1]) безъ дозволенія начальства сперва является съ конца XVIII в. и то въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ,—а съ изданіемъ Свода законовъ 1832 г. общимъ закономъ требуется для вступленія въ бракъ всякаго чиновника дозволеніе начальства. Въ настоящее время холостячество достигаетъ очень широкаго распространенія не только въ высшихъ, но и среднихъ и низшихъ классахъ населенія. Самыя причины его стали со временемъ совершенно иныя: экономическія [2]), бытовыя, соціальныя, и направленія времени нравственное и умственное и законодательство отчасти [3]). Въ за-

---

[1]) Поразительно, что даже области, ничего общаго со скопчествомъ не имѣющія, не справляющіяся для своихъ дѣлъ и съ Евангеліемъ, дѣйствуютъ всетаки въ духѣ скопчества. Тутъ какая-то магія. Подземный темный огонь, подогрѣвающій снизу и невидимо пласты земли. Что за дѣло чиновникамъ до „женитьбы“? Не очевидно-ли, что семейный чиновникъ благонадежнѣе, устойчивѣе холостого? Однако, нормальнымъ и естественнымъ мыслится холостое состояніе. Если-бы чиновникъ „испрашивалъ дозволенія остаться холостымъ“—мыслился-бы нормою бракъ. Такимъ образомъ произошло всеобщее космическое качаніе брака, которому учрежденія, законодатели безсознательно и слѣпо подчиняются, „творятъ волю Его“, кого по имени и назвать не умѣютъ. И въ тоже время что это все отъ „Лукаваго“,—видно изъ того, что на вопросъ: „чѣмъ держится отечество, государство, общество“, рѣшительно каждый законодатель и чиновникъ, всякій король отвѣтитъ: „конечно семьею, семейнымъ бытомъ“. Неужели тутъ не магія, не „темная вода“ въ глазу?!! Такъ вѣдь и всѣ сужденія Дернова и пастырскаго собранія, начинаясь столь очевидною „славою“ семьи, „gloria familiae“, во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи полны раздраженія на рожденныхъ и рождающихъ. Теперь, если-бы 1,000 лѣтъ духовенство ежегодно, по каждому поводу, при каждомъ случаѣ, какъ это раввины дѣлали у евреевъ, напоминали о первой заповѣди „плодитесь“ государству, людямъ государственнымъ, королямъ, частнымъ человѣкамъ: то, конечно, въ концѣ концовъ они „вбили“ бы въ законы и народы *обычай*, какъ помѣщики за 400 лѣтъ заботъ о „приплодѣ“ вбили въ крестьянъ непререкаемый, *своеобычный*, законъ женится въ 18 лѣтъ на 16-лѣтней. *В. Р—въ.*

[2]) Служа на службѣ въ контролѣ, я наблюдалъ странную вещь: какъ только чиновникъ въ *низшихъ чинахъ*, жалованье крошечное такъ женатъ и непремѣнно много дѣтей! и не жалуется на это, хотя выбивается изъ силъ!! въ то же время всегда это смышленый и полезный чиновникъ. Совсѣмъ другая картина выше: „ну, что-же, можетъ быть у васъ невѣста есть“; спросишь чиновника 35—40 лѣтъ, получающаго отъ 2,800 до 3,500 руб. жалованья. Въ отвѣтъ совершенно твердое и *искреннее*: „что-же я буду пролетаріевъ разводить?“ Покойный мой братъ мнѣ говорилъ, что съ женитьбою, послѣ которой сейчасъ пошли у него дѣти, расходы его на прожитіе не только не увеличились, но даже чуть-чуть сократились, отъ бережливости и аккуратности въ тратѣ денегъ. У холостого деньги, что называется „горятъ“, сыплются въ дыры, на извощиковъ, на бутылку вина, на букетъ цвѣтовъ, на платье у лучшаго портнаго, на карты, на театръ; а у семейнаго вдругъ каждая копѣйка теряетъ крылья и пріобрѣтаетъ очень стойкія ноги. Она лежитъ въ столѣ, упирается ногами, и ее можно выпанцить, а сама она не выйдетъ. *В. Р—въ.*

[3]) Какъ осторожно это «отчасти» въ отношеніи къ законодательствующему государству. Вотъ такая-то боязливость и «дипломатія» и

висимости отъ увеличенія числа холостяковъ растетъ и число дѣвицъ, при чемъ замѣчательно, что послѣднія, принадлежащія къ интеллигентнымъ семействамъ, быстро прогрессируютъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и въ практической жизни, а мужская молодежь, вслѣдствіе порочнаго, нерѣдко невольнаго и принужденнаго [1]), безбрачія, декадентствуетъ. Это тѣмъ болѣе опасно, что есть возрастные молодые люди, которымъ не дозволяется жениться за то, что они посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ или спеціальному призванію жизни, какъ-то студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній и офицерамъ. Должно выяснить, насколько вредны [2]) подобныя ограниченія установленнаго общимъ закономъ, основаннаго на законѣ физической и нравственной природы человѣка, вложенномъ въ нее самимъ Творцомъ Богомъ, права „лицъ *всѣхъ*, безъ различія состояній вступать въ бракъ, не испрашивая на сіе *ни особаго отъ правительства дозволенія*, ни увольненія отъ сословій и обществъ, къ коимъ они принадлежатъ" (Гражд. зак. т. X. ч. I, стр. 1). Долгъ пастырей высказаться, должны ли быть и основательны ли [3]) такія ограниченія. Особенное вниманіе обращено собраніемъ пастырей на проектъ закона о разрѣшеніи офицерамъ жениться, какъ оказывается, почти только на исходѣ молодости, лѣтъ подъ сорокъ, когда обезпеченіе офицера приближается къ требуемой проектомъ нормѣ. Было сообщено, что на страницахъ военныхъ журналовъ проектъ будущаго закона обсуждается очень горячо и приводитъ молодыхъ людей, состоящихъ въ военной службѣ, прямо въ ужасъ. Молчаніе духовенства, замалчиваніе предмета духовными журналами, является не соотвѣтствующимъ ихъ назначенію и задачамъ ихъ

породили зло, нерадѣніе, а въ государственныхъ людяхъ и писателяхъ неуваженіе къ духовному чину. Вѣдь и Петръ Вел. сперва нашелъ сонмъ трусовъ, а затѣмъ далъ имъ въ начальники „изъ офицеровъ добраго человѣка", мужа прямого и добросовѣстнаго, который бы добросовѣстно ему всѣ дѣла докладывалъ. *В. Р—въ.*

[1]) Тутъ-то бы и не надо скользить, а внимательно остановиться. *В. Р—въ.*

[2]) Да нѣтъ, не «выяснить» у себя въ журнальцѣ, языкомъ робкимъ и нерѣшительнымъ, а напр. составить процессію съ хоругвями и иконами и сонмомъ іерарховъ впереди и пойти „предстательствовать", куда слѣдуетъ и передъ кѣмъ слѣдуетъ. Но у насъ энергично просить умѣютъ только мальчики и о пустякахъ, а старцы... умѣютъ только винтить стулъ сѣдалищной частью. *В. Р—въ.*

[3]) Ну, положимъ, объ „основательности" своихъ мотивовъ каждое вѣдомство, напр. военное, само знаетъ. Но вѣдь какъ бы ни понадобилось военному вѣдомству, напр., повѣнчать какого-нибудь дядю на племянницѣ, кузена на кузинѣ, духовное вѣдомство, законъ, администрація духовная скажутъ: „нельзя—и баста". И послушаются *„нельзя"*. Такъ вотъ такого-то *повелительнаго* „нельзя" и не доставало 1000 лѣтъ, его-то не услышавъ, гражданскія вѣдомства и стали запрещать вступать въ бракъ офицерамъ, солдатамъ и студентамъ. *В. Р—въ.*

дѣятельности. Собраніе горячо приняло къ сердцу возможное въ будущемъ ненормальное положеніе офицеровъ и рѣшило выяснить точку зрѣнія пастырей церкви на опасный своими слѣдствіями для населенія Россіи проектъ закона. Для составленія доклада, имѣющаго обсудить вопросъ всесторонне, избрана особая комиссія. Собраніе выслушаетъ докладъ въ ближайшемъ послѣ новаго года засѣданіи и указаннымъ въ уставѣ Общества путемъ будетъ ходатайствовать о принятіи высшею церковною властію во вниманіе пастырскаго заявленія [1]).

Слѣдующимъ, по очереди, былъ вопросъ о существующихъ на практикѣ препятствіяхъ и затрудненіяхъ при веденіи брачныхъ дѣлъ въ приходахъ. Горячи и убѣжденны были въ данномъ случаѣ заявленія приходскихъ пастырей. Вѣнчаніе обставлено такими предварительными формальностями, что строгое соблюденіе ихъ ведетъ къ разстройству не одного брака. Часто не достаетъ какого-либо документа, или документъ чѣмъ-либо недостаточенъ, и вѣнчать нельзя. Положимъ, потеряно свидѣтельство по отбыванію воинской повинности; новаго не получить, а безъ свидѣтельства нельзя вѣнчать, хотя всѣ прочіе документы вѣрны и достаточны. Нерѣдко въ паспортахъ не прописано, холостъ или нѣтъ. Возвращаетъ священникъ документъ для отсылки въ волостное правленіе, чтобы прописали; приносятъ обратно, отмѣченъ холостымъ, но нѣтъ ни печати, ни подписи -неизвѣстно, кто прописалъ. Еще пишутъ—„въ бракѣ не состоитъ“; нерѣдко это значитъ и вдовъ, а можетъ быть вдовъ послѣ третьяго брака [2]). При строгомъ соблюденіи формальностей рѣдкій бракъ можно повѣнчать на точномъ ихъ основаніи [3]). Много недоразумѣній при вѣнчаніи воз-

---

[1]) Да духовенство прямо въ правѣ было-бы заявить, *и это было-бы дѣйствительно*, что оно отказывается вносить и не будетъ вносить въ рубрики „незаконнорожденныхъ“ всѣхъ дѣтей, рождаемыхъ дѣвицами и вдовами отъ мужчинъ зрѣлаго возраста и холостыхъ, которымъ бракъ запрещенъ, какъ въ особенности отъ офицеровъ. Образовался бы такимъ образомъ матернатъ, и законъ о безбрачіи офицеровъ остался-бы безъ дѣйствія. *В. Р—въ.*

[2]) Давно пора въ единственную основу при вѣнчаніи взять слова Апостола: „для избѣжанія блуда каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа“. Поэтому каждый рѣшительно единичный отказъ повѣнчать сотворятъ одного блудника и одну блудницу. Поэтому, кто творитъ блудниковъ и блудницъ, съ этими безчисленными отказами вѣнчать, довольно ясно отсюда. Мысль о передачѣ „команды“ въ бракѣ естествоиспытателямъ право навязывается. „Дайте приплодъ! а то сухая смоковница сама не имѣетъ плода и у міра отняла его“. *В. Р—въ.*

[3]) А сколько тутъ вымогательства денегъ происходитъ! Какъ есть недочетъ въ реестрѣ документовъ, такъ есть почва для „благодѣющаго“ владыки брака сказать: „не могу благословить, *добавь въ мошну*“. Да вѣдь это такъ и на дѣлѣ. всѣ знаютъ эти случаи. Да и випить очень строго страшно: кто откажется отъ *возможнаго* и *растяжимаго* отъ 10 р. до

буждаютъ оглашенія или оклички. Въ духовенствѣ существуетъ убѣжденіе [1]), что, по закону, оглашеніе должно производиться на мѣстѣ происхожденія жениха и невѣсты. Но въ Петербургъ многіе пріѣзжаютъ еще мальчиками и дѣвочками, здѣсь выростаютъ, на родинѣ ихъ забываютъ, мѣстный причтъ свѣдѣній о нихъ не имѣетъ, и при отсутствіи на родинѣ близкихъ родныхъ, готовыхъ похлопотать, получить окличку почти невозможно. Требовать отъ подобныхъ лицъ свидѣтельства объ оглашеніи ихъ на родинѣ почти равносильно отказу ихъ повѣнчать. Нерѣдко мѣстные причты при запросахъ къ нимъ или отказываютъ въ свѣдѣніяхъ, за неимѣніемъ ихъ, или совсѣмъ не отвѣчаютъ. Свѣдѣнія о состояніи крестьянъ должны быть въ волостныхъ правленіяхъ, свѣдѣнія въ приходѣ болѣе или менѣе случайны, собираются въ деревняхъ иногда путемъ опроса. Оклички по мѣсту нахожденія едва-ли достигаютъ, такимъ образомъ, своей цѣли. Невозможно бываетъ путемъ оглашеній обнаружить между брачущимися и родство. Родство жениха обыкновенно не знаетъ родства невѣсты, если брачущіеся разныхъ губерній: и тутъ возможны нарушенія степеней родства [2]). Наконецъ, оклики доставляютъ брачущимся множество затрудненій и хлопотъ, изъ-за нихъ проходятъ сроки для вѣнчанія (мясоѣды), женихъ и невѣста начинаютъ сожительствовать незаконно, бываютъ матеріальныя потери и убытки, страдаютъ родители и т. д. При всемъ томъ нѣсколько несправедливо [3]), что вся эта тягота ложится исключительно на крестьянское насе-

---

100 р., до 500 дохода!!! А какой соблазнъ—и какое отсюда развращеніе духовенства. Вотъ о чемъ-бы думать! и законамъ и администраціи!!! и свѣтскимъ, и духовнымъ!!! Но всѣ молчатъ, видятъ и молчатъ. *В Р—въ.*

[1]) Что это такое за „существуетъ убѣжденіе“? Это еще какой-то апокрифъ! не говорится: „въ законѣ написано и духовенство не можетъ“, а „въ духовенствѣ существуетъ убѣжденіе“, и, замѣтьте, на почвѣ коего, по праву коего, по *безаконію* коего, отказываютъ въ вѣнчаніи почти всему пришлому въ Петербургъ рабочему населенію (см. слова ниже)!. Можетъ-ли безобразіе и *безславіе* дѣла далѣе простираться! И вотъ *откуда*, отъ этого тысячелѣтняго „спустя рукава“ —„незаконныя сожительства“, въ которыхъ духовенство-же обвиняетъ міръ, и еще обвиняетъ, уже предварительно лишивъ такихъ дѣтей „всѣхъ правъ состоянія“, включительно съ правомъ назвать своихъ родителей „отцомъ“ и „матерью“. „Мы наплевали на васъ: вы и оплеванные существуете, живете, любите другъ другу, дѣти у васъ рождаются: да сгинутъ-же послѣдніе“ (дѣтоубійство). И это-то „правда“, даже „религіозная правда“... *В. Р—въ.*

[2]) Да оставьте пожалуйста свои „степени родства“: не знаютъ даже *о существованіи* семей и родовъ другъ друга, а вы чего-то щупаете и оглядываете. Кажется, „нарушеніе степеней родства“ введено въ видахъ предупредить „вырожденіе“ (см. выше): такъ оглянитесь на отказы вѣнчать, на вытекающее отсюда обращеніе къ проституціи: сколько вотъ *отсюда* вытекаетъ вырожденія! *В. Р—въ.*

[3]) Тонко. „Нѣсколько несправедливо“, когда *одни* крестьяне 1) вмѣсто брака получаютъ незаконное сожительство, 2) доводятъ до гробовой

леніе, такъ какъ дворяне, купцы и мѣщане легко получаютъ окличкі по мѣсту жительства.

По поводу такого заявленія о. предсѣдателемъ прежде всего приведена справка объ оглашеніи изъ гражданскихъ законовъ т. X, ч. I, ст. 25 и 26. Законъ гласитъ: *ст. 25.* „Желающій вступить въ бракъ долженъ увѣдомить священника своего прихода, письменно или словесно, объ имени своемъ, прозваніи и чинѣ или состояніи, равно и объ имени, прозваніи и состояніи невѣсты". *Ст. 26-я.* „По сему увѣдомленію, производится въ церкви оглашеніе въ три ближайшіе воскресные и другіе, встрѣчающіеся между оными, праздничные дни, послѣ литургіи, и за тѣмъ составляется обыскъ по правиламъ... Если невѣста принадлежитъ къ другому приходу, то оглашеніе должно быть произведено и въ ея приходской церкви". Статья 26-я -единственная въ законѣ о производствѣ оглашенія [1]). Затѣмъ сообщена краткая исторія оглашеній на Руси. До половины XVII вѣка въ Великороссіи не знали оглашеній и до учрежденія Св. Синода онѣ совсѣмъ не производились. Впервые оглашенія появились у католиковъ, у которыхъ введены Тридентскимъ соборомъ (въ XVI в.), а отъ католиковъ черезъ польское правительство проникли въ южную Русь, затѣмъ правила объ оглашеніяхъ внесены въ требникъ Петра Могилы, въ статью о тайнѣ супружества: взяты прямо съ католическаго ритуала; при печатаніи Кормчей, внесены и въ нее, но на практикѣ не примѣнялись. Когда, вскорѣ послѣ учрежденія св. Синода, возникло знаменитое дѣло о бракахъ смоленскихъ шляхтичей, тогда воспользовались этими правилами и постепенно сдѣлали ихъ обязательными; въ Сводъ законовъ приведенная выше статья внесена впервые въ 1832 г., но взысканіе за несоблюденіе ея прямымъ образомъ въ Уставѣ дух. Консисторіи не полагается [2]). Точное исполненіе статьи 26-й, согласное съ закономъ, по мнѣнію предсѣдателя, не можетъ встрѣчать затрудненій.

тоски родителей, особенно дѣвушки-невѣсты сожительствующей, 3) получаютъ дѣтей, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Но это духовенства не касается, „доходовъ" пастырскаго собранія не затрагиваетъ, и чужое горе оно измѣряетъ снисходительнымъ: „нѣсколько несправедливо". А какъ Арсеній Маціевичъ уцѣпился за монастырскія имущества: „о, это *ужасно* несправедливо", вопилъ онъ вслѣдъ побѣдительной колесницы сѣверной Царицы Савской. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, что-же? Значитъ въ законѣ *вовсе нѣтъ* правила объ оглашеніяхъ *на мѣстѣ* родины. Откуда-же у духовенства „убѣжденіе, что нужно производить оглашеніе по мѣсту происхожденія жениха и невѣсты"? Не есть-ли это лишняя придирка о „препятствіяхъ" съ цѣлями денежнаго вымоганія? Чѣмъ иначе объяснить? *В. Р—въ.*

[2]) Такъ для чего-же соблюдать то, что представляетъ собою такую малость, за несоблюденіе которой и наказанія не полагается? Но очевидно священники *сами* ищутъ увеличенія „препятствій" къ браку. если не только непремѣнно соблюдаютъ католическія, польскія окликі,

Что до нынѣшняго положенія дѣла, то оглашенія, гдѣ-бы ни производились, въ дѣйствительности не имѣютъ желательнаго отъ нихъ значенія. Что они должны производиться по мѣсту происхожденія, этого нигдѣ въ законѣ нѣтъ. Принадлежность къ приходу лучше всего обусловить мѣстомъ жительства, но наша слабость въ томъ, что мы не знаемъ своихъ приходовъ, и прихожане наши неопредѣлены, а потому и оглашенія по мѣсту жительства иногда (напр. въ Спб.) не достигаютъ своей цѣли. Урона не было-бы, если-бы ихъ совсѣмъ оставить [1]), — что признается возможнымъ и закономъ, такъ какъ съ 1891 г. отъ католиковъ, при вступленіи ихъ въ смѣшанные браки съ православными, можно и не требовать окличекъ.

Какимъ-же путемъ можно было-бы пастырямъ, при уничтоженіи окличекъ, предупредить повѣнчаніе незаконныхъ браковъ? Было предложено возложить бо́льшую отвѣтственность на поручителей при бракѣ и дѣлать личный опросъ не только жениху и невѣстѣ, но и имъ. Было сообщено, что въ этомъ смыслѣ проектируются новыя законодательныя постановленія, именно, что въ большихъ городахъ, гдѣ пастырямъ трудно знать личное и семейное положеніе ихъ прихожанъ, правильно возложить отвѣтственность за невѣрныя свѣдѣнія о безпрепятственности брака на поручителей, при чемъ послѣдніе должны при вѣнчаніи представить свои документы, и чтобы они были или лично извѣстны священнику, или же такъ или иначе близки къ жениху и невѣстѣ. На священника возлагается провѣрка документовъ и опросъ свидѣтелей; въ отвѣтѣ же, въ случаѣ невѣрности ихъ показаній, должны быть послѣдніе. Хотя было возражаемо, впрочемъ, очень дальновидно, что свидѣтели могутъ быть всякіе и требуется гарантія за нихъ самихъ [2]), но въ виду безвыходности съ одной стороны, въ виду боязни излишней подозрительности съ другой, трудно разрѣшить дѣло иначе. При этомъ, нужно опасаться увеличенія затрудненій при заключеніи брака. Замѣчено, что ничто такъ не охлаждаетъ отношеній между пастырями и паствой, какъ брачная волокита. Кромѣ того, изъ компетентнаго источника было сообщено, что многіе случаи уклоненія въ штунду (въ Малороссіи) и въ сектантство объясняются легкостью внѣ православія вступить

по еще требуютъ ихъ „по убѣжденію своему по мѣсту жительства жениха и невѣсты“, и на этомъ основаніи не вѣнчаютъ все пришлое населеніе столицы!!! *В. Р—въ.*

[1]) Какъ робко. И только двѣ строчки. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, и „дальновидность“. Да гдѣ-же ей конецъ, если для „поручителя за поручителей“ тоже вѣдь нужны будутъ „поручители“, ибо и тѣ вторые свидѣтели „могутъ быть всякіе“, и такъ до Камчатки съ одной стороны и до Александра Македонскаго съ другой, ибо міръ весь „во лжи лежитъ“... *В. Р—въ.*

въ бракъ: но у сектантовъ чистота родственныхъ отношеній и святость брака соблюдаются не хуже, чѣмъ у насъ [1]). Наконецъ, незачѣмъ намъ продѣлывать горькаго опыта католиковъ: крайняя строгость ихъ предбрачныхъ формальностей, подозрительность и опасеніе вѣрить чему и кому-либо, кромѣ собственнаго личнаго убѣжденія, было одною изъ главныхъ причинъ введенія на Западѣ гражданскаго брака. На этомъ, вслѣдствіе поздняго времени, разсужденія прервались [2]).

(Изъ „С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника“ № 52, за 1899 г.).

XX. О мѣрахъ для борьбы съ безнравственностью.

(По поводу доклада пастырскому собранію 1 сего декабря).

Все, длившееся около трехъ часовъ, собраніе петербургскихъ пастырей 1 декабря было посвящено слушанію доклада, по вызвавшему собраніе вопросу, составленнаго и прочтеннаго достоуважаемымъ отцомъ А. А. Дерновымъ. Что сказать объ этомъ докладѣ?

Докладъ производитъ впечатлѣніе работы, составленной *по горячей любви* къ пастырскому дѣлу,—предпринятой съ *искреннимъ* и *сильнымъ желаніемъ* — освѣтить взятый предметъ всесторонне предъ собраніемъ сопастырей, — обрисовать дѣло такъ, чтобы предъ собравшимися открылись тѣ стороны, съ которыхъ оно подлежитъ пастырскому воздѣйствію. *Богатство содержанія* и *разнообразіе* его *подробностей* — вотъ второе достоинство доклада почтеннаго пастыря.

Но при всемъ томъ позволяю себѣ замѣтить, что напрасно отецъ докладчикъ по поводу нѣкоторыхъ сторонъ вопроса вдавался въ мелкія подробности и детальныя разъясненія. Едва ли предъ собратьями, въ большинствѣ равными ему по образованію, нужно было *усиленно* изъяснять понятія брака, дѣвства, цѣломудрія и даже приводить *тексты*. Думаю, что *излишне* также было распространяться о неблагочиніи при бракосочетаніи,—о распущенности въ литературѣ, о нецѣломудренномъ зачастую направленіи театральной сцены: выше всякаго сомнѣнія, отцы-слушатели это хорошо и подробно знали. А то присутствіе подобныхъ подробностей превратило докладъ предъ столичными пасты-

---

[1]) То-то и есть, что вся ваша „волокита“ едва-ли не заведена въ видахъ меркантильныхъ и личныхъ, „стриженія овецъ“,—а вовсе не въ цѣляхъ охранить „святость брака“. *В. Р—въ.*

[2]) И не возобновились. Вообще это есть одиночныя свидѣтельства пастырскихъ заботъ, которыя „за позднимъ часомъ ночи“ прекратились блаженнымъ сномъ. Смѣемъ-ли прибавить „сномъ праведниковъ“.? По крайней мѣрѣ, попытаемся сказать заключительную-любезность. *В. Р—въ.*

рями въ богословское чтеніе предъ образованными мірянами. И это отнюдь *не мое* личное впечатлѣніе, а и *многихъ* другихъ слушателей!

Вслѣдствіе внесенія излишнихъ или ненужныхъ подробностей, докладъ не производитъ того впечатлѣнія, какое отъ него желательно было получить. Подробности, часто весьма интересныя, *отвлекаютъ вниманіе* слушателей отъ тѣхъ сторонъ излагаемаго предмета, которыя, какъ открывающія мѣсто для пастырскаго воздѣйствія, должны бы съ особенною яркостью и рельефностью запечатлѣться въ ихъ сознаніи. Доклады по вопросамъ, требующимъ выработки мѣръ пастырскаго дѣйствованія, должны быть, какъ я ихъ понимаю, таковы: докладчикъ освѣщаетъ избранный предметъ съ такихъ сторонъ и такъ, что для слушателей уже опредѣляются и *пункты разсужденія*, и *характеръ разсужденія*. Какъ развѣдчикъ, доставившій свѣдѣнія войску о расположеніи и состояніи непріятеля, опредѣляетъ своимъ донесеніемъ и направленіе, и характеръ нападенія на врага, такъ и докладчикъ по возбудившему вниманіе вопросу пастырской дѣятельности долженъ изложить дѣло такъ, чтобы его докладъ служилъ *руководящимъ началомъ* при выработкѣ практическихъ мѣропріятій. Если же докладчикъ, забывъ о своей цѣли, не соблюдетъ въ докладѣ мѣры, отклонится отъ предмета или вдастся въ ненужныя подробности, то онъ можетъ дать собранію поводъ, при послѣдующихъ дебатахъ, или опустить что безъ вниманія или увлечься, столь любимыми у насъ на Руси, но и столь же безплодными, разсужденіями *по поводу* [1]).

При обиліи ненужныхъ подробностей, въ докладѣ кое-что напрасно обойдено вниманіемъ. Такъ, не указано, кто преимущественно *герои* незаконныхъ сожительствъ? Я полагаю, что это преимущественно тѣ, достигшіе половой зрѣлости, мужчины, которые самымъ своимъ положеніемъ или лишены возможности вступить въ бракъ, какъ-то: студенты высшихъ учебныхъ заведеній, солдаты, или надолго разлученные съ семьей, какъ-то: рабочіе, мужская прислуга, приказчики, фабричные. Не указанъ также такой немаловажный факторъ въ дѣлѣ половой распущенности, какъ *поголовное несоблюденіе постовъ*. Можетъ быть, было-бы небезлишне остановить вниманіе на томъ фактѣ, что, кромѣ общихъ источниковъ распущенности, *спеціально для женскаго пола* поводомъ къ грѣху служатъ обольщенія гостиннаго двора [2]): изъ-за страсти къ нарядамъ падаютъ не только прислуги, но, и такъ называемыя, порядочныя женщины [3]). Вообще, докладъ грѣшитъ

---

[1]) Какъ вамъ нравится, читатель, вся эта *литературная* чепуха? Точно начинающій журналистъ пишетъ критическую статью. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ-бы закрыть! *В. Р—въ.*

[3]) Это такъ называемыя *кокотки*, существа бездѣтныя, дѣйстви-

академичностью; рѣчь идетъ по преимуществу о развращенности современнаго человѣчества, а хотѣлось больше слышать о причинахъ и характерѣ этого зла собственно въ Петербургѣ, среди паствы собравшихся пастырей, такъ какъ и мѣры они будутъ вырабатывать именно для *своихъ* пасомыхъ. Указаніе *мѣстныхъ* особенностей зла придало бы и мѣрамъ *специфическій* характеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и залогъ ихъ успѣшности.

Конечно, я отнюдь *не думаю умалять* достоинство доклада о. Дернова; я хорошо понимаю, какъ трудно и тѣмъ болѣе въ короткое время написать всецѣло удовлетворительный, руководящаго характера, докладъ. Самъ я, безъ всякаго сомнѣнія, не сдѣлалъ бы и десятой доли того, что далъ докладъ глубокочтимаго о. Александра, но отчего же не высказать и pia desideria?!.

Зная и по личному опыту, а еще больше узнавъ о злѣ незаконныхъ сожительствъ изъ доклада, какія мѣры для ослабленія этого зла можемъ проектировать мы—пастыри?

Прежде всего, мнѣ кажется, было бы весьма полезно поручить кому-либо ознакомиться съ устройствомъ и способами дѣйствованія такъ называемой *внутренней миссіи* у западныхъ христіанъ. Выше всякаго сомнѣнія, что борьба съ незаконными сожительствами входитъ въ кругъ задачъ этихъ религіозно-нравственныхъ учрежденій. По основательномъ изученіи дѣла, избранное собратьями лицо, конечно, познакомитъ всѣхъ насъ съ дѣятельностью этихъ симпатичныхъ учрежденій, и *пригодное*, подходящее къ условіямъ нашего пастырствованія, *будетъ съ пользой заимствовано.*

Независимо отъ справки по интересующему насъ вопросу у дѣятелей внутренней миссіи, могутъ быть предложены вниманію и обсужденію собратій слѣдующія мѣры и способы дѣйствованія въ борьбѣ со зломъ незаконныхъ сожительствъ.

Истовое, благоговѣйное совершеніе таинства брака самими пастырями; причемъ послѣ вѣнчанья, а еще лучше за нѣсколько

тельно отвратительныя, но рѣшительно, кромѣ духовно-скопческой Европы нигдѣ не встрѣчающіяся. Въ новой Европѣ павшій, униженный и опозоренный полъ, „родникъ грѣха", сталъ разсматриваться какъ *придатокъ* къ организму, который—когда онъ не ампутированъ имѣетъ въ себѣ и въ другомъ рождать „вождѣленія". Этотъ придатокъ, самъ въ себѣ „мерзкій", черезъ внушаемыя имъ „вождѣленія"—можетъ получить цѣну, можетъ продаваться, арендоваться, вообще несчастному носителю своему доставлять выгоды, доходъ. Такъ-какъ самъ по себѣ онъ значенія не представляетъ, его обладателю не только не нуженъ, но и вреденъ, то изъ него и стали извлекать „что можно": продавать за хлѣбъ или въ лучшемъ случаѣ „за наряды". *Душу* свою никто за нарядъ не отдастъ: но напр. дать себѣ обстричь ногти—отчего-же нѣтъ. Если полъ не священенъ, не душа, не религія (древнія и восточныя воззрѣнія), то пусть возьметъ его всякій, кто хочетъ и за что хочетъ. Проституція есть видъ скопчества, вывернутая на оборотъ его перчатка. *В. Р—въ.*

дней до вѣнчанья слѣдовало бы вручать брачущимся книжку или брошюрку о тайнѣ брака. Неотложная нужда належитъ, чтобы было составлено *образцовое* поученіе брачущимся, которое бы, будучи издано въ видѣ недорогой брошюрки, обязательно было раздаваемо іереями, вѣнчающими бракъ, по подобію того, какъ каждому іерею, новорукоположенному, обязательно вручается „поученіе святительское“ [1]). Что касается безчинства присутствующихъ при вѣнчаніи, то послѣ нѣсколькихъ на этотъ счетъ вразумленій съ проповѣднической каѳедры, вполнѣ, мнѣ думается, позволительно обратиться за содѣйствіемъ къ церковному старостѣ, который призывается къ этому самой инструкціей (См. п. 10 § 22).

Отцы законоучители, въ виду давленій со стороны начальствъ, чтобы они не проходили подробно такихъ въ данномъ случаѣ важныхъ отдѣловъ катихизиса, какъ „о таинствѣ брака“ и „о седьмой заповѣди“ [2]), *должны избрать себѣ руководящимъ правиломъ: «быть мудры, какъ зміи и чисты, какъ голуби»*. Если не удастся убѣдить лицо, стоящее во главѣ учебнаго заведенія, что оно ложно смотритъ на дѣло (а это иногда удается), тогда столь необходимыя наставленія о бракѣ и безбрачіи можно преподать, помимо уроковъ, въ иной формѣ: 1) въ частной бесѣдѣ съ тѣми

---

[1]) На что-бы лучше—прямо перепечатывать-бы докладъ А. Дернова? *В. Р—въ.*

[2]) Замѣчательно, что эти два понятія у автора, какъ и у слушавшаго его собранія, *сливаются:* „Ученіе о таинствѣ брака“ есть *въ то же время* „Ученіе о заповѣди: *не прелюбы сотвори*“, откуда явна подъспудная мысль: „бракъ *въ сущности* есть прелюбодѣяніе“, но лишь нами по снисходительности прощаемое, но уже за то прощаемое лишь въ той узкой и строгой мѣрѣ, *какъ мы его допустили и всякій отдѣльный разъ разрѣшаемъ*“. Понятіе о незаконнорожденности, какъ абсолютнаго, не простимаго грѣха—ясно здѣсь вырисовывается и изъ этого круга мысли вытекаетъ. Въ то же время заповѣдь: „Не прелюбы сотвори“ исходитъ отъ того самого Бога, какъ и заповѣдь: „плодитесь, множитесь“, *и въ томъ-же самомъ Завѣтѣ*, откуда уже очевидно, что они одна другой не противорѣчатъ. Т. е. „прелюбодѣяніе“ отнюдь не заключается въ зачатіи и рожденіи, какомъ-бы то-ни было и какого бы то ни было ребенка, ибо „плодитесь“ безъ исключенія обнимаетъ всѣ рожденія. Что-же значитъ: „не прелюбодѣйствуй“? Что-то *другое, а не рожденіе.* Что—это я, послѣ тщательныхъ о Ветхомъ Завѣтѣ разысканій—знаю, и гораздо ниже объясню, а Петербургское пастырское собраніе объ этомъ нерадумалось, и безъ размышленія Творца, заповѣдавшаго: „плодитесь“, нарекло основоположникомъ мірового прелюбодѣйства. Какъ это произошло?!! Черезъ дачу новаго идеала—дѣвства: тогда вообще всякое *рожденіе*, какъ отступленіе отъ *идеала половыхъ отношеній*, заключающагося въ отрицаніи ихъ и поступило въ рубрику: „ты прелюбодѣйствуешь“. Бракъ сталъ метафизически невозможенъ, а если и есть физически—то какъ *уступка, прощеніе.* Такъ даже если взглядъ на женщину—прелюбодѣяніе, то что же и говорить о совокупленіи. Совокупленіе есть богоотступничество, бракъ есть богоборство, отсюда -монашество. *В. Р—въ.*

изъ учащихся, кто особенно нуждается на этотъ разъ: 2) на исповѣди: 3) въ бесѣдѣ съ извѣстной группой предъ исповѣдью (въ церкви, прежде чѣмъ начнутъ подходить); 4) чрезъ осторожный и умѣлый подборъ книгъ въ ученическія библіотеки по отдѣлу религіозно-нравственному. Конечно, это относится преимущественно къ законоучителямъ закрытыхъ заведеній, гдѣ законоучитель всегда и духовникъ. Но послѣ того, какъ отцы законоучители петербургскіе (года 2 тому назадъ) порѣшили устроить одновременно (т. е. всѣмъ въ одинъ и тѣ же недѣли) говѣнье учащихся и въ открытыхъ заведеніяхъ, причемъ взяли на себя трудъ—быть и духовниками своихъ учениковъ, различіе между законоучителями закрытыхъ и открытыхъ учебныхъ заведеній въ этомъ отношеніи почти уничтожилось. — Это насчетъ „змѣиной мудрости“! Но не слѣдуетъ упускать въ этомъ дѣлѣ изъ виду и „голубиную чистоту“. Давній, опытный законоучитель, конечно, въ объясненіяхъ какъ брака, такъ и 7 заповѣди соблюдетъ мѣру, пройдетъ по опасному пути, не поскользнувшись. А начинающимъ великую пользу принесло бы, если бы были составлены на указанныя мѣста изъ катихизиса болѣе подробные уроки, уроки образцовые въ смыслѣ соблюденія мѣры; эти уроки, получивъ одобреніе отъ высшей церковной власти, служили бы для молодыхъ законоучителей *нормой*, а для всѣхъ *щитомъ*, который бы прикрывалъ ихъ отъ нападеній часто ревнующихъ не по разуму объ охраненіи цѣломудрія юнаго поколѣнія начальниковъ, а особенно начальницъ учебныхъ заведеній. При существованіи образцовыхъ и одобренныхъ на „прекаемые“ отдѣлы уроковъ, законоучителямъ не пришлось бы измышлять такихъ, напримѣръ, объясненій 7-й заповѣди: *„не прелюбы сотвори“ значитъ „не перелюби“, т. е. не люби чего-либо больше Бога; эта заповѣдь запрещаетъ такимъ образомъ всякія излишнія увлеченія чѣмъ-либо и кѣмъ-либо“* [1]).

Не излишне попытаться, нельзя-ли, сначала путемъ литературнымъ, а затѣмъ и путемъ соотвѣтственнаго ходатайства *поставить на очередь вопросъ объ измѣненіи законовъ о предбрачныхъ предосторожностяхъ* въ томъ смыслѣ, чтобы дѣло это было упрощено и отвѣтственность по преимуществу падала-бы на самихъ брачущихся и на поручителей. А настоящее положеніе дѣла таково, что всякій бракъ для брачущихся — рядъ мытарствъ по добыванію нужныхъ бумагъ, а для причта — in potentia слѣдственное дѣло о несоблюденіи предбрачныхъ предосторожностей, а это

---

[1]) Интересно. Да вѣдь и весь докладъ А. Дернова укладывается въ это: „не перелюби, т. е. не люби чего-либо больше Бога; эта заповѣдь запрещаетъ такимъ образомъ всякія излишнія увлеченія чѣмъ-либо, кромѣ нашихъ пастырскихъ наставленій, и кѣмъ-либо, кромѣ насъ, наставляющихъ. *В. Р—въ.*

обстоятельство, какъ препятствующее иногда вступленію въ бракъ, со ipso содѣйствуетъ незаконнымъ сожительствамъ [1]).

Но все, до сихъ поръ мною указанное, не основное въ дѣлѣ борьбы съ одолѣвающимъ насъ зломъ безнравственнаго [2]) сожи-

---

[1]) Бывали проекты: „семейнымъ чиновникамъ, и особенно многодѣтнымъ—прибавлять жалованье, вообще помогать по службѣ". Не нужно объяснять, что это разстраивало-бы *службу*, внося въ оцѣнку ея, въ награду за нее, новый и посторонній службѣ принципъ. Между тѣмъ я отъ священниковъ слыхалъ совѣты: „вотъ выскажитесь въ этомъ смыслѣ въ печати". Да для чего, когда у самихъ священниковъ, духовенства, церкви полны руки *обременительностей* брака, и достаточно имъ распустить руки и выронить средневѣковые о бракѣ архаизмы, ни для кого и ни для чего ненужные, кромѣ гордости ихъ сословія, и это болѣе предрасположитъ вступать въ бракъ, чѣмъ всяческія служебныя награды. Что такое „незаконное сожитіе" въ отличіе отъ брака? „Ихъ ужасающее множество", говорятъ всѣ, жалуются, сѣтуютъ. „А браковъ мало и становится все меньше", тоже всѣ жалуются. Да что-же такое „незаконное сожительство"?! Бракъ *безъ трудностей*: вотъ и все. Безъ *риска*, безъ *опасностей*, бракъ *не векселъ*, который можетъ *задушить*. Авторъ, поднявъ рѣчь объ „облегченіяхъ вступать въ бракъ"—въ сущности передвигается къ „незаконнымъ сожительствамъ". Но „ключъ позиціи" всего полового вопроса, беря въ кругъ его и проституцію, и кокотокъ, и раззоренія семейныя, и ужасы мужеубійства, женоубійства, дѣтоубійства—и лежитъ въ полномъ снятіи всѣхъ *обременительностей* съ брака, до ниточки, до волоска. Тогда онъ сольется съ теперешними „незаконными сожитіями", или, что то-же, послѣднія легализируются, поглотивъ въ себя первый. Что-же получится, какая картина страны? 1) Ни одной проститутки (кому эта грязь будетъ нужна?), 2) ни одного убитаго ребенка (только незаконные убиваются), 3) ни одной кокотки (какой мужчина не предпочтетъ имѣющую дѣтей женщину безплодной самкѣ?), 4) ни одной безъ-мужней дочери въ семьѣ, 5) ни одного вообще холостого человѣка. Мнѣ кажется, это Крезовское, невѣроятное богатство! Это—Ротшильдъ, котораго мы получимъ вмѣсто Плюшкина. Вотъ почему „оханья" пастырскаго собранія по поводу незаконныхъ сожительствъ имѣютъ, кажется, вообще тенденцію задержать процессъ не только не одолимый, фатальный, но и мудро устраиваемый Провидѣніемъ къ великому благу рода человѣческаго. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ то, что слѣдовало-бы *доказать*. Вся ошибка, можетъ быть честная, но для мірянъ до послѣдней степени обременительная, заключается въ смѣшеніи пастырями 1) нравственности и 2) повиновенія „намъ". „Кто не соблюдаетъ престижа нашей власти—тотъ безнравственъ". Но у міра есть воззрѣніе другое: что безнравственъ тотъ именно, кто безнравственъ, а кто престижъ „ихъ" соблюдаетъ—тотъ только и соблюдаетъ ихъ престижъ. Что „они" соединяютъ, то міръ раздѣляетъ. Міръ видитъ жизнь свою, судьбу свою, видитъ *факты*: и на почвѣ ихъ судитъ о нравственности и безнравственности такъ твердо, что не „пастырскому собранію" его поколебать. Навсегда вѣнчанная пара, развратничающая втихомолку—для міра останется безнравственною, для клира—„прощаемою", „извиняемою", въ сущности и незамѣтно невинною. Навсегда невѣнчанная пара, чисто живущая, для клира останется виновною, развратною, для міра—простительнымъ, извинительнымъ явленіемъ, въ сущности невиннымъ. А Богъ, судящій о вещахъ по сердцу, по внутреннему конечно на сторонѣ міра. Вотъ коллизія, изъ которой духовенству мудрено выйти. *В. Р—въ.*

тельства! *Основное, самое дѣйственное здѣсь учительство!* Прежде всего учительство съ церковной каѳедры или *проповѣдничество*. „Что у кого болитъ, тотъ о томъ и долженъ говорить“! Паства наша болитъ недугомъ распущенности—будемъ лѣчить ее словомъ проповѣди: къ проповѣдямъ такого рода сколько разъ подаютъ поводъ одни только евангельскія и апостольскія чтенія, не говоря о житіяхъ святыхъ! Какъ бы было хорошо въ данномъ отношеніи, если бы кто изъ собратій напечаталъ перечень проповѣдей у нашихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ на эту тэму; а всѣмъ бы намъ Господь помогъ „благовѣствовать силою многою“,—чтобы слово наше было всѣмъ „воня животная въ животъ“!

Независимо отъ церковной проповѣди, обращенной ко всей паствѣ, необходимы *частныя бесѣды* съ согрѣшающими грѣхомъ незаконнаго сожительства (Мѳ. XVIII, 15). Опытные пастыри передаютъ, что имъ удавалось иногда путемъ частныхъ бесѣдъ склонять беззаконствовавшихъ или разойтись или чаще всего, если не было препятствій, къ вступленію въ бракъ [1]).

Св. апостолы не только учили устно, но свои наставленія из-

---

[1]) Сужденіе это исторически цѣнное. „Если не было препятствій—удавалось уговорить вступить въ бракъ“: безъ этого-же—разойтись. Интересно знать: а были-ли, при уговорахъ „разойтись“, принимаемы во вниманіе дѣти? Изъ случаевъ расторженія браковъ, уже заключенныхъ и отъ которыхъ были дѣти, внѣ всякаго сомнѣнія явствуетъ, что старательные „пастыри“ совѣтовали разойтись и въ томъ случаѣ, если были дѣти. И „удавалось“, какъ говоритъ авторъ. Возстановимъ-же однако цѣлость картины: мужчина живетъ съ женщиною и имѣетъ отъ нея дѣтей, напр. офицеръ съ дѣвушкою. Начинаетъ духовникъ говорить на исповѣди: „вамъ надо разойтись“. Мужчина слабохарактеренъ, податливъ, да и женщину хоть любитъ, но не очень, вообще все явленіе только держится, а не пылаетъ. Сердце дѣвушки уже давно томится, осторожно къ ех-мужу приглядывается, боится за себя и дѣтей своихъ. Тутъ вдругъ появляются подговоры священника, на насъ не дѣйствующіе, но на мѣщанина, купца, мужика, ремесленника дѣйствующіе. Да вѣдь и надо помнить авторитетъ словъ на духу! И вотъ полусокровище въ рукахъ дѣвушки—шатается, около дѣтей шатается отецъ. И вотъ—все рухнуло. „Духовникъ“ доволенъ. Но каковы подробности не видной ему картины?! Кто не знаетъ, и чье сердце не сжималось отъ образа покинутой мужчиною дѣвушки, и еще съ дѣтьми?! Эллины создали объ этомъ миѳъ Медеи. Она сожгла дѣтей своихъ отъ ужаса и негодованія. Но христіанки уже смиренны: однако горечь ихъ, тихая, безъ криковъ, можетъ быть, также идетъ далеко внутрь сердца, какъ у древней Медеи. Вотъ почему признаніе, что они пытались совершать такія разлуки,—или, переводя все въ картину, „усовѣщевали“ Нехлюдова бросить Катюшу съ ребенкомъ—я считаю историческимъ документомъ. И ужъ тутъ дѣйствительно начинаемъ нащупывать „границы нашей эры“,—какъ я озаглавилъ выше статью, трактующую о подобныхъ коллизіяхъ. Но когда я ее писалъ, я еще не имѣлъ передъ собою этого сознанія „руководителей совѣсти“. Да, „граница эры“, метафизическая (относительно существа ребенка) и моральная (въ смыслѣ жалости, состраданія). *В. Р—въ.*

лагали и *письменно*. А въ наше время письменное (= печатное) слово въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнѣе устнаго. Правильно организованное *печатное слово является* въ наши дни *великой силой* или разрушительной или созидательной, въ зависимости отъ его содержанія. Это и понятно: во 1-хъ, съ умноженіемъ грамотныхъ, увеличивается кругъ людей, руководимыхъ печатнымъ словомъ, во 2-хъ, чтеніе болѣе сподручный способъ научиться чему-либо, болѣе удобный, чѣмъ посѣщеніе проповѣдническихъ бесѣдъ, лекцій, народнаго университета и проч.

Пастырямъ, выступающимъ на борьбу со зломъ незаконныхъ сожительствъ [1]), больше всего надо писать въ *ежедневныхъ изданіяхъ*, особенно въ дешевыхъ газетахъ, какъ болѣе распространенныхъ. Хорошо бы въ 2 -3-хъ газетахъ завести особый отдѣлъ, гдѣ бы печатались статьи противъ безнравственности. Статьи могутъ быть разнаго характера: научнаго, историческаго, назидательнаго, а также въ разнообразной литературной формѣ: въ видѣ разсужденій, разсказовъ, замѣтокъ и проч. Газеты читаютъ больше и охотнѣе, чѣмъ проповѣди. Вотъ и надо подсыпать лѣкарство въ самую употребительную пищу [2]).—Только вотъ бѣда: мы пишемъ логично и доказательно, но большею частію неувлекательно [3]). Какъ было бы хорошо—простите отцы за мечтательство! *приглашать* къ литературнымъ работамъ въ указанномъ родѣ болѣе *благонамѣренныхъ талантливыхъ литераторовъ* [4]). Вѣдь мастерски написанный разсказъ, въ родѣ „Чѣмъ люди живы“ графа Л. Толстого, имѣй онъ соотвѣтственную нашей цѣли идею, будетъ читаться и перечитываться всѣми, попадетъ въ хрестоматію и принесетъ для нашего дѣла больше пользы, чѣмъ цѣлый сборникъ ординарно составленныхъ проповѣдей. Сцены изъ художественно-написаннаго разсказа почти то же, что примѣры

---

[1]) Да хоть-бы объяснили какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, *въ чемъ это зло?* Несчастіе дѣтей: такъ хлопочите объ изданіи законовъ въ пользу ихъ. Вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, поднятый по моей иниціативѣ въ печати *и теперь благополучно движущійся въ сторону полнаго ихъ уравненія съ законными*, есть въ сущности вопросъ *о полномъ признаніи закономъ религіознымъ и гражданскимъ, нелегальныхъ связей и уравненіи ихъ съ браконъ*. Позвольте мужу и женѣ, сожителю и сожительницѣ судить, что *для нихъ* „зло“: разойтись—это зло, а умереть, „сожительствуя“ до гроба—это благо. Къ этому благу дѣло благополучно и подвигается. А „зло“ разсуждающихъ здѣсь есть просто ихъ фантазія: зло фиктивное, призрачное: которое, будучи упразднено — очистило-бы мѣсто проституціи и тайнымъ порокамъ. *В. Р—въ.*

[2]) Удивительно мудро: „какой, подумаешь, Иванъ Иванычъ изобрѣтательный“. И неужели ему не дали митры, скуфьи или камилавки, смотря по лѣтамъ, за проектъ? *В. Р—въ.*

[3]) Да, ужъ нельзя похвалиться. *В. Р—въ.*

[4]) Ахъ, какой соблазнитель! *В. Р—въ.*

изъ живой дѣйствительности, а exempla trahunt, тогда какъ verba только movent [1]).

Наконецъ, отчего бы столичнымъ пастырямъ не завести *своего ежедневнаго органа* или, по крайней мѣрѣ, свой недѣльный органъ превратить въ изданіе, выходящее 3- 4 раза въ недѣлю? У пасторовъ, у патеровъ свои газеты, чрезъ которыя они и проводятъ свои идеи. Припомнимъ при этомъ достолюбезнаго и приснопамятнаго о. Іоанна Наумовича, какъ онъ просвѣщалъ и руководилъ своихъ соотечественниковъ? Книжками и *газетой*; и это онъ дѣлалъ съ весьма немногими сотрудниками.

Кромѣ газеты, печатное слово можетъ служить нашему дѣлу еще въ видѣ *брошюръ*. Область жизненныхъ явленій, затрогиваемыхъ незаконнымъ сожительствомъ, весьма обширна и разнообразна; поэтому можетъ быть составлено очень много разныхъ книжекъ и листковъ, которые, бывъ выпущены *десятками тысячъ*, должны распространяться по самой *дешевой цѣнѣ*, а въ иныхъ случаяхъ раздаваться и *даромъ*. Я мечтаю объ устройствѣ *особой издательской комиссіи* [2]) для подобнаго рода книжекъ и листковъ. Эта комиссія могла бы устроиться хотя при „Обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія“, такъ какъ задача предполагаемой комиссіи есть въ сущности одна изъ задачъ общества. Неужели у насъ будетъ меньше ревности и энергіи, чѣмъ у сектантовъ. А они, когда было можно, печатали и распространяли брошюрки извѣстнаго направленія въ великомъ множествѣ. Вѣроятно, многіе помнятъ, какъ всюду распространялись въ безчисленномъ количествѣ и притомъ необыкновенно дешевыя книжки изданія, если не ошибаюсь, книгопр. Блиссмера, за печатью „Общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія“. Къ составленію подобныхъ брошюръ можно будетъ попытаться пригласить авторитетныхъ докторовъ, соціологовъ, а также вообще всѣхъ лицъ, желающихъ поработать на пользу нравственнаго оздоровленія нашего общества и народа. Даже компилятивно составленныя книжки, если только авторы ихъ задаются доброю цѣлью, будутъ для дѣла очень полезны. Пишу это по опыту. Какъ образецъ подобныхъ книжекъ, приведу заглавіе имѣющейся у меня подъ рукой, это—книжка Л. Золотарева „Что говоритъ наука о половой потребности“.

Скажутъ: на это потребуются большія деньги. — Конечно! Но я вѣрю, что были бы дѣятели, а деньги найдутся! Не откажетъ на такое важное дѣло высшая церковная власть, найдутся единичные крупные жертвователи; можно надѣяться, что будутъ разрѣшены, если окажется надобность, сборы по церквамъ. Только опять повторю: были бы люди, а деньги будутъ!

---

[1]) Да, verba только movent, и то не очень. *В. Р—въ.*

[2]) Конечно, съ должностью издателя и съ жалованіемъ издателю. *В. Р—въ.*

Я, послѣ проповѣди, главную надежду возлагаю на *газету* и *брошюрки:* онѣ проникнутъ туда, куда пастырю съ живымъ словомъ почти не удается проникнуть: на исповѣдь многіе не ходятъ, богослуженій не посѣщаютъ, отъ встрѣчи и бесѣды со священникомъ уклоняются; а газетная статейка или дешевенькая книжка сама найдетъ такихъ. Рѣчь священника иногда возбуждаетъ подозрѣніе: „онъ потому такъ говоритъ, что ему приказано", а статейка доктора или свѣтскаго лица внушитъ больше довѣрія и произведетъ иногда больше вліянія. Брошюрки можно разсылать, раздавать; они проникнутъ и въ школу, и въ семью, и на фабрику, какъ въ средній кругъ, такъ и въ народъ; начинающихъ нравственно колебаться онѣ могутъ укрѣпить, падшихъ побудить возстать и даже погрязшихъ во грѣхѣ „притти въ себя".

Можетъ быть, не безплодна будетъ попытка — *дѣло борьбы съ незаконными сожительствами ввести въ кругъ задачъ церковныхъ попечительствъ.* Члены попечительствъ могли бы сообщать пастырю о незаконно живущихъ; чрезъ нихъ священникъ могъ бы съ большею пользой распространять въ предѣлахъ своего прихода тѣ или другія книжки и листки; наконецъ, имѣя въ виду наставленія св. апостола Павла (1 Солун., V, 11, 14), чрезъ членовъ попечительствъ священникъ могъ бы увѣщевать [1]) и убѣждать незаконно-сожительствующихъ.

Есть у насъ пастырей, и еще одно средство бороться со зломъ безнравственности [2]), средство—небесное, благодатное, я разумѣю *молитву.* Если мать блаженнаго Августина, св. Моника, побуждаемая любовью къ погибавшему въ безнравственныхъ увлеченіяхъ сыну, спасла его отъ духовной смерти именно пламенной, дерзновенной молитвой, то не долгъ ли нашъ обратиться къ этому, столь близкому намъ средству, когда на нашихъ глазахъ гибнутъ тысячи нашихъ духовныхъ дѣтей? Я зналъ одного пастыря, который на домашней молитвѣ утромъ и вечеромъ возносилъ моленіе, между прочимъ, „*о всѣхъ въ предсмертномъ томленіи находящихся и нравственно погибающихъ*" [3])... Если, по словамъ св. Златоуста, „молитвѣ священника ввѣренъ весь міръ", то особенно его духовныя дѣти: его *первѣйшая обязанность молиться о нихъ* всегда, а преимущественно *за литургіей.* Самый чинъ литургіи открываетъ мѣсто для молитвы и о прекращеніи незаконныхъ

---

[1]) И все безъ объясненія: да чѣмъ они вамъ помѣшали? Лежитъ муравейникъ, а вы въ него собираетесь палку горящую воткнуть. Смотрите, какъ-бы муравьи ногъ не искусали, за рубашку не забрались. Больнѣе розги. *В. Р—въ.*

[2]) Опять „безнравственности". Хоть-бы разъ объяснили, въ чемъ. *В. Р—въ.*

[3]) Да, чудное слово, но только слово. Таковыми былъ уловленъ міръ. Но *дѣло*—всегда сводилось къ заботамъ А. Дернова и Novicius'a. *В. Р—въ.*

союзовъ; по крайней мѣрѣ, въ литургіи Василія Великаго будетъ вполнѣ благовременно о семъ помолиться при словахъ: „супружества ихъ въ мирѣ и единомысліи соблюди“... „юность наставь“... „вѣдый потребу его“... Въ литургіи же Іоанна Златоуста, чаще всего нами въ году совершаемой, такимъ моментомъ, когда, не насилуя смысла словъ, можно молитвенно вспоминать нашихъ нравственно заблудшихъ чадъ, можетъ, по моему, служить время произнесенія словъ (во время пѣнія „достойно“, при воспоминаніи живыхъ членовъ церкви): „да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и *чистотѣ*“ (σεμνότητι = venerationi).—А чтобы не ослабѣвать въ молитвенномъ усердіи, будемъ почаще приводить себѣ на память слѣдующія слова именитаго русскаго пастыря, отца Іоанна Кронштадтскаго: „Іерей Божій! вѣрь отъ всего сердца, вѣрь всегда *въ благодать, данную тебѣ отъ Бога молиться за людей Божіихъ*: да не будетъ вотще въ тебѣ этотъ великій даръ Божій, которымъ ты можешь спасти многія души; скоро слышитъ Владыка твою сердечную молитву о людяхъ и удобно преклоняется на милость къ людямъ, какъ на молитву Моисея, Аарона, Самуила, апостоловъ“ [1]). *Noricius.*

---

[1]) Что же, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ поможетъ. Кончая замѣчанія на всѣ эти дебаты, изъ которыхъ практическаго не выжалось ни одной капли, замѣтимъ слѣдующее: 1) Всѣ ораторы оперируютъ надъ людьми—*цифрами*, а не людьми—*душами*. 2) Ни одинъ ораторъ не сказалъ: „господа, не *пойти*-ли намъ и не *посмотрѣть*-ли, что такое не легальная семья, какъ она живетъ, каковы ея нравы, каково ея происхожденіе, какова окончательная судьба“. Трудно повѣрить, чтобы изъ священниковъ, принимающихъ исповѣдь на духу, никто и не зналъ ни единаго *случая* незаконной семьи. Однако, на собраніи ни одинъ не сказалъ: „выслушайте, братіе, вотъ что я узналъ и видѣлъ“. 3) Оперируя надъ *цифрою*-человѣкомъ, пастырское собраніе имѣло передъ собой какъ-бы два ряда равнозначущихъ цифръ: написанныхъ бѣлымъ по черному и черными по бѣлому. Одно ему „placet“, другое „non placet“. Но ни единой попытки *доказать* ихъ разницу и даже объяснить, почему „non placet“—не сдѣлано. Вообще, что такое „незаконное сожитіе“ и „незаконнорожденное дитя“—осталось во всѣхъ дебатахъ не выясненнымъ. Не приведено свѣдѣній объ этомъ изъ Евангелія, не приведено свѣдѣній объ этомъ изъ Ветхаго Завѣта, ни какъ *текстовъ*, ни какъ *примѣровъ*, ни какъ *воззрѣній* на нихъ Спасителя, пророковъ и Моисея. Поэтому собственно предметъ сужденія—*юридическій*: нѣкоторая *юридическая неправильность* „незаконно-сожительствующихъ“ и „незаконнорожденныхъ“: но она трактуется какъ священное нарушеніе священнозаконовъ, въ мантіяхъ, съ величавыми жестами, съ священнымъ ужасомъ на лицѣ. Это необыкновенно *отягчаетъ* положеніе юридическихъ жертвъ, навело на нихъ гипнозъ страха, чувство религіозной преступ-

ности и отвѣтственности—и вѣроятнѣе всего оно-то и повело къ дѣтоубійству. Ибо изъ-за юридической ошибки никто дитя свое не убьетъ. Кто-же вѣшается или топится, или топитъ или вѣшаетъ, сознавая себя бракопьеромъ или нарушителемъ таможенной линіи? Но здѣсь разыгрывается fata-morgana небесной таможни. Суть ея: не пропустить рожденія, при творческомъ первоначальномъ: „да будетъ“, „да сотворится“. Собственно таможня *противъ* неба; но какъ она, по мантіямъ и жестамъ, очень близка къ небу, то у стоящихъ на землѣ людей образовалась аберрація, что таможня—въ самомъ небѣ, и „незаконнорождающіе“ и „незаконнорожденные“ какъ титаны бунтуютъ противъ неба, идутъ на небо, чтобы взломать его. Отсюда ненависть къ нимъ и отвращеніе земныхъ глупыхъ людей (мірянъ), еще утягчившее ихъ существованіе и уторошившее къ дѣтоубійству. Все въ общемъ порождено отношеніемъ къ обряду: доступъ къ нему сдѣланъ труднымъ и все затрудняется съ каждымъ годомъ; между тѣмъ, дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто „незаконносожительствующіе“ не *хотятъ* у церкви благословиться, *пренебрегаютъ* благословиться, т. е. какъ-бы на супружескую жизнь свою и на дѣтей своихъ они смотрятъ неуважительно *сами*: что породило къ нимъ отвращеніе, презрѣніе. Основная аксіома всѣхъ разсужденій, безмолвное сердечное допущеніе пастырей: что *рожденіе* есть an und für sich *зло*. Иначе, если бы въ немъ было и чувствовалось *абсолютное благо*, пастыри просто должны-бы стройною процессіею пойти и поблагодарить, что люди даже и въ трудномъ для нихъ положеніи, неудобномъ юридически и экономически, все-же извернулись и ухитрились—рождать. Это какъ-бы „нѣтъ храмовъ“—а люди все-же молятся, есть запрещеніе молиться, положимъ, „отъ кесаря Нерона“—а они собираются въ подземельяхъ и все-же молятся. Но въ раю и до грѣхопаденія заповѣди о молитвѣ еще не было дано, а о рожденіи—уже была дана. И если родить такъ же хорошо, какъ помолиться, не менѣе угодно Богу, не менѣе Имъ заповѣдано—само собою разумѣется, что „незаконносожительствующіе“ и „незаконнорожденные“ суть точное повтореніе святыхъ, укрывавшихся въ катакомбахъ: но только на этотъ разъ „святыхъ“ Ветхаго Завѣта противъ новоизмышленнаго духа скопчества. Вспомнили-бы пастыри римскій сенатъ, вышедшій in pleno послѣ Каннъ встрѣтить остатки разбитой арміи, прибѣжавшей къ воротамъ Вѣчнаго города: „мы благодаримъ васъ, что вы не отчаялись въ спасеніи отечества“. Такъ надлежитъ поступить оффиціальной власти въ отношеніи къ гонимымъ дѣвушкамъ: „вы все еще не отчаялись въ благословленности рожденію и хоть опозорены, однако исполнили Волю Божію“. *В. Р—въ.*

Религія жизнетворчества.

Не могу лучше отвѣтить на только-что приведенныя разсужденія, какъ двумя стихотвореніями — одно изъ Майкова и другое изъ Гейне. Первое взято поэтомъ повидимому изъ жизни, и, кто знаетъ, можетъ быть представляетъ что-нибудь изъ пережитаго, увидѣннаго. Оно называется „Мать“. Второе есть отраженіе вообще семитическаго генія и называется „Царица Шабасъ“. Оно своимъ началомъ и всѣмъ содержаніемъ какъ разъ примыкаетъ къ послѣднимъ заключительнымъ строкамъ Майкова, которыя мы отмѣтимъ курсивомъ. Въ общемъ поэзія Майкова намъ не симпатична; но здѣсь мы имѣемъ исключеніе, и объ этихъ стихахъ можемъ повторить то, что самъ Майковъ говоритъ о весеннемъ дождѣ. Кто этого не помнитъ:

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,—
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба.

Кстати, это милое пятистишіе тоже идетъ къ нашей темѣ. Въ противоположность теологическимъ разсужденіямъ о томъ, что *человѣческое зерно*, даже уже выросшее въ крошечное зеленькое растеньице младенца,—слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпалывать вонъ, дѣти и поэтъ бросаются на встрѣчу *дождю, зерну, хлѣбу!* А вѣдь человѣкъ есть тоже „хлѣбъ Божій?“ Нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, прослушавъ богослововъ о дѣтяхъ, прослушаемъ о нихъ и ту, которая девять мѣсяцевъ носила младенца въ утробѣ своей.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему не ловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ-былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ?.. Не хочешь?.. Сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ:
Зашумѣлъ сыръ-темень боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...
„Во сыромъ бору“.. поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ..
Тихо, долго ночь идетъ. .
Ночь ужъ день выводитъ—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала..
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется—
„Во темномъ-сыромъ бору“
Снова раздается...
Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизнь чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало—
Что́ любви, что́ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

Зоологи, какъ Брэмъ, какъ нашъ покойный Богдановъ, зоологи и даже охотники-звѣроловы разсказываютъ иногда удивительные по трогательности исторіи о любви матерей-животныхъ къ своимъ дѣтенышамъ. Ни одного такого разсказа не привелъ въ своемъ „Докладѣ“ А. Дерновъ, а съ этого слѣдовало-бы начать. А то все ариѳметика, все одна статистика: и не извѣстно, *о чемъ* собственно говорится. „Пастырское собраніе“ судило дѣтей какъ камни и судило о матеряхъ съ равнодушіемъ, съ какимъ археологи разсуждаютъ о каменныхъ бабахъ, находимыхъ въ южной Россіи. Но поспѣшимъ къ Гейне.

На Гейне можно имѣть два взгляда. Его можно принять за себялюбиваго, сухого эгоиста, который равно *изгналъ* обѣимъ

культурнымъ мірамъ, къ которымъ принадлежалъ по естественному рожденію и по идейному воспитанію — міру еврейскому и міру христіанскому. Но возможенъ и другой на него взглядъ: именно—что онъ *совмѣстилъ* въ себѣ любовь и глубочайшую преданность къ душѣ и сущности обоихъ міровъ, обративъ всю силу сарказма на то, что было въ обоихъ этихъ мірахъ отступленіемъ, искаженіемъ. Вспомнимъ его разрывъ съ желчнымъ, ограниченнымъ и честнымъ Берне, и мотивы разрыва. Это былъ чисто арійскій, греческій порывъ противъ темнаго „пророка“ изъ гетто, хотѣвшаго писать „сокомъ нервъ своихъ и кровью мышцъ“: протестъ Фидія противъ Исаіи. Но и съ другой стороны,—возьмемъ его испанскіе, гренадскіе мотивы: это чистый семитизмъ. Гдѣ-то онъ подсмѣялся надъ Кантомъ, разсказавъ, какъ окончивъ „Пролегомена ко всякой будущей метафизикѣ“ этотъ философъ полѣзъ въ карманъ, чтобы взять платокъ, но вмѣсто платка вытащилъ горсть выпавшихъ у него мертвыхъ зубовъ. Въ діалогѣ передано очень забавно, какъ, продолжая говорить съ пріятелемъ или читателемъ, кенигсбергскій мудрецъ все время чувствуетъ, что языкъ его ворочаетъ во рту вываливающіеся зубы, и, въ концѣ концовъ, выплевываетъ ихъ въ лицо собесѣдника. Это хорошо какъ у Іезекіиля, и, можетъ быть, содержитъ наиболѣе удачныя „примѣчанія“ къ *Критикѣ чистаго разума*. Стихотвореніе, которое мы хотимъ привести, содержитъ собственно дальнѣйшее развитіе этого діалога съ пріятелемъ. И, въ то-же время, оно примыкаетъ къ словамъ Майкова:

Жизни чудный огонекъ
Что затепленъ ею.

фиг. 1.

Очевидно, семиты какъ и арійцы-же чувствуютъ материнство, если только и у нихъ теологи не противятся этому. Но мы позволимъ себѣ иллюстрировать оба стихотворенія египетскими рисунками, т. е. изъ жизни и идей народа, ранѣе всѣхъ и глубже всѣхъ проникшихъ въ тайну какъ отчества, такъ и материнства.

Какъ прекрасна эта мысль помѣстить мать, кормящую ребенка, въ вѣнецъ лучей изъ полевыхъ колокольчиковъ. Но мы впрочемъ не можемъ сказать, есть-ли это *вѣнецъ* какъ *слава, прославленіе*; или мать представлена какъ *почва*, изъ которой все *вырастаетъ*? Мать какъ *тучная-нива*, изъ которой растутъ *злаки*? Можетъ быть и это: кто угадаетъ начаточную мысль древнихъ! Но вѣроятнѣе всего они хотѣли сказать, что *мать* растетъ *въ ребенка*,

Фиг. 2. Большой храмъ въ Дендерахъ. Изъ Lepsius'a Denkmaler der Egyptich und Nubie».

какъ зернышко — въ стебелекъ, и стебелекъ — *въ колокольчикъ*. Это — всего правдоподобнѣе, судя по рогамъ коровы на головѣ матери: „я — *проста* какъ корова и *божественна* какъ она". Извѣстно, что древніе египтяне считали животныхъ „идеальными", „божественными". „Корова, снеся теленка, совершила туже *правду*, какую я, снеся ребенка", —такъ рѣшили пильскіе пастухи и пастушки, пославшіе къ нашему Господу „пастырей" и „волхвовъ": такъ рѣшили они о предметѣ „Доклада" Петербургскаго пастыря. Но вотъ еще символъ: между рогами коровы—дискъ солнца. „Мы всѣ дѣти солнца, и я, и корова, и полевой кольчикъ, и наша родимая Земля, родившаяся изъ Солнца, какъ изъ меня Ребенокъ, и питаемая лучами Солнца, какъ этотъ ребенокъ питается изъ меня молокомъ". Во всякомъ случаѣ, угадываемъ мы мысль египтянъ или нѣтъ, очевидно у нихъ было все идеализировано больше, чѣмъ въ Петербургѣ въ 1900 году.

Мы не можемъ удержаться, чтобы еще не пондеальничать съ египтянами, такъ-какъ ужъ слишкомъ долго томились съ петербуржцами. Вотъ часть стѣнной живописи изъ большого (главнаго) храма въ Дендерахъ, какъ она передана въ монументальномъ трудѣ Лепсіуса: „Denkmäler" etc. Двѣ изъ этихъ фигуръ, съ двумя руками, надъ ними поднятыми, трогаютъ почти до слезъ. Замѣчательно, что рисунки эти не воспроизведены ни въ одномъ изъ большихъ историческихъ трудовъ объ Египтѣ, какъ Масперо и под. Европейскіе историки не замѣтили ничего въ нихъ особеннаго. Между тѣмъ, взгляните на эти руки, поднятыя надъ матерью; это — *молитва;* это *родникъ* первобытно-религіознаго и его *объясненіе*. Какъ это идетъ къ стихотворенію Майкова; совершенная параллель! Руки, не матери, но *надъ матерью и о матери* поднятыя, какъ бы говорятъ:

Отклони ударъ, уйди
Смерть съ своей косою

Но *чьи-же* эти руки и къ *кому* поднятыя? Подобно тому, какъ образъ матери, кормящей ребенка, есть самый *древній религіозный образъ -первая икона* человѣчества; такъ около матери, страшащейся за дитя свое, вѣроятно сложились *первыя молитвы* и явилась первая мысль о *Небѣ-Заступникѣ*, о *Провидѣніи-Защитникѣ*. Здѣсь ясно просится, молится Провидѣніе. Руки подняты просто вверхъ, „не вѣмо—къ Кому"; руки *никому* не принадлежатъ; это — молитва *безличная*. Испуганные, мы не Іисусу молимся, не Ангелу Хранителю, а — Богу Неопредѣлимому, Неизъясненному. На этомъ рисункѣ и выражено происхожденіе этихъ первыхъ неопредѣленныхъ молитвъ; показана колыбель человѣческой религіозности. Не менѣе поразительны, съ правой стороны, фигуры двухъ женщинъ, такъ ясно *благословляющихъ, одобряю-*

щихъ или *способствующихъ*, но вообще *благопріятствующихъ* третьей, кормящей ребенка. Такимъ образомъ—материнство здѣсь явлено въ окруженіи заботъ человѣческихъ и молитвъ. „Между небомъ и землей", „отъ земли къ небу". Если даже милые люди, здѣсь изображенные, и выросли потомъ, въ вѣкахъ и въ мѳахъ, въ „небожителей", то это чрезвычайно естественно, какъ и то, что со временемъ Дерновъ и его слушатели изъ „небожителей", „земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ" (обычное наименованіе себя аскетами) сойдутъ въ самыхъ простыхъ людей. Наконецъ, на что еще намъ хочется обратить вниманіе—это на двоихъ дѣтей, однако уже въ возрастѣ, когда они могутъ ходить, берущихъ грудь коровы. Мы до сихъ поръ не понимаемъ, отчего „парное" молоко, свѣжая икра и плоды цѣлительны для слабыхъ больныхъ, чахоточныхъ и т. п. Но связь есть, и не только физическая, но и мистическая: „прикасаясь къ груди Природы — и ты исцѣлишься". Въ высокомъ духовномъ смыслѣ, въ мистическомъ смыслѣ, объ этомъ училъ Руссо: „возвратитесь къ природѣ", говорилъ онъ больной цивилизаціи. Наконецъ, послѣднее въ рисункѣ это какіе-то „тельцы" Израиля, плывущіе въ воздухѣ, какъ въ немъ въ туманѣ „плаваютъ" водяные незримые пузырьки. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ эти тельцы? Во всякомъ случаѣ не на небѣ. Но и не на землѣ, гдѣ сидятъ кормящія „небожительницы". Они гдѣ-то около нихъ, ибо вѣдь въ сущности *они*-то и произвели фактъ кормленія, рожденія: *извели изъ себя* всю цѣлостную картину какой красоты и какого смысла!!!

Но перейдемъ ко второму стихотворенію Гейне. Оно посвящено знаменитому и неразгаданному празднеству евреевъ — *субботѣ*. Въ этотъ день, какъ вѣруютъ евреи, какая-то Небесная Гостья, „Царица Суббота", „Царица Шабасъ", сходитъ въ хижины еврейскія; и все, что съ вечера пятницы до вечера субботы дѣлаютъ евреи, — они дѣлаютъ „лековедъ Шабасъ", „въ честь Субботы". Но мало кто знаетъ, а евреи сами не разсказываютъ, что священный день этотъ имъ посвящается главнымъ образомъ возженію жизни:

„Жизни *чудный* огонекъ,
Что *затепленъ* ею...

Въ священную ночь съ пятницы на субботу еврейскія женщины стараются пріять въ себя материнство: но какъ самая суббота есть мистическій ихъ праздникъ, то и воспріятіе материнства совершается у нихъ мистически и царственно. Бѣдныя торговки и плетницы шесть дней, несчастные процентщики и часовщики въ дни труда и заботъ,—они среди свѣчъ и огней и священныхъ воспоминаній въ вечеръ пятницы какъ-бы становятся царями земли, рождаютъ въ себѣ царскую психологію, находятъ небесную душу и „возжигаютъ свѣтъ

новой жизни" не какъ свиньи и мы, а какъ цари и священники. Все устроеніе ихъ закона уже подводитъ къ этой догадкѣ; устные мои распросы подтвердили это; но кому нуженъ текстъ и буква, я сошлюсь на стр. XVI книги г. Шмакова: „Еврейскія рѣчи". Какъ худшее *обвиненіе*, онъ кидаетъ имъ хвалу: „и пиріе ворывіе, т. е. размноженіе семьи, поставленно Талмудомъ на первомъ планѣ среди 612 благихъ дѣлъ, миквъ, предписываемыхъ каждому сыну Израиля. Поэтому *тайныгимъ*, т. е. наслажденія вообще, и въ частности *тагимысъ гамите*, т. е. амурныя отношенія, строго обязательны для еврея въ шабашъ. См. *Талмудъ*, трактатъ Шабасъ". — Такъ пишетъ заклятый врагъ евреевъ: а кто-же выглядитъ предполагаемое „слабое мѣсто" у человѣка или народа, какъ не его врагъ. Но что́ для Шмакова -слабость и позоръ, для другого можетъ быть сила и слава. Во всякомъ случаѣ, нужно-ли зачинать дѣтей въ позорѣ или въ славѣ, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ, установится-ли у народа позорная проституція или священная семья; и послѣдняя будетъ-ли до послѣдней ниточки выметена отъ всякой сорники, или засорится почти до степени уподобленія дому терпимости. Такъ много важности въ томъ, что Шмаковъ считаетъ пустяками. Перейдемъ-же къ стихотворенію Гейне.

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходятъ часто—чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни—и принцы
Принимаютъ прежній образъ;
Принцъ волочится, и дамамъ
Серенады воспѣваетъ,—

Все до часа рокового;
А настанетъ онъ—мгновенно
Свѣтлый принцъ—четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесь воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется—
Израиль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по собачьи
Онъ и чувствуетъ и мыслитъ,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ—
Принцъ становится, какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслитъ, чувствуетъ какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни!“—
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно
„Домъ Іаковлевъ! цѣлую
„Прахъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

Удивительно, какъ вдругъ пастушеское что-то повѣяло
стиха казалось-бы изломаннаго европейскаго поэта:

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шепотъ и движенье;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышетъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенеталь великій только—
(То-есть служка въ синагогѣ)—
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигая.

Лампы—свѣточи надежды!

Въ самомъ дѣлѣ, „лампада“, „огонь“ есть символъ чег
Горячности—это первое; но п, во вторыхъ, быть можетъ—надежд
Мы знаемъ, изъ показанія Геродота, что мысль лампады и употр
бленіе ея возникла всего ранѣе въ Египтѣ,—странѣ, гдѣ уже
рисункамъ мы видимъ, что ранѣе всего пробилось религіозн
материнство.

Какъ горятъ онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору.
И уже передъ ковчегомъ,

Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоцѣнными камнями,
И хранящимъ эту Тору,
Канторъ всталъ—изящный канторъ;

Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семъ локтями,—
Вотъ онъ, ручкой щеголяя,

Потрепалъ себя по шеѣ,
Перстъ къ виску прижалъ, большимъ-же
Пальцемъ горло расправляетъ.
Долго онъ бормочетъ тихо,

Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:

„Леко Дойди Ликрасъ Канне!
„О, гряди женихъ желанный,

„Ты во срѣтенье невѣстѣ,—
„Той, которая откроетъ
„Для тебя свой ликъ стыдливый!

Сколько здѣсь восточнаго; и какъ не похоже это восточное на наши гражданскія темы. На востокѣ бракъ и религія, т. е. полъ и небесное чувство, соединены, не расчленимы; переплетаются ихъ образы, понятія. Отъ этого религіозный взрывъ у нихъ есть въ тоже время и брачный, какъ обратно—брачный есть въ тоже время и религіозный. Отсюда ихъ религіозность — страстна, пламенна; и, взаимно—бракъ струится религіознымъ свѣтомъ.

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
Былъ Іегудой Бенъ—Галеви,
Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
Въ дни калифовъ мавританскихъ,

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
Обрученье Израиля
Съ царственной принцессой Шабашъ—
Молчаливою принцессой...

По многоточію мы можемъ догадаться о таинственной не именуемой принцессѣ; и также по всѣмъ эпитетамъ, какъ „молчаливая“. и по ряду дальнѣйшихъ образовъ. Кто знаетъ поэзію Гейне, не могъ не обратить вниманія, что у него всюду мелькаетъ имя безъ образа „маленькой Эвридики“, что-то въ родѣ лично Гейневской „принцессы Шабашъ“. Тамъ и здѣсь чувство пола свернулось въ небесное облачко человѣческаго очертанія. Но *какъ* свернулось, конечно подробно объ этомъ знаютъ одни евреи или ихъ историческіе вожди.

Перлъ и цвѣтъ красотъ вселенной
Эта чудная принцесса!
Что тутъ Савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться—
Наконецъ, вѣдь это скучно!

И, посмотрите—сколько нѣжности къ „маленькой Эвредикѣ“:

Нѣтъ! прицесса Шабашъ—это
Тихій ангелъ! Ненавидитъ
Суемудріе и споры
Эти умственные боксы.

Характерно, что хотя всѣ религіи—съ Востока, всѣ они суть отвѣтъ Азіи, однако столь постоянное у насъ понятіе: „начинающаяся ересь“, „опять разногласіе“—тамъ вовсе отсутствуетъ! Мы устрояемъ строки религіи; у нихъ просто—какъ у пророчицы Анны, молившейся о разрѣшеніи своей утробы—„щеки пылали и губы шевелились, словъ же молитвы не было слышно, и первосвященникъ думалъ, что она — пьяна“. При этомъ безмолвіи и глубинѣ молитвы—„споръ“, „ересь“, „еще сомнѣніе“ невозможны.

Ненавидитъ этотъ дикій
Пафосъ страстныхъ деклáмацій,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами;

Скромно подъ парикъ чепецъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но—только
Не курить. „Курить въ субботу
Запрещается закономъ“...

„Но за то, мой милый, нынче
„Продушишься ты, въ замѣну,
„Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
„Нынче шалетъ,' другъ мой, кушать“...

„—Шалетъ—божеская искра
„Сынъ Элизія!“ Запѣлъ-бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенный,
Еслибъ только зналъ онъ шалетъ.

Здѣсь, вѣроятно, намекъ на извѣстный „Гимнъ къ радости“ Шиллера, и именно на первыя его строки:

Радость—ты искра небесъ, ты божественна
Дочь Елисейскихъ полей,
Мы, упоенные, входимъ торжественно
Въ область святыни твоей.

И т. д. Дѣйствительно, если порядокъ міра утвердительный, если существеннымъ образомъ онъ есть порядокъ „je Suis“, „Сый...“, то всякая радость и счастье чѣмъ напряженнѣе—тѣмъ ближе къ глубинамъ бытія, къ „дыханію“ „Сый“, къ Богу... И „субботній“ міръ, самый утвердительный и блаженный—есть въ точности.

...искра небесъ...
...область святыни...

Или, какъ опредѣлили раввины: „особенное идеальное мѣсто, мало что общаго имѣющее съ земнымъ міромъ“ (*Переферковичъ:* „Талмудъ“ и проч.). Будетъ продолжать Гейне.

Это—даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью—
Дрянь амврозія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Какъ много тутъ семитическаго самоутвержденія и исключительности. Но, уже Достоевскій замѣтилъ („Бѣсы“): „боги умираютъ, когда начинаютъ (у народовъ) смѣшиваться...“ Читатель, конечно, догадывается, что „шалетъ“, какъ и „подобная газели принцесса, сіяющая тихою радостью“, и, наконецъ, самъ „принцъ“— суть только иносказанія „миѳы“.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалетъ.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечетъ, улыбаясь:

„То не шумъ-ли Іордана,
„Не журчанье-ль струй студеныхъ
„Подъ навѣсомъ пальмъ Бетэля?
„То не ржанье-ли верблюдовъ?

Какое прекрасное, Вѳлеемское окруженіе...

„Не овецъ-ли тонкорунныхъ
„Колокольчики лепечутъ?
„Не съ вершинъ-ли Гилеата
„Овцы на ночь сходятъ въ долы?“

Мы уже высказывали раньше (статья „Нѣчто изъ сѣдой древности“, въ сборникѣ „Религія и культура“), что Сіонъ для іудея— въ „субботѣ“, и, потерявъ территорію, но не потерявъ свою Хайку, какой-нибудь „Ицка“ изъ Вильны еще не потерялъ града Соломона.

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходятъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собаку.

Фиг. 3.

Принцу милому подноситъ
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшитъ онъ
Нарда запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подноситъ
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла—
Въ тотъ-же мигъ и принцъ изъ храма
Грязный выбѣжалъ собакой.

Такъ—быстро и смутно—кончается чудное стихотвореніе, какъ съ чувствомъ смутнаго припоминанія потомъ кончается и таинственная „суббота“.

Мы позволяемъ себѣ привести еще нѣсколько египетскихъ рисунковъ. Они взяты изъ „Cataloge des monuments et inscriptions de l'Egypte antique, ed. sous les auspices d'Abbas II—chedif—par la Direction generale du service des antiquitées“. Вѣна 1895., vol. II, таб. 115 и 122.

Женщина держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ—„символъ жизни и глубины“, по объясненіемъ египтологовъ; правая приподнятая рука—единственный и постоянный жестъ молитвы до сихъ поръ; окруженіе уже знакомыхъ намъ полевыхъ колокольчиковъ на головѣ; но самое главное, характерное и новое—это свернутыя крылья, но не за плечами, не около рукъ, какъ мы дѣлаемъ въ своихъ религіозныхъ изображеніяхъ, *подражая* птицѣ, безсмысленно ее *имитируя*, а начиная отъ тѣхъ *поясныхъ* позвонковъ, которыя и по ученію нашихъ физіологовъ служатъ неразгаданнымъ и не объяснимымъ центромъ полового возбужденія, т. е. пунктомъ возженія жизни, указаніемъ на которое кончилъ Майковъ. Что-же за мысль скрылъ въ этомъ изображеніи Египетъ? Мы очень хорошо понимаемъ, что въ развернутомъ и вытянутомъ видѣ эти крылья образуютъ древнѣйшую фигуру такъ

называемыхъ „керубу“, перешедшихъ отъ семитовъ къ намъ („херувимы“). Дѣло въ томъ, что крыло очень поздно передвинулось къ плечу: но родникъ ангелоподобныхъ стремленій именно тамъ, куда прикрѣпили это крыло египтяне, о чемъ поютъ евреи въ свою таинственную субботу, и чего слѣдъ мы находимъ въ древнѣйшей книгѣ „Руѳь“. Прислушаемся:

„И сказала Ноеминь своей невѣсткѣ Руѳи: „дочь моя, не поискать-ли тебѣ пристанища, чтобы тебѣ хорошо было? Вотъ Воозъ, со служанками которою ты была раньше; онъ родственникъ нашъ; въ эту ночь онъ вѣетъ на гумнѣ ячмень; умойся, помажься, надѣнь на себя нарядныя одежды твои и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколѣ не кончитъ ѣсть и пить; когда-же онъ ляжетъ спать, узнай мѣсто, гдѣ онъ ляжетъ; тогда придешь и подымешь одѣяло у ногъ его и ляжешь; онъ-же скажетъ тебѣ, что̀ дѣлать“.

„Руѳь отвѣтила: исполню все, что ты сказала мнѣ.

„И пошла на гумно и сдѣлала все такъ, какъ приказала ей свекровь ея.

„Воозъ наѣлся и напился и развеселилъ сердце свое, и пошелъ, и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, открыла у ногъ его и легла.

„Въ полночь онъ содрогнулся [1]), приподнялся, и вотъ—у ногъ его лежитъ женщина.

„И сказалъ ей Воозъ: кто ты? Она сказала: Я — Руѳь, раба твоя, *простри крыло твое на рабу твою*, ибо ты родственникъ.

„Крыло“—прямо совпадаетъ съ тѣмъ, что изобразили египтяне; слишкомъ понятно, въ этихъ словахъ, о чемъ Вооза проситъ Руѳь, „принародившаяся, помазавшаяся умащеніемъ“, приготовившая себя видною и красивою.

„Воозъ сказалъ: благословенна ты отъ Господа, дочь моя! Это послѣднее твое дѣло ты еще сдѣлала лучше прежняго, что ты не пошла искать молодыхъ людей, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ;

„Итакъ, дочь моя, не бойся—я сдѣлаю тебѣ все, что̀ ты сказала; ибо у всѣхъ воротъ дома моего знаютъ, что ты женщина добродѣтельная;

„Хотя и правда, что я родственникъ, но есть еще родственникъ ближе [2]) меня;

„Переночуй эту ночь; завтра-же, если онъ приметъ тебя—то хорошо, пусть приметъ; а если онъ не захочетъ принять тебя, то я приму; живъ Господь, спи до утра“...

---

[1]) То, о чемъ старики говорятъ—„ростетъ человѣкъ“.

[2]) Замѣчательна эта тенденція „къ ближе“, т. е. къ большему сгущенію собственно всегда существовавшаго въ Израилѣ смѣшенію родственныхъ кровей. Всякій бракъ „въ радость“, и нельзя не прозрѣвать нѣкотораго чрезвычайно тонкаго повышенія радости, когда бракъ совершается съ давно милымъ и близкимъ существомъ родственника или

Но чтобы прекрасное вошло во всю полноту красоты — оно должно кончаться немного шутливо:

...„И взялъ Воозъ Руѳь, и она сдѣлалась его женою. И вошелъ онъ къ ней, и Господь далъ ей беременность, и она родила сына.

„И говорили женщины Ноемеи: благословенъ Господь, что Онъ не оставилъ тебя нынѣ безъ наслѣдника! и да будетъ славно имя его во Израилѣ;

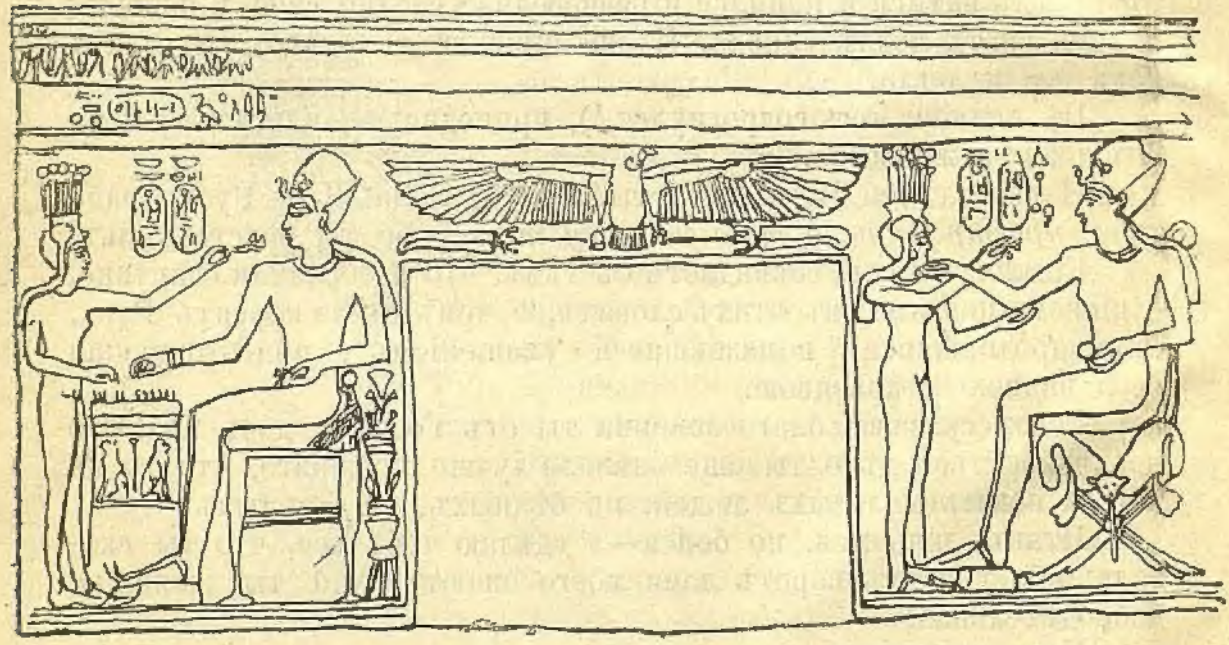
„Онъ будетъ тебѣ отрадою и питателемъ въ старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любитъ тебя, которая для тебя лучше семи сыновей.

„И взяла Ноеминь дитя сіе, и носила его въ объятіяхъ своихъ, и была ему нянькою.

Здѣсь и начинается прекрасная шутка: Ноеминь была старуха.

„Сосѣдки нарѣкли ему имя и говорили: „у Ноемини родился сынъ", и нарѣкли ему имя—Овидъ...

„Овидъ родилъ Іессея; Іессей родилъ Давида". (*Руѳь*, гл. 3).

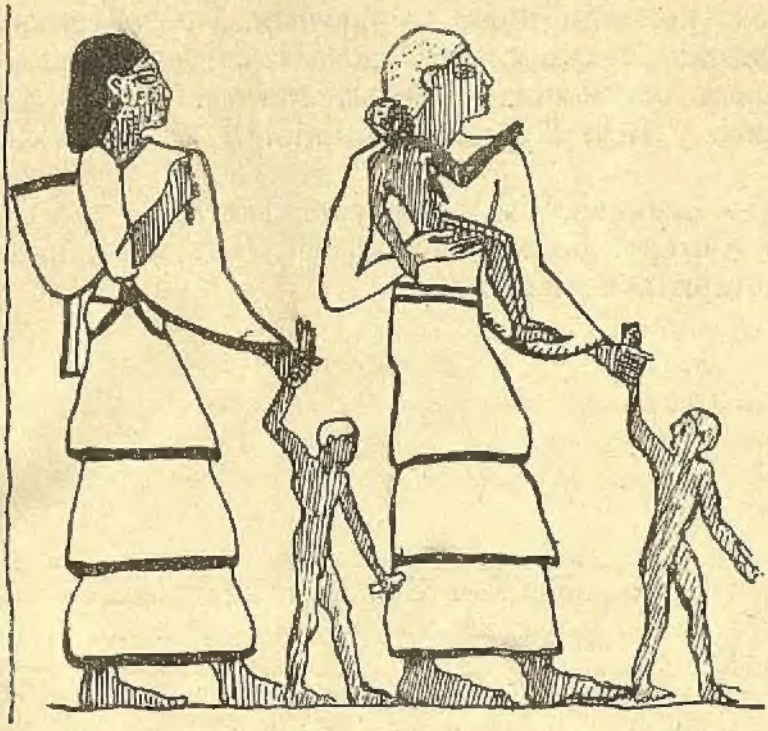


Фиг. 4.

Такъ жили эти тихіе ангелы, лаская другъ друга (см. фиг. 4— изъ Champolion—„Monuments de l'Egypte et de la Nubie, pl. 199);

родственниковъ. Отсюда — сочетаніе Авраама и Сарры, безспорно не вынужденное; Іакова—„съ сестрами Ліей и Рахилью". Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ въ царскихъ родахъ, бракъ совершается въ очень близкомъ родствѣ. Здѣсь происходитъ паденіе *плюса* на *плюсъ*; *утолщеніе* любви, какъ ласки и нѣжности *укрупненіе* любви. Мужъ *двойною* любовью любится; и жена—тоже. Въ Европѣ всѣ эти тайны пройдены мимо безъ вниманія.

и любя дѣтей своихъ (см. фиг. 5—изъ Maspero: „Histoire de l'Orien classique“, vol. 2, p. 155. Рисунокъ относится къ халдеѣ).



Фиг. 5.

Вотъ маленькое поученіе, въ рисункахъ и текстахъ, для пастырскаго собранія города Петербурга.

Хочется кончить это житейскимъ впечатлѣніемъ. Я спѣшилъ домой исправить „послѣднюю корректуру“ этого листа, и, скучая, дремалъ въ вагонѣ Балтійской желѣзной дороги. Проѣхавъ Нарву, въ него вошла съ ребенкомъ женщина. Ребенокъ былъ видимо боленъ, и она его успоканвала, сколько было умѣнья и силъ. Лицо ея было угрюмо и печально. Такъ печально, что казалось некрасиво. Всѣ несчастные люди—некрасивы. Только очень внимательно всматриваясь, можно было замѣтить тонкія черты лица, даже пожалуй когда-то прекраснаго. Она была мѣщанка, одѣта бѣдно. Вдругъ я обратилъ вниманіе, что на ней обручальнаго кольца ни на одной, ни на другой рукѣ не было, и догадался, что это—дѣвушка. Мнѣ хотѣлось съ нею заговорить; но на нерѣшительный мой вопросъ она промолчала, и видимо ей непріятно было, что я пожалуй съ ней заговорю. Вечеръ смеркался. Поѣздъ стучалъ. Вагонъ былъ совершенно пустъ, кромѣ насъ двоихъ. Но все время до Петербурга я наблюдалъ, съ какою нѣжностью, укутавъ и уложивъ ребенка въ передній уголъ длинной лавки,

она сама ложилась у его ногъ, ничкомъ, лицомъ къ низу. Что-то служебное у нея было. Мать, сознательное, большое, свободное— служить рабынею у безпомощнаго, крохотнаго существа, которое бы не пискнуло, еслибъ она его бросила. А онъ будетъ ей тяжелъ всю ея жизнь; „некуда глаза показать“ (незаконнорожденный). На таковыхъ служеніяхъ держится міръ. Упалъ тормазъ, мы остановились у Петербургской станціи. Я всталъ и выходя спросилъ:

— Что-же, милая, въ Петербургъ ѣдете?

— Къ доктору. Вотъ ребенокъ заболѣлъ, внезапно...

И я потерялъ ее изъ виду.

ПАРИЖСКАЯ НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

2007041662